А. Н. Наумовъ

ИЗЪ УЦѢЛѢВШИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ
1868 - 1917

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ

I

Изданіе А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой

Нью-Іоркъ

1954

——o——

Printed in the United States of America

Russian Printing-House. 505 East 175 Str. New York 57, N. Y

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во исполненіе воли покойнаго моего мужа, Александра Николаевича Наумова, воспоминанія его опубликовываются послѣ его кончины.

А. Н. скончался 3-го августа 1950 года, въ Ниццѣ, на 82-мъ году своей жизни. Съ ранней юности до послѣднихъ лѣтъ онъ велъ записи — кратко заносилъ событія прошедшаго дня въ свою тетрадку.

Вся жизнь А. Н. прошла въ служеніи Родинѣ, а когда прекратилось это активное его служеніе и начались годы эмиграціи, онъ свою душевную потребность и внутреннюю дисциплину вложилъ въ свои записи и работу надъ воспоминаніями. На всѣхъ путяхъ своихъ, — земскимъ ли начальникомъ, уѣзднымъ ли, позднѣе губернскимъ, предводителемъ дворянства, выборнымъ ли отъ земства въ Государственный Совѣтъ, на послѣднемъ ли посту своемъ министра земледѣлія, А. Н. шелъ прямой дорогой, отдаваясь всецѣло своему долгу и дѣятельности.

Закончивъ во Франціи свои Воспоминанія, мой мужъ, по совѣту генерала Н. Н . Головина, сдалъ рукопись ихъ въ 1937 году на храненіе въ Хуверскую Библіотеку (Hoover War Library, Stanford University, California).

Воспоминанія моего мужа появляются въ сокращенномъ изданіи и раздѣлены на два тома: первый, названъ имъ самимъ — „Изъ уцѣлѣвшихъ Воспоминаній"; второй, имѣющій выйти въ формѣ Дневника, будетъ заключать въ себѣ записи о событіяхъ уже пореволюціоннаго періода, доведенныя до конца 1920 года. Интегральный текстъ записокъ остается доступнымъ въ Хуверской Библіотекѣ всякому изслѣдователю историческаго прошлаго Россіи.

Въ бумагахъ моего мужа были мной найдены такія, его рукой занесенныя, слова, которыми я оканчиваю мое краткое предисловіе:

„Что объединяетъ наше Россійское зарубежье, какой душевный порывъ насъ не оставляетъ ни днемъ, ни ночью: „Господи, спаси Россію." Ей, нашей Родинѣ, присвоено было когда-то наименованіе „Святая Русь", — и молитва о ней пребываетъ въ сердцахъ всѣхъ, „изгнанныхъ правды ради".

Анна Наумова

ЧАСТЬ I

ДѢТСТВО. ГИМНАЗИЧЕСТВО. СЕЛО ГОЛОВКИНО.

1

Появился я на Божій свѣтъ въ ночь съ 20 на 21 сентября (ст. ст.) 1868 года въ гор. Симбирскѣ въ такъ называемомъ „Ермоловскомъ" домѣ — большомъ двухэтажномъ каменномъ особнякѣ, стоявшемъ на видномъ мѣстѣ Московской улицы.

Родителями моими были — Николай Михайловичъ Наумовъ и Прасковья Николаевна, урожденная княжна Ухтомская. Тотъ и другая принадлежали къ стариннымъ русскимъ родамъ.

Наумовы ведутъ свое происхожденіе отъ родоначальника Наума, сына Павлина, выходца изъ „свицкихъ земель", вступившаго на службу въ XIV столѣтіи къ Великому Князю Симеону Гордому. Послѣдующія поколѣнія Наумовыхъ въ лицѣ своихъ представителей являли собою безпрерывную серію служилыхъ русскихъ людей такъ или иначе привлеченныхъ къ дѣлу собиранія и строительства россійской земли и государственности. Многіе изъ нихъ состояли въ числѣ лицъ въ той или иной степени приближенныхъ сначала къ Великокняжескому, затѣмъ Царскому и, наконецъ, Императорскому Престолу, а одинъ изъ моихъ предковъ, стольникъ Наумовъ, значился въ спискѣ избирателей на русское царство Михаила Ѳеодоровича Романова.*

---

*Рѣшивъ документально возстановить древнее дворянское происхожденіе нашего рода, я обратился въ 1910 г. къ Д. С. С. Георгію Андреевичу Кондратьеву, занимавшему въ то время должность Управляющаго Канцеляріей Особаго Отдѣла при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по дворянскимъ дѣламъ. Благодаря его энергичной работѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, упорнымъ поискамъ въ разныхъ центральныхъ учрежденіяхъ и архивахъ — удалось собрать чрезвычайно цѣнный и интересный матеріалъ, касавшійся происхожденія и исторіи рода Наумовыхъ, который былъ обстоятельно систематизированъ, приведенъ въ соотвѣтствующій порядокъ и при особомъ прошеніи за моей подписью представленъ въ Сенатъ на предметъ полученія Высочайшей Грамоты на внесеніе нашего рода въ

Какъ было упомянуто мною выше, происхожденіе рода Наумовыхъ относится ко времени княженія Симеона Гордаго. Затѣмъ потомство этого рода получило значительное развѣтвленіе въ шести губерніяхъ Европейской Россіи.

Приволжская вѣтвь Наумовыхъ ведетъ свое начало со времени пожалованія Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ стольнику Даніилу Наумову обширнаго помѣстья въ мѣстности, прилегавшей къ луговой сторонѣ р. Волги, называвшейся въ то время „Казанской четью", которая нынѣ соотвѣтствуетъ землямъ, расположеннымъ въ южной части Спасскаго уѣзда Самарской губерніи.

Въ описываемое мною время, т.е., ко дню появленія моего на Божій свѣтъ, Наумовскія помѣстья, послѣ ряда семейныхъ перемѣнъ и связанныхъ съ ними земельныхъ мобилизацій, сосредоточились въ Поволжьѣ главнымъ образомъ — въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губ. при с. Кокряти и въ Ставропольскомъ уѣздѣ бывш. Симбирской губ., нынѣ Самарской, — при селахъ: Головкинѣ (— Богоявленское тожъ) и Репьевкѣ (— Архангельское тожъ) съ прилегавшими къ нимъ деревнями и хуторами. Кокряти и Головкино принадлежали моимъ дѣдамъ, роднымъ братьямъ: первое — Евграфу, второе — Михаилу Михайловичамъ Наумовымъ, а землями при с. Репьевкѣ владѣлъ Павелъ Алексѣевичъ Наумовъ, двоюродный братъ вышепоименованныхъ.

О Михаилѣ Михайловичѣ Наумовѣ остались у меня сравнительно ясныя воспоминанія, такъ какъ онъ скончался въ г. Симбирскѣ въ 1880 году, т. е., когда мнѣ было 12 лѣтъ.

Какъ сейчасъ помню его грузную фигуру, старчески-сгорбленную, но съ характерными очертаніями энергичнаго, властнаго лица, носившаго всѣ признаки былой красоты, что съ несомнѣнностью подтверждали сохранившіеся въ семьѣ портреты моего дѣда въ молодости.

Родившись въ 1800 г., Михаилъ Михайловичъ, какъ и подобало столбовому дворянину его времени, сначала проходилъ военную службу, будучи офицеромъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка. Дослужившись до чина полковника, дѣдушка осѣлъ на землю, переѣхалъ жить въ свое родовое помѣстье при селѣ Головкинѣ, перемѣнивъ военную службу на выборную сословную. Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго XIX-го столѣтія онъ былъ избранъ Симбирскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства.

Дѣдушка Михаилъ Михайловичъ былъ женатъ на Варварѣ Алексѣевнѣ Пановой, происходившей изъ старинной дворянской семьи Симбирской губерніи. Бабушка скончалась въ раннихъ годахъ — вскорѣ послѣ рожденія моего отца, и въ памяти моей остались лишь изображенныя на портретахъ черты ея худощаваго, умнаго и удивительно привлекательнаго лица, обрамленнаго моднымъ того времени батистовымъ кружевнымъ чепчикомъ. Отецъ мой вспоминалъ о ней всегда съ чувствомъ особой сыновней нѣжности.

У дѣдушки было трое сыновей - старшій Михаилъ, затѣмъ Алексѣй и, наконецъ, Николай — мой отецъ. Всѣ они къ концу тѣхъ же пятидесятыхъ годовъ переженились. Приблизительно въ то же время старикъ Михаилъ Михайловичъ распорядился своимъ имуществомъ такъ, что все свое родовое помѣстье при с. Головкинѣ, около 20.000 десятинъ земли, раздѣлилъ на три части, а путемъ жеребьевки между собой сыновья его — Михаилъ, Алексѣй и Николай — получили каждый свою часть въ собственность. Послѣ сего дѣдъ переѣхалъ на постоянное жительство въ г. Симбирскъ, гдѣ у него былъ на Лисиной улицѣ домъ-особнякъ съ флигелями, хозяйственными постройками и обширнымъ тѣнистымъ и плодовымъ садомъ. Доживалъ онъ тамъ въ одиночествѣ, если не считать его сидѣлки-экономки, почтенной Олимпіады Тимофеевны, преданнѣйшей и заботливой его тѣлохранительницы. Всегда чисто одѣтая въ старомоднаго фасона колоколоколообразныхъ платьяхъ, скромно-важная, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличалась необычайной привѣтливостью и предупрепредительностью. Помимо нея, дѣдушку окружали: его вѣрный слуга — рябоватый Θеодоръ Θиногеичъ, прежняго покроя аристократъ-камердинеръ, шутъ Юдавка и безконечное количество во всѣхъ комнатахъ пернатыхъ пѣвцовъ, начиная съ попугаевъ и кончая канарейками.

Въ свѣтлый, солнечный, морозный день, бывало, зайдешь къ дѣдушкѣ навѣстить его, раскроешь дверь въ залу, и сразу охватывало особое настроеніе чего-то теплаго, уютнаго, хозяйственнаго и жизнерадостнаго... Отовсюду раздавались безчисленные птичьи голоса съ трелями и мелодичными переливами, вездѣ солнце, порядокъ и всюду не только обычная, но какая-то особенная глянцевитая чистота.

Самъ дѣдушка обычно сидѣлъ у себя, въ угловой комнатѣ, обставленной старинной краснаго дерева массивной мебелью издѣлія своихъ крѣпостныхъ еще столяровъ. Его любимое кресло представляло собой полный комфортъ для хо-

---

шестую часть родословныхъ книгъ Самарскаго Депутатскаго Собранія.

Основой подобнаго ходатайства передъ Сенатомъ и Монархомъ должно было быть документально обставленное указаніе на то, что этотъ родъ (Наумовыхъ) владѣлъ своими родовыми помѣстьями еще за два столѣтія до Жалованной Грамоты Императрицы Екатерины II, каковое доказательство упомянутому Кондратьеву удалось установить, благодаря чему собранный имъ матеріалъ не только касался персональной служилой характеристики нашихъ предковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, широко обнималъ всю послѣдовательную исторію ихъ земельныхъ владѣній и всего ихъ хозяйственнаго уклада.

Въ результатѣ вышеозначенныхъ работъ и ходатайствъ состоялся Сенатскій Указъ по Департаменту Герольдіи о внесеніи нашего рода въ VI часть родословныхъ книгъ Самарскаго Депутатскаго Собранія и мною получена была соотвѣтствующая Высочайшая на то Грамота.

зяина и на немъ можно было принимать любое положеніе, ибо имѣлась у него удобная откидная спинка, выдвижныя подножки, боковые столики, всевозможныя подушки и пр.

При всемъ серьезно-дѣловомъ укладѣ его прошлой служебной и хозяйственной жизни, дѣдушка по натурѣ своей любилъ, какъ средство развлеченія, шутку. Приходилось слышать отзывы о немъ, какъ о быломъ большомъ баринѣ, пользовавшемся мѣстной популярностью и авторитетомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, вспоминали о немъ также, какъ объ извѣстномъ въ свое время „шутникѣ", позволявшемъ себѣ, особливо въ условіяхъ крѣпостническаго быта, высмѣивать тѣхъ или другихъ лицъ, пользовавшихся въ округѣ не особенно лестной репутаціей.

Держалъ дѣдушка около себя постоянно, какъ я упоминалъ выше, не то шута, не то юродиваго карлика — Ивана Юдовича, или попросту „Юдавку", ходившаго дома и по городу въ особомъ нарядѣ, обшитомъ всякими галунами и позументами съ массой разнокалиберныхъ, блестящихъ пуговицъ, всевозможныхъ цѣпочекъ и медалей. На головѣ у Юдавки красовалось стриннаго офицерскаго фасона высокое кэпи, также обшитое сплошь золотыми галунами, торчащими султанами и причудливыми шишаками. Въ рукахъ неизмѣнно носилась имъ преважно булава съ блестящимъ шарообразнымъ набалдашникомъ. Въ Симбирскѣ Юдавку всѣ хорошо знали отъ мала до велика. Уличные мальчишки всегда окружали его цѣлой гурьбой, рѣдко впрочемъ обижая. Самъ по себѣ Юдавка былъ незлобливъ, но чрезвычайно мѣтокъ въ своихъ смѣлыхъ характеристикахъ и разговорахъ. По своему положенію юродиваго онъ позволялъ себѣ часто въ довольно отвлеченныхъ, своеобразныхъ выраженіяхъ, но достаточно удобопонятныхъ, высказывать людямъ то, о чемъ лишь говорилось про нихъ за глаза.

Лично я очень любилъ Юдавку, который проявлялъ ко мнѣ необычайное вниманіе и трогательную нѣжность.

Скончался дѣдушка отъ удара. Помню, какъ меня приводили прощаться къ нему, недвижно лежавшему на широкой отоманкѣ и тяжело съ хрипомъ дышавшему. При мнѣ его соборовали. Впервые присутствовалъ я при этомъ таинствѣ, оставившемъ во мнѣ надолго сильное впечатлѣніе. Мнѣ сказали, что таинство это совершается передъ смертью, и я впервые задумался пытливо и серьезно объ этомъ конечномъ житейскомъ событіи и о его роковой неизбѣжности.

Похороненъ мой дѣдъ въ Симбирскѣ въ мужскомъ Покровскомъ монастырѣ въ склепѣ, вмѣстѣ съ прахомъ бабушки Варвары Алексѣевны, недалеко отъ алтаря главной церкви, вблизи отъ покоющихся тамъ многихъ родныхъ и близкихъ семьѣ Наумовыхъ... Въ „добѣженскія" времена могилу стариковъ я часто навѣщалъ.

Со смертью дѣдушки, гнѣздо его на Лисиной улицѣ все распалось. Самый домъ былъ проданъ доктору Карлу Михайловичу Боровскому. Олимпіада Тимофеевна переѣхала въ г. Ставрополь Самарской губ., причемъ всю доставшуюся ей обстановку дѣдушкинаго дома она неумѣло, негласно распродала, такъ что лишь рѣдкія вещи удалось сохранить въ фамильныхъ рукахъ. Юдавка вскорѣ послѣ кончины старика Михаила Михайловича тоже отошелъ въ вѣчность, смертельно угорѣвъ въ банѣ, и лишь старый слуга Ѳеодоръ Ѳиногенчъ остался въ Симбирскѣ, въ качествѣ служащаго въ Троицкой гостинницѣ, никому не уступая насъ, какъ „своихъ Наумовскихъ господъ"...

2

Изъ родныхъ братьевъ и сестеръ моего дѣда я никого не знавалъ. Владиміръ Михайловичъ скончался въ молодости и похороненъ въ Римѣ. Евграфъ Михайловичъ, женатый на гр. Толстой и владѣвшій родовымъ Наумовскимъ имѣніемъ при с. Кокряти Казанской губ. Спасскаго уѣзда, жилъ постоянно въ Казани и скончался задолго до смерти дѣдушки Михаила Михайловича. Имѣніе же его перешло по завѣщанію къ ихъ пріемной дочери Анастасіи, вышедшей замужъ за казанскаго искателя богатыхъ невѣстъ, нѣкоего Греве, вскорѣ, за ненадобностью, бросившаго свою некрасивую, разоренную имъ супругу.

Бабушекъ моихъ — сестеръ дѣда Михаила Михайловича — Анну Михайловну, по замужеству, Тургеневу и Вѣру Михайловну Родіонову, я тоже не засталъ, и помню лишь ихъ потомство въ лицѣ Михаила Борисовича Тургенева, Анны Борисовны Татариновой (ур. Тургеневой), Ольги Борисовны Соковниной (ур. Тургеневой), а также Владиміра Петровича, Александра Петровича, Дмитрія Петровича Родіоновыхъ и др., но о нихъ рѣчь впереди.

Крестнымъ отцомъ моимъ былъ двоюродный братъ моего дѣда — Павелъ Алексѣевичъ Наумовъ, о которомъ я знаю лишь по наслышкѣ. Онъ владѣлъ огромными основными родовыми Наумовскими имѣніями, жалованными еще Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, при с. Репьевкѣ, при дер. Юрманкѣ и Ивановской съ великолѣпными пахотными, лѣсными и луговыми угодьями, въ 18 верстахъ отъ с. Головкина и въ 17 верстахъ отъ города Симбирска.

Судя по разсказамъ, фотографіямъ и писаннымъ портретамъ Павелъ Алексѣевичъ былъ и по импозантной красивой внѣшности, и по образу жизни, настоящимъ бариномъ-аристократомъ, отличаясь ровностью и чрезвычайной мягкостью характера. Отъ перваго брака съ Бахметьевой у него было трое дѣтей — сынъ Николай, въ ранней молодости скончавшійся, и двѣ дочери: Александра, по мужу Безобразова, и Екатерина, вышедшая замужъ за родного моего дядю Ми-

хаила Михайловича Наумова (брата моего отца).

Вторымъ бракомъ дѣдъ Павелъ Алексѣевичъ женился на дочери мѣстнаго сельскаго священника (Репьевской церкви), полюбивъ, какъ преданіе гласитъ, ея красоту и кротость. Отъ этого брака родился сынъ Алексѣй, о которомъ придется потомъ подробнѣе говорить въ виду бывшей нашей съ нимъ дружбы, сосѣдства и совмѣстной службы.

Перейду теперь къ воспоминаніямъ, связаннымъ съ дорогими и незабвенными для меня обликами моихъ родителей.

Отецъ мой, Николай Михайловичъ Наумовъ, родился 3 апрѣля (ст. ст.) 1835 года. Свои ученическіе годы онъ провелъ въ Москвѣ, посѣщая извѣстную въ то время гимназію на Лубянкѣ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Казанскій Университетъ, гдѣ его застала вспыхнувшая въ 1854 году Крымская война.

Несмотря на родительскій запретъ, отецъ все же покинулъ Университетъ и, поступивъ вольноопредѣляющимся въ Саксенъ-Веймарнскій Гусарскій полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ братъ его, Алексѣй Михайловичъ, восемнадцатилѣтнимъ юношей отправился на войну. Такимъ образомъ, онъ сразу же попалъ въ исключительно тяжелыя условія не только походной, но и боевой службы и жизни. Участвуя въ рядѣ дѣлъ съ непріятелемъ, отецъ быстро своей молодцеватой неустрашимостью выдвинулся, вскорѣ же получилъ за боевыя отличія офицерскій чинъ и назначенъ былъ ординарцемъ къ извѣстному генералу Липранди. Господь хранилъ моего отца даже отъ раненій, несмотря на рядъ испытанныхъ имъ опасностей. Такъ, запомнился мною его разсказъ, какъ, исполняя одно срочное порученіе генерала Липранди, онъ попалъ въ линію перекрестнаго огня, когда пули и снаряды свистали и разрывались вокругъ него. Конь палъ, гусарскій киверъ отца былъ насквозь изрѣшетенъ, самъ же онъ чудомъ уцѣлѣлъ...

Много тревожныхъ ночей приходилось проводить отцу, лежа въ грязи, лужахъ, подъ дождемъ лишь съ сѣдломъ подъ головой. Къ глубокому сожалѣнію, интереснѣйшія отцовскія письма, посылавшіяся во время войны моему дѣду Михаилу Михайловичу и сохранявшіяся въ моемъ семейномъ архивѣ, сдѣлались достояніемъ большевиковъ и вѣроятно подверглись общей участи всего оставшагося нашего домашняго скарба.

По окончаніи Крымской кампаніи отецъ вышелъ въ отставку, и съ гордостью до конца своихъ дней, именовалъ себя „поручикомъ въ отставкѣ". Поселившись послѣ войны въ Москвѣ, онъ весь отдался музыкѣ, усиленно занимаясь игрой на віолончели. Учителемъ его былъ извѣстный профессоръ Шмидтъ, у котораго одновременно съ отцомъ бралъ уроки также Давыдовъ, впослѣдствіи знаменитый солистъ и концертантъ, Въ Москвѣ того времени жили Аксаковы (Иванъ Сергѣевичъ, Александръ Николаевичъ и др.), Самарины, Хомяковы, которые, какъ извѣстно, представляли собой культурный, оживленный и интересный славянофильскій кружокъ, въ которомъ довольно часто бывалъ мой отецъ, принятый какъ свой человѣкъ въ родственныхъ семьяхъ — Аксаковской — по Пановымъ, и Хомяковской — по Наумовымъ. Встрѣчалъ онъ тамъ также Николая Васильевича Гоголя и нерѣдко слушалъ его художественно-мастерскія чтенія.

Къ этому же времени относится и жениховство моего отца, сопровождавшееся частыми наѣздами его изъ Москвы въ Рыбинскъ и въ пошехонское имѣніе будущаго его тестя, князя Николая Васильевича Ухтомскаго, женатаго на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Наумовой. Въ Восломѣ — такъ именовалось это имѣніе — отецъ видался со своей будущей женой и моей матерью — княжной Прасковьей Николаевной; тамъ было сдѣлано имъ предложеніе, и въ Восломѣ же, 24 января 1860 года, состоялась ихъ свадьба, послѣ которой молодые сначала нѣкоторое время прожили въ семьѣ Ухтомскихъ, а весной переѣхали къ себѣ на Волгу, причемъ переѣздъ этотъ изъ Рыбинска до с. Головкина совершенъ былъ на лошадяхъ (въ то далекое время иныхъ способовъ передвиженія не было) — до Казани на саняхъ, а дальше пришлось еле-еле передвигаться на колесахъ.

Въ 1860 году дѣдушка мой Михаилъ Михайловичъ продолжалъ еще жить въ с. Головкинѣ, занимая обширный каменный флигель, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ проживалъ его старшій сынъ (родной мой дядя), Михаилъ Михайловичъ, въ то время уже женатый на Екатеринѣ Павловнѣ Наумовой и имѣвшій отъ нея двухъ дѣтей — Михаила и Марію.

Третій ихъ братъ, Алексѣй Михайловичъ, въ описываемое время продолжалъ еще свою военную службу, перейдя послѣ Крымской кампаніи въ кавказскія войска, участвовалъ тамъ въ памятныхъ и славныхъ боевыхъ дѣйствіяхъ противъ извѣстнаго Шамиля, циклъ которыхъ закончился плѣненіемъ этого знаменитаго вождя непокорныхъ горскихъ племенъ. Послѣ этого дядя Алексѣй Михайловичъ вернулся въ родное Головкино, женившись впослѣдствіи на своей троюродной сестрѣ Наталіи Эрнестовнѣ фонъ-Викъ.

Проживъ около года въ общемъ домѣ, отецъ потомъ переселился въ большую усадьбу, занявъ ея западный флигель.

Вся главная Головкинская усадьба расположена была покоемъ съ большимъ внутреннимъ дворомъ между центральнымъ домомъ и обоими боковыми флигелями, причемъ оба послѣдніе были каменные, а основной, центральный, двухэтажный домъ былъ деревянный. Произошло это потому, что при прадѣдѣ Михаилѣ Михайловичѣ случился пожаръ Головкинской усадьбы, представлявшей собой ранѣе дворецъ въ 120 комнатъ, съ турами и прочими архитектурными украшеніями въ стилѣ итальянскаго ренессанса. Послѣ пожара прадѣду не подъ силу было возстановлять прежнее гран-

діозное зданіе въ первоначальномъ его видѣ, въ виду чего онъ рѣшилъ всю центральную часть сгорѣвшей усадьбы снести до самаго фундамента, сохранивъ таковой и обѣ боковыя соединенныя съ нимъ каменныя постройки, а вмѣсто снесеннаго центральнаго строенія, поставилъ на уцѣлѣвшемъ фундаментѣ двухэтажный, деревянный домъ, цѣликомъ перевезенный изъ другого его Казанскаго имѣнія.

Въ одномъ изъ боковыхъ каменныхъ флигелей съ двухсвѣтной большой залой отецъ съ матерью прожили все время до раздѣла имѣнія съ братьями, который совпалъ по времени съ освобожденіемъ крестьянъ.

Помнится мнѣ разсказъ моей матери о размѣрахъ былой садовой оранжерейной культуры, когда корзинками собирали лимоны, также объ обширныхъ грунтовыхъ сараяхъ и пр.

Въ описываемое время, по дошедшимъ до меня разсказамъ, у молодыхъ моихъ родителей немало перебывало родныхъ, сосѣдей и гостей. Оба они любили музыку и на этой почвѣ они, между прочимъ, тѣсно сошлись со своими сосѣдями кн. Трубецкими, владѣвшими въ Ставропольскомъ уѣздѣ Самарской губ. двумя богатыми имѣніями. Князь Иванъ Петровичъ Трубецкой нерѣдко заѣзжалъ въ Головкино и услаждалъ слухъ хозяевъ своей артистической игрой на его цѣннѣйшемъ Амати.

Жили родители мои въ деревнѣ не безвыѣздно — бывали нерѣдко въ Симбирскѣ, живали въ Самарѣ, гдѣ мама лечилась одно время у доктора Черецкаго; наѣзжали они и въ Ярославское имѣніе къ старикамъ своимъ Ухтомскимъ.

Въ 1861 году родилась у нихъ дочка Елизавета, вскорѣ скончавшаяся. Въ 1862 году появился на Божій свѣтъ сынъ Димитрій, а за нимъ черезъ два года — Николай. Родились всѣ они въ упомянутомъ выше Головкинскомъ флигелѣ.

Къ этому времени надо отнести актъ раздѣла всего Головкинскаго родового имѣнія (общей сложностью въ 20.000 десятинъ земли) между тремя братьями по дарственной отца ихъ Михаила Михайловича, переѣхавшаго послѣ этого на постоянное жительство въ г. Симбирскъ въ тотъ домъ-особнякъ на Лисиной улицѣ, который описанъ былъ мною ранѣе.

Раздѣлъ этотъ назначено было произвести по жребію: предварительно все имѣніе со всѣми угодьями, чрезвычайно разнообразными, включавшими въ себѣ пахоту, луга, лѣса,, огромныя рыбныя ловли, мельницы, пристани, усадьбы и пр., было распредѣлено на три части, болѣе или менѣе представлявшія собою равноцѣнное имущество по качеству и доходности. Затѣмъ для каждаго изъ трехъ братьевъ, участниковъ дѣлежа, предположенъ былъ особый жребій (свернутый билетикъ съ обозначеніемъ причитающейся части). Но старшій ихъ братъ, дядя мой Михаилъ Михайловичъ, просилъ въ вознагражденіе за всѣ предварительныя хозяйственныя хлопоты, которыя онъ много лѣтъ несъ по управленію имѣніемъ, предоставить ему, въ видѣ исключенія безъ

жеребьевки, ранѣе облюбованную имъ часть Головкинскаго имѣнія, на что остальные братья — Алексѣй и Николай — согласились, и Михаилъ Михайловичъ получилъ желанное.

Такимъ образомъ, жребій вынимали лишь остальные два брата: Алексѣй Михайловичъ и мой отецъ.

Отцу моему досталась та часть имѣнія, которая включала въ себѣ всю старинную родовую усадьбу съ многодесятиннымъ вѣковымъ паркомъ за каменной оградой въ стилѣ „ренессансъ", обширными гумнами, житными дворами, водяной мельницей на р. Урекѣ, съ ея пристанью во время Волжскаго половодья.

По раздѣлу отецъ получилъ сравнительно небольшой пахотный участокъ размѣромъ около 1.000 дес., но зато къ нему перешли обширныя, займищныя Волжскія луговыя и лѣсныя угодья, съ принадлежавшими къ нимъ большими и малыми Волжскими островами, такъ называемыми „середышами", каковыхъ угодій было въ круглыхъ цифрахъ — луговъ до 3.500 десятинъ, лѣсовъ до 1.500 десятинъ. Главное же раздолье отцовской части заключалось въ Волгѣ-матушкѣ со всѣми ея Воложками, озерами и рѣчными притоками. Право на рыбныя ловли простиралось по одной Волгѣ, по обоимъ ея берегамъ на 25 верстъ, а считая все водное пространство, то таковаго было до 26.000 десятинъ.

Надо думать, что отцу нелегко было справляться с доставшимся ему дарственнымъ наслѣдіемъ, ввиду исключительной обширности и сравнительной ветхости полученныхъ имъ усадебныхъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ, межъ тѣмъ, наличныхъ денегъ при раздѣлѣ получено имъ не было.

Особенное вниманіе и заботы молодого хозяина были направлены на продуктивное использованіе той водяной силы по рѣчкѣ Уреню и прилегавшей къ ней мельницы, которая досталась отцу при раздѣлѣ. Для этого онъ пригласилъ изъ Ярославской губ. одного техника, знатока по мельничному устройству и оборудованію.

Дѣдовскую старую „колотовку" отецъ снесъ, укрѣпилъ основательно вершникъ, устроилъ обводный каналъ съ шлюзами и необходимыми приспособленіями, въ концѣ коего въ поемномъ (заливавшемся вешней Волжской водой) мѣстѣ выстроилъ новую мельницу, технически усовершенствованную, съ двумя наливными водяными колесами. Помимо этого, зданіе и машины этой новой мельницы были приспособлены также къ производству молотьбы хлѣбовъ, для чего снопы послѣ жнитва свозились къ мельницѣ и складывались подъ особые навѣсы.

Въ виду значительнаго усиленія механизма, противъ ранѣе существовавшей дѣдовской небольшой мельницы, отецъ опасался недостатка воды, почему предпринялъ большія земляныя работы, прорывъ широкій каналъ, соединявшій рѣчку Урень около самаго вершника съ цѣлой системой близлежащихъ луговыхъ озеръ, изъ которыхъ одно, главное, —

Яикъ, имѣло протяженіе до 9 верстъ; благодаря этому, путемъ особаго шлюза, въ необходимыхъ случаяхъ добавлялась на новую мельницу озерная вода.

Пристань была тоже приведена въ порядокъ: были выстроены обширные амбары, куда свозилась съ мельницы мука въ мѣшкахъ, а затѣмъ при вешнемъ половодьи изъ амбаровъ тутъ же грузилась въ баржи, заводившіяся съ Волги по устью р. Уреня буксирнымъ пароходомъ.

Новая мельница стала давать отцу вѣрный доходъ, прочно зарекомендовавъ себя въ Ярославскихъ и Рыбинскихъ мукомольныхъ кругахъ. Болѣе 15 лѣтъ подрядъ мельницу съ пристанью арендовалъ Рыбинскій купецъ Полетаевъ, а за нимъ почти столько же лѣтъ бралъ ее въ аренду извѣстный Ярославскій хлѣботорговецъ и мукомолъ И. А. Вахромѣевъ, преемственно перешедшій потомъ и ко мнѣ.

Несмотря на обиліе луговъ, отецъ коннаго завода не держалъ, считая это дѣло обременительнымъ и рискованнымъ для своего скромнаго бюджета

Дойное стадо коровъ было имъ заведено головъ до сорока т. н. „Бестужевской" породы, и поддерживалось въ образцовомъ порядкѣ главнымъ образомъ моей матерью, любившей и понимавшей это дѣло. Все стадо, какъ на подборъ, было темно-бурой масти съ мелкими бѣлыми крапинками и красиво-выгнутыми въ видѣ лиры рогами. Помню, какъ въ годы моего ранняго дѣтства мама подвела меня къ одной изъ своихъ любимыхъ коровъ и сказала: „это твоя, Саша, добрая кормилица — Вознесенка!", послѣ чего я считалъ ее серьезно своей, всегда навѣщалъ ее и лакомилъ чернымъ хлѣбомъ, сильно сдобреннымъ солью.

Само собой, отцу пришлось составить новые хозяйственные планы, упорядочить дѣло арендной сдачи луговъ, расширить пахотныя угодья за счетъ бывшихъ ранѣе выгоновъ, какъ напримѣръ, въ „Подстепномъ" гдѣ онъ поднялъ новую землю въ количествѣ болѣе 55 хозяйственныхъ десятинъ.

Неустанная и безпрерывная работа по устроенію своего обширнаго хозяйства, съ одной стороны, съ другой — недостаточная матеріальная обезпеченность въ смыслѣ обладанія свободными денежными средствами, хотя бы для найма управляющаго и т. п. (отецъ имѣлъ въ описываемое время только приказчика — бывшаго своего слугу-лакея Лукьяна и контору велъ самъ) дѣлали то, что отецъ смогъ удѣлить свои силы мѣстному общественному служенію лишь въ 60-хъ годахъ, и то на короткое время, пробывъ мировымъ посредникомъ при введеніи Уставныхъ Грамотъ и одинъ годъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства; послѣ же онъ вынужденъ былъ оставить и эту службу, цѣликомъ отдавшись устроенію своихъ хозяйственныхъ дѣлъ.

Несмотря на природную свою темпераментность, нервность и вспыльчивость, отецъ пользовался во всѣхъ общественныхъ и дѣловыхъ кругахъ прочнымъ и большимъ уваженіемъ. Къ его голосу внимательно и охотно прислушивались въ виду всѣми признанной рыцарской честности его натуры и правдивой искренности, всегда проявлявшейся имъ въ его публичныхъ выступленіяхъ. На дворянскихъ собраніяхъ почти безпрерывно его выбирали кандидатомъ въ Губернскіе Предводители, но отецъ отъ подобной почетной должности уклонялся за неимѣніемъ достаточныхъ свободныхъ средствъ.

Средняго роста, худой, съ тонкими темными назадъ зачесанными волосами, небольшой окладистой бородой, густыми усами съ слегка закрученными концами, голубыми близорукими глазами, прикрытыми всегда очками, крупнымъ энергичнымъ носомъ, отецъ отличался живостью движеній, рѣчи и поступковъ, ставя превыше всего соблюденіе долга, аккуратность и порядокъ.

Будучи вѣрующимъ, отецъ любилъ церковную службу и долгое время исполнялъ въ Головкинской церкви должность церковнаго старосты. Между прочимъ, при немъ совершенъ былъ основательный ремонтъ церкви, представлявшей собой, до извѣстной степени, историческій, а главное художественный интересъ, ибо церковь эта была выстроена въ 1786 году извѣстнымъ Екатерининскимъ временщикомъ Григоріемъ Орловымъ по рисункамъ знаменитаго архитектора Растрелли въ стилѣ итальянскаго ренессанса съ удивительно красивыми очертаніями ея внѣшняго фасада и рѣдкой гармоничностью ея внутренней отдѣлки.

Всякое дѣло отецъ любилъ исполнять съ возможной точностью въ строгомъ соотвѣтствіи съ намѣченнымъ планомъ или полученнымъ имъ порученіемъ. Давая другимъ тѣ или другія приказанія, отецъ имѣлъ привычку повторять свой наказъ по нѣсколько разъ, при этомъ былъ взыскателенъ, требователенъ и вспыльчивъ „какъ всѣ Наумовы", но отходчивъ, и по натурѣ былъ очень добрымъ и сердечнымъ человѣкомъ.

Отецъ былъ прекраснымъ семьяниномъ, любилъ мать и насъ всѣхъ. Самъ по себѣ очень скромный, онъ всего себя отдавалъ семьѣ и хозяйству, во многомъ себѣ отказывая.

Онъ любилъ музыку, бралъ до женитьбы уроки на віолончели у профессора Шмидта, черезъ посредство котораго сдѣлался обладателемъ рѣдкаго „Страдиваріуса". Послѣ его продажи, онъ купилъ другой инструментъ (Вильома) у сосѣда и родственника — Леонтія Борисовича Тургенева, на которомъ онъ и продолжалъ впослѣдствіи играть. Какъ бы отецъ ни уставалъ въ теченіе своего трудового дня, вечеромъ, послѣ ужина, отпустивъ приказчиковъ послѣ наряда и заперевъ свою контору, онъ садился въ своемъ кабинетѣ за віолончель и отъ 9 — 10 часовъ вечера изъ его оконъ слышались во дворѣ одинокіе звуки этого благороднаго инструмента — сначала гаммы, упражненія, а затѣмъ и мелодичныя темы разныхъ классиковъ. Если этого не бывало, это значило или, что отецъ

нездоровъ, или чѣмъ-либо особливо озабоченъ или разстроенъ...

Въ общемъ, будучи общительнаго и скорѣе веселаго характера, отецъ любилъ общество и предоставлялъ все возможное моей матери въ смыслѣ устройства пріемовъ, знакомствъ и развлеченій. Съ 1875 — 1887 г., по зимамъ, мои родители, ради ученія своихъ сыновей, жили въ Симбирскѣ. Сначала была наемная квартира въ домѣ Данилова, около церкви Ильи Пророка, а затѣмъ дѣдушка подарилъ моему отцу домъ-особнякъ, бывшій Денисова, съ обширнымъ садомъ.

Всѣ мои дѣтскіе и юношескіе годы, вплоть до окончанія мною гимназическаго курса, проведены были въ этомъ домѣ. Прежде чѣмъ переѣхать въ него, отцу пришлось капитально всю усадьбу отремонтировать, причемъ въ верхнемъ этажѣ (онъ былъ двухэтажный) были съ обѣихъ сторонъ устроены крытыя галлереи, столь памятныя для нашего дѣтскаго времяпрепровожденія. Изъ оконъ одной изъ нихъ открывался незабываемый видъ на Волжскій просторъ, особенно во время весенняго разлива, съ обычными его спутниками — плывущими пароходами, плотами, бѣлянами * и пр...

Въ верхнемъ этажѣ жили мы, дѣти, — трое сыновей, а въ нижнемъ — родители, причемъ у отца и матери были свои „половины", а затѣмъ помѣщались: удобная столовая и большая зала-гостиная. Главное же достоинство нижняго этажа заключалось въ расположенной около маминаго будуара террасѣ, тоже съ видомъ на Волгу и выходомъ прямо въ садъ.

„Весь Симбирскъ" бывалъ у моихъ гостепріимныхъ родителей, и это немудрено, ибо добрая половина его были нашими родственниками. Дѣловые разговоры чередовались съ веселой болтовней, музыка съ картами, а про наше раздолье юношескихъ игръ и забавъ въ тѣнистомъ плодовомъ саду и говорить нечего — было гдѣ разгуляться и порѣзвиться!

3

Съ преѣздомъ въ 1887 году въ Москву матери и меня (братья давно жили внѣ Симбирска), отецъ сначала сдавалъ домъ вице-губернатору Беру, а затѣмъ — увы — вынужденъ былъ продать купцу Ногашеву. Нелегко было отцу и всѣмъ намъ разставаться съ чуднымъ насиженнымъ гнѣздомъ.

Въ Москвѣ жизнь наша установилась скромнѣе — пріемовъ большихъ дѣлать не приходилось. Бывалъ десятокъ другой родныхъ и близкихъ друзей, главный же контингентъ, окружавшій мать и меня, были студенты, о которыхъ рѣчь будетъ дальше.

*) Бѣляна — слово областное, означающее плоскодонное судно на Волгѣ и на Дону, предназначенное для сплава лѣсныхъ матеріаловъ внизъ по теченію. По прибытіи къ мѣсту назначенія бѣляны разбирались на дрова. **Ред.**

Въ 1892 году, по окончаніи мною курса въ Университетѣ, родители мои поселились въ Головкинѣ, гдѣ у отца было все то же кровное хозяйское дѣло, которому онъ продолжалъ съ той же энергіей цѣликомъ отдаваться. Мы, сыновья, навѣщали довольно часто нашихъ стариковъ и все шло сравнительно по-хорошему, какъ вдругъ въ 1897 году стряслась въ нашей семьѣ лихая бѣда: братъ Димитрій смертельно захворалъ сердечной болѣзнью, а съ братомъ Николаемъ случилось тоже немалое горе. На почвѣ холостецкаго легкомысленнаго поведенія, онъ совершилъ преступленіе, которое было тотчасъ же искусственно раздуто въ крупный скандалъ его личными недоброжелателями. Эти мелкіе завистники поспѣшили бросить грязью въ незапятнанное до того времени имя Наумовыхъ! Отецъ не выдержалъ и весной 1897 года его разбилъ нервный ударъ и у него отнялась вся правая половина туловища.

Повезли его въ Москву, гдѣ, благодаря помощи и вниманію семьи моей невѣсты — Ушковыхъ, — удалось положеніе отца настолько улучшить, что послѣ моей свадьбы въ 1898 году, онъ съ моей матерью вновь переѣхалъ въ Головкино, и тамъ былъ установленъ за нимъ постоянный медицинскій присмотръ.

Въ этомъ же году, 19-го августа, скончался братъ Димитрій, имѣніе же при с.Головкинѣ путемъ двухъ, одновременно совершенныхъ, крѣпостныхъ актовъ (дарственной отца и раздѣльной между братьями) перешло въ мою собственность.

Конечно, первое время все шло, какъ и ранѣе: поддерживались тѣ же порядки, оставались тѣ же люди. Былъ только приставленъ къ больному отцу, лишенному возможности владѣть рукой, въ качествѣ его секретаря и конторщика, нѣкій Павелъ Петровичъ Бажминъ, лично хорошо мнѣ извѣстный молодой человѣкъ, честный, исполнительный и знавшій конторское дѣло.

Отцу было пріятно продолжать свое исконное дѣло хозяйничанья въ Головкинѣ, угодья коего онъ наизусть зналъ, такъ что заглазно могъ давать свои привычныя распоряженія старому и давнему своему сотруднику — приказчику Ѳедору Афанасьевичу Ключникову.

Состояніе отца, сначала подававшее надежду на быстрое возстановленіе, все же полному излеченію не поддалось, и хотя въ болѣе легкой формѣ, но параличное состояніе осталось. При немъ безсмѣнно были моя мать и, въ качествѣ хожалки, старинная прислуга, дочь еще крѣпостного — Авдотья Всеволодовна (Дуняша). Кромѣ того, постоянное наблюденіе за отцомъ имѣлъ мѣстный врачъ, собственно фельдшеръ по

цензу, Дмитрій Николаевичъ Гальченко, но за свои 30 лѣтъ безукоризненной практики издавна признанный всѣмъ окружающимъ населеніемъ за популярнаго и авторитетнаго доктора.

Съ 1901 года отецъ, видимо, сталъ слабѣть, ничѣмъ особенно не страдая, а въ 1903 году, 24 іюля ночью, позвали меня къ нему и подъ утро онъ тихо, на моихъ рукахъ, отошелъ въ иной, лучшій міръ.

Какъ, казалось бы, ни были мы, въ частности я лично, въ теченіе долгаго времени готовы встрѣтить этотъ конецъ неизлѣчимой многолѣтней болѣзни, но когда совершилось это, когда застыли глаза и холодная голова безжизненно склонилась мнѣ на плечо, непередаваемое чувство боли отъ роковой вѣчной разлуки прожгло все мое нутро и лишь въ эту минуту я осозналъ, что значитъ потеря родного отца.

Похоронили мы его въ церковной оградѣ около Головкинскаго храма. Отдать ему послѣдній долгъ съѣхалось много родныхъ и сосѣдей. Отцовскія обѣ комнаты, расположенныя въ каменномъ корпусѣ, я послѣ его кончины сохранялъ всегда въ томъ видѣ, какъ онѣ были при немъ, и это было моимъ любимымъ помѣщеніемъ, гдѣ я впослѣдствіи жилъ и работалъ. Миръ праху твоему, дорогой папа!

4

Моя мать Прасковья Николаевна родилась въ с. Восломѣ Рыбинскаго уѣзда Ярославской губерніи, 20-го октября 1840 г. Отцомъ ея былъ князь Николай Васильевичъ Ухтомскій, прямой потомокъ Рюриковичей, а матерью — княгиня Елизавета Алексѣевна, урожденная Наумова, дочь Алексѣя Михайловича Наумова, родного брата прадѣда моего Михаила Михайловича.

Князь Николай Васильевичъ жилъ безвыѣздно въ своей родовой вотчинѣ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ всего окрестнаго населенія, начиная съ дворянъ, кончая своими крѣпостными; былъ онъ удивительнымъ хлѣбосоломъ и слылъ за рѣдкаго по уму человѣка.

Дошедшіе до меня портреты и дагерротипы изображали его въ ополченскомъ кафтанѣ, временъ Отечественной Войны, когда онъ возглавлялъ все Ярославское ополченіе. Княгиня-бабушка была, говорятъ, удивительно красива и добра; по крайней мѣрѣ, моя мать всегда вспоминала объ ней съ чувствомъ особаго благоговѣнія. Семья ихъ была очень многочисленна, и мать моя была младшей дочерью и общей ихъ любимицей.

Судя по воспоминаніямъ ея, жизнь въ Восломѣ была необычайно людная и оживленная — масса сосѣдей, постоянные съѣзды и разъѣзды по гостямъ — и все это отличалось здоровымъ деревенскимъ весельемъ, причемъ наряду съ гуляньемъ и катаньемъ на лонѣ природы, не забывались музыка, пѣніе, поэзія, литература и пр.

Надо думать, что у младшей княжны „Полины" (такъ звали маму въ семьѣ) немало было воздыхателей и претендентовъ, но выборъ родителей и ея самой палъ на троюроднаго ея брата — Николая Михайловича Наумова — моего отца, безъ ума ее полюбившаго и остававшагося вѣрнымъ ея спутникомъ до самой своей смерти.

Моя мать была въ настоящемъ смыслѣ этого слова — красавица. Высокая, статная, она обладала классически-правильнымъ оваломъ лица и изумительно красивыми внѣшними его очертаніями, большими темно-голубыми глазами и великолѣпными отъ природы вьющимися каштановыми волосами. При всемъ этомъ она была чрезвычайно одаренной и чуткой ко всему художественному, будучи прекрасной музыкантшей (фортепіано) и обладая выдающимися способностями къ рисованію.

Выйдя замужъ, она покинула свой отчій домъ и попала въ Головкинскую среду семей Наумовыхъ. Разница для нея была весьма ощутительна, ибо въ Головкинѣ и настроенія, и вся окружавшая ее атмосфера казались совершенно иными, чѣмъ въ ея родномъ Восломѣ. Со своей стороны, отецъ все дѣлалъ, чтобы сгладить эту рѣзкую перемѣну въ жизненной обстановкѣ, и вскорѣ же моя мать перезнакомилась съ обитателями сосѣдняго съ Головкинымъ города Симбирска, отличавшагося въ 60-хъ годахъ исключительнымъ оживленіемъ своего многочисленнаго дворянскаго общества.

Наѣзжая нерѣдко въ Симбирскъ, мои родители сблизились съ музыкальной семьей жившаго въ то время въ Симбирскѣ князя Ивана Петровича Трубецкого, коему принадлежали, какъ я ранѣе имѣлъ случай упомянуть, большія имѣнія въ Ставропольскомъ уѣздѣ Самарской губерніи (противъ Симбирска) — Мулловка и Новый Буянъ.

Симбирскъ описываемыхъ временъ доживалъ свои крѣпостные дни и достатки — пріемы, охоты, пикники, домашніе театры, оркестры и пр. Во всемъ этомъ сказывались еще ширь и барство былыхъ помѣщичьихъ временъ.

Свою мать я вспоминаю болѣе отчетливо и сознательно съ періода переѣзда въ Симбирскъ, въ собственный нашъ домъ на Большой Саратовской улицѣ. Интересующаяся всѣмъ, общительная, живая и веселая, она привлекала къ себѣ все многочисленное общество Симбирска. Собирались въ салонъ музицировать, на террасѣ дышать не-городскимъ садовымъ воздухомъ, любоваться красотою Волжскаго вида; увлекались входившей въ то время въ моду карточной игрой „винтъ".

Ухтомскіе, Бѣляковы, Ратаевы, Языковы, Родіоновы, Валуевы и др. — все это были наши родные и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

основные обитатели Симбирска. Всѣ эти семьи часто другъ съ другомъ видались и къ нимъ примыкало все пришлое общество, будь это высшая губернская администрація, учебное начальство и др.

Театръ, любительскіе спектакли, концерты, балы широко процвѣтали послѣ побѣдоносной Турецкой кампаніи 1877 — 1878 годовъ.

Моя комнатка была наверху у входа деревянной лѣстницы, ведущей внизъ въ столовую и залу. Всѣ мои дѣтскія вечернія занятія обычно проходили подъ издали слышавшійся аккомпаниментъ превосходной и вдохновенной игры на Блютнеровскомъ роялѣ дорогой, незабвенной моей мамы. Какъ я любилъ ее слушать, и какъ, благодаря ей, я могъ хорошо знакомиться съ великими композиторами!..

Въ началѣ 80-хъ годовъ съ бѣдной матерью случилось происшествіе, едва не стоившее ей жизни. Въ Симбирскѣ, центрѣ исконныхъ коннозаводчиковъ, весной происходили бѣга, привлекавшіе къ себѣ общій интересъ. На нихъ обычно съѣзжалось почти все мѣстное помѣщичье общество.

Какъ-то разъ матери подали коляску, чтобы ѣхать на бѣга, запряженную только что купленной отцомъ красивой парой мощныхъ и нарядныхъ пятивершковыхъ караковыхъ жеребцовъ. Выѣхавъ по Большой Саратовской, лошади вдругъ подхватили и понесли. Бѣдная мама, безумно перепугавшись, пыталась выброситься изъ экипажа, но, упавъ на мостовую, зацѣпилась платьемъ за крыло коляски, и въ такомъ видѣ лошади проволокли ее по мостовой. Къ счастью, вскорѣ народъ остановилъ ихъ, и маму принесли въ нашъ домъ въ безчувственномъ состояніи.

До сихъ поръ не безъ ужаса представляется мнѣ на всю жизнь врѣзавшаяся въ моей памяти картина внесенія въ домъ несчастной моей матери въ разодранномъ на лоскутки платьѣ и съ совершенно окровавленной головой.. Долгое время врачи не могли ручаться за возстановленіе ея здоровья и серьезно опасались за состояніе ея головы и мозга. Благодаря Богу все-жъ удалось ее спасти и до извѣстной степени привести ея здоровье въ нормальное состояніе. Но само собой, это событіе не могло не отозваться на общемъ ея нервномъ состояніи. Послѣ случившагося несчастья мама признавала лишь самыхъ старыхъ и лѣнивыхъ лошадей, на которыхъ только и рѣшалась ѣздить и которыя спеціально для нея мною подбирались до конца ея жизни.

5

Въ 1887 году я окончилъ курсъ гиназіи, и мы съ мамой съ осени переселились на зиму въ Москву, сначала устроившись въ меблированномъ домѣ Базилевскаго на Большой

Кисловкѣ, а затѣмъ, спустя года два, переѣхали на особую квартиру на Арбатъ, въ Большой Афанасьевскій переулокъ, занявъ весь бельэтажъ небольшого стариннаго особняка, принадлежавшаго госпожѣ Хавской (вдовѣ бывшаго Московскаго сенатора).

Мать моя всегда отличалась хозяйственными способностями, была по натурѣ разсчетлива и бережлива и въ этомъ отношеніи являлась серьезной помощницей моему отцу. Жизнь наша въ Москвѣ протекала спокойно и умѣренно — пріемовъ никакихъ не было, если не считать свиданій съ нѣкоторыми наиболѣе близкими нашими родными и моими товарищами-студентами, къ которымъ мама относилась обычно тепло и хорошо.

Къ концу нашей Московской жизни мама успокоилась, замѣтно поздоровѣла, посѣщала концерты, оперы, сама играла на взятомъ на прокатъ піанино и все дѣлала, чтобы мнѣ помогать въ моемъ дальнѣйшемъ музыкальномъ образованіи. Чаще всего видѣлась она съ семьями кн. Гагариныхъ, Свербеевыхъ, Столпаковыхъ, Загряжскихъ, Кашперовыхъ и и др. Для нея Москва, главнымъ образомъ, была дорога постолько, посколько ей можно было пользоваться прекрасной въ то время музыкальной обстановкой — процвѣтали симфоническіе и филармоническіе концерты, Императорская и частная оперы съ лучшими міровыми силами: Зембрихъ, Ванзандтъ, Котоньи, Мазини и др.

Въ 1893 году мы покинули Москву и я принялся за земскую работу въ своемъ родномъ Ставропольскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. Мама переѣхала къ отцу въ с. Головкино, гдѣ жизнь оказалась лишенной всего того духовно-культурнаго комфорта, который мать находила въ Бѣлокаменной. Здоровье матери, благодаря руководству Нестерова, значительно поправилось; тѣмъ не менѣе, она продолжала соблюдать долгое время предписанный ей режимъ во избѣжаніе повторенія осложненій съ печенью.

Годы проходили... Выѣзжала мама иногда гостить къ брату Димитрію въ Буинскъ, а въ Головкинѣ занималась садомъ, коровами, вела домашнее хозяйство и часто присаживалась за свой любимый Блютнеръ, отдаваясь Московскимъ воспоминаніямъ и проигрывая бывало однимъ вечеромъ ту или другую оперу съ начала до конца.

Вспоминая въ это время обычную жизненную обстановку матери, невольно представляешь себѣ ее съ кружевной наколкой на красивой еще головѣ, въ бѣломъ широкомъ пеньюарѣ, распоряжающейся въ саду среди всяческихъ плантацій клубничныхъ, малиновыхъ, огородныхъ и пр. со своими обычными сотрудниками-садовниками — ранѣе Павломъ Степановичемъ, а затѣмъ Андреемъ, и окруженной ея славными мопсиками, которыхъ такъ любилъ въ минуты отдыха дразнить вернувшійся съ своихъ полей отецъ.

Затѣмъ мама садилась за ручную работу (обычно кружево на коклюшкахъ) подъ большимъ навѣсомъ съ пологомъ изъ марли въ огражденіе отъ мошекъ и комаровъ. Рядомъ присаживалась очередная мамина ученица — чтица.

Наступилъ тяжелый для насъ 1897-й годъ, когда смертельный недугъ старшаго брата Димитрія и жизненная драма другого брата — Николая отразились роковымъ образомъ на здоровьѣ моихъ родителей — отца разбилъ параличъ, а мать почти съ ума сходила. Жизнь была нарушена въ корнѣ: приходилось дѣлать невѣроятныя усилія, чтобъ спасти уцѣлѣвшія крохи ихъ здоровья, и въ этомъ отношеніи Господь ниспослалъ въ нашу разбитую семью воистину ангела-утѣшителя въ лицѣ моей невѣсты, а съ 4-го февраля 1898 года, жены моей — Анны Константиновны, урожденной Ушковой. И сама она, и семья ея такъ тепло и участливо отнеслись къ нашему горю, что только благодаря имъ всѣмъ, я самъ уцѣлѣлъ и смогъ посильно лѣчить и утѣшать своихъ стариковъ.

Пребываніе отца въ Московской клиникѣ зимой 1897 — 1898 г. г., свадьба моя въ февралѣ 1898 года въ Петербургѣ — все это вынудило и мою мать проживать эту зиму въ столицахъ, гдѣ для возстановленія ея разстроеннаго нервнаго состоянія было мною сдѣлано все возможное.

Весной 1898 года я перевезъ моихъ родителей опять въ Головкино — отца въ состояніи еще не вполнѣ оправившагося послѣ удара, а мать значительно успокоенную. Она цѣликомъ отдалась заботамъ и уходу за больнымъ отцомъ до самой его смерти, послѣ которой она на зиму переѣхала въ Казань къ своей belle fille Ольгѣ, вдовѣ умершаго брата Димитрія, а затѣмъ съ 1907 года мама переѣзжала со всей моей семьей на зиму въ Самару въ нашъ новый особнякъ на Дворянской.

Перенесенное горе и годы взяли свое: мама замѣтно состарилась, стала ограничиваться обществомъ близкихъ родныхъ и немногочисленныхъ особо симпатичныхъ ей людей. Въ ея самарской комнатѣ стоялъ тоже рояль, но къ нему старушка подходила все рѣже и рѣже. Ей, видимо, были пріятны мои успѣхи и популярность, изъ года въ годъ возраставшіе — материнскому сердцу это не могло быть безразлично. Въ Самарѣ ее полюбили и, видимо, вся жизненная обстановка въ этомъ городѣ складывалась для нея благопріятно. Отношеніе къ мамѣ всѣхъ моихъ семейныхъ, и въ частности жены моей Анны, было исключительно теплое и предусмотрительное.

Начиная съ 1912 года у матери въ организмѣ найденъ былъ врачами сахаръ. Приходилось дѣлать ей въ Общинѣ Самарскаго Краснаго Креста операціи вырѣзыванія нарывовъ (карбункуловъ), стала проявляться прогрессирующая слабость. Леченіемъ ея завѣдывалъ докторъ Голишевскій.

Мало-по-малу, стали мы съ женой подумывать о переѣздѣ семьи въ Петербургъ въ силу создавшихся условій моей службы и ради воспитанія дѣтей. Въ виду этого въ 1914 году мною былъ купленъ у А. Л. фонъ Дервизъ превосходный особнякъ на Англійской набережной.

Осенью 1916 года я перевезъ въ Петербургъ семью, а самъ остался при сильно одряхлѣвшей матери, настолько ослабѣвшей, что въ день ея именинъ, 28 октября 1916 года, она, въ послѣдній разъ, съ трудомъ поднялась изъ своихъ аппартаментовъ, расположенныхъ въ боковомъ каменномъ флигелѣ на десятокъ ступеней ниже средняго главнаго корпуса.

Къ этому дню я украсилъ всю залу зеленью и тѣми расшитыми полотенцами, которыми такъ щедро награждали насъ въ былое время въ видѣ подарковъ по случаю своихъ свадебъ, приходившіе къ своимъ господамъ „на поклонъ" Головкинскіе крестьяне.

Бѣдная старушка, поддерживаемая подъ руки, была видимо очень тронута моимъ вниманіемъ, крѣпко обняла меня, прошептавъ „какъ это хорошо"; поздоровалась съ многочисленными сосѣдями, съѣхавшимися ко дню ея именинъ, но, посидѣвъ минутъ десять, попросила ее вновь проводить въ ея „келью", какъ она любила называть свою комнату.

Это было послѣднее ея появленіе въ домѣ — больше моя мать никуда не выходила изъ своей „кельи". Ноябрь, декабрь она сильно страдала сердечными припадками, и у нея стали появляться отеки. 8-го января 1917 г. доктора меня предупредили о приближеніи роковой развязки.

Обычно около мамы дежурили посмѣнно или ея старинная горничная, Ольга Никифоровна, или сестра милосердія Самарской общины, или фельдшерица изъ Старой Майны Александра Дмитріевна. Вспоминается мнѣ 9 января, когда я какъ-то днемъ остался одинъ съ моей дорогой, измученной страданіями мамой, которая могла сидѣть только полулежа. Такъ и теперь она сидѣла предо мной съ закрытыми глазами. Смотрѣлъ я на нее, и невольно всего меня охватило жуткое предчувствіе, что она меня скоро покинетъ навсегда. Сознаніе это было тяжело и больно для меня; я сталъ цѣловать бѣдную, осунувшуюся, но еще живую дорогую мнѣ голову... Вечеромъ, когда я переносилъ ее съ кресла на диванъ, мама припала ко мнѣ и вся безсильно затряслась отъ душившихъ ее рыданій.

10-го января докторъ Ровенскій установилъ столь рѣзкое ухудшеніе, что предсказалъ жить мамѣ не болѣе сутокъ. Давали бѣдной страдалицѣ морфій и шампанское ложечкой. Она была въ забытьѣ и тяжело дышала. Я все время сидѣлъ около нея, мысленно прощаясь съ ней, прикладывалъ свою голову къ недвижной ея рукѣ, прося ея благословенья.

Вся былая наша совмѣстная жизнь невольно мнѣ вспо-

миналась. Такъ прошла еще ночь, а 11 января, въ 12 часовъ 40 минутъ дня, мама скончалась.

Никогда мнѣ не приходилось переживать болѣе мучительныхъ душевныхъ страданій. При кончинѣ былъ нашъ батюшка о. Александръ Рождественскій, прекрасный человѣкъ и іерей, прочитавшій отходную молитву. Былъ моментъ, когда докторъ торопилъ его... Пульсъ то и дѣло останавливался у мамы, и докторъ Ровенскій, все время сидѣвшій слѣва отъ мамы и державшій ея руку, прислушивался къ ея дыханію. Съ правой стороны я стоялъ на колѣняхъ. Взявъ мамину руку, я положилъ ее себѣ на голову, призывая ея благословеніе. Пока она еще дышала, я поторопился свой складень и иконку приложить къ ея головѣ и рукѣ, а потомъ, когда докторъ сказалъ — „пульса нѣтъ"... „отходитъ", я всталъ и приложилъ свою голову къ маминой, обхвативъ ее обѣими руками. Все внутри у меня рвалось — я чувствовалъ, что жить мамѣ осталось нѣсколько мгновеній... Она стала холодѣть около моей головы, рукъ и губъ... Сдержать себя я болѣе не могъ: слезы хлынули неудержимо, и когда я ихъ замѣтилъ на волосахъ и лицѣ дорогой застывающей моей мамы, я вытеръ ихъ и волосы ей пригладилъ. Послѣдній вздохъ ея я принялъ въ себя поцѣлуемъ и при послѣднемъ мгновеніи ея жизни я открылъ глаза матери, и въ послѣдній разъ въ нихъ посмотрѣлъ, сказавъ: „голубка моя, дорогая мама — до свиданія! скораго или нѣтъ — то Господь знаетъ..." Затѣмъ закрылъ ихъ на-вѣки, отойдя къ батюшкѣ, который меня еще разъ отъ имени матери благословилъ.

Не могу не вспомнить того момента и того моего настроенія, которое охватило меня при моемъ послѣднемъ разставаніи съ прахомъ незабвенной моей матери. Когда спустили ея гробъ въ склепъ, приготовленный мною для моихъ родителей послѣ кончины моего отца, я просилъ меня оставить одного съ прахомъ обоихъ моихъ отошедшихъ въ вѣчность родителей. Я опустился на колѣни между гробами отца и мамы, обнявъ ихъ обоихъ руками. Склонивъ голову, я мысленно представлялъ ихъ себѣ живыми и черезъ мгновенье, на самомъ дѣлѣ, у меня было чувство необычайной близости къ нимъ.

Очнувшись и перекрестившись, я приложился на прощанье съ ними къ ихъ гробамъ, и въ этотъ моментъ я вдругъ ощутилъ во всемъ своемъ существѣ какое-то внутреннее сознаніе и убѣжденіе, какъ бы въ видѣ напутствія со стороны моихъ родителей, что отнынѣ для меня начинается какая-то иная, новая жизнь, что, выходя отъ нихъ изъ склепа, я долженъ буду разстаться со всѣмъ своимъ прошлымъ и обычнымъ... Объ этомъ я въ тотъ же день сообщилъ моему родному другу — женѣ.

Увы, предчувствія, зародившіяся у меня при послѣднемъ моемъ прощаніи съ останками моихъ стариковъ, оказались вѣщими. Выѣхавъ по окончаніи сорокоуста изъ Головкина

съ женой, мы пріѣхали въ Петроградъ въ знаменательный день — 27 февраля 1917 г., т. е., къ началу Великой „безкровной" Революціи... Миръ праху вашему, дорогіе мои папа и мама — за Вами я ходилъ, какъ умѣлъ, получилъ величайшее сыновнее счастье покоить Вашу старость и упокоить Васъ на своей груди при отходѣ Вашемъ въ лучшій міръ. — Васъ давно нѣтъ со мной, но Вы всегда около меня — я это сознаю всѣмъ своимъ нутромъ и духомъ ощущаю. Говорятъ, что могила ихъ цѣла — слава Господу! Моя завѣтная мечта имѣть возможность передъ своей смертью еще разъ поклониться дорогому праху на родной землѣ!

6

Насъ было трое братьевъ — старшій Димитрій, родившійся въ 1862 г., средній — Николай — въ 1864 г. и я — младшій, какъ сказано, появившійся на Божій свѣтъ 21-го сентября 1868 г. въ день именинъ брата Димитрія.

Отъ моей матери я слышалъ, что въ этотъ день она своему старшему любимому сыну-имениннику преподнесла меня вмѣсто подарка... Впослѣдствіи насъ съ Димитріемъ на всю жизнь соединяла самая горячая дружба и сердечная братская привязанность. Онъ росъ и казался среди своихъ братьевъ какимъ-то „старшимъ", большимъ; былъ онъ выше всѣхъ насъ ростомъ, виднымъ и красивымъ. Воспитываясь въ Симбирской военной гимназіи съ 1875 по 1878 г., онъ также выдѣлялся среди своихъ товарищей ростомъ, выправкой и здоровымъ видомъ.

Поступивъ по окончаніи курса военной гимназіи въ Николаевское Кавалерійское Училище, онъ былъ особенно наряденъ въ новой своей формѣ, щеголяя въ нашемъ захолустномъ Симбирскѣ своей каской съ бѣлымъ султаномъ, красной грудью и генеральскими лампасами, приводившими въ трепетъ мѣстныхъ гарнизонныхъ солдатиковъ, встававшихъ во фронтъ передъ... юнкеромъ. Увы! это училище его и сгубило: на одномъ изъ ученій братъ сильно простудился и петербургскій климатъ его не пощадилъ — онъ заболѣлъ остро-суставчатымъ ревматизмомъ, такъ что его пришлось перевезти въ Симбирскъ, гдѣ его лѣчилъ докторъ Михаилъ Васильевичъ Лёкеръ, но неудачно: когда сняли гипсовую повязку съ его правой руки, то локоть ея оказался сросшимся. Бѣдный братъ Димитрій на всю жизнь остался калѣкой, крестясь, принимая пищу, здороваясь лѣвой рукой, стрѣляя съ лѣваго плеча и т. д. Конечно, эта болѣзнь его отразилась гибельно на общемъ состояніи его сердца, что и послужило впослѣдствіи причиной его преждевременной кончины.

Красавцу „корнету" Николаевскаго Кавалерійскаго Училища пришлось сдать выпускной экзаменъ не на лихого кавалерійскаго офицера, а на скромнаго Губернскаго Секре-

таря... То было въ 1880 г., когда въ означенномъ чинѣ онъ поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій къ Самарскому Губернатору Александру Дмитріевичу Свербееву, близкому другу нашихъ родителей.

Лѣтъ пятнадцать Александръ Дмитріевичъ управлялъ Самарской губерніей. Огромнаго роста, съ большимъ плоскимъ лицомъ, обрамленнымъ висячими чиновными бакенами, Свербеевъ былъ типичнымъ „помпадуромъ", взиравшимъ на ввѣренную ему губернію, какъ на свою барскую вотчину. Будучи на самомъ дѣлѣ большимъ бариномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, глубоко-порядочный, честный и благородный Александръ Дмитріевичъ оставилъ по себѣ въ общемъ добрую память въ Самарскомъ Поволжьѣ.

Съ уходомъ Свербеева, получившаго назначеніе въ Сенатъ, Димитрій перешелъ на службу въ Удѣльное Вѣдомство. Вскорѣ онъ получилъ мѣсто Управляющаго Удѣльнымъ имѣніемъ въ г. Буинскѣ Симбирской губерніи, гдѣ познакомился и близко сошелся съ семьей А. Н. Теренина, постоянно жившаго въ своемъ имѣніи при с. Кищаки. Въ 1890 г. Димитрій женился на его дочери Ольгѣ Александровнѣ, продолжая жить въ гор. Буинскѣ. Въ 1897 г. родился у нихъ сынъ Димитрій, а въ 1898 г., 20-го августа, братъ скончался отъ болѣзни сердца — сравнительно молодымъ — всего 36 лѣтъ отъ роду.

Мой старшій братъ Митя былъ удивительно симпатичный, отзывчивый, добрый и, до послѣдней своей сердечной болѣзни, веселый и жизнерадостный человѣкъ. Обладая красивымъ баритономъ, онъ любилъ пѣть, причемъ обычнымъ его репертуаромъ служили русскіе старинные романсы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще въ то сравнительно отдаленное время, онъ сильно увлекался музыкой Мусоргскаго. Его любили слушать за привлекательный тембръ его бархатнаго голоса и увлекательную выразительность самого пѣнія.

Страстный любитель природы, Димитрій съ раннихъ лѣтъ любилъ собирать бабочекъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ, расправлялъ ихъ, составлялъ коллекціи и пр. Позже онъ много охотился и меня пристрастилъ къ этому спорту, вплоть до охоты на медвѣдей.

Никогда не забуду того исключительнаго удовольствія, которое онъ мнѣ доставилъ, устроивъ мнѣ возможность участвовать на медвѣжьей охотѣ въ Южно-Сурской Удѣльной дачѣ 1-го января 1895 года. Обстановка этой охоты при чудной зимней погодѣ въ непроходимомъ хвойномъ „корабельномъ" лѣсу, весь процессъ таковой и самый результатъ ея были столь необычны, что запечатлѣлись въ моей памяти на всю жизнь. Когда-нибудь я постараюсь подробно воспроизвести эту охоту въ особомъ разсказѣ, а пока ограничусь лишь тѣмъ, что медвѣдя мною убитаго на другой день торжественно отвезли на саняхъ въ г. Буинскъ, гдѣ на площади

въ присутствіи огромной толпы взвѣсили на городскихъ вѣсахъ и оказалось въ немъ до 18 пудовъ!..

Жена Димитрія, Ольга Александровна, пережила его надолго: скончалась она лишь въ 1926 году. Воспитанная на строгихъ началахъ въ прекрасной стародворянской семьѣ, Ольга представляла собой идеальную во всѣхъ отношеніяхъ жену, женщину и мать. Хрупкая здоровьемъ, она съ изумительнымъ смиреніемъ переносила тяжкій крестъ, выпавшій на ея долю — ухаживать около пяти лѣтъ за больнымъ мужемъ.

Незабвенная Олечка представляла собою изумительное существо высшаго человѣческаго порядка, передъ коимъ надо было лишь преклоняться, и о которой нынѣ всѣ мы, знавшіе ее, вспоминаемъ съ чувствомъ особаго благоговѣнія. Сынъ ея, Димитрій, мой племянникъ и крестникъ, славный былъ юноша, способный и чистый. Революція насъ разъединила: онъ остался съ матерью въ Россіи и, окончивъ курсъ въ Медицинской Академіи, нынѣ состоитъ врачемъ недалеко отъ Буинска въ с. Кіять.

Другой братъ мой Николай, средняго роста, крѣпко сложенный, отличался большой физической силой и лицомъ напоминалъ скорѣе Ухтомскихъ — портили его слѣды бывшей у него въ дѣтствѣ оспы. Онъ былъ очень близорукъ и постоянно носилъ очки или пенснэ.

Способный, братъ Коля шелъ въ классахъ той же Симбирской Военной Гимназіи въ числѣ первыхъ. Въ 1880 г. онъ поступилъ въ Михайловское Артиллерійское Училище въ Петербургѣ, по окончаніи коего служилъ въ 23-ей Артиллерійской Бригадѣ, стоявшей въ Гатчинѣ.

При всѣхъ своихъ въ общемъ, хорошихъ качествахъ Николай отличался безхарактерностью, подпадая подъ вліяніе окружавшей его обстановки. Еще будучи въ Гатчинѣ, онъ весь отдавался служебной обыденщинѣ и офицерскому клубному товариществу, вмѣсто того, чтобы серьезно взяться за подготовку для поступленія въ Академію. Въ концѣ концовъ, ему самому надоѣла такая безсодержательная жизнь — захотѣлось болѣе интереснаго и живаго. Отецъ устроилъ ему цензъ, и братъ Николай былъ избранъ Ставропольскимъ Уѣзднымъ Земствомъ Самарской губерніи въ гласные, а затѣмъ въ члены Уѣздной Земской Управы.

Когда въ Симбирской губерніи было введено Положеніе о Земскихъ Начальникахъ, Николай бросилъ только-что начатую земскую работу въ родномъ уѣздѣ и перешелъ въ г. Буинскъ Симбирской губ. въ Земскіе Начальники, благодаря чему устроился вмѣстѣ съ братомъ Димитріемъ и его семьей. Но и тамъ, вмѣсто увлеченія живымъ служебнымъ дѣломъ и общенія съ интересными дѣловыми людьми, слабовольный Николай мало-по-малу втянулся въ компанію мѣстныхъ „клубмэновъ" и проводилъ жизнь большею частью въ

нездоровой обстановкѣ картъ, закусокъ и пошлыхъ разговоровъ.

Послѣдующая жизнь сложилась для него, да и для всѣхъ его близкихъ, тяжкая... Судьба его бѣднаго не пощадила, закинувъ его сначала въ Иркутскъ, затѣмъ въ Бердянскъ, гдѣ онъ послѣдніе свои годы прожилъ въ кругу своей семьи, состоявшей изъ жены и двухъ милыхъ мальчиковъ. Въ Бердянскѣ въ 1910 году братъ Николай скончался, и тамъ же похороненъ.

Вспоминаю я брата Николая не иначе, какъ съ чувствомъ любви и искренней жалости къ нему. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ и благородныхъ порывовъ, но по складу характера своего былъ мягокъ и уступчивъ.

7

Болѣе ясныя и отчетливыя мои воспоминанія о самомъ себѣ начинаются лишь съ гимназическихъ моихъ лѣтъ т. е., съ 1877 г. До этого въ туманныхъ очертаніяхъ всплываютъ нѣкоторыя Головкинскія картины и лица въ періодъ моего ранняго дѣтства, напримѣръ, обликъ няни моей Аннушки, моя комната съ лежанкой, на которой всегда почему-то стоялъ любимый мною холодный чай.

Вспоминается дорогая моя любимая „Тата" съ ея мягкимъ добрымъ лицомъ, та самая Тата, которая въ нашемъ домѣ не играла роли профессіональной нянюшки, а жила въ качествѣ постояннаго члена семьи въ особомъ помѣщеніи изъ двухъ комнатъ и кухни съ прихожей, въ одномъ изъ каменныхъ флигелей. Читала она духовныя книги, искусно плела кружева, пекла вкусные пироги и особенно блины, окружала себя безчисленными экземплярами кошачьей породы, а главное, всѣмъ своимъ добрымъ сердцемъ любила насъ, дѣтей, помогала матери и нянькамъ въ уходѣ за нами и была всегда и во всемъ глубоко преданной нашимъ родителямъ.

Заговоривъ объ этой милой, душевной, чистой, столь любимой мною старушкѣ, я не могу не остановиться подольше на ея характеристикѣ, черпая свои воспоминанія само собой не изъ одного лишь періода моего ранняго дѣтства. Александра Николаевна Гафидова — „Тата", какъ всѣ ее называли — была старой дѣвой. Дворянка по происхожденію, она рано осталась сиротой и воспитывалась въ семьѣ Оренбургскаго муфтія, почему знала въ совершенствѣ татарскій языкъ. Впослѣдствіи я у нея учился этому языку, но, признаюсь, трудно его было мнѣ усвоить.

Глубоко вѣрующая, она строго исполняла религіозные обряды православной церкви, посѣщала всѣ службы, соблюдала посты и пр., всей своей жизнью приближаясь къ монашескому быту. Квартирку свою Тата называла не иначе, какъ кельей.

Тата обладала особымъ свойствомъ привлекать къ себѣ наши дѣтскія сердца и души — всегда она находила для насъ интересныя бесѣды, полезные совѣты, умѣла занимать насъ. Бывало, наловишь въ купальнѣ разныхъ рыбешекъ, бѣжишь къ Тата уху варить въ ея маленькомъ горшечкѣ или упросишь ее блинчики спечь, а вмѣсто блинчиковъ, начнешь выпекать разныхъ фигурныхъ птицъ да звѣрей. Засаживались мы съ ней и ея старушками нерѣдко даже въ карты поиграть — въ „дурачки", „мельники" и пр., но само собой, не во время постовъ: въ эти дни Тата любила мнѣ читать вслухъ житія святыхъ или другія духовныя книги.

Называла она меня „Шушой", какъ въ раннемъ дѣтствѣ, такъ даже потомъ въ болѣе зрѣлые мои годы, вплоть до моего Предводительства. Скончалась она въ 1904 г. древней старушкой, безболѣзненно, тихо отойдя въ вѣчность, какъ и подобаетъ настоящей христіанской праведницѣ. Тяжела была мнѣ эта утрата и до сихъ поръ часто я обращаюсь мысленно къ ней, прося ея защиты и помощи.

8

Возвращаясь къ самому раннему моему дѣтству, я вспоминаю разсказъ о томъ, какъ Тата спасла меня отъ неминуемой гибели. Аннушка, моя няня, желая отвлечь меня отъ каприза, сняла свое кольцо и, по своей недальновидности, дала его мнѣ для игры, а сама на нѣкоторое время вышла. Вскорѣ вошла въ мою комнату Тата и застала меня задыхающимся. Призвавъ тотчасъ же Аннушку, она, послѣ ея признанія по поводу даннаго ею мнѣ кольца, взяла меня за ножки и стала вытряхивать кольцо, которое я засунулъ въ ротъ и горлышко. Благодаря этимъ мѣрамъ, кольцо выпало и я былъ спасенъ.

Въ домѣ у насъ было много гувернеровъ и гувернантокъ, при братьяхъ —больше французовъ, при мнѣ — нѣмокъ въ родѣ вѣчно сморкавшейся Изабеллы Ивановны, на долго отвратившей меня отъ игры на фортепіано своими выговорами и хлопками по рукамъ, причемъ гнусавымъ голосомъ обычно произносилась ею фраза предъ физическимъ воздѣйствіемъ: „си-бемоль — оселъ!"...

Другая у меня была славная, добренькая старушенція — Луиза Егоровна, вѣчно всего боявшаяся, особенно т. н. „Лейденской электрической банки" — самодѣльщины моихъ старшихъ братьевъ, терроризировавшихъ бѣдную старуху прикосновеніемъ къ ней этой банки, да еще изподтишка...

Послѣднимъ моимъ гувернеромъ до поступленія въ гимназію (1878 г.) былъ Борисъ Борисовичъ Шпехтъ, изъ балтійскихъ нѣмцевъ, пожилой, средняго роста, полный, съ большой лысой головой и краснымъ мясистымъ рябоватымъ лицомъ. Несмотря на всю непривлекательность его внѣш-

ности, Борисъ Борисовичъ вселилъ къ себѣ общую симпатію всѣхъ лицъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ нимъ.

Умный, ровный, спокойный, страстный любитель природы и дѣтей, Шпехтъ былъ очень начитаннымъ натуралистомъ и прекраснымъ педагогомъ-воспитателемъ. Онъ былъ приглашенъ въ нашъ домъ лишь благодаря исключительнымъ рекомендаціямъ. И въ самомъ дѣлѣ, отецъ не ошибся — лучшаго человѣка трудно было найти!

Начать съ того, что Борисъ Борисовичъ былъ первый, который заговорилъ со мной душевнымъ, искренне-любящимъ языкомъ, заставивъ, незамѣтно для меня самого, открыть ему мою юную душу и сокровенныя дѣтскія мысли. До сихъ поръ ловлю я себя на воспоминаніи, съ какой любовью и охотой прислушивался я къ повѣствованіямъ милѣйшаго и умнаго моего воспитателя о всемъ томъ, что принято называть „окружающей насъ природой". На все, бывало, Борисъ Борисовичъ умѣлъ обращать мое вниманіе при совмѣстныхъ нашихъ ежедневныхъ прогулкахъ — все живое, летало-ли оно, ползало-ли или цвѣло — все находило откликъ у почтеннаго натуралиста. Жизнь при немъ изо-дня въ день для меня становилась осмысленнѣе, интереснѣе, а съ этимъ явственнѣе казалась мнѣ и сила Небеснаго Творца вселенной и самая вѣра въ Него.

За первый же годъ пребыванія у насъ, комната Шпехта превратилась въ настоящій маленькій музей: на полкахъ, на стѣнахъ, всюду въ идеальномъ порядкѣ, красовались коллекціи всевозможныхъ бабочекъ, жуковъ, кузнечиковъ и пр.; лежали груды папокъ съ заложенными листьями, цвѣтами; стояло множество стеклянныхъ банокъ, заполненныхъ разными червями, съ цѣлью наблюденія за превращеніемъ ихъ въ куколки и бабочки и т. п. Къ 8 годамъ я уже умѣлъ самъ расправлять бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ, запоминая ихъ латинскія названія, до сихъ поръ сидящія въ моей памяти.

При всемъ этомъ, Борисъ Борисовичъ любилъ во всемъ опредѣленную систему и порядокъ. Своимъ примѣромъ, своими доказательными совѣтами и, наконецъ, совмѣстными своими со мной поступками и дѣйствіями, Борисъ Борисовичъ заложилъ во мнѣ на всю жизнь страстную любовь къ природѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, ко всему „натуральному", природному, а, слѣдовательно, и правдивому, и къ тому порядку, о которомъ Франклинъ еще высказался: „l'ordre a trois avantages: il soulage la mémoire, il ménage le temps, il conserve les choses".

Борисъ Борисовичъ велъ жизнь удивительно чистую и совершенно трезвую; вина онъ не признавалъ, но зато чай мой милый гувернеръ такъ любилъ, что готовъ былъ пить его во всякое время и въ большомъ количествѣ.

Популярность его была велика среди даже деревенскаго нашего люда, часто обращавшагося къ нему за медицинскимъ совѣтомъ, само собой, въ случаяхъ срочныхъ и требовавшихъ немедленной помощи.

9

Благодаря постоянному общенію съ нѣмцами, я совершенно почти отсталъ отъ своего родного языка, такъ что передъ поступленіемъ моимъ въ военную гимназію, я вынужденъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ спеціально подготавливаться по русскому языку, которымъ плохо владѣлъ и на которомъ еще хуже писалъ. Со мною занимался по просьбѣ отца Инспекторъ военной гимназіи полковникъ Егоръ Ивановичъ Ельчаниновъ и одновременно репетировалъ братъ Николай. Удалось быстро усвоить родную рѣчь, тѣмъ болѣе, что тогда же пришлось разстаться съ своимъ любимымъ Борисомъ Борисовичемъ и дома говорить по-русски.

Благодаря занятіямъ съ Ельчаниновымъ, я сошелся съ его семьей и его двумя сыновьями моими сверстниками — Андреемъ и Егоромъ; съ первымъ изъ нихъ я одновременно поступилъ въ 1878 г. въ первый классъ Симбирской военной гимназіи и мы вмѣстѣ просидѣли до III-го класса. Семью Ельчаниновыхъ я очень любилъ и всегда ихъ вспоминаю съ добрымъ чувствомъ и признательностью.

Въ описываемое время 1877 — 1878 г.г., наряду съ остальной Россіей, всѣ мы, юныя крошки, только что надѣвшія на себя военную форму гимназистовъ съ золотыми пуговицами, синими погонами и кэпкой съ краснымъ околышемъ стариннаго образца, тоже были вовлечены въ потокъ всеобщаго интереса, возбужденія и подъема по поводу происходившихъ событій на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Турціи. Все кругомъ насъ только и обсуждало текущія новости, доходившія до тихаго Симбирска съ отдаленнаго Балканскаго полуострова, охваченнаго пожаромъ русско-турецкой войны.

Безъ всякихъ газетъ, лишь вчера научившись читать и писать, мы все же знали многое про геройскіе подвиги русской арміи, другъ другу съ жаромъ пересказывая все слышанное, а больше подслушанное: про знаменитую Дунайскую переправу, тяжкую Шипку, неприступную Плевну. До слезъ торжествовали мы вмѣстѣ со старшими, когда все это было съ Божьей помощью русскимъ воиномъ-героемъ превзойдено. Съ языка, бывало, не сходили прославленныя имена Скобелева, Гурко, Радецкаго, Дубасова и др., вырѣзали, собирали ихъ портреты.

Вспоминается мнѣ обычная для того времени обстановка нашей гостиной, гдѣ вмѣсто карточныхъ игръ, всѣ столы были завалены бѣльемъ и корпіей, которую заготовляли всѣ кто только могъ, даже во время визитовъ, разговоровъ или спеціальныхъ для сего собраній.

Помню я также и другія событія, связанныя съ той же

Турецкой кампаніей. Ясно возстанавливается въ моей памяти приходъ въ Симбирскъ партіи плѣнныхъ турокъ, встрѣченныхъ, къ моему дѣтскому удивленію, отнюдь не враждебно, какъ моему возбужденному юному патріотизму казалось слѣдовало бы. Все городское населеніе отнеслось къ нимъ жалостливо и привѣтливо, снабжая ихъ одеждой, обувью, продовольствіемъ и пр. А затѣмъ еще болѣе ярко выплываетъ незабываемая картина торжественнаго вступленія въ городъ возвратившагося съ театра войны боевого пѣхотнаго Калужскаго полка, радостной его встрѣчи всѣмъ городскимъ населеніемъ и того невиданнаго мною дотолѣ подъема, когда люди неудержимо плакали и, воистину, по-христіански между собой братались. Воинственные звуки полкового марша, громовыя восторженныя „ура", всеобщее пѣніе „Боже Царя храни", неудержимый, радостный гулъ многотысячной толпы — все это разъ навсегда запечатлѣлось въ моей дѣтской душѣ, познавшей съ тѣхъ поръ впервые смыслъ понятія родины и чувства народнаго патріотизма...

Въ тѣ времена средне-учебныя военныя школы назывались „военными гимназіями" и не носили того спеціально-военнаго характера, который былъ имъ приданъ въ послѣ-„Милютинскій" періодъ. Учительскій персоналъ былъ большей частью составленъ изъ лицъ штатскихъ по вольному найму, и лишь Директоръ, Инспекторъ и лица, обучавшія военному строю, принадлежали къ воинскимъ чинамъ.

Директоромъ Симбирской военной гимназіи, при моемъ вступленіи, былъ генералъ-майоръ Николай Андреевичъ Якубовичъ. До него былъ полковникъ Альбедиль, который былъ первымъ ея директоромъ и въ 1876 г. былъ переведенъ въ Москву на ту же должность во 2-ую гимназію (въ Лефортово). Семья Альбедиля была многочисленна и нѣкоторыя его дѣти, въ особенности дочь Анна, отличались музыкальными способностями.

По переѣздѣ нашемъ въ Москву, гдѣ Альбедиль долгое время продолжалъ служить, мы часто съ нимъ видались, и помню, какъ однажды мы съ мамой, въ концѣ 80-хъ годовъ, были приглашены къ нимъ въ Лефортово и слушали вдохновенную игру ученика старшаго класса Альбедилевскаго кадетскаго корпуса, впослѣдствіи знаменитаго, Скрябина, поразившаго еще тогда всѣхъ насъ своимъ исключительнымъ талантомъ.

Семья Якубовичей состояла изъ отца, матери — Варвары Игнатьевны, совершенно глухой, высокой, худой брюнетки, постоянно внутрь себя всхлипывавшей, и четырехъ дѣтей: трехъ барышень и младшаго въ семьѣ — мальчика Володи. Барышни были моими сверстницами и впослѣдствіи, будучи подростками, мы часто видѣлись, веселились, участвуя въ любительскихъ спектакляхъ и домашнихъ вечерахъ.

Самъ Николай Андреевичъ былъ крошечнаго роста, полный, съ плотными немного приподнятыми плечами, съ большой курчавой головой, круглымъ лицомъ, на которомъ было все миніатюрно, кромѣ большихъ золотыхъ очковъ и слегка вьющихся, темно-каштановыхъ усовъ.

Николай Андреевичъ былъ мягкимъ и добрымъ существомъ, въ домашней обстановкѣ всецѣло подчинявшимся неограниченной власти его супруги „Глухарки", какъ прозвали ее гимназисты. Зато при появленіи среди своихъ подчиненныхъ, онъ принималъ всегда важныя, воистину „директорскія" позы, разставлялъ свои маленькія съ генеральскими лампасами ножки, приподымалъ плечики, складывалъ на выдающемся брюшкѣ свои крошечныя пухлыя ручки, закидывалъ свою курчавую голову назадъ кверху и, поблескивая очками, старался всегда важнымъ баскомъ говорить, причемъ имѣлъ привычку уснащать свою рѣчь частыми вставками словъ: „ну да, ну да!..." Окончившій Михайловскую Артиллерійскую Академію, Николай Андреевичъ былъ математикъ по преимуществу, но въ общемъ оказался хорошимъ руководителемъ ввѣреннаго ему учебнаго заведенія.

Въ 1876 году въ Симбирскѣ было выстроено, въ самомъ центрѣ города, прекрасное и огромное зданіе для военной гимназіи съ обширнымъ дворомъ для строевого обученія и гимнастики. Красно-кирпичнаго цвѣта корпусъ этого зданія состоялъ изъ трехъ этажей, которые впослѣдствіи, при переименованіи гимназіи въ Кадетскій Корпусъ (1881 г.), соотвѣтствовали дѣленію состава учащихся на три роты.

Педагогическій персоналъ состоялъ изъ людей знающихъ и опытныхъ. Особенно посчастливилось мнѣ имѣть исключительнаго по своимъ способностямъ учителя русскаго языка Александра Іосифовича Рязанова, сумѣвшаго сразу же направить грамотность своихъ учениковъ настолько основательно и разумно, что черезъ два года его руководства мы почти всѣ безошибочно освоились съ правописаніемъ родного языка...

Правда, былъ Рязановъ учитель чрезвычайно строгій и требовательный. Таковымъ же по своей спеціальности былъ преподаватель нѣмецкаго языка Гуго Андреевичъ Гульбе — высокій красивый блондинъ съ большой, свѣтлой, пушистой бородой. Французскій языкъ проходилъ я подъ руководствомъ Генриха Ивановича Шапронъ дю-Ларрэ, который сравнительно недавно пріѣхалъ въ Симбирскъ изъ Швейцаріи, будучи первое время гувернеромъ въ семьѣ Бѣляковыхъ. Затѣмъ онъ былъ приглашенъ Якубовичемъ въ составъ учительскаго персонала гимназіи. Молодой, крѣпкій, славившійся своей физической силой, жизнерадостный, занятый немало своей видной наружностью, онъ былъ любимъ своими учениками за свою доброту и лишь кажущуюся взыскательность. Всегда безукоризненно одѣтый, Генрихъ Ивановичъ сумѣлъ за 25 лѣтъ превратиться въ Дѣйствительнаго Статскаго Со-

вѣтника и помѣщика, женившись на представительницѣ одной изъ стариннѣйшихъ мѣстныхъ дворянскихъ фамилій — Маріи Владиміровнѣ Трубниковой, а его сыновья Алексѣй и Владиміръ поочередно (sic!) были женаты на единственной наслѣдницѣ искони Наумовскаго помѣстья — Натальѣ Алексѣевнѣ, дочери Алексѣя Павловича Наумова.

Учителемъ математики былъ Павелъ Алексѣевичъ Келейнъ — сухой, угрюмый брюнетъ съ большимъ горбатымъ носомъ и выдающимся острымъ подбородкомъ, считавшійся знатокомъ своего дѣла и умнымъ преподавателемъ.

Естественную исторію мы изучали подъ руководствомъ Владиміра Николаевича Машина, удивительно милаго и симпатичнаго человѣка среднихъ лѣтъ, чисто русской внѣшности. Былъ онъ видимо лѣнтяй немалой руки, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря его задушевно-милому отношенію къ намъ, малышамъ, мы всегда съ большой охотой слушали его немудрые разсказы про природу и легко усваивали все то, что слышали отъ любимаго всѣми нами преподавателя. Машинъ предпочиталъ знакомить насъ съ своимъ предметомъ наглядно, на лонѣ самой природы; поэтому, какъ только наступала весна, Владиміръ Николаевичъ устраивалъ рядъ интереснѣйшихъ для насъ экскурсій по живописнымъ окрестностямъ г. Симбирска. Это единственный изъ нашихъ учителей, къ которому мы любили заходить по свободнымъ днямъ на его частную квартиру, и который всегда ласково и тепло встрѣчалъ своихъ юныхъ учениковъ, показывая разныя разности изъ хранимыхъ у него интересныхъ вещей по его спеціальности.

Предмету рисованія придавалось въ военной гимназіи большое значеніе и проходили мы его подъ руководствомъ Ивана Феликсовича Купровича, который состоялъ одновременно нашимъ классным воспитателемъ. Иванъ Феликсовичъ былъ прекраснымъ человѣкомъ, но страдалъ неизлѣчимой болѣзнью, чахоткой, мало-по-малу подтачивавшей его силы и само собой отзывавшейся на его внѣшности и всей его нервной субстанціи.

Самымъ популярнымъ нашимъ учителемъ былъ штабсъ-капитанъ квартировавшаго въ Симбирскѣ пѣхотнаго Калужскаго полка Николай Васильевичъ Колпиковъ, который училъ насъ военной гимнастикѣ и строю. Происходило это ученье въ особой залѣ новаго корпуса гимназіи и, благодаря умѣнію и воодушевленію молодцеватаго капитана, занятія наши проходили всегда съ большимъ и неослабнымъ вниманіемъ и подъемомъ.

Я числился въ 1878 г. въ строю и гимназіи подъ фамиліей „Наумова III-го", въ отличіе отъ брата Димитрія, въ то время бывшаго въ старшемъ классѣ, и брата Николая — ученика 5-го класса. До сихъ поръ помню, какъ бывало, невольно вздрогнешь при сочномъ повелительномъ выкрикѣ

командира Колпикова: „Наумовъ третій"! Особенно любилъ я продѣлывать примѣрныя отданія чести передъ нимъ, какъ воображаемымъ генераломъ, молодцевато проходя и „пожирая" глазами начальство. Насколько строгъ Колпиковъ былъ во время строя и обученія, настолько же снисходительно, мило и душевно относился онъ ко всѣмъ намъ внѣ своихъ служебныхъ занятій и въ частности ко мнѣ, котораго, бывало, нѣжно приговаривая: „Наумчикъ, Наумчикъ", бралъ своими здоровенными руками и кверху подбрасывалъ, какъ мячикъ.

Потомъ, съ 1881 г., все перемѣнилось. Гимназія была преобразована въ кадетскій корпусъ, и Колпикова замѣнилъ рядъ офицерскихъ чиновъ — командировъ трехъ ротъ и ихъ помощниковъ. Въ общемъ, и внѣшне, и внутренне характеръ прежняго военно-гимназическаго быта и ученія существенно измѣнился, къ лучшему или худшему, трудно сказать. Думается, что излишняя формалистика для дѣтей гимназическаго возраста явилась въ ущербъ сути ученія и воспитанія.

Я пробылъ въ военной гимназіи два съ половиной года. Сначала, будучи въ первомъ классѣ, я ѣзжалъ изъ нашего дома въ гимназію совмѣстно съ моими братьями на небольшой долгушкѣ съ неизмѣннымъ нашимъ Иваномъ; послѣдніе же полтора года только съ братомъ Николаемъ, такъ какъ старшій, Димитрій, въ то время проходилъ курсъ въ Петербургѣ въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ.

Изъ бывшихъ моихъ одноклассниковъ я дружилъ всего болѣе съ Андреемъ Ельчаниновымъ, съ которымъ мы одновременно поступили въ гимназію, сидѣли на одной партѣ, играли, рисовали, проходили совмѣстно уроки и т.д. Не могу не отмѣтить здѣсь судьбу нашихъ дальнѣйшихъ съ Андреемъ Ельчаниновымъ отношеній. Разставшись другъ съ другомъ, какъ одноклассники, въ 1881 году, вслѣдствіе перехода моего изъ военной въ классическую Симбирскую гимназію, мы продолжали нашу дружбу и свиданія, болѣе, правда, рѣдкія, до окончанія Андреемъ Симбирскаго Кадетскаго Корпуса, переименованнаго изъ военной гимназіи, въ 1881 г., послѣ чего онъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Михайловское Артиллерійское Училище, а затѣмъ въ Николаевскую Академію. Наши пути кореннымъ образомъ разошлись: — окончивъ гражданскую гимназію, а затѣмъ Университетъ, я вернулся къ себѣ въ провинцію и весь отдался мѣстной земской работѣ, а Андрей пошелъ по ученой и учебной карьерѣ, сдѣлавшись профессоромъ Академіи Генеральнаго Штаба.

Прошло много лѣтъ... Разстались юными гимназистами, а встрѣтились: онъ — военнымъ генераломъ, профессоромъ Академіи, я — Егермейстеромъ Высочайшаго Двора, Членомъ Государственнаго Совѣта и Губернскимъ Предводителемъ Дворянства. Съ тѣхъ поръ мы снова стали довольно часто встрѣчаться и товарищески бесѣдовать о прошломъ,

настоящемъ и возможномъ будущемъ. Смотря на облысѣлаго, сѣдоватаго Андрюшу, приходилось невольно самому сознавать собственную свою приближающуюся старость.

10

Въ военной гимназіи было у меня въ то время много родныхъ и друзей въ другихъ отдѣленіяхъ и классахъ: годомъ старше учился мой двоюродный братъ кн. Михаилъ Ухтомскій, троюродный братъ Александръ, „Капка" Бѣляковъ, Михаилъ Валуевъ, братья Депрейсъ Михаилъ и Николай, Германъ Молоствовъ (послѣдніе трое всѣ Казанскіе), Языковы и др.. Со всѣми ними у меня осталась тѣсная дружба и послѣ перехода моего въ 1881 г. изъ военной гимназіи въ классическую въ томъ же Симбирскѣ.

Не безъ грусти узналъ я о рѣшеніи моихъ родителей перевести меня въ классическую гимназію. Трогательно было мое прощаніе съ военными товарищами. Праздники рождественскіе 1880-1881 г.г. я „прогулялъ" какъ слѣдуетъ. Учителями военной гимназіи задано было много по разнымъ предметамъ, особенно Рязановымъ по русскому языку, какъ разъ на эти каникулы; послѣ же рѣшенія моихъ родителей, я оказался свободенъ отъ прежнихъ обязательствъ и праздники провелъ воистину празднично, отъ всякихъ заданныхъ уроковъ отдыхая. Зато послѣ пришлось усиленно работать, главнымъ образомъ, по изученію и усвоенію совершенно для меня незнакомаго латинскаго языка. Въ 39 уроковъ я прошелъ основательно двухгодичный курсъ латинской грамматики и весной сдалъ благополучно свой вступительный экзаменъ, превратившись такимъ образомъ въ третьеклассника Симбирской классической гимназіи.

Перемѣна получилась для меня во всѣхъ отношеніяхъ огромная. Прежде всего, самое болѣе, чѣмъ скромное, зданіе новой гимназіи сильно отличалось отъ великолѣпныхъ аппартаментовъ прежняго военно-учебнаго корпуса, гдѣ самые классы, физическіе и др. рабочіе кабинеты, гимнастическія и рекреаціонныя залы на много были обширнѣе, свѣтлѣе, чище и лучше обставлены.

Составъ учительскаго персонала также былъ далеко не схожимъ съ тѣмъ, къ которому я за два съ половиной года успѣлъ привыкнуть. Начать съ директора: вмѣсто маленькаго генеральски-важнаго Якубовича, передо мной очутился человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ просторный синій вицмундиръ, большого роста, кряжистый, широкоплечій, съ огромной стриженой бобрикомъ головой, сильно скуластый съ маленькими стрижеными усами подъ мясистымъ носомъ и небольшими, но умными глазами, пронзительно выглядывавшими изъ-подъ сильно развитаго лобнаго бугра. То былъ Өеодоръ Михайловичъ Керенскій, сравнительно недавно до моего поступленія въ гимназію назначенный изъ Казани, вмѣсто Ивана Васильевича Вишневскаго, отбывшаго чуть ли не 25-тилѣтіе своего директорства и оставившаго послѣ себя тяжелое наслѣдство въ смыслѣ порядка управленія.

Өеодоръ Михайловичъ, благодаря своей исключительной энергіи, быстро началъ все улучшать и подтягивать. Онъ былъ директоромъ активнымъ, отзывчивымъ, во все вникавшимъ, за всѣмъ лично наблюдавшимъ. Врагъ лжи и притворства, Керенскій былъ по существу человѣкомъ добрымъ и справедливымъ. Образованный и умный, онъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ, исключительнымъ по своимъ способностямъ педагогомъ. Мнѣ посчастливилось попасть въ классы пятый и шестой, въ которыхъ, помимо директорства, онъ несъ обязанности нашего воспитателя, одновременно состоя учителемъ словесности и латинскаго языка.

Өеодоръ Михайловичъ прекрасно владѣлъ русской рѣчью и любилъ родную литературу, причемъ система преподаванія его была для того времени совершенно необычная. Свои уроки по словесности онъ, благодаря присущему ему таланту, превращалъ въ исключительно интересные часы, во время которыхъ съ захватывающимъ вниманіемъ заслушивались своимъ лекторомъ, для котораго въ эти часы не существовало никакихъ оффиціальныхъ программъ и учебниковъ съ обычными отмѣтками чиновниковъ-педагоговъ: „отъ сихъ до сихъ". Благодаря подобному способу живого преподаванія, мы сами настолько заинтересовывались предметомъ русской словесности, что многіе изъ насъ, не ограничиваясь гимназическими учебниками, въ свободное время дополнительно читали, по рекомендаціи того же Өеодора Михайловича, все относившееся до родной словесности. Девизомъ его во всемъ было: „non multa, sed multum". Такъ онъ требовалъ при устныхъ отвѣтахъ, того же онъ искалъ и при письменныхъ сочиненіяхъ, къ существу и формѣ коихъ онъ былъ особенно строгъ. Благодаря этому Өеодоръ Михайловичъ пріучилъ мыслить много, но высказывать и писать лишь экстрактъ продуманнаго въ краткой, ясной и литературной формѣ.

Уроки словесности Өеодоръ Михайловичъ преподавалъ съ V-го до послѣдняго класса, а латинскій языкъ, къ сожалѣнію, лишь въ V-мъ и VI-мъ классахъ. Говорю: къ сожалѣнію потому, что Өеодоръ Михайловичъ и въ этомъ отношеніи оказался необычнымъ педагогомъ. Какъ это ни парадоксально, но мы охотно ждали уроковъ даже латинскаго языка, благодаря опять-таки незаурядной личности нашего педагога и его неказенной системѣ преподаванія. Дѣло въ томъ, что вмѣсто зазубриванія всѣхъ правилъ и частностей сложной латинской грамматики, мы ихъ усваивали попутно при чтеніи классиковъ, причемъ чтеніе это обставлено было Өеодоромъ Михайловичемъ опять-таки совершенно по-иному, чѣмъ обычно у другихъ учителей. Онъ не задавалъ намъ извѣстные уроки, а, при-

ходя въ классъ, бралъ сочиненія Овидія Назона, Саллюстія, Юлія Цезаря или др. и давалъ кому-нибудь читать à livre ouvert, лично помогая, когда нужно, переводившему, и попутно объясняя содержаніе читаемого въ такихъ увлекательныхъ разсказахъ и яркихъ краскахъ, что всѣ мы въ концѣ концовъ сами напрашивались на подобное чтеніе. Вмѣсто мертвечины, получался интересный живой предметъ ознакомленія съ древней Римской исторіей и литературой по подлинымъ источникамъ. Въ концѣ VI-го класса мы легко читали Римскихъ классиковъ и знали все необходимое въ смыслѣ грамматическихъ требованій даже при исполненіи т. н. знаменитыхъ extemporalia.

Лично ко мнѣ Ѳеодоръ Михайловичъ относился очень хорошо, цѣнилъ мои успѣхи, а въ послѣдніе годы заставлялъ меня громко читать классу вмѣсто себя, чѣмъ, не скрою, я бывалъ немало гордъ и польщенъ.

Прошли года. Я окончилъ курсъ; послѣ этого вскорѣ Ѳеодоръ Михайловичъ получилъ повышеніе, будучи переведенъ Окружнымъ Инспекторомъ въ Ташкентъ. Болѣе мы съ нимъ никогда не встрѣчались. И вотъ, спустя 25 лѣтъ, на фонѣ взбаломученной рядомъ государственныхъ реформъ столичной жизни появился Керенскій, Александръ Ѳеодоровичъ, сначала въ качествѣ представителя крайней оппозиціонной партіи четвертой Государственной Думы, а затѣмъ, послѣ февральской революціи 1917 года, на роляхъ виднѣйшаго руководителя Временнаго Правительства... Конецъ его карьеры извѣстенъ.. Смотря, бывало, на него, странно и больно было мнѣ сознавать, что этотъ маленькій, худенькій, нервный политическій смутьянъ и болтунъ могъ быть сыномъ почтеннаго Ѳеодора Михайловича. *)

Продолжу свои воспоминанія про педагогическій персоналъ Симбирской классической гимназіи.

Особенно запечатлѣлась въ моей памяти типичная фигура Ивана Яковлевича Христофорова, новаго инспектора, кореннымъ образомъ непохожаго на бывшаго моего инспектора по военной гимназіи, образованнаго и благовоспитаннаго полковника Егора Ивановича Ельчанинова.

Происходя изъ духовнаго званія и окончивъ курсъ семинаріи, Иванъ Яковлевичъ продолжалъ говорить на „о" и преподавалъ греческій языкъ съ типичнымъ бурсацкимъ произношеніемъ. Въ непосредственномъ его вѣдѣніи былъ гимназическій пансіонъ, содержавшій въ себѣ до 40 гимназистовъ, которыхъ инспекторъ считалъ своей полной крѣпостной собственностью.

Ближайшимъ помощникомъ Христофорова по части инспекторскаго сыска и наблюденія былъ помощникъ классныхъ наставниковъ — Иванъ Николаевичъ Романовъ, по прозвищу

„сычъ". На самомъ дѣлѣ, рѣдко можно было бы найти человѣческую физіономію болѣе схожую именно съ упомянутой ночной хищной птицей, чѣмъ у этого Ивана Николаевича... При этомъ вся фигура его, костлявая, сутуло-согнутая дѣйствительно во многомъ напоминала ночного пернатаго хищника... Немало ему, бѣдному, пришлось переиспытать за свою долгую службу отъ безжалостныхъ школяровъ, чего-чего только не выдумывавшихъ для извода своего неказистаго и нелюбимаго сыщика-надзирателя.

Учитель Александръ Федоровичъ Пятницкій, подготавливавшій меня для вступленія въ классическую гимназію, вскорѣ скончался, и вмѣсто него, для преподаванія латинскаго языка былъ приглашенъ въ старшіе классы Павелъ Васильевичъ Ѳедоровскій, а въ младшихъ (до 5-го кл.) училъ означенному предмету Николай Михайловичъ Моржовъ, красивый, яркій брюнетъ, съ большой мелко-курчавой бородой, чрезвычайно симпатичный, взыскательный, но справедливый, а главное, интересный преподаватель. Не такъ приходится мнѣ вспоминать о Павлѣ Васильевичѣ Ѳедоровскомъ, къ которому попали мы послѣ Ѳедора Михайловича Керенскаго, перешедши въ 7-ой классъ.

Лучшіе ученики класса Ѳ. М. Керенскаго, попавъ къ Ѳедоровскому, за первую четверть еле-еле натянули среднюю тройку. Волей-неволей, пришлось всѣмъ намъ выучить на зубокъ конспектъ латинской грамматики, составленный бездарнымъ Ѳедоровскимъ, и бормотать ему, кстати и некстати, его латинскую мудрость. За полгода подобнаго преподаванія нашъ классъ сталъ неузнаваемъ: вмѣсто интереса къ чтенію классиковъ, мы стали смотрѣть на часы Ѳедоровскаго, какъ на неизбѣжное зло.

Всѣхъ насъ нервировало самое появленіе этого „чижа" (прозвище Ѳедоровскаго). Сѣменя и прискакивая своими маленькими ножками, Павелъ Васильевичъ стремительно „взлеталъ" на высокую кафедру и, не успѣвъ еще открыть журнала, какъ-то кряхтя и все время причмокивая, начиналъ вызывать кого-либо изъ учениковъ для отвѣта на заданный наканунѣ урокъ. Стоило ученику немного замяться, какъ „чижъ", все время ерзая на стулѣ и мотая безпрестанно головой, сразу выкрикивалъ цѣлую серію фамилій на подмогу. Въ результатѣ получалась сплошная неразбериха отвѣтовъ, волненіе самого Ѳедоровскаго, и журналъ уснащался цѣлой фалангой всяческихъ отмѣтокъ.

Павелъ Васильевичъ былъ до крайности пристрастенъ: были у него любимцы, но были ученики, къ которымъ несправедливая придирчивость его не знала границъ, за что однажды онъ жестоко поплатился. Одинъ изъ моихъ товарищей, доведенный подобными придирками до состоянія лютаго озлобленія, передъ приходомъ его въ классъ, взялъ и воткнулъ въ сидѣнье учительскаго стула иголку. „Чижъ" прилетѣлъ и сразу

же наскочилъ на предуготовленное орудіе мести. Пришлось бѣдному юношѣ покинуть гимназію.

Греческій языкъ съ 3-го класса и до окончанія курса преподавалъ намъ Иванъ Алексѣевичъ Ежовъ — крѣпкій мужчина среднихъ лѣтъ и роста, худой, у котораго вся наружность была рыжая. Походка и рѣчь его были всегда размѣренно-спокойными. Никогда не видали мы его чрезмѣрно раздраженнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никто Ежова не замѣчалъ когда-либо улыбавшимся. Дѣльный, обстоятельный преподаватель, Иванъ Алексѣевичъ былъ необычайно строгъ и требователенъ, считался грозой гимназии и пятерки никому не ставилъ, шутя говоря, что онъ самъ на высшій баллъ своего предмета не зналъ. Въ старшихъ классахъ Ежовъ сдѣлалъ исключеніе лишь Вл. Ульянову (будущій Ленинъ).

Исторію и географію преподавалъ намъ милый, симпатичный Николай Сергѣевичъ Ясницкій — молодой, высокій, худой, съ умнымъ, рябоватымъ, почти безусымъ лицомъ и прекрасными, свѣтлыми, вьющимися волосами. Николай Сергѣевичъ знакомилъ насъ съ сущностью его предметовъ съ увлеченіемъ, часто не ограничиваясь краткимъ содержаніемъ оффиціальныхъ учебниковъ. Недостатокъ его заключался въ излишней торопливости рѣчи и крайней нервности всего его поведенія.

Новые языки преподавали намъ: нѣмецкій — Яковъ Михайловичъ Штэйнгауэръ; французскій — Адольфъ Ивановичъ Поръ. По поводу перваго надо сказать такъ: сколько лѣтъ существовала въ Симбирскѣ сама гимназія, столько и состоялъ при ней учителемъ нѣмецкаго языка почтеннѣйшій и милѣйшій Яковъ Михайловичъ, успѣвшій издать свой собственный учебникъ, очень распространенный во всемъ Казанскомъ Учебномъ Округѣ. Дослужившійся до статскаго совѣтника и шейнаго Владиміра, Штэйнгауэръ былъ настоящій ветеранъ по педагогикѣ, всѣми уважаемый и любимый. Его ученики мало боялись, но все же занимались его предметомъ въ общемъ добросовѣстно. Ко мнѣ лично старикъ относился особенно мило и сердечно, но, увы, слишкомъ снисходительно, никогда почти меня не спрашивая, въ силу чего за шесть лѣтъ гимназическаго курса я значительно перезабылъ языкъ.

Французскій языкъ проходили мы подъ руководствомъ Адольфа Ивановича Пора — высокаго, здоровеннаго швейцарца, довольно красиваго брюнета съ тщательно расчесанными густѣйшими волосами на головѣ и раздвоенной плотной солидной бородой. Это былъ серьезный и дѣльный педагогъ, который умѣлъ насъ, школьниковъ, заставлять заниматься и слушаться.

Что было исключительно плохо поставлено въ гимназіи и чего еще не могъ или не успѣлъ Керенскій реформировать и улучшить — это преподаваніе математики, представителями коей были какіе-то ископаемые экземпляры, вродѣ старика Н. М. Степанова и полусумасшедшаго А. Э. Ѳедотченко. Первый былъ древній старикъ, еле ходившій, довольно благообразной внѣшности, бѣлый какъ лунь, съ широкой русской бородой. Преподавалъ онъ въ младшихъ классахъ скучно, нудно, заражая всѣхъ своей собственной нелюбовью къ преподаваемому предмету, который, видимо, надоѣлъ ему самому до тошноты. Благодаря этому, развлеченія ради, старикъ, вмѣсто преподаванія, вдавался въ разные посторонніе разговоры и препирательства съ малышами, а сіи послѣдніе, праздности ради, въ свою очередь, тоже не оставались въ долгу, приготовляя, время отъ времени, старику разныя бенефисныя представленія, вродѣ того, что запускали въ классъ передъ его приходомъ разныхъ пичужекъ, благодаря чему весь урокъ проходилъ въ ловлѣ таковыхъ подъ аккомпаниментъ изысканныхъ ругательствъ картаваго старика.

Отъ Степанова дѣти переходили къ учителю математики и физики въ старшихъ классахъ, А. Ѳ. Ѳедотченко (или „Ѳедотъ", какъ его сокращенно именовали гимназисты). До сихъ поръ для меня является загадкой, какъ могли держать преподавателемъ, да еще математическихъ наукъ, такого до комизма страннаго, я бы сказалъ — душевнобольного субъекта, какимъ былъ Ѳедотченко. Начать съ того, что онъ страдалъ болѣзнью — „боязнью пространства".

Придя въ классъ, онъ, бывало, начнетъ спрашивать. Ученикъ давно кончитъ свой отвѣтъ, а „Ѳедотъ" все еще чего-то ждетъ, видимо думая совершенно о другомъ. Отмѣтки ставилъ онъ часто невпопадъ, въ несоотвѣтствіи съ справедливой оцѣнкой знаній. Урокъ задавалъ больше по учебнику, если же бывало начнетъ самъ объяснять, то обращаясь къ классу, онъ все время заглядывалъ въ тотъ же учебникъ, безъ помощи котораго онъ двухъ словъ не могъ связать...

Надо удивляться, какъ терпѣли такихъ учителей и какъ еще находились такіе товарищи, правда, единицы, вродѣ моего кузена гр. Вл. Толстого, которые по окончаніи Симбирской гимназіи, шли въ Университетъ на математическій факультетъ! Очевидно, къ этому влекло собственное ихъ природное призваніе, а не результатъ преподаваній Степановыхъ и Ѳедотченокъ!..

Послѣ дружной товарищеской семьи военной гимназіи мнѣ было на первыхъ порахъ нелегко привыкнуть къ новой весьма пестрой средѣ моихъ одноклассниковъ по классической гимназіи. Тамъ большинство было тѣсно связано единствомъ происхожденія (дѣти офицеровъ), воспитанія и возраста, въ результатѣ чего всѣ въ классѣ быстро сходились на товарищеское „ты", остававшееся на всю послѣдующую ихъ жизнь. Здѣсь же, въ гражданской школѣ, я засталъ полное различіе во всѣхъ упомянутыхъ отношеніяхъ; поэтому замѣчалась нѣкоторая натянутость въ товарищескихъ взаимоотношеніяхъ, и если проявлялось какое-либо бо-

лѣе тѣсное сближеніе, то таковое усматривалось между юношами, имѣвшими между собой ту или другую лишь групповую, а не внѣклассную общность. Дѣти чиновниковъ всякихъ ранговъ, дворянскихъ, купеческихъ, мѣщанскихъ, крестьянскихъ семей, служащихъ всяческихъ профессій, чернорабочихъ — все это мѣшалось въ одномъ общемъ зданіи и классѣ, приурочиваясь къ одному совмѣстному обученію.

Въ нашемъ третьемъ классѣ я засталъ 30 учениковъ, изъ которыхъ дошло до выпускныхъ гимназическихъ экзаменовъ не болѣе половины.

Центральной фигурой во всей товарищеской средѣ моихъ одноклассниковъ былъ несомнѣнно Владиміръ Ульяновъ, съ которымъ мы учились бокъ-о-бокъ, сидя рядомъ на партѣ впродолженіе всѣхъ шести лѣтъ, и въ 1887 году, окончили вмѣстѣ курсъ. Въ теченіе всего періода совмѣстнаго нашего съ нимъ ученія мы шли съ Ульяновымъ въ первой парѣ: онъ — первымъ, я — вторымъ ученикомъ, а при полученіи аттестатовъ зрѣлости онъ былъ награжденъ золотой, я же серебряной медалью.

Маленькаго роста, довольно крѣпкаго тѣлосложенія, съ немного приподнятыми плечами и большой, слегка сдавленной съ боковъ головой, Владиміръ Ульяновъ имѣлъ неправильныя — я бы сказалъ — некрасивыя черты лица: маленькія уши, замѣтно выдающіяся скулы, короткій, широкій, немного приплюснутый носъ и вдобавокъ — большой ротъ, съ желтыми, рѣдко разставленными, зубами. Совершенно безбровый, покрытый сплошь веснушками, Ульяновъ былъ свѣтлый блондинъ съ зачесанными назадъ длинными, жидкими, мягкими, немного вьющимися волосами.

Но всѣ указанныя выше неправильности невольно скрашивались его высокимъ лбомъ, подъ которымъ горѣли два карихъ круглыхъ уголька. При бесѣдахъ съ нимъ вся невзрачная его внѣшность какъ бы стушевывалась при видѣ его небольшихъ, но удивительныхъ глазъ, сверкавшихъ недюжиннымъ умомъ и энергіей. Родители его жили въ Симбирскѣ. — Отецъ Ульянова долгое время служилъ директоромъ Народныхъ училищъ. Какъ сейчасъ помню старичка елейнаго типа, небольшого роста, худенькаго, съ небольшой, сѣденькой, жиденькой бородкой, въ вицмундирѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ Владиміромъ на шеѣ...

Ульяновъ въ гимназическомъ быту довольно рѣзко отличался отъ всѣхъ насъ — его товарищей. Начать съ того, что онъ ни въ младшихъ, ни тѣмъ болѣе въ старшихъ классахъ, никогда не принималъ участія въ общихъ дѣтскихъ и юношескихъ забавахъ и шалостяхъ, держась постоянно въ сторонѣ отъ всего этого и будучи безпрерывно занятъ или ученіемъ или какой-либо письменной работой. Гуляя даже во время перемѣнъ, Ульяновъ никогда не покидалъ книжки и, будучи близорукъ, ходилъ обычно вдоль оконъ, весь уткнувшись въ свое чтеніе. Единственно, что онъ признавалъ и любилъ, какъ развлеченіе, — это игру въ шахматы, въ которой обычно оставался побѣдителемъ даже при единовременной борьбѣ съ нѣсколькими противниками. Способности онъ имѣлъ совершенно исключительныя, обладалъ огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью. Повторяю, я всѣ шесть лѣтъ прожилъ съ нимъ въ гимназіи бокъ-о-бокъ, и я не знаю случая, когда „Володя Ульяновъ" не смогъ бы найти точнаго и исчерпывающаго отвѣта на какой-либо вопросъ по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедія, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей.

Какъ только Ульяновъ появлялся въ классѣ, тотчасъ же его обычно окружали со всѣхъ сторонъ товарищи, прося то перевести, то рѣшить задачку. Ульяновъ охотно помогалъ всѣмъ, но насколько мнѣ тогда казалось, онъ все-жъ недолюбливалъ такихъ господъ, норовившихъ жить и учиться за чужой трудъ и умъ.

По характеру своему Ульяновъ былъ ровнаго и скорѣе веселаго нрава, но до чрезвычайности скрытенъ и въ товарищескихъ отношеніяхъ холоденъ: онъ ни съ кѣмъ не дружилъ, со всѣми былъ на „вы", и я не помню, чтобъ когда-нибудь онъ хоть немного позволилъ себѣ со мной быть интимно-откровеннымъ. Его „душа" воистину была „чужая", и какъ таковая, для всѣхъ насъ, знавшихъ его, оставалась, согласно извѣстному изреченію, всегда лишь „потемками".

Въ общемъ, въ классѣ онъ пользовался среди всѣхъ его товарищей большимъ уваженіемъ и дѣловымъ авторитетомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя сказать, чтобъ его любили, скорѣе — его цѣнили. Помимо этого, въ классѣ ощущалось его умственное и трудовое превосходство надъ всѣми нами, хотя надо отдать ему справедливость — самъ Ульяновъ никогда его не выказывалъ и не подчеркивалъ.

Еще въ тѣ отдаленныя времена Ульяновъ казался всѣмъ окружавшимъ его какимъ-то особеннымъ... Предчувствія наши насъ не обманули. Прошло много лѣтъ и судьба въ самомъ дѣлѣ исключительнымъ образомъ отмѣтила моего тихаго и скромнаго школьнаго товарища, превративши его въ міровую извѣстность, въ знаменитую отнынѣ историческую личность — Владиміра „Ильича" Ульянова-Ленина, сумѣвшаго въ 1917 году выхватить изъ рукъ безвольнаго Временнаго Правительства власть, въ нѣсколько лѣтъ путемъ безпрерывнаго кроваваго террора стереть старую Россію, превративъ ее въ СССР-ію, и произвести надъ ней небывалый въ исторіи человѣчества опытъ — насажденія коммунистическаго строя на началахъ III-го Интернаціонала. Нынѣ положенъ онъ въ своемъ нелѣпомъ надгробномъ Московскомъ мавзолеѣ на Красной площади для вѣчнаго отдыха отъ всего имъ

содѣяннаго...

Наслѣдство оставилъ Ульяновъ послѣ себя столь безпримѣрно-сложное и тяжкое, что разобраться въ немъ въ цѣляхъ оздоровленія исковерканной сверху до низу Россіи сможетъ лишь такой же недюжинный умъ и талантъ, какимъ обладалъ, отошедшій нынѣ въ исторію, геніальный разрушитель Ленинъ.

Недавно мнѣ принесли номеръ газеты „За свободу" отъ 2 іюня 1924 года, небезынтересный для характеристики Ульянова въ описываемое мною время. Въ статьѣ, озаглавленной: „Аттестатъ зрѣлости Ленина" (подлинный документъ, хранящійся въ Институтѣ Ленина въ Москвѣ), — помѣщенъ текстъ протокола о допущеніи къ экзаменамъ Владиміра Ульянова и его аттестатъ зрѣлости, а въ особомъ примѣчаніи къ упомянутому протоколу имѣется приписка: „Ульяновъ и Наумовъ подаютъ наибольшія надежды на дальнѣйшіе успѣхи. Оба заявили, что они желаютъ поступить на юридическій факультетъ. Ульяновъ — на Казанскій и Наумовъ — на Московскій". Кромѣ того, директоръ Симбирской гимназіи Ѳ. Керенскій написалъ Ульянову обширную рекомендацію, въ которой, между прочимъ, говорится, что послѣ смерти отца, мать Ленина сама сосредоточила все свое вниманіе на воспитаніи сына. Основой воспитанія была религія и разумная дисциплина. Рекомендація Керенскаго кончается слѣдующей фразой: „Мать Ульянова предполагаетъ не оставлять сына безъ своего надзора и во время университетскихъ занятій". Эта рекомендація была нужна для того, чтобы Ульяновъ, послѣ казни его брата Александра, былъ принятъ безъ подозрѣній въ Казанскій Университетъ.

Воистину — „пути Божіи неисповѣдимы"!

11

Въ дѣтствѣ я росъ довольно слабымъ ребенкомъ. Такимъ же оставался я и въ младшихъ классахъ, несмотря на мой видъ полненькаго, румянаго во всю щеку, мальчика. Какъ-то разъ, будучи въ 4 классѣ, вступивъ въ общее побоище съ противникомъ*, я очутился лицомъ къ лицу съ непріятелемъ-гимназистомъ, котораго я терпѣть не могъ за постоянныя ко мнѣ приставанія, вышучиванія и издѣвательства. Воспользовавшись моментомъ военныхъ дѣйствій, я хотѣлъ, какъ говорится, свою душу отвести и закатилъ ему здороваго (такъ, по крайней мѣрѣ, казалось мнѣ) тумака, но увы, не успѣлъ опомниться, какъ самъ получилъ „сдачу", да при этомъ такую сильную, „затрещину", что очутился растянувшимся гдѣ-то въ углу подъ партой съ разбитой физіономіей... Раздался общій хохотъ и столь знакомый мнѣ отвратительный насмѣшливый голосъ моего счастливаго соперника: „Туда же дрянь лѣзетъ драться! Вотъ и валяйся теперь тамъ, барская косточка!".

Съ ранняго дѣтства самолюбивый, я долго не могъ отойти отъ пережитыхъ подъ партой своихъ униженій, затаивъ въ дѣтскомъ маленькомъ обиженномъ сердчишкѣ неудержимое чувство мщенія, которое вылилось у меня вскорѣ въ опредѣленное сознаніе самой срочной необходимости начать вырабатывать изъ себя физически сильнаго человѣка. И вотъ, съ 14 лѣтъ началъ я надъ собой работать въ этомъ смыслѣ, пользуясь совѣтами опытныхъ людей, причемъ со стороны отца я встрѣтилъ полное сочувствіе и поддержку, благодаря чему рядомъ съ моей комнатой въ проходной большой комнатѣ, гдѣ раньше спали мои братья, отецъ устроилъ мнѣ всѣ необходимыя приспособленія для гимнастическихъ упражненій (лѣстницу, кольца, трапецію, турникъ, козлы и пр.).

Съ ранняго утра я сбѣгалъ внизъ во дворъ къ дворнику Ѳедору, кололъ, пилилъ дрова, затѣмъ продѣлывалъ разныя гимнастическія упражненія; въ этомъ отношеніи совѣтами много помогъ мнѣ братъ Николай — самъ прекрасный гимнастъ. Въ спальнѣ у меня на почетномъ мѣстѣ появились гири. Упражнялся я во всякое время, сильно увлекаясь своимъ новымъ спортомъ и, тихо про себя, радуясь несомнѣннымъ своимъ достиженіямъ.

Само собой, я рѣшилъ выступить на арену мщенія не торопясь, когда смогу почувствовать себя „силачемъ" (почетнѣйшее въ то время среди гимназистовъ наименованіе нѣкоторыхъ счастливцевъ). Лѣтніе каникулы тоже проходили у меня все время въ физическихъ упражненіяхъ: верховой ѣздѣ, ежедневной греблѣ, ходьбѣ, бѣганіи, рубкѣ, пилкѣ, работѣ въ разныхъ мастерскихъ, саду и пр.

Все это любовно и сознательно продѣлывалось мною. Впереди была одна мечта — быть „силачемъ"! Въ самомъ дѣлѣ, „крѣпъ" я самъ у себя на глазахъ и не только физически, но и духомъ — на самомъ себѣ испытывая правильность мудраго латинскаго изрѣченія: „mens sana in corpore sano". Работая такъ надъ собой, я въ классахъ сторонился отъ „братоубійственныхъ" стычекъ, предоставляя заклятымъ борцамъ продолжать считать меня въ этомъ отношеніи „ничтожествомъ", „дрянью"...

Но вотъ въ 7-мъ классѣ, когда мнѣ минуло 17 лѣтъ, случилось нѣчто неожиданное для моихъ друзей и главное недруговъ, но очевидно заслуженное за многолѣтнюю мою упомянутую подготовку. Тотъ самый „задира", которому я былъ обязанъ начатымъ своимъ физическимъ саморазвитіемъ, на глазахъ многихъ товарищей такъ сталъ ко мнѣ при-

* Обычно враждовали два отдѣленія одного и того же класса, т. н. „нормальные и „параллельные", которые послѣ VI класса сливались въ одинъ.

ставать, что я рѣшилъ нарушить, наконецъ, свое долготерпѣніе. Результатъ превзошелъ всѣ мои ожиданія и ошеломилъ присутствующихъ... Пораженіе моего давняго противника оказалось полное — подъ партой, вмѣсто меня, теперь очутился онъ самъ; разница была только въ годахъ: тогда мнѣ было всего 14 лѣтъ, а теперь валялся на полу 18-тилѣтній дѣтина.

Съ тѣхъ поръ я ощущалъ вокругъ себя миръ и благодать, прослывъ за „силача".

Гимнастику свою послѣ описаннаго акта отмщенія я не только не забросилъ, но продолжалъ еще усиленнѣе ею увлекаться, особенно въ годы студенчества, не оставляя укоренившейся привычки къ ежедневнымъ физическимъ упражненіямъ до весьма почтеннаго возраста, чуть ли не до новаго своего званія „дѣдушки"...

Оглядываясь на много десятковъ лѣтъ назадъ, я не могу сказать, чтобъ у меня остались какія-либо плохія воспоминанія о моихъ бывшихъ товарищахъ-одноклассникахъ. Среди нихъ не было ни особенныхъ озорниковъ, ни особо досаждавшихъ „задиръ". Въ общемъ, отношенія со всѣми ними лично у меня были самыя добрыя, а съ нѣкоторыми даже задушевно-дружескія, какъ напримѣръ, съ Владиміромъ Варламовымъ.

Съ нимъ объединяла насъ общая страсть къ театру. Вмѣстѣ участвовали мы въ любительскихъ спектакляхъ, читали другъ другу излюбленныя произведенія русскихъ классиковъ и пр. Дружба съ нимъ еще болѣе окрѣпла во времена совмѣстнаго нашего студенчества и оставалась на всю нашу жизнь. По окончаніи курса Московскаго Университета, Варламовъ пошелъ по Судебному Вѣдомству — сначала былъ судебнымъ слѣдователемъ, затѣмъ членомъ Симбирскаго Окружного Суда. При общей эвакуаціи въ 1917 — 1918 г., во время большевистской революціи, онъ, какъ и всѣ симбиряки, попалъ въ Сибирь, гдѣ спустя два года скончался отъ тифа.

Средняго роста блондинъ, худощавый, Володя Варламовъ обладалъ на рѣдкость подвижной физіономіей и несомнѣннымъ талантомъ забавнаго комика, умѣвшаго артистически пересказывать всевозможные анекдоты, имитировать, подмѣчать смѣшныя стороны людей и т. д. При всемъ этомъ, Володя обладалъ исключительно благодарнымъ голосомъ, модуляція коего не знала предѣловъ: то слышишь бывало низкій трескучій басокъ, то при пересказахъ „бабьихъ" разговоровъ звучали женскіе голоса. Трудно забыть, какимъ всеобщимъ хохотомъ обычно сопровождалась передача Володей всяческихъ анекдотовъ изъ обширнаго его „бабьяго" репертуара, хотя бы, напримѣръ, такого краткаго, кажется, изъ Горбуновскихъ разсказовъ, діалога, повстрѣчавшихся двухъ старушекъ изъ простонародья: — „Слышала?" — „Что?" — „Папа-то Римская!" — „Ну?" — Родила!" — „Охъ грѣхи тяжкіе!" Надо было при этомъ видѣть и слышать самого разсказчика, его мимику и „бабью" интонацію, чтобы понять неотразимость его комическаго дарованія.

Запасъ всяческихъ разсказовъ и прибаутокъ былъ у него неистощимый, но пошло-скабрезнаго онъ не любилъ, отдаваясь всей душой, главнымъ образомъ, чтенію и изученію русской классической драмы. Играли мы съ нимъ также „Горе отъ ума": онъ — Фамусова, я — Чацкаго. Знали мы Грибоѣдова наизусть, часто его декламируя другъ другу въ свободное время. Любили мы и другихъ драматическихъ классиковъ — Пушкина, Алексѣя Тодстого. Само собой, „Ревизора" знали отъ слова до слова, причемъ въ исполненіи Хлестакова, мы съ нимъ сильно соперничали.

Попавъ въ Москву, Володя встрѣтился со своимъ дядюшкой — знаменитымъ артистомъ Императорской сцены К. А. Варламовымъ. Самъ Володя происходилъ изъ старой дворянской семьи. Отецъ его, Александръ Дмитріевичъ, чуть ли не полныхъ четверть вѣка служилъ въ г. Сенгилеѣ Симбирской губерніи исправникомъ и пользовался въ своей округѣ всеобщимъ уваженіемъ и любовью. По совѣту своего дядюшки, Володя, будучи студентомъ, поступилъ въ драматическую школу, находившуюся подъ управленіемъ тоже знаменитаго артиста Московскаго Малаго театра — М. П. Садовскаго. Школа эта помѣщалась въ театрѣ Мошнина въ Каретномъ Ряду. Варламовъ впрочемъ не долго пробылъ въ ней, разочаровавшись въ условіяхъ преподаванія и работы. Дарованіе осталось при немъ. Впослѣдствіи удовлетворялъ онъ себя, участвуя въ рядѣ любительскихъ спектаклей въ Москвѣ, а потомъ, состоя уже на службѣ по Судебному Вѣдомству, — въ своемъ родномъ Симбирскѣ, гдѣ былъ женатъ, но неудачно.

Не могу не вспомнить среди бывшихъ моихъ пріятелей-одноклассниковъ пѣвцовъ: Писарева, Прушакевича и Дардальонова — тенора, баса-октавы и баритона — которые считались главными устоями гимназическаго церковнаго хора. Дѣйствительно, всѣ они превосходно пѣли на клиросѣ и въ особенности отличались при исполненіи великопостнаго „Да исправится молитва моя"..

12

Осенью 1881 года, т. е., въ годъ вступленія моего въ 3-й классъ Симбирской классической гимназіи, я оставался въ нашемъ домѣ, на Большой Саратовской, у моихъ родителей одинъ. Старшій братъ Димитрій въ то время хворалъ, какъ объ этомъ ранѣе я упомянулъ, а братъ Николай поступилъ въ Петербургѣ въ Михайловское Артиллерійское Учи-

лице. Я жилъ наверху, имѣя въ своемъ распоряженіи три комнаты и двѣ боковыя галлереи.

Изъ одной изъ нихъ открывался рѣдкій по своей красотѣ и грандіозности видъ на долину Волги, вплоть до Сентилеевскихъ горъ.

Великій слѣдъ на весь укладъ моего духовнаго нутра оставила эта незабываемая панорама, открывавшаяся изъ оконъ домовой нашей галлереи на Волжскую ширь и весь ея величественный просторъ.

Волга, Волга — мать родная! Съ тобой связана вся моя жизнь съ колыбели; на тебѣ я росъ и мужалъ; на твоемъ просторѣ развивалъ я свои силы и вольную душу; въ твоихъ стихіяхъ закалялъ свой характеръ и черпалъ запасы энергіи и неустрашимости!.. Безъ тебя я скучалъ и тосковалъ, привыкнувъ тобою всегда любоваться. Ушелъ Симбирскій домъ, я выстроилъ новый въ Самарѣ изъ твоихъ же Жигулевскихъ камней да такъ, чтобъ опять наслаждаться безъ конца твоей родной для меня безконечно чарующей стихіей и жизнью...

Въ небольшой „моей" комнатѣ, гдѣ я спалъ и занимался, все было просто, но уютно. Имѣлась небольшая, складная металлическая кровать, скромный столъ для занятій съ керосиновой лампой и этажеркой для книгъ, крашеный желѣзный умывальникъ съ ножной педалью, въ углу круглая желѣзная печь, выкрашенная въ золотую краску.

Усадебное городское мѣсто наше было огромное. Съ одной стороны дома имѣлся обширный дворъ, на которомъ были расположены конюшни, коровникъ, каретный и дровяной сараи, погребъ и пр. За перечисленными постройками простирался большой пустырь, заросшій бузиной и репейникомъ. По другую сторону дома шелъ, пространствомъ съ добрую десятину, если не больше, нашъ столь памятный мнѣ садъ, расположенный вдоль всей Старо-Театральной площади внизъ до начала „Петро-Павловскаго" спуска, ведущаго изъ города къ Волжскимъ пристанямъ.

Отецъ не держалъ особаго садовника, а имѣлъ для всего своего усадебнаго хозяйства одного служащаго — дворника Федора, удивительно осмысленнаго и работящаго человѣка, котораго я очень любилъ и отъ котораго я многому съ ранняго дѣтства научился по части дворовыхъ и садовыхъ работъ. Первая моя рубка, колка дровъ, копанье грядъ и пр. прошли подъ его руководствомъ. Средняго роста, кряжистый, смуглый, красивый, съ черными кудрями и небольшой русской бородкой, Федоръ отличался ровнымъ характеромъ и особаго рода, если можно такъ выразиться, благовоспитанностью по отношенію къ своимъ господамъ. Неразлучными спутниками его были двѣ собаки: одна цѣпная — большой, желтый съ розовой мордой „Гекторъ", и другая маленькая, мохнатая дворняжка съ закорючкой вмѣсто хвоста, именовавшаяся „Мухтаркой".

На конюшнѣ царствовалъ неизмѣнный кучеръ Иванъ, любившій себя величать Иваномъ Николаевичемъ Исподниковымъ. Средняго роста, плотный, краснолицый брюнетъ съ небольшой бородой, Иванъ, несмотря на свою природную дурковатость, любилъ распространяться на ученыя темы и говорить о политикѣ. По служебной части онъ былъ старателенъ, но предпочиталъ ѣздить на привычныхъ и покойныхъ лошадяхъ.

На кухнѣ хозяйничалъ поваръ „Михайло" подъ названіемъ „курносый" — мастеръ своего дѣла, особенно по части всевозможныхъ пироговъ, закусокъ и копченыхъ стерлядей.

Въ дому прислуживалъ тоже Михайло — небольшой блондинъ съ большими лакейскими усами, научившійся отъ братьевъ разнымъ юнкерскимъ выраженіямъ, изъ которыхъ излюбленнымъ у него было: „Энъ удовольствій" (выговариваемымъ имъ „іенъ удовольствію"). Женской прислугой была буфетчица Дуняша, на которой Михайло потомъ женился, а при мамѣ, въ качествѣ ея горничной и экономки, состояла Софья Трифоновна съ дочкой Надей, любившая всюду совать свой носъ, подсматривать и подслушивать. Худая, съ большими карими глазами за очками, прикрытая старомоднымъ кружевнымъ чепцомъ, Софья Трифоновна была всѣми нелюбима, что, впрочемъ не мѣшало ей неслышно всюду и всегда какъ бы невзначай появляться.

Будничный день мой начинался съ 7 ч. утра зимой и съ 6 ч. утра въ лѣтнее время. Умывшись, первымъ долгомъ продѣлывалъ обычныя свои упражненія на домашней гимнастикѣ. Одѣвшись, сбѣгалъ на дворъ къ Федору, успѣвалъ попилить, порубить дровъ, а въ теплое время поработать даже немного въ саду и огородѣ. Въ 8 часовъ утра пилъ чай съ молокомъ и бутербродами, любилъ яйцо въ смятку, особенно, когда милая моя Таташа жила съ нами по зимамъ. Бывало добрая моя старушка, сидя въ нижней столовой, сваритъ свѣженькое яичко въ любимый мой „мѣшочекъ", очиститъ его кончикъ и ждетъ сверху своего Шушу...

Захвативъ въ ранецъ холодный завтракъ, изъ тѣхъ же бутербродовъ, садишься, чтобъ ѣхать въ гимназію, къ кучеру Ивану на дрожки или въ санки съ высокой ковровой спинкой, — каковыя я видѣлъ лишь въ Симбирскѣ въ помѣщичьихъ домахъ.

Уроки въ гимназіи начинались съ 9 часовъ утра. Предварительно за ¼ часа всѣ учащіеся собирались въ церковномъ залѣ на молитву; затѣмъ съ пятиминутными перерывами до 12 ч. проходило 3 урока, послѣ чего отъ 12 до 12 ½ была .т н. большая перемѣна, во время которой завтракали. Съ 12 ½ ч. по расписанію полагалось еще 2 урока, котрые къ 2 ½ ч. дня кончались, и мы возвращались домой обычно пѣшкомъ, гурьбой, съ шумомъ и гамомъ вываливая съ гим-

назическаго двора.

Обѣдали мы всѣ вмѣстѣ обычно въ 3 часа въ столовой. Часто бывали гости, старшіе засиживались, а я, поблагодаривъ родителей, поднимался къ себѣ наверхъ и принимался за уроки, которые, кстати сказать, задавали намъ въ объемистыхъ размѣрахъ, такъ что до вечерняго чая еле-еле удавалось ихъ одолѣть. Репетиторовъ у меня никогда не было. Господь помогалъ мнѣ одному справляться съ школьнымъ дѣломъ, не обременяя и не безпокоя родителей, вносившихъ лишь ежегодно за меня сначала по 40 р., а затѣмъ по 60 р. за весь учебный годъ... Занятія мои шли удачно. Переходилъ я изъ класса въ классъ съ наградами, окончилъ, какъ я раньше сказалъ, съ медалью.

Два раза въ недѣлю, по вечерамъ, приходилъ ко мнѣ учитель скрипичной игры, Антонъ Осиповичъ Крыжевинскій. Музыку я любилъ съ ранняго дѣтства. Сначала обучала меня игрѣ на роялѣ гувернантка Изабелла Ивановна, но, увы, ея способъ занятій меня надолго отвратилъ отъ сего инструмента; и лишь спустя много лѣтъ, когда въ Москвѣ я сталъ брать уроки пѣнія, я сталъ самъ себѣ аккомпанировать и мало-по-малу такъ пріохотился къ роялю, что къ 24 годамъ свободно разбиралъ ноты и могъ проигрывать à livre ouvert цѣлыя оперы. Въ 14 лѣтъ мнѣ очень хотѣлось научиться играть на скрипкѣ; родители пошли навстрѣчу и вотъ приглашенъ былъ ко мнѣ въ качествѣ учителя вышеупомянутый Антонъ Осиповичъ, въ то время дававшій въ Симбирскѣ уроки во многихъ домахъ — кому на скрипкѣ, кому на віолончели, и даже на роялѣ.

Самъ Антонъ Осиповичъ былъ превосходный скрипачъ, выступалъ нерѣдко въ концертахъ и доставлялъ слушателямъ своей игрой высокохудожественное наслажденіе. Будучи польскаго происхожденія, онъ въ числѣ многихъ, послѣ шестидесятыхъ годовъ, былъ высланъ изъ Польши и поселился въ Симбирскѣ со всей своей семьей.

Мало-по-малу, одолѣвъ всѣ первоначальныя техническія трудности, я потомъ сильно увлекся своимъ инструментомъ, тѣмъ болѣе, что благодаря тому же Антону Осиповичу, удалось почти за даромъ, по случаю, пріобрѣсти драгоцѣннѣйшую скрипку Антонія Гварнеріуса *, подлинную рѣдкость съ отмѣткой внутри: „Antonius Guarnerius faciebat in Cremone an. 1726", съ которой я никогда потомъ не разставался и которую въ ноябрѣ 1917 года уничтожила все та же большевистская бѣсовщина.

Впослѣдствіи дошелъ до насъ слухъ, что музыкальные наши инструменты въ имѣніи: рояли Блютнера и Стэнвэй, отцовская віолончель Вильома, моя скрипка, чудная фисгармонія были въ томъ же году вдребезги разбиты, какъ „господская буржуйная" затѣя...

* 1683 — 1745. **Ред.**

Помимо домашнихъ выступленій соло или тріо съ братьями Ухтомскими, Антонъ Осиповичъ меня выпускалъ подъ конецъ даже на большихъ благотворительныхъ концертахъ. Помню какъ приходилось въ качествѣ солиста участвовать въ парадномъ любительскомъ концертѣ въ губернаторскомъ залѣ у Долгово-Сабуровыхъ, въ которомъ я исполнялъ трудный концертъ Мендельсона. Затѣмъ я выступалъ совмѣстно съ отцомъ (віолончель), матерью (рояль) и Николаемъ Бѣляковымъ (фисгармонія) въ квартетѣ изъ послѣдняго акта оперы „Риголетто" на благотворительномъ концертѣ, дававшемся въ огромной красивой залѣ Симбирскаго Дворянскаго Собранія.

Воскресные и праздничные дни проходили у меня обычно въ сообществѣ моихъ сверстниковъ — родныхъ и друзей. Въ числѣ первыхъ, прежде всего, были двоюродные мои братья, князья Ухтомскіе, Михаилъ и Александръ; затѣмъ троюродные: Александръ Бѣляковъ, Михаилъ Валуевъ, гр. Толстые и наконецъ, въ качествѣ ближайшихъ друзей: Германъ Молоствовъ, братья Депрейсъ, Михаилъ и Николай, и Сергѣй Быковъ. Александръ Бѣляковъ или „Капка", какъ его всѣ звали, рано насъ покинулъ навсегда, скончавшись 14 лѣтъ отъ аппендицита. Это былъ смуглый, живой, немного озорной, но милый мальчикъ, большой любитель ловли птицъ, каковымъ спортомъ мы нерѣдко съ нимъ занимались около ихъ сада на обширномъ въ то время совершенно запущенномъ, городскомъ мѣстѣ, около знаменитаго „Вѣнца" — обычнаго мѣста гулянья Симбирской публики, съ котораго открывался изумительный по красотѣ видъ на Волгу и далекое наше Заволжье.

Ухтомскіе и Бѣляковы были наиболѣе близкими и дружными съ нами семьями. Съ Михаиломъ и Александромъ Ухтомскими я росъ, какъ съ родными братьями; постоянно мы бывали другъ у друга, играли, веселились, совмѣстно занимались музыкой, съѣзжались по лѣтамъ, охотились и т. д.

Михаилъ былъ старше Александра на годъ и отличался съ раннихъ лѣтъ любовью къ хозяйству и ко всякой живности — лошадямъ, коровамъ, собакамъ и пр. Въ наукахъ зато онъ мало преуспѣвалъ и, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ выйти изъ старшихъ классовъ военной гимназіи, послѣ чего онъ весь отдался своему любимому призванію — хозяйству, тѣмъ болѣе, что къ тому времени его отецъ князь Николай Николаевичъ скончался, и Михаилъ сталъ естественнымъ помощникомъ своей матери.

Впослѣдствіи ему было выдѣлено имѣніе „Китовка" съ отличной землей и прекрасными луговыми угодьями по р. Свіягѣ, гдѣ онъ хозяйничалъ самостоятельно и вскорѣ обзавелся хозяйкой въ лицѣ миловидной свѣтлой блондинки — Клавдіи Михайловны (урожденной Есиповой), обладав-

шей прекраснымъ сопрано и мечтавшей одно время о сценѣ, но счастье ихъ недолго продолжалось.

Года черезъ два Клавдія покинула своего хозяйственнаго супруга и опостылѣвшую ей Китовку; вскорѣ простудилась и скончалась отъ злой чахотки, а Михаилъ мало-по малу превратился изъ сельскаго хозяина въ мелкаго торгаша и робкаго грошоваго спекулянта по разнообразнѣйшимъ отраслямъ. Все это отразилось невыгодно и на немъ самомъ, на складѣ его характера и умственномъ его кругозорѣ. На меня, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее наше свиданіе съ нимъ (въ іюлѣ 1917 г.) онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка замкнутаго и, я бы сказалъ, сильно опустившагося. Впослѣдствіи до меня дошли слухи, что онъ при большевикахъ скончался.

Князь Александръ рѣзко отличался отъ брата во всѣхъ отношеніяхъ. Начать съ того, что Михаилъ росъ крѣпышемъ, Александръ же съ ранняго дѣтства не могъ похвалиться своимъ здоровьемъ, былъ всегда худъ и блѣденъ.

Будучи по природѣ своей очень способнымъ, онъ не въ примѣръ брату своему, шелъ въ гимназіи однимъ изъ первыхъ учениковъ, много читалъ, любилъ музыку, игралъ хорошо на роялѣ. Перейдя въ Университетъ, сначала въ Петербургскій, а потомъ черезъ годъ — въ Московскій, Александръ поселился съ нами вмѣстѣ и съ этого времени, главнымъ образомъ, создалась и окрѣпла наша дружба.

Онъ отличался всегда широтой своихъ взглядовъ, идеаловъ и поступковъ, и эти качества и выдвинули его въ послѣдующее время его жизненной карьеры въ ряды наиболѣе видныхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. По сдачѣ государственныхъ экзаменовъ, Александръ поступилъ на должность Земскаго Начальника, женился на мѣстной состоятельной барышнѣ, Аннѣ Валерьяновнѣ Назарьевой, и вскорѣ, раздѣлившись съ братомъ Михаиломъ, получилъ въ свое полное распоряженіе при с. Репьевкѣ, въ 40 верстахъ отъ г. Симбирска, прекрасное материнское имѣніе, обширное, черноземное и благоустроенное. Спустя много лѣтъ, онъ былъ избранъ Предсѣдателемъ Уѣздной Земской Управы, и на этой должности застала его революція. Князю Александру со всей семьей (сынъ и двѣ дочери) пришлось эвакуироваться въ Сибирь, а затѣмъ, послѣ паденія Колчака, продвинуться дальше до Харбина.

Въ семьѣ Ухтомскихъ, кромѣ братьевъ, были двѣ сестры: княжна Евгенія, которая была старшая изъ дѣтей, и княжна Елизавета, самая младшая.

Княжна Елизавета вышла потомъ замужъ за кавалериста Пифіева, сына Симбирскаго полицмейстера — здоровеннаго, смуглаго, довольно красиваго молодого человѣка, оказавшагося вскорѣ грубымъ забулдыгой, безцеремонно третировавшимъ свою несчастную супругу, что не мѣшало ему

одновременно весело проводить время на сторонѣ. Наплодивъ кучу дѣтей, Пифіевъ довелъ въ концѣ концовъ бѣдную Лизу до состоянія душевной болѣзни, и она покончила свою жизнь самоубійствомъ.

Княжна Евгенія осталась старой дѣвой и жила безразлучно со своей старухой матерью, сначала помогая ей по хозяйству, а подъ конецъ, ухаживая за ней во время ея старости и болѣзни. Это была прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушка — чистая, добрая и любящая, съ выдающимися хозяйственными способностями и отличавшаяся необыкновенной заботливостью о всѣхъ своихъ родныхъ и близкихъ. Послѣ смерти матери она унаслѣдовала городской домъ въ Симбирскѣ, на Покровской улицѣ, съ садомъ, съ аллеями изъ липъ, вязовъ и акацій, имѣвшій въ общемъ запущенный видъ

Съ домомъ Ухтомскихъ у меня связано немало воспоминаній, относящихся ко времени моей гимназической жизни. Живя любовно и дружно съ моими двоюродными братьями, Сашей и Мишей, и также съ обѣими моими кузинами, часто съ ними видаясь, я, бывало, цѣлыми днями по праздникамъ проводилъ у нихъ; вмѣстѣ бѣгали мы по саду, играли на дворѣ, любили ходить по конюшнямъ, вникать въ хозяйственные заботы и дѣла, танцовали въ небольшой квадратной домовой залѣ. Въ ней же устраивались нерѣдко домашнія сцены и разыгрывались наши любительскіе спектакли.

Бѣляковская семья состояла изъ отца, — дяди моего Өеодора Афанасьевича, его жены Марьи Ивановны (урожденной княжны Гагариной) и дѣтей: Николая, Михаила, Александра и дочерей: Маріи и Ольги.

Өеодоръ Афанасьевичъ приходился двоюроднымъ братомъ моей матери и троюроднымъ — отцу, такъ какъ мать его, Евгенія Алексѣевна была урожденная Наумова, родная сестра княгини Елизаветы Алексѣевны Ухтомской. Жили они въ большомъ бѣлокаменномъ двухэтажномъ особнякѣ, расположенномъ вблизи „Вѣнца", на возвышенномъ мѣстѣ, надъ самымъ склономъ городской Симбирской горы, съ котораго открывался великолѣпный видъ на Волгу и Заволжье. Домъ былъ старинный и представлялъ собой настоящую старопомѣщичью усадьбу со всяческими хозяйственными службами, конюшнями, коровниками и пр., причемъ отъ самаго дома спускался довольно круто къ Волгѣ огромный плодовый садъ. Дядя Өеодоръ Афанасьевичъ вспоминается мнѣ въ видѣ плотнаго, солиднаго мужчины довольно высокаго роста, съ выразительнымъ, умнымъ лицомъ, большими карими красивыми глазами и ровно подстриженными усами. Онъ служилъ въ Симбирскомъ Земствѣ въ качествѣ Члена Губернской Земской Управы, слылъ за дѣльнаго хозяина, а главное, за прекраснаго знатока-коннозаводчика.

Өеодоръ Афанасьевичъ скончался скоропостижно въ молодыхъ годахъ. У него было три брата: Николай Афанасье-

вичъ, бывшій гусаръ, женившійся на цыганкѣ; Петръ Афанасьевичъ — силачъ, жуиръ, съ внѣшностью старѣющаго Донъ-Жуана помѣщичьяго стиля, страстный охотникъ и игрокъ, необычайно темпераментный. Онъ „гдѣ-то" и „какъ-то" жилъ, незамѣтно съ горизонта Поволжскаго, въ концѣ концовъ, исчезнувъ. Привычнымъ восклицаніемъ его въ разговорахъ было странное слово: „Рамбацъ!", которое нерѣдко употреблялось, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ Ставропольскомъ уѣздѣ, въ видѣ клички самого его изобрѣтателя.

Я зналъ двухъ сестеръ покойнаго дяди Ѳеди: Евгенію Афанасьевну, бывшую замужемъ за Никаноромъ Александровичемъ Анненковымъ, Симбирскимъ помѣщикомъ, земскимъ гласнымъ, дворяниномъ и симпатичнымъ добрякомъ, и другую — вдову Леонилу Афанасьевну Ратаеву — смуглую, крупную, полную женщину, необычайно темпераментную, съ большими, круглыми, карими глазами, удивительно добрую и симпатичную, бывшую наилучшимъ и ближайшимъ другом моей матери.

Тетя Леонила была хорошая музыкантша и обладала въ молодости прекраснымъ меццо-сопрано, часто выступая въ благотворительныхъ концертахъ и въ домашнемъ кругу своихъ знакомыхъ.

Супруга Ѳеодора Афанасьевича Бѣлякова, тетя Марья Ивановна,послѣ смерти мужа оказалась пожизненной владѣлицей оставшагося наслѣдственнаго имущества и продолжала жить въ томъ же Симбирскомъ домѣ.

Зимой 1918 года ей пришлось продѣлать тяжелый путь въ Сибирь, а затѣмъ, съ паденімъ Колчака, передвинуться съ ея дѣтьми и внуками дальше на Востокъ, въ Харбинъ, гдѣ она еще прожила нѣсколько лѣтъ, и лишь въ 1925 году, чуть ли не въ 90 лѣтъ, отошла въ иной, лучшій міръ.

Въ Симбирскѣ жили двѣ ея родныя сестры: Александра Ивановна и Прасковья Ивановна. Была еще третья — Вѣра Ивановна, постоянно обитавшая заграницей, въ Каирѣ. Обѣ Симбирскія сестры были замужемъ за Языковыми, тоже родными между собой братьями: Александромъ и Василіемъ помѣщиками, но въ общественной служилой жизни роли не игравшими.

Александра Ивановна была исключительно видной фигурой среди былой Симбирской аристократіи, всей своей импозантной внѣшностью позируя на нѣкоторое сходство съ самой Великой Екатериной, Въ высокомъ сѣдомъ парикѣ, статная, съ мелкими красивыми чертами слегка подрумяненнаго и припудреннаго лица, съ непремѣнными мушками на щекѣ или подбородкѣ, Александра Ивановна отличалась „парадностью" въ отношеніи костюмовъ и въ смыслѣ умѣнья жить.

Принимала ли она у себя дома, появлялась ли сама въ гостяхъ, она вносила всегда струйку какого-то особаго свѣтскаго подъема и салоннаго житейскаго изящества. Въ свое время ея пріемы, вечера, выѣзды и пр. считались лучшими, такъ же, какъ и кухня — самой изысканной. Супругъ ея, Александръ Петровичъ, и по характеру, и по внѣшности, мало общаго имѣлъ съ своей „прекрасной половиной". Сестра ея, Прасковья Ивановна, послѣ веселой, свѣтской жизни какъ-то сразу съ ней порвала и поступила въ мѣстный женскій монастырь, тихо устроившись въ особой своей кельѣ.

Старшимъ сыномъ въ семьѣ Бѣляковыхъ былъ Николай, сверстникъ брата моего Димитрія. Окончивъ вмѣстѣ съ нимъ Симбирскую Военную Гимназію, онъ поступилъ въ Петербургское Павловское Военное Училище, откуда вышелъ офицеромъ въ Лейбъ-Гвардіи Измайловскій полкъ. Съ ранней юности онъ проявлялъ музыкальныя способности, игралъ на роялѣ и пѣлъ. Впослѣдствіи, будучи офицеромъ и обладая довольно красивымъ баритономъ, Николай бралъ уроки пѣнія у знаменитаго Эверарди и готовился въ мечтахъ своихъ на оперную сцену, но судьба по своему рѣшила и повернула всю его карьеру на совершенно иной путь.

Выйдя въ отставку, Николай Ѳедоровичъ былъ избранъ, по памяти къ заслугамъ его дѣльнаго отца, въ члены Губернской Земской Управы, женился на дочери бывшаго Симбирскаго Губернскаго Предводителя Дворянства М. Т. Теренина, чрезвычайно симпатичной Елизаветѣ Михайловнѣ. Отъ этого брака у нихъ былъ единственный сынъ Михаилъ, потомъ превратившійся въ настоящаго красавца-мужчину. Спустя нѣсколько трехлѣтій, Николая Ѳедоровича выбрали Предсѣдателемъ Симбирской Губернской Земской Управы, а послѣ смерти В. Н. Поливанова, въ члены Государственнаго Совѣта отъ мѣстнаго Земства.

Помимо музыки, Николай Ѳедоровичъ, наряду со своими земскими занятіями, увлекался отцовской страстью къ лошадямъ и конскому спорту, и въ этомъ отношеніи онъ успѣлъ многое сдѣлать, улучшивъ составъ своего Ногаткинскаго завода и завоевавъ своимъ лошадямъ почетное мѣсто среди первоклассныхъ, рекордныхъ россійскихъ рысаковъ.

Братъ Николая, Михаилъ Бѣляковъ, тоже прошелъ курсъ военной гимназіи и затѣмъ Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, по окончаніи котораго вышелъ въ офицеры 23-й Артиллерійской Бригады, гдѣ одно время служилъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Николаемъ. Вскорѣ онъ по болѣзни вынужденъ былъ выйти въ отставку и вернуться къ своимъ въ Симбирскъ. Это былъ человѣкъ серьезный, дѣльный, хозяйственный, точный и вѣрный на словахъ и въ поступкахъ. Высокій, худой (въ Училищѣ недаромъ звали его „палкой"), Михаилъ имѣлъ то, что принято называть „породистой" внѣшностью.

Совершенно еще юнаго Михаила Ѳедоровича избрали въ Симбирскіе Уѣздные Предводители Дворянства, гдѣ онъ сразу же проявилъ свои незаурядныя дѣловыя способности и

привлекательныя душевныя качества. Вскорѣ онъ вынужденъ былъ покинуть эту службу за массой хозяйственныхъ обязанностей по управленію дѣлами и имуществомъ своей матери. Скромный, выдержанный, Михаилъ Ивановичъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью симбирскаго общества, что и выразилось избраніемъ его въ 1916 году Губернскимъ Предводителемъ Дворянства. Но революція 1917 года захватила и его въ числѣ другихъ симбирцевъ, заставивъ бѣжать въ Сибирь вмѣстѣ съ матерью и другими родными.

Моимъ сверстникомъ въ семьѣ Бѣляковыхъ былъ Александръ или „Капка", о которомъ я въ своемъ мѣстѣ упомянулъ. Неразлучной спутницей его дѣтства была его сестра, Маня, годомъ его моложе, постоянная участница нашихъ дѣтскихъ игръ въ ихъ обширной городской усадьбѣ. Самой младшей въ ихъ семьѣ была Ольга, на нѣсколько лѣтъ моложе насъ и рано отданная матерью въ Москву, въ Елизаветинскій институтъ. Съ ней мнѣ приходилось рѣдко встрѣчаться. Судьба столкнула насъ во время революціи въ Крыму, когда она, измученная болѣзнью своего мужа, лежавшаго въ чахоткѣ, имѣла видъ совершенно больной старухи. Похоронивъ мужа, она бѣдная вскорѣ ослѣпла, и въ такомъ состояніи добралась все же до своихъ семейныхъ въ Харбинѣ.

Вернусь къ старшей ея сестрѣ — Маріи, игравшей въ годы моей юности исключительную роль, а по окончаніи Университета, волею судебъ, оказавшей на всю послѣдующую мою жизнь рѣшающее значеніе, но объ этомъ скажу позже...

Свѣтлая шатенка съ чудной косой, естественно вьющимися на лбу и вискахъ волосами, средняго роста, статная, крѣпкая, Маня имѣла рѣдко привлекательное лицо, не столько по внѣшнимъ красивымъ его очертаніями, сколько по выраженію ея умныхъ, искреннихъ, правдивыхъ глазъ, то искрящихся жизнерадостнымъ весельемъ, то бездонно-темныхъ въ минуты огорченія. Глаза ея безъ утайки отражали сложность ея темперамента и вмѣстѣ съ тѣмъ, всю красоту ея вольной, но хорошей души... Характера она была веселаго, но своенравнаго.

Кончина Александра Бѣлякова на Маню сильно повліяла, долго и много она о немъ тосковала, и это еще болѣе сблизило насъ съ ней, такъ какъ въ моемъ лицѣ она видѣла нѣкоторое отраженіе ея прошлой совмѣстной жизни съ братомъ.

Маня воспитывалась дома. Пробовали ее отдать въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ столицы, но вскорѣ она вернулась въ свою семью и брала уроки на дому.

Домашняя обстановка Мани была самая патріархальная — масса старой прислуги и челяди, изъ которыхъ наиболѣе памятны двѣ Дарьи: Дарья Петровна — камеръ-фрейлина

тети Маріи Ивановны, важная, малокровная персона съ бѣлой туго-накрахмаленной наколкой на тонкой головѣ; и другая — Дарья Андріановна — горничная Мани, рябоватая, большеглазая, чрезвычайно подвижная, худая женщина, смотрѣвшая на свою барышню, какъ на свою собственность, вникавшая и вмѣшивавшаяся во всѣ мелочи ея жизни. Въ общемъ, Дарья Андріановна была добрая и милая женщина, и мы всѣ ее любили.

Выросши изъ озорного „мальчика" въ 16-тилѣтнюю красивую, здоровую, смугло-краснощекую дѣвушку, Маня осталась по характеру своему „вольницей" и своенравной". Ея любимое занятіе было общеніе съ хозяйствомъ, природой. Она обожала лошадей, собакъ, кошекъ, любила верховую ѣзду и охоту. Всѣ ея помыслы сводились къ деревнѣ, деревенскому быту, а жизнь въ городѣ она органически ненавидѣла... Тѣмъ не менѣе, по зимамъ, Манѣ приходилось жить въ Симбирскѣ, участвовать въ общей городской жизни. Общества и веселья она не чуждалась, но сходилась лишь съ тѣми, кто болѣе или менѣе отвѣчалъ ея природнымъ вкусамъ.

Маня Бѣлякова была центромъ вниманія всей нашей молодежи. Про себя могу лишь сказать одно: мои отношенія къ ней изъ дѣтскихъ дружескихъ вылились въ старшемъ возрастѣ, приблизительно къ 16-17 годамъ, въ чувство болѣе сложное и глубокое... Я ее полюбилъ такъ, какъ только можетъ полюбить впервые забившееся чистое юношеское сердце. Зародившееся чувство я хранилъ въ себѣ, какъ нѣкую святыню, не только не говоря объ этомъ ей, но стараясь всячески не выдавать себя. Надо думать, что чуткая Маня догадывалась объ этомъ. Временами казалось отвѣчала она мнѣ взаимностью, но вспоминаются и иные моменты, когда приходилось моему юному сердцу до извѣстной степени „страдать" — и виновникомъ тому былъ не кто иной, какъ Германъ Молоствовъ, мой лучшій другъ изъ всей компаніи моихъ гимназическихъ сверстниковъ.

Германъ, какъ и всѣ его семейные, былъ смуглый брюнетъ, средняго роста, статный и красивый. Одѣтый въ военную форму „съ иголочки", онъ умѣлъ себя держать франтовски и молодцевато. Бодрый и жизнерадостный, онъ всегда приносилъ съ собой въ общество веселый подъемъ и задоръ, а своимъ пріятнымъ юношескимъ баритономъ, напѣвавшимъ чувствительные романсы, доставлялъ намъ всѣмъ немалое удовольствіе. Мы всегда дѣлились другъ съ другомъ самыми задушевными мыслями и сокровенными чувствами. Молоствовъ зналъ о своемъ увлеченіи, а онъ, въ свою очередь въ мельчайшихъ подробностяхъ сообщалъ мнѣ о своихъ нѣжныхъ симпатіяхъ къ сосѣдкѣ по Казанскому имѣнію Екатеринѣ Нератовой.

Въ обществѣ барышень Германъ пользовался большимъ

успѣхомъ, ибо, помимо своей привлекательной внѣшности и природной жизнерадостности, онъ былъ еще искуснымъ, элегантнимъ танцоромъ, съ ума сводившимъ дамъ изумительнымъ умѣньемъ вальсировать и лихо гарцовать въ мазуркѣ. Недаромъ онъ готовилъ себя въ кавалеристы!.. На вечерахъ мы съ нимъ были почти постоянными визави, причемъ обычно поперемѣнно приглашали Маню Бьлякову съ ея любимой подругой Тосей Якубовичъ.

Германъ былъ въ послѣднемъ классѣ корпуса, когда мнѣ показалось, что Маня къ нему становится неравнодушной... Стало мнѣ грустно тогда и тяжело не только по отношенію къ любимой мною Манѣ, но и къ самому Герману, дружба съ которымъ готова была порваться... Кончилось, впрочемъ, все благополучно, причемъ благодѣтельную роль сыграла молодая наставница Мани — милая Варвара Никитишна, выяснившая всю неосновательность моихъ волненій и подозрѣній.

Окончивъ корпусъ, Германъ переѣхалъ въ Петербургъ, поступивъ въ Николаевское Кавалерійское Училище. Тяжело было съ нимъ разставаться, и тоскливо стало мнѣ безъ него. Волею судебъ, дороги наши разошлись. Сначала мы нѣжно и горячо переписывались, а затѣмъ мало-по-малу и эта сторона нашей прошлой дружбы заглохла.

Братья Михаилъ и Николай Депрейсъ были тоже Казанцы, принадлежа къ почтенной дворянской помѣщичьей семьѣ. Отецъ ихъ, Петръ Николаевичъ, былъ крупный землевладѣлецъ Казанской и Уфимской губерній и служилъ по Губернскому Земству. Такъ же, какъ и Германъ Молоствовъ, они воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ и ходили къ намъ въ отпускъ по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ. Позже Николай задѣлался Уфимскимъ земскимъ дѣятелемъ. Съ Мишей я болѣе дружилъ.

Самымъ безудержнымъ, и я бы сказалъ распущеннымъ, членомъ нашей компаніи былъ троюродный мой кузенъ Михаилъ Валуевъ, по прозванію „Мишонъ" Что бы онъ ни дѣлалъ —разсказывалъ ли, пѣлъ, хохоталъ, танцевалъ — все у него было какъ-то экспансивно, черезъ край, шумно и, подчасъ, вульгарно, за что и доставалось ему много разъ даже отъ барышень.

Мишонъ любилъ всѣмъ и каждому разсказывать всевозможные анекдоты и надъ всѣмъ потѣшаться, причемъ обладалъ выдающимся талантомъ быстро набрасывать удивительно схожіе портреты-шаржи на своихъ друзей и недруговъ. Отецъ его, Михаилъ Александровичъ, женатый на Вѣрѣ Михайловнѣ, урожденной Метальниковой, — сочинительницѣ знаменитаго романса „А изъ рощи...", былъ крупнымъ Симбирскимъ помѣщикомъ и общественнымъ дѣятелемъ, несмотря на свой огромный недостатокъ — тяжелую форму заиканія.

Въ общемъ, Михаилъ Александровичъ былъ человѣкъ неглупый, сердечный и высоко порядочный, и за эти качества его мѣстные люди уважали и любили, относясь снисходительно къ его временами болѣзненной несдержанности.

У Мишона Валуева была сестра Вѣрочка, воспитывавшаяся въ Казанскомъ Родіоновскомъ институтѣ. Это была высокаго роста хорошенькая шатенка, очень бойкая и кокетливая. Впослѣдствіи она вышла замужъ за сызранскаго помѣщика Алексѣя Александровича Толстого. Воспитанникъ Александровскаго Лицея, Алексѣй Александровичъ былъ человѣкъ образованный и неглупый, сумѣлъ послѣ кратковременной службы Сызранскимъ Земскимъ Предсѣдателемъ сдѣлаться Вице-Губернаторомъ. Дальнѣйшая его карьера была пріостановлена вспыхнувшей революціей, въ которой онъ, такъ же, какъ и бѣдный Мишонъ Валуевъ, погибъ отъ безпощадной кровавой расправы большевиковъ.

13

Всѣ мои друзья и товарищи, воспитывавшіеся въ военной гимназіи, окончили курсъ тогда, когда я лишь перешелъ въ седьмой классъ Классической Гимназіи, вслѣдствіе чего вся наша юношеская компанія силою вещей разстроилась.

Горько и тяжело было намъ всѣмъ другъ съ другомъ разставаться, а мнѣ же даже нѣсколько обидно, такъ какъ я невольно сознавалъ, что всѣ мои друзья-кадеты ѣдутъ въ столицы, надѣваютъ форму юнкеровъ, слѣдовательно становятся молодыми людьми, черезъ два года офицерами, а я еще надолго долженъ пребывать въ положеніи гимназиста — „синей говядины"!...

Итакъ, какъ ни грустно это было, но пришлось намъ всѣмъ другъ съ другомъ разстаться. Нарушилась наша тѣсная, веселая компанейская жизнь. Кончились уютные семейные вечера, концерты, спектакли и такъ удачно налаженное хоровое пѣніе. Какъ только собирались, бывало, мы вмѣстѣ, любимымъ нашимъ удовольствіемъ было пѣть хоромъ, подъ аккомпаниментъ Саши Ухтомскаго на роялѣ или моей двухрядной мелодичной гармоніи. Обычно начинали мы съ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ", а затѣмъ исполняли рядъ другихъ народныхъ пѣсенъ, переходя затѣмъ къ репертуару „юнкерскому", вродѣ „Наливай, братъ, наливай!", или студенческому — „Тамъ, гдѣ тинный Булакъ", „Быстры,какъ волны", и пр. Первымъ тёноромъ и запѣвалой былъ у насъ Германъ Молоствовъ, остальные были больше въ басахъ, кромѣ крѣпкаго медвѣженка, Миши Депрейса, который умѣлъ пѣть простонароднымъ высокимъ подголоскомъ.

Съ разъѣздомъ моихъ друзей-кадетъ, я сошелся ближе

съ Толстыми и Варламовымъ, но прежней товарищеской жизни мнѣ было не воротить.

Семья гр. Толстыхъ состояла изъ вдовы графини Екатерины Александровны, моей тетки (по ея матери, Натальѣ Алексѣевнѣ, урожденной Наумовой) и ея дѣтей: старшаго Александра, сверстника моего брата Димитрія, Ратаева и Николая Бѣлякова, затѣмъ Владиміра, Петра и дочери Маріи. Послѣдніе трое были всѣ погодки и приходились мнѣ болѣе или менѣе сверстниками. Графъ Александръ Петровичъ поступилъ въ Казанскій Университетъ на естественный факультетъ и сошелся въ Казани съ моими двоюродными братьями Наумовыми. Потомъ, въ 1912 г., судьба насъ свела съ нимъ въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ оба мы были избранниками своихъ земствъ — онъ — Уфимскаго, я — Самарскаго.

Съ Владиміромъ же и Петромъ мы, начиная съ гимназіи, продолжали нашу дружбу въ Москвѣ, гдѣ нѣкоторое время вмѣстѣ жили и одновременно слушали лекціи въ Университетѣ; Владиміръ числился на математическомъ, а Петръ — на естественномъ факультетѣ. Всѣ они такъ же, какъ и ихъ мать, графиня Екатерина Александровна, были весьма радушными, милыми и простыми людьми.

Средняго роста, широкій въ плечахъ, съ большой, продолговатой головой, густо покрытой курчавыми темными волосами, здоровенный, краснощекій Владиміръ Толстой имѣлъ одинъ существенный недостатокъ — косые глаза и привычку, остававшуюся у него до зрѣлаго возраста, — часто и громко всхлипывать черезъ зубы. Несмотря на свою кажущуюся грубую внѣшность, онъ былъ по существу добрымъ, подчасъ даже сентиментальнымъ юношей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отличался въ молодыхъ годахъ крайней неустойчивостью своего характера. Такъ, проходя успѣшно Университетскій курсъ своихъ излюбленныхъ математическихъ наукъ, онъ вдругъ, почти передъ самыми государственными выпускными экзаменами, увлекся велосипеднымъ спортомъ до такой степени, что вмѣсто сдачи экзаменовъ, совершилъ на своемъ стальномъ конѣ безпримѣрное по тѣмъ временамъ путешествіе до самой Швейцаріи.

Вернувшись и не получивъ Университетскаго диплома, онъ сталъ мотаться по разнымъ службамъ, и одно время я его совершенно потерялъ изъ виду. Лишь спустя много лѣтъ, въ 1897 г. въ Самарѣ, будучи Предсѣдательствующимъ Губернской Земской Управы, я вышелъ однажды къ ожидавшимъ меня въ пріемной посѣтителямъ, и среди другихъ, увидалъ какого-то оборванца, грязнаго, исхудалаго, но напоминавшаго своимъ обвѣтреннымъ, заросшимъ и видимо немытымъ лицомъ что-то давно знакомое изъ дорогого моего юнаго прошлаго. Отпустивъ всѣхъ, я подошелъ къ нему вплотную и только тутъ разглядѣлъ и узналъ въ упомянутомъ оборванцѣ своего стараго пріятеля Володю Толстого.

Само собой, забралъ я его съ собой на свою, тогда еще холостую, квартиру, обмылъ, накормилъ, одѣлъ и наслушался его разсказовъ о всѣхъ перенесенныхъ имъ житейскихъ передрягахъ. Какъ оказалось, Владиміръ, состоя одно время на службѣ по Министерству Финансовъ, увлекся женщиной бездушной и расточительной, заставившей его влѣзть въ долги и совершить растрату, послѣ чего онъ лишился средствъ и службы; особа же его бросила, и бѣдный Толстой предался съ отчаянія безпробудному пьянству, окончательно опустившись. Попавъ въ Самару въ качествѣ „золоторотца", онъ услыхалъ про то, что въ этомъ городѣ живу я и работаю въ Земской Управѣ. Долго Толстой не рѣшался показаться мнѣ, но въ концѣ концовъ все же произошла описанная мною наша встрѣча.

Что сталось съ Владиміромъ Толстымъ во время революціи — не знаю.

Упомяну еще о двоихъ своихъ сверстникахъ — сосѣдяхъ — Михаилѣ Лентовскомъ и Дмитріи Волковѣ, съ которыми приходилось лѣтомъ въ деревнѣ мнѣ — гимназисту сталкиваться. Первый былъ единственный сынъ своей почтенной матери Екатерины Дмитріевны Лентовской, урожденной Ребровской. Отецъ его давно скончался. Имѣніе ихъ было при с. Старая Майна въ 9 верстахъ отъ Головкина. Лентовскій, будучи умнымъ и даровитымъ юношей, обладалъ незаурядными способностями главнымъ образомъ по части всяческихъ механическихъ издѣлій и выдумокъ.

Дмитрій Волковъ былъ тоже моимъ сосѣдомъ по имѣнію, учился въ Казанской гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ, такъ же, какъ и я, съ серебряной медалью. Судьба насъ свела лѣтомъ 1887 года отпраздновать вмѣстѣ наше окончаніе гимназическаго курса въ имѣніи его брата Николая при дер. Рузаново.

14

Въ Головкинѣ я увлекался главнымъ образомъ верховой ѣздой, рыбной ловлей, а съ 16 лѣтъ — ружейной охотой.

Мнѣ было лѣтъ 14, когда впервые отецъ разрѣшилъ мнѣ самостоятельно ѣздить верхомъ. До этого меня лишь сажали на осѣдланную смирную лошадь, которую конюха водили обычно подъ уздцы по расположенному передъ домомъ дворовому кругу. Но вотъ, наступилъ для меня счастливый день, когда отецъ подарилъ мнѣ почтеннаго башкира, крупнаго, костистаго, съ симпатичной головой и, что я особенно любилъ, — розовой мягкой мордочкой, которую я не разъ нѣжно цѣловалъ. Звали этого башкира „Милокъ", и на самомъ дѣлѣ онъ вполнѣ заслуживалъ свое наимено-

ваніе. Крѣпкій, выносливый, непугливый, сообразительный, Милокъ мой отличался хорошимъ, спокойнымъ нравомъ и послушаніемъ даже своему юному, неопытному новому хозяину.

Много удѣлялъ я времени въ гимназическіе мои годы другому моему любимому спорту — рыбной ловлѣ, условія для которой въ Головкинскомъ имѣніи были исключительно благопріятныя. Не стану я говорить о Волгѣ и Воложкахъ, гдѣ рыболовство находилось въ профессіональныхъ рукахъ и гдѣ рыба ловилась особыми рыбацкими приспособленіями (неводами, крючковыми снастями и пр.). Коснусь лишь ловли на удочку, главнымъ образомъ, по р. Уреню, впадавшей въ Воложку-Княгиньку.

Передъ самымъ домомъ находилась купальня, крытая холстомъ и поставленная на двухъ выдолбленныхъ лодкообразныхъ колодахъ.

Какъ внутри самой купальни, такъ и около нея, рыбная ловля представляла собой интересную и увлекательную забаву: окунь, ершъ, язь, сорожнякъ, плотва, густера, иногда лини и щурята — все это шло на удочку, временами въ такомъ изобиліи, что не успѣвали бывало закидывать леску; нерѣдко попадались крупные экземпляры для вящаго восторга удильщика.

Ловили мы больше на червяка, находимаго въ перепрѣломъ навозѣ, а также на хлѣбный мякишъ, до котораго особенно жадны были язи и сорожняки. Болѣе серьезная ловля была около мельничнаго „вершника" и въ рѣчкѣ Уренѣ за мельницей, гдѣ на „малявку" (мелкая рыбешка, поддѣваемая сачкомъ) попадались огромные окуни и основательные щурята. Охота эта требовала ранняго вставанія и особо тщательнаго приготовленія рыболовныхъ снастей. Зато, бывало, съ какой гордостью возвращался я домой съ длиннымъ „куканомъ" сплошь насаженнымъ глянцевитыми окунями да еще вперемежку съ палкообразными зубастыми щурятами.

Обычно приходилось больше всего удить въ купальнѣ; или сядешь, бывало, на лодку, отъѣдешь по рѣчкѣ къ противоположному берегу, пристанешь къ кусту и тамъ расположишься на нѣсколько часовъ съ удочкой. Блаженное, юное, беззаботное время! Около купальни всегда находились на привязи нѣсколько нашихъ лодокъ, служившихъ для катанья; всѣ онѣ были хорошо обшиты досками, выкрашены, съ прилаженными сидѣньями и приспособленіями для веселъ. Я же всѣмъ имъ предпочиталъ свою легкую охотничью бударку*, доморощеннаго издѣлія, выдолбленную изъ своего же лугового лѣса, на которой съ ранняго дѣтства я научился грести и ею управлять однимъ лишь кормовымъ весломъ. Въ

* Родъ челна, приспособленнаго для рыбной ловли на Волгѣ и въ Каспійскомъ морѣ. **Ред.**

старшихъ классахъ гимназіи я считался хорошимъ и выносливымъ гребцомъ. Помню, какъ на каникулахъ я цѣлый мѣсяцъ прослужилъ на Волгѣ у одного изъ рыбаковъ въ качествѣ наемнаго „весельщика", день и ночь, почти безъ перерыва, сидя на рыбацкой лодкѣ, живя вмѣстѣ съ рыбаками въ шалашахъ и питаясь вмѣстѣ съ ними изъ одного котла ухой да кашицей. Вытренировалъ я себя тогда по части гребли основательно и близко освоился съ рыбацкимъ волжскимъ бытомъ и ремесломъ.

Плавать научили меня братья „по-военному" быстро. Однажды взяли они меня, маленькаго еще мальчишку, съ собой въ лодку, отъѣхали на середину рѣчки Уреня и сбросили меня въ воду. Инстинктивно забарабанилъ я по водѣ рученками и ногами... Продержался немного на поверхности, а тамъ сталъ тяжелѣть и потянуло меня ко дну... Братья тотчасъ же меня выхватили, подвели къ купальнѣ, спустили въ нее и сказали: „Ну, теперь ты плавать научился"; и они были правы — я быстро освоился съ малыхъ лѣтъ съ этимъ новымъ для меня спортомъ, а впослѣдствіи такъ полюбилъ его, что позналъ въ совершенствѣ, умѣя плавать на всѣ лады.

Любя съ дѣтства природу, просторъ и вольныя прогулки, съ годами я стремился уходить за предѣлы своего обширнаго двора и красиваго сада. Въ концѣ послѣдняго находился плетень, отгораживавшій садъ отъ т. н. „ближняго" выгона — большого пустыря, гдѣ на зиму свозились сѣно и дрова, а ранѣе, въ дѣдовскія времена, были кирпичные сараи. На этомъ выгонѣ, среди всяческой заросли и глубокихъ ямъ, заросшихъ бузиной, крапивой и репейными кустами, я любилъ воображать себя охотникомъ и играть въ Майнъ-Ридовскаго героя, отдаваясь по тому времени со всей дѣтской рѣзвостью охотѣ лишь на бабочекъ.

За ближнимъ выгономъ черезъ улицу слѣдовалъ другой, еще большій выгонъ т. н. „дальній", при входѣ въ который расположенъ былъ „житный" дворъ, гдѣ хранились запасы сѣмянъ, разныхъ крупъ и мучныхъ продуктовъ. Все это оберегалось жившимъ при этомъ дворѣ ключникомъ — лицомъ, пользовавшимся особымъ хозяйскимъ довѣріемъ. Таковымъ въ описываемое время былъ благообразный и всѣми уважаемый старикъ съ большой сѣдою бородой Аѳанасій, любившій меня и позволявшій мнѣ ходить по амбарамъ съ его огромной связкой ключей, отпирать и засматривать въ закрома. Любилъ я особенно горохъ и пшено; захватывалъ, бывало, рученками сколько могъ этого добра и бѣжалъ потомъ къ птичьему двору, расположенному невдалекѣ отъ амбаровъ, гдѣ разбрасывалъ зерно и любовался возникавшему оживленію среди пернатаго царства. Забавно казалось, какъ куры, индѣйки, утки и гуси, всѣ съ гамомъ и шумомъ, смѣшавшись вперемежку, другъ у друга изъ-подъ клюва спѣшили перехватить вкусный мой гостинецъ.

За линіей амбаровъ начинался выгонъ, въ давнія времена представлявшій собой опушку того лиственнаго лѣса, остатки котораго замѣтны были еще и теперь въ видѣ разбросанныхъ на немъ рѣдкихъ огромныхъ перестойныхъ березъ, изъ года въ годъ за ветхостью отмиравшихъ или погибавшихъ подъ напоромъ бурь. Тутъ же находился колодезь — предметъ особаго моего дѣтскаго любопытства, тѣмъ болѣе, что Аѳанасій строго всегда мнѣ наказывалъ не залѣзать на срубъ и не смотрѣть внизъ на колодезное дно. Далѣе выгонъ шелъ чистый — весной зеленый, а къ августу изжелта-выжженный. За нимъ начиналось наше поле, окаймленное сначала небольшимъ дубовымъ лѣсочкомъ, расположеннымъ на пригоркѣ, съ котораго открывался превосходный видъ на всю нашу усадьбу съ возвышавшейся надъ нею красавицей-церковью. Лѣсочекъ этотъ мы дѣтьми очень любили: весной мы собирали въ немъ массу фіалокъ, ландышей и другихъ цвѣтовъ, а въ концѣ лѣта забирались на горку и съ нея стремглавъ скатывались, или попросту сломя голову кувыркались. Называли мы его „нашимъ лѣскомъ", и первые мои вольные выходы за предѣлы усадьбы направлялись именно туда, въ его таинственную, какъ мнѣ тогда казалось, чащу...

Съ годами я рвался дальше, и въ этомъ отношеніи братья мои, страстные охотники, шли мнѣ навстрѣчу и стали мало-по-малу брать меня съ собой на охоту на наши привольные, безграничные луга съ массой обитавшей въ нихъ разнообразнѣйшей дичи.

Собственное свое ружье я получилъ лишь послѣ окончанія университетскаго курса. Отецъ тогда далъ мнѣ 100 рублей на покупку ружья и необходимыхъ охотничьихъ принадлежностей. На эти деньги я купилъ въ московскомъ магазинѣ только что полученное изъ заграницы ружье — франкоттъ марки „Чемпіонъ" 12 калибра, лѣвый стволъ „чокъборъ". Ружье это, за которое я заплатилъ 85 рублей, оказалось превосходнымъ и сдѣлалось моимъ любимымъ и самымъ надежнымъ спутникомъ во всей дальнѣйшей многолѣтней моей охотничьей жизни.

За время моего гимназичества первыми учителями моихъ любимыхъ лѣтнихъ спортивныхъ увлеченій были мои братья. До 16 лѣтъ мнѣ не разрѣшали стрѣлять, а съ наступленіемъ этого возраста, братъ Дмитрій впервые далъ мнѣ свое ружье, подарокъ дѣда Михаила Михайловича — великолѣпное по виду и отличное по бою — старинное, шомпольное еще, „Лебеду".

Вспоминаю свой первый дебютъ: на „Полетаевской" дачѣ изъ-подъ берега выплыла гагара съ вытянутой шеей и мохнатой головой. Братъ Дмитрій шепнулъ: „стрѣляй!" — Я потянулъ собачку. Грянулъ выстрѣлъ. Сильно толкнуло меня въ щеку и плечо. Слышу братнинъ возгласъ: „Молодецъ, Сашка! Толкъ изъ тебя будетъ! — Фидель, пиль, апортъ иси!" Радости не было конца, когда мы переняли отъ стараго сеттера первую мою дичь, увы, — несъѣдобную гагару, но потомъ я понялъ, почему меня братъ горячо похвалилъ, ибо не такъ-то легко бывало сшибить эту проворную водяную птицу, умѣвшую обычно передъ самымъ выстрѣломъ во время нырнуть въ воду. Стрѣлялъ я сначала изъ ружья брата Димитрія, а затѣмъ завелась у меня и своя двустволка, шомпольная, съ которой я не разставался до покупки централки Франкотта, о которой я ранѣе упоминалъ.

Охотничьей собакой былъ почтенный бѣлый съ палевыми пятнами сеттеръ „Фидель", доставшійся мнѣ послѣ Димитрія. Отличный онъ былъ утятникъ, но съ притупившимся чутьемъ. Послѣ него появился у меня „Шамиль" — тоже сеттеръ — темно-рыжій, здоровенный, идеальный охотничій песъ, прекрасно подававшій убитую дичь изъ любого мѣста, какъ бы оно ни было трудно и глухо.

Въ описываемое мною время всѣ наши мѣста еще изобиловали благородной дичью — дупелями и бекасами. Много приходилось бывало „палить" по нимъ, особенно по увертливому бекасу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ попадалось такая масса, что мы положительно не успѣвали заряжать свои шомпольныя ружья, и сколько разъ сгоряча, бывало, насыпешь въ стволъ сначала дроби вмѣсто пороха!

Домой въ тѣ времена возвращались мы со сказочной добычей; на кухнѣ не знали даже, что дѣлать съ такой дичью, какъ вкусные дупеля.

Особенно часто, если можно такъ выразиться, „запоемъ" охотился я въ лѣто послѣ окончанія моего гимназическаго курса, на радостяхъ полученія мною аттестата зрѣлости.

Къ этому времени, между прочимъ, относится одинъ памятный для меня случай на охотѣ. Сговорились мы съ сосѣдомъ моимъ, сверстникомъ, также только что окончившимъ курсъ классической казанской гимназіи, Дмитріемъ Волковымъ, вмѣстѣ поохотиться на дупелей недалеко отъ имѣнія его отца, на знаменитомъ Чердаклинскомъ болотѣ.

Огромная, въ нѣсколько десятковъ десятинъ низина, была покрыта большей частью мягкой, чрезвычайно привлекательной на видъ, зеленоватой травкой, но кое-гдѣ она представляла собою мѣстность съ сплошными, высокими, тоже обросшими мелкой травкой, кочками, среди которыхъ попадались и ровныя мѣста, съ налетомъ ясно обозначенной ржавчины. Дупель главнымъ образомъ держался именно этого кочкарника.

Зная это, но будучи впервые на этомъ болотѣ, и не слыхавъ ничего объ опасности имѣвшихся на немъ засасывающихъ т. н. „оконъ", съ бодростью 18-тилѣтняго крѣпкаго юноши, сталъ я вышагивать по просторному болоту, разойдясь съ Волковымъ на далекое разстояніе. Дичи было масса.

То и дѣло вырывались нервные бекасы и степенные кофейно-сѣрые дупеля.

Послѣ одного изъ выстрѣловъ собака бросилась за подбитой птицей, которая трепыхалась среди кочекъ. Я поспѣшилъ въ этомъ направленіи, и чувствую вдругъ, что почва подъ моими ногами заколыхалась. Я остановился какъ разъ на предательскомъ „окошкѣ", и сразу же почувствовалъ, какъ ноги начали втягиваться въ ржавую почву. Инстиктивно я сталъ ихъ вытаскивать, но безрезультатно. Черезъ нѣсколько минутъ меня засосало по колѣна. Зная по наслышкѣ, какъ подобныя мѣста гибельно-опасны, и будучи отдѣленъ отъ Волкова огромнымъ пространствомъ, я сталъ стрѣлять, чтобы обратить на себя его вниманіе. Но увы! До этого стрѣльба была тоже частая благодаря попадавшейся массы дичи.

Подъ руками у меня не было ничего, обо что можно было бы опереться, чтобы вытянуть увязавшія ноги. Положеніе становилось критическимъ.... Пробовать кричать было также тщетно — кругомъ никого не было. Къ счастью, у Волкова не хватило мелкой дроби — все успѣлъ разстрѣлять. Благодаря этому пришло ему въ голову идти мнѣ навстрѣчу, чтобы у меня раздобыть дроби... По мѣрѣ продвиженія ко мнѣ сначала небольшой отдаленной точки, превратившейся потомъ въ обликъ моего сотоварища, въ моей груди росла радость надежды на спасеніе... Кто никогда ничего подобнаго не испыталъ, тотъ не знаетъ настоящей цѣны жизни! Когда Волковъ, наконецъ, разобралъ еще издали то неладное, что со мной стряслось, и увидавъ на поверхности лишь половину моего туловища и машущія съ призывомъ къ спасенію мои руки, онъ бросился стремительно ко мнѣ на помощь, но самъ онъ одинъ ничего со мной сдѣлать не смогъ. Тогда онъ рѣшилъ сбѣгать за необходимой помощью на село, отстоявшее отъ насъ въ полутора верстахъ. На счастье, попалась ему встрѣчная телѣга. Вскорѣ показался народъ — принесли доску, веревки и пр. И я былъ спасенъ.

15

Вернусь я теперь въ своихъ пересказахъ къ памятному для меня времени — послѣдней зимѣ, проведенной мною въ Симбирскѣ — кстати сказать — полной для меня всяческихъ искушеній въ смыслѣ любимыхъ мною зимнихъ развлеченій: вечеровъ, любительскихъ спектаклей, концертовъ, катаній на тройкахъ и пр. Всюду я принималъ, по живости своего характера, самое горячее участіе. Все это отнимало немало времени. Учебныхъ же занятій было масса и приближалось отвѣтственное время выпускныхъ экзаменовъ.

Не могу не сознаться также и въ томъ, что въ этотъ учебный 1886 — 87 г. я чаще всего встрѣчался со своей кузиной М. Бѣляковой, не только на вечерахъ и частыхъ собраніяхъ Симбирской молодежи, но нерѣдко забѣгалъ къ ней на домъ и любилъ сидѣть въ ея уютной комнаткѣ, около нея, постоянно чѣмъ-нибудь занятой.

Маня знала мои чувства сильной привязанности къ ней и, видимо, сама шла навстрѣчу моей усиливавшейся потребности чаще видѣться съ ней, бесѣдовать и дѣлиться всѣмъ тѣмъ, что накапливалось въ моей юной душѣ. Дома я росъ одинокій, въ обстановкѣ лишь мальчишеской среды. Сестры у меня не было, и Маня въ то время ее мнѣ замѣняла. Вліяніе ея на меня было огромное.

Маня знала меня хорошо, мое острое самолюбіе и, надо думать, не безъ цѣли какъ-то Великимъ постомъ, мѣсяца за два до экзаменовъ, сказала: „Мнѣ кажется, что врядъ ли ты получишь, какъ одно время мнѣ обѣщалъ, медаль при окончаніи курса!". Мнѣ этого было достаточно, чтобы отказаться отъ участія на Пасхѣ въ концертахъ и любительскихъ спектакляхъ.

Засѣвъ вплотную за учебники, я усиленно проработалъ до самыхъ экзаменовъ. Наградой было мнѣ за это прежде всего одобреніе самой Мани, а затѣмъ осуществленіе моего ей обѣщанія: при окончаніи я получилъ, правда, серебряную, но все же медаль.

Экзамены на аттестатъ зрѣлости дѣлились на письменные и устные. Сначала сдавались первые, и вслѣдъ за ними, лишь тѣ ученики допускались къ устнымъ, которые успѣшно выдержали письменныя испытанія. Требованія того времени были доведены до крайнихъ предѣловъ — главнымъ образомъ по знанію древнихъ языковъ. Но тутъ приключилось одно обстоятельство, мною лично совершенно непредвидѣнное, о которомъ, какъ ни стыдно, а приходится упомянуть.

Дѣло въ томъ, что изъ года въ годъ при производствѣ выпускныхъ письменныхъ испытаній практиковался въ Учебномъ Округѣ слѣдующій порядокъ: всѣ темы по экзаменаціоннымъ предметамъ (по словесности, матеметикѣ — алгебраическія, геометрическія и тригонометрическія задачи, переводы на древніе и новые языки) вырабатывались заранѣе въ особомъ отдѣлѣ Учебнаго Округа. Содержаніе ихъ должно было храниться въ величайшемъ секретѣ; въ запечатанныхъ конвертахъ эти темы подлежали пересылкѣ непосредственно въ руки самого директора гимназіи, который ихъ лично вскрывалъ лишь въ самый послѣдній моментъ, когда экзаменовавшіеся приглашались въ особую залу и разсаживались каждый за отдѣльный столикъ.

До сихъ поръ для меня осталось тайной, какимъ образомъ это все произошло, но фактъ тотъ, что мы за недѣлю до открытія сессіи письменныхъ выпускныхъ испытаній получили въ копіяхъ всѣ темы, подлежавшія нашему разрѣшенію при сдачѣ экзаменаціонныхъ отвѣтовъ. Помню, что за это съ меня, какъ и со всѣхъ моихъ товарищей по выпуску, сколько-то взяли денегъ, очевидно, для оплаты добытія этой страш-

ной и важной для насъ тайны, отъ судьбы которой зависѣло все наше будущее. Фактъ остается фактомъ, и мы черезъ какія-то „темныя" силы всѣ темы узнали заранѣе.

Между прочимъ, вспоминается мнѣ заданіе по словесности: „Характеристика Бориса Годунова по произведеніямъ Пушкина".Въ нашихъ рукахъ имѣлись также тексты диктовокъ по всѣмъ языкамъ и задачъ по математикѣ. Стали мы спѣшно соотвѣтствующимъ образомъ подготавливаться, какъ вдругъ, наканунѣ самыхъ экзаменовъ, разошелся среди насъ, и безъ того нервно настроенныхъ и утомленныхъ юношей, слухъ будто, въ силу замѣченныхъ злоупотребленій, изъ Округа ко дню экзаменовъ будетъ прислано совершенно новое содержаніе всѣхъ письменныхъ заданій, во всякомъ случаѣ иное, чѣмъ имѣвшееся у насъ на рукахъ. Растерянности нашей не было конца. Спокойнѣе всѣхъ былъ Владимиръ Ульяновъ, не безъ усмѣшки поглядывавшій на своихъ встревоженныхъ товарищей: очевидно, ему, съ его поразительной памятью и всесторонней освѣдомленностью, было совершенно безразлично.

Какъ сейчасъ помню жуткій моментъ утра того дня, когда мы всѣ, сдавшіе экзамены на аттестатъ зрѣлости, были собраны въ залу, смежную съ помѣщеніемъ гимназической церкви; размѣщены мы были каждый за отдѣльнымъ столикомъ и съ замираніемъ сердца взирали на крупную фигуру въ служебномъ вицмундирѣ нашего директора Керенскаго. Въ его рукахъ виднѣлся объемистый, за большой казенной печатью пакетъ, который Ѳеодоръ Михайловичъ немедленно вскрылъ, вынулъ изъ него листъ, приблизилъ его къ своимъ глазамъ, фыркнулъ и, промолвивъ свое обычное „н-да", отчетливо объявилъ: „Тема для сочиненія по словесности нижеслѣдующая"... трудно передать, что происходило въ юныхъ сердцахъ экзаменовавшихся въ ожиданіи дальнѣйшихъ словъ Керенскаго....

Въ нашихъ умахъ невольно мелькало такое соображеніе: все зависитъ отъ начала — если тема иная, чѣмъ та, о которой намъ изъ Округа сообщили, стало быть слухъ о перемѣнѣ вѣренъ и вся наша подготовка гибнетъ; если же та самая — все спасено... „Характеристика Бориса Годунова по произведеніямъ Пушкина", расчлененно провозглашаетъ директоръ.

Уфъ! У всѣхъ лица прояснились. Керенскій повторно продиктовалъ наименованіе темы, предупредивъ, что на изготовленіе письменной работы дается всего лишь пять часовъ, по истеченіи которыхъ все будетъ у экзаменовавшихся отобрано.

Во всѣ послѣдующіе письменные экзаменаціонные дни по остальнымъ предметамъ все прошло такъ же гладко и благополучно. Къ устнымъ испытаніямъ были допущены всѣ.

Прошло съ тѣхъ поръ немало времени, но до сихъ поръ

при воспоминаніи о той обстановкѣ, при которой пришлось сдавать свои письменные экзамены, испытываешь чувство не только нѣкоторой неловкости, но и полнаго стыда передъ совершеннымъ нами въ то юношеское время. Единственнымъ оправданіемъ себѣ самому нахожу лишь то, что поступалъ я тогда не по своей иниціативѣ, а подъ вліяніемъ общаго, чисто-стаднаго побужденію.

Устные наши экзамены проходили при болѣе торжественной обстановкѣ. Въ большомъ актовомъ залѣ стоялъ подъ портретомъ Государя огромный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, за которымъ засѣдалъ цѣлый синклитъ начальствующихъ лицъ и почетныхъ гостей, включительно съ Архіереемъ — при экзаменѣ Закона Божьяго, и Попечителемъ Гимназіи, Егермейстеромъ Высочайшаго Двора А. А. Пашковымъ.

Экзаменовавшіеся отвѣчали сначала по вынутому билету, а затѣмъ педагогическій персоналъ спрашивалъ ихъ по всей программѣ. На испытаніяхъ по древнимъ языкамъ предлагалось читать и переводить любую изъ книгъ, разложенныхъ для сего на экзаменаціонномъ столѣ, представлявшихъ собою произведенія всѣхъ выдающихся римскихъ и греческихъ классиковъ. Въ общемъ, отношеніе къ намъ, несмотря на повышенныя въ то время требованія, со стороны экзаменовавшихъ, было сравнительно снисходительное, и въ концѣ концовъ, аттестаты зрѣлости были выданы всѣмъ, причемъ медалями съ изображеніемъ Аѳины Паллады были награждены Ульяновъ и я.

Счастливъ былъ я разстаться съ гимназической учебой, впереди ожидалось много новаго и интереснаго, вѣдь кромѣ Симбирска, я еще ничего не видалъ! Перспектива попасть въ Москву, жить тамъ въ условіяхъ студенческаго быта — все это волновало мое воображеніе и заполняло умъ и сердце радостными мечтами. Рѣшено было, что въ Москву на жительство поѣдетъ со мной вмѣстѣ мама, нуждавшаяся въ серьезномъ лѣченіи.

ЧАСТЬ II

СТУДЕНЧЕСТВО. УНИВЕРСИТЕТЪ. МОСКВА.

16

Въ началѣ августа 1887 года отецъ, мать и я, послѣ напутственнаго молебна, тронулись въ путь къ мѣсту нашего новаго жительства — въ Москву, сначала на пароходѣ, а отъ Нижняго Новгорода — по желѣзной дорогѣ.

Остановились мы въ Москвѣ въ районѣ около Никитскаго Дѣвичьяго монастыря, на улицѣ „Большой Кисловкѣ", соединявшей Большую Никитскую улицу и Воздвиженку, въ „меблированныхъ комнатахъ Базилевскаго". Эти номера, описанные Боборыкинымъ въ одномъ изъ безчисленныхъ его романовъ подъ наименованіемъ „Дворянское Гнѣздо", оказались для насъ съ мамой, какъ нельзя больше, удобными.

Меблированныя комнаты Базилевскаго занимали собой особое двухэтажное зданіе, когда-то выкрашенное въ сѣрый цвѣтъ, узкой своей стороной выходившее фасадомъ на улицу „Кисловку", съ невзрачнымъ парадным подъѣздомъ; главнымъ же своимъ корпусомъ, въ видѣ „глаголя", зданіе это вдавалось въ огромный дворъ, смежный съ барски-импозантной и просторной городской усадьбой свѣтлѣйшихъ князей Волконскихъ, проживавшихъ за массивной золоченой рѣшеткой въ ихъ угловомъ красивомъ дворцѣ-особнякѣ.

Несмотря на внѣшній непривлекательный видъ, домъ Базилевскаго имѣлъ прочную репутацію среди московскаго общества въ смыслѣ высокой порядочности, граничавшей съ традиціоннымъ понятіемъ объ аристократичности. Высшее завѣдываніе этими меблированными комнатами находилось въ рукахъ управлявшаго тогда Государственнымъ Банкомъ Н. Я. Мальвинскаго, непосредственно же управляли всѣмъ домомъ дамы, назначавшіяся имъ изъ лучшаго московскаго общества. При насъ таковой была вдова - генеральша Глазенапъ.

Прожили мы съ мамой въ означенныхъ комнатахъ счастливо и хорошо въ теченіе двухъ лѣтъ, но потомъ рѣшили обзавестись собственной квартирой, тѣмъ болѣе, что мы съ условіями московской жизни достаточно свыклись и обстоятельно успѣли ознакомиться. Въ выборѣ мѣста мы держались привычнаго намъ Арбатскаго городского района въ виду его центральности и близости къ Университету. Остановились мы на чрезвычайно симпатичномъ и по внѣшнему своему виду, и по внутреннему расположенію своихъ комнатъ, домѣ-особнякѣ въ Большомъ Аѳанасьевскомъ переулкѣ, принадлежавшемъ „вдовѣ Сенатора и Тайнаго Совѣтника Хавскаго".

Наша верхняя квартира состояла изъ передней, порядочной залы, гдѣ водрузили первымъ долгомъ піанино, небольшой уютной гостиной, углового кабинетика и рядомъ спальни. Эти комнаты взяла себѣ мама. Всѣ онѣ выходили окнами на улицу; мнѣ же была отведена комната во дворъ, гдѣ былъ поставленъ большой „студенческій" диванъ. Для прислуги были двѣ небольшія комнаты наверху, въ мезонинѣ, съ окнами во дворъ.

Омеблировали мы нашу квартиру скромно, но прилично. На этой квартирѣ мы прожили около трехъ лѣтъ, т. е., до самаго конца нашей съ мамой совмѣстной жизни въ Москвѣ.

Вернусь къ августу 1887 года и попробую возстановить въ своей памяти начало вступленія моего въ университетскую жизнь, неожиданно для меня оказавшееся чреватымъ исключительными событіями и всяческими осложненіями.

Дѣло въ томъ, что поступленіе мое въ высшее учебное заведеніе состоялось спустя лишь два года, какъ введенъ былъ Новый Университетскій Уставъ 1884 года, отличавшійся большей строгостью по отношенію къ студентамъ въ смыслѣ установленія дисциплины, надзора, учета занятій и пр., вплоть до ношенія особой студенческой формы. Въ частности, Новымъ Уставомъ строжайше запрещались студенческія организаціи, именовавшіяся „землячествами", существованіе которыхъ въ свое время вызывалось естественнымъ стремленіемъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ часто издалека, объединиться во имя общности своихъ мѣстныхъ интересовъ, а также для установленія взаимопомощи.

Правда, за послѣднее время, до Новаго Устава, среди нѣкоторыхъ землячествъ, особенно окраинныхъ, немаловажную роль стала играть политика, съ направленіемъ ярко-антиправительственнымъ. Работа ихъ, мало-по-малу, стала крѣпнуть и организовываться благодаря установленію особаго руководящаго центра, въ видѣ такъ называемаго Центральнаго землячества, въ составъ котораго входили особо-выбранные депутаты отъ рядовыхъ существовавшихъ землячествъ. Запрещеніе, установленное Новымъ Уставомъ, естественно, внесло значительное потрясеніе въ весь укладъ внѣучебной жизни студенчества, вызвавъ въ огромномъ его большинствѣ острое недовольство.

Ко всему этому надо добавить, что въ цѣляхъ неукоснительнаго проведенія въ жизнь запретительныхъ требованій,

должны были усилиться надзоръ и сыскъ со стороны университетской инспекціи.

Въ этомъ отношеніи особой славой пользовался извѣстный въ то время Инспекторъ Московскаго Университета Брызгаловъ, съ которымъ и мнѣ самому пришлось волею судебъ познакомиться вскорѣ же по моемъ вступленіи въ Университетъ.

Въ описываемое время всѣхъ симбиряковъ въ Московскомъ Университетѣ было не болѣе 30. Изъ нашего гимназическаго выпуска поступило со мною всего пять человѣкъ: Владиміръ Толстой (графъ), Кутенинъ, Владиміръ Варламовъ, Сергѣй Сахаровъ и я; первые двое — на Физико-Математическій Факультетъ, а остальные — на Юридическій. Общее количество всѣхъ студентовъ въ Университетѣ было около 3500 человѣкъ, и на одинъ нашъ первый курсъ юристовъ-студентовъ зачислилось свыше 300.

Откровенно говоря, при моемъ поступленіи я совершенно не зналъ, кто изъ симбиряковъ, старше меня по выпуску, слушалъ лекціи въ Москвѣ. Александръ Ухтомскій, на годъ ранѣе меня окончившій, поступилъ въ Петербургскій Университетъ; другихъ близкихъ лицъ я не имѣлъ.

Первыя недѣли прошли у меня, какъ въ туманѣ. Новая, необычная обстановка городской и личной учебной жизни захватила цѣликомъ всѣхъ насъ, свѣжихъ, юныхъ провинціаловъ, и на первыхъ порахъ отодвигала отъ пониманія того дѣйствительнаго положенія вещей, того крайне нервнаго, напряженнаго настроенія, въ которомъ находилось студенчество въ описываемый періодъ времени (сентябрь, октябрь 1887 г.), вылившееся вскорѣ въ цѣлый рядъ бурныхъ демонстративныхъ эксцессовъ со стороны молодежи, въ памятный циклъ студенческихъ безпорядковъ 1887 г., окончившихся закрытіемъ, въ декабрѣ того же года всѣхъ Россійскихъ Университетовъ.

Какъ-то разъ на Кисловку къ намъ заходилъ одинъ изъ старыхъ симбиряковъ — студентъ юристъ Свенцицкій, познакомился съ нами и, послѣ нѣкоторыхъ разспросовъ про всѣхъ насъ, новичковъ, предупредилъ насъ относительно личности Инспектора Брызгалова, охарактеризовавъ его съ самой отрицательной стороны.

Разставаясь съ нами, Свенцицкій выразилъ надежду, что мы не откажемся пріобщиться къ товарищеской земляческой средѣ бывшихъ симбиряковъ.

Не прошло и двухъ сутокъ послѣ посѣщенія насъ Свенцицкимъ, какъ поздно вечеромъ (около 10½ час.) послышался въ мою запертую дверь осторожный стукъ. Я поднялся, отперъ дверь и растворилъ ее...

На фонѣ темнаго корридора, при разсѣянномъ зеленоватомъ свѣтѣ моей лампы, передо мною обрисовались двѣ огромныя, съ ногъ до головы въ черное одѣтыя мужскія фигуры въ фетровыхъ широкополыхъ шляпахъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлись: у одного бритая полная физіономія, а у другого — продолговатое, худое, обрамленное небольшой бородкой, красивое лицо сильнаго брюнета, съ большими, нагло всматривавшимися глазами. Послѣдній стоялъ впереди, и не успѣлъ я открыть дверь, какъ онъ безцеремонно вошелъ въ комнату, а за нимъ послѣдовалъ и другой, съ портфелемъ въ одной рукѣ и небольшимъ карманнымъ фонарикомъ въ другой.

Откровенно говоря, я сначала растерялся при видѣ такихъ позднихъ и необычныхъ гостей, не зная, чему приписать такой визитъ, и что это за мрачные типы. Но высокій брюнетъ съ бородой и проницательными глазами поспѣшилъ мнѣ отрекомендоваться, заявивъ, что онъ — инспекторъ Брызгаловъ, а другой — его секретарь, послѣ чего онъ усѣлся на мое мѣсто у лампы, не преминувъ тотчасъ же просмотрѣть книжку, которую я передъ ихъ приходомъ читалъ.

Пригласивъ меня сѣсть рядомъ съ нимъ, Брызгаловъ своего секретаря отправилъ обратно въ корридоръ. Вкрадчивымъ, ласковымъ голосомъ началъ онъ свои разспросы, предваривъ, что характеристика, данная обо мнѣ симбирскимъ директоромъ, выше всякихъ похвалъ, и что онъ разсчитываетъ во мнѣ видѣть юношу искренняго, довѣрчиваго, не успѣвшаго еще подпасть подъ разрушительное вліяніе старостуденческой среды.

Сначала онъ интересовался всѣмъ тѣмъ, что касалось моей семьи, нашего имущества, а затѣмъ перешелъ къ разспросамъ болѣе его занимавшимъ, начавъ допытываться у меня относительно характеристики моихъ земляковъ, со мною вмѣстѣ окончившихъ гимназію и ранѣе меня вступившихъ въ Московскій Университетъ. Мало-по-малу, обликъ и тонъ рѣчи Брызгалова стали замѣтно мѣняться: овечья шкура съ матераго волка начала слѣзать: ясно стала обрисовываться жесткая его щетина, острые зубы и хищные глаза.

Какъ-то инстинктивно, я самъ въ себѣ замкнулся и внутри у меня стало наростать къ сидѣвшему около меня незваноночному посѣтителю чувство опасливаго отвращенія... На мой правдивый отвѣтъ, что я никого изъ прежнихъ симбиряковъ не знаю и ничего про нихъ сказать не могу, Брызгаловъ рѣзко оборвалъ меня, воскликнувъ: „Ложь! Вы ихъ знаете, вы вступили въ ихъ землячество! Отпираться глупо и для васъ невыгодно! Извольте немедленно все мнѣ изложить про симбирское землячество, его составъ, условія вашего въ него вступленія!..."

Повторивъ еще разъ, что ничего по этому поводу ему сказать не могу, я рѣшилъ про себя — больше этому несправедливому насильнику не отвѣчать и замолчалъ. Чего только я ни наслушался вслѣдъ за этимъ отъ этого господина! Какъ только ни запугивалъ онъ меня, вплоть до угрозы исключенія меня изъ Университета, какія только ни сулилъ мнѣ льго-

ты, если я соглашусь ему все подробно о моихъ землякахъ доносить! Я сидѣлъ молча, не проронивъ болѣе ни одного слова.

Выведенный изъ себя, инспекторъ шумно всталъ, вызвалъ изъ корридора своего секретаря и, грозя мнѣ пальцемъ, гнѣвно на прощанье кинулъ: — „Ну-съ, Наумовъ, попомните меня!" Было около полуночи, когда онъ, наконецъ, оставилъ меня въ покоѣ.

Не успѣлъ я захлопнуть за ними дверь, какъ изъ сосѣдней комнаты показались курчавая голова Володи Толстого и здоровенный его кулачище, направленный по адресу ушедшаго. „Ну, и подлецъ-же этотъ господинъ!" — злобно прошипѣлъ онъ, а затѣмъ бросился меня обнимать и руку трясти, со словами: „Молодецъ! По-барски выдержалъ хамскій допросъ!" Вскорѣ фактъ этотъ — посѣщенія меня Инспекторомъ — со всѣми подробностями сталъ извѣстенъ среди симбирской студенческой компаніи, а Свенцицкій заходилъ пожать мнѣ руку отъ лица всѣхъ моихъ старыхъ земляковъ и просилъ непремѣнно зайти на ихъ собраніе.

Брызгаловъ со мною сдѣлалъ лишь то, что я рѣшилъ возможно ближе сойтись именно съ тѣми, о которыхъ онъ отрицательно отзывался, и познакомиться съ организаціей того землячества, про мое вступленіе въ которое онъ тоже былъ, якобы, такъ хорошо освѣдомленъ. То, что ранѣе было узаконено и происходило безбоязненно, открыто, послѣ Новаго Устава продолжало существовать.

Несмотря ни на что, въ замаскированномъ видѣ земляческія собранія продолжали существовать, и вотъ на одно изъ нихъ я съ моими сожителями былъ приглашенъ подъ предлогомъ товарищескаго чаепитія, устроеннаго на квартирѣ у Свенцицкаго.

Типичная меблированная студенческая комната, какихъ тысячи разбросаны по всей Москвѣ, была заполнена двумя десятками студентовъ вперемежку съ нѣсколькими курсистками.

Всѣ размѣстились въ тѣсномъ кругу вокругъ овальнаго стола съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ, у котораго сидѣлъ и встрѣчалъ самъ хозяинъ, а чай разливала какая-то курсистка. На лѣстницѣ установлено было дежурство на случай прихода инспекціи.

Спустя нѣкоторое время, Свенцицкій попросилъ у присутствовавшихъ вниманія и началъ читать денежный отчетъ, затѣмъ доложилъ о состояніи библіотеки, о поданныхъ заявленіяхъ по поводу пособій и т. д.. Впечатлѣніе я вынесъ тогда очень хорошее: ни слова не было сказано о политикѣ, все клонилось къ интересамъ взаимопомощи земляческой молодежи, которая въ общемъ произвела на меня самое благопріятное впечатлѣніе; съ нѣкоторыми-же изъ нихъ впослѣдствіи установились у меня наилучшія товарищескія отношенія

Угрозы Брызгалова оказались не безрезультатными: въ началѣ ноября всѣ мы, первокурсники-симбиряки, получили повѣстку явиться 22 ноября въ канцелярію Попечителя Округа, которымъ въ то время состоялъ гр. П. А. Капнистъ. Переполохъ возникъ среди насъ немалый.

Но всѣ наши тревоги и предположенія волею судебъ должны были сами собой исчезнуть и потонуть въ бурномъ водоворотѣ студенческихъ безпорядковъ, вспыхнувшихъ какъ разъ наканунѣ назначенной явки нашей къ попечителю.

21-го ноября въ парадной залѣ Московскаго Дворянскаго Собранія происходилъ обычный студенческій концертъ, традиціонная торжественность котораго и въ этотъ разъ проявилась въ полной мѣрѣ. Масса народу, во главѣ съ Генералъ-Губернаторомъ Генераломъ--Адъютантомъ княземъ Долгоруковымъ и другими начальствующими лицами; парадные мундиры, дамскіе туалеты; студенческая молодежь въ новой элегантной формѣ; великолѣпная „а-жіорно" освѣщенная красавица зала — все предвѣщало концерту въ пользу недостаточныхъ студентовъ обычный успѣхъ и шумное веселье.

Вдругъ, въ началѣ второго музыкальнаго отдѣленія, появился изъ-за зальныхъ колоннъ молодой студентъ скромнаго вида, который спокойнымъ шагомъ по среднему проходу дошелъ до сидѣвшаго во второмъ ряду на крайнемъ креслѣ инспектора Брызгалова и, громко крикнувъ, „Мерзавецъ!", ударилъ его по щекѣ... Поднялась невѣроятная суматоха. Студента, оказавшагося по фамиліи Синявскимъ, немедленно схватили и увели. Брызгаловъ уѣхалъ домой. Большинство публики покинуло концертъ, который еле-еле довели до конца почти при пустой залѣ.

Этимъ же вечеромъ, во многихъ мѣстахъ центральной части Москвы на Никитскомъ, Тверскомъ, Страстномъ бульварахъ, на площади передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ начали собираться студенческія группы, раздавались кое-гдѣ возбужденные голоса, выкрики противъ администраціи университетскаго начальства. Самъ я на концертѣ не былъ, а сидѣлъ вечеромъ съ нѣкоторыми изъ товарищей въ любимой пивной на Тверскомъ бульварѣ, куда неожиданно, около 11 часовъ вечера, ворвалась толпа студентовъ, сильно возбужденная. Одинъ изъ вошедшихъ взобрался на столъ и сообщилъ о только что происшедшемъ инцидентѣ на концертѣ.

Масса студенческой молодежи, узнавъ въ чемъ дѣло, съ пѣснями и гикомъ высыпала на бульваръ, на которомъ стали раздаваться возгласы: „Долой Брызгалова! Молодецъ Синявскій!" Образовалась многочисленная сходка, вскорѣ разошедшаяся, но участники ея демонстративно профланировали съ Тверскаго бульвара по Тверской, мимо генералъ-гу-

бернаторскаго дома, около котораго огромной толпой стали пѣть „Гаудеамусъ игитуръ" вперемежку съ тѣми же выкриками по адресу Брызгалова и Синявскаго...

На другой день намъ предстояло явиться въ канцелярію попечителя Округа, куда мы и отправились всѣ впятеромъ. Встрѣтившій насъ дежурный чиновникъ имѣлъ видъ чрезвычайно обезпокоенный и нервный. Просмотрѣвъ наши повѣстки, онъ пошелъ съ ними докладывать по начальству и вскорѣ вернувшись, махнулъ на насъ рукой и сердитымъ голосомъ сказалъ: „Идите, молодые люди, по домамъ, теперь не до васъ!" Онъ былъ правъ, ибо пощечина Брызгалову оказалась сигналомъ, послѣ котораго началось общее возбужденіе студентовъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не только въ Москвѣ, но и въ остальныхъ университетскихъ городахъ.

Немедленно послѣ случившагося на концертѣ была послана изъ Москвы шифрованная телеграмма въ другіе университетскіе города — съ краткимъ содержаніемъ: „мать заболѣла". Послѣ Москвы начались совершенно однородные демонстративные эксцессы въ Казани, Харьковѣ, Кіевѣ и Петербургѣ. Въ самой же Москвѣ въ тотъ день, когда мы ходили къ попечителю, на нѣкоторыхъ бульварахъ, около Университета, Техническаго Училища, Петровско-Разумовской Академіи, стали собираться многочисленныя студенческія толпы и, одновременно, начали появляться наряды пѣшей и конной полиціи, а къ вечеру по всѣмъ главнымъ артеріямъ города стали разъѣзжать патрули донскихъ казаковъ съ лихо заломленными набекрень шапками, пиками и шашками на-голо, нагло вызывающе обращавшихся со всякимъ, одѣтымъ въ студенческую форму.

Пишу это потому, что до сихъ поръ осталось у меня тяжелое чувство неожиданнаго оскорбленія, полученнаго мною отъ встрѣтившагося отряда казаковъ. Одинъ изъ нихъ, проѣзжавшій съ края, поровнявшись со мной, безъ всякаго съ моей стороны повода, концомъ пики ударилъ меня по спинѣ съ презрительнымъ окрикомъ: „Эхъ ты, скубентъ", и вслѣдъ раздалась по моему адресу площадная брань подъ аккомпаниментъ общаго кругомъ хохота... Было темно и никто не могъ видѣть моихъ слезъ, невольно капавшихъ отъ непривычной обиды.

Мама была крайне встревожена всѣмъ происходившимъ на улицѣ, тѣмъ болѣе, что слухи доходили до московскихъ обывателей чрезвычайно тревожные — и не безъ основанія, такъ какъ во многихъ мѣстахъ къ вечеру того же 22-го ноября начались серьезныя схватки между возбужденными студентами и высланными для разгона сходокъ полицейскими и воинскими чинами. Въ результатѣ оказалось немало раненыхъ и стали производиться массовые аресты.

На другой день 23-го утромъ я пошелъ въ Университетъ

по Никитской улицѣ, но меня прохожіе предупредили, чтобы я дальше въ формѣ не показывался. „Уходите отъ грѣха!" — послышался ихъ совѣтъ, и я повернулъ въ Долгоруковскій переулокъ, но сразу же попалъ въ самую кашу неистовой расправы казаковъ съ участниками сходки, происходившей около Химической Лабораторіи.

Узкій переулокъ былъ весь заполненъ массой народа; вдоль тротуаровъ ѣхали казаки съ пиками на перевѣсъ, съ обѣихъ сторонъ, образуя такимъ образомъ рядъ живой непроницаемой и весьма колючей изгороди. Въ серединѣ, между подобными казачьими стѣнками, какъ сельди въ боченкѣ толпились, другъ на друга наступая, застигнутые на сходкѣ, студенты, которыхъ казаки „гнали" сквозь строй по переулку по направленію къ Никитской улицѣ, причемъ при попыткѣ къ бѣгству казаки тотчасъ же покушавшагося подымали съ обѣихъ сторонъ кверху на свои пики, къ общей своей потѣхѣ и ужасу публики. При видѣ всего этого, я счелъ за болѣе благоразумное отказаться отъ мысли идти въ Университетъ и поспѣшилъ вернуться къ себѣ домой на Кисловку.

Уличные безпорядки разгорались все сильнѣй и ожесточеннѣе. Во многихъ частяхъ города стали раздаваться выстрѣлы, студенты начали вооружаться. Около Императорскаго Техническаго Училища произошло кровопролитное побоище, въ которомъ приняли участіе и Петровцы. Къ Университету были стянуты войска, расположившіяся на постой въ огромномъ сосѣднемъ манежѣ. Судьба Синявскаго была рѣшена: его исключили изъ Университета и сослали въ Туркестанъ въ дисциплинарный батальонъ. Брызгаловъ, какъ слышно, заболѣлъ нервнымъ потрясеніемъ и слегъ въ постель. За два дня репрессій студенчество не только не успокоилось, но стало вести себя еще нервнѣе и смѣлѣе.

Наступилъ Екатерининъ день — 24-ое ноября. Я рѣшилъ вновь попытаться съ утра пройти къ себѣ на лекціи. На улицахъ было тихо, пустынно и внѣшне видимо благополучно. Собралось насъ юристовъ-первокурсниковъ немного, несмотря на то, что долженъ былъ читать профессоръ А. И. Чупровъ лекцію по политической экономіи, на которыя обычно сходились всѣ студенты нашего курса.

Съ большимъ опозданіемъ вошелъ въ аудиторію блѣдный и взволнованный общій нашъ любимецъ — Александръ Ивановичъ, который, прежде чѣмъ приступить къ очередной своей лекціи, въ краткихъ, но искренне-сердечныхъ словахъ призывалъ своихъ слушателей къ успокоенію и благоразумію, послѣ чего, поправивъ обычнымъ жестомъ свои золотыя очки, перешелъ къ изложенію „ученія о капиталѣ". Но не успѣлъ онъ произнести нѣсколькихъ вступительныхъ словъ, какъ раздался въ дверяхъ необычайный шумъ, послышались громкіе голоса съ требованіемъ отпереть двери, почему-то оказавшіяся запертыми. Наконецъ, двери были вышиблены

и въ нашу аудиторію ввалилась толпа постороннихъ студентовъ, требовавшихъ прекращенія лекцій и слѣдованія за ними въ рядомъ расположенную актовую залу для участія на всеобщей сходкѣ. Деликатный А. И. Чупровъ трясущимся отъ волненія голосомъ просилъ ворвавшихся лицъ удалиться и не мѣшать начатой имъ лекціи, къ чему присоединились и всѣ мы, столпившіеся вокругъ нашего профессора, но на это раздались еще большіе крики съ угрозами по адресу всѣхъ насъ и самаго Чупрова, который въ концѣ концовъ махнулъ рукой, собралъ свои бумаги и, понуря голову, вышелъ въ двери, ведущія въ библіотеку.

За нимъ слѣдомъ пошли многіе изъ насъ, и я въ томъ числѣ. Тяжело было видѣть и воочію испытывать грубое насиліе кучки наглецовъ надъ мирнымъ отправленіемъ своихъ обязанностей гуманнѣйшимъ и достойнѣйшимъ профессоромъ Чупровымъ.

Александръ Ивановичъ вскорѣ насъ покинулъ, мы же всѣ попали прямо въ актовый залъ, наполовину заполненный студентами, входившими въ помѣщеніе прямо со двора, въ верхнихъ одеждахъ, фуражкахъ, съ папиросами въ зубахъ.

Судьба меня столкнула лицомъ къ лицу съ графомъ Владиміромъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ, тоже первокурсникомъ, и мы вмѣстѣ были невольно втянуты въ общую лавину разсаживавшихся по мѣстамъ студентовъ. Оказалось, что попали мы на сходку, оффиціально разрѣшенную самимъ Попечителемъ, на которую онъ самъ рѣшилъ пріѣхать для личныхъ переговоровъ съ представителями московскаго студенчества по поводу всѣхъ возникшихъ недоразумѣній и безпорядковъ. Мы съ Бобринскимъ были со всѣхъ сторонъ совершенно стиснуты массой народа, представлявшую собой сплошное море головъ и спинъ, причемъ первоначально вся эта тысячная толпа вела себя сравнительно умѣренно и спокойно, очевидно, въ ожиданіи появленія самого попечителя.

Время шло, нетерпѣніе наростало, графъ Капнистъ не появлялся. Многоголовый молодой организмъ еле сдерживалъ себя — психологіей его пренебрегали, а въ концѣ концовъ, и вовсе по наболѣвшему мѣсту остріемъ провели: вмѣсто Капниста, со всѣхъ сторонъ актовой залы появились синіе жандармскіе мундиры съ шашками наголо. При видѣ ихъ, вмѣсто ожидавшагося попечителя, зала, какъ одинъ человѣкъ ахнула... Раздались свистки и возгласы: „Долой охрану!" — „Стыдно!" и пр. Шумъ ежеминутно наросталъ сильнѣе, общее настроеніе становилось крайне возбужденнымъ, и вотъ какъ разъ въ это время (нарочно нельзя было придумать худшаго момента!) — въ главныхъ дверяхъ появляется самъ графъ Капнистъ въ сопровожденіи цѣлой свиты опять-таки жандармскаго окруженія — одѣтый въ вицмундиръ съ лентой черезъ плечо.

Раздалось чье-то властное изъ среды студенчества приказаніе: „Тише! Молчать!" Зала стихла, и попечитель, поднявшись на каѳедру, прошелъ въ нишу. Мы съ Бобринскимъ сидѣли зажатые въ заднихъ рядахъ и еле видѣли издали фигуру Капниста.

При общей тишинѣ тотъ же звучный голосъ обратился къ попечителю съ слѣдующимъ заявленіемъ: „Господинъ попечитель, мы, студенты Московскаго Университета, предъявляемъ въ Вашемъ лицѣ своему учебному начальству три требованія, которыя просимъ удовлетворить: 1)Удалить ненавистнаго намъ всѣмъ инспектора Брызгалова. 2) Смягчить участь студента Синявскаго. 3) Отмѣнить новый Университетскій Уставъ, возстановивъ прежній".

Сказано это было отчетливо и такъ громко, что каждое слово доходило и раздавалось въ ушахъ слушателей во всемъ огромномъ помѣщеніи. По окончаніи этого заявленія, въ залѣ раздались долго несмолкавшіе единодушные аплодисменты. Но тотъ же повелительный голосъ вновь заглушилъ всѣхъ и послышался его громкій призывъ: „Тише, товарищи! Господинъ попечитель хочетъ говорить!" Въ залѣ водворилась мертвая тишина — всѣ очевидно съ нетерпѣніемъ ждали мудраго примирительнаго отвѣта.

Видимая нами издали маленькая фигура въ лентѣ съ чиновными круглыми бакенами и краснымъ волнующимся упитаннымъ лицомъ что-то стала, картавя, говорить, при этомъ столь неразборчиво и тихо, что мы лишены были возможности что-либо слышать... Но вдругъ передъ нашими глазами свершилось нѣчто невѣроятное и совершенно непредвидѣнное. Вся передняя часть студенчества внезапно сорвалась съ мѣстъ, со свистомъ, руганью и крайнимъ озлобленіемъ полѣзла впередъ по направленію къ нишѣ, задніе ряды стали наваливаться на передніе; люди съ поднятыми кулаками вскакивали одинъ на другого на плечи и, по спинамъ безцеремонно переходя, всѣ устремились къ тому же одному мѣсту — нишѣ, гдѣ стояла каѳедра съ попечителемъ.

Мы съ Бобринскимъ почуяли во всемъ этомъ столь стихійное и грозное, что, не сговорившись, инстинктивно потянулись къ выходу, для чего тоже пришлось перешагивать черезъ спины сосѣдей. Не забуду мелькнувшей при этомъ передъ нашими глазами тяжелой сцены: въ глубинѣ зальной ниши виднѣлась несчастная фигура Капниста, измятаго, разодраннаго, котораго, однако, успѣла окружить вооруженная стража, бросившаяся отъ главныхъ выходныхъ дверей къ нему на выручку. Мы съ Бобринскимъ смогли пройти эти двери незамѣченными, вышли на площадку, а затѣмъ на университетскій дворъ, переполненный полицейскими чинами. При выходѣ на улицу мы предъявили свои билеты и были выпущены на свободу. Нашъ незамѣченный выходъ изъ

актовой залы явился обстоятельствомъ особаго нашего благополучія и счастья.

На той же площадкѣ, спустя можетъ быть минуту послѣ нашего выхода, огромнымъ вооруженнымъ нарядомъ жандармовъ отбирались билеты отъ всѣхъ остальныхъ выходившихъ изъ залы студентовъ, и въ тотъ же день всѣ участники этой злосчастной сходки, окончившейся избіеніемъ Попечителя Округа, отправлены были въ Бутырскую тюрьму на высидку.

Впослѣдствіи мы узнали причину столь внезапнаго и ожесточеннаго озлобленія студентовъ противъ гр. Капниста. Оказалось, что въ отвѣтъ на предъявленныя ему требованія студенчества, онъ будто бы сказалъ слѣдующее: „Мнѣ трудно въ такой обстановкѣ обсуждать затронутые вами вопросы, тѣмъ болѣе, что, на мой взглядъ, большинство собравшихся здѣсь студентовъ представляетъ изъ себя не больше, какъ стадо барановъ"... Далѣе ему не дали договорить и произошло то, что мною описано выше...

Университетская жизнь была въ корнѣ нарушена. Лекціи прекратились. Сами профессора раскололись на два лагеря: одни стояли за уступки и за принятіе мѣръ къ мирному улаженію безпорядковъ, другіе — за неукоснительное примѣненіе самыхъ рѣшительныхъ репрессивныхъ мѣръ.

Во всѣхъ университетскихъ городахъ происходило то же почти, что и въ Москвѣ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ противъ студенчества наростало возбужденіе среди простонародья. Начались случаи избіенія студентовъ, не безъ содѣйствія во многихъ случаяхъ самой полиціи. Всѣ районы въ Москвѣ, гдѣ находились высшія учебныя заведенія, были оцѣплены войсками, по главнымъ улицамъ разъѣзжали патрули. Тюрьмы изо дня въ день заполнялись новыми партіями студентовъ. Въ „Бутыркахъ" стала издаваться особая студенческая газета, а среди интеллигентной столичной молодежи возникло своего рода „паломничество" по мѣстамъ заключенія, куда носили ѣду, книги, журналы и пр.

Въ концѣ концовъ, Петербургъ надумалъ мудрое рѣшеніе, и вскорѣ былъ изданъ министерскій приказъ о закрытіи до 1-го января 1888 года всѣхъ Университетовъ и тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, которыя принимали участіе въ безпорядкахъ. Послѣ означеннаго срока объявленъ былъ пріемъ студентовъ лишь подъ условіемъ, закрѣпленнымъ собственноручною подписью каждаго изъ нихъ, требовавшимъ отъ всѣхъ вновь вступавшихъ лицъ безпрекословнаго подчиненія всѣмъ правиламъ Устава 1884-го года. Послѣ упомянутаго распоряженія Министра Народнаго Просвѣщенія всѣ университеты были заперты.

Мѣра была правильная; она дала возможность и начальству хладнокровно разобраться во всемъ происшедшемъ, да и студенчеству было предоставлено достаточно времени, чтобы одуматься и успокоиться.

Результаты сказались скоро. Съ 1-го января 1888 года начался пріемъ студентовъ. Заново принято было такимъ образомъ до 3000 человѣкъ, остальные какъ бы сами собой отпали.

Лекціи начались при наилучшихъ условіяхъ. Учебная жизнь сразу наладилась. Всѣ принялись за работу съ удвоенной энергіей; о прошломъ не говорили, тѣмъ болѣе, что бывшій виновникъ университетскаго озлобленія — инспекторъ Брызгаловъ послѣ концертнаго инцидента на самомъ дѣлѣ захворалъ настолько сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ, что ему пришлось выйти въ отставку и покинуть Москву.

Атмосфера очистилась, шпіонажъ прекратился, студенчество вздохнуло. Вмѣсто безличнаго неспособнаго Иванова, съ новаго 1888 года Ректоромъ нашего Университета назначенъ былъ профессоръ римскаго права Николай Павловичъ Боголѣповъ — человѣкъ спокойный, обстоятельный и крѣпкій. Однимъ словомъ, все пришло въ норму, и такъ продолжалось до самого окончанія мною курса.

Но прежде чѣмъ перейти къ воспоминаніямъ о моей академической жизни, не могу обойти молчаніемъ одинъ памятный для меня эпизодъ, относящійся именно къ тому тревожному періоду, когда университеты были закрыты, и мы, студенты, оказались временно выкинутыми за бортъ. Случилось это въ послѣднихъ числахъ декабря 1887 года, во время рождественскихъ праздниковъ, къ которымъ изъ Головкина пріѣхалъ къ намъ отецъ, немало встревоженный университетскими событіями. Братъ мой Николай служилъ въ то время офицеромъ въ Гатчинской Артиллерійской Бригадѣ. Отецъ хотѣлъ его навѣстить и рѣшилъ взять меня съ собой.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, мы остановились въ Европейской гостинницѣ. Уставши съ дороги, отецъ рѣшилъ переночевать, а на слѣдующее утро имѣлъ въ виду отправиться въ Гатчину. Были мы совсѣмъ раздѣты и укладывались спать, какъ вдругъ раздался стукъ въ дверь... Отецъ былъ человѣкомъ нервнымъ и вспыльчивымъ. Отворивъ дверь, онъ былъ крайне удивленъ при видѣ въ столь поздній часъ — (было около десяти съ половиной вечера) — предъ собой полицейскаго чина, вѣжливо извинившагося за безпокойство и спросившаго про студента Московскаго Университета А. Наумова, которому онъ имѣлъ срочную надобность вручить повѣстку отъ Петербургскаго Градоначальника генерала Грессера, съ вызовомъ его къ нему въ канцелярію на слѣдующее утро. Отецъ, не впуская пришедшаго въ номеръ, еле далъ ему договорить и раздраженнымъ голосомъ заявилъ, что никакого студента съ нимъ нѣтъ и никакой повѣстки отъ него не приметъ. Съ этими словами онъ захлопнулъ передъ самымъ носомъ полицейскаго дверь и заперъ

ее на ключъ. Обезпокоенный папа вернулся ко мнѣ и сообщилъ о вызовѣ меня къ Грессеру, грозная слава о которомъ доходила и до нашей провинціи. „Я сказалъ, что тебя нѣтъ. — Знаешь, Саша, удеремъ-ка завтра утромъ отсюда по добру по здорову!" Я сталъ уговаривать отца остаться, обѣщалъ утромъ отправиться въ канцелярію къ Градоначальнику, вызывавшему меня, вѣроятно, для отбытія пустой формальности. Отецъ слушалъ, крутилъ свой усъ и категорически заявилъ о своемъ непреклонномъ рѣшеніи завтра же утромъ съ первымъ возможнымъ поѣздомъ уѣхать обратно въ Москву

Сказано — сдѣлано. На другое же утро взялъ меня отецъ въ охапку и увезъ въ Москву обратно...

Не успѣли мы войти въ наши меблированныя комнаты Базилевскаго, какъ меня уже поджидали двое господъ въ штатскомъ, потребовавшіе меня въ участокъ для допроса. Отецъ вспылилъ и сталъ ихъ увѣрять въ необходимости меня оставить въ покоѣ, въ виду моей полной непричастности къ какимъ-либо студенческимъ проступкамъ, на что полицейскіе агенты резонно отвѣтили, что, прежде всего, надлежало выяснить причину моего неподчиненія требованію Петербургскаго Градоначальника.

Разволновавшегося отца пришлось всячески успокаивать, чему помогли и сами полицейскіе. Черезъ нѣсколько часовъ все выяснилось, и я, отбывъ допросъ, благополучно вернулся домой къ общей радости моихъ родителей. Вотъ какъ и чѣмъ кончилась моя первая поѣздка въ сѣверную столицу: ни ея, ни брата я не повидалъ — Грессеръ напугалъ!

17

Московскій Университетъ временъ моего студенчества славился выдающимся составомъ своихъ профессоровъ и въ частности, по Юридическому Факультету. Такія имена, какъ А. И. Чупровъ (политическая экономія и статистика), И. И. Янжулъ (финансовое право) , Н. П. Боголѣповъ (римское право), Павловъ (церковное право) могли справедливо называться красой и гордостью русской науки и профессуры.

На первомъ курсѣ основными предметами были: исторія русскаго права, исторія римскаго права, политическая экономія и энциклопедія права.

На второмъ курсѣ: римская догма, государственное право, финансовое право, церковное право, статистика и исторія философіи права.

На третьемъ и четвертомъ курсахъ проходились: уголовное право (матерьяльное и процессуальное), гражданское право (тоже матерьяльное и процессъ), международное право, полицейское право, торговое право и рядъ необязательныхъ предметовъ: тюрьмовѣдѣніе, судебная медицина и др. Богословіе можно было слушать на любомъ курсѣ.

Римское право (исторію и догму) читалъ профессоръ Николай Павловичъ Боголѣповъ — выдающійся знатокъ этого предмета, и обладавшій исключительной способностью — ясно, внятно и интересно передавать слушателямъ огромный, сложный и трудный для усвоенія матерьялъ своихъ курсовыхъ лекцій. При всемъ этомъ, Николай Павловичъ слылъ, и в дѣйствительности былъ, „грозой" факультета, будучи профессоромъ чрезвычайно требовательнымъ и безпощаднымъ на провѣрочныхъ испытаніяхъ и государственныхъ экзаменахъ. Всей своей фигурой, отточенностью своихъ лекцій, строгостью къ исполненію своихъ обязанностей, Николай Павловичъ какъ бы олицетворялъ самъ собой „jus strictum populi Romani". Требованія его къ студентамъ въ отношеніи записи лекцій были неумолимы — всякій долженъ былъ имѣть свой конспектъ, который Николай Павловичъ тщательно провѣрялъ на семестровыхъ зачетахъ, попутно дополняя устными разспросами.

Надо отдать справедливость, что записывать за Николаемъ Павловичемъ было чрезвычайно легко — настолько отчетливо, не торопясь, читалъ онъ на обоихъ курсахъ свой предметъ. Всякая сказанная Николаемъ Павловичемъ съ каѳедры фраза, каждое слово — были имъ предварительно обдуманы, взвѣшены и потомъ громко, размѣренно, отчетливо сказаны. Такихъ же отвѣтовъ онъ требовалъ и отъ студентовъ — „non multa, sed multum".

Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ Боголѣпова, студенты-юристы, въ общей массѣ, знали его курсъ римскаго права основательно и мѣстами, какъ говорится, „на зубокъ".

Какъ я ранѣе упоминалъ, Боголѣповъ былъ назначенъ съ 1888 г. ректоромъ Московскаго Университета, а затѣмъ былъ призванъ Государемъ на постъ Министра Народнаго Просвѣщенія, на которомъ и погибъ отъ руки злоумышленника.

Иного уклада и характера, но столь же выдающимся знатокомъ своего предмета, былъ Александръ Ивановичъ Чупровъ, читавшій намъ на первомъ курсѣ политическую экономію, а на второмъ — статистику. Въ ученомъ мірѣ, не только въ Россіи, но и заграницей, это было большое имя, среди же нашего студенчества Александръ Ивановичъ пользовался не только всеобщимъ уваженіемъ, но и любовью. Весь курсъ посѣщалъ его лекціи. Александръ Ивановичъ умѣлъ вкладывать въ нихъ столько интереса, столько жизненной сути и искренняго своего увлеченія, что студенты съ захватывающимъ вниманіемъ слушали ихъ и старались не пропускать ни одного часа его чтеній.

Несмотря на обширность курса политической экономіи, сравнительную его трудность и сухость статистики, общій

уровень знанiй по этимъ предметамъ среди студенчества былъ безусловно болѣе чѣмъ удовлетворительный.

Среди профессоровъ, читавшихъ намъ лекцiи на первомъ и второмъ курсахъ, былъ также Николай Андреевичъ Звѣревъ. На первомъ курсѣ мы слушали его лекцiи по энциклопедiи права, а на второмъ — исторiю философiи права, и не только слушали, но со всѣмъ юношескимъ пыломъ жадно воспринимали все то, что съ такимъ воодушевленiемъ и искреннимъ увлеченiемъ проповѣдывалъ намъ съ каѳедры Николай Андреевичъ.

Онъ обладалъ выдающимися ораторскими способностями и говорилъ съ тѣмъ присущимъ ему темпераментомъ, благодаря которому умѣлъ всецѣло овладѣвать своими слушателями. Рѣдкая его лекцiя не заканчивалась единодушными оглушительными апплодисментами всей аудиторiи...

Какъ сейчасъ вижу памятную мнѣ обстановку Звѣревскихъ лекцiй: все библiотечное помѣщенiе, гдѣ происходили занятiя перваго курса, биткомъ набито студентами; на всѣхъ молодыхъ лицахъ напряженное вниманiе; всѣ глаза устремлены по направленiю къ возвышающейся каѳедрѣ, за которой, обычно стоя, облокотясь одной стороной своего хрупкаго туловища, Николай Андреевичъ не читалъ, а именно вдохновенно проповѣдовалъ свои интереснѣйшiя лекцiи о государственныхъ образованiяхъ, ихъ ростѣ, о намѣчаемыхъ наукой конечныхъ идеалахъ человѣческихъ обществъ и пр.

Временами Николай Андреевичъ доходилъ въ своихъ лекторскихъ выступленiяхъ до удивительнаго подъема — вся его фигура преображалась, глаза горѣли, голосъ прiобрѣталъ захватывающую вибрацiю, и самъ онъ въ своемъ экстазѣ съ распростертыми руками какъ бы взлеталъ куда-то ввысь. Рисуемая имъ перспектива научныхъ данныхъ и выводовъ казалась ему самому, да и всѣмъ намъ, очарованнымъ его воодушевленнымъ словомъ, ясной, доказанной, желанной... „Жизнь государственнаго организма уподобляется физическому" — вспоминаются обрывки Звѣревскихъ ученiй. „Въ своемъ развитiи государство испытываетъ въ порядкѣ постепенности тѣ же ступени, какъ и существо физическое: имѣются налицо зарожденiе, образованiе, младенчество, юность и пр.. Всѣ эти перiоды представляютъ собой непрерывную цѣпь, звенья коей тѣсно и крѣпко сплетены одна съ другой въ порядкѣ тѣсной преемственности. Если крайнее звено мы назовемъ перiодомъ восточнаго деспотизма, послѣдующее, съ нимъ связанное, представляетъ собой просвѣщенный абсолютизмъ, за нимъ слѣдуетъ монархiя конституцiонная и т. д.. М. Г.! Россiя сейчасъ уподобляется тому звену, которое мы назвали просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. Отсюда ясный выводъ и переходъ къ неизбѣжному послѣдующему — конституцiонной монархiи"... Дальше Звѣрева и не слыхать и не видать... Въ аудиторiи раздавался при этихъ словахъ оглушительный трескъ молодыхъ ладоней и все студенчество устремлялось къ своему вдохновенному глашатаю будущихъ Россiйскихъ государственныхъ перспективъ...

Прошло съ тѣхъ поръ немало лѣтъ: Николай Андреевичъ Звѣревъ успѣлъ быть, вмѣсто Легонина, деканомъ юридическаго факультета, затѣмъ Товарищемъ Министра при Н. П. Боголѣповѣ и, въ концѣ концовъ, былъ назначенъ Членомъ Государственнаго совѣта.

Почти черезъ 20 лѣтъ произошла наша съ нимъ встрѣча въ стѣнахъ Марiинскаго Дворца, гдѣ засѣдалъ преобразованный Государственный Совѣтъ. Крѣпко обнялись бывшiй профессоръ со своимъ бывшимъ слушателемъ, тѣмъ болѣе, что оба принадлежали къ правой группѣ членовъ Государственнаго Совѣта. За истекшее время Николай Андреевичъ сильно сдалъ и въ своемъ внѣшнемъ обликѣ да и въ темпераментности... Что же касается политическихъ убѣжденiй, то видимо идеализированная имъ во времена моего студенчества цѣпь государственнаго развитiя для него оборвалась на звенѣ 17-го октября 1905 года, и, пожалуй, онъ былъ бы не прочь это звено оторвать, удовольствовавшись предшествовавшимъ. Въ группѣ правыхъ онъ занималъ въ Государственномъ Совѣтѣ крайнее непримиримое положенiе даже по вопросамъ народнаго образованiя. Много усилiй пришлось мнѣ приложить, чтобы провести въ 1910-1913 г. г. устройство въ Самарѣ Высшаго Политехническаго Института, ярымъ противникомъ чему былъ не кто иной, какъ Николай Андреевичъ Звѣревъ, опасавшiйся открытiя еще новаго разсадника революцiонеровъ!! Воистину — „Tempora mutantur et nos in illis!"..

Прямой противоположностью живому, энергичному Звѣреву былъ профессоръ Мрочекъ-Дроздовскiй, читавшiй на первомъ курсѣ намъ лекцiи по исторiи русскаго права, до Соборнаго Уложенiя Царя Алексѣя Михайловича. Самъ по себѣ предметъ этотъ былъ исключительнаго интереса и особой важности для образовательнаго ценза русскаго юриста; однако, къ стыду Московскаго Университета, прохожденiе его было возложено на человѣка не только застывшаго въ своей профессорской дѣятельности, но и вовсе омертвѣвшаго. Вслѣдствiе этого молодежь предпочитала знакомиться съ исторiей русскаго права по ранѣе изданнымъ лекцiямъ и другимъ печатнымъ источникамъ, а не слушать скучное, нудное, по тону и по существу пренебрежительно-усталое, перечитыванiе Мрочекъ-Дроздовскимъ изъ года въ годъ одного и того же своего курса....

Быстро Мрочекъ-Дроздовскiй отучилъ насъ ходить на его лекцiи, и едва ли нужно говорить, что подобное „профессорство" крайне неблагопрiятно отзывалось на общемъ уровнѣ

знаній предмета такой первостепенной важности для русскаго юриста.

На второмъ курсѣ выдающимся профессоромъ считался Иванъ Ивановичъ Янжулъ (впослѣдствіи академикъ) — краса и гордость факультета, но вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли не большая, чѣмъ Боголѣповъ, гроза студентовъ. Общепризнанный знатокъ и авторитетъ по финансовой наукѣ, Иванъ Ивановичъ, несмотря на изданный имъ въ печатномъ видѣ свой курсъ „Финансовое Право", требовалъ отъ слушателей конспективныхъ записей его лекцій, что было для студентовъ исполнять довольно затруднительно въ силу излишней торопливости и нѣкоторой неразборчивости въ изложеніи Янжуломъ своихъ лекцій. Вообще, какъ лекторъ, Иванъ Ивановичъ имѣлъ немало погрѣшностей: произношеніе его было недостаточно ясно и чисто, въ немъ слышалось преобладаніе шипящихъ звуковъ, но все это восполнялось необычайно талантливо составленнымъ содержаніемъ его курса..

Иванъ Ивановичъ отличался необычайной раздражительностью, крайней несдержанностью, и, ко всему этому, чрезвычайной строгостью къ экзаменующимся. Онъ терпѣть не могъ такъ называемыхъ „бѣлоподкладочниковъ" — студентовъ-франтовъ, носившихъ форменные свои сюртуки на бѣлой подкладкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ знали это и, идя на экзаменъ къ Янжулу, временно брали на прокатъ самую скромную студенческую форму!

Совершенно инымъ былъ заслуженный профессоръ церковнаго права — Павловъ. Скромный, тихій и добрый, онъ имѣлъ большое имя въ ученомъ мірѣ и лекціи его считались выдающимися.

Государственное право — одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ юридическаго факультета, читалось намъ профессоромъ Алексѣевымъ. До него, незадолго до моего вступленія въ Университетъ, таковое преподавалось извѣстнымъ профессоромъ М. М. Ковалевскимъ, впослѣдствіи Членомъ Государственнаго Совѣта. Самый курсъ былъ обстоятельно составленъ и хорошо укладывался въ нашихъ молодыхъ головахъ, но,какъ лекторъ, Алексѣевъ представлялъ собой среднюю величину; читалъ онъ размѣренно, но неинтересно. Человѣкъ онъ былъ мягкій, ровный, и студенты къ нему относились благожелательно и съ довѣріемъ.

На старшихъ курсахъ основными предметами были: уголовное и гражданское право. По расписанію на чтеніе этихъ лекцій было удѣлено много часовъ. Матеріальная часть того и другого права представляла собой обширный курсъ чрезвычайной сложности и теоретическаго значенія. Процессуальная же ихъ сторона составляла особую часть университетскаго преподаванія и, хотя не была столь объемистой, но представляла собой изложеніе, которое, въ силу своей чисто технической сути, приходилось брать почти цѣликомъ на память, и въ этомъ отношеніи курсъ процессуальнаго права являлся предметомъ очень труднымъ.

Матеріальную часть уголовнаго права читалъ намъ небезызвѣстный въ научномъ мірѣ профессоръ Колоколовъ.

Какъ лекторъ, онъ пользовался хорошей репутаціей, выше же всего былъ его объемистый курсъ, талантливо и интересно составленный, особенно та его часть, гдѣ говорилось о закономѣрности явленій и ихъ причинной связи. Онъ принадлежалъ къ категоріи профессоровъ строгихъ и требовательныхъ. На его экзаменахъ нечего было думать проскользнуть, какъ говорится, „на фу-фу".

Уголовный процессъ читали намъ два приватъ-доцента: престарѣлый Вульфертъ и Викторскій. Къ первому студенты ходили неохотно — было сухо и скучно; обратное отношеніе было къ молодому, энергичному Викторскому, который въ дѣлѣ изученія и усвоенія процессуальныхъ уголовныхъ нормъ проявилъ умную инициативу, заставившую студенчество заинтересоваться этимъ сухимъ предметомъ, а главное, практически изучить нелегкій для памяти предметъ.

Дѣло въ томъ, что Викторскій, параллельно съ теоріей, задумалъ, если можно такъ выразиться, „натаскивать" молодежь по многостатейному уголовному процессуальному кодексу. Для этого онъ бралъ изъ Архива Судебныхъ Мѣстъ какое-либо уголовное дѣло и предлагалъ студентамъ таковое процессуально воспроизвести на практикѣ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Нѣкоторые записывались въ предсѣдатели судебныхъ засѣданій (обычно, въ первую голову, на эту должность шли по природному своему властолюбію — евреи), другіе въ прокуроры, защитники, судебные пристава, присяжные засѣдатели и пр.... Было занятно и полезно постепенно усваивать на практикѣ многочисленныя статьи Устава Уголовнаго Судопроизводства.

Гражданское право, матеріальную его часть, читалъ профессоръ Гамбаровъ, а процессъ — профессоръ Нерсесовъ; онъ же преподавалъ намъ курсъ торговаго права.

И тотъ и другой были типичными армянами, и по внѣшности, и по выговору — особенно Нерсесъ Осиповичъ Нерсесовъ. Что же касается Гамбарова, какъ лектора, то исполненіе имъ этой обязанности казалось всѣмъ намъ сплошнымъ недоразумѣніемъ. Гамбаровъ страдалъ сильнѣйшимъ заиканіемъ. Тяжело бывало на него смотрѣть, особенно въ первое время, съ какимъ трудомъ ему давалось произношеніе нѣкоторыхъ недававшихся ему словъ. Въ это время армянское лицо его — большое, смуглое, съ характерной бородой и огромными глазами-маслинами, принимало жалкое, страдальческое выраженіе, какъ будто ему дали раскусить кислѣйшую клюкву. Долго онъ, бѣдный, бывало, такъ заминался и, наконецъ, скороговоркой выговаривалъ незадачливое слово.

Остается вспомнить еще двухъ нашихъ профессоровъ,

читавшихъ на старшихъ курсахъ т. н. „обязательные" предметы — Тарасова и гр. Комаровскаго. Подъ руководствомъ перваго мы проходили курсъ полицейскаго права, имѣвшаго скорѣе юридически-бытовой характеръ. Гр. Комаровскій читалъ лекціи по международному праву.

Оба предмета были интересны и преподавались этими профессорами довольно живо и увлекательно. У гр. Комаровскаго при произношеніи слышался особый акцентъ, которымъ обладаютъ по-русски говорящіе иностранцы или русскіе, съ дѣтства проживающіе заграницей, но это ему не мѣшало вдохновенно исповѣдывать и проповѣдывать идею „о мирѣ всего міра". Въ то время это было ново, но путь къ Гаагской конференціи намѣчался и постепенно проводился въ жизнь. Какъ экзаменаторъ, гр. Комаровскій имѣлъ слабость ко всевозможнымъ иностраннымъ цитатамъ, которыми былъ уснащенъ весь его довольно объемистый курсъ. Студенты это знали и наиболѣе ходовыя изъ нихъ старались запомнить, и это обстоятельство при отвѣтахъ всегда ихъ выгодно выручало.

Что касается Тарасова, то это былъ одинъ изъ немногихъ профессоровъ, сумѣвшій завоевать среди студентовъ всеобщія симпатіи. Вся его внѣшность, доброе, ласковое лицо „профессорскаго" типа настолько располагало къ нему, а самая манера держать себя со своими слушателями была столь искренне-проста и благожелательна, что съ нимъ установились у насъ самыя наилучшія, чисто-дружескія отношенія. Читалъ онъ хорошо, увлекательно и интересно, нерѣдко предоставляя возможность студентамъ практически знакомиться съ существовавшими въ Москвѣ полицейско-правовыми учрежденіями.

Переходя въ своихъ воспоминаніяхъ къ профессорамъ, читавшимъ „необязательные" предметы, не могу не упомянуть про престарѣлаго заслуженнаго профессора богословія о. Сергіевскаго, по внѣшнему облику котораго трудно было сказать, сколько ему лѣтъ. По слухамъ ему было не менѣе 90... Во всякомъ случаѣ, почтенный профессоръ былъ настолько дряхлъ, что большей частью впадалъ въ состояніе полной старческой разслабленности, особенно, когда ему приходилось выслушивать отвѣты экзаменовавшихся.

За четырехлѣтнее пребываніе на факультетѣ богословіе необходимо было сдать. Слушать таковой курсъ было необязательно, но полученіе по нему переходной экзаменаціонной отмѣтки требовалось для допущенія къ государственнымъ испытаніямъ.

Самый курсъ богословія о. Сергіевскаго представлялъ собой объемистый, чрезвычайно сложный трудъ, изложенный тяжелымъ, схоластическимъ, нерѣдко малопонятнымъ языкомъ.Вспоминается мнѣ, напримѣръ, такая въ немъ фраза:... „мы аппелируемъ отъ трупа къ живой душѣ" — и многое въ томъ же стилѣ...

За рѣдкими исключеніями, мало кто зналъ курсъ о. Сергіевскаго; всѣ больше разсчитывали на случай и дряхлость экзаменатора. Дѣло, однако, въ томъ, что престарѣлый профессоръ имѣлъ способность иногда вдругъ прозрѣвать, проявляя своего рода „lucida intervalla"; тогда начиналъ онъ вслушиваться въ отвѣты и бывалъ взыскателенъ и неумолимъ — оторопѣвшаго завравшагося студента рѣзко обрывалъ, стыдилъ и отсылалъ для переэкзаменовки.

Курсъ тюрьмовѣдѣнія читалъ приватъ-доцентъ Пустороелевъ, которому мы были признательны за то, что, благодаря его хлопотамъ, намъ удалось видѣть въ Москвѣ, или скорѣе подъ Москвой, нѣкоторыя системы тюремъ новѣйшей конструкціи.

Посѣтили мы и новую военную тюрьму, выстроенную по сложному Пенсильвано-Оксфордскому типу, представлявшую систему радіусообразныхъ, сквозныхъ корридоровъ, сходившихся въ одномъ центрѣ, откуда можно было производить наблюденіе за всѣмъ происходившимъ въ этой тюрьмѣ. Всѣ проходы и полы были покрыты мягкими коврами, благодаря чему надзирателямъ былъ слышенъ малѣйшій шумъ. Далѣе, въ этой тюрьмѣ, при одиночномъ заключеніи, была достигнута полнѣйшая изоляція. При насъ вывели на свободу одного солдата, пробывшаго въ одиночной камерѣ 6 мѣсяцевъ; онъ имѣлъ видъ не человѣка, а скорѣе какого-то существа, въ первое время совершенно безсловеснаго, видимо отвыкшаго говорить.

Судебную медицину читалъ деканъ нашего факультета Легонинъ, почтенный старичокъ, много работавшій по своей спеціальности. На его лекціи ходило очень мало народу, а на практическія занятія въ анатомическій театръ — и того меньше...

Каковы же были условія занятій во время пребыванія моего въ Университетѣ? Прежде всего, коснусь самой техники преподаванія, а затѣмъ скажу нѣсколько словъ по поводу своихъ общихъ впечатлѣній о прошломъ своего студенчества въ отношеніи прохожденія и изученія лекціонныхъ курсовъ.

Изъ всего написаннаго мною выше явствуетъ, что ограничиваться однимъ слушаніемъ лекцій было невозможно. Необходимо было еще и записывать все то, что говорилось намъ съ каѳедры. Нѣкоторые профессора, вродѣ Боголѣпова, читали такъ, какъ будто диктовали. Запись за ними представлялась дѣломъ сравнительно легкимъ, но были и другіе лекторы, за которыми записывать было невѣроятно трудно, почти невозможно, — приходилось набрасывать самый краткій конспективный перечень главнѣйшихъ основныхъ доводовъ и выводовъ. Въ силу этого ощущалась крайне насто-

ятельная нужда въ изданіи полнаго курса читанныхъ лекцій.

Въ этихъ цѣляхъ съ перваго же курса изъ среды студентовъ образовывалась особая комиссія, которая обычно въ полномъ составѣ присутствовала на всѣхъ лекціяхъ, и потомъ выпускала въ литографированномъ видѣ соотвѣтствующіе по каждому предмету лекціонные листы. Въ общемъ, весь матеріалъ, по своему содержанію и съ чисто внѣшней стороны, издавался весьма добросовѣстно и недорого. Это изданіе и служило основной помощью для нашего домашняго прохожденія и изученія факультетскихъ наукъ.

Оглядываясь спустя почти 40 лѣтъ на прошлую обстановку моего учебнаго періода, приходишь къ нѣкоторымъ выводамъ по поводу общей постановки учебнаго дѣла въ прошлой Россіи.

Прежде всего, бросается въ глаза огромная разница въ условіяхъ ученія въ гимназіяхъ и затѣмъ университетскаго. Строгость, требовательность и бдительный надзоръ, которыя мы всѣ испытывали въ средней школѣ, съ полученіемъ аттестата зрѣлости и переходомъ въ университетъ, сразу какъ бы обрывались. Молодые люди фактически освобождались отъ какой-либо опеки и предоставлялись самимъ себѣ.

Существовало на бумагѣ правило, чтобы студенты безъ уважительныхъ причинъ не пропускали лекцій. Для сего курсовой т. н. педель (сторожъ, дядька) имѣлъ соотвѣтствующій разграфленный журналъ, гдѣ противъ каждаго студента долженъ былъ отмѣчать его приходъ или отсутствіе. Фактически это требованіе превратилось въ сплошную комедію. Педеля относились къ своимъ обязанностямъ не только небрежно, но, если получали отъ нѣкоторыхъ своихъ студентовъ „чаевыя", то проставляли противъ нихъ въ соотвѣтствующихъ графахъ помѣтки о безпрестанномъ присутствіи ихъ на лекціяхъ, хотя бы сіи господа ни разу и въ глаза своихъ профессоровъ не видали.

Народу въ Московскомъ Университетѣ было много — особенно на юридическомъ факультетѣ. Были профессора, какъ напримѣръ Боголѣповъ, Янжулъ и Колоколовъ, которые до извѣстной степени „примѣчали" своихъ слушателей и строго относились къ исполненію своихъ требованій по веденію конспектовъ. Къ таковымъ лицамъ волей-неволей студенты должны были ходить. Охотно посѣщали также профессоровъ, увлекавшихъ своими талантливыми и интересными лекціями, но были и такіе горе-лекторы, у которыхъ въ аудиторіи присутствовали лишь члены издательской комиссіи.

Повторяю. — надзора и учета по посѣщенію лекцій фактически не было и, надо сказать правду, — соблазнъ въ силу этого, для молодежи, только-что освободившейся отъ гимназическаго строгаго режима, получался немалый.

Къ этому надо добавить еще и то соображеніе, что по Новому Уставу 1884 года центръ тяжести провѣрокъ студенческихъ знаній сводился къ моменту государственныхъ испытаній, такъ какъ въ теченіе прохожденія курсовъ „семестровые зачеты" не могли носить характера серьезныхъ экзаменовъ, и лишь спустя нѣкоторое время были установлены т. н. полукурсовыя устныя провѣрочныя испытанія. Итакъ, въ началѣ дѣйствія Новаго Устава обычно все сводилось къ зачетамъ по письменнымъ конспектнымъ записямъ и лишь нѣкоторые профессора, болѣе требовательные, попутно при зачетахъ провѣряли студенчество еще устными дополнительными разспросами.

Все это, въ общемъ, создавало губительную обстановку „свободы жизни и дѣйствій", понимаемую каждымъ студентомъ по-своему.

Въ результатѣ „безрежимнаго", „бездисциплиннаго", четырехлѣтняго пребыванія въ званіи студента университета многіе разбалтывались въ безбрежной области предоставленной имъ свободы, послѣ чего особенно тяжко бывало приступать къ конечному моменту университетской жизни — сдачѣ государственныхъ экзаменовъ, которые, кстати сказать, были также обставлены исключительно неблагопріятными условіями для оканчивавшей свой курсъ молодежи.

На юридическомъ факультетѣ всѣ двадцать предметовъ были сбиты на протяженіи лишь одного экзаменаціоннаго мѣсяца. Получалась въ силу этого чрезмѣрно напряженная мозговая работа, отрицательно отзывавшаяся на продуктивности подготовительныхъ занятій, на качествѣ экзаменаціонныхъ отвѣтовъ и на здоровьи самихъ испытуемыхъ. У нѣкоторыхъ изъ экзаменовавшихся нервная система расшатывалась до такой степени, что послѣ окончанія государственныхъ испытаній многимъ приходилось не только отдыхать, но и лечиться, а одинъ изъ моихъ товарищей чуть съ ума не сошелъ. И то сказать: чтобы только „на скорую руку" перечитать всѣ курсовыя лекціи въ столь короткій періодъ времени, мы вынуждены были, не разгибаясь, безъ отдыха, сидѣть за исключительно-напряженной мозговой работой. Обычно по ночамъ пили мы для бодрствованія и возбужденія крѣпчайшій „черный чай", но и онъ, подъ конецъ, сталъ терять свою живительную силу.

Вспоминается мнѣ, какъ пошелъ я на послѣдній свой экзаменъ по международному праву, для подготовки къ которому были даны всего лишь однѣ сутки, а курсъ былъ довольно объемистый. За мѣсяцъ сверхсильной умственной работы голова и весь мой организмъ настолько устали и ослабли, что я, взявшись за курсъ гр. Комаровскаго, почувствовалъ чисто физическую невозможность его, хотя бы бѣгло, пробѣжать. Всѣ предшествовавшіе экзамены прошли у меня болѣе, чѣмъ благополучно — по всѣмъ предметамъ я получилъ въ государственной комиссіи оцѣнку: „весьма удовлетворительно" *) и имѣлъ два т. н. „особыхъ зачета" по уголов-

*) Всего было три категоріи оцѣнокъ: весьма удовлетворительно, удовлетворительно и слабо.

ному и церковному праву, для полученія же диплома необходимо было имѣть не менѣе двухъ такихъ „особыхъ" зачетовъ.

Рѣшивъ окончательно себя не надрывать, я залегъ спать, благодаря чему, послѣ отдыха, я смогъ поздно вечеромъ перелистать курсъ, а утромъ повторилъ и хорошенько запомнилъ особую сдѣланную мною выписку тѣхъ иностранныхъ изрѣченій, на которыя такъ падокъ былъ гр. Комаровскій. Въ результатѣ, послѣдній экзаменъ былъ мною тоже сданъ не только благополучно, но сверхъ ожиданія, даже съ особымъ зачетомъ, третьимъ по счету... Удачная вставка одной любимой профессоромъ французской цитаты довершила мой тріумфъ.

Свершилось, наконецъ, великое для меня событіе — я благополучно сдалъ всѣ государственные экзамены, и съ чувствомъ величайшей радости и счастья покинулъ въ послѣдній разъ зданіе Историческаго Музея, гдѣ засѣдала наша испытательная комиссія. Вмѣстѣ съ Островскимъ, сыномъ писателя, съ которымъ мы экзаменовались все время въ одной группѣ, прошли прямо къ внизу расположенной часовнѣ Иверской Божьей Матери, чтобы горячо поблагодарить Владычицу за ея помощь и ниспосланное счастье. Надо сказать, что передъ каждымъ экзаменомъ я заходилъ къ Иверской и ставилъ свѣчку къ чудотворной иконѣ.

Письменная моя диссертація: „Объ Уголовной давности" оказалось тоже удачной, такъ что дипломъ первой степени былъ для меня обезпеченъ.

Черезъ сутки я сидѣлъ въ Нижнемъ на пароходѣ, спѣша въ родное Головкино.

18

Мечты мои о дальнѣйшей жизненной карьерѣ были разныя: съ одной стороны, меня чрезвычайно увлекала сама наука, въ частности, — уголовное право. По этому поводу, послѣ удачнаго моего отвѣта на государственныхъ испытаніяхъ и полученія по этому предмету особаго зачета, произошелъ у меня серьезный разговоръ съ профессоромъ Колоколовымъ. Рисовалась далекая перспектива профессуры, съ предварительнымъ командированіемъ меня для довершенія моего спеціальнаго образованія заграницу. Съ другой стороны, будучи на послѣднемъ курсѣ университета, я познакомился въ радушной семьѣ кн. Сергѣя Ивановича Урусова съ братомъ его кн. Александромъ Ивановичемъ — извѣстнымъ присяжнымъ повѣреннымъ того времени, человѣкомъ блестящаго, увлекающаго краснорѣчія и огромнаго темперамента, который произвелъ на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Съ своей стороны, онъ убѣждалъ меня пойти по пути адвокатуры, горячо и искренне отстаивая свою точку зрѣнія на свою профессію, какъ на наилучшій способъ проявленія добра своему ближнему и какъ на единственную работу, дающую наиболѣе удовлетвореніе и смыслъ человѣческой жизни.

Сѣмя, брошенное Урусовымъ, глубоко запало въ мое юное отзывчивое сердце, и у меня возникла мысль, по его же совѣту, временно зачислить себя кандидатомъ на судебную должность при Прокурорѣ Московской Судебной Палаты. Въ то время должность эту занималъ Николай Валеріановичъ Муравьевъ, впослѣдствіи Министръ Юстиціи, съ тѣмъ, чтобы устроившись и отбывъ воинскую повинность, затѣмъ перейти къ кн. Александру Ивановичу въ помощники.

Всему этому не суждено было осуществиться по причинамъ, о которыхъ я въ свое время скажу, а пока вернусь къ воспоминаніямъ, связаннымъ съ моей личной студенческой жизнью въ Москвѣ, ея домашней и внѣучебной обстановкой.

За рѣдкимъ исключеніемъ наѣздовъ къ намъ отца, мы жили съ мамой одни вдвоемъ.

Любимымъ удовольствіемъ ея было посѣщеніе оперы, драмы и концертовъ, и въ этомъ отношеніи не могу не вспомнить тѣхъ услугъ, которыя всегда оказывалъ ей мой милый другъ Володя Варламовъ, предлагавшій и достававшій все наиболѣе для нея интересное въ смыслѣ выбора музыкальныхъ представленій и театральныхъ зрѣлищъ.

Дома имѣлся у насъ всегда инструментъ — отличное прокатное піанино, за которое мало-по-малу выздоравливавшая мама садилась все чаще, доставляя мнѣ своей вдумчивой игрой величайшее наслажденіе.

Надо сказать, что съ момента переѣзда нашего въ Москву, я скрипку забросилъ, лишь изрѣдка, подъ аккомпаниментъ мамы, играя нѣкоторыя былыя излюбленныя свои вещи. Случилось это вотъ почему: еще въ Симбирскѣ, когда я былъ въ послѣднемъ классѣ гимназіи, къ намъ въ домъ, по приглашенію моихъ родителей, пришли однажды два оперныхъ артиста. Оба они участвовали въ Казанской труппѣ, которая временно пріѣхала на нѣсколько гастрольныхъ представленій въ симбирскій театръ. Одинъ изъ нихъ былъ популярный тогда теноръ Петръ Ѳеофиловичъ Давыдовъ, прекрасный Ленскій, а другой, не менѣе извѣстный провинціальный пѣвецъ, — баритонъ Николай Владиміровичъ Унковскій, великолѣпный „Демонъ".

Стояло прекрасное весеннее время и оба они такъ въ нашемъ домѣ разошлись, что подъ аккомпаниментъ мамы пропѣли рядъ своихъ арій, а затѣмъ, шутя пристали ко мнѣ, чтобъ я имъ что-нибудь спѣлъ. Въ концѣ концовъ, они заставили меня подъ свой аккомпаниментъ спѣть вмѣстѣ съ ними: „Среди долины ровныя", послѣ чего Николай Владиміровичъ серьезно при мнѣ мамѣ сказалъ: „Обратите вниманіе на голосъ Вашего сына — тембръ его подаетъ большія надежды. Попробуйте, по переѣздѣ въ Москву, поза-

няться съ нимъ и „посерьезнѣе"... Увы! послѣ этихъ словъ судьба моей милой скрипки была рѣшена.

Въ Москвѣ съ осени я рѣшилъ начать брать уроки пѣнія, и съ этой цѣлью обратился, по совѣту нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ, къ знаменитой, былой гордости нашей оперной сцены — Дарьѣ Михайловнѣ Леоновой, первой исполнительницѣ „Вани" въ „Жизнь за Царя" Глинки.

На Бронной улицѣ, въ одномъ изъ типичныхъ для нея флигельковъ-особнячковъ, съ входомъ черезъ дворъ, жила эта престарѣлая пѣвица, окруженная съ утра до вечера массой учениковъ и ученицъ.

Была у нея одна спеціальная комната, превращенная въ маленькій домашній театръ съ крошечной сценой и небольшимъ — человѣкъ на 100 — партеромъ. У одной изъ ея стѣнъ стояло піанино, у котораго происходили всѣ занятія.

Низенькаго роста, съ небольшой головой, покрытой старомоднымъ, но всегда яркихъ цвѣтовъ, чепчикомъ съ лентами и бантами, на старчески-располнѣвшемъ, коротенькомъ туловищѣ, почтенная Дарья Михайловна, при всей своей уродливой наружности (особенно портилъ ее огромный ротъ), была удивительно симпатичнымъ и привлекательнымъ существомъ, настоящей артистической натурой — простой, искренней, стремящейся къ правдѣ и красотѣ, — сохранившей до глубокой старости силу увлеченья и темперамента.

По отзывамъ ея современниковъ и по признанію ея самой, Леонова получила свой необыкновенный пѣвческій даръ — „Божьей милостью". Господь таковыми сотворилъ и ее и ея горло, вдунулъ затѣмъ въ нее свою „Божью" искру и пустилъ на сцену. Таковъ же былъ ея методъ обученія другихъ... „Пой такъ, какъ я пою", таковъ былъ ея первоначальный совѣтъ пѣнія всякому новичку. При этомъ параллельно съ вокализами она тотчасъ же давала для разучиванія одинъ изъ ея любимыхъ романсовъ въ видѣ полезнаго этюда. Такъ было и со мной. Заставивъ меня взять нѣсколько нотъ, испробовавъ мой верхній и нижній регистры, Дарья Михайловна опредѣлила мой голосъ высокимъ баритономъ и, змѣсто всякихъ разъясненій и наставленій, просила вглядѣться и вслушаться въ то, какъ она будетъ сама брать своимъ голосомъ ноты.

Послѣ себя, она заставила меня повторить то же, а затѣмъ достала романсъ Цезаря Кюи: „Я помню вечеръ" и велѣла мнѣ его спѣть. Смущенъ я этимъ былъ немало. Робкимъ голосомъ приступилъ к исполненію приказа моей учительницы, но, когда я столь же застѣнчиво сталъ кончать этотъ романсъ, милая Дарья Михайловна не выдержала, расхохоталась, обняла меня и, погрозя пальцемъ, простодушнымъ тономъ сдѣлала мнѣ выговоръ: „Охъ, милый мальчикъ, не такъ, не такъ! Сейчасъ видно, что молодъ черезчуръ, не успѣлъ еще испытать, какъ слѣдуетъ, этой штуки — любви! — Слушайтѣ, какъ надо этотъ чудный романсъ пѣть!...

Сѣла и подъ собственный аккомпаниментъ вновь запѣла... и какъ запѣла! Я стоялъ, какъ очарованный.

Мѣсяцъ спустя рѣчь у насъ съ ней зашла о разучиваніи партіи Валентина въ Фаустѣ и выходѣ моемъ на ея ученическомъ представленіи, но самъ я чувствовалъ себя сильно не по себѣ. Подражательная система мнѣ видимо не удавалась, голосомъ своимъ я былъ недоволенъ, и ко всему, появилась легкая сипота и замѣтная усталость голосовыхъ связокъ. Дарья Михайловна все время сильно тянула мой голосъ въ верхній регистръ. Очевидно я сталъ переутомляться.

Одновременно, мама слышала отъ многихъ лицъ неодобрительные отзывы о системѣ Леоновой, какъ очень опасной для цѣлости голоса. Я рѣшилъ во избѣжаніе окончательнаго „срыва" отдохнуть, и въ это время судьба столкнула насъ съ мамой съ семьей Кашперовыхъ.

Вскорѣ я былъ представленъ старику, Владиміру Никитичу, извѣстному музыканту и композитору, другу Глинки, занимавшемуся долгое время въ Италіи, а затѣмъ у себя въ Россіи обученіемъ пѣнію по всѣмъ правиламъ старой классической итальянской школы.

Владиміръ Никитичъ былъ женатъ на Адели Николаевнѣ, урожденной Бекетовой. Оба они принадлежали къ стариннымъ дворянскимъ фамиліямъ исконныхъ помѣщиковъ Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда. Ко времени нашего знакомства Кашперовы были въ преклонныхъ годахъ и имѣли многочисленную семью, состоявшую изъ трехъ сыновей и четырехъ дочерей.

Вся семья была чрезвычайно музыкальна. Всѣ они или пѣли или играли, болѣе же всего музыкальныя способности выявлялись у Елизаветы и незабвеннаго моего друга Александра, безвременно въ молодыхъ годахъ скончавшагося отъ скоротечной чахотки.

Не могу не сказать о немъ нѣсколько словъ въ своихъ воспоминаніяхъ — слишкомъ я его любилъ, слишкомъ это была удивительно одаренная артистически-музыкальная натура. Начать съ того, что онъ, несмотря на свой юный возрастъ, обладалъ исключительнымъ по красотѣ своего тембра. и широтѣ діапазона басомъ (то, что называется basso cantanto). Онъ способенъ былъ положительно очаровывать всѣхъ своимъ неподражаемымъ mezza-voce.

Вернувшись въ 1888 году послѣ каникулъ осенью въ Москву, я пошелъ къ Владиміру Никитичу для пробы голоса въ надеждѣ, что онъ возьметъ меня въ свои ученики. Въ этомъ отношеніи онъ былъ разборчивѣе другихъ и не всякаго принималъ.

Въ общемъ, Кашперовъ былъ старикъ еще бодрый, энергичный, въ музыкально-педагогической области — темпераментный и своенравный. Требованія у него къ своимъ ученикамъ были опредѣленныя и суровыя. Для сохраненія свѣжести и силы голоса онъ заставлялъ ихъ строго соблюдать

неукоснительный режимъ и правильный образъ жизни. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неумолимъ и вѣренъ старо-итальянской школѣ и традиціямъ.

Въ музыкальномъ и, въ частности, въ пѣвческомъ мірѣ Владиміръ Никитичъ имѣлъ обширныя знакомства. Почти всѣ гастролировавшія знаменитости посѣщали Кашперовскій домъ — кто по старой дружбѣ, кто по памяти объ его прошлой выдающейся музыкальной дѣятельности. За нѣсколько лѣтъ частыхъ моихъ посѣщеній семьи Кашперовыхъ, со многими изъ нихъ мнѣ пришлось въ ихъ домѣ сталкиваться и знакомиться.

За два года моихъ занятій у Владиміра Никитича, я сердечно привязался къ оригинальному, но милому старику, который, со своей стороны, проявлялъ ко мнѣ чисто-родственную ласку и рѣдкое вниманіе, видимо задавшись цѣлью сдѣлать изъ меня будущаго опернаго пѣвца.

Благодаря подобному отношенію ко мнѣ моего учителя, за 3½ года моего у него обученія я, какъ бы на всю свою жизнь наслушался лучшей музыки и научился отъ моего умнаго и разборчиваго наставника многому въ смыслѣ распознаванія въ мірѣ звуковъ подлинной красоты.

Послѣдній годъ я проходилъ попутно у него начала контрапункта и теоріи музыки.

Кашперовскій методъ преподаванія заключался прежде всего въ развитіи діафрагмы, какъ основы звукового начальнаго толчка и дальнѣйшей его базы, благодаря чему достигалась установка т. н. „грудного" голоса, въ отличіе отъ „горлового" сдавленнаго, непрочнаго пѣнія. Въ непосредственной связи съ этимъ обращалось серьезное вниманіе на развитіе дыханія, экономію голосовыхъ связокъ и правильное держаніе внутренней полости рта.

Помощь Кашперовъ приносилъ своими совѣтами всѣмъ намъ огромную и очевидную. Дѣло говорило само за себя... Въ какой-нибудь одинъ годъ нельзя было узнать моего первоначальнаго ученическаго голоса — настолько онъ улучшился въ смыслѣ мощи и полноты звука, а про здоровье организма и говорить нечего. Въ этомъ отношеніи лично про себя я долженъ сказать, что за два года работы у Владиміра Никитича грудная клѣтка и общее состояніе моего организма окрѣпли удивительно. Это было достигнуто ежедневными упражненіями для развитія правильнаго дыханія и соблюденіемъ нормальнаго жизненнаго режима. Силу голоса и дыханія онъ довелъ у меня до степени совершенно достаточной, чтобы думать даже о сценѣ, на что старикъ серьезно меня наталкивалъ. Я успѣлъ пройти у него не мало оперныхъ партій, включая Риголетто. Для ихъ исполненія я попутно изучалъ итальянскій языкъ у почтенной супруги Владиміра Никитича, милой, умной и добрѣйшей Адели Николаевны.

Изучая пѣніе, я все же не охладѣвалъ къ драматическому искусству и продолжалъ довольно часто выступать въ любительскихъ спектакляхъ. Вспоминается мнѣ, какъ въ томъ же Кашперовскомъ домѣ Ипполитъ Васильевичъ Шпажинскій неоднократно смущалъ мой покой, уговаривая отдаться цѣликомъ драмѣ и рисуя мнѣ блестящія перспективы, чуть ли не приглашеніе дирекціей Малаго театра на роли первыхъ любовниковъ. Все это говорилось и дѣлалось за спиной милѣйшаго моего маэстро и опекуна по пѣнію — спаси Богъ, если бы онъ это узналъ! Совмѣстно съ Шпажинскимъ въ заговорѣ была Екатерина Владиміровна, которая одно время меня даже брала съ собой въ гастрольную труппу при поѣздкахъ въ ближайшую отъ Москвы провинцію (Коломну и др.), гдѣ я игралъ подъ псевдонимомъ „Вомуанъ" (обратное произношеніе нашей фамиліи).

Знакомство съ семьей Кашперовыхъ, занятія пѣніемъ и частыя посѣщенія этого маленькаго музыкальнаго центра въ Николо-Песковскомъ переулкѣ, въ общемъ итогѣ, имѣло въ моемъ студенческомъ бытѣ огромное и самое благотворное вліяніе, рѣшительнымъ образомъ направивъ всю мою жизнь и досуги въ русло благородныхъ, положительныхъ увлеченій, способствовавшихъ здоровому развитію тѣла и духа.

Сами условія моихъ занятій у Кашперова были обставлены требовательнымъ старикомъ такъ, что приходилось строго держаться правильнаго образа жизни и стараться не выходить изъ рамокъ дозволеннаго.

Между тѣмъ, до этого, въ бытность мою на первомъ курсѣ, мы, симбирская молодежь, только что скинувшая съ себя гимназическіе мундиры и почувствовавшая себя вольными студентами, невольно изо-дня въ-день втягивались въ водоворотъ праздной, легкомысленной уличной жизни шумнаго, большого города со всѣми его соблазнами.

Наше молодое общество состояло изъ слѣдующихъ лицъ: двухъ братьевъ гр. Толстыхъ — Владиміра и Петра, Владиміра Варламова, Александра Санкова, Леонида Афанасьева, Ивана Рютчи, князя Александра Ухтомскаго и меня. Это былъ нашъ интимный товарищескій кружокъ, который ежедневно сходился и одно время почти весь обиталъ въ вышеупомянутыхъ номерахъ Базилевскаго.

Леонидъ Афанасьевъ пробовалъ быть два года на естественномъ факультетѣ, два года — на юридическомъ, но дальше второго курса не доходилъ и, въ концѣ концовъ, бросилъ университетъ, уѣхалъ къ себѣ въ Симбирскъ, женился, занялся хозяйствомъ и очутился позже Симбирскимъ Городскимъ Головой. Въ этой должности застала его революція 1917 - 1918 г.г. Пришлось со своей семьей бѣжать въ Сибирь, откуда онъ большевиками былъ сосланъ въ Соловецкую тюрьму, гдѣ и нашелъ мученическую свою кончину.

Вспоминается мнѣ Афанасьевъ студентомъ: крѣпкій, цвѣтущій брюнетъ съ крупными чертами лица, блестящими карими глазами и большими для юнаго возраста усами. Леонидъ былъ веселый малый, обладавшій, несмотря на свою мужественную внѣшность, тонкимъ голосомъ, которымъ онъ го-

ворилъ обычной скороговоркой; не прочь онъ былъ подтрунивать надъ нѣкоторыми изъ своихъ пріятелей.

Года на два старше его былъ Александръ Сачковъ, сынъ своего знаменитаго отца — Александра Дмитріевича, котораго вся симбирская и поволжская округа хорошо знала по той простой причинѣ, что по всѣмъ селамъ и городамъ нашего Заволжья, до введенія въ странѣ казенной винной монополіи, можно было встрѣтить винныя лавки и трактиры съ надписью: „А. Д. Сачкова". Начавъ на одномъ изъ винокуренныхъ заводовъ служить въ качествѣ небольшого прикащика, Александръ Дмитріевичъ сумѣлъ быстро встать на ноги, обзавестись собственнымъ винокуреннымъ заводомъ — впослѣдствіи даже нѣсколькими, начать винную торговлю и сдѣлаться въ этомъ отношеніи мѣстнымъ почти монопольщикомъ, наживъ огромныя деньги.

Сачковъ-сынъ обладалъ въ общемъ пріятной внѣшностью, для нѣкоторыхъ женскихъ круговъ даже привлекательной; небольшого роста, пухленькій, съ кругленькой головой и таковой же физіономіей; главнымъ же его достоинствомъ было умѣнье держать себя всегда и всюду удивительно чинно и скромно.

Сашера (такъ звали его товарищи) былъ добрый малый, но лѣнивый и недалекій. Много горя онъ причинялъ своему отцу своей нерадивостью и... склонностью, вмѣсто университета, посѣщать загородные рестораны, главнымъ образомъ Яръ, гдѣ не столько онъ вкушалъ и пилъ, сколь предавался своимъ сердечнымъ увлеченіямъ въ кругу знаменитаго тогда русскаго хора Анны Ивановны Ивановой.

Старикъ Сачковъ думалъ сначала воздѣйствовать на своего слабаго по сердечной части сына тѣмъ, что выдавалъ ему на руки болѣе чѣмъ скромныя деньги... Увы! Хотя Симбирскъ и далекъ былъ отъ Москвы, но слава о Сачковскихъ милліонахъ доходила и до нее — въ частности до Яра и хозяина его, Аксенова, предоставлявшаго Сашерѣ широкій кредитъ для его частыхъ къ нему наѣздовъ. Въ результатѣ получалось то, что ежегодно, вмѣсто удостовѣреній о сдачѣ экзаменовъ, сынокъ привозилъ отцу въ Симбирскъ кучу неоплаченныхъ счетовъ, векселей и прочихъ „заработанныхъ" имъ въ Первопрестольной всевозможныхъ обязательствъ. Дѣляга отецъ изъ себя выходилъ...

Наконецъ „папа" Сачковъ не выдержалъ и рѣшилъ снять съ милаго Сашеры столь шедшую къ нему студенческую форму, перевезъ его къ себѣ въ Симбирскъ на жительство и превратилъ въ маленькаго хозяина одного изъ своихъ имѣній подъ губернскимъ городомъ.

Попавъ въ „отцовскую" обстановку, Александръ Сачковъ сталъ сразу неузнаваемъ — остепенился и пріобрѣлъ видъ добраго солиднаго помѣщика, вскорѣ женился на живой, хорошенькой А. И. Афанасьевой, развелъ конный заводъ и зажилъ домовито и спокойно, забывъ свои прежніе романтическіе „охи и вздохи".

Съ Афанасьевымъ и Сачковымъ еще ранѣе по Симбирску былъ друженъ Иванъ Петровичъ Рютчи, годъ спустя послѣ меня поступившій въ Московскій Университетъ и примкнувшій также къ нашей компаніи. Ни семьи его, ни родителей я ранѣе не зналъ. Слышалъ, что отецъ его, Петръ Ивановичъ, служилъ одно время въ одномъ изъ уѣздовъ Симбирской губерніи Предводителемъ Дворянства.

Тощій, болѣзненнаго вида, съ некрасивымъ, нечистымъ лицомъ и бѣгавшими, ничего не выражавшими, небольшими тускло-голубыми глазами, Иванъ Рютчи былъ добрымъ, сердечнымъ малымъ, но очень неуравновѣшеннымъ, суетливымъ, всюду совавшимъ свой носъ и любившимъ собирать отъ всѣхъ и вся всевозможные слухи и „великосвѣтскія" сплетни. У него были двѣ слабости — морочить публику разсказами о своихъ „великосвѣтскихъ" связяхъ, и затѣмъ мнить о себѣ, какъ о неотразимомъ Донъ-Жуанѣ. То и другое въ нашей компаніи находило обильную пищу для всевозможныхъ продѣлокъ съ нимъ въ цѣляхъ не столько злого издѣвательства, а скорѣе исправительныхъ, ибо въ общемъ, — повторяю, — мы его любили за его доброту и сердечность.

Вспоминаю эпизодъ, изъ-за котораго администрація меблированныхъ комнатъ Базилевскаго, въ лицѣ маленькой, толстенькой, какъ бомба, всюду внезапно появлявшейся, генеральши Глазенапъ, съ физіономіей породистаго, но злющаго бульдога, — положила конецъ нашему веселому студенческому общежитію въ нижнемъ коридорѣ завѣдываемаго ею зданія.

Рѣшили мы основательно проучить нашего Ваню, надоѣвшаго намъ своими розсказнями о рядѣ „свѣтскихъ" удачъ и сердечныхъ побѣдъ. Написали мы отъ имени одной небезызвѣстной въ обществѣ красивой дамы письмо Ивану Рютчи, въ которомъ она признавалась ему въ любви и предупреждала, что разгорѣвшаяся страсть безудержно толкаетъ ее на безумный шагъ — идти самой къ нему въ его аппартаментъ на свиданіе въ такомъ-то часу такого-то дня...

Милый нашъ Ваня, получивъ сію любовную цыдульку, былъ внѣ себя отъ охватившаго его восторга. Мы же всѣ, рядомъ въ комнатахъ съ нимъ жившіе, какъ бы случайно сговорились идти въ оперу въ ложу въ день и вечеръ, назначенные въ письмѣ „свѣтской красавицы" для часа любовнаго съ Ваней свиданія. Пробовали мы звать и Рютчи идти съ нами, но встрѣтили категорическій, нѣсколько надменный, отказъ, причемъ Ваня сослался само собой на приглашеніе въ какой-то извѣстный „великосвѣтскій" домъ на вечеръ. За часъ до условленнаго срока прихода къ Рютчи „дамы", мы всѣ собрались въ боковой комнатѣ у мамы и стали гримировать и принаряжать на свиданіе съ Рютчи... Варламова. Будучи природнымъ комикомъ, превращенный въ обликъ свѣтской львицы, Володя смѣшилъ всѣхъ насъ — Толстыхъ, Ухтомскаго, Афанасьева, Сачкова — положительно до упаду.

Женское платье взяли мы у прислуги, Ольги Никифоров-

ны: Достали дамскую шляпу, вуаль и пр. Намазали Варламовскую физіономію жирнымъ слоемъ румянъ и бѣлилъ съ тѣмъ, чтобы хорошенько при „жаркихъ поцѣлуяхъ" измазать нашего героя. Все было наконецъ готово. Часъ насталъ, Варламовъ спустился внизъ, мы же всѣ выбѣжали на дворъ, куда выходили наши окна, чтобъ слѣдить за событіями. Условились такъ, чтобы Варламовъ, какъ только войдетъ въ комнату къ Рютчи, тотчасъ же долженъ былъ потушить лампу и затѣмъ броситься въ объятія и вымазать всю физіономію „великосвѣтскаго льва"... Все было исполнено по расписанію. Мы были очевидцами, какъ „интересная дама общества" за густымъ вуалемъ переступила порогъ „аппартамента" предмета своей страсти... Свѣтъ потухъ, началась внутри Ванинаго номера шумная возня... Мы бросились скорѣе въ коррдоръ, но тутъ случилось нѣчто, нами непредвидѣнное...

Дѣло въ томъ, что генеральша Глазенапъ занимала комнату въ концѣ коридора. Не знаю, не донесли ли ей, или она сама узрѣла черезъ свое золотое пенснэ, но фактъ остается фактомъ — „Глазенапшѣ" стало извѣстно, что въ ея „святая святыхъ", — во ввѣренномъ ей домѣ, славившемся на всю Москву чистотой нравовъ и строгостью порядковъ, произошла неслыханная дерзость: — къ холостому одинокому жильцу пришла какая-то подозрительная особа весьма страннаго, но несомнѣнно женскаго облика. Надѣть на лысую голову чепецъ съ парикомъ (или парикъ съ чепцомъ — не все ли равно...), накинуть на свои генеральскія плечи походную накидку — для „Глазенапши" было дѣломъ одной минуты. Пока домоправительница съ разсвирѣпѣвшимъ выраженіемъ своей бульдожьей физіономіи подходила къ двери злополучнаго номера, мы къ тому же мѣсту изъ разныхъ темныхъ угловъ корридора тоже подкрадывались.

Въ этотъ моментъ въ самой комнатѣ счастливаго обладателя „великосвѣтской красавицы" происходило что-то невообразимое — очевидно, любовный экстазъ доходилъ до своего апогея... Слышалась за дверью страшная возня, стукъ падавшихъ предмстовъ, разбитой посуды (оказывается, въ темнотѣ былъ задѣтъ умывальникъ), раздавались какіе-то дикіе возгласы, доносились то ругань, то хохотъ... Генеральша, запыхавшаяся отъ спѣха, волненія и душившаго ее гнѣва берется рѣшительно за ручку двери... Но тутъ случилась для нея и всѣхъ насъ неожиданная и страшная катастрофа. Дверь съ трескомъ распахивается и изъ темноты вываливаются двѣ сцѣпившіяся другъ съ другомъ, растерзанныя фигуры, наталкиваются на „блюстительницу нравовъ", сшибаютъ ее съ ногъ и всѣ втроемъ распластываются на скользкомъ каменномъ корридорномъ полу. Мы бросаемся съ разныхъ сторонъ на выручку — и хорошо сдѣлали, такъ какъ „Глазенапша" оказалась основательно задавленной нашими „Ромео съ Джульеттой" и намъ ее пришлось не на шутку спасать.

Послѣ избавленія генеральши отъ грозившей ей опасности, на наши головы посыпался весь походный лексиконъ ругательствъ ея покойнаго супруга съ конечной угрозой выселить всѣхъ насъ изъ дома Базилевскаго.

Надо было видѣть при всемъ этомъ трагическомъ финалѣ обликъ и физіономіи нашихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: измазаннаго вдоль и поперекъ героя — „Дона-Жана" и кикиморообразнаго Варламова со сбившейся на шеѣ вуалью и задранной на затылокъ дамской шляпой, въ бабьей разодранной кофтѣ и суконныхъ студенческихъ панталонахъ, обнаружившихся на немъ за утратой гдѣ-то прочаго женскаго туалета.... Ко всему этому, у того и у другого въ глазахъ можно было прочесть сплошной ужасъ отъ неожиданной близости къ страшной во всѣхъ отношеніяхъ генеральшѣ...

На ея крики и угрозы, наша озорная молодость могла лишь отвѣтить однимъ безконечнымъ веселымъ хохотомъ, отъ котораго, бывало, не могли мы отойти и впослѣдствіи, при одномъ только воспоминаніи о неудачномъ похожденіи милаго нашего „Дона-Жана"...

Несмотря на присущія ему недостатки, Рютчи велъ свои учебныя университетскія занятія довольно усердно и успѣшно, окончилъ курсъ и вернулся хозяйничать къ себѣ въ Симбирскъ. Но, какъ оказалось, здоровье его было подорвано тяжелымъ недугомъ, изъ-года въ-годъ безпощадно превращавшимъ бѣднаго Ваню въ физически и умственно-ненормальнаго, разслабленнаго человѣка. Сорока лѣтъ съ небольшимъ онъ погасъ на вѣки.

19

Въ описываемое время Императорская оперная труппа изобиловала выдающимися артистами. Въ составѣ ея значились такія силы, какъ Хохловъ — общій любимецъ Москвы и особенно студенчества, Донской, Преображенскій, Корсовъ, Бутенко, Барцалъ, Муромцева, Коровина, Клямжинская, Збруева, Альма Фостремъ, Фелія Литвинъ и др. Пріѣзжали въ Москву и знаменитые гастролеры въ родѣ Котоньи, Мазини, Таманьо, Зембрихъ, Адель Борги и др.

Ложи верхнихъ ярусовъ, гдѣ мы обычно сиживали въ Большомъ театрѣ, были помѣстительныя и удобныя, такъ что вмѣщали всю нашу студенческую компанію: Толстыхъ, Ухтомскаго, Викторова, Афанасьева и Сахарова. Варламовъ же предпочиталъ драму.

Любилъ я съ Володей Варламовымъ посѣщать театры. Оба мы были страстными поклонниками драматическаго искусства, да еще въ той классической постановкѣ, какъ это было въ наше время на сценѣ Императорскаго Малаго театра, съ такими величайшими художниками сцены, какъ Ленскій, Южинъ, Садовскій, Правдинъ, Рыбаковъ, Музиль, Ермолова, Ѳедотова, Никулина, Садовская, Лешковская, или у Корша: Давыдовъ, потомъ перешедшій на Александринскую сцену,

Киселевскій, Андреевъ-Бурлакъ, Гламма-Мещерская и др.

Репертуаръ тѣхъ временъ на московскихъ сценахъ былъ удивительно разнообразный и интересный. Благодаря этому за пять лѣтъ моей жизни въ Москвѣ удалось мнѣ вдоволь набраться театральныхъ впечатлѣній, музыкальныхъ и художественныхъ знаній, на всю послѣдующую жизнь.

Театральная моя страсть, проявившаяся еще въ гимназическіе годы, приняла за время моего студенчества столь серьезный характеръ и оборотъ, что одинъ годъ, совпадавшій съ послѣднимъ курсомъ моихъ университетскихъ занятій, я не только „мечталъ" о сценѣ, но серьезно сталъ готовиться къ ней, особенно подъ вліяніемъ частыхъ моихъ посѣщеній Кашперовской семьи. Несмотря на старанія старика Кашперова меня направить на оперно-артистическую карьеру, я тяготѣлъ больше къ драматическому искусству, и въ этомъ отношеніи находилъ всегда горячую поддержку въ лицѣ моего друга и товарища по любви къ театру — Варламова.

Весь классическій репертуаръ нашихъ драматурговъ знали мы съ Володей въ совершенствѣ, часто другъ другу читая и декламируя, причемъ до тонкости изучили мы манеру и всю мельчайшую нюансировку исполненія современныхъ намъ драматическихъ артистовъ.

Вполнѣ понятно, что и Володя, и я не могли удержаться отъ участія въ спектакляхъ: онъ игралъ въ ученическихъ (на курсахъ Садовскаго), а я случайно и счастливо завязалъ знакомство въ Московскомъ обществѣ съ цѣлымъ рядомъ кружковъ, устраивавшихъ любительскіе спектакли.

Съ самаго начала, какъ только поселились мы съ мамой въ домѣ Базилевскаго, мы свели знакомство съ тѣми семьями, которыя издавна до насъ проживали въ этомъ домѣ, недаромъ писателемъ Боборыкинымъ прозванномъ „Дворянскимъ Гнѣздомъ": Слезкины, кн. Туркестановы, Позенъ, Гартунгъ и др.

Въ семьѣ Слезкиныхъ я познакомился съ двумя сестрами, изъ которыхъ одна — Екатерина Михайловна, воспитанница Екатерининскаго Московскаго Института была красивой, статной барышней, близко дружившей съ Еленой Сергѣевной Яковлевой, дочерью камергера и Почетнаго Опекуна, Сергѣя Павловича Яковлева, которому въ Москвѣ принадлежало большое печатное дѣло. Елена Сергѣевна была очень живой, энергичной особой, страстно любившей театръ и часто устраивавшей у себя на дому любительскіе спектакли.

Въ Яковлевскомъ домѣ сходилось много молодежи, устраивались музыкальные вечера, засаживались играть въ модный тогда „винтъ", а главное, что меня влекло въ этотъ домъ — это участіе въ устраиваемыхъ Еленой Сергѣевной любительскихъ спектакляхъ. Обычной моей партнершей была Екатерина Михайловна Слезкина, обладавшая чрезвычайно мелодичнымъ голосомъ и умѣніемъ завораживать слушавшую ее публику „жестокими" цыганскими романсами.

Было время, когда я самъ сталъ чувствовать надъ собой силу ея чаръ и при взглядѣ на ея отточенное красивое лицо и темные глаза съ выраженіемъ невинной ласки и ангельской доброты, въ моемъ воображеніи вставалъ неземной обликъ классической Мадонны, передъ которой хотѣлось съ благоговѣніемъ преклоняться.

Но вскорѣ судьба сыграла со мной злую шутку, натолкнувъ на житейскій эпизодъ, послѣ котораго моя „Мадонна" въ сердцѣ и мечтахъ была для меня развѣнчана навсегда... Надумали мы однажды со Слезкиной сыграть въ „винтъ". Екатерина Михайловна, прежде чѣмъ сѣсть за зеленый столъ въ качествѣ моей партнерши, предупредила меня, чтобы я при назначеніи сильныхъ мастей смотрѣлъ на нее соотвѣтственно большими глазами и наоборотъ. Сѣли мы играть и сразу же на договоренной почвѣ стряслось недоразумѣніе — назначивъ масть, я посмотрелъ на свою очаровательную партнершу столь неосторожно-восторженно, что она приняла мой пылкій взоръ за намекъ на сильную мою масть. Къ этому оказалась еще на ея картахъ хорошая поддержка, благодаря чему довинтились мы съ ней до „большого шлема" и... остались въ концѣ игры „безъ пяти"! Произошла невѣроятная метаморфоза: вмѣсто ангелоподобной Мадонны съ точенымъ ликомъ и ласковымъ взоромъ томныхъ глазъ, передо мной, правда лишь на мгновеніе, мелькнула взбѣшенная фурія съ искаженной отъ злобы физіономіей и сверкавшими отъ ненависти вытаращенными глазами... Сердце мое, при видѣ „подобной" Кати Слезкиной застыло и захлопнулось для нее, повторяю, навсегда.

Будучи на второмъ курсѣ, я познакомился съ семьями кн. Кудашевыхъ и кн. Урусовыхъ, въ составъ которыхъ входилъ многочисленный кружокъ симпатичныхъ барышень, очень любившихъ драматическое искусство, и у насъ быстро сорганизовался рядъ любительскихъ спектаклей.

Князь Сергѣй Сергѣевичъ Кудашевъ — отецъ, занималъ должность Управляющаго московскимъ отдѣленіемъ Дворянскаго Банка. Для нашихъ спектаклей онъ охотно предоставлялъ не только свою квартиру, но впослѣдствіи даже обширную залу въ помѣщеніи, занимаемомъ самимъ банкомъ, на Тверской, близъ Англійскаго Клуба.

Княгиня Еликонида Ивановна была крупная, рыхлая женщина, очень гостепріимная и безъ ума любившая своихъ дѣтокъ-дочекъ, изъ которыхъ выдѣлялась среди другихъ своей внѣшностью и одаренностью средняя по возрасту, носившая материнское имя Еликониды. Небольшого роста, тонкая, изящная, Еликонида Сергѣевна обладала выдающимся драматическимъ талантомъ и удивительнымъ, въ душу проникавшимъ тембромъ голоса. Участвовать мнѣ съ ней приходилось часто, что доставляло мнѣ огромное удовольствіе — природная ея чуткость и музыкальность подсказывали ей всегда вѣрность тона въ репликахъ.

Вмѣстѣ съ Кудашевыми, участвовали и другія барышни, въ частности, двѣ княжны Урусовы, дочери князя Сергѣя Ивановича Урусова, роднаго брата извѣстнаго присяжнаго повѣ-

реннаго князя Александра Ивановича. Князь Сергѣй Ивановичъ былъ членомъ Дворянскаго Банка и служилъ въ одномъ и томъ же учрежденіи съ княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Кудашевымъ. Жили они на Пречистенкѣ, занимали хорошую квартиру и вообще вели открытую свѣтскую жизнь, несмотря на ограниченныя средства. У нихъ и Кудашевыхъ я встрѣтился съ двумя молодыми людьми, съ которыми впослѣдствіи связанъ былъ узами тѣснѣйшей дружбы — графомъ Владиміромъ Васильевичемъ Стенбокъ-Ферморъ и В. И. Фриде. Оба были студентами Петровско - Разумовской Академіи. В. Стенбокъ былъ тоже страстный любитель драматическаго искусства и всегда участвовалъ съ нами въ любительскихъ спектакляхъ у Кудашевыхъ, въ амплуа „простаковъ". Былъ онъ привѣтливымъ, душевнымъ человѣкомъ, интереснымъ собесѣдникомъ и хорошимъ товарищемъ.

Въ домѣ Урусовыхъ произошло, какъ я упомянулъ раньше, мое знакомство съ знаменитымъ княземъ Александромъ Ивановичемъ, который чуть-чуть не сыгралъ въ моей жизни рѣшающую роль совѣтчика... Помню мое первое впечатлѣніе объ этомъ выдающемся дѣятелѣ. Былъ у Урусовыхъ вечеръ; въ большой, красиво убранной комнатѣ гости разбились въ разныхъ мѣстахъ небольшими группами. Всюду шелъ оживленный говоръ, какъ вдругъ появляется въ дверяхъ высокая, плотная фигура элегантно одѣтаго пожилого господина барской внѣшности съ зачесанными назадъ длинными волосами, небольшой, темной съ просѣдью бородкой и золотымъ пенснэ на крупномъ носу. Подойдя къ одной изъ дамскихъ группъ, этотъ господинъ черезъ нѣсколько времени сталъ съ ними оживленно бесѣдовать, а, спустя еще немного, вся гостиная превратилась въ одну аудиторію, восторженно внимавшую его звучному и красивому голосу. Господинъ этотъ и оказался княземъ Александромъ Ивановичемъ Урусовымъ, только что вернувшимся съ цыганскаго концерта. Спрошенный знакомыми его дамами о полученныхъ имъ впечатлѣніяхъ, князь, будучи самъ страстнымъ поклонникомъ цыганской пѣсни, увлекся въ своей бесѣдѣ, перейдя къ общему вопросу о значеніи и особой красотѣ „цыганизма" въ музыкѣ и пѣніи. Впервые слышалъ я его вдохновенное блестящее краснорѣчіе, дышавшее такимъ молодымъ и искреннимъ подъемомъ, что невольно всѣ слушавшіе его подпадали подъ неотразимыя чары его удивительнаго дара рѣчи.

Помимо Кашперовскаго дома и кружковъ Яковлевскаго и Кудашевскаго, съ которыми мои воспоминанія связаны, поскольку въ ихъ средѣ я находилъ удовлетвореніе моимъ музыкально-драматическимъ склонностямъ и артистически-художественнымъ потребностямъ, — въ обширной и многолюдной Москвѣ имѣлся у меня рядъ другихъ,частью родственныхъ, а частью просто знакомыхъ семей, гдѣ приходилось бывать, танцовать и по-своему веселиться... Но, откровенно говоря, ни танцевъ, ни салонныхъ разговоровъ, ни бальной суеты и толкотни, а тѣмъ болѣе занимать банальнымъ

свѣтскимъ остроуміемъ дамъ и барышень я не любилъ, предпочитая всему либо свою товарищескую компанію, или ту артистически-любительскую среду, о которой я говорилъ раньше. Въ былой Москвѣ встрѣчались еще такія семьи и дома, гдѣ простота и радушіе создавали полную иллюзію домашней родственной обстановки. Такими были весьма симпатичныя семейства дальнихъ нашихъ родственниковъ (съ маминой стороны): Столпаковыхъ, Толстыхъ и Загряжскихъ, жившихъ всѣ вмѣстѣ въ своемъ типично-московскомъ барскомъ особнякѣ за оградой среди обширнаго двора на Тверскомъ бульварѣ.

Связанные между собой тѣсными узами родства, быта и воспитанія, семьи эти представляли собою въ небольшомъ своемъ фокусѣ ту прежнюю стародворянскую Москву временъ генералъ-губернаторства князя В. А. Долгорукова, которая жила широко, гостепріимно, по-барски весело, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по сложившимся традиціямъ и навыкамъ, отмежевываясь отъ остальной шумной, пестрой и многолюдной Первопрестольной, изъ года въ годъ завоевываемой новымъ классомъ т. н. „денежной аристократіи".

Въѣздъ въ широкій дворъ типично-помѣщичьяго особняка; стоящіе у его подъѣзда „московскіе" старо-барскаго стиля солидные экипажи; выдержанная прислуга; спокойно величавый видъ комнатъ съ ихъ старинной, изъ поколѣнія въ поколѣніе унаслѣдованной обстановкой, и, наконецъ, простой радушный, безъ всякихъ условныхъ аффектацій, пріемъ въ насиженномъ салонѣ милыхъ, гостепріимныхъ хозяекъ, родныхъ сестеръ: Марьи Алексѣевны Столпаковой и Надежды Алексѣевны Толстой (вдовы), урожденныхъ Козловыхъ, — все это вмѣстѣ взятое, создавало то особое настроеніе, которое лично я ощущалъ только въ одной Москвѣ и лишь въ рѣдкихъ домахъ уцѣлѣвшей подлинной стародворянской ея аристократіи.

Обѣ почтенныя сестры — хозяйки, Марія и Надежда Алексѣевны были рады встрѣтиться съ моей матерью. Безъ конца вспоминали онѣ свою молодость, общихъ родныхъ и знакомыхъ, меня назвали сразу же „Сашей", и тутъ же перезнакомили меня съ цѣлымъ цвѣтникомъ симпатичныхъ барышень — „кузинъ": Маріей Алексѣевной (Мусей) Столпаковой, Екатериной Алексѣевной (Катусей) Загряжской и Маріей Алексѣевной (Марусей) Толстой. Удивительно миловидныя, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, веселыя, родственныя — всѣ онѣ любили танцовать „до упаду", а зимой ежедневно кататься на конькахъ на Патріаршихъ прудахъ.

Къ этому же времени относятся мои воспоминанія о раутѣ, который ежегодно устраивалъ у себя во время зимняго сезона князь В. А. Долгоруковъ въ бытность свою московскимъ Генералъ-Губернаторомъ. На этотъ раутъ удостоился и я получить приглашеніе, благодаря Свербеевымъ и Столпаковымъ. Затянувшись въ новенькій парадный студенческій съ золотыми галунами мундиръ, не безъ робости во-

шелъ я въ ярко освѣщенный парадный подъѣздъ всѣмъ знакомаго генералъ-губернаторскаго дома на Тверской.

Огромная толпа приглашенныхъ медленно двигалась, подымаясь по широкой лѣстницѣ, великолѣпно декорированной коврами, зеленью, цвѣтами и ведущей прямо въ огромную, красивую, „а-джіорно" освѣщенную залу. Всюду шпалерами стояла прислуга въ парадной придворной формѣ. На хорахъ играла музыка, а посрединѣ залы стоялъ, окруженный свитой, и встрѣчалъ приглашенныхъ самъ гостепріимный, столь любимый „всей" Москвой, хозяинъ Генералъ-Адъютантъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ. Маленькаго роста, въ темномъ парикѣ, съ красноватымъ старческимъ бритымъ полнымъ лицомъ, на которомъ ярко выдѣлялись небольшие нафабренные темные усики, князь Владиміръ Андреевичъ, одѣтый въ конно-гвардейскую бальную форму съ Андреевской лентой, генералъ-адъютантскими аксельбантами и маленькой каской въ лѣвой рукѣ, находилъ для всѣхъ ласковое слово и всѣхъ встрѣчалъ съ привѣтливой улыбкой. Въ его лицѣ объединялась вся безъ исключенія Москва.

На его раутахъ сходилась старая помѣщичья дворянская аристократія и именитое купечество; высшие представители воинскихъ частей и чиновная знать; мѣстный ученый и учебный міръ и прочій разнородный столичный людъ. Парадные мундиры, фраки, бальные туалеты нарядныхъ московскихъ дамъ и барышень — все это разливалось шумнымъ и пестрымъ потокомъ по обширнымъ заламъ и гостинымъ красиваго генералъ-губернаторскаго помѣщенія...

Но вотъ грянулъ оркестръ и раздались знакомые бравурные звуки мазурки изъ „Жизни за Царя", призывавшіе къ открытію бала. Въ большой залѣ начались оживленные танцы и старикъ князь удалился во внутренніе покои, перекидываясь любезными фразами то съ одной, то съ другой группой своихъ многочисленныхъ гостей.

Не могу не занести въ свои записки одного эпизода, оставшагося до сихъ поръ у меня на памяти: кончилась мазурка, сыгранъ былъ „ритурнель" для „контръ-данса". Пришелъ смотрѣть на танцы и самъ хозяинъ, усѣвшись на свое обычное мѣсто около стѣны между двумя дверьми въ гостиную. Въ залѣ слышался мѣрный гулъ и шумъ отъ говора и движеній наполнявшей ее публики и танцующихъ паръ, разсаживавшихся по своимъ мѣстамъ для кадрили...

Вдругъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, все въ залѣ замолкло. Съ удивленіемъ вокругъ себя оглянувшись, я сразу понялъ въ чемъ дѣло: изъ боковыхъ входныхъ дверей, среди почтительно разступившихся дамъ и кавалеровъ, появилась и плавно стала подходить къ хозяину высокая, статная, въ полномъ смыслѣ этого слова, русская красавица, — извѣстная всей Москвѣ, графиня Наталія Павловна Головина. При видѣ ея величаво-царственнаго облика все вокругъ смолкло и замерло... Старикъ князь всталъ ей навстрѣчу и

молодцевато поцѣловалъ у нея ручку. Тотчасъ же свѣтлѣйшій князь Волконскій очутился ея кавалеромъ. Музыка заиграла, мигъ всеобщаго оцѣпенѣнія прошелъ, все вновь ожило и зашумѣло... Далеко за полночь былъ данъ распорядителемъ сигналъ приступить къ обычному финалу Долгоруковскихъ баловъ. Оркестръ заигралъ полонезъ и гости попарно, медленно и плавно, стали исполнять „гросфатеръ", поочередно подходя къ престарѣлому хозяину, который, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, до конца раута оставался среди своихъ приглашенныхъ и на прощанье всѣмъ находилъ слово радушной признательности.

Годъ спустя послѣ нашего переѣзда въ Москву появилась изъ своего симбирскаго имѣнія на жительство въ Первопрестольную родственная намъ семья Гагариныхъ, состоявшая изъ отца князя Александра Николаевича, княгини Надежды Эрнестовны, урожденной фонъ-Викъ, трехъ дочерей-погодокъ: „Енички", „Вѣрочки", „Любочки" и младшаго члена — единственнаго ихъ сына: „Мишеньки".

Въ Москвѣ проживала еще чета Гагариныхъ также считавшихся по фонъ-Викамъ нашими родственниками — то были: князь Юрій Петровичъ, женатый на Еленѣ Семеновнѣ, рожденной княжнѣ Абамелекъ-Лазаревой. Бывшій Сумской гусаръ, князь Юрій состоялъ на службѣ въ личныхъ адъютантахъ у Командующаго Московскимъ Военнымъ Округомъ генерала Костанды.

Жили Гагарины издавна на Кудринской Садовой, занимая въ большомъ особнякѣ, расположенномъ среди обширнаго двора и сада, прекрасную квартиру, богато и со вкусомъ обставленную, съ выдержанной прислугой и отличнымъ городскимъ выѣздомъ. Княгиня Елена Семеновна имѣла большія средства и безъ ума любила своего супруга, ревниво слѣдя за его жизнью и оберегая своего „Юрія" отъ всяческихъ возможныхъ соблазновъ. Небольшого роста, смуглая, съ большими красивыми темно-карими глазами и плотно зачесанными какъ смоль черными волосами, Елена Семеновна всей своею внѣшностью выдавала свое наслѣдственное кровное происхожденіе. Чуткая и умная, она была всегда оживленной и интересной собесѣдницей. Ея мужъ, мой троюродный братъ, князь Юрій, сынъ князя Петра Яковлевича Гагарина, женатаго тоже на одной изъ сестеръ фонъ-Викъ, былъ огромнаго роста, не по годамъ располнѣвшій и распустившійся грузный мужчина, съ большой головой бобрикомъ, по-военному подстриженной и бритымъ мясистымъ лицомъ, на которомъ виднѣлись книзу торчавшие щетинистые усы.

Пріѣздъ въ Москву изъ Симбирской глуши Гагариныхъ былъ для Юрія какъ нельзя болѣе кстати. Воистину, трудно было найти даже во всей многолюдной и разнотипной матушкѣ-Москвѣ семью болѣе оригинальную, чѣмъ та, о которой будетъ рѣчь. Самъ старикъ-князь Александръ Николаевичъ, отслуживъ въ свое время въ гусарахъ и отбывъ Польскую кампанію, засѣлъ безвыѣздно въ деревнѣ, хозяйничая

въ своемъ крупномъ лѣсномъ имѣніи около Инзы, Корсунскаго уѣзда Симбирской губ., и участвуя въ сословной и земской жизни. Послѣднее время онъ служилъ земскимъ начальникомъ, часто исправляя обязанности Уѣзднаго Предводителя Дворянства. Средняго роста, коренастый, князь Александръ Николаевичъ казался хорошо сохранившимся, плотнымъ, сильнымъ мужчиной. Темный шатенъ, онъ имѣлъ большое, широкое, скуластое лицо съ усами и бородой, напоминавшими обликъ Наполеона III. Голосъ его былъ громкій и грубый, слова выговаривалъ медленно съ разстановкой; говоръ его можно было бы сравнить съ какимъ-то сплошнымъ рокотомъ, т. к. въ рѣчи его преобладающимъ звукомъ была буква „р", произносившаяся имъ длительно и звучно-раскатисто. Забавно было слышать его обычное привѣтствіе: „здоррррово, бррратъ ты мой, Александрррръ"!

Его супруга — Надежда Эрнестовна, средняго роста смуглая брюнетка съ большими черными глазами и большущимъ шиньономъ собственныхъ съ сильной просѣдью волосъ, подобранныхъ подъ старомоднаго фасона чепецъ съ верхнимъ бантомъ, была въ свое время несомнѣнно привлекательной женщиной, но увы! безжалостное время сдѣлало свое дѣло — отъ нея остались лишь кости, да потемнѣвшая кожа... Худая, нервная, Надежда Эрнестовна вѣчно суетилась, обо всемъ безпокоилась, съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ обращаясь къ окружающимъ по нѣсколько разъ. Мнительная и суевѣрная, княгиня всего боялась и во всемъ сомнѣвалась. Излюбленнымъ у тетушки было слово: „ужасъ", которое она склоняла при всѣхъ случаяхъ своей жизни во всѣхъ падежахъ. Бѣдный князь Александръ Николаевичъ привыкъ къ жениному характеру и продолжалъ оставаться неизмѣнно-спокойнымъ. Всѣ три дочери-княжны были типичными провинціальными барышнями, но всемѣрно старавшимися подойти подъ статъ столичныхъ. Экспансивныя, быстро реагировавшія на испугъ, страхъ или на противоположное настроеніе — смѣхъ или восторженность, княжны имѣли свойство говорить, восклицать всегда всѣ вмѣстѣ, къ этому часто прибавлялся истошный голосъ ихъ матери-насѣдки.. Можно себѣ представить, какое общее „кудахтанье" происходило въ ихъ домашнемъ быту.

Мои отношенія къ кузинамъ-княжнамъ были самыя добрыя, простыя и родственныя. Всѣ онѣ были очень радушныя, веселыя барышни, охотно и искренне всѣмъ интересовавшіяся. Внѣшность ихъ нельзя было назвать красивой. Наиболѣе привлекательной изъ нихъ была средняя —Вѣрочка, любимица матери, относительно которой Юрій Гагаринъ въ обычно шутливомъ тонѣ мнѣ всѣ уши прожужжалъ, совѣтуя на ней жениться. 17-ое сентября было „большимъ днемъ" въ этой семьѣ, благодаря празднованію въ ней сразу трехъ именинницъ.

Семья Гагариныхъ поселилась по сосѣдству съ нами. Въ этотъ именинный день приходимъ мы съ мамой поздравить

Гагариныхъ и оба сразу же почувствовали во всей ихъ домашней обстановкѣ что-то совершенно необычное и для насъ загадочное — замѣчалась среди нихъ какая-то особливая восторженность, доходившая до нѣжныхъ объятіи со стороны княгини-мамаши и ласкающихъ взглядовъ, исходившихъ изъ томныхъ „много говорившихъ" глазъ кузины-Вѣрочки. Слышу затѣмъ слова благодарности за какой-то „чудный" подарокъ. Мы съ мамой съ недоумѣньемъ другъ на друга посматриваемъ, теряясь въ догадкахъ, а князь Юрій сидитъ на своемъ мѣстѣ и всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ и таращенной физіономіей выражаетъ затаенный восторгъ, еле сдерживая душившій его смѣхъ. Хорошенько вглядѣвшись въ него, я догадался, что Юрій видимо успѣлъ сочинить какой-то излюбленный свой „трюкъ", да и насъ въ это дѣло очевидно впутать. Но смѣлость его озорства въ этотъ разъ превзошла всѣ мои предположенія, и кончилась его затѣя, вмѣсто потѣхи, серьезной драмой. Оказывается, въ этотъ день съ утра Юрій прислалъ княжнѣ Вѣрочкѣ огромный букетъ чудныхъ цвѣтовъ и коробку отъ Трамблэ чуть ли не съ пятью фунтами конфетъ отъ моего имени, для чего стащилъ предварительно мои визитныя карточки. Пріѣхавъ къ Гагаринымъ нарочно раньше насъ, таинственно повѣдалъ мамашѣ и княжнамъ, что „Саша Наумовъ" именно сегодня рѣшилъ сдѣлать Вѣрочкѣ предложеніе. Выдумкѣ этой радостно всѣ повѣрили.

Тяжело и неловко всѣмъ стало, когда выяснилась вся неумѣстность подобнаго „имениннаго озорства". Будучи добрѣйшимъ малымъ, Юрій невольно причинилъ бѣдной Вѣрочкѣ настоящее горе. Впослѣдствіи онъ самъ это сознаЛъ и всячески старался успокоить имъ же самимъ взбаламученное семейство. Даже самъ старикъ князь Александръ Николаевичъ, нарочно пріѣхавшій къ этому дню изъ своей лѣсной глуши, сердито рокоталъ на Юрія, повторяя: „не хоррошо, бррратъ ты мой Юррій, не хоррошо!...

Одно время въ Москвѣ проживалъ родной братъ княгини Надежды Эрнестовны — Николай Эрнестовичъ фонъ-Викъ со своей семьей, съ которыми мы тоже нерѣдко видѣлись въ кругу ихъ родни Гагариныхъ. Бывшій „желтый" кирасиръ, Николай Эрнестовичъ сохранилъ до старости типично-залихватскій видъ стараго кавалериста. По темпераменту своему онъ походилъ на свою сестру Надежду Эрнестовну: страшно экспансивный, онъ былъ до комизма вспыльчивъ; бѣлки огромныхъ на выкатѣ его глазъ сразу же заливались кровью и являли воистину устрашающее зрѣлище. По существу же Николай Эрнестовичъ былъ человѣкомъ добрымъ, сердечнымъ и быстро отходчивымъ.

Описывая наше совмѣстное съ мамой проживаніе въ Москвѣ, не могу не упомянуть про домъ Свербеевыхъ, гдѣ мы встрѣчали всегда радушный, ласковый пріемъ. Родство это всегда подчеркивалъ одинъ изъ членовъ этого дома, ранѣе въ Самарѣ губернаторствовавшій, а затѣмъ сенаторъ — Але-

ксандръ Дмитріевичъ Свербеевъ, бывшій потомъ у меня на свадьбѣ посаженнымъ отцомъ.

Семья Свербеевыхъ была многочисленная. Кромѣ Александра Дмитріевича было еще нѣсколько его братьевъ: Михаилъ, Николай и Дмитрій Дмитріевичи, служившихъ кто по администраціи, кто въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, и столько же сестеръ. Изъ нихъ только одна была замужняя, впослѣдствіи овдовѣвшая — Екатерина Дмитріевна, по мужу Арнольди — почтенная старушка небольшого роста съ мелкими, правильными и чрезвычайно симпатичными чертами лица. Почему-то она приняла самое живое участіе во мнѣ, пожелавъ во что бы то ни стало „лансировать" меня въ „большой свѣтъ", что ей мало-по-малу удавалось. Въ извѣстные дни я долженъ былъ къ ней, по визитному расфранченный, заѣзжать и она сопровождала меня въ знакомые ей дома въ зависимости отъ установленныхъ въ „свѣтѣ" пріемныхъ дней и часовъ....

Долженъ сознаться, что все это я продѣлывалъ безъ всякой охоты, но таковъ былъ уговоръ Екатерины Дмитріевны съ мамой и я безпрекословно тому подчинялся.

Свербеевы жили въ то время на Арбатѣ, въ Николо-Песковскомъ переулкѣ, въ большомъ своемъ двухъэтажномъ бѣломъ домѣ-особнякѣ. Я еще засталъ въ живыхъ ихъ почтенную старушку мать, Екатерину Александровну, принимавшую гостей у себя въ „угловой", въ широкомъ креслѣ — въ огромномъ, старомодномъ, кружевномъ, съ торчащими фижмами чепцѣ, изъ-подъ котораго чуть вырисовывалось старческое, сморщенное личико древней хозяйки, носившее слѣды былой породистой красоты; остальное ея немощное тѣло утопало въ цѣломъ морѣ тончайшихъ бѣлыхъ покрывалъ ея старушечьяго костюма.

Итакъ, благодаря старымъ связямъ моихъ родителей, двери родовитой Москвы были для меня раскрыты — той самой „дворянской" Москвы, которая, несмотря на свою относительную замкнутость, умѣла широко веселиться и отличалась „московскимъ" широкимъ радушіемъ. Надо было видѣть блестящіе балы у Хомяковыхъ, Гагариныхъ, Волконскихъ, Соллогубовъ, Нейдгартъ, Веригиныхъ и др., чтобы имѣть о нихъ дѣйствительное представленіе — въ смыслѣ блеска и изящества избраннаго общества, богатства и красоты самой бальной обстановки съ необычайнымъ изобиліемъ благоухающихъ цвѣтовъ, вагонами получавшихся тароватыми москвичами изъ далекой Ниццы. Недаромъ лучшая гвардейская молодежь того времени стремилась изъ Питера въ Москву на ея сказочные балы, славившіеся къ тому же свѣжестью и красотой дамскаго персонажа...

Стоило мнѣ показаться на двухъ-трехъ московскихъ вечерахъ, какъ приглашенія посыпались со всѣхъ сторонъ... Время это совпало съ пребываніемъ моимъ на послѣднихъ курсахъ университета. Долженъ сознаться, что я вскорѣ же остылъ ко всѣмъ этимъ приглашеніямъ и бальнымъ соблазнамъ, на нѣкоторое время совершенно отойдя отъ московскаго „свѣта".

По этому поводу нельзя не отмѣтить ту роль, которую сыграли для моего молодого пытливаго ума Звѣревскія лекціи по исторіи философіи права, прослушанныя мною на второмъ университетскомъ курсѣ и оставившія во мнѣ глубочайшій слѣдъ. Талантливое изложеніе исторіи всѣхъ главнѣйшихъ философскихъ теорій, начиная съ древнѣйшихъ, т. н. „классическихъ" временъ, и кончая современными ученіями, впервые раскрыло передо мною интереснѣйшую область всѣхъ изгибовъ и тайниковъ человѣческой мысли и духа, натолкнувъ мою мысль на стремленіе „осмыслить" свою жизнь.... Найти отвѣтъ — какая цѣль существованія моего „Я"?

Начавшійся процессъ моего „самоуглубленія" и „цѣлеискательства" былъ длителенъ и временами онъ проходилъ небезболѣзненно. Отношеніе мое ко всему окружающему, видѣнному, слышанному и воспринимаемому при чтеніи, стало болѣе вдумчивымъ; во всемъ этомъ хотѣлось яснѣе разбираться и найти скорѣйшее разрѣшеніе вставшаго передо мною во всей своей остротѣ и широтѣ вопроса — для чего жить?! Одни впечатлѣнія смѣнялись другими, за одними выводами слѣдовали обратные...

Не находя отвѣта въ книжныхъ теоріяхъ, я сталъ ближе присматриваться къ жизни, и вотъ теперь, оглядываясь на много десятковъ лѣтъ назадъ, могу только отдать должное тому величайшему учебнику, который представляетъ сама повседневная, пытливымъ глазомъ и умомъ разсматриваемая, многогранная наша дѣйствительность.

Въ этомъ отношеніи на фонѣ моего далекаго прошлаго вспоминаются два событія, сыгравшія немаловажную роль въ сдвигѣ моего міросозерцанія.

Первымъ такимъ событіемъ была поѣздка моя въ январѣ 1890 г. изъ Москвы въ Буинскій уѣздъ Симбирской губ., на свадьбу моего старшаго брата Дмитрія, которая должна была совершиться въ имѣніи „Кишаки", принадлежавшемъ Александру Николаевичу Теренину, отцу братниной невѣсты — Ольги. Старики Теренины, крупные помѣщики Симбирской и Казанской губерній, были извѣстными на всю округу сельскими хозяевами и видной въ названныхъ губерніяхъ дворянской знатью.

Степанъ Николаевичъ Теренинъ владѣлъ землями въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губ., и служилъ губернскимъ предводителемъ. Михаилъ Николаевичъ имѣлъ обширныя вотчины и прекрасный конный заводъ при с. Кіяти, въ Буинскомъ уѣздѣ Симбирской губ. Рядомъ съ его владѣніями расположено было упомянутое мною имѣніе третьяго брата — Александра Николаевича, много лѣтъ выбиравшегося уѣзднымъ предводителемъ. Всѣ упомянутые Теренины были женаты и многосемейны. У Александра Николаевича были двѣ дочери и два сына; женатъ онъ былъ на Марьѣ Дмитріевнѣ Еремѣевой. Старшая ихъ дочь — Ольга, впослѣдствіи жена

брата моего Дмитрія, вторая — Александра, вышедшая замужъ за казанскаго помѣщика и земскаго дѣятеля Казина, и, наконецъ, двое мальчиковъ Юрій и Дмитрій — всѣ они росли въ здоровой деревенской обстановкѣ, въ условіяхъ, главнымъ образомъ, материнской заботы, ласки и наставленія. Вышедшая за брата Дмитрія Ольга оказалась, по примѣру своей матери, такой же идеальной женой и матерью крестника моего и единственнаго ихъ сына Дмитрія.

Имѣніе „Кишаки", гдѣ Теренины безвыѣздно въ то время проживали, было расположено въ 17 верстахъ отъ уѣзднаго города Буинска, и приблизительно въ 75 верстахъ отъ Симбирска. Братъ Димитрій, служившій въ Буинскѣ удѣльнымъ управляющимъ, часто бывалъ въ гостепріимной Теренинской семьѣ, полюбилъ старшую ихъ дочь, милую Ольгу Александровну, сдѣлалъ ей предложеніе и на январь 1890 г. была назначена ихъ свадьба въ Кишаковской церкви. Братъ вызвалъ меня изъ Москвы, прося быть его шаферомъ.

Надо имѣть въ виду, что въ описываемое время Московско-Казанской желѣзной дороги съ развѣтвленіемъ на Инзу-Симбирскъ не существовало. Чтобъ въ зимнее, не навигаціонное время, попасть въ Симбирскъ, необходимо было по желѣзнодорожной линіи Москва-Ряжскъ-Вязьма-Пенза доѣхать до Сызрани, откуда до Симбирска надо было сдѣлать на лошадяхъ всѣ 135 верстъ, и затѣмъ изъ Симбирска слѣдовать такимъ же образомъ дальше до Буинска. Подобный, сложный и длительный путь пришлось продѣлать и мнѣ. Все то, что я впервые на этомъ пути встрѣтилъ, оказалось однимъ изъ тѣхъ событій, которое на меня и на мое тогдашнее неопытно-молодое міросозерцаніе произвело огромное впечатлѣніе и оказало рѣшающее воздѣйствіе.

Въ исторіи Средняго Поволжья 1890 и 1891 года останутся навсегда памятными по тому страшному народному бѣдствію — голоду, который охватилъ въ то время губерніи Казанскую, Симбирскую, Самарскую, часть Саратовской, Уфимской и Пензенской, и который явился результатомъ небывалой лѣтней засухи 1889 г.,причинившей полнѣйшій недородъ озимыхъ, яровыхъ хлѣбовъ и гибель всѣхъ травъ.

Выѣхавъ изъ сытой, веселившейся Москвы, и попавъ черезъ два дня въ Сызрань, большой узловой центръ, откуда тянулись безконечные обозы по всѣмъ направленіямъ съ продовольственнымъ и сѣменнымъ грузомъ, я былъ пораженъ и подавленъ невиданной мною доселѣ обстановкой сплошныхъ лишеній, людской скорби и болѣзней.

Въ январѣ 1890 года, на почвѣ многомѣсячнаго недоѣданія, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подлиннаго голода, тифозная эпидемія стала повсемѣстно свирѣпствовать въ ужасающихъ размѣрахъ. Отправившись изъ Сызрани въ дальній, непривычный для меня путь на Симбирскъ, на отчаяннаго вида тощихъ, некормленныхъ клячахъ, съ полуголоднымъ ямщикомъ на облучкѣ; кувыркаясь до морской тошноты изъ одного ухаба въ другой по разбитой обозами большой Ташлинской дорогѣ, я бывалъ радъ остановкамъ для перепряжекъ лошадей, чтобы размять затекшія ноги и отдохнуть отъ своеобразной „морской" дорожной качки по безконечнымъ раскатамъ и ухабамъ. Но эти же остановки, давая мнѣ физическій отдыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мучительно каждый разъ отзывались на моей юной психикѣ при встрѣчахъ съ распухшими отъ голода крестьянами и ихъ дѣтьми, просившими отъ проѣзжихъ куска хлѣба; при видѣ заколоченныхъ избъ, вслѣдствіи поголовно вымершихъ въ нихъ отъ тифа семей, или тѣхъ заплеснѣлыхъ черствыхъ комковъ, напоминавшихъ темно-бурую пористую землю, которые назывались въ тѣхъ мѣстахъ „хлѣбомъ и которые представляли собой не что иное, какъ смѣсь лебеды съ землей, въ лучшемъ случаѣ съ прибавленіемъ желудиной муки...

И вотъ, подъ впечатлѣніемъ раскрывавшихся передъ моими глазами яркихъ по своей силѣ и правдѣ картинъ суровой житейской дѣйствительности, много мною было передумано и пережито... Рѣзко выявившаяся передо мною параллель — сытой до обжорства Москвы и голоднаго до ужаса Сызранскаго пути — неотступно сверлила мои мозгъ и душу. Все мое молодое нутро жестоко страдало отъ этого потрясающаго сопоставленія и инстиктивно тянулось на помощь голодному, больному и обездоленному своему... ближнему.

Цѣль жизни стала какъ бы сама собой намѣчаться. Дальнѣйшая поѣздка изъ Симбирска въ Буинскъ сопровождалась той же безотрадной картиной вымиравшей, голодной деревни... Обратный проѣздъ до Сызрани лишь удвоилъ силу общихъ моихъ впечатлѣній отъ моего путешествія... и въ Москву я вернулся не тѣмъ, какимъ я выѣхалъ.

Теоретическая путаница, ранѣе царившая въ моей головѣ при анализѣ разнообразныхъ философскихъ теорій съ цѣлью выбора наилучшей изъ нихъ для осознанія жизненнаго идеала, теперь разрѣшилась сама собой... Не въ столицѣ, а тамъ — въ глухой провинціи, я впервые увидалъ вопіющую человѣческую нужду и ощутилъ всѣмъ своимъ юнымъ помысломъ, всѣмъ своимъ сердцемъ повелительную необходимость идти навстрѣчу страждущимъ.

Созналъ я также впервые и то, что философія Христова ученія о цѣли жизни — всемѣрно любить своего ближняго — единственно вѣрная, стоящая превыше всѣхъ остальныхъ...

Другое событіе, оставшееся у меня въ памяти и такъ же сильно повліявшее на всю мою психику, случилось въ послѣдующемъ 1891 году, явившимся прямымъ послѣдствіемъ предыдущаго голоднаго 1890 года, какъ въ смыслѣ продолженія недорода и недоѣданія, такъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи развитія на почвѣ ослабленнаго народнаго организма всевозможныхъ эпидемій, включая появленіе на Волгѣ лѣтомъ 91 года страшной гостьи — холеры.

Зловѣщіе слухи о возникновеніи холерной эпидеміи стали появляться еще съ ранней весны этого года, тотчасъ же по открытіи навигаціи; первые же ея грозные признаки об-

наружились въ Астрахани на рыбныхъ промыслахъ и, несмотря на принятыя санитарныя мѣры, холера стала быстро распространяться по всему Волжскому бассейну, продвигаясь вверхъ попутно съ пароходнымъ движеніемъ, а съ пристанскихъ центровъ быстро овладѣвая всей прибрежной территоріей, проникая далеко вглубь въ провинцію и стремительно заражая цѣлыя поселенія.

Мало-по малу, страшная гостья подбиралась и къ нашимъ мѣстамъ. Появились заболѣванія въ Симбирскѣ и наконецъ громъ грянулъ: холерные случаи начались и въ нашемъ селѣ Головкинѣ. Эпидемія стала быстро и безпощадно распространяться среди обезумѣвшихъ отъ страха и ужаса крестьянъ... Мимо нашей усадьбы и рядомъ расположенной церкви потянулись мрачныя процессіи: — ежедневно проносили на особо огороженное кладбище по десяти и болѣе гробовъ.

Настроеніе всего поволжскаго населенія — въ частности и нашего Головкинскаго, сначала паническое, вскорѣ превратилось въ злобно-подозрительное. Стали ходить всевозможные слухи объ отравѣ простого люда „господами" и „попами", по наущенію которыхъ, съ ними заодно, дѣйствуетъ якобы весь врачебный и санитарный персоналъ. Начали учащаться случаи народнаго самосуда надъ отдѣльными лицами, заподозрѣнными въ лихихъ дѣйствіяхъ по распространенію заразы. То тамъ, то сямъ убивались доктора, фельдшера.

Въ Головкинѣ было также тревожно. Слухи ползли недобрые. Холера продолжала немилосердно свирѣпствовать, и на селѣ виднѣлось много домовъ съ забитыми ставнями Моръ шелъ сплошной... Говорили о господскомъ дворѣ, гдѣ останавливались врачи, начался со стороны насторожившагося населенія устанавливаться присмотръ за нимъ днемъ и особенно по ночамъ...

При подобномъ напряженномъ настроеніи Головкинскихъ обывателей случилось вдругъ событіе, повлекшее за собой рядъ тяжелыхъ и неожиданныхъ послѣдствій, оставившихъ глубокій слѣдъ на всемъ укладѣ моихъ мыслей.

Въ одинъ изъ іюньскихъ дней къ берегу Головкинскаго Борка прибило Волжскимъ теченіемъ трупъ неизвѣстнаго человѣка. Случалось это не разъ на нашемъ огромномъ водномъ плесѣ въ 30 верстъ длиной, а великая рѣка Волга, кому была родной матерью, а другому и злой мачехой сказывалась...

О прибитомъ къ берегу мертвомъ тѣлѣ узнало „начальство" раньше времени. Надо думать, что объ этомъ случайно на Борковскомъ хуторѣ узналъ кто-либо изъ мѣстныхъ полицейскихъ — десятникъ или сотникъ, сдѣлалъ приказъ о „сохранности" и донесъ уряднику, а тамъ дѣло пошло, какъ слѣдуетъ тому быть, „по начальству". Становой приставъ, жившій въ то время въ с. Старой Майнѣ, въ 9 верстахъ отъ Головкина, узнавъ о „происшествіи", приказалъ установить, согласно закона, надлежащій порядокъ охраненія обнаруженнаго трупа впредь до производства осмотра, дознанія и дальнѣйшаго слѣдствія. Устроенъ былъ около берега особо приспособленный ледникъ въ видѣ крытаго шалашика и положили туда полуразложившійся трупъ. Двое рыбаковъ были приставлены для окарауливанія и доставки изъ деревни льда. Въ Головкинѣ объ этомъ случаѣ мало кто зналъ, да и время было такое, что не до другихъ было — свое горе стояло выше головы... Холера продолжала свирѣпствовать безъ жалости и разбора. Пріѣхалъ, наконецъ, около полудня, въ село Головкино самъ становой для производства дознанія; остановился на „взъѣзжей"* и сдѣлалъ для сего черезъ урядника рядъ распоряженій, между прочимъ, и о вызовѣ съ Борка, расположеннаго въ 17 верстахъ отъ Головкина, для допроса обоихъ рыбаковъ, карауливщихъ мертвое тѣло.

Напрасно „Его Благородію" докладывали, что время стоитъ недоброе, что вызывать съ Волги, за 17 верстъ, чужихъ людей, "на ночь глядя", опасно и т. д. Приказъ былъ данъ и больше становой слушать не хотѣлъ, а пока, въ ожиданіи „Его Благородіе" занялось „пріятнымъ времяпрепровожденіемъ" въ видѣ выпивки, закусокъ. А тамъ, глядишь, настала пора за ужинъ приниматься... Однимъ словомъ, время шло для „начальства" незамѣтно....

Тѣмъ временемъ, тамъ, за стѣнами „взъѣзжей", происходило слѣдующее: карауливщіе „тѣло" тетюшскіе рыбаки, получивъ поздно вечеромъ, почти передъ закатомъ солнца, срочный вызовъ „начальства" немедленно явиться въ Головкино на „взъѣзжую" для дознанія, были сначала въ большой нерѣшительности, какъ имъ поступить. Люди они были „сторонніе"; слышали они про „неблагополучіе" Головкинскаго люда и про злобное ихъ настроеніе; время было позднее, придутъ ночью... „Какъ бы грѣха какого не случилось"?! — такъ говорили они между собой, да и нашъ лѣсникъ Алексѣй Тарасовъ склонялся къ тому, что не слѣдъ имъ обоимъ ночью въ чужомъ селѣ, да еще въ такое опасное время „путаться".

Съ другой стороны, приказъ строгій начальства... Рыбакъ помоложе совѣтовалъ отложить до утра, а другой — старшій все жъ надумалъ идти „по закону" и послушаться начальства, а „тамъ, что будетъ"!... На все де „воля Божья"... Сказано — сдѣлано...

И вотъ, почти около полуночи изъ-подъ горнаго спуска, съ луговой стороны, появляются на церковной площади с. Головкина двѣ таинственныя фигуры, которыя натыкаются на ночного караульщика, приставленнаго населеніемъ исключительно въ виду „неблагополучнаго" времени и слуховъ о возможныхъ лихихъ людяхъ, распускающихъ среди народа страшную заразу... „Что за люди?!" останавливаетъ ночныхъ пришельцевъ окрикъ караульщика. Тѣ ему объяснили, что они „сторонніе", и спросили, какъ имъ найти „взъѣзжую", гдѣ ихъ ждетъ становой. Тотъ имъ по-своему поразсказалъ, гдѣ

* Особая изба, нанимаемая для отправленія обязанностей служебныхъ лицъ.

находится эта изба: „Идите, молъ, прямо по селу, а затѣмъ, пройдя домовъ двадцать, заверните въ проулокъ налѣво“...

Все жъ этому дозорному такое появленіе „стороннихъ“, въ ночное время, да еще къ становому, показалось страннымъ. Пошелъ онъ за ними слѣдить... Несчастные рыбаки, чтобъ не сбиться — стали подходить по дорогѣ къ избамъ, стучали и спрашивали все про одно и то же — „гдѣ найти взъѣзжую?“ Такъ подошли къ одному дому, разбудили хозяевъ, дальше другихъ встревожили и не успѣли дойти до переулка, гдѣ обрѣталась пресловутая ихъ „взъѣзжая“, какъ сзади ихъ образовалась многочисленная толпа Головкинскихъ крестьянъ, встревоженныхъ приходомъ въ неурочный часъ и такое страдное время „стороннихъ“ людей.

Толпа росла ежеминутно. Народился самъ собой слухъ: пришли-де лихіе люди по наущенію „господъ“ и „начальства“ „пущать“ заразу... Какъ пламя, разбушевавшееся по разлитому керосину, такъ и молва эта всѣхъ Головкинскихъ обитателей въ мигъ обуяла...

Бросились къ церкви,забили въ набатъ, и не успѣлъ заглохнуть послѣдній ударъ колокола, какъ на обрывѣ села, какъ разъ противъ котораго находился поворотъ въ злосчастный переулокъ, оказались бездыханные, растерзанные озвѣрѣлой толпой, два трупа несчастныхъ рыбаковъ, явившихся жертвенной данью жестокому холерному безвременью и дикому невѣжеству крестьянскихъ массъ.

Быстро вокругъ убитыхъ образовалось огромное скопленіе Головкинскихъ обывателей, взбудораженныхъ набатомъ, уличнымъ шумомъ и всевозможными тревожными слухами. Неизвѣстно, какъ были въ ночной темнотѣ убиты пришлые съ Волги рыбаки, но жестокая расправа совершилась. Первая вспышка народнаго гнѣва противъ „лихихъ“ распространителей страшной заразы въ звѣрской формѣ была удовлетворена. Результатъ на лицо — растерзанные трупы, освѣщенные тусклыми фонарями, валялись у всѣхъ на глазахъ...

Но вотъ начала наступать реакція: среди обступившей толпы зародилась невольная жалость и закралось у многихъ сомнѣніе: виновны ли эти несчастные?.. Вѣдь шли они къ становому на взъѣзжую! Недаромъ же они спрашивали у нѣкоторыхъ, какъ дойти до нея!...Стали на эту тему разсуждать, народъ какъ бы опомнился и надумалъ отправиться самъ по пути, по которому пробирались злополучные жертвы его же дикаго самосуда...

Рѣшено было всѣмъ идти на взъѣзжую къ становому узнать правду отъ самого „начальства“. Время было за полночь, когда толпа повалила въ переулокъ къ избѣ, гдѣ находился приставъ, и которая принадлежала богатому въ то время мѣстному крестьянину Сергѣю Акутенкову, гонявшему ямщину.

Мужикъ онъ былъ ловкій и хитрый. Когда дошла до него страшная вѣсть объ убійствѣ рыбаковъ, онъ быстро сообразилъ, что не сдобровать находившемуся въ его избѣ „начальству“, тѣмъ болѣе, что его благородіе продолжало „прохлаждаться“ и бражничать... Закрывъ всюду ставни, потушивъ огонь, онъ спряталъ испугавшагося станового во дворѣ на сѣновалѣ, и встрѣтилъ подошедшую толпу завѣреніемъ, что приставъ уѣхалъ обратно въ Майну. Народъ этому, однако, не повѣрилъ. Акутенковъ понялъ, что дѣло его плохо и самъ скрылся.

Толпа взломала дверь, стала шарить всюду и искать пропавшаго станового. Утихшіе страсти стали снова разростаться. Былъ моментъ, когда становой, спрятавшійся въ сѣнѣ, подвергался опасности быть заколотымъ вилами, которыми всюду тыкали и шарили въ поискахъ бѣглеца. Въ концѣ концовъ, разломавъ часть крыши сѣновала, онъ, пользуясь ночной темнотой, какимъ-то чудомъ, разными задворками и глухими гумнами, пробрался въ поле, откуда прямо бросился бѣжать въ близь расположенную усадьбу дяди моего Михаила Михайловича Наумова, который тотчасъ же далъ ему лошадей, и на разсвѣтѣ окружнымъ путемъ, минуя село Головкино, становой доѣхалъ до своей Майнской квартиры. Первое, что онъ сдѣлалъ, вернувшись благополучно домой, — послалъ шифрованную срочную депешу въ Самару губернатору о „вспыхнувшемъ въ селѣ Головкино холерномъ бунтѣ съ человѣческими жертвами“.

Исправлялъ должность губернатора въ то время А. П. Роговичъ, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта и Товарищъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, который немедленно пріѣхалъ въ Головкино во главѣ цѣлой сотни казаковъ.

Роговичъ былъ жестокій человѣкъ и правитель. Ни съ кѣмъ не говоря, и слушая только мѣстнаго станового, фактическаго виновника всего происшедшаго, онъ ему же поручилъ произвести срочное по дѣлу дознаніе. Казаки были расквартированы по сельскимъ домамъ; офицерство было размѣщено въ нашихъ усадьбахъ. Становой, самъ рѣшительно ничего не зная, будучи въ памятную ту ночь полупьянъ и „до смерти“ перепуганъ, заносилъ въ дознаніе главнымъ образомъ все со словъ хозяина взъѣзжей — пройдохи Акутенкова.

Здѣсь я долженъ пояснить одно для этого дѣла важное превходящее обстоятельство: надо имѣть въ виду, что самое село Головкино церковью и смежной съ ней нашей („Николаевской“) усадьбой дѣлилось поровну на два т. н. „конца“ — одинъ, ведущій по дорогѣ къ с. Старой Майнѣ и расположенный вдоль озера „Яикъ“, назывался также „Яицкимъ“, другой, въ противоположномъ направленіи по дорогѣ къ Симбирску вдоль рѣки „Уреня“, именовался „Уренемъ“ или „Уренскимъ“. Взъѣзжая изба, куда направлялись вызванные становымъ рыбаки съ Борка, расположена была въ Уренскомъ концѣ села. Слѣдовательно, всѣ тѣ люди, которые разбужены были опросами проходившихъ ночью рыбаковъ и которые, прямо или косвенно, были виновниками случившагося звѣрскаго самосуда — всѣ они принадлежали къ обитателямъ того же

„Уреня". гдѣ проживалъ и самъ Акутенковъ, числясь съ нимъ въ сосѣдствѣ или по мѣстному нарѣчію „въ шабрахъ". Несмотря на набатъ, врядъ ли кто могъ сбѣжаться съ Яицкаго конца; а, если кто и подошелъ, то пожалуй лишь къ тому времени, когда расправа съ несчастными рыбаками была окончена.

И вотъ Акутенковъ, которому становой поручилъ составить списокъ „зачинщиковъ бунта", будучи мужикомъ „себѣ на умѣ", и зная, можетъ быть, дѣйствительныхъ виновниковъ произведеннаго самосуда и нападенія на его избу, но не желая выдавать своихъ „шабровъ" — сосѣдей, взялъ да и записалъ кого попало, а больше своихъ недруговъ изъ числа Головкинскихъ крестьянъ, проживавшихъ на совершенно противоположной сторонѣ села.

Дознаніе быстро было становымъ закончено, списки представлены, и Губернаторъ на другой же день приказалъ привести въ исполненіе свое распоряженіе. Въ результатѣ до 100 человѣкъ съ „Яицкаго конца" неповинныхъ крестьянъ были подвергнуты на площади публичной поркѣ. На другой день Губернаторъ уѣхалъ, казаки оставались еще съ недѣлю. Всѣ эти событія произошли въ какіе-нибудь три — четыре дня.

Отъ неожиданности наѣзда необычныхъ властей съ войсками и невѣроятныхъ послѣдствій экспедиціи сначала всѣ голову потеряли... Лишь спустя нѣкоторое время люди мало-по-молу стали приходить въ себя и отдавать себѣ отчетъ въ томъ сплошномъ ужасѣ, который произошелъ на нашихъ глазахъ. Первые взялись за выясненіе правды — старики Наумовы — отецъ и его братья.

Общими же усиліями удалось вскорѣ же выяснить всю преступность поведенія самого становаго, который былъ уволенъ отъ должности и преданъ суду. Хозяинъ „взъѣзжей", Акутенковъ, вынужденъ былъ вскорѣ покинуть свое родное село; сама судьба его потомъ доканала: изъ зажиточнаго крестьянина впослѣдствіи онъ принужденъ былъ превратиться въ рабочаго „золоторотца". По поводу же убійства обоихъ рыбаковъ возбуждено было соотвѣтствующее судебное дѣло.

Все это такъ, но первоначальное впечатлѣніе отъ всего видѣннаго и пережитаго оставило во мнѣ надолго тяжелый осадокъ, и въ моей юной головѣ зародилась опредѣленная рѣшимость въ будущемъ посвятить всего себя на дѣло отстаиванія правды, просвѣщенія народа и защиты угнетенныхъ.

Болѣе понятны и осмысленны стали для меня извѣстные стихи Некрасова:

Господь! твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый судъ!
Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти,
Развей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути....

Хотѣлось выработать изъ себя человѣка знанія и посвятить себя всецѣло служенію народу, столь нуждавшемуся въ совѣтахъ, просвѣщеніи и защитѣ. На это и были направлены въ то время всѣ мои помыслы и силы. Отсюда понятно, почему съ зимы 1890-91 г. у меня стало проявляться замѣтное охлажденіе къ бывшимъ моимъ мечтамъ о музыкально-артистической карьерѣ и я съ особымъ рвеніемъ принялся за изученіе унивеситетскихъ наукъ, знакомясь одновременно съ обширной въ то время литературой т. н. „народническаго" направленія, главнымъ образомъ въ лицѣ Златовратскаго, Успенскаго. Пругавина и др.

Къ этому же времени надо отнести возникновеніе, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ княземъ А. И. Урусовымъ, стремленія посвятить себя адвокатурѣ, какъ профессіи, наиболѣе соотвѣтствовавшей, согласно тогдашнимъ моимъ взглядамъ, влеченіемъ моимъ идти на помощь и защиту ближнихъ въ лицѣ темнаго и безправнаго, какъ мнѣ казалось, русскаго народа. Въ юной пылкой головѣ складывалась такая завидная перспектива — окончить блестяще курсъ, получить отъ университета заграничную командировку, сдать потомъ магистерскій экзаменъ, причислиться по той или другой спеціальности (намѣчалась кафедра по уголовному праву) къ Университету, затѣмъ — профессура, и одновременно — вступленіе въ сословіе московской адвокатуры съ зачисленіемъ въ качествѣ помощника къ князю А. И. Урусову.

Вся эта программа была одобрена самимъ княземъ и профессоромъ Колоколовымъ. Первоначальную ея часть удалось осуществить полностью. Съ этою цѣлью я даже остался лишній годъ на послѣднемъ курсѣ для болѣе основательной подготовки къ Государственнымъ Экзаменамъ, которые я и сдалъ болѣе чѣмъ благополучно.

Въ ожиданіи же осуществленія послѣдующихъ стадій намѣченной мною жизненной схемы, а также въ силу необходимости, такъ или иначе, вырѣшить вопросъ объ отбываніи мною воинской повинности, я временно причислился въ качествѣ кандидата на судебную должность при Московской Судебной Палатѣ.

Но въ дальнѣйшей моей судьбѣ все вышло согласно мудрому изреченію: „человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ". Моимъ студенческимъ мечтамъ не суждено было осуществиться... По неисповѣдимому Божьему предопредѣленію, личная и дѣловая моя жизнь приняла совершенно неожиданный для меня самого оборотъ, давшій мнѣ, впрочемъ, полностью удовлетвореніе въ основномъ моемъ желаніи — служить родному народу честнымъ совѣтомъ и посильными своими знаніями.... Случилось все это такъ: основательно отдохнувши лѣтомъ послѣ государственныхъ экзаменовъ, я собирался отбывать воинскую повинность въ качествѣ вольноопредѣляющагося въ Москвѣ въ 3-мъ Сумскомъ бывшемъ гусарскомъ, въ то время драгунскомъ, полку, для чего еще

ранѣе я подучивался и тренировалъ себя въ манежѣ въ кавалерійской ѣздѣ.

Въ сентябрѣ 1892 года получаю я вдругъ отъ Михаила Ѳеодоровича Бѣлякова, бывшаго тогда Симбирскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства слѣдующую телеграмму: „Если хочешь пріѣзжай — освободимъ". Дѣло въ томъ, что будучи незадолго до этого въ Симбирскѣ, я имѣлъ съ Бѣляковымъ разговоръ по поводу отбыванія мною воинской повинности, ввиду того, что по окончаніи курса гимназіи, я былъ приписанъ къ Симбирскому городскому участку. Бѣляковъ зналъ о моемъ дефектѣ зрѣнія, довольно оригинальномъ — сильной близорукости праваго глаза.

Уѣзжая въ Москву, я на всякій случай просилъ Михаила Ѳеодоровича Бѣлякова справиться по поводу моего зрѣнія, возможно ли мнѣ освободиться отъ воинской повинности, благодаря моей одноглазой близорукости. Вслѣдствіе этого я и получилъ отъ Михаила Ѳеодоровича телеграмму, побудившую меня выѣхать въ Симбирскъ на очередной осеннiй воинскій наборъ...

Заручившись свидѣтельствомъ о состояніи моего зрѣнія отъ извѣстнаго московскаго окулиста Крюкова, я предъявилъ таковое Симбирскому Воинскому Присутствію. Меня отправили въ больницу на испытаніе, которое оказалось въ мою пользу, и въ тотъ же день мнѣ было объявлено постановленіе Присутствія, признавшаго меня негоднымъ для военной службы и вслѣдствіе этого освободившаго отъ нея меня навсегда.

Обстоятельство это являлось для меня событіемъ огромной важности: оно развязывало мнѣ руки и предоставляло возможность немедленно же приступить къ задуманной работѣ, но попавъ въ Симбирскъ въ среду близкихъ родныхъ и добрыхъ друзей, будучи пока свободнымъ отъ какихъ-либо обязанностей и срочныхъ дѣлъ, я прежде всего навѣстилъ отца въ Головкинѣ.

Вернувшись оттуда въ Симбирскъ около 10 ноября, передъ отъѣздомъ моимъ къ роднымъ, проживавшимъ въ Симбирской губ., я встрѣтилъ бывшаго въ то время нашимъ Уѣзднымъ Ставропольскимъ Предводителемъ Дворянства Бориса Михайловича Тургенева, который, узнавъ, что я освобожденъ отъ воинской повинности, сталъ настойчиво звать къ себѣ въ уѣздъ въ качествѣ земскаго начальника, институтъ которыхъ только что вводился въ Самарской губерніи.

Какъ разъ въ это время, за уходомъ изъ земскихъ начальниковъ князя Юрія Сергѣевича Хованскаго, получившаго мѣсто Управляющаго Отдѣленіемъ Крестьянскаго Банка въ Симбирскѣ, въ Ставропольскомъ уѣздѣ освобождался одинъ участокъ, и Борисъ Михайловичъ Тургеневъ горячо убѣждалъ меня его взять, во всѣхъ отношеніяхъ его расхваливая. Зная мою любовь къ охотѣ и природѣ, онъ особенно подчеркивалъ красоту мѣстости и изобиліе въ ней всяческой дичи. Участокъ этотъ расположенъ былъ въ самой южной части уѣзда, около Царева Кургана, съ центральной резиденціей въ с. Новомъ Буянѣ.

Несмотря на всѣ уговоры, я отказался наотрѣзъ, сославшись на принятое мною рѣшеніе идти по намѣченному пути — профессуры и адвокатуры. Борисъ пришелъ отъ подобнаго отвѣта въ состояніе крайняго раздраженія... „Какъ? — воскликнулъ онъ — Наумову, да въ „аблокаты" идти? Да ты съ ума сошелъ!" и пр. Я былъ неумолимъ и Тургеневъ ушелъ отъ меня разстроенный и обозленный.

Подобное же, если не худшее, отношеніе я встрѣтилъ со стороны другихъ ставропольцевъ-дворянъ, такъ что, въ концѣ концовъ, былъ радъ уѣхать къ Ухтомскимъ въ с. Репьевку, отстоявшую отъ Симбирска въ 40 верстахъ. Выпалъ снѣгъ, установилась отличная „первопутка", и я заранѣе предвкушалъ любимую охоту по „порошѣ".

Студенческая моя жизнь въ Москвѣ, новый кругъ занятій и знакомыхъ, неиспытанныя ранѣе всевозможныя впечатлѣнія и переживанія — все это заслоняло прежнее, и лишь въ тѣ рѣдкіе случаи, когда бывало во время каникулъ наѣзжалъ я въ Репьевку и Нагаткинскіе края при встрѣчахъ съ Маней во мнѣ воскресало то прежнее чувство къ ней, которое ни къ кому другому я никогда не ощущалъ.

Такъ и теперь, скользя по пухлому снѣгу и ровному пути, я сталъ какъ-то особенно радостно думать о встрѣчѣ съ ней, мечтая съ нею подѣлиться по-старому.

Дорога отъ Симбирска до Репьевки быстро промелькнула и вскорѣ произошла наша радостная встрѣча съ братьями Ухтомскими, съ которыми тоже приходилось рѣдко встрѣчаться за послѣдніе годы, за исключеніемъ, конечно, князя Александра, съ которымъ мы были вмѣстѣ въ Университетѣ.

По пріѣздѣ моемъ къ Ухтомскимъ, я засталъ у нихъ большое общество молодежи. По вечерамъ музицировали, слушали чудные голоса княгини Ухтомской и мѣстнаго врача Н. В. Глядкова, весело и охотно играли въ винтъ и пр. Днемъ, пользуясь установившейся чудной зимней погодой и первопуткой, большой компаніей, мы обычно отъѣзжали въ Свіяжныя мѣста на охоту съ загонщиками и гончими, кто съ ружьями, другіе съ борзыми... Естественнымъ охотничьимъ приваломъ былъ небольшой, но уютный домъ-хуторъ князя Михаила Ухтомскаго, гдѣ насъ встрѣчала съ обычной своей веселостью и радушіемъ столь любившая общество и скучавшая въ своемъ деревенскомъ одиночествѣ его жена — княгиня Клавдія.

Первая моя поѣздка изъ Репьевки, совмѣстно съ Ухтомскими, была въ Нагаткино къ Бѣляковымъ, гдѣ въ то время они жили всей своей семьей. Гостила у нихъ одна изъ моихъ любимыхъ тетушекъ, какъ порохъ вспыльчивая, но сердечная и добрѣйшая Леонила Афанасьевна Ратаева, родная сестра покойнаго Ѳеодора Афанасьевича Бѣлякова.

Встрѣча моя съ Маней была для меня огромной радостью, но, какъ это обыкновенно случается, ничего, о чемъ

мечталось мнѣ въ дорогѣ, почти другъ другу сказано не было. Ограничились обычными привѣтственными фразами и малоинтересными разговорами, прошлись по усадьбѣ, заходили на конный заводъ и разстались, условившись вскорѣ встрѣтиться у Ухтомскихъ.

Хуже всего было для меня то, когда меня спрашивали, гдѣ и какъ я собираюсь служить. Въ Москвѣ моя житейская дѣловая программа казалась мнѣ естественной и достойной, здѣсь же, въ Симбирскѣ, она возбуждала у всѣхъ моихъ родныхъ чувство изумленія и всеобщаго порицанія... То же случилось и въ Нагаткинѣ, когда на вопросы, заданные мнѣ обѣими моими тетушками М. И. Бѣляковой и Л. А. Ратаевой, что я буду дѣлать, обѣ пришли въ неописуемую ярость, услыхавъ отъ Саши Наумова, что онъ собирается быть адвокатомъ... Одна лишь Маня — помнится мнѣ — на это ничего не сказала и что-то про себя видимо думала...

Потомъ, спустя недѣлю, мнѣніе ея я узналъ и оно меня побѣдило, направивъ намѣченное дѣловое творчество на благо того же родного народа, но по совершенно новому пути, оказавшемуся для меня съ начала и до конца полнымъ интереса, успѣха и счастья во всѣхъ отношеніяхъ, вплоть до сложившейся потомъ моей личной семейной жизни.

Случилось это событіе 22 ноября 1892 года. Съ утра этого дня съѣхалось въ Китовку на охоту много гостей. Подъѣхала изъ Нагаткина и Маня Бѣлякова со своими знакомыми — супругами Глядковыми. Погода стояла отличная и охота оказалась удачной. По окончаніи ея, къ 4 ч. пополудни къ крыльцу Китовской усадьбы стали подъѣзжать одна тройка за другой. Небольшія, но уютныя комнаты деревенскаго дома князя Михаила Ухтомскаго быстро заполнились оживленной толпой проголодавшихся гостей. Простой вкусный обѣдъ со всякими предварительными закусками и доморощенными винами — все это дополнило веселое довольство съѣхавшихся... Никто не торопился покидать гостепріимный домъ... Наступала великолѣпная тихая зимняя ночь, ждали восхода полной луны для разъѣзда... Упросили Н. В. Глядкова спѣть. Все замолкло при первыхъ же бархатныхъ нотахъ его чуднаго мощнаго баритона... Высокій, красивый статный брюнетъ съ лицомъ русскаго витязя запѣлъ: „У вратъ обители святой"... Очарованное общество долго его не отпускало, безъ конца прося его продолжать, но, наконецъ, хозяйка сжалилась надъ нимъ, и къ общему восторгу, сама запѣла своимъ удивительнымъ сопрано рѣдкой мощи и красоты... Потомъ послышались дуэты, перешли затѣмъ на общій хоръ...

Всѣ столпились въ залѣ и столовой. Одни лишь мы съ Маней, незамѣтно для самихъ себя, очутились въ маленькой гостиной за раскрытымъ карточнымъ столомъ, приготовленнымъ для игры въ винтъ, но забытымъ, благодаря начавшемуся импровизированному концерту.

И вотъ, подъ аккомпаниментъ пѣнія, возникъ у насъ съ Маней давно желанный мною разговоръ обо всемъ за время нашей разлуки пережитомъ и передуманномъ мною въ Москвѣ. Никому другому, а именно ей, моей прежней любимой подругѣ дѣтства и юности, хотѣлось пересказать всѣ мои мечты и планы о будущемъ и подробно объяснить мотивы моихъ рѣшеній и предположеній.

Маня меня слушала, не перебивая, а потомъ стала что-то чертить мѣлкомъ передъ собой на зеленомъ сукнѣ ломбернаго столика. Сначала я не обращалъ на это вниманія, продолжая торопиться высказать все накопившееся во мнѣ. Говорилъ я о томъ, какъ я стремился всего себя отдать на пользу ближнему, какъ русскій простой народъ нуждался въ нашей помощи, и почему я хочу идти въ его совѣтники и защитники.. Дальше я не говорилъ... дальше было не до словъ — глаза мои явственно различили начертанныя Маней слова: „Я тебя ждала", а подъ этой фразой: „я т... л...".

Замолкнувъ, я на нее взглянулъ и сердце подсказало весь радостный смыслъ, скрытый подъ этими иниціалами. Невольно прильнувъ къ ея рукѣ, я почувствовалъ ея торопливый поцѣлуй въ голову... Въ это время къ намъ въ комнату стали входить. Быстрымъ движеніемъ руки Маня стерла написанное, незамѣтно сняла висѣвшій на ея браслетѣ брелокъ въ видѣ пчелки и передала мнѣ, сказавъ: „Возьми на счастье"...

Все остальное время пребыванія моего въ Китовкѣ, охваченный избыткомъ безудержнаго счастья, я провелъ въ безпредѣльно-радостномъ настроеніи, ни на одно мгновенье стараясь не упускать изъ виду дорогое для меня существо, съ которымъ, къ общей нашей досадѣ, мнѣ не пришлось болѣе быть наединѣ.

Но время шло... Гости собрались разъѣзжаться... Луна взошла и, какъ сказочно-мощный электрическій фонарь, освѣщала свѣжій снѣжный покровъ россійскаго деревенскаго простора. Начались взаимныя прощанья, слышались веселыя пожеланія, шумъ, хохотъ...

Одѣвшись въ сѣрый полушубокъ, съ каракулевой шапкой на головѣ, я сталъ помогать то тѣмъ, то другимъ усаживаться въ широкія сани. Въ Китовку я пріѣхалъ съ Александромъ Ухтомскимъ на его тройкѣ и разсчитывалъ съ нимъ же вернуться обратно.

Но вотъ, къ крыльцу безъ бубенцовъ, но на могучемъ ходу кровныхъ „Орловскихъ" красавцевъ, подкатываетъ вороная тройка... Лихой кучеръ мастерски осаживаетъ послушныхъ ему лошадей. Не успѣли конюха раскрыть мѣховую полость, какъ одѣтая въ полушубкѣ и сѣрой каракулевой шапочкѣ Маня Бѣлякова быстро впрыгнула въ поданныя сани и, вскинувъ на меня своими горящими карими глазами, быстро и тихо промолвила: „Саша, садись!" — Броситься къ ней въ сани было дѣломъ одной секунды... Раздался затѣмъ властный приказъ барышни: „Пошелъ!" и застоявшіеся рысаки понесли насъ плавной рысью въ бѣлесоватую по-

левую даль сказочно освѣщенную полной луной, единственной свидѣтельницей нашего, тогда беззавѣтнаго, молодого счастья... И вотъ — въ эту нашу съ Маней совмѣстную поѣздку отъ Китовки до Репьевки, въ эту дивную лунную зимнюю ночь рѣшилась вся моя дальнѣйшая участь, судьба всей моей будущей жизни и дѣловой карьеры... На то видно была воля Божья.

Прижавшись близко другъ къ другу и закрывшись почти съ головой огромной мѣховой полостью, мы успѣли обо многомъ наговориться, а главное остановиться на одномъ основномъ рѣшении — поженившись, поселиться въ деревнѣ. Въ этомъ отношенiи Маня была неумолима, доказывая мнѣ, что пользу, которую я хочу принести простому народу, возможно наиболѣе полно осуществить именно, живя въ деревнѣ, среди самого населенiя.

Узнавъ, что Борисъ Тургеневъ предлагалъ мнѣ должность земскаго начальника, она посовѣтовала мнѣ воспользоваться этимъ и немедленно принять такое назначенiе. „Благословись и рѣшай, а тамъ и заживемъ счастливо!" Съ этими напутственными словами разсталась со мной моя новонареченная невѣста у подъѣзда Репьевскаго флигеля, сама торопясь къ себѣ домой въ Нагаткино — былъ поздній часъ...

Вошелъ я къ себѣ, и, не зажигая свѣта, сѣлъ къ окну, да такъ и оставался до утра въ какомъ-то невольномъ оцѣпенѣнiи, чувствуя всѣмъ своимъ юнымъ существомъ, что произошло со мной что-то небывалое, неожиданно-серьезное. Было на душѣ у меня тогда и радостно, и страшно...

Думала ли, предполагала ли ты, дорогая Маня, тогда, въ ту чудную ночную нашу поѣздку, что возымѣвъ силу надо мной, ты принесла мнѣ столько добра и счастья, направивъ своимъ любовнымъ совѣтомъ всю мою послѣдующую жизнь на дѣйствительно вѣрный путь служенiя русскому народу и на устроенiе моего семейнаго счастья?!...

Противъ нашего съ Маней желанiя, „жениховство" наше, какъ-то само собой, сдѣлалось достоянiемъ окружавшей насъ близкой родственной среды... Я поспѣшилъ вернуться въ Головкино къ отцу съ намѣренiемъ съ нимъ обо всемъ переговорить и просить его благословенiя. Мама была въ то время въ Москвѣ — ей я написалъ соотвѣтствующее письмо.

Отецъ отнесся къ моей женитьбѣ одобрительно, особенно, когда узналъ мое перерѣшенiе относительно устройства будущей моей жизни и службы. Переѣздъ мой изъ столицы въ земскiе начальники нашего родного Ставропольскаго уѣзда по близости къ нему былъ, видимо, ему очень по душѣ, главнымъ образомъ по тѣмъ соображенiямъ, что тогда и мама вернулась бы на жительство къ нему въ Головкино и стала бы раздѣлять его одиночество.

Рѣшено было вмѣстѣ ѣхать къ Бѣляковымъ въ Нагаткино для переговоровъ болѣе оффицiальнаго характера съ тетей Марьей Ивановной, у которой я долженъ былъ также просить согласiя и благословенiя на бракъ съ Маней. Все это произошло въ началѣ декабря того же 1892 года.

Проѣздомъ изъ Головкина въ Нагаткино, въ Симбирскѣ я вторично встрѣтился съ Борисомъ Тургеневымъ, и въ этотъ разъ, къ немалому его изумленiю и видимой радости, я ему заявилъ, что я передумалъ и рѣшилъ послѣдовать его совѣту — идти въ свой уѣздъ въ земскiе начальники на освободившуюся вакансiю. Борисъ меня крѣпко обнялъ, и помню, какъ бывшiе тогда въ Троицкой гостинницѣ нѣкоторые ставропольцы удивительно тепло и дружески привѣтствовали мое согласiе вернуться въ ихъ среду для совмѣстной земской работы. Меня это въ сильной степени тронуло, подбодрило, и оба довольные — отецъ и я — продолжили свой путь къ Бѣляковымъ, предварительно совмѣстно съ Тургеневымъ оформивъ все необходимое для подачи прошенiя Самарскому Губернатору. Жребiй былъ брошенъ!

6 декабря въ Бѣляковской семьѣ въ Нагаткинѣ праздновался Николинъ день: старшiй братъ Мани - Николай Ѳеодоровичъ справлялъ свои именины. Въ этотъ день былъ разговоръ родителей между собой. Все шло благополучно, лишь тетушка Леонила Афанасьевна затащила меня въ свою комнату, вытаращила на меня свои черные, круглые глаза и грозно спросила: „Александръ, да ты понимаешь ли, что такое женитьба? Имѣй въ виду, что это очень серьезное дѣло. Вѣдь это на всю жизнь рѣшенiе! Тебѣ еле минуло 24 года! Отдаешь ли ты себѣ въ этомъ отчетъ и любишь ли ты Маню настолько, чтобы быть ей достойнымъ мужемъ? Все это вышло у васъ такъ внезапно и неожиданно, что я боюсь за васъ обоихъ, хотя обоихъ и люблю!"

Съ этими словами она меня обняла, прослезилась и, не дождавшись моего отвѣта, шумно вышла изъ комнаты, сама не сознавая, какое чувство заронила въ моемъ мозгу и сердцѣ своими жуткими вопросами. Искренно любившая насъ обоихъ, тетя Леля, сама того не желая, посѣяла въ тотъ краткiй со мной разговоръ сѣмена, которыя потомъ разрослись въ роковыя для меня сомнѣнiя. Но тогда, въ круговоротѣ и туманѣ внезапно охватившихъ меня событiй, отъ нихъ я отмахнулся, догналъ тетушку, нагнулся къ уху и прошепталъ: „Люблю я Маню безъ ума!" Она же лишь пригрозила мнѣ пальцемъ и наставительно промолвила: „Ну, смотри!"

Семейнымъ совѣтомъ рѣшено было, пока я отъ мамы ничего не получу или съ ней не свижусь (я долженъ былъ вскорѣ возвращаться въ Москву на службу), оффицiально о нашей помолвкѣ не объявлять.

За столомъ пили молча за наше здоровье, и тѣмъ дѣло кончилось.

На другой день утромъ мы съ отцомъ уѣхали — каждый во-свояси... Онъ опять вернулся въ свое Головкино, я же отправился въ Москву къ мамѣ и своимъ дѣламъ...

Чѣмъ дальше отъѣзжалъ я отъ Симбирска, тѣмъ больше начиналъ сознавать всю значительность случившихся со

мной событій, совершенно выбившихъ меня изъ колеи. Давно ли, думалось мнѣ въ моемъ дорожномъ одиночествѣ, и тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ Москвѣ — по тому же пути я слѣдовалъ изъ Бѣлокаменной, и могъ ли я предполагать, что черезъ какой-нибудь мѣсяцъ съ небольшимъ возвращусь обратно женихомъ, да еще будущимъ земскимъ начальникомъ. Послѣднее обстоятельство какъ-то стало укладываться все больше и больше въ моей головѣ: оно соотвѣтствовало всему моему сложившемуся дѣловому жизненному плану.

Въ отношеніи же моего неожиданнаго жениховства — изо-дня-на день разросталось во мнѣ чувство довольно сложнаго свойства: съ одной стороны, я сознавалъ себя несомненно счастливымъ, но съ этимъ рядомъ возникали у меня всевозможные сомнѣнія и страхи за будущее: до сихъ поръ о бракѣ своемъ я никогда не думалъ. Случилось наше съ Маней объясненіе въ памятный вечеръ 22 ноября столь внезапно, и оба мы такъ неудержимо поддались цѣликомъ охватившему насъ взаимному чувству, что хладнокровное, разсудочное отношеніе ко всему этому стало у меня появляться незамѣтно, но настойчиво, спустя лишь нѣкоторое время въ иной — прежней обстановкѣ.

Съ такими настроеніями вернулся я къ себѣ домой въ Москву, и первымъ долгомъ обо всемъ подробно повѣдалъ своей родимой. Мама отнеслась къ моему неожиданному жениховству и крутой перемѣнѣ всей предполагавшейся служебно-дѣловой карьеры нѣсколько иначе, чѣмъ отецъ.

Ничего не имѣя противъ брака моего съ Маней, которую она съ дѣтства хорошо знала и любила, мама въ очень деликатной формѣ намекала на мою молодость и высказывала свои опасенія, какъ бы ранняя женитьба не связала меня на первыхъ порахъ моей самостоятельной службы, искренно, вмѣстѣ съ тѣмъ, жалѣя о томъ, что я измѣнилъ первоначальному намѣченному мною жизненному плану и долженъ буду покинуть Москву.

Мама ближе, чѣмъ кто-либо была въ курсѣ всей моей личной жизни во времена моего студенчества, чутко воспринимая своимъ материнскимъ сердцемъ всѣ мои переживанія послѣднихъ двухъ лѣтъ. Ей, видимо, было больно за меня, что я, подававшій столько надеждъ на блестящую карьеру столичной адвокатуры (это было ея искреннее убѣжденіе), долженъ буду съ такихъ молодыхъ лѣтъ уйти въ деревенскую глушь и лишить себя сразу всего того, что давала мнѣ Москва. Вполнѣ понятно, что такое отношеніе мамы не могло остаться безъ нѣкотораго вліянія на мою психику и въ моей душѣ стала зарождаться реакція... Но начатое дѣло приходилось, такъ или иначе, завершать...

Тотчасъ по пріѣздѣ я заявилъ своему начальству — Прокурору Московской Судебной Палаты Н. В. Муравьеву, въ распоряженіе котораго я зачисленъ былъ кандидатомъ на

судебную должность, о своемъ намѣреніи перейти на службу земскаго начальника къ себѣ въ губернію.

Надо сказать, что должность эта въ то время Судебнымъ Вѣдомствомъ расцѣнивалась отрицательно, главнымъ образомъ по слѣдующимъ основаніямъ: прежде всего, по условіямъ замѣщенія таковой привилегированнымъ сословіемъ; затѣмъ — ввиду соединенія въ означенной должности функцій административныхъ и судебныхъ; и, наконецъ, въ силу крайней неопредѣленности самой ея компетенціи, предоставлявшей земскому начальнику почти неограниченный произволъ.

Къ моему удивленію, Муравьевъ отнесся къ моему рѣшенію чрезвычайно одобрительно. — „Это будетъ для Васъ основательной академіей" — сказалъ онъ мнѣ на прощанье. Впослѣдствіи слова эти мнѣ не разъ вспоминались.

Бумаги были взяты и отправлены съ соотвѣтствующимъ прошеніемъ по принадлежности — Самарскому Губернатору А. С. Брянчанинову. Итакъ, съ этимъ дѣломъ было покончено. Вскорѣ намъ пришлось принимать у себя проѣзжавшаго черезъ Москву Брянчанинова, который сообщилъ, что дѣлу данъ ходъ и, вѣроятно, черезъ мѣсяцъ состоится мое назначеніе.

Друзья и знакомые, прослышавъ о моемъ скоромъ отъѣздѣ на службу въ провинцію, стали устраивать мнѣ одни проводы за другими, да и самъ я спѣшилъ по-хорошему съ милой своей Москвой попрощаться. Усиленно посѣщалъ я напослѣдокъ свои любимыя оперы, драмы, не прочь былъ съ добрыми друзьями скромно наѣзжать на лихихъ „Емельяновскихъ" лошадяхъ по санному пути къ Яру, въ Стрѣльну, и чаще всего, — въ любимое наше Всесвятское, гдѣ въ то время пѣвалъ извѣстный цыганскій „Рыбинскій" хоръ Глафиры Лебедевой, питавшей къ Сашѣ Ухтомскому и ко мнѣ особую слабость по памяти къ дѣду нашему князю Николаю Васильевичу.

Передъ разлукой я сталъ брать отъ милой Москвы все, что было можно, и день за днемъ у меня проходилъ въ веселомъ сообществѣ многочисленныхъ моихъ знакомыхъ.

Не стану повторяться и вновь говорить о красотѣ и барской широтѣ московскихъ баловъ, но не могу обойти молчаніемъ заключительный Веригинскій раутъ, на которомъ, волею судебъ, мнѣ пришлось въ послѣдній разъ въ Москвѣ выступить въ роли царевича Θеодора въ трилогіи гр. А. К. Толстого „Царь Борисъ".

Надежда Александровна Веригина по личнымъ связямъ и по огромнымъ своимъ средствамъ принадлежала къ той категоріи энергичныхъ и умныхъ женщинъ „свѣта", которыя легко и умѣючи могли объединять у себя все лучшее изъ столичнаго общества. Некрасивая лицомъ, но удивительно статная, съ безукоризненной фигурой, интересная и радушная Надежда Александровна владѣла на Поварской прекраснымъ особнякомъ — съ виду невзрачнымъ, но внутри

богато и со вкусомъ истаго аристократизма отдѣланнымъ, въ которомъ она не часто, но зато съ такимъ выдающимся умѣньемъ устраивала свои пріемы, рауты, балы и пр., что заставляла надолго говорить „всю Москву".

Въ описываемое мною время пришла ей мысль въ „бѣлокаменной столицѣ" организовать у себя то, что имѣло исключительный успѣхъ въ Петербургѣ не только въ высшихъ столичныхъ сферахъ, но и въ самой Августѣйшей средѣ. Надежда Александровна надумала у себя на дому устроить любительскій спектакль и поставить нѣсколько сценъ изъ трилогіи А. Толстого: „Царь Борисъ", тѣхъ самыхъ, которыя въ предшествовавшемъ 1892 году въ Петербургскомъ Эрмитажѣ были исполнены въ присутствіи всей Царской Семьи и при участіи нѣкоторыхъ Августѣйшихъ Особъ.

О семъ „дерзкомъ" намѣреніи Веригиной заговорила старушка-Москва на разные лады, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ участниковъ Эрмитажнаго представленія — Великій Князь Сергій Александровичъ, исполнявшій роль Царевича Ѳеодора былъ незадолго передъ тѣмъ назначенъ въ Москву Генералъ-Губернаторомъ.

Режиссерская часть была поручена извѣстному артисту Императорскаго Малаго Театра Осипу Андреевичу Правдину. Среди другихъ приглашенныхъ для участія въ Веригинскомъ спектаклѣ оказался и я, причемъ мнѣ было предложено исполненіе роли царевича Ѳеодора. „Сестру мою" — царевну Ксенію должна была играть племянница Веригиной — очаровательная 18-тилѣтняя Софья Александровна Арапова. Роль самого Царя Бориса взялъ на себя князь Сергѣй Ивановичъ Урусовъ. Семена Годунова — Александръ Борисовичъ Нейдгартъ, Доктора — Александръ Павловичъ Тучковъ, Инокиню Марфу — М. А. Воейкова и др.

Какъ режиссеръ, Осипъ Андреевичъ Правдинъ былъ необычайно требователенъ и настойчивъ; въ особенности мучилъ онъ бѣдную Арапову въ ея заключительной сценѣ, когда она, узнавъ о смерти своего жениха, падаетъ ко мнѣ на руки въ обморокъ... Несчетное количество разъ приходилось мнѣ поддерживать сначала несмѣло, а затѣмъ довѣрчиво падавшую мнѣ на руки прелестную свою „сестру", которой удивительно шелъ ея великолѣпный царственный русскій нарядъ! Благодаря любезности Надежды Александровны Веригиной, въ соотвѣтствіи съ костюмомъ Царевны, былъ сшитъ и для меня богатый парчевый нарядъ Царевича.

Сцена была оборудована въ кабинетѣ мужа Веригиной. Это была удлиненной формы комната, роскошно отдѣланная моренымъ дубомъ въ средневѣковомъ стилѣ. Часть кабинета была приспособлена подъ небольшую сцену и заключена въ особую раму, устроенную въ полномъ соотвѣтствіи со всей остальной обстановкой кабинета.

Все носило характеръ вдумчиваго и тонкаго художественнаго вкуса — всѣ костюмы, декораціи, вплоть до грима, подвергались строгой оцѣнкѣ, а исполненіе таковыхъ было ввѣрено лучшимъ мастерамъ. Надежда Александровна ни передъ чѣмъ не останавливалась для достиженія успѣха. Я уже не говорю о ея миломъ радушіи и обычномъ ея гостепріимствѣ, превратившемъ всѣ наши многочисленныя репетиціи въ сплошное удовольствіе и веселье, несмотря на строгаго взыскательнаго режиссера.

Наконецъ все было кончено, и спектакль долженъ былъ дважды пройти — вечеромъ 6-го февраля и вторично — на слѣдующій день 7-го, послѣ намѣченнаго завершительнаго folle journée, которое приходилось на „прощеное" воскресенье въ концѣ масляной недѣли. На первое представленіе приглашены были: Августѣйшая Чета — Е. И. В. Великій Князь Сергій Александровичъ и Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна съ ихъ свитой и тѣмъ немногочисленнымъ обществомъ высшей московской аристократіи, которому приличествовало быть на парадномъ спектаклѣ въ присутствіи Высокихъ Особъ. На послѣдующемъ повторномъ представленіи была остальная „вся" „своя" Москва.

Спектакль прошелъ во всѣхъ отношеніяхъ блестяще. „Дерзкая" мысль въ Москвѣ изобразить то, о чемъ въ свое время говорилъ весь придворный Петербургъ, удалась Надеждѣ Александровнѣ Веригиной въ совершенствѣ. Великій Князь Сергій Александровичъ былъ очарованъ безукоризненной художественностью всей постановки классической пьесы, участникомъ которой онъ самъ былъ годъ тому назадъ въ Эрмитажѣ. Ему былъ представленъ и имъ обласканъ артистъ О. А. Правдинъ.

Лично со мной послѣ перваго представленія произошелъ слѣдующій совершенно неожиданный для меня эпизодъ: не успѣлъ я снять съ себя парикъ и гримъ съ лица, какъ въ мою уборную входитъ Великій Князь въ сопровожденіи Правдина, который меня тотчасъ же ему представилъ. Протягивая мнѣ свою руку, Его Высочество сказалъ: „Благодарю за доставленное мнѣ удовольствіе. Вы мнѣ напомнили мое собственное недавнее пріятное прошлое, и долженъ сказать откровенно, что Вы исполнили роль Царевича превосходно!"... Я такъ растерялся неожиданностью прихода ко мнѣ столь высокаго гостя и высказанными имъ по моему адресу комплиментами, что сумѣлъ лишь низко поклониться, ничего Великому Князю не отвѣтивъ.

Въ оба вечера послѣ спектакля, по желанію Веригиной, нѣкоторыя участвовавшія лица оставались въ своихъ театральныхъ костюмахъ, между прочими, и мы съ очаровательной Араповой продолжали красоваться въ нашихъ нарядныхъ парчевыхъ русскихъ одѣяніяхъ и, сидя вмѣстѣ на парадномъ ужинѣ, привлекали на себя всеобщее вниманіе.

До сихъ поръ остался у меня на памяти характерный для свѣтской, но искренней и милой Софьи Александровны Араповой вопросъ, тихо обращенный ко мнѣ въ то время, когда мы съ ней рядомъ сидѣли за стариннымъ серебромъ и золотомъ убраннымъ столомъ: „Привѣтствую отъ души Вашъ

успѣхъ — сказала мнѣ „Царевна" — „вниманіе къ Вамъ Великаго Князя извѣстно всѣмъ... Скажите! неужели послѣ всего этого Вы все-таки оставите насъ, бросите Москву и уѣдете Богъ знаетъ куда, въ какую-то Вашу самарскую глушь, на вратахъ которой навѣрное изображены страшные слова: „Lasciate ogni speranza, voi chéntrate?!..." На эту тему милая Софья Александровна продолжала говорить мягко, но съ тѣмъ же настойчивымъ укоромъ и въ послѣдующій день нашего совмѣстнаго съ ней пребыванія на folle journée у той же радушной Веригиной, завершившимся столь же удачнымъ повторнымъ спектаклемъ и столь же великолѣпнымъ ужиномъ, на которомъ мы съ ней тоже сидѣли вмѣстѣ въ нарядныхъ нашихъ костюмахъ.

Веселье этого памятнаго для меня воскресенья — 7 февраля 1893 г. было таково, что оно по справедливости могло быть названо „безумнымъ днемъ", а само воскресенье, приходившееся на масленницу передъ Великимъ постомъ, оказалось для меня скорѣе„прощальнымъ", чѣмъ „прощенымъ", ибо, скрѣпя сердце, приходилось надолго разставаться съ радушной, близкой мнѣ Москвой и отправляться въ ту глухую неизвѣстность, о которой „Царевна Ксенія" такъ много страшнаго старалась мнѣ наговаривать....

Дѣло прошлое! Нелегко все это было мнѣ въ то время переносить, чувствовалъ я, что и мама раздѣляла мнѣніе московскаго общества и была склонна удержать меня въ привычной для нея московской обстановкѣ. Борьба во мнѣ шла не малая, но побѣдилъ, въ концѣ концовъ, голосъ сознаннаго долга.

Простившись 7 февраля 1893 г. съ шумной, баловавшей меня своимъ вниманіемъ Москвой, я снялъ надолго бальный фракъ и свой парчевый кафтанъ Царевича, замѣнивъ на многіе годы русскимъ полушубкомъ и помѣщичьей поддевкой... до той поры, когда затѣйницѣ-судьбѣ не пришло въ голову, спустя десятокъ съ небольшимъ лѣтъ, одѣть меня-деревеньщину въ золотой придворный мундиръ...

Выѣхалъ я въ Самару 10 того же февраля въ свой уѣздъ, на новую служебно-дѣловую жизнь, подсказанную въ памятный вечеръ 22 ноября любовнымъ совѣтомъ дорогого моего друга дѣтства — Мани Бѣляковой. Что же касается нашихъ личныхъ съ ней, установившихся съ того же вечера 22 ноября, взаимныхъ отношеній — жениха и невѣсты, — то для выясненія ихъ я вынужденъ буду вернуться въ своихъ воспоминаніяхъ къ періоду, нѣсколько предшествовавшему моему отъѣзду изъ Москвы въ Самару.

Какъ я ранѣе имѣлъ случай отмѣтить, то состояніе моего жениховства, съ которымъ я пріѣхалъ въ Москву послѣ разлуки нашей съ Маней, нельзя было назвать только радостнымъ: на ряду съ испытываемымъ счастьемъ, я мало-по-малу сталъ поддаваться возникавшимъ въ моей головѣ сомнѣніямъ. И, чѣмъ дольше я жилъ въ своей прежней московской обстановкѣ, чѣмъ чаще и ближе вращался въ средѣ своихъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, тѣмъ сильнѣе сомнѣнія эти росли во мнѣ и углублялись...

Въ концѣ концовъ, передо мной вставалъ во всей своей остротѣ вопросъ, имѣлъ ли я право считаться женихомъ, чувствуя, что чары юной, свободной, холостой жизни для меня еще не совсѣмъ прошли?!

Мы съ Маней вели переписку. Дѣвушка она была умная и чуткая. Чувства мои къ ней оставались тѣми же, какъ и ранѣе; писалъ я ей все откровенно, иначе по отношеніи къ ней я не могъ и не умѣлъ поступать... Наличность возникавшихъ у меня колебаній, очевидно, до извѣстной степени, начинала сказываться въ тонѣ и самомъ содержаніи моихъ писемъ.

Въ то время по рукамъ ходило появившееся новое произведеніе Льва Толстого — „Крейцерова Соната". Находясь подъ впечатлѣніемъ только-что прочитанной повѣсти, я написалъ Манѣ письмо, полное своихъ по поводу нея размышленій и выводовъ. На это я получилъ отъ нея отвѣтъ, содержаніе котораго заставило меня, серьезнѣе, чѣмъ когда либо, задуматься надъ создавшимся положеніемъ.

Въ моей критикѣ Толстовскаго произведенія Маня усмотрѣла нѣкоторое сопоставленіе съ моей стороны того, что у насъ съ ней произошло въ памятный китовскій вечеръ 22 ноября. Въ концѣ письма она меня спросила — такъ ли это? И, если это такъ, то не лучше ли намъ обоимъ во время одуматься?! Отвѣчать на это Манѣ поспѣшно, сгоряча, хорошенько не продумавъ, я не могъ.

День шелъ за днемъ, голова горѣла отъ непривычныхъ для меня житейскихъ размышленій и всяческихъ сомнѣній, а въ частыхъ бесѣдахъ съ мамой прямого отвѣта я не находилъ. Словомъ, мучился я не мало...

Помнится мнѣ день (въ половинѣ января 1893 г.), особенно для меня тягостный, когда я, наконецъ, рѣшился высказать Манѣ все то, что лежало у меня на сердцѣ, предоставивъ дальнѣйшую нашу судьбу на ея рѣшеніе. Прежде, чѣмъ изложить ей это все въ письмѣ, я рѣшилъ пройтись и еще разъ предварительно обдумать его содержаніе...

Спустившись по Воздвиженкѣ, пройдя Боровицкія ворота, весь поглощенный своими мыслями, я неожиданно для самого себя очутился передъ старенькой, небольшой церковкой, пристроенной къ одной изъ кремлевскихъ крѣпостныхъ башенъ, передъ которой стояла кучка бѣднаго люда, истово молившагося на большую икону, написанную на одной изъ стѣнъ самаго входа. Оказывается, вмѣсто того, чтобы изъ Боровицкихъ воротъ идти обычнымъ, верхнимъ путемъ, ведущимъ мимо Кремлевскаго Дворца къ Спасскимъ воротамъ, я незамѣтно для самого себя, прошелъ изъ Боровицкихъ воротъ нижней дорожкой, ведущей прямо къ церкви „Благовѣщенія, что на Житномъ Дворѣ", въ которой обрѣталась, чтимая въ Москвѣ и во всей Россіи, чудотворная икона „Божьей Матери Нечаянной Радости", копія которой изображена на стѣнѣ входныхъ церковныхъ сѣней.

Опомнившись и разспросивъ, что это за церковь, передъ которой я такъ неожиданно впервые въ своей жизни очутился, я вошелъ въ нее и прослушалъ общій молебенъ передъ чудотворной иконой... Давно я такъ искренно и горячо не молился... Моя просьба была одна — чтобы Господь помогъ, такъ или иначе, разрѣшить мои сомнѣнія...

Вмѣстѣ съ толпой подошелъ я къ небольшой древней, потемнѣвшей отъ времени чудотворной иконѣ и, прикладываясь къ ней, я какъ бы всего себя отдавалъ волѣ Божіей... Не забуду только одного — выйдя изъ церкви, я чувствовалъ полное душевное облегченіе и необычайно бодрое настроеніе.

Я пошелъ быстрыми шагами домой, гдѣ меня встрѣчаетъ мама и передаетъ мнѣ письмо съ хорошо знакомымъ почеркомъ. Содержаніе его положило конецъ всѣмъ моимъ сомнѣніямъ и всяческимъ опасеніямъ за будущее.

Не дождавшись отъ меня отвѣта на тревожившіе и ее тѣ же вопросы, Маня, въ сердечно-дружескомъ тонѣ, сама взяла на себя иниціативу въ своемъ письмѣ возстановить наши прежнія лишь любовно-братскія отношенія, освободивъ себя и меня отъ послѣдствій, возникшихъ подъ вліяніемъ временнаго остраго нашего взаимнаго увлеченія. Умная, чуткая и правдивая, Маня — вся сказалась въ этомъ послѣднемъ, полученномъ отъ нея письмѣ...

Этимъ закончилось наше кратковременное жениховство, оставившее, однако, рѣшительный и, какъ оказалось впослѣдствіи, благотворный слѣдъ на всю мою дальнѣйшую и дѣловую, и личную жизнь. Маня сама отошла отъ меня, но успѣла направить меня такъ, какъ хотѣла, — именно на службу въ деревню, въ непосредственной близости къ тому населенію, которое такъ нуждалось въ добромъ совѣтѣ и честной защитѣ...

Помимо этого, въ той же деревнѣ, куда я попалъ опять-таки благодаря Манѣ, я нашелъ ту подругу всей послѣдующей моей жизни, которая всегда и вездѣ давала мнѣ всю полноту истиннаго семейнаго счастья.

Вотъ уже 30 лѣтъ, какъ я женатъ, и память о Манѣ, насъ съ женой невольно соединившей, въ нашихъ сердцахъ и помыслахъ неизмѣнно остается священной. Мы ее чтимъ, часто вспоминаемъ и молимся за ея упокой...

Скажу нѣсколько словъ о судьбѣ незабвенной Мани. Приблизительно черезъ годъ послѣ всего мною описаннаго она вышла замужъ за богатаго симбирскаго помѣщика Бориса Нечаева, обычно проживавшаго заграницей или въ Петербургѣ... Зная характеръ и склонности Мани, для меня этотъ бракъ до сихъ поръ совершенно необъяснимъ. Нечаевъ пользовался неважной репутаціей и ненавидѣлъ деревню: въ результатѣ Маня вынуждена была проживать на заграничныхъ курортахъ, наряжаться въ парижскіе туалеты и вести свѣтскую жизнь. По тѣмъ или другимъ причинамъ, она стала быстро хирѣть и гаснуть...

Послѣ памятнаго для меня 1892 года мы съ Маней встрѣтились лишь дважды — въ первый разъ, спустя года четыре, я ее случайно видѣлъ въ Симбирскѣ, въ домѣ Ухтомскихъ... Измѣнилась бѣдная Маня до неузнаваемости — похудѣла и рѣзко состарилась. Другъ другу мы ничего, кромѣ привѣтствія, не успѣли сказать — она торопилась садиться въ коляску, чтобы ѣхать къ матери, въ Нагаткино...

При послѣдней встрѣчѣ я былъ лишенъ возможности ее видѣть — Маня лежала въ забитомъ гробу... Еще въ цвѣтущихъ годахъ скончалась она за границей, и прахъ ея былъ привезенъ въ Симбирскъ для погребенія въ фамильномъ Бѣляковскомъ склепѣ въ мужскомъ монастырѣ. Господь привелъ меня совершенно случайно попасть въ Симбирскъ въ день ея похоронъ, благодаря чему удалось отдать послѣдній долгъ дорогому для меня существу, сыгравшему въ моей жизни исключительную роль.

Нерѣдко заходилъ я къ ней потомъ на могилку и вспоминалъ около нея все мое далекое дѣтство, веселую, беззаботную юность и все то доброе и значительное, что она, сама того не вѣдая, сдѣлала для всегда любившаго ее „Саши Наумова".

Миръ праху твоему, дорогая незабвенная моя Маня, памятую о тебѣ всегда и буду помнить до конца своихъ дней — спи спокойно! Господь съ тобой!

Съ того чудеснаго совпаденія — неожиданнаго обрѣтенія мною иконы „Божіей Матери Нечаянной Радости" и полученія въ тотъ же день памятнаго для меня „разрѣшительнаго" письма Мани Бѣляковой — во всей моей дальнѣйшей жизни я всегда молитвенно обращался къ этой чудотворной иконѣ, явившейся для меня той святыней, безъ которой я никакого дѣла не начиналъ, и передъ которой молился при всѣхъ случаяхъ заѣздовъ моихъ въ Москву. Въ горячихъ молитвахъ передъ Божьей Матерью Нечаянной Радости я черпалъ тѣ нужныя мнѣ силы, благодаря которымъ приходилось и удавалось преодолѣвать многія трудности и испытанія въ моей сложной жизни, полной всяческихъ неожиданностей и превратностей.

До сихъ поръ я не разстаюсь съ той небольшой иконкой той же „Божіей Матери Нечаянной Радости", которой незабвенная моя мама въ 1893 году благословила меня, напутствуя въ Самару на новую для меня дѣловую и личную жизнь.

Такъ же неразлучно при мнѣ находится складень, который былъ мнѣ поднесенъ дворянами Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи при назначеніи моемъ въ 1915 году Министромъ. Земляки мои пожелали благословить меня на предстоявшую мнѣ трудную и отвѣтственную работу святыней, особо мной почитаемой. Именно поэтому центральное мѣсто въ складнѣ занимаетъ изображеніе опять-таки „Божьей Матери Нечаянной Радости" при боковыхъ иконкахъ съ ликами св. Александра Невскаго и Анны Пророчицы.

Передавая мнѣ этотъ складень, ставропольцы выразили надежду, что онъ будетъ неразрывно сопутствовать мнѣ во

всей дальнѣйшей моей жизни, напоминая о тѣхъ чувствахъ незмѣнной любви и уваженія, которую они всѣ питали къ ихъ бывшему уѣздному и губернскому предводителю. Я имъ это обѣщалъ и слово свое сдержалъ до сего времени, несмотря на всѣ встрѣченныя на моемъ житейскомъ пути превратности судьбы со всѣми пережитыми революціонными и эвакуаціонными лихолѣтіями. Ежедневно я вижу передъ собой это цѣннѣйшее для меня благословеніе родныхъ и близкихъ мнѣ лицъ, молюсь передъ нимъ, и мысленно переношусь на свою далекую родину, ко всему дорогому прошлому, нынѣ стихійно замятому и загрязненному большевистскимъ кроваво-краснымъ произволомъ.

ЧАСТЬ III

ЗЕМСКОЕ НАЧАЛЬНИЧЕСТВО. СТАВРОПОЛЬ. НОВЫЙ БУЯНЪ. СЕМЬЯ УШКОВЫХЪ. САМАРСКОЕ ОБЩЕСТВО.

20

10 февраля 1893 года, помолясь и со всѣми простившись, сѣлъ я въ вагонъ и выѣхалъ изъ Москвы къ мѣсту своего служенія....

Самару я увидалъ впервые и нельзя сказать, чтобы городъ этотъ по внѣшнему своему виду мнѣ понравился. Первымъ въ Самарѣ я встрѣтилъ отца, только что пріѣхавшаго туда въ качествѣ губернскаго гласнаго на земское собраніе. Благодаря его связямъ и знакомствамъ я сразу же окунулся въ среду самарскихъ земцевъ и сталъ осваиваться съ совершенно доселѣ незнакомымъ, но сразу же заинтересовавшимъ меня земскимъ дѣломъ.

Конечно, не преминулъ я представиться своему новому начальнику А. С. Брянчанинову, отъ котораго получилъ указаніе возможно скорѣе отправиться въ свой уѣздный городъ Ставрополь для срочной подготовительной работы при уѣздномъ съѣздѣ. Оказывается, мое назначеніе исправляющимъ обязанности земскаго начальника только что состоялось * и я долженъ былъ спѣшить съ принятіемъ своего участка.

Ставрополя я тоже никогда не видалъ по той причинѣ, что имѣніе наше при с. Головкинѣ расположено было вблизи г. Симбирска, всего лишь въ сорока верстахъ отъ него, тогда какъ Ставрополь, въ уѣздѣ котораго Головкино числилось, находился отъ него въ 135 верстахъ, а Самара — на 90 верстъ еще того дальше.

Головкинское имѣніе лежало въ самой сѣверной части Самарской губерніи, соприкасаясь со стороны Волги съ Симбирской, а на сѣверной окраинѣ съ Казанской губерніями; естественно тяготѣніе къ ближайшему своему городскому центру

---

* Назначался я исправляющимъ обязанности въ виду моего возраста — мнѣ было 24 года, тогда какъ по закону требовалось полныя 25 лѣтъ.

— къ Симбирску, гдѣ ранѣе мы жили постоянно по зимамъ и гдѣ проходило мое гимназическое ученіе.

Одновременно со мной назначенъ былъ въ нашъ же уѣздъ, вмѣсто отказавшегося Н. М. Наумова (моего двоюроднаго брата), земскимъ начальникомъ 3-го участка мѣстный дворянинъ Иванъ Владиміровичъ Черноруцкій, съ которымъ я въ Самарѣ познакомился и сговорился ѣхать изъ Самары въ Ставрополь.

Лѣтомъ сообщеніе между названными городами было легкое, скорое и пріятное благодаря комфортабельнымъ Волжскимъ пароходамъ, въ зимнее же время приходилось дѣлать на лошадяхъ весь 90-верстный путь, для непривычнаго люда весьма утомительный.

Простившись съ отцомъ и новыми своими знакомыми-самарцами, я усѣлся въ ямщичьи сани рядомъ съ милѣйшимъ Иваномъ Владиміровичемъ, бывшимъ офицеромъ и бывалымъ деревенскимъ путешественникомъ.

Передъ нами растянулись въ „гусевой" запряжкѣ сытыя крѣпкія башкирскія лошадки, бодро позвякивавшія надѣтыми на нихъ бубенцами. Послышался напутственный окрикъ: „Ну, съ Богомъ!" и мы быстро тронулись сначала по скользкой накатанной „Дворянской", затѣмъ, раскатываясь съ боку на бокъ, спустились на коренную Волгу, по которой весело и лихо покатили въ бѣлесоватую даль по великолѣпной, ровной, свѣжимъ снѣгомъ заметенной дорогѣ.

Стоялъ чудный, солнечный, безвѣтренный, слегка морозный день... Я жадно вдыхалъ живительный чистый воздухъ и вглядывался въ незнакомыя, но удивительно живописныя мѣста, встрѣчавшіяся на пути. Вскорѣ стали вырисовываться огромные массивы Жигулевскихъ горъ, покрытыхъ густымъ чернолѣсьемъ съ рѣдкими полосами сосновыхъ насажденій.

При сгустившихся сумеркахъ добрались до мѣста нашего конечнаго путешествія — города Ставрополя.

Остановились мы съ Черноруцкимъ въ каменномъ двухъэтажномъ зданіи, гдѣ помѣщался Уѣздный Съѣздъ, нижній этажъ котораго приспособленъ былъ для временнаго размѣщенія Предсѣдателя Съѣзда — Предводителя Дворянства и земскихъ начальниковъ.

Самъ городъ Ставрополь, несмотря на сравнительно древнее свое происхожденіе, будучи еще въ до-Петровскія времена заложенъ въ видѣ крѣпостного огражденія противъ вторженія кочевыхъ народовъ (киргизовъ, башкировъ и т. п.) — представлялъ собой по виду скорѣе большое село, чѣмъ городъ. Въ центрѣ его высился довольно красивый, старинной архитектуры Соборъ съ высокимъ колокольнымъ шпицомъ; около него виднѣлась безобразная, двухъэтажная, каменная, со старой полуобвалившейся штукатуркой и крошечными оконцами за толстыми желѣзными рѣшетками, тюрьма, а рядомъ съ ней стояло большое казенное бѣлое, подъ зеленой крышей, зданіе Ставропольскаго Уѣзднаго Съѣзда — вотъ и все, что „красовалось" въ семъ древнемъ градѣ; остальная же часть его представляла собой рядъ низенькихъ одноэтажныхъ домиковъ, рѣдко каменныхъ — больше деревянныхъ, и лишь на окраинѣ виднѣлась деревянная пожарная каланча. Лѣтъ пять спустя послѣ моего пріѣзда появилось въ центрѣ города еще одно двухъэтажное кирпичное зданіе, занятое подъ помѣщеніе Уѣздной Земской Управы..

Съ населеніемъ въ 6.000 человѣкъ, Ставрополь былъ расположенъ приблизительно въ пяти верстахъ отъ самой рѣки Волги на лѣвой, луговой ея сторонѣ, такъ что во время лѣтней навигаціи приходилось по сыпучимъ пескамъ на безрессорныхъ дрожкахъ, т. н. „гитарахъ", совершать пренепріятное путешествіе отъ города до т. н. „Крутика" — обычной стоянки пароходныхъ пристаней. Зато видъ изъ Ставрополя на всѣ стороны былъ превосходный: къ Волжской сторонѣ раскрывалась передъ глазами живописнѣйшая гряда Жигулевскихъ горъ съ наиболѣе возвышенными ихъ утесами; съ противоположной стороны городъ былъ окаймленъ въ видѣ амфитеатра сплошными огромными казенными и удѣльными хвойными лѣсами, благодаря чему Ставрополь считался природной санаторіей и привлекалъ по лѣтамъ массу народа изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Нашелся даже одинъ предприниматель,мѣстный торговецъ Борисовъ, выстроившій на опушкѣ ближайшаго лѣса довольно большое кирпичное зданіе, названное „курзаломъ", гдѣ было все, что полагается для курортныхъ развлеченій, вплоть до танцовальнаго зала и театральной сцены.

Условія въ Ставрополѣ для санаторнаго пребыванія были исключительно благопріятныя: весь воздухъ былъ насыщенъ сосновымъ запахомъ, пыли никакой, всюду песокъ — ни грязи, ни сырости; имѣлся превосходный кумысъ, масса было всяческихъ ягодъ, въ особенности лѣсной земляники, и рядомъ было отличное купанье въ „Подборномъ" озерѣ. Но все это сравнительное оживленіе наступало лишь съ момента открытія навигаціи; зимой же Ставрополь замиралъ совершенно, заносило его снѣгомъ и обитателямъ его оставалось лишь посасывать въ маленькихъ одноэтажныхъ берлогахъ свои не медвѣжьи лапы, играть въ карты и до одурѣнія заниматься сплетнями про своихъ немногочисленныхъ сосѣдей.

Попавъ въ Ставрополь, я съ превеликимъ интересомъ и рвеніемъ принялся за подготовку къ предстоящей работѣ по исполненію обязанностей земскаго начальника. Главными руководителями въ моихъ съѣздовскихъ занятіяхъ были: уѣздный членъ суда по Ставропольскому уѣзду, нашъ мѣстный дворянинъ, Сергѣй Александровичъ Сосновскій и проживавшій около Ставрополя въ своемъ имѣніи, земскій начальникъ 1-го участка Михаилъ Павловичъ Яровой, завѣдывавшій временно тѣмъ 2-мъ участкомъ, который долженъ былъ перейти впослѣдствіи въ мое вѣдѣніе.

Въ такихъ занятіяхъ я провелъ періодъ съ конца февра-

ля по 20 мая, памятное число, когда мы вмѣстѣ съ Михаиломъ Павловичемъ Яровымъ, пріѣхали въ мою будущую резиденцію 2-го земскаго участка — с. Новый Буянъ, и я принялъ отъ него бразды правленія.

Занятія мои при Уѣздномъ Съѣздѣ главнымъ образомъ заключались въ изученіи всего необходимаго для предстоящей моей службы законодательства, въ ознакомленіи съ самимъ производствомъ дѣлъ въ Съѣздѣ и у земскаго начальника. Практически я работалъ въ канцеляріяхъ съѣзда и у Ярового. Самостоятельно составлялъ разные протоколы, рѣшенія въ окончательной формѣ по судебнымъ дѣламъ и пр.

Сначала меня не мало подавляла сложность и трудность разносторонней компетенціи земскаго начальника, особенно въ дѣлахъ надзора и регулировки крестьянскихъ земельныхъ дѣлъ. Но, съ другой стороны, чѣмъ больше я вчитывался въ дѣла съѣздовскаго административнаго и судебнаго производства, тѣмъ все болѣе убѣждался въ необычайномъ интересѣ предстоявшей мнѣ работы, именно той, о которой я въ свое время мечталъ — въ цѣляхъ оказанія помощи беззащитному и темному народу.

Едва ли нужно говорить, что за три мѣсяца моего пребыванія въ уѣздномъ городѣ я перезнакомился не только со всѣми постоянными его обитателями, но и со всѣми тѣми моими сотрудниками, которые по дѣламъ службы лишь временно наѣзжали въ богоспасаемый Ставрополь.

Попробую ихъ всѣхъ посильно вспомнить и съ ними хоть на короткій срокъ вновь мысленно повстрѣчаться. Съ грустью приходится сказать — изъ нихъ въ живыхъ не осталось нынѣ почти что никого!

Начну сначала съ постоянныхъ городскихъ обитателей.

Прежде всего, къ моей великой радости, въ Ставрополѣ я засталъ своего двоюроднаго брата — Павла Михайловича Наумова, занимавшаго въ то время выборную должность Предсѣдателя Ставропольской Уѣздной Земской Управы. Недавно женившись на Наталіи Іосифовнѣ Черецкой, онъ поселился со своей молодой супругой на окраинѣ города въ уютномъ деревянномъ сѣренькомъ флигелькѣ съ великолѣпнымъ видомъ на Волгу и ея величественныя Жигули.

Наряду съ Павликомъ Наумовымъ я встрѣтилъ въ Ставрополѣ родственное и теплое ко мнѣ отношеніе въ лицѣ Сергѣя Александровича Сосновскаго, женатаго на Софьѣ Осиповнѣ Черецкой, родной сестрѣ Наточки Наумовой, и занимавшаго отвѣтственную должность уѣзднаго члена по Ставропольскому уѣзду.

Сергѣй Александровичъ принадлежалъ къ дворянской семьѣ нашего уѣзда, помѣстье которой расположено было приблизительно въ 50 верстахъ отъ уѣзднаго города, при с. Сосновкѣ Ташелкской волости.

Семья состояла изъ старухи матери — Елизаветы Андреевны, урожденной Головинской, давно овдовѣвшей; двухъ пожилыхъ сыновей — Ипполита и Сергѣя и замужнихъ дочерей — Ольги Александровны Хирьяковой и Елены Александровны Шишковой. У всѣхъ у нихъ были дѣти. Мужъ Елизаветы Андреевны, Александръ Ипполитовичъ, много лѣтъ тому назадъ скончавшійся, служилъ въ Самарской Губернской Земской Управѣ перваго ея состава.

Имѣнье при с. Сосновкѣ было обширное съ превосходными пахотными угодьями. Въ немъ постоянно жила и хозяйничала добрѣйшая и привѣтливая Елизавета Андреевна, невзирая на свой почтенный возрастъ (далеко за 70 лѣтъ), удивительно бодрая, жизнерадостная и радушная, съ рѣдко симпатичнымъ старческимъ лицомъ. Дружба родителей Сосновскихъ и Наумовыхъ перешла на дѣтей, взаимоотношенія которыхъ носили характеръ близкаго родства.

Ипполитъ Александровичъ Сосновскій, окончивъ гимназію и университетъ, сначала велъ послѣ смерти отца хозяйство и служилъ по земству, а затѣмъ перешелъ на правительственную службу на должность Управляющаго Самарскими отдѣленіями Крестьянскаго и Дворянскаго Банка, откуда перевелся въ Петербургъ въ центральное управленіе, и былъ назначенъ помощникомъ Главно-Управляющаго Крестьянскимъ Банкомъ; на этомъ отвѣтственномъ посту Ипполитъ Александровичъ скончался отъ рака въ печени.

Онъ былъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ Еленѣ Александровнѣ Головинской. Отъ этого брака у него было четверо дѣтей — два сына и двѣ дочери. Вскорѣ Елена Александровна, ихъ мать, скончалась и Ипполитъ вторично женился на воспитательницѣ своихъ дѣтей, умной и видной англичанкѣ, прекрасно относившейся къ нему и всей семьѣ. О судьбѣ дочерей я ничего не знаю, сыновья же, Константинъ — правовѣдъ погибъ отъ большевиковъ, а другой, Александръ — морякъ, чудомъ спасся во время гибели корабля въ Средиземномъ морѣ, былъ подобранъ итальянскимъ миноносцемъ, перевезенъ въ Италію, гдѣ, найдя свое семейное счастье въ лицѣ богатой итальянской маркизы, проживаетъ съ ней въ своемъ замкѣ подъ Флоренціей.

Обѣ сестры — Елена и Ольга Александровны — были въ свое время подругами моей кузины Марьи Михайловны Наумовой, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Сазонова. Обѣ онѣ были милыя, благовоспитанныя, темнорусыя блондинки. Выйдя замужъ, онѣ оказались прекрасными женами и матерями. У каждой изъ нихъ было по многу дѣтей.

Перейду теперь къ воспоминаніямъ, связаннымъ у меня съ личностью и дѣятельностью Сергѣя Александровича Сосновскаго, имѣвшаго по занимаемой имъ должности Уѣзднаго Члена, постоянное мѣстожительство въ самомъ городѣ Ставрополѣ и лишь изрѣдка выѣзжавшаго въ уѣздъ по обязанностямъ службы или къ себѣ въ имѣніе.

Сергѣй Александровичъ учился въ Казани, гдѣ окончилъ курсъ гимназіи и затѣмъ юридическій факультетъ Университета, послѣ чего служилъ по Министерству Юстиціи — сначала судебнымъ слѣдователемъ, а затѣмъ Товарищемъ

Прокурора. При введенiи положенiя о Земскихъ Участковыхъ начальникахъ въ Самарской губ. (1891 г.) онъ получилъ назначенiе на должность Уѣзднаго Члена по Ставропольскому уѣзду, что было для него очень удобно ввиду близости его имѣнiя, а для самого дѣла отправленiя правосудiя подобное назначенiе являлось тоже крайне благопрiятнымъ, такъ какъ вновь назначенный Уѣздный Членъ зналъ всесторонне свой родной уѣздъ.

Въ общемъ, подобныя назначенiя на означенную должность изъ мѣстныхъ людей, да еще дворянъ, было довольно рѣдкимъ явленiемъ, но такое назначенiе лишь соотвѣтствовало самому духу реформы, выдвигая роль и значенiе помѣстнаго дворянства.

По новому закону Предсѣдателемъ Уѣзднаго Съѣзда былъ Уѣздный Предводитель Дворянства, но фактически судебныя засѣданiя въ большинствѣ случаевъ велись подъ предсѣдательствомъ законнаго замѣстителя Предводителя — Уѣзднаго Члена. Происходило это главнымъ образомъ потому, что Предводители Дворянства были завалены множествомъ другихъ дѣлъ и не всегда могли прiѣзжать на засѣданiя съѣзда.

За время службы Сосновскаго много смѣнилось Предводителей. Первымъ былъ Борисъ Михайловичъ Тургеневъ; затѣмъ служилъ Алексѣй Павловичъ Наумовъ, котораго замѣнилъ Николай Михайловичъ Наумовъ; послѣ него одно трехлѣтiе ставропольскимъ Предводителемъ пришлось прослужить мнѣ, а послѣ избранiя меня Губернскимъ Предводителемъ вступилъ на эту должность Алексѣй Михайловичъ Наумовъ, а за нимъ, наконецъ, самъ Сергѣй Сосновскiй занялъ нашъ предводительскiй престолъ, и на немъ оставался до конца — иначе говоря, до февральской революцiи 1917 года, заставшей его въ Симбирскѣ, гдѣ онъ вскорѣ и скончался.

Средняго роста, плотный, сильный и выносливый, Сергѣй Александровичъ обладалъ представительной внѣшностью и при исполненiи своихъ обязанностей имѣлъ весьма внушительный видъ. Дѣло служебное онъ зналъ въ совершенствѣ, обладалъ исключительными способностями быстро схватывать суть всякой тяжбы или проступка, прекрасно руководилъ судебнымъ разбирательствомъ и мастерски ясно составлялъ резолюцiи. Временами мѣшала ему въ жизни и службѣ излишняя темпераментность.

Женатъ онъ былъ на Софьѣ Осиповнѣ Черецкой — высокаго роста блондинкѣ, удивительно милой и симпатичной, но болѣзненной. Софья Осиповна была прекрасой музыкантшей, превосходно играла на роялѣ; она любила классическiй репертуаръ — особенно Шопена; для меня это было всегда настоящимъ наслажденiемъ — она это знала и всегда съ особымъ удовольствiемъ садилась за инструментъ и подолгу мнѣ играла.

Сосновскiе занимали цѣлый особнякъ — деревянный

двухэтажный домъ съ террасами и большимъ дворовымъ мѣстомъ. Въ верхнемъ этажѣ находилась канцелярiя, гдѣ работалъ письмоводитель Сосновскаго.

Сергѣй Александровичъ былъ скорѣе ровнаго и веселаго нрава; присутствiе его въ домѣ можно было всегда узнать по раздававшемуся громкому хохоту, похожему на гусиное гоготанiе. Въ то время ихъ единственному сыну Шуркѣ было около 12 лѣтъ; при немъ состоялъ старикъ французъ съ клювообразнымъ носомъ надъ сѣдыми усами и вѣчной трубкой во рту. Отъ своего гувернера Шурка постоянно удиралъ, особенно если тотъ засядетъ, бывало, съ отцомъ играть въ шашки. Вообще сынъ Сосновскаго, не столько въ описываемое время, сколько впослѣдствiи, доставлялъ родителямъ немало заботъ и даже огорченiй.

Распущенный, безалаберный, онъ съ годами превратился въ какого-то дикаго необузданнаго юношу, а затѣмъ въ здоровеннаго малаго, идеалъ котораго заключался — къ ужасу и полному недоумѣнiю его родителей — попасть на полицейскую службу! Подъ конецъ онъ этого и достигъ, пройдя предварительно воинскую повинность и надѣвъ затѣмъ на себя форму помощника частнаго пристава г. Самары; всѣ его служебные аксессуары — шашка, шпоры и пр. по своей величинѣ, блеску и звону напоминали „рыцарскiе доспѣхи". Кончилась его служба печально: Шурка сталъ нещадно избивать „интеллигенцiю", а затѣмъ учинилъ нечаянное, но все же смертоубiйство. Пришлось и мнѣ, изъ уваженiя и жалости къ его родителямъ, хлопотать за него... Выручила война — Шурка былъ помилованъ и вступилъ въ ряды защитниковъ отечества и дрался храбро.

Милая, но слабая здоровьемъ Софья Осиповна мало-помалу становилась совсѣмъ немощной, и лѣтъ за пять до войны тихо скончалась въ одной изъ московскихъ клиникъ. Сергѣй Николаевичъ женился потомъ на Антонинѣ Николаевнѣ, разведенной женѣ Петра Iустиновича Ледомскаго, секретаря Ставропольскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства — маленькой смуглой брюнеткѣ, юркой кокеткѣ съ красивыми темными „многоговорившими" глазами и чувственнымъ ртомъ. Насколько Софья Осиповна была безсильна влiять на мужа, настолько вторая его супруга окончательно забрала Сергѣя Александровича въ свои маленькiя ловкiя ручки. Послѣднее время они жили въ Симбирскѣ, гдѣ послѣ революцiи одинъ за другимъ скончались.

Въ моей жизни и всей моей службѣ, первоначальной въ уѣздѣ и послѣдующей — губернской, Сергѣй Александровичъ игралъ всегда благодѣтельную роль, будучи въ первое время полезнымъ руководителемъ, а затѣмъ всегда искренно-расположеннымъ ко мнѣ разумнымъ совѣтникомъ, настоящимъ другомъ и горячимъ сотрудникомъ во всей моей сложной и отвѣтственной предводительской работѣ, особенно въ лихолѣтья 1905 - 1908 г. г., о чемъ я скажу ниже въ своемъ мѣстѣ.

По пріѣздѣ въ Ставрополь, гдѣ пришлось мнѣ прожить около 3-хъ мѣсяцевъ, я перезнакомился со всѣми должностными лицами, имѣвшими своимъ постояннымъ жительствомъ уѣздный городъ, и въ первую голову, съ мѣстнымъ исправникомъ, полковникомъ Алексѣемъ Никаноровичемъ Лукьянчиковымъ. Назначеніе его ставропольскимъ исправникомъ состоялось незадолго до моего съ нимъ знакомства, такъ что для самого Ставрополя и его уѣзда Алексѣй Никаноровичъ былъ человѣкомъ новымъ, да и для исправничьей службы видимо онъ самъ себя чувствовалъ такимъ же, оставаясь по долголѣтней своей привычкѣ военнымъ человѣкомъ — командиромъ пѣхотнаго батальона.

Несмотря на свою внѣшность боевого и волевого начальника, Алексѣй Никаноровичъ въ домашнемъ быту жилъ цѣликомъ подъ властью своей строгой и взыскательной супруги; по службѣ же, силою вещей, находился всецѣло въ зависимости отъ своихъ ближайшихъ подчиненныхъ-сотрудниковъ по Полицейскому Управленію, а въ уѣздѣ г.г. становыхъ приставовъ, въ большинствѣ случаевъ, людей долголѣтняго опыта. Самъ же Алексѣй Никаноровичъ ни крестьянскаго быта, ни административныхъ законоположеній не зналъ, умѣя лишь командовать и „подтягивать", а нрава былъ настолько вспыльчиваго и горячаго, что временами терялъ всякое самообладаніе, впадая въ анекдотическій ражъ и экстазъ во вредъ себѣ и другимъ...

Лукьянчиковъ былъ честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ и идеальный семьянинъ, добрѣйшей души и кристальной нравственности. Онъ былъ прямой противоположностью рыхлой, полной, обычно недвижно сидѣвшей на своемъ излюбленномъ диванѣ, супругѣ своей Екатеринѣ Александровнѣ (рожденной Смирницкой), дѣловитой, разсудительной особѣ, фактически управлявшей всѣмъ домоводствомъ, семьей, да и самимъ воинственнымъ своимъ супругомъ, быстро утихавшемъ при малѣйшемъ съ ея стороны замѣчаніи вродѣ: „Ну, довольно, Алексѣй Никаноровичъ, здѣсь тебѣ не Полицейское Управленіе, угомонись и пойди распорядись, чтобы закуску подавали"... Говорилось это въ спокойномъ, но внушительномъ тонѣ, и нашъ исправникъ „исправно" тотчасъ же исполнялъ приказъ своей далеко не прекрасной половины.

Съ Лукьянчиковымъ служить пришлось мнѣ вмѣстѣ около двухъ лѣтъ. Всегда вспоминаю его рѣдкую душевность, удивительную отзывчивость и доброту. Про его служебную работу можно сказать лишь одно — онъ не служилъ въ принятомъ смыслѣ этого слова, а скорѣе горѣлъ, принимая все отъ мала до велика къ своему пылкому сердцу, которое въ концѣ концовъ не выдержало и быстро сдало — особенно послѣ ряда непріятностей его послѣдующей службы въ качествѣ пристава гор. Москвы во время коронаціонныхъ торжествъ въ 1896 году и памятной Ходынской катастрофы.

Вспоминая милаго Алексѣя Никаноровича, встаютъ въ

моей памяти нѣкоторые эпизоды его безудержной горячности и вспыльчивости, доводившихъ его временами до какого-то изступленнаго самозабвенія, а подчасъ и смѣхотворной безтактности...

Возьму для примѣра одно событіе — пріѣздъ Самарскаго архіерея Гурія въ нашъ Ставропольскій уѣздъ для освященія церковки въ далекой, глухой мордовской деревушкѣ — Новой Хмѣлевкѣ, Ново-Бинарадской волости, расположенной въ моемъ земскомъ участкѣ. Надо сказать, что Самарская Епархія долгіе годы жила обычной своей спокойной жизнью, никакими наѣздами Владыкъ не нарушаемой.

Въ годъ моего поступленія на службу въ Ставропольскій уѣздъ, Самарскимъ Епископомъ назначенъ былъ Преосвященный Гурій, ранѣе занимавшій архіерейскій постъ въ Восточной Сибири и далекой Камчаткѣ, гдѣ, неся одновременно миссіонерскія обязанности, Владыка привыкъ безпрестанно объѣзжать, къ тому же, обычно на собакахъ, необозримыя, еле населенныя пространства.

Энергичный, подвижной, крѣпкій, невысокаго роста съ умнымъ, обвѣтреннымъ, загорѣлымъ лицомъ, обрамленнымъ клинообразной, темной съ просѣдью бородкой, Гурій, получивъ Самарскую епархію, сразу же принялся за неутомимый ея объѣздъ, наведя на губернскій и уѣздный весь духовный клиръ невѣроятную панику и трепетный страхъ. Не прошло и года, какъ произведена была почти сплошная перетасовка всѣхъ приходскихъ батюшекъ, очутившихся послѣ долгаго безмятежнаго покоя въ состояніи другой крайности — полной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ... Всѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ перемѣщеній, сидѣли на сложенныхъ дорожныхъ вещахъ и упакованномъ домашнемъ скарбѣ...

Послѣ тяжелыхъ, долгихъ, полныхъ всяческихъ невзгодъ и лишеній сибирскихъ способовъ передвиженій, Гурію представлялись всѣ самарскія поѣздки въ самыя отдаленныя и глухія мѣста епархіи, лишь пріятными и нисколько не обременительными для него прогулками.

Такъ было и съ освященіемъ крошечной церковки въ самомъ незначительномъ мѣстечкѣ моего земскаго участка, деревушкѣ Новой Хмѣлевкѣ, не только ранѣе никогда не встрѣчавшей видныхъ губернскихъ чиновъ, тѣмъ болѣе архіереевъ, но врядъ ли когда-либо принимавшей у себя становаго...

И вотъ пришла необычная вѣсть —самъ Преосвященнѣйшій Владыка собирается въ Хмѣлевочку пріѣхать! Начался немалый переполохъ не только среди мѣстнаго населенія, сколько у его начальства, включая и городское ставропольское самоуправленіе, такъ какъ дѣло было лѣтнее (августъ мѣсяцъ) и архіерей долженъ былъ прослѣдовать изъ Самары — сначала на пароходѣ до Ставрополя, откуда всѣ 90 верстъ приходилось доставить Его Преосвященство до самой Хмѣлевочки на лошадяхъ.

Открылось скоропалительному Лукьянчикову широкое поприще для проявленія его начальническихъ и „исправни-

чьихъ" способностей... Посыпались отъ него приказъ за приказомъ — вся мѣстная и городская полиція была поднята на ноги. Ставропольскій городской голова — типичный мѣстный малограмотный мѣщанинъ Киселевъ, хозяинъ бакалейной лавочки, небольшого роста, одѣтый всегда въ длиннополый сюртукъ, въ высокихъ сапогахъ бутылками — по причинѣ предстоявшихъ ему непривычныхъ экстренныхъ заботъ и исправничьихъ „строжайшихъ" приказовъ, окончательно съ ногъ сбился.

Пріемъ новаго архіерея въ г. Ставрополѣ рѣшено было устроить самый торжественный, съ парадцымъ завтракомъ въ зданіи Городской Управы, представлявшимъ собой одноэтажный, ветхій деревянный домъ, безъ всякихъ приспособленій для кулинарныхъ затѣй. Вслѣдствіи этого, по приказу исправника, для изготовленія архіерейской трапезы была предоставлена кухня ставропольскаго курзала, расположеннаго за городомъ, по крайней мѣрѣ въ полуторѣ версты отъ Городской Управы....

Предполагалось изготовить къ завтраку стерляжью уху, кулебяку и прочія вкусныя рыбныя и иныя явства, до „массе-дуана" включительно. Все, казалось, было налажено. Голова еле ноги волочилъ и хватался за свою дѣйствительно лысую голову, окончательно отупѣвшую отъ исправничьихъ понуканій и окриковъ, а самъ милѣйшій Александръ Никаноровичъ отъ волненій и распоряженій спалъ съ голоса и охрипъ.

Встрѣченный торжественно на пароходной пристани, Его Преосвященство прослѣдовалъ въ Соборъ, а затѣмъ былъ приглашенъ къ „трапезѣ" въ Городскую Управу. Впереди Владыкѣ предстоялъ немалый путь до Хмѣлевочки — надо было доѣхать непремѣнно въ тотъ же день къ вечеру, чтобы успѣть всенощную отслужить.

У Преосвященнаго Гурія характеръ былъ властный и горячій. Пароходъ пришелъ въ Ставрополь съ нѣкоторымъ опозданіемъ — времени оставалось въ обрѣзъ. Пріѣхавъ въ Городскую Управу, Владыка выразилъ желаніе немедленно тронуться въ путь, но его упросили принять отъ города „хлѣбъ-соль". Гурій согласился, но съ условіемъ поторопиться съ подачей трапезы.

Вотъ тутъ и начались всѣ невзгоды для бѣднаго головы и испытанія для изнервничавшагося исправника.

Для перезозки блюдъ изъ курзала въ Городскую Управу были мобилизованы вся наличная пожарная команда и всѣ ставропольскіе полицейскіе чины. Все шло горячо, все неслось и скакало, курьеры верхами то и дѣло сновали со двора Управы на кухню курзала, и обратно. Однако, дѣло угощенья Владыки не ладилось — то одного не хватало, то другого не доставало... Преосвященный давно нетерпѣливо сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, но... передъ пустымъ приборомъ! Исправникъ и голова, вмѣсто того, чтобы занимать высокаго гостя, ушли изъ-за стола и слѣдили за исполненіемъ своихъ приказаній на управскомъ дворѣ...

Охрипшій, уставшій, весь въ поту и съ клочками пѣны у рта, Алексѣй Никаноровичъ стоялъ у крыльца въ позѣ полководца, наблюдавшаго за ходомъ жаркаго, рѣшительнаго сраженія. Наконецъ, на пожарной тройкѣ, со стукомъ и гикомъ появляется давно жданная архіерейская уха! Рѣшили ее подать, не ожидая растегая. Владыка, похлебавъ нѣсколько ложекъ, вдругъ всталъ, обратился къ иконѣ и сталъ читать благодарственную послѣтрапезную молитву...

Общее недоумѣніе и... смущеніе! Когда же исправникъ и городской голова обратились къ архіерею съ просьбой продолжать начатую ѣду, указавъ, что вся она еще впереди, и что за ухой слѣдуютъ иныя кушанья и явства, Гурій лишь грозно на нихъ обоихъ прикрикнулъ и велѣлъ немедленно подавать лошадей.... Все вновь заметалось и заволновалось... Послышались многочисленные колокольчики и бубенчики. Лошади были поданы и Владыка быстро сѣлъ въ коляску съ крытымъ верхомъ, запряженную добрымъ четверикомъ, а впереди, на лихой ямщицкой тройкѣ, усѣлись мы съ исправникомъ и помчались вглубь уѣзда.

Надо было видѣть милѣйшаго Лукьянчикова, его посадку, позу, выраженіе его разгоряченнаго лица, чтобы понять всю его экспансивную темпераментность и необычайное служебное рвеніе, доходившее до полнаго подчасъ самозабвенія. Вскочивъ съ подъѣзда Городской Управы въ свой дорожный тарантасъ, нашъ рьяный исправникъ положительно застылъ въ позѣ какъ бы скачущаго на пожаръ брандмейстера. Одной ногой онъ опирался на подножку, всѣмъ же остальнымъ своимъ корпусомъ нагнулся впередъ, зорко вглядываясь въ ширь и гладь разстилавшейся впереди дороги.

По мѣрѣ приближенія къ попадавшимся по пути селеніямъ, пылъ и энергія у него накапливались до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что, не доѣзжая еще до околицы, онъ уже кричалъ изступленнымъ, охрипшимъ голосомъ: „На колѣни! Колокольный звонъ!" Пусть не вѣрятъ читатели, но дѣло дошло до того, что при въѣздѣ въ одну изъ околицъ затуманившійся отъ охватившаго его азарта, исправникъ крикнулъ обычное „На колѣни!"... нѣсколькимъ деревенскимъ теляткамъ, чуть не задавленнымъ нашей мчавшейся тройкой.

Можно себѣ представить, что дѣлалось съ нимъ при проѣздѣ села, когда, стоя во весь свой высокій ростъ, одной рукой держась за шиворотъ ямщика, а другой грозно для чего-то потрясая въ воздухѣ, подъ шумъ поддужныхъ колоколовъ и лошадиныхъ бубенчиковъ, въ густомъ облакѣ дорожной пыли, среди кудахтанья спасавшихся изъ-подъ колесъ куръ и разбѣгавшихся въ стороны съ задранными хвостами телятъ, Лукьянчиковъ орлинымъ взглядомъ окидывалъ мелькавшіе мимо него крестьянскія усадьбы, передъ которыми приказано было всѣмъ хозяевамъ выйти для встрѣчи архіерея съ хлѣбомъ и солью и въ ожиданіи встать на колѣни. Бѣднымъ бабамъ и мужичкамъ подолгу пришлось простаивать въ выжидательной колѣнопреклоненной позѣ, ибо наша передовая тройка намного ускакала впередъ отъ болѣе степеннаго, архіерейскаго четверика...

Другая забота у моего начальственнаго спутника все время проявлялась относительно неукоснительнаго требованія звонить ко встрѣчѣ Владыки въ колокола. „Врываемся" мы въ село Узюково, скачемъ мимо церкви — вдругъ послышался хриплый горячій приказъ исправника остановиться. Ямщикъ сразу же осадилъ вспѣнившихся лошадей. Вскочившій на ноги Алексѣй Никаноровичъ поднялъ на колокольню голову и замѣтно обомлѣлъ... — никакого звона не оказалось и злосчастная колокольня была безмолвна и пуста.

Не успѣлъ я опомниться, какъ мой исправникъ, скинувши дорожный плащъ, звеня шпорами и шашкой, помчался къ церкви, гдѣ только что стало сходиться духовенство и народъ... Жестикулируя неистово руками, показывая имъ то на околицу, то на колокольню, Лукьянчиковъ стремительно скрылся въ церкви и черезъ мгновеніе я увидалъ его, взобравшагося на колокольню и принявшагося лично немилосердно звонить во всѣ колокола, несмотря на то, что архіерея не было еще ни видно и ни слышно... Отведя свою душу на Узюковской колокольнѣ, окончательно безголосый, весь въ поту и пыли, Алексѣй Никаноровичъ вернулся въ свой тарантасъ, чтобы продолжать нашъ длинный путь до Хмѣлевочки, гдѣ его бѣднаго, уставшаго отъ дорожныхъ всяческихъ волненій, ожидало событіе, повергшее его въ состояніе окончательнаго извода, а меня, какъ хозяина, — въ немалое затрудненіе.

Хорошо было Владыкѣ пожелать пріѣхать въ Хмѣлевочку, но не такъ-то легко обстояло для меня организовать его встрѣчу и достойный пріемъ въ такой отдаленной глуши. Спасло меня отчасти то обстоятельство, что мѣстный волостной старшина Астафій Семеновичъ Алексашинъ — мужчина огромнаго тѣлосложенія съ большой окладистой, рыжезолотистой бородой на кирпично-красномъ лицѣ — былъ родомъ именно изъ упомянутой Хмѣлевочки, гдѣ у него единственнаго имѣлась просторная, чистая изба, которую онъ и предоставилъ въ мое распоряженіе для пріема архіерея; для сего было устроено особое кухонное приспособленіе — сложена была спеціально для этого событія плита. Провизію пришлось доставать издалека, а потребная рыба была привезена изъ того же Ставрополя. Готовить ужинъ поручено было служившему въ то время у меня въ качествѣ повара, старику „Терентьичу." Былъ онъ хорошимъ и преданнымъ служащимъ, превкусно готовившимъ и знавшимъ приготовленіе даже изысканныхъ тонкихъ блюдъ, т. н. „французской кухни", чѣмъ въ особенности гордился; приэтомъ названья онъ давалъ этимъ блюдамъ самыя фантастическія. Но у него былъ одинъ недостатокъ, изъ-за котораго старикъ вынужденъ былъ мѣнять своихъ господъ: онъ страдалъ запоемъ и какъ ни лечили его, но все оставалось безрезультатно. Прежде чѣмъ рѣшиться его послать въ Хмѣлевочку для изготовленія архіерейской трапезы, я съ Терентьевичемъ имѣлъ серьезную „душеспасительную" бесѣду, предостерегая его „не впадать въ великій соблазнъ и грѣхъ" въ присутствіи самого Преосвященнаго Владыки. Старикъ поклялся передъ образомъ, что не дерзнетъ

на такой „гибельный" поступокъ и завѣрилъ меня, что забудетъ и думать на все время пріема архіерейскаго о „винномъ зельѣ". Въ кулинарномъ его искусствѣ я былъ заранѣе увѣренъ. Заказанъ былъ рядъ вкусныхъ блюдъ, а старшинѣ былъ данъ приказъ неукоснительно слѣдить за поваромъ во избѣжаніе соблазна.

Пріѣхавъ поздно вечеромъ въ Хмѣлевочку, архіерей приступилъ къ служенію всенощной наканунѣ дня освященія храма. Мы съ исправникомъ, осмотрѣвъ предварительно все заготовленное для пріема Владыки въ избѣ старшины, и найдя все въ порядкѣ, рѣшили тоже пойти на архіерейскую службу, Лукьянчиковъ же приказалъ, безъ моего вѣдома, приставить къ Терентьичу особаго полицейскаго для надзора и безопасности.

Служба въ церкви была долгая. Мнѣ пришло въ голову пойти провѣрить, что дѣлается на кухнѣ, такъ какъ часъ ужина приближался. Со мной пошелъ и Лукьянчиковъ. Войдя въ помѣщеніе, мы сразу же остановились и другъ на друга съ безпокойствомъ посмотрѣли — пахло сильно чѣмъ-то пригорѣлымъ. Подойдя къ полуоткрытой кухонной двери, мы увидѣли валившій изъ нея удушливый дымный чадъ и услыхали слѣдующій діалогъ двухъ пьяныхъ голосовъ: „И какъ тебѣ не стыдно, братецъ ты мой? — говорилъ Терентьичъ, — Приставило тебя начальство смотрѣть за мной, за моей слабостью, а ты, Христопродавецъ, меня же еще спаиваешь!" — „Не робь, Терентьичъ — раздалось въ отвѣтъ — наплюй ты на начальство! Давай-ка выпьемъ еще, пока что"...

Рядомъ со мной раздался какой-то невообразимый шипящій хрипъ, вырвавшійся изъ возмущенной груди ошеломленнаго исправника. Открывъ стремительно дверь, мы увидѣли потрясающую картину: среди дыма и чада около плиты, на которой горѣлъ вывалившійся откуда-то судачій хвостъ, стоялъ пьяный Терентьичъ съ прожженнымъ фартукомъ и сбившимся на затылокъ поварскимъ колпакомъ, а за нимъ еще болѣе подвыпившій десятникъ, при чисто вычищенной полицейской бляхѣ, съ бутылкой пива въ одной рукѣ и пустымъ стаканомъ въ другой. Рядъ пустыхъ бутылокъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ крошечной кухни, показывал, что искуситель и искушаемый недаромъ обрѣтались въ одинаковомъ „неземномъ" настроеніи.

Я не успѣлъ опомниться, какъ мгновенно произошло въ кухнѣ нѣчто невѣроятное: гдѣ-то зазвенѣло, что-то затрещало, послышались какіе-то сверхчеловѣческіе вопли и звуки, а меня обдало брызгами и осколками... Наконецъ, выходная изъ кухни дверь разверзлась и все куда-то стремительно исчезло — даже чадъ разсѣялся... Одинъ лишь я оказался среди опустѣвшей кухни и заброшенной плиты. Положеніе создавалось критическое — для меня было ясно, что Терентьичъ мой вдвойнѣ погибъ: прежде всего, отъ начавшагося запоя, во-вторыхъ же отъ исправничьяго гнѣва и натиска. Оказалось, что разсвирѣпѣвшій Лукьянчиковъ обоихъ ихъ собственноручно вышвырнулъ на дворъ и велѣлъ засадить въ

„клоповку"... Между тѣмъ, время ужина безпощадно близилось — ничего не было готово, кромѣ нѣкоторыхъ закусокъ, ранѣе заготовленныхъ злосчастнымъ Терентьичемъ... Спасъ меня опять старшина, приказавъ своей хозяйкѣ, здоровенной энергичной бабѣ, наладить и „собрать" ужинъ. Я самъ взялся ей помогать, и черезъ часъ была готова архіерею рыбная селянка и жареная рыба съ картошкой. Напослѣдокъ выручилъ насъ всѣхъ добрый сочный арбузъ. Впослѣдствіи Преосвященному Гурію стала извѣстна вся разсказанная мною здѣсь исторія. Не разъ Владыка о ней вспоминалъ и другимъ любилъ, смѣясь, разсказывать.

На обратномъ пути Преосвященному пришлось еще одну перестроенную церковь освящать — въ с. Новомъ Еремкинѣ Ново-Буяновской волости, куда весь архіерейскій кортежъ прибылъ къ вечеру. Владыка остановился въ домѣ священника, а мы съ исправникомъ расположились на взъѣзжей — просторной избѣ. За вечерней трапезой, сидѣвшій рядомъ съ Владыкой Лукьянчиковъ въ разговорѣ съ нимъ сталъ расхваливать праздничную одежду мѣстной мордвы — главнымъ образомъ женщинъ.

Сидя за столомъ по другую сторону архіерея, я мелькомъ слышалъ этотъ разговоръ, но о дальнѣйшихъ его результатахъ я узналъ лишь впослѣдствіи. Завалились мы съ исправникомъ спать рано. Страннымъ показалось мнѣ какое-то необычное для исправника многозначительное шушуканье втайнѣ отъ меня съ мѣстымъ становымъ, Соколовымъ — дошлымъ матерымъ приставомъ, „видавшимъ виды" на своемъ долгомъ вѣку полицейскаго пройдохи. Ложась спать и закутываясь въ свой дорожный плащъ, Алексѣй Никаноровичъ пожелалъ мнѣ спокойной ночи и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то загадочнымъ тономъ сказалъ: „Утро вечера мудренѣе".

Не успѣла ночь пройти, чуть забрезжилъ свѣтъ сквозь затворенныя ставни, какъ послышался осторожный стукъ въ дверь и вошелъ на цыпочкахъ съ „подколюзнымъ" видомъ становой. Исправникъ вскочилъ и хрипло спросил: „Ну, что?!" На это послышался вкрадчивый отвѣтъ подначальнаго: „Все, Ваше Высокоблагородіе, готово-съ! Прикажете впустить?"

Вмѣсто отвѣта, Алексѣй Никаноровичъ обращается ко мнѣ и на всю избу гаркнулъ: „Ну, земскій начальникъ, вставай! — Дѣвки пришли!"... „Какія дѣвки? Въ чемъ дѣло?" — спрашиваю я, уставясь съ недоумѣніемъ на спѣшившаго „по-военному" одѣться исправника... И лишь только тогда, къ своему немалому ужасу, я узналъ про невѣроятно нелѣпое и безтактное распоряженіе скоропалительнаго Алексѣя Никаноровича. Оказывается, послѣ вечерней трапезы и разговора съ архіереемъ по поводу костюмовъ мѣстнаго населенія, у него явилась фантазія устроить на другой день сюрпризъ Владыкѣ и представить ему съ десятокъ отборнѣйшихъ Еремкинскихъ дѣвокъ, разодѣтыхъ въ ихъ праздничные національные наряды. Можно себѣ представить, что получилось въ результатѣ подобнаго распоряженія, какой переполохъ въ ночное время начался во всѣхъ Ново-Еремкинскихъ семьяхъ при обходѣ полиціей домовъ для точнаго исполненія исправничьяго наряда — выбора десяти лучшихъ дѣвокъ, празднично одѣтыхъ, и препровожденія ихъ на „взъѣзжую" къ начальству.

Потомъ передавали, что на селѣ „стонъ стоялъ" отъ ругани и плача родителей и избранныхъ полиціей дѣвицъ, обреченныхъ на „неизвѣстное"... Узнавъ обо всемъ этомъ, я принялъ немедленно самыя рѣшительныя мѣры къ ликвида-подобной авантюры.

Вышелъ я самъ къ согнаннымъ къ взъѣзжей избѣ разряженнымъ, но заплаканнымъ мордовкамъ, и черезъ посредство своего старшины постарался разъяснить имъ, что распоряженіе было сдѣлано въ цѣляхъ украшенія предстоящаго церковнаго торжества, поручивъ тому же старшинѣ лично ихъ провести отъ нашего помѣщенія прямо въ церковь, выставивъ ихъ впереди всѣхъ для встрѣчи архіерея.

Такъ или иначе, дѣло удалось умиротворить, но безпощадная молва надолго осталась в народѣ, приписавъ тому же неосторожному исправнику совершенно несвойственныя ему качества.

Въ общемъ, Алексѣя Никаноровича въ Съѣздѣ у насъ любили, но служить съ его пылкимъ нравомъ и врожденной безтактностью въ уѣздѣ было тяжело: мужики его только боялись, а подчиненные, учитывая его слабости, вѣчно его подводили и изводили. Лично же я успѣлъ его полюбить отъ всего сердца за удивительную свѣжесть и молодость его души, всегдашнюю искренность и чуткую отзывчивость

21

Изъ другихъ постоянныхъ обитателей Ставрополя я вспоминаю: воинскаго начальника, полковника Рогальскаго, типичнаго польскаго „пана" съ сильно выраженнымъ акцентомъ говорившаго по-русски, и обладавшаго прехорошенькой кокетливой дочкой — панной Стефаніей, съ поразительнымъ цвѣтомъ лица, напоминавшимъ бѣло-красныя головки фарфоровыхъ куколокъ. Немало, бывало, засидѣвшихся въ своихъ берлогахъ холостыхъ и женатыхъ ставропольцевъ засматривалось на лукаво-игривое и смазливое личико панночки Рогальской.

Не забуду одной зимней прогулки съ ней, стоившей временнаго разрыва моихъ дружескихъ отношеній съ земскимъ начальникомъ Яровымъ, старымъ холостякомъ и завзятымъ ловеласомъ. Дѣло было на рождественскихъ святкахъ. У пана „пулковника" былъ званый вечеръ, во время котораго рѣшили устроить троечное катанье. М. П. Яровой былъ плѣненъ чарами Стефаніи и предложилъ ей прокатиться на его лихой тройкѣ, а меня пригласилъ раздѣлить ихъ веселую компанію.

Въ широкомъ задкѣ его ковровыхъ саней мы плотно

другъ около друга размѣстились въ слѣдующемъ порядкѣ: — панночка посерединѣ, а по бокамъ — мы съ Яровымъ, оба одѣтые въ оленьихъ дохахъ. Кучеръ гикнулъ, весело заголосили звонкіе бубенчики и рѣзвые, крѣпкіе, застоявшіеся „башкиры" быстро понесли насъ по „Борковской" дорогѣ... Поле миріадами алмазныхъ искръ отражало на своемъ пушистомъ снѣговомъ покровѣ яркое лунное сіяніе. Затѣмъ въѣхали мы въ вѣковой „Орловскій" боръ, своей ночной таинственностью невольно навѣвавшій сказочно-фантастическое настроеніе...

Панночка была въ восторгѣ, временами даже взвизгивала отъ избытка чувствъ. Яровой, съ надвинутымъ на носъ козырькомъ теплой дворянской фуражки, сквозь заиндевѣвшіе усы и бакенбарды мягко, вкрадчиво и нѣжно ворковалъ на ушко своей очаровательницы... Мало-по-малу, несмотря на толщину своего рукава, я началъ ощущать какой-то посторонній нажимъ на часть моей руки, соприкасавшейся со станомъ моей юной сосѣдки, и, чѣмъ дальше мы мчались, тѣмъ нажимъ этотъ становился все крѣпче и смѣлѣе; съ особой силой, я бы сказалъ, даже страстностью, обхватъ моей руки сказывался при ухабахъ и раскатахъ...

Очевидно, Яровой, вмѣсто таліи плѣнительной панночки, зацѣпилъ рукавъ моего ергака* и, самъ того не зная, жалъ его пылко отъ избытка охватившаго его чувства. Развеселившаяся же наша спутница, которая не прочь была съ кѣмъ угодно пококетничать, приписывала въ свою очередь ощущавшійся ею нажимъ моей иниціативѣ и любовной смѣлости, а потому при каждомъ толчкѣ и обхватѣ со стороны Ярового, хорошенькая Стефанія дарила не его, а меня своими игривыми, многозначущими взорами... Комбинація эта меня забавляла до такой степени, что къ концу прогулки я положительно усталъ отъ душившаго меня все время хохота. Яровой яростно на меня смотрѣлъ, видя во мнѣ очевидную помѣху его влюбленнымъ воркованьямъ и луннымъ настроеніямъ. Когда же, по возвращеніи нашемъ въ отчій домъ панночки, онъ узналъ, что всю дорогу онъ мялъ восторженно, вмѣсто панночки, лишь мой мохнатый рукавъ, Михаилъ Павловичъ пришелъ въ столь неописуемое состояніе злобы и досады, что порвалъ, правда на короткое время, съ его „душевнымъ" другомъ всякія сношенія...

Кореннымъ старожиломъ Ставропольскаго уѣзднаго града былъ секретарь Предводителя Дворянства, онъ же дѣлопроизводитель Уѣзднаго Воинскаго Присутствія — Петръ Іустиновичъ Ледомскій, женатый на дочери бывшаго воинскаго начальника — предшественника Рогальскаго, Антонинѣ Николаевнѣ, о которой я ранѣе упоминалъ, какъ о второй супругѣ С. А. Сосновскаго. Ледомскій имѣлъ невѣроятно мрачную внѣшность и соотвѣтствующій характеръ. Исполнительный и корректный чиновникъ, въ домашнемъ своемъ быту и семейной жизни онъ былъ тяжелымъ, мелочно придирчивымъ, а главное до болѣзненности ревнивымъ человѣкомъ, доведшимъ свою маленькую кокетливую супругу до того, что она предпочла перейти подъ кровъ болѣе спокойнаго и уравновѣшеннаго С. А. Сосновскаго.

* Доха. **Ред.**

Вспоминается мнѣ также изъ Ставропольскихъ моихъ новыхъ знакомыхъ Иванъ Гавриловичъ Хлѣбниковъ — земскій врачъ, завѣдывавшій много лѣтъ мѣстной участковой больницей и пользовавшійся въ уѣздѣ всеобщимъ уваженіемъ и заслуженнымъ профессіональнымъ довѣріемъ.

Иванъ Гавриловичъ имѣлъ почтенную семью, любилъ у себя принимать и отличался тѣми душевными качествами, благодаря которымъ его можно было назвать истиннымъ „другомъ человѣчества". Ставропольское земство очень цѣнило его работу и заслуги.

Недалеко отъ него жилъ городской судья Константинъ Андреевичъ Ивановъ — безцвѣтнѣйшая личность и типичнѣйшій продуктъ полнаго интеллектуальнаго омертвѣнія не отъ служебнаго переутомленія, а по причинѣ безпробуднаго картежничества россійской провинціальной глуши.

Немногимъ лучше его былъ мѣстный удѣльный управляющій г. Муриновъ, занимавшій эту интереснѣйшую въ хозяйственномъ отношеніи должность по какому-то недоразумѣнію, ибо болѣе мнительнаго и оберегавшаго себя отъ всякихъ сквозняковъ и перемѣнъ температуры человѣка трудно было себѣ представить.

Между тѣмъ, огромное ставропольское удѣльное имѣніе съ великолѣпными разнородными угодьями: пахотными, луговыми и лѣсными, неукоснительно требовало постояннаго хозяйскаго глаза. Фактически, силою вещей, завѣдываніе всѣмъ этимъ добромъ находилось въ рукахъ цѣлой серіи низшихъ служащихъ —разныхъ смотрителей, прикащиковъ, объѣздчиковъ и т. п., а самъ Муриновъ, закутанный и нелюдимый, изъ себя представлялъ какую-то замурованную (за „муринов"-анную, какъ въ Ставрополѣ въ шутку говорили) мумію, всецѣло лишь занятую канцелярскими манипуляціями съ номерами „исходящими" и „входящими".

Можно себѣ представить, какъ все это отзывалось на значительномъ контингентѣ мѣстной хозяйственной кліентуры имѣнія.

Жилъ также въ Ставрополѣ въ описываемое мною время нѣкій Николай Осиповичъ Цвиленевъ — акцизный чиновникъ. Средняго роста, тщедушный, сильно сутулый, съ изможденнымъ геморроидальнаго оттѣнка лицомъ, почти безъ всякой на немъ растительности, Николай Осиповичъ былъ существомъ необычайно желчнымъ, раздражительнымъ, а главное — обидчивымъ!

Не было человѣка въ городѣ и уѣздѣ, съ кѣмъ бы Цвиленевъ, по тому или другому поводу не умудрился поссориться. Однако, былъ онъ человѣкомъ недурнымъ, любилъ дома играть на віолончели и фисгармоніи, изъ-за чего въ первое время — особенно, когда мнѣ пришлось безвыѣздно жить въ городѣ Ставрополѣ и работать въ Съѣздѣ — у насъ

съ нимъ на почвѣ обоюдной любви къ музыкѣ установились самыя добрыя отношенія.

Много общаго по свойству своего характера съ Цвиленевымъ имѣлъ еще одинъ ставропольскій обитатель — Е. П. Каржавинъ, судебный слѣдователь, нелюдимый, противъ всѣхъ и вся озлобленный, болѣзненно-самолюбивый и тоже готовый при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ неистово обижаться. Вся фигура и внѣшность его соотвѣтствовали его характеру: небольшого роста, весь искривленный, худой съ уродливой крошечной физіономіей сплошь заросшей вихрястыми рыжими волосами и взъерошенной бороденкой, Каржавинъ слылъ за скрытаго соціалъ-демократа. Сосновскій, органически его не переносившій, отзывался о немъ съ отвращеніемъ, и съ самаго начала предупреждалъ меня быть съ нимъ осторожнѣе... „Подобное существо, какъ Каржавинъ — не разъ говаривалъ мнѣ Сергѣй Александровичъ — можетъ мстить и мерзить. Обходи его подальше и не дави — хуже клопа завоняетъ"... Увы!.. въ первую же зиму моей службы судьба со мной сыграла плохую шутку: пришлось именно этого Каржавина жестоко „раздавить", вопреки предупрежденію моего доброжелателя Сосновскаго и, разумѣется, помимо моего желанія.

Случилось это въ зимнее время, когда пришлось мнѣ среди снѣжныхъ заносовъ и сугробовъ объѣзжать по дѣламъ свой участокъ. Растянутая во всю длину гусевой зимней запряжки моя тройка только что стала приближаться къ околицѣ села Мусорки, какъ изъ нея вынырнула тоже гусевая пара ямщицкихъ лошадей. Дорога была узкая, разъѣхаться на ней было невозможно, кому-то надо было повернуть въ сторону — въ самую глубь нанесенныхъ бураномъ снѣжныхъ сугробовъ. Мой кучеръ, Николай Киселевъ, молодой лихой здоровякъ, грозно, „по-начальнически" окрикнулъ встрѣчнаго ямщика, чтобъ тотъ взялъ въ сторону, но приказа его не послушали. Привставъ тогда во весь свой мощный ростъ, Киселевъ крѣпко выругался, и чтобы такъ или иначе расчистить себѣ проѣздъ, сталъ дѣйствовать единственнымъ своимъ боевымъ дорожнымъ оружіемъ — длиннѣйшимъ гусевымъ кнутомъ.

Посыпались одинъ за другимъ удары со свистомъ разсѣкавшаго воздухъ бича; поднялась невѣроятная суматоха, раздалась неистовая дорожная ругань нѣсколькихъ голосовъ; лошади сначала сбились въ кучу, потомъ какъ-то разобрались, и наши встрѣчныя сани, накренившись въ разныя стороны и стукнувшись другъ съ другомъ своими отводинами, благополучно разъѣхались...

Мимо меня мелькнула вылѣзшая изъ мохнатаго тулупа знакомая, ожесточенно-разъяренная отъ злобы, физіономія сѣдока... самого Каржавина, котораго, какъ оказалось, кучеръ Николай, усердствуя своимъ кнутомъ, нечаянно задѣлъ тонко скрученнымъ волосянымъ его концомъ.

Отсюда начались всѣ мои невзгоды, посыпались на меня слѣдовательскія безконечныя жалобы, на каждомъ шагу чинились въ нашихъ служебныхъ взаимоотношеніяхъ всевозможныя придирки и пр... Однимъ словомъ, предсказанія Сосновскаго полностью сбылись...

Хочется мнѣ упомянуть еще о двухъ ставропольскихъ старожилахъ, о двухъ городскихъ друзьяхъ — скорѣе собутыльникахъ: судебномъ приставѣ, Иванѣ Матвѣевичѣ Сафаровѣ и нотаріусѣ Быстрицкомъ.

Первый былъ мужчиной огромныхъ размѣровъ, съ большой круглой головой съ жидкими волосами и мясистымъ лунообразнымъ лицомъ почти безъ всякой растительности. Широко разставленные, круглые, большіе, каріе глаза имѣли обычно флегматичное выраженіе, и лишь на охотѣ принимали болѣе оживленный видъ.

Иванъ Матвѣевичъ помѣщалъ кое-когда свои статейки больше сатирическаго свойства въ мѣстныхъ самарскихъ газетахъ, описывая, главнымъ образомъ, непорядки городского самоуправленія. Обычно, писательскій зудъ проявлялся у него въ періодъ тяжелаго отрезвленія, послѣ ряда безудержныхъ запойныхъ дней, проведенныхъ въ сообществѣ всегда пьянаго Быстрицкаго — мѣстнаго нотаріуса, одинъ видъ котораго достаточно говорилъ о принадлежности его къ категоріи „убѣжденныхъ алкоголиковъ".

Когда, бывало, приходилось его встрѣчать на песчаныхъ ставропольскихъ улицахъ, спотыкавшагося и шатавшагося изъ стороны въ сторону, припоминались хоровые напѣвы изъ классической оперетки „Птички пѣвчія", сопровождавшіе появленіе на сценѣ двухъ подвыпившихъ нотаріусовъ: „вотъ они нотаріусы, да какъ шатаются они"...

Оба пріятеля — Сафаровъ и Быстрицкій — были завсегдатаями ставропольского общественнаго собранія, единственнаго мѣстнаго клуба, гдѣ имѣлась особая комната спеціально предназначенная для бильярднаго спорта, каковому и тотъ и другой предавались до самозабвенія, сопровождавшегося опустошеніемъ ими безсчетнаго количества пивныхъ бутылокъ.

Описывая Ставропольское общество и его служилыхъ представителей, не могу не сказать нѣсколькихъ словъ также и про мѣстное городское купечество, которое было немногочисленно и состояло преимущественно изъ мелкихъ хлѣбныхъ торговцевъ — скупщиковъ базарнаго крестьянскаго зернового подвоза.

Наиболѣе оборотистый изъ такихъ перекупщиковъ былъ нѣкій Борисовъ — энергичный умный дѣлецъ, быстро нажившій хорошія средства, на которыя выстроилъ въ Ставрополѣ каменную двухэтажную гостинницу и большой загородный курзалъ. Но дѣловая его карьера вскорѣ оборвалась: на тѣ же нажитыя деньги Борисовъ спился и быстро опустился.

Самой солидной купеческой семьей въ городѣ считалась Климушинская, то были почтенные старики, выдержанные, умные и всѣми уважаемые, которые занимались тоже хлѣбнымъ дѣломъ, но главнымъ образомъ продажей галантерей-

наго товара во всей южной части уѣзда.

Жилъ также въ Ставрополѣ крупный по своему коммерческому обороту торговецъ Черкасовъ, арендаторъ рыбныхъ ловель на Волгѣ подъ Ставрополемъ. Остальные обитатели Ставрополя, въ массѣ своей принадлежавшіе къ мѣщанскому сословію, занимались хлѣбопашествомъ; главнымъ посѣвнымъ злакомъ издавна былъ у нихъ въ яровомъ клинѣ — лукъ, славившійся на всю Приволжскую округу.

22

Проживъ въ Ставрополѣ съ февраля около трехъ мѣсяцевъ, усиленно подготовляясь къ предстоявшей мнѣ служебной работѣ, я естественно успѣлъ перезнакомиться со всѣми будущими своими коллегами по службѣ. Здѣсь скажу нѣсколько словъ о Предсѣдателѣ Съѣзда, Уѣздномъ Предводителѣ Дворянства — Борисѣ Михайловичѣ Тургеневѣ.

Какъ сказано, онъ приходился мнѣ троюроднымъ братомъ по бабкѣ своей — родной сестрѣ моего дѣда Михаила Михайловича Наумова.

Всей своей повадкой и грузной фигурой онъ походилъ скорѣе на увальня-барина не безъ склонности къ нѣкоторой „обломовщинѣ". Не только у себя въ домѣ, но и въ уѣздѣ, Борисъ любилъ носить русскій костюмъ, и даже не всегда надѣвалъ поддевку, оставаясь больше въ широкихъ шароварахъ и огромной ситцевой рубашкѣ, подпоясанной кушакомъ съ кистями. Высшее образованіе онъ получилъ въ Петербургскомъ Университетѣ. Въ общемъ, онъ производилъ на всѣхъ, встрѣчавшихся съ нимъ, самое благопріятное впечатлѣніе, благодаря своему ровному характеру, доступности и душевной отзывчивости.

Бывая наѣздомъ по дѣламъ службы въ Ставрополѣ, Борисъ всегда весьма привѣтливо относился ко мнѣ, всячески стараясь содѣйствовать ознакомленію моему съ помѣстной земской службой, и впослѣдствіи отличая мое участіе въ общей работѣ путемъ предоставленія мнѣ особо трудныхъ и наиболѣе интересныхъ дѣловыхъ порученій по разработкѣ разныхъ вопросовъ по крестьянскому быту и законодательству. Память о Борисѣ Тургеневѣ останется навсегда у меня самая добрая и свѣтлая, какъ о прекрасномъ человѣкѣ, дѣльномъ Предводителѣ и душевно-расположенномъ ко мнѣ первомъ руководителѣ.

При немъ былъ образованъ окончательный составъ земскихъ начальниковъ т. н. „перваго призыва", которыхъ, согласно росписанію Положенія о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ, на нашъ Ставропольскій уѣздъ полагалось всего десять.

Перейду теперь въ своихъ воспоминаніяхъ къ моменту особо памятному и важному въ моей жизни — пріемкѣ того земскаго участка, гдѣ впервые я долженъ былъ оказаться на отвѣтственной самостоятельной должности. Моментъ этотъ

является собственно настоящимъ началомъ моей служебной работы.

Послѣ полученія въ Съѣздѣ всѣхъ необходимыхъ отъ Губернатора и Губернскаго Присутствія оффиціальныхъ бумагъ о моемъ утвержденіи и назначеніи, условились мы съ Михаиломъ Павловичемъ Яровымъ, земскимъ начальникомъ 1-го уч., временно завѣдывавшимъ ввѣреннымъ мнѣ 2-мъ участкомъ, ѣхать вмѣстѣ въ с. Новый Буянъ. Это было 20-го мая 1893 г., и это число мы и рѣшили установить, какъ срокъ оффиціальнаго вступленія моего въ отправленіе служебныхъ обязанностей.

Отъ Ставрополя до с. Новаго Буяна, мѣста моей будущей резиденціи, было около пятидесяти верстъ, которыя обычно проѣзжали на лошадяхъ въ „одну пряжку".
Въ этотъ разъ Михаилъ Павловичъ предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, на его сѣрыхъ, крѣпкихъ и послушныхъ въ рукахъ давняго его лихого кучера Василія „башкирахъ", увѣшанныхъ множествомъ звонкихъ бубенцовъ.

Захвативъ съ собой лишь легкій багажъ и свои портфели, мы усѣлись въ дорожный тарантасъ Ярового казанской работы. Раздался властный приказъ: „Пошелъ!" — и сразу заголосили на разные лады переливчатые бубенцы съ двумя подвязанными подъ дугой колокольчиками. Лихо вынесли насъ привычныя лошади на Ставропольскую песчаную гору, прорѣзали опушку Бора и мѣрно понесли по великолѣпной дорогѣ — большому „Мелекесскому тракту", вдоль безконечнаго, вѣкового, казеннаго, хвойнаго лѣса.

Проѣхавъ деревню Васильевку, мы мало-по-малу стали отдаляться вглубь степи, покуда не доѣхали до большого села Узюкова, къ которому опять подходила лѣсная гряда; но то былъ уже удѣльный лѣсъ, тоже въ десятки тысячъ десятинъ, примыкавшій межа къ межѣ къ Ставропольской казенной лѣсной дачѣ. Въѣхавъ въ узюковскую околицу, Яровой пробасилъ: „Крестись, Саша! Начинается твой участокъ!" На улицѣ около дворовъ толпилось много народу — насъ видимо ждали. Я былъ пораженъ удивительно вѣжливымъ къ намъ отношеніемъ встрѣчавшихся по дорогѣ — всѣ почтительно снимали шапки, женщины привѣтливо кланялись...

Все, что я видѣлъ и чувствовалъ на этомъ первомъ пути къ предстоявшей мнѣ работѣ на пользу народа — доставляло мнѣ чувство глубочайшаго удовлетворенія. Вся окружающая меня природа, въ соединеніи съ великолѣпной весенней погодой, какъ бы вторили ясной, радостной цѣли моей будущей жизни и всему моему бодрому самочувствію.

Чудные хвойные лѣса, насыщавшіе смолистымъ запахомъ всю нашу дорогу до Узюкова; парное дыханіе освободившейся отъ снѣгового покрова пахотной земли и тонкій еле-уловимый ароматъ свѣжей майской зелени, полевыхъ всходовъ и межниковыхъ зарослей — все это радостно возбуждало меня и ободряло на будущую работу именно въ этомъ „захолустьѣ". Въ ту же памятную поѣздку я еще разъ осозналъ себя и одобрилъ свое рѣшеніе, мысленно благо-

даря друга моего Маню Бѣлякову.

Попавъ въ Узюково, я сразу почувствовалъ себя какъ бы въ родной семьѣ, которую я давно успѣлъ полюбить и для которой „стоило жить"...

Поразила меня также общая картина села — не было видно ни одной соломенной крыши; встрѣчались больше все тесовыя, часто попадались крытыя желѣзомъ. По улицамъ красовались крѣпкія высокія, чистыя избы вперемежку съ каменными „домами", и лишь сравнительно небольшая, деревянная церковь какъ-то не соотвѣтствовала общему впечатлѣнію зажиточности Узюковскаго селенья, весьма, повторяю, удивившаго меня своимъ внѣшнимъ видомъ по сравненію съ скудными селеніями сѣвернаго района Ставропольскаго уѣзда.

Объясненіе этому надо искать въ различныхъ условіяхъ соціальнаго прошлаго и земельнаго обезпеченія отдѣльныхъ мѣстностей нашего уѣзда. Въ селѣ Узюковѣ и ему подобныхъ проживали т. н. государственные и удѣльные крестьяне, вольные землепашцы, не знавшіе гнета крѣпостного права, въ противоположность тѣмъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, главный контингентъ которыхъ населялъ сѣверо-западный районъ Ставропольскаго уѣзда.

Помимо этого, часть его, расположенная къ югу отъ р. Черемшана, по уставнымъ грамотамъ, была богаче надѣлена землей, чѣмъ сѣверная, и кромѣ того, въ южной части уѣзда селенія были окружены обширными удѣльными и казенными оброчными статьями отличной пахотной земли, которыми мѣстные крестьяне съ избыткомъ пользовались на исключительно льготныхъ арендныхъ условіяхъ.

Чтобъ продолжать путь изъ Узюкова на Буянъ, намъ нужно было свернуть съ большой дороги на с. Новое Еремкино и ѣхать по колеистому, довольно тряскому проселку, отдалявшему насъ отъ сплошного лѣсного массива. Мало-помалу мы стали терять изъ виду этотъ лѣсъ, и намъ пришлось проѣзжать по голымъ крестьянскимъ полямъ съ ихъ обычнымъ трехпольемъ, встрѣчая то пышныя озимыя, просящіеся „идти въ трубку", то ранніе яровые всходы, то зазеленѣвшіеся „паровые клинья" съ пасущимся на нихъ тощимъ крестьянскимъ скотомъ типичной т. н. „тасканской" породы, т. е. таскавшейся обычно по чужимъ угодьямъ...

На восьмой верстѣ, изъ-подъ пригорка, вдругъ выросла деревянная церковка и мы очутились въ Новомъ Еремкинѣ, небольшомъ мордовскомъ селеніи Ново-Буяновской волости, раскинутомъ на безлѣсной плѣшинѣ, сплошь изрытой оврагами, которые изъ года въ годъ все расширялись и углублялись, особенно послѣ спада вешнихъ водъ.

На борьбу съ обвалами и песчаными наносами мѣстное земство тратило много средствъ, засаживая пораженныя мѣста особыми породами растеній — лохомъ, вербовникомъ, тамарискомъ и др.*

---

* Еремкинскіе овраги памятны мнѣ по происшествію, случившемуся

Изъ Еремкина дорога шла прямо на с. Новый Буянъ, до котораго оставалось еще верстъ двѣнадцать. Сначала ѣхали мы сплошнымъ пахотнымъ полемъ,покуда не показалась на горизонтѣ обширная полоса лѣса... „Это виднѣется Ушковскій лѣсъ" — пробасилъ Яровой и сталъ знакомить меня со всѣми слухами, доходившими до него по поводу самихъ владѣльцевъ, ихъ служащихъ, хозяйства и пр.

Я весь ушелъ въ свое раздумье о предстоявшей работѣ, и меня тянуло узнать не то, кого я встрѣчу, а скорѣе то, какая будетъ тамъ вокругъ меня природа. Поэтому я не переставалъ всматриваться во все то, что встрѣчалось мнѣ на пути къ моей будущей резиденціи.

Скучное Еремкинское поле съ его колеистой разбитой дорогой, наконецъ, кончилось. Мы стали въѣзжать въ т. н. Ушковскую „Еремкинскую" лѣсную дачу. Потянулся хорошій, взрослый, вперемежку съ частыми соснами, густой лиственный лѣсъ, столь напоминавшій мнѣ „Малиновскій заповѣдникъ". День былъ жаркій, лошади притомились. Кучеръ Василій пустилъ ихъ „шажкомъ". Въ лѣсу ощущалась живительная прохлада, и мы рѣшили передохнуть передъ конечнымъ этапомъ нашего пути. Разговоръ не клеился; сѣдоки,

---

въ одну изъ зимъ моего пребыванія въ Буянѣ. Какъ-то въ февралѣ мѣсяцѣ пришлось мнѣ возвращаться изъ с. Мусорки къ себѣ домой въ Буянъ черезъ Еремкино.

Выѣхалъ я поздно вечеромъ, будучи задержанъ служебными дѣлами въ Мусорском волостномъ правленіи. Стояла вѣтряная погода, превратившаяся къ ночи въ жестокій буранъ. Везъ меня мѣстный ямщикъ на парѣ своихъ „гонныхъ" лошадей. Выѣхавъ изъ Мусорки, мы сначала еще различали дорожныя вѣхи, а спустя немного погода стала такая, что, какъ говорится, „зги Божьей не было видать". Мокрый густой снѣгъ сплошной пеленой хлопьями залѣплялъ намъ глаза и слѣпилъ лошадей, привычныхъ къ зимнимъ гусевымъ дорогамъ. Вскорѣ мы почувствовали, что сбились съ дороги. Ямщикъ слѣзъ съ козелъ, сталъ ее искать, вернулся и, махнувъ рукой, заявилъ, что „нечистый запуталъ"; попробовалъ онъ было снова тронуть продрогшихъ животныхъ... и тутъ случилось нѣчто совершенно непредвидѣнное: всѣ мы свалились въ мягкую снѣговую пропасть. Сани накрыли насъ обоихъ, а лошади барахтались рядомъ. Разобраться куда мы попали не было никакой возможности: кругомъ стояла непроглядная тьма и завывалъ безпощадный буранъ, постепенно превращавшійся въ сухой и морозный. Ежеминутно насъ заваливало все сильнѣе и толще огромными снѣговыми пластами. Ямщикъ мой закрылся съ головой своимъ чапаномъ (верхняя крестьянская одежда) и зловѣще затихъ...

Въ подобномъ положеніи насъ обоихъ, прикрытыхъ санями, занесенныхъ саженнымъ снѣговымъ покровомъ и оказавшихся на днѣ Еремкинскаго оврага, застало ясное солнечное зимнее утро, смѣнившее бѣшеную ночную вьюгу.

Еремкинскіе крестьяне насилу нашли и откопали насъ въ окоченѣвшемъ состояніи, почти уже готовыхъ отойти въ тотъ зимній вѣчный сонъ, который такъ ярко описанъ Л. Толстымъ въ его повѣсти „Хозяинъ и Работникъ".

видимо, тоже слегка пріустали. Тихо, не спѣша, продвигались мы среди лѣсной чащи, таившей въ себѣ на мой охотничій взглядъ немало звѣриной и птичьей приманки. Выѣхавъ на открытую долину, Василій своимъ кнутовищемъ указалъ на начавшійся съ правой стороны сѣдой вѣковой боръ и промолвилъ: „Это, баринъ, называется Моховой боръ — въ ёмъ глухаря весной живетъ до пропасти".

Дальше на нашемъ пути показалась узенькая лощинка, извивавшаяся змѣйкой изъ конца въ конецъ „мохового" поля и обросшая живописной грядой старой ольхи съ ея пересвѣчивавшейся на солнышкѣ глянцевитой листвой.

„Моховое" поле замыкалось на взгорьѣ небольшимъ перелѣскомъ, проѣхавъ который, мы очутились лицомъ къ лицу съ раскрывшимся передъ нашими глазами удивительно живописнымъ ландшафтомъ: на переднемъ планѣ показался блестѣвшій ровной зеркальной поверхностью прудъ, окаймленный то тамъ, то сямъ, разбросанными вдоль его береговъ нарядными плакучими березами, ивами, хмурыми величавыми дубами и кудрявыми ольхами. Дальше прудъ сливался съ обширной долиной, вдоль лѣваго края которой виднѣлось растянувшееся по косогору селеніе, а съ правой, болѣе нагорной стороны, высился красивой архитектуры коричневый съ зеленой крышей господскій домъ, за которымъ бѣлѣла церковь... Вся эта панорама завершалась синѣвшей въ самой дали полосой дремучаго хвойнаго лѣса.

„Вотъ, дорогой мой! — раздался голосъ Ярового — и Новый Буянъ передъ нами! Твоя будущая резиденція. Вѣдь красиво?!" — „Ну-ка, Вася! — обратился онъ къ кучеру — Отдохнули! Съ Богомъ! Ходу!" — „Эй вы, соколики — разбойнички, ну-ка тряхнемъ!" — тотчасъ же заголосилъ своимъ звонкимъ теноркомъ нашъ лихой возница...

Зашумѣло, зазвенѣло, и передохнувшіе добрые „башкиры" вновь дружно вложились въ свои постромки... Мелькнулъ прудъ съ плотиной и пріютившейся сбоку мельницей. Быстро проѣхали мы заросшую таловымъ кустарникомъ низину, по которой извилисто протекала изъ-подъ мельничнаго шлюза быстрая рѣчка. Вскорѣ показалась околица и, наконецъ, въѣхали мы въ желанный нашъ Буянъ.

Народу на улицѣ столпилось много. Нашъ троечный бубенцовый перезвонъ очевидно издалека еще былъ слышенъ, особенно благодаря безпрерывному зычному покрику голосистаго Василія, для котораго лихой проѣздъ по селенію и „форсный" подъѣздъ къ крыльцу были дѣломъ профессіональнаго самолюбія.

Проѣхавъ такимъ образомъ по растянувшемуся чуть ли не съ версту Буяновскому селенію, мы очутились около мѣстнаго волостного правленія, расположеннаго на довольно крутомъ склонѣ и представлявшаго собой сравнительно ветхое деревянное зданіе съ полинявшей отъ времени вывѣской.

У крыльца собралось все наличное начальство: старшина съ писарями, староста, судьи и урядникъ съ сотскими. Мы пріостановились, и Михаилъ Павловичъ, замѣтивъ, что мнѣ до пріемки участка пока дѣлать здѣсь нечего, поздоровался со всѣми, не выходя изъ экипажа и распорядился, чтобы всѣ они явились въ камеру земскаго начальника.

Снова заголосили бубенцы; мы круто повернули въ сторону господской усадьбы и переѣхали съ неистовымъ грохотомъ по деревянному мосту черезъ пересѣкавшіе путь глубокій оврагъ и рѣчку, послѣ чего мы очутились передъ довольно крутой горой, на которую добрые кони махомъ внесли насъ подъ аккомпаниментъ разудалаго гиканья Василія.

Внизу подъ горой мимо насъ промелькнулъ винокуренный заводъ, а взобравшись на гору, мы проѣхали такъ же стремительно разныя службы, главныя ворота, черезъ которыя на мигъ показалась господская усадьба, промчались мимо конторы, и подъ раскатистый кучерской — „тпррр", мы „лихо" остановились у подъѣзда двухъэтажнаго деревяннаго флигеля съ балкончикомъ въ верхнемъ этажѣ. — „Ну вотъ, дорогой Александръ Николаевичъ, мы и дома — вотъ твоя квартира, — Господи благослови!" радостно воскликнулъ Михаилъ Павловичъ, вылѣзая изъ тарантаса. На крыльцѣ встрѣтили насъ оба наши письмоводителя и кое-кто изъ мѣстныхъ служащихъ.

Чистенькія, уютныя комнатки произвели на меня самое благопріятное впечатлѣніе, но, когда изъ столовой мы вышли на балконъ, я положительно замеръ отъ охватившаго меня восторга при видѣ раскрывшейся передъ моими глазами чудесной панорамы... Передъ самыми окнами за оврагомъ виднѣлась бѣлая каменная, старинной постройки, церковь съ расположенными вокругъ нея причтовыми домами и помѣстительными школами: церковно-приходской и земской. За ними, въ видѣ декоративнаго фона, вырисовывался конецъ главнаго порядка села Новаго Буяна, упиравшагося въ вѣковой сосновый боръ, безконечной синей лентой уходившій въ глубокую даль до границы уѣзда.

Вдоволь насладившись видомъ и перекрестясь на высившуюся передъ нами церковь, мы съ Яровымъ приступили къ очередному дѣлу — пріемкѣ мною земскаго участка.

Провѣривъ дѣла и отчетность, мы къ вечеру кончили все требуемое по закону. Такимъ образомъ, съ 20 мая 1893 года я принялъ на себя юридически и фактически всю отвѣтственность и все бремя завѣдыванія вторымъ участкомъ Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи, включавшимъ въ себѣ четыре огромныя волости: Ново-Буяновскую, Мусорскую, Ново-Бинарадскую и Старо-Бинарадскую. Ново-Буяновская волость состояла изъ нижеслѣдующихъ населенныхъ мѣстъ: села Новый Буянъ съ хуторами, с. Новое Еремкино, деревень: Мошки съ хуторами, Николаевки и Сергіевки; Мусорска — изъ селеній Мусорки (волостное правленіе), Кирилловки, Узюкова и Ташлы; Ново-Бинарадская — Новой Бинарадки (волостное правленіе), Сухихъ Авралей, дер.: Михайловки, Новой Хмѣлевки, Урайкина и Кубань-Озера; Старо-Бинарадская — с. Старой Бинарадки (волостное правленіе), с. Пискалы и с. Курумыча. Обѣ послѣднія волости, так-

же какъ и Новое Еремкино населены были мордвой двухъ нарѣчій — „Мокша" и „Эрзя" (курьезъ тотъ, что оба на столь другъ отъ друга разнствовали, что лишь рѣдкія слова были одинаковаго корня и произношенія). Остальныя селенія, за исключеніемъ татарскихъ: Урайкина и Кубань-Озера, были заселены русскими.

Характерной чертой для состава населенія моего участка являлось то обстоятельство, что крестьяне лишь с. Новаго Буяна и дер. Мошекъ принадлежали къ бывшимъ помѣщичьимъ (первые — бывшіе кн. Трубецкихъ, вторые — Аверкіевыхъ), всѣ же остальные были бывшіе удѣльные, на много по своимъ природнымъ и унаслѣдованнымъ качествамъ выгодно отличаясь отъ обычнаго типа бывшихъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ, благодаря большей присущей имъ искренности, довѣрчивости и той самостоятельной предпріимчивости, которыя сравнительно легко отвлекали ихъ отъ рутины и наталкивали на полезныя для ихъ сельско-хозяйственнаго быта новшества. Въ общей массѣ все это былъ народъ работящій, трезвый, зажиточный, благодаря исключительнымъ благопріятнымъ условіямъ ихъ землепользованія.

Само собой — „въ семьѣ не безъ урода" — существовалъ и среди нихъ „гулящій" элементъ, доставлявшій докуку полицейскимъ властямъ, но сравнительно весьма незначительный, причемъ таковой встрѣчался больше въ приволжскихъ селеніяхъ — какъ напримѣръ, въ с. Курумычъ, расположенномъ невдалекѣ отъ Царева Кургана и отъ той гряды Жигулевскихъ горъ, которая въ свое время служила мѣстомъ разгула и разбоя волжскаго эпическаго героя Стеньки Разина, причемъ курумчанъ мнѣ называли, какъ прямыхъ потомковъ разинской молодецкой артели, — на самомъ дѣлѣ — судя по поведенію буйныхъ обитателей упомянутаго селенія, представлявшихъ собою настоящую приволжскую вольницу.

На слѣдующій день послѣ сдачи участка Михаилъ Павловичъ меня покинулъ, предварительно представивъ мнѣ явившихся въ мою канцелярію всѣхъ четверыхъ волостныхъ старшинъ: Ново-Буяновскаго — Егора Егоровича Мигачева, Мусорскаго — Ивана Константиновича Зулаева, Ново-Бинарадскаго — Астафія Семеновича Алексашина и Старо-Бинарадскаго — Ивана Емельяновича Сидорова.

Среднихъ лѣтъ, большого роста, весь могучій, Мигачевъ, съ красивымъ открытымъ, привѣтливо-умнымъ лицомъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ не только въ своей волости, но и далеко за ея предѣлами, въ силу своего природнаго ума и безупречно-честнаго отношенія къ исполненію своихъ обязанностей.

Мусорскимъ старшиной былъ Иванъ Константиновичъ Зулаевъ, крестьянинъ с. Мусорки, небольшого роста, всей своей неказистой наружностью мало какъ бы соотвѣтствовавшей занимаемому положенію старшаго лица въ волости. Но на дѣлѣ этотъ маленькій, съ взъерошенной бороденкой, невзрачный человѣчекъ былъ превосходнымъ старшиной, который пользовался всеобщей любовью и авторитетомъ. Въ его волости всѣ прислушивались къ тому, что скажетъ Иванъ Константиновичъ. И Зулаевъ, благодаря своей заботливости и доброму сердцу, несомнѣнно преуспѣвалъ въ своихъ трудныхъ служебныхъ обязанностяхъ.

Въ противовѣсъ Зулаеву, Ново-Бинарадскій старшина, Астафій Семеновичъ Алексашинъ, казался по внѣшнимъ своимъ качествамъ наиболѣе подходящей фигурой для несенія своихъ обязанностей. Огромнаго роста, кряжистый, съ солиднымъ брюшкомъ, подтянутымъ плотно застегнутой поддевкой, Алексашинъ особенно импонировалъ всему окружающему своей огненно-рыжаго оттѣнка лопатообразной бородой, которую онъ самъ, видимо, высоко цѣнилъ, холилъ, при всякомъ удобномъ случаѣ бережно расчесывая. Разговоръ его и вся повадка были строго размѣренными и величаво-обстоятельными... Ума Астафій Семеновичъ былъ не великаго, но зато въ разговорахъ и дѣлахъ его выручала природная „начальственная" солидность... Разъ только онъ сплошалъ и смалодушничалъ, но объ этомъ разскажу послѣ...

Сидоровъ, Иванъ Емельяновичъ, былъ безцвѣтнымъ, но исполнительнымъ старшиной; служить ему было тяжело среди курумчанской вольницы, но оставаться на видной должности ему хотѣлось, ибо былъ онъ въ высшей степени честолюбивъ.

Первое знакомство мое со всѣми этими лицами оставило во мнѣ неизгладимо радостное впечатлѣніе. При всей ихъ манерѣ вести себя передъ новымъ своимъ начальникомъ сдержанно и корректно, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, почувствовалъ ихъ искреннее доброжелательство лично ко мнѣ и ко всѣмъ высказаннымъ мною служебнымъ соображеніямъ и заданіямъ.

Такое отношеніе старшинъ, въ связи съ путевыми моими впечатлѣніями, подтверждало лишь то, что передавалъ мнѣ отецъ въ Самарѣ, еще въ февралѣ 1893 года, по поводу вступленія моего въ составъ земскихъ начальниковъ нашего уѣзда. По дорогѣ изъ Головкина въ Самару отцу не разъ приходилось слышать относительно моего назначенія одобрительные отзывы крестьянъ ставропольцевъ, привѣтствовавшихъ меня, Наумова, какъ своего мѣстнаго „природнаго" земскаго начальника.

23

Столь же теплое къ себѣ отношеніе я встрѣтилъ со стороны мѣстныхъ обитателей с. Новаго Буяна — моей новой резиденціи. Прежде всего, я остановлюсь въ своихъ воспоминаніяхъ на семьѣ Ушковыхъ, крупныхъ мѣстныхъ землевладѣльцахъ, которымъ принадлежало до 13.500 десятинъ земли съ широко раскинутой усадьбой, включавшей и тотъ флигель, въ которомъ мнѣ была отведена квартира.

Семья Ушковыхъ состояла изъ отца — Константина Ка-

питоновича и шестерыхъ дѣтей — четырехъ сыновей: Григорія, Алексѣя, Михаила и Александра, и двухъ дочерей — Анны и Наталіи. Ихъ мать — Марья Григорьевна, долгое время хворала, страдая туберкулезомъ легкихъ; въ силу этого она, а съ ней и вся семья, вынуждены были проживать въ теплыхъ краяхъ заграницей, въ послѣднее время на островѣ Мадерѣ, гдѣ она и скончалась.

Овдовѣвшій Константинъ Капитоновичъ съ дѣтьми вернулся въ Россію, рѣшивъ на лѣто поселиться въ любимомъ имъ Новомъ Буянѣ, отличавшемся прекраснымъ мѣстоположеніемъ и здоровымъ климатомъ. Вмѣстѣ съ этой семьей, понаѣхало множество гостей, воспитателей, учительницъ, гувернантокъ и прочихъ домочадцевъ — однимъ словомъ, въ Ново-Буяновской усадьбѣ жизнь закипѣла во всю. Все это веселилось, устраивало ежедневныя верховыя кавалькады, оживленные пикники, катанья на лодкѣ, рыбныя ловли, ружейныя охоты и пр... Слышались, наряду съ родной рѣчью, иностранные языки — французскій, нѣмецкій и англійскій...

Откровенно говоря, я лично никакъ не ожидалъ встрѣтить въ глухомъ Заволжьѣ все то, что довелось мнѣ увидать въ Ново-Буяновской усадьбѣ, и не скрою, что по началу я считалъ такое многолюдье, до извѣстной степени, себѣ помѣхой: это шумное „свѣтское” общество какъ бы нарушало созданное мною заранѣе настроеніе дѣловитаго одиночества... Но дальнѣйшее болѣе близкое мое знакомство съ этой семьей и рѣдкія личныя качества отца — Ушкова не только примирили меня съ неожиданнымъ оживленнымъ сосѣдствомъ, но превратили меня со временемъ въ близкаго друга милаго и душевнаго Константина Капитоновича, котораго я искренно полюбилъ.

Впослѣдствіи судьба учинила со мною еще большее: черезъ пять лѣтъ послѣ моего знакомства съ Ушковыми я породнился съ ними, женившись на старшей дочери — Аннѣ. Произошла удивительная и чудеснѣйшая комбинація моихъ житейскихъ превратностей: сватовство съ кузиной Маней Бѣляковой, вскорѣ оборвавшееся, кореннымъ образомъ видоизмѣнило русло всей моей жизни, направивъ меня въ то именно село, гдѣ я нашелъ свое будущее прочное семейное счастье...

Константинъ Капитоновичъ принадлежалъ къ почтенной семьѣ, издавна извѣстной въ Вятской губерніи и пользовавшейся всеобщимъ уваженіемъ, наравнѣ съ другими старинными родами того же Пермско-Вятскаго края — Любимовыхъ, Кузнецовыхъ и Стахѣевыхъ.

Съ ранней молодости Константинъ Капитоновичъ былъ втянутъ его отцомъ, Капитономъ Яковлевичемъ, въ отвѣтственную работу, исполняя всевозможныя его порученія по хлѣбнымъ и лѣснымъ операціямъ. Женатъ онъ былъ на Марьѣ Григорьевнѣ Кузнецовой, родной внучкѣ большого и виднаго дѣльца, Алексѣя Семеновича Губкина, основателя богатѣйшаго чайнаго дѣла и крупнаго жертвователя въ Прикамскомъ районѣ на учебно-техническое образованіе. Благодаря

этому Алексѣй Семеновичъ сталъ лично извѣстенъ Государю Александру II, а внучка его, Марья Григорьевна, при своемъ бракосочетаніи съ Ушковымъ, удостоилась Высочайшей милости — благословенія Императрицы Маріи Александровны образомъ Казанской Божьей Матери; этой же иконой была молитвенно напутствована и моя супруга Анна Костантиновна при выходѣ ея въ замужество.

У Алексѣя Семеновича Губкина была единственная дочь Анна Алексѣевна, выданная замужъ за Григорія Кирилловича Кузнецова. Отъ этого брака было у нихъ двое дѣтей: упомянутая выше Марья Григорьевна, по мужу Ушкова, и ея братъ — Александръ Григорьевичъ, оставшійся холостымъ и въ сравнительно молодыхъ годахъ скончавшійся въ Москвѣ.

Къ Александру Григорьевичу перешло отъ его дѣда все чайное дѣло, которое онъ сумѣлъ организовать въ особое товарищество, извѣстное на всемъ міровомъ рынкѣ подъ наименованіемъ: „Торгово-промышленное товарищество Преемники А. С. Губкина А. Г. Кузнецовъ и Ко.”

Къ глубокому сожалѣнію, я не зналъ Марьи Григорьевны, скончавшейся въ 1891 году на о. Мадерѣ и перевезенной потомъ въ подаренное ей дѣдомъ Губкинымъ имѣніе при с. Рождественно Сызранскаго уѣзда Симбирской губ. Равнымъ образомъ не имѣлъ я случая познакомиться съ ея братомъ, Александромъ Григорьевичемъ, до его кончины. Могу лишь судить о нихъ по дошедшимъ до меня слухамъ.

Больше всего я слышалъ про покойную мать моей жены отъ самого Константина Капитоновича, всегда отзывавшагося о ней съ чувствомъ благоговѣнія и горячей любви. Отлично образованная, получившая превосходное воспитаніе въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ, Марья Григорьевна была женщиной умной, обладавшей рѣдкими душевными качествами и врожденной чуткостью. Будучи гостепріимной хозяйкой и пріятной собесѣдницей, она умѣла мѣткимъ краткимъ словомъ всякаго наградить по его заслугамъ.

Ея братъ, Александръ Григорьевичъ, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ его, былъ по своимъ взглядамъ, убѣжденіямъ, свойствамъ ума и характера настоящимъ джентльменомъ, истиннымъ аристократомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Недаромъ, несмотря на свои тридцать лѣтъ съ небольшимъ, имя его въ большихъ коммерческихъ кругахъ не только Россіи, но и заграницей, произносилось съ особымъ уваженіемъ. Когда, бывало, его яхта „Форосъ” бросала якорь въ Ниццскомъ порту, къ нему жаловали на бесѣды и широкое русское гостепріимство не только именитые представители банковскаго міра въ лицѣ Ротшильдовъ и др., но и такія высокопоставленныя особы, какъ русскіе Великіе Князья, принцъ Уэльскій, герцоги Мекленбургскій, Лейхтенбергскій и др.

Вернусь теперь къ самому Константину Капитоновичу, которому ко времени нашего съ нимъ перваго знакомства было немного болѣе сорока лѣтъ. На видъ моложавый — онъ отличался большою живостью, всѣмъ интересовался, любилъ общество, развлеченія, охоту, въ особенности, рыбную ловлю.

Въ его густо-очерченныхъ темными рѣсницами сѣро-голубыхъ глазахъ, полныхъ энергіи и здоровой любознательности, ясно отражалась вся неизбывная его страсть къ жизни. Это былъ рѣдкій человѣкъ по своимъ душевнымъ качествамъ, по добротѣ, отзывчивости и незлобивости. Вспыливъ, что съ нимъ нерѣдко случалось, онъ быстро отходилъ. Для злого чувства въ его сердцѣ не было мѣста.

Преобладающими свойствами его характера были — благожелательная ко всѣмъ довѣрчивость и подчасъ излишняя мягкость. Подобныя качества въ дѣловомъ отношеніи не всегда приносили ему пользу и, можетъ быть, благодаря этому въ широкихъ московскихъ коммерческихъ кругахъ онъ не считался серьезнымъ дѣльцомъ. Да и самъ онъ на это не претендовалъ, сознавая свои недостатки, чему доказательствомъ служило, между прочимъ, его поведеніе послѣ ухода его главноуправляющаго, Оскара Карловича Корста, совпавшаго какъ разъ съ первымъ годомъ моей женитьбы.

Не разсчитывая на собственныя силы, съ уходомъ Корста, онъ возложилъ на меня все дѣло управленія обширнымъ Ушковскимъ имуществомъ, на что имъ и была выдана соотвѣтствующая довѣренность.

При всемъ этомъ, Константинъ Капитоновичъ пользовался всеобщей любовью за свою привѣтливость. Простодушный, довѣрчивый и жизнерадостный, онъ былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, относившимся къ религіи и церковной жизни съ искреннимъ усердіемъ; онъ много помогалъ бѣднымъ и больнымъ, немало посодѣйствовавъ дѣлу юношескаго обученія и воспитанія.

Къ своей семьѣ, осиротѣвшей послѣ кончины его жены Маріи Григорьевны, Константинъ Капитоновичъ относился заботливо и сердечно. Отвлекаемый обширнымъ знакомствомъ и общественно-благотворительными дѣлами, онъ окружилъ своихъ дѣтей всѣмъ необходимымъ въ смыслѣ обезпеченія ихъ наилучшаго образованія и воспитанія.

Обѣ дочери — Анна и Наталія — были неразлучны съ отцомъ, постоянно проживая съ нимъ по зимамъ въ Москвѣ въ ихъ богатомъ и красивомъ особнякѣ на Рождественскомъ бульварѣ (б. фонъ Меккъ). Къ нимъ приходили лучшіе въ Москвѣ педагоги, и при нихъ состоялъ цѣлый штатъ гувернантокъ для изученія иностранныхъ языковъ, подъ наблюденіемъ старшей воспитательницы. Таковыми были на моей памяти: баронесса Косподтъ, А. И. фонъ Зеккъ и г-жа Тютчева.

Что же касается воспитанія мальчиковъ, то оно было цѣликомъ возложено на Михаила Ивановича Лопаткина, числившагося, если не ошибаюсь, лаборантомъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, такъ что всѣ сыновья — Григорій, Алексѣй, Михаилъ и Александръ жили врозь съ отцомъ, будучи устроены при семьѣ Лопаткина, проживавшей постоянно въ Казани на собственной дачѣ. Такое устройство дѣтей было подсказано Константину Капитоновичу, тотчасъ же по возвращеніи всей семьи изъ заграницы, его шуриномъ Александромъ Григорьевичемъ Кузнецовымъ, являвшимся авторитетнымъ совѣтчикомъ и руководителемъ во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ своей сестры.

Лопаткинъ былъ рекомендованъ Александру Григорьевичу бывшимъ главноуправляющимъ Ушковыхъ, Пальчиковымъ, и сумѣлъ быстро войти въ полное довѣріе, какъ самого Кузнецова, такъ и отца Ушкова. Вслѣдствіе этого всѣ четыре мальчика были отданы для ихъ обученія и воспитанія всецѣло въ руки Михаила Ивановича, который отказался переѣхать въ Москву и остался у себя въ Казани, помѣстивъ сыновей Константина Капитоновича въ Казанскую первую гимназію.

Всей своей внѣшностью Михаилъ Ивановичъ напоминалъ зауряднаго русскаго солиднаго крестьянина. Подъ его высокимъ лбомъ виднѣлись небольшіе, но умные, не безъ хитрости и нѣкоторой насмѣшки, каріе глаза.

Крестьянскаго происхожденія, пробившись до университета, но не сумѣвши добиться профессуры, Лопаткинъ обзавелся семьей, женившись на казанской помѣщицѣ — Ольгѣ Павловнѣ Николаи, у брата которой онъ въ свое время репетиторствовалъ. Ольга Павловна была умной, сердечной женщиной и доброй хозяйкой. Трехъ старшихъ имъ удалось довести до университета, младшій же мальчикъ Александръ („Тулинька") двѣнадцати лѣтъ погибъ жертвой безжалостной скарлатины.

По мѣрѣ окончанія гимназическаго курса, молодые Ушковы теряли первоначальную тѣсную связь съ Лопаткинскимъ домомъ, тѣмъ болѣе, что согласно духовному завѣщанію Александра Григорьевича Кузнецова, всѣ они, въ годъ их совершеннолѣтія, становились въ имущественномъ отношеніи не только обезпечеными, но и вовсе богатыми людьми.

23

Вернусь къ прерванному повѣствованію о первомъ моемъ знакомствѣ съ Буяномъ и его обществомъ. Въ красивой обширной деревянной усадьбѣ, расположенной на возвышенной береговой сторонѣ живописной широкой рѣчной долины, въ маѣ 1893 года, размѣстилась вся семья Ушковыхъ, съ Константиномъ Капитоновичемъ во главѣ — всѣ четыре сына съ ихъ воспитателемъ Лопаткинымъ, и обѣ дочери.

Милые, симпатичные, веселые и общительные Ушковы сразу завоевали мои симпатіи, и въ часы досуга я испытывалъ искреннее удовольствіе быть въ обществѣ этой, Господомъ Богомъ ниспосланной мнѣ, радушной семьи. Особенно полюбился мнѣ самъ Константинъ Капитоновичъ, рѣдкій по обаятельности человѣкъ, простой, веселый сотоварищъ по безчисленнымъ нашимъ совмѣстнымъ охотамъ, хозяйственнымъ поѣздкамъ и пикникамъ, въ исключительной по своей красотѣ Ново-Буяновской мѣстности. Несмотря на разницу лѣтъ, насъ объединяла одна общая страсть къ природѣ, къ вольному

ея простору, къ землѣ, хозяйству и всему деревенскому быту.

Сколько велось у меня откровенныхъ съ нимъ задушевныхъ бесѣдъ, съ этимъ удивительно сердечнымъ и отзывчивымъ человѣкомъ. Вспоминается мнѣ, напримѣръ, теплая, благоухающая, майская лунная ночь. Трудовой день прошелъ. Закончено все срочное. Канцелярія закрыта, прислуга отпущена. Задувъ послѣднюю лампу въ своей квартиркѣ, я вышелъ на балконъ. Деревня спитъ; кое-гдѣ лишь перестукиваются ночные караульщики. Свѣтло, какъ днемъ. Мѣсяцъ, словно огромный небесный фонарь, освѣщаетъ своимъ таинственнымъ фосфорическимъ блескомъ разстилающуюся передо мной улицу, оврагъ, а за нимъ бѣлѣющую церковь. Стоишь и млѣешь отъ пряного ночного воздуха, насыщеннаго спѣлымъ запахомъ оттаявшей земли и издали доносящимся ароматомъ разогрѣтой за жаркій день лѣсной Буяновской громады...

Вдругъ въ ночной тиши послышались шаги. На темномъ фонѣ улицы ясно сталъ выдѣляться обликъ одѣтой въ бѣлое человѣческой фигуры, остановившейся передъ моимъ флигелемъ въ нерѣшительности. Догадываясь, я со своего балкона окликаю милаго сосѣда-хозяина... — „Я такъ и зналъ, что Вы еще не спите, — слышу въ отвѣтъ голосъ Константина Капитоновича: — хотѣлъ Вамъ предложить на часокъ-другой прокатиться къ Николаевскому Бору... Ужь больно ночь хороша!" Сказано — сдѣлано! И вотъ, вдвоемъ, въ шарабанѣ, легкой рысью, а гдѣ и шагомъ, проѣзжаемъ мы по чудному сосновому бору, фантастически, какъ затѣйливое кружево, разукрашенному подъ сѣнью таинственныхъ лунныхъ лучей. Хорошо, красиво было тогда вокругъ насъ и тепло на душѣ!..

Вспоминается мнѣ тотъ же незабвенный Константинъ Капитоновичъ въ иной обстановкѣ и въ другое время года: ноябрь. Легкій морозъ — градусовъ 6 — 8. Вдали отъ всего и всѣхъ, въ лѣсной глуши, на опушкѣ слегка заиндевѣвшаго березоваго молодняка, сижу въ наскоро устроенномъ шалашѣ... Только что окончилась охота. Изъ лѣсу десятокъ верхачей на насъ нагонивали тетеревовъ, довѣрчиво подсаживавшихся около искусно сдѣланныхъ и насаженныхъ надъ нашими головами чучелообразыхъ своихъ сородичей. Выстрѣлы отпугнули на далекое пространство уцѣлѣвшихъ пернатыхъ красавцевъ. Дѣлать въ своемъ прикрытіи оставалось нечего... Покинувъ свое насиженное мѣсто и дыша полной грудью свѣжимъ „ядренымъ" воздухомъ начавшейся зимы, ступая по мягкому пухлому покрову бѣлоснѣжной пороши, перехожу черезъ обширную поляну къ шалашу Константина Капитоновича и, конечно, застаю его за любимымъ дѣломъ — раскладкой обильной охотничьей закуски, которую обычно заготавливала на дорогу и охоту почтенная экономка Любовь Максимовна, выняньчившая всѣхъ молодыхъ Ушковыхъ. Торопиться домой было не къ чему, погода стояла великолѣпная, загонщики-верхачи отпущены, лошади съ кучерами расположены тоже въ сторонѣ въ ожиданіи сигнала — охотничьяго рога. Мы одни, кругомъ — тишина, чистота дѣвственнаго снѣга и до страсти любимая нами обоими красота близкой Божьей природы... И безъ конца, бывало, велась въ подобной обстановкѣ наша непринужденная задушевная бесѣда, касавшаяся всего понемногу, причемъ само собой и Москву съ ея шумнымъ весельемъ въ нашемъ шалашѣ не забывали...

Однажды ѣхали мы съ Константиномъ Капитоновичемъ изъ Новаго Буяна въ другое его имѣніе при селѣ Рождественно Симбирской губ., расположенное противъ Самары. Переправившись черезъ Волгу около Царевщины, подъ Царевымъ Курганомъ, намъ пришлось проѣзжать вдоль рѣки симбирскимъ крутымъ берегомъ, а дорога была сильно раскатана и выбита огромными ухабами. Ѣхали мы на Ушковской вороной тройкѣ съ знаменитымъ „Знатнымъ" въ корню, сильнымъ жеребцомъ исключительной выносливости. На козлахъ сидѣлъ малосильный кучеръ Артемій. Снѣгу въ тотъ годъ было много. Зима была вѣтряная, и буранами на нѣкоторыхъ мѣстахъ надуло саженные сугробы. На одномъ изъ ухабовъ лошади почему-то рванули, сани подскочили, за ухабомъ послѣдовалъ крутой раскатъ, за нимъ — сильный толчекъ и оба сѣдока, Константинъ Капитоновичъ и я, выбитые изъ своихъ сидѣній, сразу же окунулись въ мерзлую, пушистую снѣговую пучину...

Высунувшись изъ своей неожиданной берлоги, я увидалъ вдали остановленную тройку съ обернувшейся красной заиндевѣвшей физіономіей Артемія. Кое-какъ выбравшись на дорогу, я не безъ опаски началъ спрашивать: „Гдѣ же Константинъ Капитоновичъ?"

Вслѣдствіе силы толчка, крутизны берега и снѣжныхъ суоевъ, ожидать можно было всего... Стали мы звать Ушкова и кричать. Прошло нѣкоторое время, показавшееся намъ вѣчностью, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дороги, изъ под нависшихъ надъ крутояромъ таловыхъ вѣтвей, сплошь заваленныхъ глубочайшимъ снѣжнымъ покровомъ, послышался знакомый голосъ, весело меня звавшій. Бросаюсь не безъ труда къ нему, увязая по поясъ въ сугробѣ, добираюсь до тальника и что же вижу? На днѣ глубокой снѣжной воронки, образовавшейся отъ паденія бѣднаго Константина Капитоновича, сидитъ онъ самъ въ спокойной, счастливой позѣ, держа въ рукахъ дорожную флягу съ коньякомъ и налитый стаканчикъ. Весь запорошенный снѣгомъ, но все такой же бодрый и веселый, Ушковъ, увидавъ меня, радостно воскликнулъ: „Наконецъ-то! Шесть аршинъ три четверти!" (обычная его поговорка) — „за твое здоровье я уже выпилъ — теперь твой чередъ осушить стаканчикъ за мое чудесное спасеніе!"...

Лишь впослѣдствіи, когда судьба свела его съ Терезой Валентиновной, урожденной Элухенъ, по мужу Михайловой, и въ 1904 г. состоялся его бракъ съ ней, Константинъ Капитоновичъ сразу измѣнился и изъ года въ годъ терялъ свою прежнюю бодрость и жизнерадостность. На меня онъ тогда

производилъ тягостное впечатлѣніе угасавшаго человѣка, безъ привычной прежней обстановки воли и свободы.

Предчувствія мои сбылись. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ у ранѣе молодцеватаго и крѣпкаго Константина Капитоновича начались разныя недомоганія; обликъ его замѣтно измѣнился, и жизнь его навсегда прекратилась въ апрѣлѣ 1918 года. Скончался Константинъ Капитоновичъ 67 лѣтъ, похороненъ въ Москвѣ въ ту пору, когда мы съ женой, проживая въ Крыму, были совершенно отрѣзаны отъ Москвы революціонными событіями. Царствіе тебѣ небесное, дорогой, незабвенный Константинъ Капитоновичъ! Память о тебѣ остается въ нашихъ сердцахъ на вѣчныя времена!

24

Прежде чѣмъ перейти къ послѣдующимъ моимъ воспоминаніямъ, остановлюсь на краткой характеристикѣ остальныхъ членовъ Ушковской семьи.

Старшимъ сыномъ Константина Капитоновича былъ Григорій, съ юныхъ лѣтъ державшій себя по отношенію къ остальнымъ своимъ братьямъ и сестрамъ нѣсколько властно съ явнымъ превосходствомъ. Средняго роста, бѣлокурый, онъ типомъ своего лица походилъ скорѣе на Кузнецовыхъ.

Григорій былъ несомнѣнно одаренной натурой, но ранняя матеріальная обезпеченность и неблагопріятно создавшаяся для развитія его самодѣятельности житейская сытая и беззаботная обстановка — выработали изъ него человѣка, склоннаго къ праздной жизни. Еле достигнувъ совершеннолѣтія, получивъ по завѣщанію дяди Кузнецова на руки крупный капиталъ (свыше 200.000 р. наличными и около милліона паями и процентными бумагами), онъ забросилъ университетскія науки, женился на дочери казанскаго пивовара Петцольда, выпросивъ себѣ у сонаслѣдниковъ бывшее Шипова имѣніе „Осташево" Московской губерніи, съ извѣстнымъ коннымъ рысистымъ заводомъ чистыхъ „Орловскихъ" кровей.

Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ модныхъ конноzаводческихъ увлеченій, Григорій Ушковъ сталъ на дорогу скрещиванія орловскаго рысака съ американскими дербистами и наконецъ надумалъ перевести осташевскій заводъ въ Крымъ, въ имѣніе „Форосъ"; Осташево же онъ продалъ. Великому Князю Константину Константиновичу. Изъ этой затѣи, кромѣ худа для рысаковъ, ничего не вышло.

Григорій Константиновичъ велъ жизнь нездоровую, сказывавшуюся на его душевномъ и физическомъ состояніи. Съ первой женой онъ развелся; женился затѣмъ на бывшей артисткѣ Саратовой, съ которой тоже вскорѣ не поладилъ, и сошелся послѣ нея съ венгеркой изъ хора одного изъ столичныхъ загородныхъ ресторановъ. Дѣтей у него не было.

Революція застала его, когда онъ жилъ въ Форосѣ, который онъ послѣ Осташева взялъ себѣ у сонаслѣдниковъ и образовалъ, совмѣстно съ банковской группой Второва, акціонерную компанію для эксплоатаціи этого чуднаго крымскаго имѣнія въ качествѣ курорта.

При общей эвакуаціи въ 1920 г. онъ ранѣе другихъ успѣлъ выѣхать сначала въ Константинополь, а потомъ въ Аѳины, гдѣ мы имѣли наше послѣднее съ нимъ свиданіе ранней весной 1921 г., проѣздомъ со всей нашей семьей изъ Константинополя въ Марсель.

Спустя полтора года, живя во Франціи, до насъ дошла вѣсть о скоропостижной кончинѣ бѣднаго Григорія. Во всякомъ случаѣ память о немъ у меня навсегда останется, какъ о добромъ и сердечномъ человѣкѣ... Остальное въ его бурной жизни было все преходящее, явившееся въ результатѣ неудачно сложившейся для него житейской обстановки.

Вторымъ по старшинству сыномъ Константина Капитоновича былъ Алексѣй („Леля"), по первымъ моимъ воспоминаніямъ о немъ, когда ему было еще тринадцать лѣтъ — маленькій, кругленькій, съ востренькимъ носикомъ и удивительно всегда комичнымъ выраженіемъ привѣтливаго лица. Веселый озорникъ, юркій шалунъ, выдумщикъ всякихъ невинныхъ проказъ. Леля, или „Ксешко", былъ моимъ любимчикомъ и, вѣроятно, это чувствовалъ.

Много доставалось Лелѣ за его невинныя продѣлки отъ Михаила Ивановича Лопаткина.

Подрастая, Алексѣй въ общемъ продолжалъ оставаться такимъ же кругленькимъ, небольшого роста, подвижнымъ, веселымъ, шутливымъ человѣчкомъ. Характеромъ своимъ онъ болѣе другихъ походилъ на своего отца: одного, однако, у него не хватало противъ родителя, а именно — прошлаго дѣлового воспитанія, которое на себѣ испыталъ Константинъ Капитоновичъ, будучи съ юныхъ лѣтъ посылаемъ своимъ родителемъ по разнымъ отвѣтственнымъ торговымъ порученіямъ, благодаря чему отецъ-Ушковъ зналъ цѣну времени, работѣ и людямъ.

Алексѣй, единственный изъ братьевъ, окончилъ курсъ въ Казанскомъ Университетѣ по естественному факультету, и еще будучи студентомъ, женился на дочери казанскаго профессора Высоцкаго. Бракъ этотъ былъ неудаченъ. Не мало лѣтъ супруга его пользовалась мягкосердіемъ и деликатностью своего юнаго мужа, пока, въ концѣ концовъ, оба они не пришли къ взаимному рѣшенію предоставить другъ другу полную свободу...

Что съ ней стало, я не знаю, а Алексѣй Константиновичъ нашелъ утѣшеніе во вторичномъ бракѣ съ извѣстной московской балериной — Александрой Михайловной Балашовой.

Казалось бы, что тихій, скромный, созданный для семейной жизни молодой Алексѣй, съ одной стороны, а съ другой — Балашова, краса и гордость Императорской Московской балетной труппы — вся огонь, темпераментъ, цѣликомъ преданная служенію искусству, — люди столь разные, что объ ихъ супружеской общности и житейской брачной солидарности предполагать было невозможно. Между тѣмъ, тотъ и другой,

поженившись, продолжают благополучно свою совмѣстную супружескую жизнь.

У Алексѣя, какъ и у Григорія, дѣтей не было. Революція его застала въ Москвѣ, гдѣ ему пришлось первые четыре года провести въ тяжелыхъ условіяхъ большевистскаго режима. Спасла ихъ причастность Балашовой къ артистическому миру, а также близкая дружба съ военнымъ инженеромъ Казинымъ, состоявшимъ на службѣ у совѣтской власти въ качествѣ „спеца". Благодаря ему въ 1922 году имъ удалось выѣхать всѣмъ вмѣстѣ заграницу и поселиться въ Парижѣ.

Послѣдующимъ молодымъ Ушковымъ, третьимъ сыномъ Константина Капитоновича, является Михаилъ (Мика), также проживавшій въ Парижѣ со своей семьей. Какъ сейчасъ помню его маленькимъ гимназистикомъ съ каштановыми волосами и большими темно-синими близорукими глазами, оттѣненными густыми, слегка изогнутыми рѣсницами. Въ противоположность своему брату Алексѣю, Михаилъ казался юношей спокойнымъ, медлительнымъ и разсудительнымъ. Лопаткинъ ему предсказывалъ ученую карьеру. Но все та же безпощадная жизнь, полная всяческаго соблазна, отвлекла юнаго 21-лѣтняго Мику отъ намѣченнаго пути.

Получивъ, какъ и его братья, свою наслѣдственную богатую долю, онъ оставилъ университетъ и тоже, едва достигнувъ совершеннолѣтія, женился на казанской барышнѣ, дочери почтеннаго артиллерійскаго генерала Орелъ, высокой, стройной шатенкѣ, оказавшейся прекрасной семьянинкой. У нихъ родилось трое дѣтей — сынъ Владиміръ и двѣ дочери — Ксенія и Марія, воспитывавшіяся дома подъ непосредственнымъ наблюденіемъ матери.

Высокаго роста, худой, немного сутуловатый, съ блѣднымъ бритымъ лицомъ, Михаилъ Ушковъ съ дѣтства до зрѣлаго своего возраста остался вѣренъ себѣ — такимъ же спокойно-медлительнымъ и разсудительнымъ.

Любитель сельскаго хозяйства, охоты, деревенскаго быта, Михаилъ Константиновичъ по раздѣлу получилъ огромное земельное имущество (почти въ 42.000 десятинъ) при с. Рождественномъ (противъ Самары), гдѣ онъ ежегодно подолгу живалъ со всей своей семьей. Помимо этого онъ былъ не чуждъ общественнымъ дѣламъ, и въ революціонный періодъ, при Временномъ Правительствѣ, Мика принималъ живѣйшее участіе въ образованіи Союза Землевладѣльцевъ. При большевикахъ ему пришлось многое переиспытать сначала на Кавказѣ, а потомъ съ нами въ Крыму. Наконецъ они, еще до насъ, эвакуировались въ Константинополь, затѣмъ въ Афины, куда онъ переѣхалъ со всей семьей, а напослѣдокъ въ Парижъ.

Младшій ихъ братъ Александръ („Туленька") въ томъ возрастѣ, какъ я его встрѣтилъ въ 1893 году въ Буянѣ, былъ бѣлокуренькій, маленькій, стройненькій, хорошенькій мальчикъ, живо всѣмъ интересовавшійся, страстно любившій природу и всѣхъ ея обитателей, включая всяческихъ насѣкомыхъ.

Недолго милому существу пришлось пожить на столь любимомъ имъ Божьемъ свѣтѣ; двѣнадцати лѣтъ онъ отдалъ

свою чистую дѣтскую душу Господу Богу, жертвой безпощадной скарлатины.

25

Барышнямъ Ушковымъ въ годъ моего знакомства было: старшей Аннѣ — 14 лѣтъ, а младшей Наталіи — 12. Обѣ бѣлокурыя, средняго роста, сопровождаемыя то одной, то другой гувернанткой, онѣ казались мнѣ сначала замкнутыми и мало общительными дѣвочками. Большей живостью, какъ будто, отличалась вторая — Наташа, скорѣе походившая оваломъ и чертами лица на своего отца и брата Туленьку. Старшая же Анна была обычно менѣе разговорчива и казалась со своими большими синими, оттѣненными густыми темными рѣсницами, глазами болѣе вдумчивой и застѣнчивой. Первое время она мнѣ даже казалась нѣсколько гордой, о чемъ впослѣдствіи, когда я ее ближе узналъ, я вспоминалъ не безъ улыбки: настолько моя первоначальная оцѣнка ея характера не соотвѣтствовала дѣйствительности. Болѣе скромной, простой и прямой въ мысляхъ и обращеніи, рѣдко можно было найти въ человѣческомъ общежитіи, отравленномъ свѣтскими, т. н. приличіями и условностями.

Обѣ сестры получили серьезное домашнее образованіе, не говоря уже объ ихъ воспитательной обстановкѣ, на что ихъ отецъ не жалѣлъ никакихъ средствъ. Преподаваніе Закона Божьяго, исторіи, литературы, трехъ иностранныхъ языковъ, математики, музыки и пр. велось систематически опытными педагогами и заполняло все зимнее пребываніе Ушковыхъ въ Москвѣ, конечно, въ перемежку съ обычными прогулками, катаніями и пр.

Кругъ знакомыхъ въ періодъ прохожденія ими образовательнаго курса — былъ весьма ограниченъ. Отецъ за этимъ строго слѣдилъ, и лишь впослѣдствіи, когда сестры стали „выѣзжать", Москва радушно приняла на рѣдкость благовоспитанныхъ и миловидныхъ барышень Ушковыхъ и, благодаря связямъ ихъ отца и дяди Кузнецова, широко раскрыла передъ ними двери лучшихъ домовъ высшаго общества столицы.

Судьба, столкнувшая меня съ Ушковской семьей, позволяла слѣдить за постепеннымъ, годъ за годомъ, развитіемъ Ушковской молодежи и превращеніемъ, въ частности, обѣихъ дѣвочекъ въ взрослыхъ барышень. Главное ихъ обаяніе для меня, искушеннаго въ прошломъ моимъ столичнымъ знакомствомъ, заключалось въ ихъ, если можно такъ выразиться, дѣвственной простотѣ, чистотѣ, искренности и скромности.

Особенное мое вниманіе все болѣе и болѣе приковывала къ себѣ старшая сестра — Анна, превратившаяся въ стройную дѣвушку съ прекрасными густыми бѣлокурыми косами съ слегка золотистымъ оттѣнкомъ и удивительно ясными большими синими глазами, въ которыхъ выражались умъ, наблюдательность, а главное — безконечная ласка и доброта. Ниже въ своихъ воспоминаніяхъ я удѣлю особое мѣсто для того,

чтобы отмѣтить то конечное событіе, огромное для всей моей дальнѣйшей жизни, которое явилось результатомъ нашего знакомства съ Анной Константиновной Ушковой, превратившейся съ 1898 с. въ мою вѣрную, вотъ уже тридцатилѣтнюю, всѣмъ моимъ умомъ и сердцемъ любимую подругу моей сложной, нелегкой жизни.

Ея сестра — Наталія, оставшаяся послѣ нашей свадьбы одинокой, отдалась еще усерднѣе изученію особенно интересовавшихъ ее научныхъ отраслей. При ней безотлучно находилась, въ качествѣ наставницы, — дочь извѣстнаго московскаго педагога и директора основанной имъ гимназіи — Екатерина Францевна Крейманъ, старая дѣва, высокая, худая, некрасивая, но умная и слегка экзальтированная особа. Съ нею Наташа ѣздила путешествовать заграницу и прожила цѣлую зиму въ Парижѣ, слушая вновь открытые тамъ высшіе курсы, на которыхъ, среди другихъ, читалъ лекціи передъ увлеченной молодежью извѣстный профессоръ Максимъ Максимовичъ Ковалевскій, впослѣдствіи мой коллега по Государственному Совѣту. Несомнѣнно, этотъ періодъ парижскаго пребыванія наложилъ нѣкоторый отпечатокъ на общій укладъ мыслей и взглядовъ Наталіи Константиновны.

Къ этому же времени надо отнести ея увлеченіе серьезной музыкой, сопровождавшееся частыми посѣщеніями наиболѣе интересныхъ концертовъ. На одномъ изъ нихъ произошло у нея знакомство съ Сергѣемъ Александровичемъ Кусевицкимъ, за котораго она впослѣдствіи вышла замужъ, и который своей талантливой игрой и исключительными музыкальными способностями быстро завоевалъ себѣ заслуженную славу выдающагося солиста и затѣмъ извѣстнаго дирижера.

Средняго роста, полная свѣтлая блондинка съ небольшими вдумчивыми голубыми глазами и тонкимъ съ замѣтной горбинкой носомъ, Наталія Константиновна, благодаря своему природному уму и унаслѣдованной дѣловой смѣтливости, оказывала своему мужу помощь не только въ домашнемъ его обиходѣ; она также содѣйствовала Сергѣю Александровичу въ достиженіи имъ музыкальной карьеры, помогая вести всѣ дѣловые переговоры, переписку, устраивая пріемы и налаживая всю коммерческую сторону различныхъ антрепризъ. Поддерживая своей тактичной обходительностью сложныя сношенія своего мужа со всѣмъ многочисленнымъ представительствомъ музыкальнаго міра, Наталія Константиновна была радушной хозяйкой у себя дома и нарядно-привлекательной гостьей съ типомъ средневѣковой маркизы на званыхъ вечерахъ или многолюдныхъ парадныхъ концертахъ. Я уже не говорю о той большой, чисто-денежной первоначальной поддержкѣ, которую она оказывала своему талантливому супругу для достиженія имъ намѣченной профессіональной карьеры. Нынѣ имя Сергѣя Кусевицкаго достигло апогея своей славы и міровой извѣстности, но думаю и онъ самъ, вѣроятно, отдаетъ должное своей незаурядной супругѣ, по праву раздѣляющей его заслуженный успѣхъ.

26

Построенная еще бывшимъ владѣльцемъ Ново-Буяновскаго имѣнія, княземъ Иваномъ Петровичемъ Трубецкимъ, господская усадьба, въ которой проживала семья Ушковыхъ, представляла собой большой двухэтажный домъ со всевозможными въ архитектурномъ отношеніи мастерски-пристроенными помѣстительными „крыльями-флигелями" и красиво выведеннымъ подъ русскій стиль мезониномъ. Середину дома въ нижнемъ этажѣ занимала обширная зала — сквозная, съ выходомъ на широкую террасу въ садъ и живописнымъ видомъ на новобуяновскій деревенскій пейзажъ и окружавшія со всѣхъ сторонъ усадьбу лѣсныя угодья. Внизу, подъ домомъ, разстилалась глубокая долина съ прудомъ и всевозможными хозяйственными службами и постройками, въ томъ числѣ, зданіемъ винокуреннаго завода.

Съ противоположной стороны къ господскому дому примыкалъ широкій палисадникъ съ густыми зарослями сирени и подъѣздной круговой дорожкой, подходившей къ стеклянному, красиво выстроенному главному крыльцу. Далѣе, за палисадникомъ, на обширномъ ровномъ пространствѣ усадебной земли, былъ разбросанъ рядъ служебныхъ построекъ: контора съ квартирами для служащихъ, аптека, при которой жилъ фельдшеръ со своей семьей, а дальше шли выѣзныя конюшни и все то, что при нихъ полагается.

Самой отдаленной постройкой въ описываемой мною части усадьбы, почти на самой границѣ господской и крестьянской земли, былъ тотъ двухэтажный флигель, въ которомъ мнѣ была предоставлена квартира, и въ нижнемъ этажѣ котораго отведено было особое помѣщеніе подъ мою канцелярію.

Само имѣніе заключало въ себѣ земли около 13.500 десятинъ, изъ нихъ приблизительно до двухъ третей общаго пространства находилось подъ разнымъ видомъ лѣсныхъ насажденій, а остальная часть состояла изъ земельныхъ угодій. Ввиду черезполосицы, приходилось имѣть въ цѣляхъ удобства управленія, въ нѣсколькихъ мѣстахъ особые хутора и нѣсколько лѣсныхъ сторожекъ.

На одномъ изъ такихъ хуторовъ, верстахъ въ пяти отъ главной усадьбы, проживалъ родной братъ Константина Капитоновича — Иванъ Капитоновичъ Ушковъ или „дядя Ваня", какъ величали его молодые Ушковы.

Въ то время у Константина Капитоновича было трое братьевъ: старшій Петръ, постоянно проживавшій въ Москвѣ со всей своей семьей и стоявшій во главѣ большого торгово-промышленнаго химическаго производства на р. Камѣ; затѣмъ Яковъ Капитоновичъ, жившій въ Казани и, наконецъ, младшій — Иванъ, которому было Константиномъ Капитоновичемъ предложено поселиться на постоянное жительство у него въ имѣніи, и предоставленъ былъ „Михайловскій" хуторъ, отличный деревянный одноэтажный помѣстительный домъ-особнякъ, живописно расположенный на опушкѣ обшир-

ной лѣсной дачи, именовавшейся „Студенымъ доломъ".

Петръ Капитоновичъ Ушковъ, высокій, мощный, съ сильной просѣдью красивый брюнетъ чисто русскаго склада и облика, обладалъ недюжиннымъ умомъ, выдающейся работоспособностью и желѣзной энергіей. Это былъ человѣкъ исключительно дѣловой. Вся его манера жить и дѣйствовать характеризовалась его любимой поговоркой: „Слова — отъ черта, цифры — отъ Бога".

Получивъ въ свои руки отцовское химическое дѣло, Петръ Капитоновичъ сумѣлъ его расширить и настолько прочно поставить, что объ его заводахъ зналъ весь промышленный міръ страны, включительно до Военнаго Министерства. Оба основные его завода расположены были на р. Камѣ (Кокшанскій и Бондюжскій).

Скончался онъ скоропостижно, сравнительно не въ старыхъ годахъ, въ Москвѣ, оставивъ послѣ себя вдову, урожденную Любимову, сестру извѣстныхъ казанскихъ пароходовладѣльцевъ, замужнихъ дочерей, породнившихся съ представителями старинныхъ московскихъ торгово-промышленныхъ семей (Барановыхъ, Прохоровыхъ и др.), и единственнаго сына Ивана, окончившаго Московскій Техническій Институтъ и унаслѣдовавшаго дѣло и мѣсто своего отца.

Похожій во многихъ отношеніяхъ на своего энергичнаго родителя, Иванъ Петровичъ не обладалъ основнымъ его свойствомъ — настойчивой работоспособностью. Горячность и рискъ — вотъ что главнымъ образомъ руководило нервнымъ, излишне-темпераментнымъ и молодымъ Директоромъ-Распорядителемъ. Родной дядя его Константинъ Капитоновичъ тоже вліянія на него имѣть не могъ. Дѣло пошло не по вѣрному руслу, и пришлось его ликвидировать тѣмъ болѣе, что молодой Иванъ Ушковъ захворалъ неизлечимой болѣзнью, отъ которой и скончался въ Швейцаріи.

Такимъ неожиданнымъ образомъ оборвалась старшая мужская линія Ушковыхъ, а съ ней погасло и знаменитое въ свое время Ушковское химическое дѣло, перейдя въ постороннія руки.

Вторымъ по старшинству послѣ Петра братомъ Константина Капитоновича былъ Яковъ, женатый на казанской горожанкѣ Куракиной. У него было многочисленное семейство, состоявшее изъ четырехъ симпатичныхъ дочерей и одного сына. Яковъ Капитоновичъ являлся полной противоположностью своему старшему брату. Простодушный, добрѣйшій, любившій немного подвыпить, подзакусить, поиграть въ картишки и на бильярдѣ, онъ обычно ограничивался своимъ домашнимъ семейнымъ кругомъ, гдѣ главенствовала его энергичная толковая супруга.

Какой-либо дѣловитости милѣйшій Яковъ Капитоновичъ проявить при всемъ своемъ желаніи никакъ не умѣлъ. Всѣ любили его, какъ милаго и добраго человѣка.

Жилъ „дядя Яша" обычно со всей семьей въ Казани, въ домѣ своей жены, причемъ часто гостилъ по лѣтамъ въ имѣніи Рождественно, у брата Константина, со своими

дочками, подругами Анны и Наталіи. Въ Казани Яковъ Капитоновичъ тихо скончался, а дочери всѣ повышли замужъ. За время революціи мы потеряли всякій ихъ слѣдъ.

Младшимъ братомъ Константина Капитоновича былъ тотъ самый „дядя Ваня", о которомъ я выше упоминалъ, какъ о постоянномъ обитателѣ „Михайловскаго" хутора въ Ново-Буяновской экономіи.

Въ молодости Иванъ Капитоновичъ росъ неудачникомъ, пріобрѣтя пагубную страсть къ вину, подъ вліяніемъ которой временами впадалъ въ состояніе полной невмѣняемости. При мнѣ былъ случай, когда во время происшедшаго поздно вечеромъ на селѣ пожара, къ мѣсту несчастья вдругъ подъѣзжаетъ на дрожкахъ Иванъ Капитоновичъ, останавливается, слѣзаетъ и со всѣхъ ногъ бросается къ пылающему воротному столбу, намѣреваясь его обнять. Ему, находившемуся въ періодѣ запоя, показалось, что горѣлъ не столбъ, а человѣкъ, пылавшій въ огнѣ и звавшій его къ себѣ на помощь, да еще махавшій ему при этомъ своими огненными руками — вотъ почему Иванъ Капитоновичъ и бросился спасать этого „несчастнаго"... Еле удалось спасти его, совершенно обгорѣвшаго и долгое время послѣ этого находившагося между жизнью и смертью.

Въ общемъ, тяжкие періоды его болѣзни случались сравнительно рѣдко; въ остальное же время Иванъ Капитоновичъ былъ совершенно нормальнымъ человѣкомъ, страстно любившимъ природу, хозяйство и въ особенности охоту, которой онъ предавался со всѣмъ пыломъ истаго знатока и любителя. Въ этомъ отношеніи для его жизни лучшаго мѣста, какъ Михайловскій хуторъ, трудно было выдумать. Весной, бывало, заслушаешься, сидя у него на терраскѣ, гомономъ тетеревиныхъ токовищъ. Стоило отойти на сотню шаговъ отъ его хутора, какъ со всѣхъ сторонъ раздавались страстныя „чуфыканья" ищущихъ своихъ подругъ красавцевъ-косачей. Не разъ приходилось той же весной выпускать заряды, стоя почти рядомъ съ его усадьбой, въ „хорькавшихъ" надъ лѣсной опушкой благородныхъ вальдшнеповъ. Въ лѣтнее время тетеревиные выводки попадались тоже рядомъ, а осенью охота на „звѣря" — главнымъ образомъ — на волковъ, была такой, что не всякій этому повѣритъ. Случались, напримѣръ, такіе эпизоды: какъ-то въ одинъ изъ сентябрьскихъ чудныхъ дней, т. н. „бабьяго лѣта", сидя у себя въ канцеляріи около трехъ часовъ пополудни, получаю я краткую записку отъ Ивана Капитоновича: „Немедленно пріѣзжайте вмѣстѣ съ Ваньчо. Захватите картечь. Волчій выводокъ". Черезъ полчаса мы катили къ нему на хуторъ вмѣстѣ съ „Ваньчо" — такое прозвище носилъ мѣстный фельдшеръ Ушковской экономіи, чрезвычайно популярный по всей округѣ цѣлитель всяческихъ недуговъ и болѣзней — милѣйшій Иванъ Петровичъ Лопатинъ, сосѣдъ мой по усадьбѣ и постоянный соохотникъ за всѣ четыре года моего Буяновскаго проживанія. Иванъ Капитоновичъ недаромъ насъ

торопилъ и, какъ оказалось, не попусту насъ къ себѣ зазывалъ.

Стояла дивная осенняя пора. На Михайловскомъ полѣ шла спѣшная уборка картофеля многими десятками бабъ, нанятыхъ изъ Буяна и Михайловки. Послѣ полудня, на ихъ глазахъ, по одной изъ полевыхъ межъ, неторопливымъ „махомъ" прошелъ цѣлый волчій выводокъ по направленію къ „Курносымъ Зимовьямъ". Верховой объѣздчикъ, приставленный къ работавшимъ поденщицамъ, тотчасъ же поскакалъ къ Ивану Капитоновичу и сообщилъ о видѣнномъ; тотъ, въ свою очередь, послалъ верхача за нами. Пріѣхавши и узнавши въ чемъ дѣло, мы условились немедля перехватить узенькій перешеекъ — „ерикъ", а затѣмъ приказали объѣздчику, ввиду окончанія поденщицами урочной работы, попросить нѣкоторыхъ бабъ, числомъ до 50, подойти со стороны поля къ „Курносому Зимовью" и громко запѣть какую-либо пѣсню. Нашъ разсчетъ былъ таковъ: успѣть предварительно перехватить единственный лазъ для возвращавшагося на ночлегъ въ „Студеный Долъ" волчьяго выводка, а съ другой стороны — вспугнуть его путемъ визгливыхъ бабьихъ голосовъ. Удался намъ этотъ планъ, какъ нельзя лучше. Не успѣли мы занять свои мѣста, какъ вскорѣ невдалекѣ заголосили приглашенныя нами гастролерши-загонщицы, и волки, одинъ за другимъ, шарахнулись мимо насъ... Раздалась горячая пальба. Въ теченіе какихъ-либо десяти минутъ изъ одиннадцатиголоваго выводка взято было нами 7 штукъ. Остальные прорвались... Вся охота, считая со времени полученія мною записки Ивана Капитоновича, заняла не болѣе двухъ часовъ.

Были и другіе случаи такихъ же внезапныхъ охотничьихъ нашихъ совмѣстныхъ выступленій и все больше по близости отъ памятнаго для меня хутора Ивана Капитоновича. Невдалекѣ отъ самаго дома имѣлся у опушки полуразвалившійся сарай, запущенный и заброшенный. Около него Иванъ Капитоновичъ нѣсколько ночей подрядъ выкладывалъ куски лошадинаго мяса. Когда въ концѣ концовъ ясно стали обозначаться волчьи слѣды около падали, мнѣ дано было знать, и я пріѣхалъ къ Ивану Капитоновичу на ночлегъ, пользуясь установившейся превосходной ясной погодой. Вечеромъ мы съ хозяиномъ забрались въ защитный уголъ стараго сарая и стали ожидать прихода привадившихся за послѣднее время къ приманкѣ сѣрыхъ гостей. Трудно выразить на бумагѣ все то, что ощущаетъ охотникъ при подобной обстановкѣ. Одно лишь скажу, что городскому и южному жителю не понять всей красоты и гипнотизирующей властности фосфорически яркаго свѣта зимняго полнолунія на нашей многоснѣговой сѣверной и приволжской матушкѣ-Руси! Въ наши зимнія, морозныя, тихія и ясныя, какъ день, лунныя ночи все замираетъ и становится какъ бы подвластнымъ таинственно-манящему къ себѣ чудному небесному свѣтилу, во всю свою ничѣмъ не сдерживаемую мощь простирающему свою яркую власть надъ сверкающимъ миріадами алмазныхъ искръ пышнымъ снѣговымъ покровомъ.

Сидишь въ затѣненномъ отъ луннаго свѣта углу полуразвалившагося сарая, и передъ глазами переливаетъ своимъ ровнымъ синеватымъ свѣтомъ снѣговой саванъ разстилающейся дали, обрамленной въ своихъ конечныхъ очертаніяхъ темной лентой лѣсныхъ зарослей... И вотъ, вдругъ, около нихъ показались на бѣлесоватомъ фонѣ полевого пространства нѣсколько темныхъ точекъ, медленно и неровно приближавшихся къ нашему сараю. Несомнѣнно, то были желанные наши гости. Заколотившееся сердце сильно давало себя знать подъ мѣховымъ покровомъ охотничьяго полушубка и знакомая для всякаго охотника нервная внутренняя дрожь заставляла невольно еще больше ежиться на морозномъ воздухѣ... Но надо было сидѣть смирно. Малѣйшее неосторожное движеніе могло выдать нашу засаду... Точки тѣмъ временемъ все приближались.. Можно было даже подсчитать ихъ число — пять... Мы взвели безъ шума курки — тихо подымаемъ стволы ружей... Ждемъ подхода „сѣрыхъ" къ мѣсту свалки привады, но звѣри, видимо, что-то учуяли, осторожно остановившись вдали отъ нея. Лишь одинъ изъ нихъ, видимо самый смѣлый, а можетъ быть болѣе голодный,сталъ подходить къ падали и въ концѣ концовъ принялся за свою „жратву". Я приложилъ мерзлую щеку къ холодному прикладу и сталъ цѣлиться, лишь только тогда замѣтивъ расплывчатость луннаго свѣта Ружейная мушка осталась невидимой, въ силу чего стволы направлялись лишь по догадкѣ на темную массу, находившуюся передъ глазами и образовавшуюся изъ лошадинаго трупа и раздирающаго его сѣраго хищника. Раздался гулко выстрѣлъ. Звѣрь опрометью принялся „махать" отъ насъ, направляясь съ остальными въ свою лѣсную даль. Охота была кончена. На утро лишь слѣды яркой крови на бѣломъ снѣжномъ покровѣ говорили о раненіи ночного визитера.

Окруженный цѣлымъ сонмомъ всяческихъ домашнихъ животныхъ, „дядя Ваня" особенное пристрастіе имѣлъ къ разнымъ пернатымъ друзьямъ. Любимцемъ его былъ скворецъ, который отлично выговаривалъ: „здравствуйте, Иванъ Капитоновичъ", болтали также у него говоруны-попугаи и, наконецъ, въ особой клѣткѣ проживала довольно оригинальная для домашняго обихода птица — самая обыкновенная галка, съ которой въ минуты „вдохновенья" Иванъ Капитоновичъ нѣжно объяснялся. Въ общемъ, его комнатная обстановка оказывалась лишь отраженіемъ его доброй натуры и страстнаго влеченья къ природѣ со всей ея живностью. Мнѣ это было по душѣ и я любилъ навѣщать Ивана Капитоновича, съ которымъ у насъ велись нескончаемыя бесѣды про охоту и обо всемъ, что съ ней такъ или иначе тѣсно связано.

Бѣдный дядя Ваня, котораго, кстати сказать, дѣтки Ушковы очень любили за его добрый нравъ и охотничью природу, послѣ описаннаго мною выше случая съ пожаромъ сильно ослабѣлъ, и вскорѣ отъ воспаленія легкихъ скончался.

27

Въ первый же свой пріѣздъ въ с. Новый Буянъ я засталъ среди Ушковской семьи ихъ главноуправляющаго, Оскара Карловича Корста, завѣдывавшаго обоими имѣніями наслѣдниковъ покойной Марьи Григорьевны Ушковой. Имѣній этихъ было два — одно при с. Рождественнѣ, бывшее Левашевой, и расположенное противъ г. Самары, а другое, описываемое мною, при с. Новомъ Буянѣ, въ 13.500 десятинъ, находившееся отъ Самары въ 75 верстахъ, а отъ Волги — въ 24-хъ.

Корстъ имѣлъ въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи сложное хозяйство Рождественской Ушковской экономіи, заключавшее въ себѣ обширные посѣвы, огромное лѣсное дѣло съ широко поставленной дровяной торговлей и только что выстроенный имъ и оборудованный по всѣмъ правиламъ новѣйшихъ техническихъ требованій винокуренный и ратификаціонный заводы съ выкуркой до 200.000 ведеръ, каменоломни и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Оскаръ Карловичъ руководилъ хозяйствомъ и Ново-Буяновской экономіи, непосредственнымъ управляющимъ которой былъ Илья Егоровичъ Чирковъ. Масштабъ послѣдней экономіи былъ несомнѣнно ограниченнѣе Рождественской, тѣмъ не менѣе дѣло было само по себѣ тоже не малое, какъ въ отношеніи полевого хозяйства, такъ и въ смыслѣ лѣсной эксплоатаціи. Въ Буянѣ, между прочимъ, существовалъ издавна винокуренный заводъ на такое же, какъ въ Рождественномъ, количество выкурки спирта, кромѣ этого имѣлся тамъ же конный заводъ и велось племенное стадо.

Сравнительно еще молодой человѣкъ, воспитанникъ Петровско-Разумовской Академіи, Оскаръ Карловичъ обладалъ выдающимися хозяйственными и административными способностями. Скорѣе высокаго, чѣмъ средняго роста, широкоплечій, сильно сложенный, немного сутуловатый, краснощекій красивый брюнетъ, Корстъ всюду и вездѣ какъ-то выдѣлялся среди людей и толпы. Особенно запечатлѣлись въ моей памяти его небольшіе каріе, удивительно живые глаза. И на самомъ дѣлѣ ничего, бывало, не ускользало отъ ихъ взора — это всѣ знали и съ этимъ считались. Оскаръ Карловичъ былъ весь — работа и энергія. Того же требовалъ онъ и отъ другихъ.

Внѣ службы Оскоръ Карловичъ былъ веселый добрый малый, шутникъ и интересный собесѣдникъ. Константинъ Капитоновичъ Ушковъ его очень любилъ и высоко цѣнилъ; тѣмъ же отплачивалъ ему и Корстъ, но спустя лѣтъ шесть послѣ нашего съ нимъ знакомства, онъ не выдержалъ возмутительнаго къ нему отношенія старшаго изъ сыновей Константина Капитоновича, Григорія, только что женившагося на дѣвицѣ Петцольдъ, которая совмѣстно съ Михаиломъ Ивановичемъ Лопаткинымъ, сумѣла такъ настроить своего невоздержаннаго супруга противъ честнаго и дѣльнаго Корста, что разладъ между ними принялъ непримиримый характеръ.

Оскаръ Карловичъ, несмотря на горячую просьбу Константина Капитоновича и всѣхъ насъ, его почитавшихъ, отъ дѣла отошелъ совершенно, разстроенный и до глубины своего благороднаго сердца возмущенный взведенной на него клеветой. Впослѣдствіи онъ перенесъ острую нервную болѣзнь и вскорѣ отошелъ въ вѣчность.

Послѣ ухода Корста, Константинъ Капитоновичъ поручилъ мнѣ (это было въ 1898 г.) разобраться въ оставшихся управленскихъ дѣлахъ и временно замѣнить Корста, на что и дана была имъ мнѣ полная довѣренность, которую я въ то время, несмотря на трудность для меня, все же принялъ, исключительно изъ за любви къ моему тестю и желанія ему въ тяжелую для него минуту всемѣрно помочь. Тщательное ознакомленіе со всѣмъ отчетнымъ матеріаломъ, оставшимся послѣ Оскара Карловича, и личный опросъ всѣхъ бывшихъ сотрудниковъ дали мнѣ возможность и обязанность сказать всей семьѣ Ушковыхъ про Корста, что это былъ честный, чистый человѣкъ и добросовѣстный работникъ. Миръ праху его!

Непосредственнымъ управляющимъ Ново-Буяновской экономіи былъ Илья Егоровичъ Чирковъ, получившій агрономическую подготовку въ среднемъ сельско-хозяйственномъ училищѣ. Въ хозяйскомъ дѣлѣ, Илья Егоровичъ былъ несомнѣнно хорошимъ работникомъ и полезнымъ для Корста сотрудникомъ.

Въ господскомъ домѣ Чирковъ со своей семьей занималъ особое отдѣленіе, состоявшее изъ ряда комфортабельныхъ комнатъ. У него было трое человѣкъ дѣтей, супруга же его именовалась Людмилой Николаевной. На своего „Ильюшу" она смотрѣла какъ на нѣчто судьбой ей ниспосланное, какъ на что-то житейски должное и весьма прозаическое.

Иванъ Петровичъ Лопатинъ для своихъ лѣтъ обладалъ еще бодрымъ и хорошо сохранившимся организмомъ. Имѣя лишь фельдшерскій дипломъ, но будучи настоящимъ врачемъ по общему признанію, Лопатинъ съ утра до вечера жилъ среди пріемовъ и заботъ, имѣя въ округѣ обширную медицинскую практику и распространяя свои профессіональныя услуги далеко за предѣлы обслуживанія имъ лишь экономическаго персонала въ Новомъ Буянѣ.

Глушь его не заѣдала, въ немъ чувствовалась всегда живая, не омертвѣлая человѣческая душа... При всемъ томъ милый нашъ „Ваньчо" одержимъ былъ непреодолимо страстью къ двумъ спортамъ — карточной игрѣ и охотѣ, въ обоихъ случаяхъ проявляя исключительную свою темпераментность.

Въ мое время въ Буянѣ карты играли первенствующую роль забавы и отдыха для его обитателей. Преферансъ, а главное „винтъ" рѣдкую недѣлю не объединяли всѣхъ насъ то у одного, то у другого изъ жительствовавшихъ въ благословенной Буяновской глуши. Приходилось и мнѣ волей-неволей участвовать въ этомъ сидячемъ спортѣ, къ которому, откровенно говоря, пристрастія у меня никогда не было, но все же не безъ удовольствія проводилъ я время среди об-

щества удивительно милыхъ и пріятныхъ партнеровъ, изъ которыхъ Иванъ Петровичъ былъ несомнѣнно однимъ изъ главныхъ персонажей. Все жъ надо отдать справедливость, что большее влеченіе онъ имѣлъ къ другому спорту — охотѣ, являясь удивительнымъ знатокомъ всего птичьяго и звѣринаго быта. „Ваньчо" словно „чуялъ", какъ и гдѣ найти ту или другую дичь, какъ подойти къ ней и какъ ее взять.

28

Наибольшей популярностью среди Ново-Буяновскаго общества пользовался мѣстный настоятель церкви о. Михаилъ Никаноровичъ Болотовъ. Воспитанникъ Тверской семинаріи, о. Михаилъ задолго до нашего знакомства появился въ Самарской Епархіи и священствовалъ въ Ново-Буяновской церкви, успѣвъ заслужить всеобщее уваженіе и любовь своихъ прихожанъ.

Скромный, непритязательный, правдивый и душевный, ласковой простотой своего обхожденья, о. Болотовъ неотразимо привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ соприкасавшихся съ нимъ, являясь какъ бы прямымъ олицетвореніемъ истинной христіанской любви къ ближнему; свойства эти были присущи батюшкѣ Болотову не по принятому на себя сану іерея, но проявлялись, какъ природныя черты его прекрасной человѣческой и христіанской души и натуры.

Не забуду впечатлѣнія моей первой съ нимъ встрѣчи въ Новомъ Буянѣ, когда онъ, поздоровавшись, задержалъ мою руку и, близко въ меня всматриваясь своими карими, умными и добрыми глазами, веселымъ голосомъ промолвилъ: „Ну, вотъ, Александръ Николаевичъ, поживите-ка съ нами деревенскими, да съ Божьей здѣшней прекрасной природой, отдохните душой и тѣломъ отъ Вашей Москвы и хорошо вамъ будетъ!" Сказано это было такъ просто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ ласково-задушевно, что на сердцѣ у меня сдѣлалось сразу удивительно хорошо и тепло — словно съ этими немудрыми словами на меня въ самомъ дѣлѣ сошла та частица Божьей благодати, которая испрашивается вѣрующимъ, когда онъ подходитъ подъ благословеніе своего духовнаго пастыря.

Внѣшне Михаилъ Никаноровичъ не только не старался держать себя по-священнически благочинно, но велъ себя совершенно просто, обыденно, позволяя себѣ въ сообществѣ мѣстныхъ добрыхъ знакомыхъ, своихъ же прихожанъ, проводить часы отдыха одинаково съ другими: не прочь онъ былъ и подзакусить, и выпить рюмку — другую доброй деревенской настойки, и попѣть вмѣстѣ съ хоромъ, и въ картишки поиграть, и даже покурить. При этомъ „батя" въ дни нашего перваго знакомства мнѣ какъ-то, нисколько не рисуясь, сказалъ: „Вотъ видите! Какой я священникъ?! — и въ карты играю, и пью, и курю... не слѣдовало бы это мнѣ все дѣлать при моей іерейской рясѣ!... Но въ этомъ онъ глубоко ошибался: о. Михаилъ былъ именно природнымъ служителемъ Христа и Его заповѣдей, какъ бы онъ ни увѣрялъ о своемъ несоотвѣтствіи и сколько бы онъ ни позволялъ себѣ нѣкотораго рода отступленій отъ профессіональныхъ запретовъ. Могу лишь сказать, что такой проникновенной исповѣди и такого воистину неземного исповѣдника я никогда болѣе въ своей жизни не встрѣчалъ.

Сама внѣшность о. Болотова удивительно соотвѣтствовала занимаемой имъ святительской должности. Средняго роста, худой, темный шатенъ, о. Михаилъ имѣлъ смугловатое лицо, съ котораго можно было бы свободно лѣпить или срисовывать классически-художественный обликъ самого Христа Спасителя.

„Батя" былъ женатъ и имѣлъ многочисленное семейство. На четвертомъ году моей службы въ Буянѣ я попалъ даже въ крестные одной изъ его дочекъ. Супруга его, Раиса Ивановна, была родомъ изъ мѣстной духовной семьи. Бѣлокурая, высокая, плоско-худая, своимъ характеромъ „матушка" являлась полной противоположностью о. Михаилу, будучи особой чересчуръ земной, своенравной и не безъ хитрости. Не мало доставалось милому „Батѣ" именно за его ничѣмъ неисправимую житейскую простоту и „свѣтскую" общительность...

Соберется, бывало, Михаилъ Никаноровичъ вечеркомъ къ сосѣду „повинтить", а матушка запретитъ, да еще сапоги спрячетъ.

Хуже всего обстоялъ для завистливой и безпокойной Раисы Ивановны вопросъ „визитный" въ большіе праздничные дни — Рождества Христова, Пасхи или на Новый Годъ. Двѣ дамы проживали въ богоспасаемомъ Буянѣ, претендовавшія на высшее свое положеніе среди прочаго мѣстнаго женскаго общества и оспаривавшія между собою эту позицію до... смѣшного.. Домъ управляющаго (собственно господская усадьба) отдѣлялся отъ церкви и близъ расположеннаго отъ нея священническаго флигеля глубокимъ оврагомъ, заканчивавшимся какъ разъ передъ моимъ обиталищемъ. Наскучившись другъ друга ждать съ „первымъ" визитомъ, обѣ „грандъ-дамы" Буяновскаго высшаго общества, выходили, подъ видомъ прогулки, каждая на свою сторону оврага и, какъ бы невзначай, сходились у конца его, гдѣ и происходили взаимныя привѣтствія, церемонные поцѣлуи, поздравленія и сговоры, кто, гдѣ, у кого соберется „въ гости"... Этимъ обычно благополучно разрѣшались первоначальныя дипломатическія недоразумѣнія Буяновскихъ великосвѣтскихъ соперницъ.

Илья Егоровичъ Чирковъ, Иванъ Петровичъ Лопатинъ, „Батя" о. Михаилъ, иногда и Иванъ Капитоновичъ — вотъ тѣ Буяновскіе жители, съ которыми я чаще всего видѣлся и проводилъ часы досуга, особенно въ длинные зимніе вечера, бесѣдуя, играя въ карты или сидя за общей трапезой изъ забористыхъ домашнихъ настоекъ и вкусныхъ деревенскихъ яствъ. Нерѣдко устраивали мы, собравшись, импрови-

зированные любительскiе концерты, въ которыхъ я исполнялъ роль аккомпанiатора, а всѣ вмѣстѣ составляли хоръ, подчасъ складный.

Наши собранiя носили всегда самый задушевный характеръ и служили въ нашей благословенной Буяновской глуши дѣйствительно для всѣхъ насъ, мѣстныхъ работниковъ, живительнымъ отдыхомъ.

Помимо перечисленныхъ лицъ, въ Ушковской экономiи имѣлся многочисленный штатъ служащихъ — помощникъ управляющаго — П. Дм. Хмѣльковъ, бухгалтеръ Г. В. Богдановъ, лѣсничiй и др.

Значительную и типичную во всѣхъ отношенiяхъ фигуру представлялъ собой нѣкiй Евгенiй Яковлевичъ Титовъ, довѣренный богатаго Самарскаго купца Н. Ф. Дунаева, завѣдывавшiй, арендуемымъ его довѣрителемъ у Ушковыхъ, въ Новомъ Буянѣ винокуреннымъ заводомъ. Жилъ онъ въ особомъ помѣстительномъ флигелѣ внизу подъ горой, недалеко отъ центра села, совершенно одиноко, будучи старымъ холостякомъ. Евгенiй Яковлевичъ („Явлентiй" Яковлевичъ, какъ звало его простонародье) былъ человѣкъ умный, сообразительный и хозяйственный. Дѣло свое онъ зналъ превосходно и пользовался у своего хозяина исключительнымъ довѣрiемъ, жилъ особнякомъ, нигдѣ не показываясь, но вмѣстѣ съ тѣмъ, любилъ принимать у себя гостей, отличаясь такимъ радушiемъ и хлѣбосольствомъ, что невольно вспоминалась извѣстная басня дѣдушки Крылова!

Рядомъ съ Титовымъ, въ томъ же флигелѣ была квартира для винокура, которымъ былъ въ то время Аполонъ Николаевичъ Матвѣевъ, почтенный человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, европейски-образованный, съ университетскимъ стажемъ, когда-то за крайнiя свои политическiя убѣжденiя подвергшiйся кратковременной уголовной карѣ и прожившiй затѣмъ нѣкоторое время за границей. Въ общемъ, о немъ у меня осталось впечатлѣнiе чего-то скрытнаго, недосказаннаго, и бесѣды наши съ нимъ какъ-то не клеились.

Проживали въ Буянѣ въ квартирѣ, особо отводимой въ господской усадьбѣ, также и чины акцизнаго вѣдомства, т. наз. контролеры. Вспоминается мнѣ изъ нихъ одинъ — молодой, принадлежавшiй къ старинной помѣщичьей семьѣ Симбирской губернiи — кн. М. В. Волконскiй, маленькiй, черненькiй, скуластый, съ заросшей почти сплошь волосатой головой, съ длинными руками и огромными ладонями, онъ обладалъ, особенно въ своихъ длиннѣйшихъ пальцахъ, исключительной силой.

По свойству своего характера онъ былъ, что называется „разудалымъ малымъ"; былъ онъ всегда веселъ, безпеченъ; отлично игралъ на гитарѣ и ухарски напѣвалъ цыганскiе или просто „жестокiе" романсы. Помнится мнѣ его излюбленная пѣсенка, начинавшаяся словами: — „Ужъ и Маша хороша, что за чудная душа! Шьетъ, манеры тонки, что, братъ, за глазенки!" Прiятный тенорокъ, картавый голосокъ, залихватскiй съ переборами аккомпаниментъ — все вмѣстѣ взятое заставляло забывать его неприглядную внѣшность: Буяновскiя дамы млѣли, а кавалеры съ особымъ чувствомъ вкушали еще „по единой" подъ забористую княжескую музыку.

Былъ онъ также страстнымъ охотникомъ и не разъ сопровождалъ меня въ моихъ охотничьихъ поѣздкахъ, а главное, при частыхъ хожденiяхъ моихъ на лыжахъ по февральскому и мартовскому „насту". Надо отдать ему справедливость: ходокъ онъ былъ неутомимый, и много мы съ нимъ „излыжничали" по Буяновскимъ лѣсамъ и оврагамъ въ поискахъ звѣря или засѣвшихъ подъ сугробы въ свои искусныя „лунки" глухарей и тетеревей.

Пробылъ „разудалый" князь въ Буяновскихъ мѣстахъ не болѣе года. Провожая его, мы искренно жалѣли объ его уходѣ.

29

Прежде чѣмъ перейти къ воспоминанiямъ о моей четырехлѣтней службѣ въ Буянѣ земскимъ начальникомъ, опишу въ нѣсколькихъ словахъ то, что представляло собой мой собственный „уголъ" — помѣщенiе, прислугу, канцелярiю и т. п.

Для меня, молодого, холостого и здороваго человѣка, отведенное мнѣ во флигелѣ помѣщенiе было болѣе чѣмъ подходящее и во всѣхъ отношенiяхъ удобное.. Но въ зимнюю стужу, особенно во время бурановъ, сильно натопленная къ ночи, моя квартира подъ утро обычно превращалась въ ледниковое обиталище, и нерѣдко случалось, что вода въ умывальникѣ, находившемся въ моей спальнѣ, затягивалась слоемъ, правда, тонкимъ, — но все же настоящаго льда. Вскорѣ удалось мнѣ постичь причины подобнаго непостоянства комнатной температуры. Пришло мнѣ какъ-то въ голову перемѣстить прибитую на стѣнѣ моего кабинета вѣшалку, представлявшую собой лосиный рогъ. Выдернувъ желѣзный шпиль, на которомъ означенный рогъ держался, я къ немалому своему изумленiю очутился передъ сквозной дырой, образовавшейся въ стѣнѣ на мѣстѣ изъятаго изъ нея толстаго гвоздя. Оказалось, что обитаемый мною флигель сложенъ былъ не изъ цѣльныхъ бревенъ, а лишь изъ половинчатыхъ лѣсинъ.

Несмотря на всѣ эти недостатки, я все же былъ доволенъ своими маленькими, уютными по виду комнатками и, въ особенности, выходящимъ изъ крошечной столовой балкончикомъ, на которомъ я любилъ подолгу просиживать. Обстановку я имѣлъ самую „холостецкую" и лишь самую необходимую. Кое что мнѣ прислали изъ Головкина (особенно я цѣнилъ отцовскую „оттоманку", на которой у меня переночевало не мало моихъ уѣздныхъ друзей и знакомыхъ), кое-какiя вещи я прiобрѣлъ по случаю въ Ставрополѣ.

Единственнымъ предметомъ роскоши въ моей квартирной обстановкѣ было взятое мною въ Самарѣ на прокатъ

піанино, на которомъ въ свободные вечера я игралъ, какъ умѣлъ, свои любимыя музыкальныя вещи, главнымъ образомъ, оперы: Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго, Рубинштейна, Гуно, Верди, Мейербера и др. Скрипку я давно забросилъ, пѣть пересталъ и голосъ свой приходилось расходовать съ утра до вечера лишь на служебные разговоры да разныя публичныя выступленія, больше на многолюдныхъ сельскихъ сходахъ; на роялѣ же я хотя не учился, но мало-по-малу самъ напрактиковался, когда случалось, еще въ Москвѣ, себѣ или другимъ аккомпанировать. Перебирая страницу за страницей, обходя трудные пассажи, лишь такъ, чтобы нить мелодіи не терять, я такимъ образомъ пробѣгалъ по вечерамъ цѣлыя оперы, освѣжая въ памяти все ранѣе въ Москвѣ мною слышанное въ превосходномъ исполненіи на Императорской сценѣ. Благодаря этому много того благотворнаго и возвышеннаго, что даетъ человѣческому духовному нутру музыка, удалось мнѣ сохранить и въ той глуши, въ которую судьбѣ угодно было меня забросить.

Надо сознаться, что несмотря на обиліе живого и интереснаго служебнаго дѣла, на исключительно-благопріятную житейскую обстановку въ смыслѣ красоты окружающей природы, превосходныхъ охотничьихъ условій и милаго сосѣдства, перемѣщеніе изъ Москвы въ глухую деревню, далекую даже отъ своего родного угла, явилось крутымъ для всей моей молодой жизни поворотомъ, несомнѣнно лишившимъ меня многаго, къ чему я сталъ органически въ столицѣ привыкать, особенно въ области удовлетворенія музыкальныхъ потребностей.

Случались моменты, когда, проживая на „островѣ на Буянѣ", я ловилъ себя на тоскливомъ сознаніи одиночества и оторванности отъ всего духовно-культурнаго міра. Временами ощущалась непреодолимая потребность перенестись, хотя бы мысленно, въ музыкальную Москву, въ ея столь памятныя для меня оперныя или концертныя залы... Сядешь, бывало, въ такомъ удрученомъ настроеніи за свой инструментъ, развернешь первую попавшуюся подъ руку оперу, и невольно всѣмъ своимъ существомъ перенесешься въ иной облагораживающій міръ чарующихъ мелодій. Въ подобномъ занятіи своего досуга я вновь обрѣталъ необходимую мнѣ бодрость духа и то отвлеченіе, которое меня спасало отъ иного средства „забытья", столь опаснаго, а подчасъ даже фатальнаго для одинокого обитателя деревенской глуши...

Вотъ этотъ инструментъ — это скромное небольшое піанино и было единственной мебелью моего зальца, если не считать разставленныхъ вдоль бѣлыхъ, известью вымазанныхъ стѣнъ шести вѣнскихъ стульевъ.

Послѣ кратковременнаго пребыванія у меня стараго повара „Терентьича", скомпрометировавшаго себя при пріѣздѣ Епископа Гурія въ деревню Новую Хмѣлевку, все остальное время въ качествѣ единственной прислуги состояла у меня почтенная, сѣдовласая, всегда привѣтливая и со всѣми обходительная Анна Васильевна, особа преклонныхъ

лѣтъ, исполнявшая обязанности отличной кухарки и одновременно удивительно чистоплотной и сообразительной горничной.

Касаясь общей обстановки и обихода своего домашняго „угла", не могу не вспомнить о моемъ вѣрномъ другѣ — породистомъ пойнтерѣ „Джэкѣ", впослѣдствіи перевезенномъ мною въ Головкино и тамъ отошедшемъ въ иной лучшій собачій міръ. Подаренъ онъ былъ мнѣ дочерью Константина Капитоновича Анной крошечнымъ щеночкомъ. Замѣтивъ его смѣтливость и послушаніе, я занялся его серьезнымъ воспитаніемъ, и въ результатѣ получился идеальный комнатный сожитель и такой же охотничій сотрудникъ. Съ утра онъ замѣнялъ мнѣ исполнительнаго лакея, зная массу предметовъ по названію и подавая мнѣ все, что я ему приказывалъ. Изучилъ онъ своего хозяина до тонкости и когда замѣчалъ, что я усталъ или бывалъ чѣмъ-либо разстроенъ, онъ дѣлалъ все возможное, чтобы меня развлечь. Скажешь, бывало, ему: „Спой"! — Джекъ усаживался, поднималъ морду, устраивалъ изъ своихъ мягкихъ брылъ комичное круглое отверстіе и жалобно начиналъ подвывать. Умѣлъ онъ также играть на піанино, усаживаясь на стулъ, мордой поднимая крышку и хлопая передними лапами поочередно по клавишамъ... Словомъ, понятливости мой незабвенный Джекъ былъ поразительной и преданности своему хозяину безпредѣльной.

Почему-то рядомъ съ нимъ невольно встаетъ въ моей памяти обликъ премилаго бѣлокураго мальчика — Порфирія Еремина, Ново-Буяновскаго крестьянскаго сироты, окончившаго школу и первое время прислуживавшаго въ чайной-читальнѣ, основанной мною на средства комитета трезвости. Затѣмъ „Порфиша" взятъ былъ мною въ домъ, и они оба съ Джекомъ были неразлучными друзьями.

Въ связи съ моей домашней и служебной обстановкой хочется вспомнить тоже о той вѣрной тройкѣ лошадей, которая всѣ четыре года безпрерывно и лихо возила своего хозяина изъ конца въ конецъ по его земскому участку, а также много верстъ пробѣгала отъ Буяна до Ставрополя и обратно, да и до Самары не разъ добираясь. Въ корню была рослая, рыжая, широкая, красивая своего завода „Голубка", а на пристяжкахъ легкія сѣрыя въ яблокахъ полукровки (наполовину верхового сорта): „Азра" и „Тамара". Добрыя были лошади, ходкія и выносливыя. Изъ кучеровъ дольше всѣхъ служилъ у меня мѣстный крестьянинъ Николай Киселевъ, здоровый молодой парень, честный, старательный и видимо меня любившій. У него на рукахъ была въ Буянѣ пара моихъ гончихъ — настоящихъ „костромичей" — удивительныхъ по работѣ сукъ. Одну звали „Затѣйкой", быстро подымавшей звѣря, а другая была „Милка" — моя любимица по своей „вѣрности" (зря голоса не давала) и исключительной „вязкости". Немало онѣ меня въ свое время „потѣшали"!...

Внизу подъ моей квартирой расположена была моя кан-

целярія — довольно обширная комната съ портретомъ Государя, подъ которымъ стоялъ мой письменный столъ, а за особой перегородкой расположены были скамьи для просителей или участниковъ судебныхъ разбирательствъ. Рядомъ съ камерой находилась еще комната, гдѣ работали мой письмоводитель съ помощниками, и гдѣ хранился архивъ и все дѣлопроизводство.

Съ самаго начала поступилъ ко мнѣ въ качествѣ письмоводителя нѣкій Крайневъ, Николай Никитичъ, рекомендованный мнѣ Уѣзднымъ Съѣздомъ, какъ опытный работникъ, служившій ранѣе на таковой же должности у мировыхъ судей. Николай Никитичъ имѣлъ видъ интеллигентнаго человѣка. Надо отдать справедливость, въ первые мѣсяцы, благодаря своимъ знанію и опытности, онъ оказался въ дѣйствительности полезнымъ для меня сотрудникомъ. Однако, въ дальнѣйшемъ, когда практически я до извѣстной степени освоился съ техникой дѣлопроизводственной части, я сталъ тяготиться этимъ человѣкомъ, ввиду явнаго на мой взглядъ несоотвѣтствія ранѣе имъ усвоенныхъ привычекъ по веденію письмоводства съ дѣйствительной потребностью самаго дѣла. Особенно сказывалась его старая „канцелярская" школа въ составленіи судебныхъ приговоровъ „въ окончательной формѣ". Сначала я по неопытности стѣснялся, а затѣмъ приходилось многое видоизмѣнять или же вовсе заново самому составлять. Все это казалось избалованному прежними начальниками Крайневу для его самолюбія обиднымъ. Въ концѣ концовъ, я предпочелъ себя освободить отъ „излишне-опытнаго" письмоводителя и взялъ къ себѣ въ сотрудники по канцелярской части помощника волостного писаря изъ Мусорскаго волостного правленія Петра Дмитріевича Жировова, превосходнаго человѣка и работника, отлично зарекомендовавшаго себя по веденію дѣлопроизводства Мусорского Волостного Суда. Бѣдный Петръ Дмитріевичъ былъ калѣкой — съ искривленной ногой, такъ что ходилъ на костыляхъ, но это не помѣшало ему всѣ три съ половиной года безукоризненно честно и аккуратно исполнять свои обязанности.

30

Перейду теперь къ воспоминаніямъ, связаннымъ съ самой сущностью моей службы земскимъ начальникомъ.

Еще въ бытность мою студентомъ старшаго курса Университета, я наслышался по поводу только-что изданнаго закона — Положенія о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ — всяческой критики, исходившей, какъ отъ нѣкоторыхъ нашихъ Московскихъ профессоровъ, такъ и отъ авторитетныхъ публицистовъ того времени.

Главными недостатками новаго Положенія, по ихъ мнѣнію считались: 1) сословность, 2) смѣшеніе въ одной и той же должности административныхъ и судебныхъ функцій,

3) неопредѣленность редакціи самого закона въ смыслѣ отсутствія точнаго обозначенія правъ и обязанностей новой должности и отсюда: 4) т. н. ея „индивидуальность", подъ которой понималось, что отправленіе функцій этой должности слишкомъ тѣсно связывалось съ личными свойствами чиновника, ее занимавшаго.

Особенно подчеркивалось противорѣчившее понятію „правового" порядка, допущеніе на основаніи „знаменитыхъ" статей — 61 и 62, примѣненія дисциплинарныхъ взысканій безъ суда, по личному усмотрѣнію Земскаго Начальника, какъ въ отношеніи должностныхъ лицъ, такъ и рядовыхъ обывателей крестьянскаго сословія подвѣдомственнаго ему участка. Эта критика, не только въ академическомъ смыслѣ, но и на практикѣ, имѣла за собой нѣкоторое основаніе и само время мало-по-малу подсказывало необходимость внесенія въ законъ нѣкоторыхъ измѣненій въ смыслѣ большаго его уточненія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря предоставленной новымъ Положеніемъ привилегіи, въ нашемъ Ставропольскомъ уѣздѣ должности земскихъ начальниковъ во всѣхъ десяти участкахъ были замѣщены лучшими общественными дѣятелями — бывшими мировыми судьями, предводителями дворянства, мѣстными потомственными дворянами, землевладѣльцами — съ высшимъ образовательнымъ цензомъ (исключеніе представляли собой — Н. М. Наумовъ и Г. Г. Ларіоновъ: первый не имѣлъ высшаго образовательнаго, второй — земельнаго ценза). Всѣ они несли новыя свои обязанности съ чрезвычайнымъ достоинствомъ и пользовались уваженіемъ и довѣріемъ мѣстнаго населенія. Но со временемъ первоначальный составъ подвергся постепенному измѣненію. Съ вступленіемъ же, лѣтомъ 1905 года, на постъ Самарскаго губернатора г. Засядко, неуравновѣшаннаго неврастеника, безтактно обращавшагося съ мѣстнымъ служилымъ сословіемъ, почти всѣ коренные Ставропольцы покинули свои должности, которые были замѣщены т. н. „варягами", т. е. лицами не мѣстными и не потомственными дворянами..

Равнымъ образомъ, со временемъ, были урѣзаны и дискредиціонныя права земскихъ начальниковъ, такъ что, въ общемъ, черезъ какое либо десятилѣтіе само „Положеніе" подверглось существенной модификаціи, въ ущербъ идеѣ, положенной въ его основаніе Императоромъ Александромъ III.

Мнѣ пришлось работать въ условіяхъ еще неизмѣненнаго „Положенія", и могу откровенно признаться, что лично мнѣ именно нѣкоторая неопредѣленность его редакціи давала полный просторъ моей молодой инціативѣ въ давно желанномъ стремленіи — приносить посильную пользу своему ближнему; открывалось широкое поле для живого творчества по оказанію дѣйствительной и непосредственной помощи сельскому населенію — темному, малограмотному, запутавшемуся въ сложныхъ земельныхъ неурядицахъ, далекому отъ правовой правды и должной защиты.

Пройдя послѣ земскаго начальничества много всяческихъ служебныхъ ступеней по земству и дворянству, участвуя въ

составѣ Губернскаго Управленія, законодательствуя въ Государственномъ Совѣтѣ и закончивъ служебную карьеру Министромъ, я скажу, что большаго удовлетворенія, чѣмъ въ бытность мою земскимъ начальникомъ, я нигдѣ не получалъ, именно благодаря свойственной этой должности близости къ запросамъ всевозможныхъ человѣческихъ нуждъ, и одновременно, предоставленной закономъ широкой возможности безотлагательнаго ихъ удовлетворенія...

Церковь, школа, семья, сиротство, судъ, защита личная и общественная и, наконецъ, все то существенное, что разумѣется подъ этими четырьмя словами: „матерьяльное благосостояніе и нравственное преуспѣваніе" — все это вмѣстѣ, въ высшей степени сложное, и житейски-обыденное, требовало со стороны земскаго начальника ежечасной заботы, быстраго рѣшенія, разумнаго совѣта или руководственнаго подсказа. Правда, сущность моей дѣятельности въ то время обслуживала интересы не сотенъ тысячъ уѣздныхъ жителей, не нѣсколькихъ милліоновъ губернскихъ, ни тѣмъ болѣе полутораста милліоновъ имперскихъ гражданъ — а вся сводилась лишь для 38.000 обитателей 2-го земскаго участка — но за то какъ всѣ они были близки отъ меня, какая предоставлялась возможность лично мнѣ, безъ всякихъ чиновныхъ посредниковъ и мертвыхъ циркуляровъ, тотчасъ же и тутъ же оказывать быструю и рѣшительную помощь той или другой выявившейся нуждѣ, и какое ощущалось послѣ этого личное сознательное удовлетвореніе и счастливое самочувствіе! Въ этомъ отношеніи редакція Положенія, повторяю, давала дѣйствительный просторъ той живой непосредственной дѣятельности, о которой въ свое время я лишь мечталъ, а нынѣ не безъ увлеченія вспоминаю.

Продолжая говорить о субъективныхъ моихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною отъ этой службы, не могу не отмѣтить чисто утилитарной для меня стороны дѣла. Четырехлѣтній стажъ земскаго начальничества оказался для меня своего рода Высшей Практической Академіей, въ которой мнѣ была предоставлена широкая возможность близко ознакомиться не только съ крестьянскими, чрезвычайно сложными, законоположеніями въ примѣненіи ихъ на практикѣ, но главное, — съ самимъ бытомъ и укладомъ деревни. Всѣ сложившіяся у меня о нихъ понятія и практическіе выводы впослѣдствіи, во всей дальнѣйшей общественно-государственной моей дѣятельности, послужили для меня цѣнными данными, благодаря которымъ мнѣ легко было съ достаточной авторитетностью высказываться по многимъ вопросамъ, связаннымъ съ крестьянскими интересами и нуждами.

31

Вспоминаются мои первыя впечатлѣнія при вступленіи моемъ въ отправленіе обязанностей земскаго начальника.

На другой день моего пріѣзда въ Буянъ, послѣ представленія всѣхъ волостныхъ старшинъ и отъѣзда Ярового, въ канцеляріи моей появилось множество „просителей". Не безъ смущенія сталъ я выслушивать ихъ обращенія ко мнѣ, сразу же окунувшись въ необычайное разнообразіе крестьянскихъ нуждъ.

Помню, подходитъ ко мнѣ одна старушка съ какой-то просьбой и протягиваетъ какой-то узелочекъ, я машинально беру его и спрашиваю, въ чемъ дѣло? — „А это тебѣ, Ваше благородіе, я свѣжихъ яичекъ принесла — ужъ, сдѣлай милость, уважь мою просьбицу!".. Какъ ни старался я ее завѣрить, что и безъ всякихъ яицъ дѣлу ея будетъ данъ ходъ, настойчивая старушка отказывалась принять ихъ обратно.

Изо-дня въ-день въ мою канцелярію народу приходило все больше и больше. Я былъ сразу же заваленъ всевозможными просьбами, жалобами и пр. Видимо, ощущалась нужда настоятельная въ широкомъ и планомѣрномъ руководительствѣ мѣстной правовой жизнью; чувствовались, вмѣстѣ съ тѣмъ, — съ одной стороны, искреннее довѣріе крестьянскихъ массъ къ новой власти, а съ другой, — полная безпомощность этихъ малограмотныхъ людей въ дѣлѣ личной самозащиты и охраны своихъ имущественныхъ интересовъ.

Ко мнѣ поступало множество, составленныхъ мѣстными „аблокатами", письменныхъ заявленій; читать ихъ было дѣломъ нелегкимъ и противнымъ, ибо чѣмъ больше эти присяжные писаки наворачивали въ своемъ сочинительствѣ крикливаго вздора и невѣроятныхъ ссылокъ на апокрифическіе законы и несуществующія Сенатскія рѣшенія, тѣмъ для невѣжественнаго просителя подобная галиматья представляла большую цѣну, за что бралась немалая, въ пользу ея составителя мзда

Между тѣмъ, для администратора или судьи подобныя „мудреныя" писанія, съ запутаннымъ и неяснымъ содержаніемъ, служили лишь явной помѣхой для правильности дѣлового разрѣшенія, почему тому же земскому начальнику приходилось лично подробно передопрашивать жалобщика и самому заносить то, что нужно, въ особый протоколъ.

Всѣ эти обстоятельства съ первыхъ же шаговъ моей дѣятельности показались мнѣ столь очевидными, что я тотчасъ же предпринялъ немилосердную борьбу съ подпольной сельской „аблокатурой", — разорительной для бѣднаго люда. Прежде всего, я объявилъ по всему своему участку, что всякій проситель, имѣвшій нужду обратиться къ земскому начальнику, приглашался являться ко мнѣ безъ всякой предварительно написанной кѣмъ-либо бумаги. Я же заносилъ у себя всякую просьбу въ лично мною, или моимъ письмоводителемъ, составленный краткій, но обстоятельный протоколъ, который тутъ же подписывался самимъ просителемъ. Подобный порядокъ былъ предусмотрѣнъ и самимъ законоположеніемъ.

Если же, несмотря на мое предупрежденіе, мнѣ продолжали подавать письменныя прошенія, то я оставлялъ лишь тѣ, которыя считалъ разумно составленными, остальные же возвращалъ обратно, замѣняя ихъ собственными своими запися-

ми. Черезъ годъ „аблокатовъ" въ моемъ участкѣ не стало. Всѣ вздохнули свободнѣе, да и кляузныхъ дѣлъ меньше стало заводиться.

Участокъ я принялъ въ дѣлопроизводственномъ отношенiи сильно запущеннымъ. Послѣ моего предшественника осталось большое наслѣдство неразрѣшенныхъ административныхъ, а въ особенности судебныхъ дѣлъ. Пришлось ежемѣсячно назначать не менѣе какъ по 10 дней для разбирательства такихъ дѣлъ, преимущественно заключавшихся въ самовольныхъ лѣсныхъ порубкахъ, травокошеньяхъ и пастьбѣ скота въ чужихъ угодьяхъ. Всѣ эти правонарушенiя происходили почти исключительно — или въ удѣльныхъ, или казенныхъ дачахъ.

Дѣло въ томъ, что во 2-мъ земскомъ участкѣ находились 3 удѣльныхъ имѣнiя и 2 казенныхъ лѣсничества; частныхъ же помѣщичьихъ владѣнiй было всего 2 — Ушковское при с. Номомъ Буянѣ и Аверкiевыхъ при с-цѣ Мошкахъ, которыя за 4 года моей службы дали не болѣе 3-4-хъ судебныхъ дѣлъ. Удѣльное же и Казенное Вѣдомства вчиняли огромное количество судебно-уголовныхъ дѣлъ, которыя приходилось назначать цѣлыми „пачками", по 20-25 на день, ввиду ихъ однородности и сравнительно ограниченнаго количества участвовавшихъ въ нихъ лицъ.

Благодаря частымъ судебнымъ разбирательствамъ, мнѣ пришлось ближе ознакомиться со всѣмъ служебнымъ персоналомъ означенныхъ Вѣдомствъ. Во главѣ одного удѣльнаго имѣнiя стоялъ Муриновъ, проживавшiй почти безвыѣздно въ г. Ставрополѣ; въ другомъ имѣнiи, т. н. „Мусорскомъ" хозяйничалъ Николай Кирилловичъ Скурскiй, съ которымъ я болѣе всего сошелся. Это былъ человѣкъ живой, энергичный, умѣвшiй себѣ подбирать людей и держать ихъ въ строгомъ послушанiи. Къ крестьянамъ у него было отношенiе тоже дѣльно-хозяйственное, и при немъ были предприняты разумныя начинанiя Удѣльнаго Вѣдомства въ смыслѣ раскрѣпощенiя круговой отвѣтственности арендаторовъ.

Въ третьемъ удѣльномъ имѣнiи, тоже входившемъ въ мой участокъ, въ качествѣ управляющаго состоялъ Дмитрiй Александровичъ Ламберъ д'Ансэ, резиденцiя котораго была въ наиболѣе живописномъ мѣстѣ всего Поволжья — въ с. Царевщинѣ, расположенномъ у подножья шапкообразной возвышенности, т. н. „Царева Кургана", на луговомъ берегу рѣки Волги.

Обширное Царевщинское имѣнiе изобиловало великолѣпными лѣсами, преимущественно хвойной породы. Расположенное вдоль Волги, напротивъ высившихся съ противоположной ея стороны Жигулевскихъ горъ; въ свое время оно было историческимъ мѣстомъ, излюбленнымъ для лихихъ дѣйствiй приволжскихъ молодцовъ Стеньки Разина. Времена эти прошли, кое гдѣ въ описываемыхъ мѣстахъ появились сначала людскiе поселки, изъ которыхъ образовались впослѣдствiи на нагорной Жигулевской сторонѣ Волги среди скалистыхъ ращелинъ деревушки: Отважное, Моркваши, а на луговой просторной ея сторонѣ — огромныя села: Царевщина и Курумычъ, конечное населенное мѣсто моего участка. Народъ въ упомянутыхъ селенiяхъ отличался качествами, очевидно унаслѣдованными отъ „Разинскихъ" удалыхъ и воровскихъ дружинъ. Во всякамъ случаѣ, главный контингентъ всѣхъ правонарушенiй доставляло мнѣ населенiе именно Царевщинскаго имѣнiя.

Итакъ, во главѣ означеннаго имѣнiя стоялъ Ламберъ д'Ансэ, считавшiйся ранѣе какъ будто сноснымъ работникомъ, чего нельзя было сказать въ перiодъ моего знакомства съ этимъ болѣзненнымъ, полусумасшедшимъ человѣкомъ.

Ламберъ отличался необычайной разсѣянностью, полнымъ безволiемъ и совершеннѣйшимъ индифферентизмомъ къ порученному вѣдомственному дѣлу, проявляя явные признаки начинавшагося психическаго разстройства. Большой удѣльный домъ, гдѣ онъ жилъ въ полномъ одиночествѣ, имѣлъ видъ совершенно необитаемаго помѣщенiя — все казалось запущено, и много комнатъ было наглухо заперто.

Въ такомъ же положенiи обрѣталось его дѣлопроизводство, да и само все хозяйство.

Фактически управляющаго въ Царевщинскомъ имѣнiи не существовало. Вмѣсто него властвовали всемогущiе смотрители, вродѣ Старо-Бинарадскаго — Пескова, въ противоположность своему начальнику, отъѣвшагося, краснощекаго, бѣлокураго красавца-бородача, съ наглымъ видомъ и властнозаносчивой повадкой разъѣзжавшаго, „замѣсто барина", по „своимъ" лѣсамъ и доламъ въ щегольской рессорной бричкѣ на любительски-подобранной тройкѣ сытыхъ саврасыхъ „башкировъ".

Надо было видѣть и слышать этого Пескова на первыхъ засѣданiяхъ моего судебнаго разбирательства, чтобы сразу же понять безсилiе начальства въ отношенiи подобнаго типа „вѣдомственныхъ подчиненныхъ", съ одной стороны, и безпомощность многихъ тысячъ подвластныхъ имъ крестьянъ — съ другой.

Въ Старо-Бинарадской волости „Петръ Филиппычъ", такъ „величали" Пескова, былъ „все" для населявшихъ ее бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Пользованiе лѣсомъ (торги, выборочная рубка, сборъ валежника и пр.), съемка оброчныхъ статей, луговъ, выпасъ скота и пр., однимъ словомъ, весь сельскiй хозяйственный обиходъ зависѣлъ отъ всемогущаго Пескова, безконтрольно „царствовавшаго" въ своемъ обширномъ смотрительскомъ „объѣздѣ". Противъ него никто не смѣлъ голоса возвысить, — во первыхъ, некому было на него жаловаться, такъ какъ всѣ знали Ламберта, во вторыхъ всякаго жалобщика ожидала безпощадная месть со стороны „Петра Филиппыча", въ видѣ лишенiя его всѣхъ хозяйственныхъ „земныхъ благъ", да еще въ придачу возбужденiя уголовнаго противъ него преслѣдованiя. Составленiе вымышленныхъ актовъ не только на одно лицо, но нерѣдко на цѣлое общество (чаще всего по самовольному, якобы, выпасу на удѣльныхъ земляхъ) на почвѣ личнаго мщенiя или

цѣлью того или другого вымогательства — было для негодяя Пескова дѣломъ обычнымъ.

Все это вскорѣ же всплыло наружу при производившихся мною судебныхъ разбирательствахъ; преступная личность Старо-Бинарадскаго удѣльнаго смотрителя обрисовалась совершенно опредѣленно, и народъ, увидавъ во мнѣ добросовѣстнаго защитника, осмѣлѣлъ и выдалъ мнѣ его съ головой.

Песковъ былъ удаленъ отъ должности и преданъ суду. Совпало это также съ замѣной несчастнаго Ламберта дѣльнымъ и хозяйственнымъ Ю. Е. Щербаковымъ, быстро подтянувшимъ управленіе въ обширномъ Царевщинскомъ имѣніи. Все приняло другой видъ и характеръ, включая и самый домъ, превратившійся въ прекрасное помѣщеніе, полное хозяйственнаго комфорта, семейнаго счастья и здороваго веселья... Устраивались у Ю. Е. отличныя охоты, на которыя обычно съѣзжались изъ Самары губернаторъ Брянчаниновъ и Начальникъ Удѣльнаго Округа Д. П. Терлецкій.

Въ моемъ участкѣ находились также довольно обширныя казенныя лѣсныя дачи, но самихъ лѣсничихъ я мало встрѣчалъ: проживали они далеко, внѣ предѣловъ моего участка. Въ общемъ, могу о нихъ вспомнить лишь съ наилучшей стороны.

Ставропольскій уѣздъ былъ распредѣленъ на четыре полицейскихъ стана, управлявшихся полицейскими приставами. Всѣ четыре волости моего земскаго участка входили въ первый „станъ", во главѣ котораго состоялъ сначала Соколовъ, а послѣ его удаленія скромный и исполнительный Созиновъ.

Для службы земскаго начальника роль уѣздныхъ полицейскихъ чиновъ была весьма существенной, и отъ личныхъ свойствъ приставовъ зависѣла согласованность дѣйствій въ области административныхъ распоряженій. Что же касается до судебныхъ дѣлъ, то способъ и сущность производившихся полицейскихъ и слѣдственныхъ дознаній непосредственно вліяла на весь ходъ и самый результатъ судебныхъ разбирательствъ уголовныхъ дѣлъ у земскаго начальника. Возьму, напримѣръ, огромную категорію дѣлъ, связанныхъ съ величайшимъ бѣдствіемъ деревни — конокрадствомъ. Весь центръ тяжести борьбы само собой сводился къ срочной возможности огражденія населенія отъ тѣхъ вредныхъ элементовъ, которые профессіонально занимались своимъ преступнымъ ремесломъ. Осуществленіе подобной мѣры цѣликомъ зависѣло отъ неукоснительнаго примѣненія къ конокрадамъ карательныхъ судебныхъ приговоровъ, правильность обоснованія которыхъ, въ свою очередь, зиждилась на томъ или другомъ точномъ выясненіи всей фактической стороны совершенныхъ преступленій. Иначе говоря, все сводилось къ умѣнію становаго пристава производить на мѣстѣ уголовное слѣдствіе. Къ глубокому сожалѣнію, постановка этой части обязанностей уѣздной полиціи оставляла желать много лучшаго. Министерству Внутреннихъ Дѣлъ давно бы слѣдовало озаботиться упорядоченіемъ этой области, учредивъ особые практическіе курсы для обученія уѣздныхъ полицейскихъ чиновъ производству предварительныхъ дознаній по уголовнымъ дѣламъ.

Первоначальная забота моя была направлена на скорѣйшую ликвидацію залежей всевозможныхъ дѣлъ, образовавшихся до вступленія моего въ завѣдываніе вторымъ земскимъ участкомъ.

Успѣвъ за первый же годъ болѣе или менѣе подобрать все свое дѣлопроизводство, и одновременно практически освоившись съ обширной компетенціей своей должности, я намѣтилъ себѣ на предстоящее время осуществленіе заранѣе составленной мною программы планомѣрнаго упорядоченія наиболѣе важныхъ сторонъ сельской правовой и бытовой жизни.

Въ первую очередь, вниманіе мое было обращено на дѣлопроизводство Волостного суда, компетенція котораго, согласно новому Положенію, была значительно противъ прежняго расширена, особенно въ сферѣ семейно-наслѣдственныхъ дѣлъ.

Съ первыхъ же шаговъ, я поставилъ себѣ задачей произвести наилучшій подборъ личнаго состава волостныхъ судей, главнымъ же образомъ, найти подходящихъ Предсѣдателей суда и завѣдующихъ судопризводствомъ. Съ этой цѣлью мнѣ пришлось говорить на волостныхъ сходахъ о томъ важномъ значеніи, которое, по новому закону, выпало на долю Волостныхъ Судовъ, и убѣждать не жалѣть необходимыхъ средствъ на содержаніе и наемъ достойныхъ лицъ для замѣщенія судейскихъ должностей.

Волости очень отзывчиво откликнулись на этотъ призывъ, благодаря чему дѣйствительно и удалось привлечь хорошихъ работниковъ.

Неоднократно затѣмъ собиралъ я Предсѣдателей и членовъ Волостныхъ судовъ съ ихъ дѣлопроизводителями на особые практическіе „курсы", бесѣдовалъ съ ними на тему волостного судопроизводства, объяснялъ имъ основныя и отличительныя понятія уголовныхъ и гражданскихъ правонарушеній, одновременно знакомя ихъ съ практической стороной веденія того или другого процесса. Для памяти составленъ былъ мною небольшой, въ удобопонятной формѣ изложенный, конспектъ, какъ практическое руководство для Волостного судопроизводства. Не малое число разъ я присутствовалъ лично при разбирательствахъ въ Волостныхъ судахъ.

Дѣломъ этимъ я сильно увлекался, и труды мои, видимо, не пропали даромъ. На избраніе въ волостные судьи, особенно на должность Предсѣдателя, населеніе стало смотрѣть болѣе вдумчиво и заинтересованно, придавая этому дѣлу особо почетное и отвѣтственное значеніе. Что же касается до самаго существа волостного судопроизводства, то не могу не отмѣтить, что нѣкоторыя рѣшенія, въ особенности Му-

сорскаго Волостного суда, признавались въ свое время не только нашимъ Съѣздомъ, но и высшими кассаціонными инстанціями, образцовыми.

Для меня становилось совершенно ясно, что никто, какъ именно Судъ изъ мѣстныхъ добросовѣстныхъ жителей, не могъ лучше разбираться въ мелочныхъ, но сложныхъ подчасъ, взаимоотношеніяхъ крестьянскихъ семей, особенно въ области ихъ семейно-наслѣдственныхъ правъ, гдѣ законъ и обычай тѣсно между собой переплетались.

Вѣра моя въ жизненность и пользу Волостного суда, за время моей службы, изъ года въ годъ крѣпла и настолько укоренилась, что спустя много лѣтъ, когда мнѣ пришлось въ 1910 году участвовать въ качествѣ Члена Государственнаго Совѣта въ особой комиссіи по преобразованію мѣстнаго судопроизводства, я горячо выступалъ въ защиту сохраненія для деревни Волостного Суда.

32

Слѣдующая область дѣлъ, наиболѣе меня заинтересовавшихъ въ смыслѣ необходимости возможно спѣшнаго ихъ упорядоченія, обнимала собою все крестьянское землепользованіе и безконечное количество связанныхъ съ нимъ спорныхъ взаимоотношеній.

Во 2-мъ земскомъ участкѣ форма землепользованія была однотипная — общинная; почти всѣ крестьяне числились бывшими удѣльными и владѣли, согласно Уставной Грамотѣ, на правахъ выкупа, полными надѣлами въ соотвѣтствіи съ количествомъ душъ, отмѣченныхъ въ документахъ еще со временъ ревизской сказки 1857 г. Исключеніе въ моемъ участкѣ представляло собой лишь селеніе Новый Буянъ, принадлежавшее ранѣе князю Ивану Петровичу Трубецкому, крестьяне котораго, послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, перешли, согласно ихъ желанію, на „дарственный" или т. н. „нищенскій" надѣлъ, избавившись такимъ образомъ отъ выкупныхъ платежей, но получивъ зато въ свою общинную собственность лишь по 1 десятинѣ на ревизскую душу.

Остановлюсь нѣсколько подробнѣе на положеніи Ново-Буяновскихъ крестьянъ въ отношеніи ихъ земельнаго пользованія. Отведена была имъ земля по Уставной Грамотѣ на бугристыхъ, прилегающихъ къ селу, мѣстахъ, оказавшаяся неплодородной и недостаточной по своему количеству. Въ противоположность остальнымъ селеніямъ моего участка, расположеннымъ въ большинствѣ случаевъ среди обширныхъ удѣльныхъ полевыхъ угодій, на льготныхъ сравнительно условіяхъ сдававшихся имъ въ аренду, Ново-Буяновскіе крестьяне съ трудомъ могли заарендовывать въ экономіи небольшія пахотныя пространства, и то находившіяся въ значительномъ отдаленіи отъ села.

Года за два до моего пріѣзда въ Буянъ, крестьяне этого села надумали взять въ аренду въ казенномъ вѣдомствѣ около 4.000 десятинъ въ предѣлахъ сосѣдняго Самарскаго уѣзда въ сорока верстахъ отъ Новаго Буяна. Называлась эта мѣстность „Алтай-Гора". Образовавъ на этотъ предметъ особое товарищество, большинство Ново-Буяновскихъ семей работало на этомъ участкѣ, переселяясь туда на лѣтніе страдные мѣсяцы и устраиваясь на немъ во временныхъ жилищахъ.

Отмѣчу здѣсь тотъ вредъ имущественный и соціально-государственный, который причиняла на мѣстахъ аграрная политика казеннаго вѣдомства того времени.

Не успѣлъ я появиться въ Буянѣ въ качествѣ земскаго начальника, какъ со всѣхъ сторонъ отъ мѣстныхъ крестьянъ посыпались ко мнѣ претензіи все объ одномъ и томъ же — защитить ихъ справедливые интересы отъ гибельныхъ распоряженій казеннаго вѣдомства.

Дѣло въ томъ, что „казна" ригорично примѣняла къ заарендовавшему „Алтай-Гору" товариществу требованіе круговой отвѣтственности по взысканію съ него причитавшагося оброчнаго платежа. Засталъ я такое положеніе вещей: за два года урожаи хлѣбовъ оставались на участкѣ нетронутыми подъ секвестромъ казны. Нѣкоторыя скирды съ пшеницей представляли собой внутри лишь сплошную гниль и мышеѣдину. Несмотря на это, вѣдомство продолжало оставаться рутинно-послѣдовательнымъ и неизмѣнно-глухимъ къ раздававшимся справедливымъ воплямъ объ отпускѣ хлѣба тѣмъ изъ арендаторовъ, которые аккуратно вносили въ общую кассу причитавшіяся съ нихъ арендныя деньги. Такихъ исправныхъ лицъ было подавляющее большинство, и тѣмъ не менѣе, казна руководствовалась принципомъ: „fiat justitia, pereat mundus!"

Вокругъ себя я видѣлъ лишь плачъ, ругань и злобное отчаяніе хозяйственныхъ крестьянъ, обездоленныхъ тупой и безжалостной политикой казны. Я самъ дѣлалъ все, что могъ, для защиты Ново-Буяновскихъ арендаторовъ: писалъ, лично обращался къ губернскимъ властямъ, но всюду встрѣчалъ глухой отпоръ...

Наконецъ, воспользовался первой же своей поѣздкой въ декабрѣ 1893 года въ Петербургъ и навѣстилъ, въ числѣ прочихъ, семью добрыхъ нашихъ знакомыхъ по Симбирску Долгово-Сабуровыхъ, переѣхавшихъ въ столицу, ввиду назначенія Николая Павловича, бывшаго Симбирскаго Губернатора, на постъ Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

По неопытности своей я предполагалъ разжалобить старика и вынудить его тотчасъ же вступиться за попранные интересы моихъ мужичковъ...

Большой, сановитый, величавый Николай Павловичъ слушалъ меня спокойно, затѣмъ слегка улыбнулся и съ деревяннымъ выраженіемъ умнаго лица покровительственнымъ тономъ сначала похвалилъ меня за горячность и отзывчивость, а затѣмъ совершенно уже сухо промолвилъ: „Все это — чувство, а разумъ повелѣваетъ поступать такъ, какъ дѣйствуетъ опытное въ семъ дѣлѣ Вѣдомство. Будете постарше, сами сіе уразумѣете."...

Такъ смотрѣлъ на это вопіющее дѣло чиновный Петербургъ, для котораго удобство „свое — казенное" было выше общечеловѣческой справедливости. Межъ тѣмъ отъ ея удовлетворенія зависѣло многое — довольство народныхъ массъ, каковое довольство, со своей стороны, обезпечиваетъ дѣйствительное, а не кажущееся лишь спокойствіе всего государства. Вотъ когда я поймалъ себя на зародившейся во мнѣ острой непріязни къ черствой, себялюбивой бюрократіи, и вотъ съ тѣхъ поръ я понялъ, какая пропасть лежитъ между Царемъ съ его столичными сановниками и народомъ съ его нуждами и невзыскательной психологіей.

Этому „вопіющему" дѣлу по секвестрованію многолѣтнихъ урожаевъ „Алтай-Горы" положенъ былъ конецъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Манифесты 1894 года и послѣдующій - 1896 года (Восшествіе на престолъ Государя Николая II и его коронованіе) скостили всѣ недоимки, числившіяся за Ново-Буяновскимъ товариществомъ, тѣмъ самымъ уравнявъ старательныхъ съ лѣнтяями, разслабивъ и ожесточивъ первыхъ, поощривъ и вознаградивъ послѣднихъ... Развѣ подобная политика не послужила подготовительной работой со стороны самого же Правительства для воспитанія народных массъ въ духѣ современнаго нынѣ „коммунистическаго пролетаріата"?!

Спустя нѣсколько лѣтъ, то же казенное вѣдомство какъ бы одумалось и пошло инымъ, болѣе разумнымъ и справедливымъ въ отношеніи своихъ арендаторовъ путемъ, слѣдуя благому примѣру Удѣла, положившаго въ основу своей дѣятельности, приблизительно еще съ 1895 года, новое здоровое начало замѣны круговой отвѣтственности индивидуальной. Благодаря этому, каждый арендаторъ сталъ отвѣчать лишь за себя. Несомнѣнно создалось для вѣдомственныхъ чиновъ больше работы и заботъ по дѣлу учета, взысканій и пр., но за то, какой вздохъ облегченія вырвался изъ груди „сильныхъ" трезвыхъ хозяевъ, освободившихся отъ круговыхъ путъ „слабыхъ" своихъ товарищей, способных легко въ первомъ попавшемся кабакѣ пропивать Богомъ данный урожай.

Вообще надо отдать справедливость Удѣльному Ведомству, сыгравшему въ нашихъ Самарскихъ краяхъ крупную роль благодѣтельнаго культуртрегера. Мало того, что оно проявило упомянутую иниціативу, для того времени смѣлую, въ отношеніи способа взысканія аренды, Удѣлы настойчиво проводили въ жизнь въ высшей степени разумную мѣру для поднятія общаго уровня земледѣлія въ нашихъ мѣстахъ, посредствомъ установленія особаго способа землепользованія на своихъ оброчныхъ статьяхъ по принципу: „do ut des". Нуждающійся въ ихъ землѣ арендаторъ получалъ таковую лишь при условіи неуклоннаго исполненія ряда принятыхъ при подписаніи контракта обязательствъ, какъ-то: веденія многопольнаго сѣвооборота съ непремѣннымъ травосѣяніемъ, унаваживаніемъ, чернаго пара, пропашной культуры и пр.

Все это создало въ одно десятилѣтіе чисто-сказочное измѣненіе мѣстнаго народнаго хозяйства, въ смыслѣ матеріальнаго довольства и избытка. Съ 1895 по 1905 годъ Удѣльныя земли, представлявшія собой сплошныя степи, растянувшіяся между Ставрополемъ и Мелекессомъ, ранѣе, бывало, въ лѣтнее время покрытыя чахлой степной растительностью и лишь кое-гдѣ засѣянныя клиньями трехпольнаго хозяйства, превратились нынѣ въ зеленые участки, обильно заросшіе сочными травами и другими злаками, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ многочисленнымъ сѣвооборотомъ, который подсказывался Удѣльнымъ Вѣдомствомъ при сдачѣ земель. Всюду виднѣлся навозъ, многочисленные стоги сѣна; вездѣ попадался сытый скотъ и пр. Однимъ словомъ, по благодѣтельному указу хозяина — Удѣловъ, все оживилось, разбогатѣло и поздоровѣло. Но, увы! ненадолго.

Наступило октябрьское лихолѣтье 1905 года, и все тотъ же чиновный Петербургъ поспѣшилъ пойти на уступки революціоннымъ уличнымъ требованіямъ. Изданъ былъ ноябрьскій указъ 1905 года о мобилизаціи казенныхъ и удѣльныхъ земель на предметъ удовлетворенія крестьянскихъ „аграрныхъ" нуждъ. Большое культурное дѣло, столь успѣшно начатое Удѣльнымъ вѣдомствомъ, а за нимъ и казной, оборвалось и... погибло. Прошло нѣсколько лѣтъ, и тѣ же степи стали принимать прежній захудалый полузаброшенный видъ...

Остальныя селенія моего участка имѣли общинное землепользованіе съ полными выкупными надѣлами, распредѣленными по Уставной Грамотѣ, согласно числу душъ, зарегистрированныхъ по ревизскимъ сказкамъ 1857 года. Само собой разумѣется, съ того времени, почти за 40 лѣтъ, произошли крупныя измѣненія въ семейномъ составѣ мѣстнаго населенія. Нѣкоторыя семьи оказались въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ съ точки зрѣнія земельнаго обезпеченія, владѣя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, многими „душевыми" надѣлами; и обратно — много семей, имѣвшихъ съ основанія надѣленія одну или двѣ „души" и разросшіяся въ многочисленное потомство, оставались при томъ же ограниченномъ количествѣ земли.

Кромѣ того, за эти долгіе годы, много перемѣнъ въ первоначальную схему земельнаго распредѣленія 60-хъ годовъ внесло само крестьянское самоуправленіе, получившее право, въ нѣкоторыхъ указанныхъ закономъ случаяхъ, вмѣшиваться въ порядокъ общиннаго землепользованія, отбирая въ свое распоряженіе душевые надѣлы у однихъ (за вымороченностью, накопленіе недоимокъ, въ силу безвѣстнаго отсутствія) и предоставляя таковые другимъ своимъ однообщественникамъ.

Надо принять во вниманіе, что съ момента уничтоженія института міровыхъ посредниковъ и до появленія земскихъ начальниковъ ушло много времени; въ этотъ промежутокъ надзоръ за дѣятельностью крестьянскихъ самоуправленій и руководство ими фактически почти совершенно отсутствовали. И то сказать: могъ ли одинъ человѣкъ, именовавшійся

непремѣннымъ членомъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, услѣдить за законностью и цѣлесообразностью правовой административной жизни цѣлаго уѣзда, включавшаго въ себѣ отъ 36 (Ставропольскій у.) до 54 волостей (Бузулукскій у.)?! Несомнѣнно, обыденная деревенская жизнь, со всей своей мелочностью, людскими инстинктами и страстями, брала верхъ надъ писаными законами, какъ скоро наблюдавшаго глаза не стало.

Дѣйствительными хозяевами деревни были не сельскіе сходы, а волостные и сельскіе писаря, которые, совмѣстно съ обычно въ то время малограмотными, а то и вовсе неграмотными, сельскими и волостными должностными лицами, почти безконтрольно руководили всей мѣстной крестьянской жизнью, внося хаосъ и безправіе во взаимоотношенія членовъ общества въ области землепользованія.

Всюду царствовало безудержное взяточничество, въѣвшееся въ плоть и кровь народную настолько, что приняло характеръ какъ бы узаконеннаго обычая. Вино, деньги, хозяйственные припасы и пр. — все это давалось во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась для кого-либо или чего-либо т. н. „общественная" санкція.

Выборы на какую-нибудь общественную должность, жеребьевка на пользованіе землей, земельные передѣлы, полученіе въ аренду „выморочныхъ душъ", волостная судебная тяжба и т. п. — все это сопровождалось взяточничествомъ, львиная доля котораго перепадала на почти единственно хорошо грамотнаго въ то время волостного или сельскаго писаря.

Отсюда ясно, почему писаный законъ и дѣйствовавшая на мѣстахъ практика въ области общиннаго землепользованія совершенно не совпадали другъ съ другомъ. Здѣсь, повторяю, властвовалъ полнѣйшій произволъ на почвѣ самаго безсовѣстнаго взяточничества.

Подобный уклонъ правовой жизни деревни способствовалъ образованію того земельнаго „кулачества", о которомъ въ свое время было столько говорено, и борьба съ которымъ была возможна лишь путемъ близкаго и неукоснительнаго надзора за порядкомъ землераспредѣленія и землепользованія.

Въ области семейно-наслѣдственныхъ крестьянскихъ взаимоотношеній и связанныхъ съ ними всевозможныхъ тяжбъ и претензій точно также царилъ невообразимый хаосъ, чему способствовалъ, самъ того не вѣдая, Правительствующій Сенатъ, вынесшій въ 80-хъ годахъ рѣшеніе, въ силу коего тотъ или другой мѣстный обычай удостовѣрялся мѣстнымъ же сельскимъ сходомъ.

Изъ всего сказаннаго представляется яснымъ, почему однимъ изъ главныхъ своихъ заданій я поставилъ себѣ дѣло упорядоченія мѣстнаго крестьянскаго землепользованія.

Послѣ перваго же года въ моемъ участкѣ установился такой порядокъ, что обо всѣхъ сельскихъ сходахъ я заранѣе зналъ у себя въ канцеляріи, и всюду, гдѣ нужно, я могъ по

желанію и выбору лично появляться, благодаря чему мнѣ удалось однажды въ с. Узюковѣ самому прослѣдить за вынутіемъ жеребьевокъ при отводѣ земельныхъ участковъ послѣ передѣла на наличныя души, и этимъ предупредить готовившіяся, по дошедшимъ до меня слухамъ, злоупотребленія со стороны мѣстныхъ кулаковъ.

Чаще всего приходилось мнѣ бывать на сходахъ, собиравшихся для производства передѣловъ общинной земли со старыхъ „ревизскихъ душъ" на т. н. „наличныя". Провѣрка подобныхъ приговоровъ была для меня обязательна и по закону, и по исключительной важности самаго существа дѣла.

Нѣкоторые члены общества стремились разбить землю лишь на однѣ мужскія души, другіе требовали разверстки на всѣ души, считая и женскія; многіе тянули надѣлять землей лишь со дня совершеннолѣтія и, наконецъ, были группы, отстаивавшія раздачу общинной земли на всѣ наличныя „живыя" души — мужскія и женскія, включая новорожденныхъ...

Когда же разговоръ заходилъ объ основаніяхъ разверстки земли на „наличныя души", то сходы обычно превращались въ разгоряченныя, спорныя и шумныя сборища.. Села были большія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сходы сбиралось до тысячи, а то и больше крестьянъ. Договориться имъ самимъ бывало трудно — требовалось чье-либо авторитетное посредничество, которое, естественно, приходилось брать на себя мнѣ, какъ мѣстному земскому начальнику.

Нелегкое и отвѣтственное это было дѣло, главнымъ образомъ потому, что сопряжено оно было съ коренной ломкой многолѣтняго хозяйственнаго уклада, какъ всей земельной общины, такъ и каждаго изъ ея сочленовъ. Но, какъ говорится, „лиха бѣда начало", и послѣ перваго удачнаго передѣла съ ревизскихъ на наличныя души, мнѣ удалось провести подобные же передѣлы во многихъ другихъ селеніяхъ. За основу надѣленія я предлагалъ, и обществомъ всюду принималось, — распредѣленіе земли на каждую душу мужского и женскаго пола, включая новорожденныхъ, съ 1 января того года, въ теченіе котораго составлялся общественный приговоръ.

Послѣ каждаго такого „общаго" передѣла, заводилась, по моему указанію, въ соотвѣтствующемъ сельскомъ Управленіи особая кадастровая земельная книга, съ послѣдующимъ обозначеніемъ въ ней всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ „частичнаго" передѣла (перехода душевыхъ надѣловъ изъ однѣхъ рукъ въ другія), которые предусматривались закономъ и совершались каждый разъ лишь по приговору схода или рѣшенію Волостного суда.

Пришлось мнѣ служить Земскимъ Начальникомъ какъ разъ въ памятный періодъ наибольшаго закрѣпощенія общины столичными верхами, въ лицѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ И. Н. Дурново и его близорукихъ совѣтчиковъ, видѣвшихъ въ сохраненіи крестьянскаго земельнаго единства, стиснутаго желѣзнымъ обручемъ круговой поруки — панацею

государственнаго консерватизма и цѣлости, съ точки же зрѣнія техники управленія — простоту и удобство всяческихъ взысканій и обложеній. И вотъ, еще то, что законодателемъ, при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и надѣленіи ихъ общинной землей, было намѣчено, какъ отдушина, черезъ посредство которой давался просторъ каждой отдѣльной личности выходить изъ круга своихъ сочленовъ на свободную дорогу самоусовершенствованія, включая и матерьяльно-земельное — все это взмахомъ министерскаго пера было стерто во имя модной формулы — сохраненія общины и само собой во вредъ общечеловѣческой правдѣ и государственному прогрессу.

Я вспоминаю исторически-знаменитый циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 14 декабря 1893 года, коимъ указывалось, что для удовлетворенія просьбъ тѣхъ членовъ сельскаго общества, которые заявили о своемъ желаніи выдѣлить изъ общинной земли выкупленные ими въ ихъ полную собственность душевые надѣлы, должно состояться особое постановленіе сельскаго схода, дѣйствительное лишь при наличіи согласія двухъ третей **всѣхъ** домохозяевъ даннаго общества.

Ясное дѣло, что подобнымъ распоряженіемъ былъ нанесенъ тяжкій ударъ тѣмъ, сравнительно немногимъ лицамъ, наиболѣе крѣпкимъ и хозяйственнымъ, которыя имѣли квитанціи Государственнаго Казначейства на выкупы въ полную ихъ собственность своихъ земельныхъ надѣловъ, и которые, довѣряя незыблемости законовъ, твердо уповали на возможность выдѣленія своихъ земель изъ общей надѣльной массы. Возможность эта предоставлялась самимъ закономъ, какъ неотъемлемое право для „выходцевъ", при всякомъ общемъ (не частичномъ) передѣлѣ надѣльной земли, но подобныхъ „общихъ" передѣловъ ранѣе почти вовсе не происходило и земельно-хозяйственная жизнь шла по счету старыхъ „ревизскихъ" душъ. Лишь при мнѣ, какъ я выше отмѣтилъ, началось движеніе среди крестьянскихъ массъ въ пользу новыхъ „общихъ" передѣловъ на „наличныя" души, широко захватившее все наше Поволжье...

Далекій, чиновно-рутинный Петербургъ насторожился и наложилъ на это свое „вето", — тотъ самый Петербургъ, который черезъ 15 лѣтъ всю свою аграрную политику началъ строить именно на всяческомъ содѣйствіи элементамъ, въ то время столь грубо и непослѣдовательно-противозаконно (если взять циркуляръ 1893 года въ соотвѣтствіи съ крестьянскимъ законоположеніемъ 60-хъ годовъ) отброшеннымъ на задворки деревни, къ общему ликованію всѣхъ мѣстныхъ „пролетарскихъ" массъ. Воистину, само правительство какъ бы предуказало тогда ту борьбу классовъ, которая явилась лозунгомъ современнаго совѣтскаго режима.

Теперь невольно я спрашиваю себя, не былъ ли упомянутый министерскій циркуляръ по существу и по своимъ послѣдствіямъ именно той ставкой на „пролетаріатъ", которую Ленинскій коммунизмъ избралъ основой всей своей аграрной

политики.

Надо удивляться, какое колебаніе курса всегда проявлялъ Петербургъ въ отношеніи далекой отъ него деревни, какая непослѣдовательность политики, какое непониманіе психологіи крестьянъ-общинниковъ, всемѣрно старавшихся выйти въ „люди" и сдѣлаться завзятыми землевладѣльцами!

При взглядѣ на все, сравнительно не столь далекое, прошлое, приходится съ несомнѣнностью установить тотъ фактъ, что столичные верхи того времени допускали непростительное легкомысліе при разрѣшеніи крупнѣйшихъ проблемъ мѣстнаго значенія, какъ бы закрывая глаза на все то, въ ту пору еще глухое, недовольство, которое зарождалось въ народныхъ низахъ, постепенно накапливалось и, въ концѣ концовъ, всегда могло вылиться наружу...

Какъ сейчасъ вижу передъ собой огромный сходъ общества с. Кирилловки, Ново-Бинарадской волости, на которомъ надо было рѣшить вопросъ о выдѣленіи около одной десятой части всего количества общинной земли къ одному мѣсту, въ собственность нѣкоторымъ Кирилловскимъ крестьянамъ, сполна и давно выкупившимъ свои душевые надѣлы. Вопросъ этотъ былъ поднятъ въ виду того, что Кирилловцы только что порѣшили перейти на наличныя души и предстоялъ общій передѣлъ. „Выходцевъ" этихъ было человѣкъ 40. Я всѣхъ ихъ зналъ с наилучшей стороны — народъ это былъ степенный, крѣпкій, хозяйственный, отнюдь не кулаки, и до той поры пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Не будь этого циркуляра — все прошло бы спокойно и хорошо, такъ какъ, по здравому смыслу основного закона, общество обязано было ихъ удовлетворить. Въ данномъ же случаѣ, когда согласно министерскаго распорядка деревенская голытьба и все то, что нынѣ характеризуется моднымъ словомъ „пролетаріата", почувствовало за собой силу передъ этой кучкой „сильныхъ", начались по ихъ адресу со стороны нѣкоторой части собравшейся на сходъ людской массы рѣзкіе, недоброжелательные выкрики, сопровождавшіеся всевозможными хулиганскими выходками. Невольно, вспоминая эту давнюю сцену, теперь сравниваешь съ затравленной сорокоголовой группой кирилловскихъ „выходцевъ" себя самого и себѣ подобныхъ, т. н. „буржуевъ", „капиталистовъ", выброшенныхъ нынѣ за бортъ нормальной хозяйственной жизни тоже волею „пролетаріата". Эти степенные зажиточно-солидные люди, столпившись около крыльца взъѣзжей избы, какъ бы ища защиты у земскаго начальника, должно быть переживали тогда тѣ же думы и чувства, которыя мы и понынѣ носимъ въ своей уставшей головѣ и измученномъ сердцѣ, задавая мысленно одинъ и тотъ же вопросъ: „За что все это съ нами такъ случилось?!"

Помню я — когда успокоился взбаламученный сходъ, и получился въ результатѣ голосованія отказъ въ удовлетвореніи просьбы „выходцевъ", какъ нѣкоторые изъ нихъ, — бородатые, мужественные по виду люди, смахивали своими заскорузлыми, сильными руками невольно скатывавшіеся по лицу слезы горечи и незаслуженной обиды. На другой день мно-

гіе изъ нихъ же приходили ко мнѣ въ канцелярію, задавая такіе жуткіе вопросы по поводу совершенно непонятнаго для нихъ циркуляра, что невольно приходилось переживать тяжелыя минуты и мысленно всѣмъ своимъ существомъ возмущаться близорукой столичной аграрной политикой. Результатомъ, между прочимъ, этого памятнаго для меня Кирилловскаго схода было то, что добрая половина этихъ хозяевъ-выходцевъ, распродавъ все свое добро и имущество, отправилась въ Сибирь на „новыя" мѣста... Этимъ закончилась единичная въ моемъ участкѣ попытка освободиться отъ общинной кабалы.

Зловредный циркуляръ, о которомъ я сказалъ выше, надолго отучилъ населеніе думать о томъ выдѣленіи на земельные „собственные" участки, которое черезъ какихъ-нибудь 15 лѣтъ стало въ той же столицѣ лозунгомъ дня и предметомъ даже излишней спѣшки, если не сказать почти насильственныхъ мѣръ.

Въ общемъ, многое на мѣстахъ населеніемъ воспринималось тяжело и болѣзненно, что въ свое время столь легкомысленно исходило изъ петербургскихъ канцелярій, и столичный центръ, самъ того подчасъ не вѣдая, сѣялъ собственными руками недобрыя сѣмена въ сильно унавоженную землю... Причина подобнаго государственнаго разлада становилась мнѣ изъ года въ годъ яснѣе — между столичнымъ руководившимъ центромъ и деревней лежала пропасть. Ощущалась срочная необходимость установленія между ними живой, разумной связи...

Касаясь въ своихъ запискахъ распорядковъ общиннаго землепользованія, не могу не вспомнить объ одномъ эпизодѣ, имѣвшимъ мѣсто въ с. Новой Бинарадкѣ. За обществомъ этого села числилась незначительная сумма денежной недоимки, оставшейся невыплаченной въ разсчетъ за выданную Ставропольскимъ земствомъ въ голодный 1891 годъ продовольственную и сѣменную ссуду.

Дѣло въ томъ, что уѣздное земское собраніе, оказавшее въ тотъ годъ многимъ пострадавшимъ обществамъ нашего уѣзда своевременную помощь, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ послѣдующемъ году постановило въ обезпеченіе выплаты обязать сельскія общества, взявшія ссуды, завести у себя особыя, т. н. „общественныя запашки", урожай съ которыхъ долженъ былъ поступать въ погашеніе долга.

Много было хлопотъ и склоки съ этими запашками, являвшимися лишь новой формой пресловутой круговой поруки односельчанъ, изъ которыхъ наиболѣе добросовѣстные поспѣшили погасить свои долги, а другіе, болѣе нерадивые, продолжали безпечное существованіе земскихъ должниковъ, благодаря чему начальство вынуждено было понуждать то или другое общество продолжать отбывать принятую на себя натуральную повинность до окончательнаго покрытія числившагося за нимъ долга земству.

Изъ года въ годъ росло недовольство исправныхъ крестьянъ, заявлявшихъ о необходимости снятія со всего общества, и ихъ въ томъ числѣ, тягостной круговой отвѣтственности, и о своевременности переложенія оставшихся непогашенныхъ суммъ на односельчанъ-недоимщиковъ. Но голосъ ихъ встрѣчалъ все то же упорное требованіе сохраненія прежней мѣры гарантіи. Въ этомъ отношеніи Земство было безсильно что-либо сдѣлать, въ силу существовавшихъ на этотъ предметъ спеціальныхъ министерскихъ инструкцій.

Въ такомъ именно положеніи находилось и общество села Новой Бинарадки, когда наступила весна 1894 года. Несмотря на незначительность оставшейся недоимки, Уѣздная Управа вынуждена была настаивать на продолженіи „общественной запашки".

Среди Ново-Бинарадскихъ крестьянъ росло сначала глухое, а затѣмъ явное недовольство. Слышались горячіе протесты. Мѣстный волостной старшина, обычно солидный и уравновѣшенный Алексашинъ, еще съ зимы неодобрительно покачивалъ головой, предвидя „неладное для спокоя" его волости наступленіе весенняго сѣва. Всѣ его совѣты и убѣжденія у Ново-Бинарадской мордвы не имѣли обычнаго успѣха.

Тѣмъ временемъ, до слуха взбалмошнаго исправника Лукьянчикова какими-то судьбами дошелъ слухъ о якобы начавшемся „броженіи въ умахъ" Ново-Бинарадскихъ крестьянъ. „По долгу присяги" онъ счелъ нужнымъ, незадолго до начала ярового сѣва, по дорогѣ въ посадъ Мелекессъ, завернуть въ Бинарадку, собрать сходъ и наговорить на немъ сгоряча, „для острастки смутьяновъ", такихъ угрозъ и ужасовъ, что народъ, вмѣсто умиротворенія, былъ окончательно сбитъ съ толку.

Возбужденіе среди Бинарадскаго общества достигло крайнихъ предѣловъ, когда пришло время взяться за плугъ и приступить къ яровому посѣву. „Сановитый" Алексашинъ былъ со схода прогнанъ, какъ только онъ заикнулся о своевременности отвода земли подъ общественную запашку. Тотчасъ же ко мнѣ пріѣхавшій, обычно хладнокровный и степенный „Астафій Семенычъ", имѣлъ растерянный видъ и заявилъ, что послѣ такого „конфуза" онъ вынужденъ уйти со службы.

Успокоивъ и ободривъ его, я приказалъ ему немедленно вернуться обратно и на-завтра (воскресенье) собрать въ Новой Бинарадкѣ сходъ. Запуганный Алексашинъ пробовалъ меня отговаривать отъ моего намѣренія, но я настоялъ на своемъ и на другой день, около полудня, я былъ въ Бинарадкѣ. Около Волостного Правленія собрался многолюдный, т. н. „свальный" сходъ, съ участіемъ всѣхъ сельскихъ обывателей, старыхъ и малыхъ, съ „бабьемъ" въ придачу. Встрѣтили меня необычно холодно. Чувствовалась въ лицахъ и общей повадкѣ затаенная злоба и рѣшимость „идти на проломъ".

Дорогой въ Ново-Бинарадку я самъ не зналъ, въ какую форму выльется мое выступленіе на сходѣ; была лишь увѣренность, что все обойдется „по-хорошему". Войдя въ середину толпы, я съ привѣтливымъ видомъ и спокойнымъ голосомъ сталъ имъ пересказывать всю исторію взаимоотношеній земства съ ихъ обществомъ, напомнивъ сколько услугъ первое оказало послѣднему въ тяжелую годину голода, и какъ

трудно Земской Управѣ вести дѣло учета и взыска съ каждаго должника въ отдѣльности.

Мало-по-малу стали вмѣшиваться голоса, задавать мнѣ вопросы.Въ концѣ концовъ, завязалось общее спокойное, чисто-дѣловое собесѣдованіе. Я чувствовалъ, что съ окружавшими меня людьми можно говорить болѣе смѣло, и мнѣ блеснула одна мысль, показавшаяся мнѣ для даннаго момента подходящей. Не вызывая сходъ къ немедленному отвѣту по волновавшему всѣхъ дѣлу, обходя, слѣдовательно, вопросъ объ его повиновеніи, въ которомъ я не былъ еще увѣренъ, и не желая на этой почвѣ раздражать безъ того возбужденныхъ крестьянъ, я имъ лишь поставилъ на видъ, что при общемъ дружномъ ихъ усиліи, вся работа отняла бы у нихъ не болѣе одного утра, зато съ земствомъ все было бы покончено разъ навсегда, въ Бинарадкѣ же установился бы вновь покой и прежнее благополучіе.

„Само собой, продолжалъ я — проще и справедливѣе было бы, если-бъ находящіеся среди васъ должники сейчасъ взяли бы, да подошли ко мнѣ, да выплатили бы добровольно, сколько съ нихъ причитается, но вѣдь этого не дождешься?"

Въ отвѣтъ послышался кое-гдѣ смѣхъ и добродушныя замѣчанія. Я пошелъ увѣреннѣе дальше: „Мой вамъ искренній совѣтъ — выѣзжайте-ка, не откладывая, завтра же рано поутру каждый со своимъ плужкомъ въ поле. Всѣмъ міромъ дружно за одно утро и покончите послѣдній вашъ урокъ! — Хотите, старики, и я съ вами заодно пропашу, чтобы не скучно было?!" — Раздался оглушительный смѣхъ — со всѣхъ сторонъ послышались веселые голоса — „Айда, айда съ нами! вотъ-те такъ!"

Я съ облегченіемъ вздохнулъ. Переломъ общаго настроенія произошелъ — отъ бунта до „добродушія" оказался одинъ шагъ. Свое обѣщаніе я исполнилъ. Переночевавъ у мѣстнаго батюшки, я рано утромъ въ полѣ провелъ двѣ полосы для задѣлки разсѣяннаго овса предоставленнымъ въ мое распоряженіе „Эккертовскимъ" плужкомъ. Работалъ я на виду всего Ново-Бинарадскаго міра, собравшагося „поглазѣть" на пахавшаго „Земскаго", да заодно расквитаться передъ Земствомъ...

Взялся я за пахоту смѣло потому, что дома у себя въ Головкинѣ, любилъ и умѣлъ проходить за такимъ же плужкомъ по родной своей пашнѣ.

33

Въ большинствѣ селеній второго земскаго участка въ томъ видѣ, какъ я его первоначально принялъ, ветхія, деревянныя церковныя и школьныя зданія во всѣхъ отношеніяхъ оставляли желать многаго лучшаго. Мѣстное населеніе за время моей службы земскимъ начальникомъ проявило изумительную энергію и щедрое содѣйствіе въ дѣлѣ церковно-школьнаго благоустройства. За какихъ-нибудь три года въ моемъ участкѣ было сооружено пять совершенно новыхъ каменныхъ

церквей и два деревянныхъ храма. Что же касается школъ, то почти повсемѣстно онѣ были заново перестроены; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были выстроены для нихъ превосходныя каменныя зданія, и вновь открыто было до 10 церковно-приходскихъ школъ и 2 школы грамоты. Объ устроенной мной въ с. Новомъ Буянѣ библіотекѣ-читальнѣ, при чайной Комитета Трезвости, мною упомянуто будетъ нѣсколько ниже.

Въ самомъ населеніи въ то время ощущалась настоятельная потребность, если не въ образованіи, то хотя бы въ простой грамотности. Поэтому сельскіе сходы такъ охотно вносили для этого въ свои бюджеты довольно значительныя денежныя суммы. Нѣкоторыя общества для сооруженія каменныхъ церквей и школъ заводили даже кирпичные заводы. Кромѣ того, отводились особыя общественныя запашки, урожай съ которыхъ шелъ непосредственно на образованіе спеціальнаго фонда для сооруженія и полнаго оборудованія церквей и школъ.

Въ ту пору земство наше еще не ассигновывало достаточныхъ средствъ на школьное дѣло: лишь лѣтъ черезъ десять осуществлялись т. н. „нормальныя сѣти" для всеобщаго школьнаго обученія, медицинской помощи и пр. Въ бытность же мою земскимъ начальникомъ вся тяжесть расходовъ ложилась на сами общества.

Участвуя въ школьныхъ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, я съ самаго начала былъ пораженъ отсутствіемъ у кончавшихъ курсъ дѣтей какихъ-либо, даже самыхъ элементарныхъ знаній по отечественной исторіи. Оканчивали ученики свою школу въ сравнительно не столь ужъ маломъ возрастѣ, съ другой стороны — общій уровень способностей былъ у нихъ явно выдающійся въ смыслѣ быстрой воспріимчивости, понятливости и усваимости. Межъ тѣмъ то, что называется основой національнаго воспитанія, ни въ чемъ у школьниковъ не проявлялось, — оно безусловно отсутствовало.

Объ этомъ обстоятельствѣ мною неоднократно возбуждался вопросъ на засѣданіяхъ Уѣзднаго Училищнаго Совѣта. Инспекторомъ въ то время былъ нѣкій Гравицкій, честный службистъ, но заядлый формалистъ, всячески доказывавшій недопустимость вносить въ существующую школьную программу дополнительные предметы. Я же настаивалъ на возможности, и при существующихъ урочныхъ расписаніяхъ, попутно давать дѣтямъ основную духовную пищу, необходимую для всякаго русскаго ребенка, будущаго гражданина, въ смыслѣ ознакомленія его, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, съ исторіей и славой своей страны.

Чтобы не быть голословнымъ, я у себя въ Ново-Буяновской земской общественной школѣ занялся самъ съ дѣтьми, и въ два мѣсяца прошелъ съ ними въ старшемъ отдѣленіи весь „мой" краткій курсъ элементарнаго отечествовѣдѣнія.

Подошли экзамены, и въ присутствіи того же инспектора — моего постояннаго оппонента — и другихъ лицъ, я на заданные вопросы по своему предмету получалъ отвѣты, являвшіеся лучшимъ подтвержденіемъ справедливости моихъ пред-

положеній. Впослѣдствіи подобныя дополнительныя программы по отечествовѣдѣнію привились, но не всюду, къ сожалѣнію, были одинаковые результаты.

Хотѣлось бы здѣсь добавить одно мимолетное воспоминаніе, какъ доказательство удивительной подчасъ смѣтливости нашихъ крестьянскихъ малышей.

Однажды въ дер. Михайловкѣ я со своими ассистентами — батюшкой и учителемъ — экзаменовали дѣтишекъ. Вызывается ученикъ лѣтъ четырнадцати по фамиліи Широковъ, красивый, кудрявый, съ живыми умными глазенками мальчикъ. Сталъ я его спрашивать по ариѳметикѣ. Задачку Широковъ рѣшилъ отлично.

Послѣ этого я задалъ ему вопросъ — не знаетъ ли онъ, сколько верстъ отъ Михайловки до Буяна? — Отвѣтъ получился — восемь верстъ. Спрашиваю затѣмъ: „а саженей?" Такъ же быстро отвѣтилъ. Тогда я пошелъ дальше, задавая послѣдовательно мальчику: сколько аршинъ, затѣмъ четвертей и наконецъ... вершковъ. На все это Широковъ отвѣчалъ такъ быстро, почти моментально разрѣшая мои вопросы, что въ концѣ концовъ я самъ, какъ его провѣрочная инстанція, былъ крайне смущенъ, вынужденный просчитывать въ своемъ умѣ мною же заданныя цифры гораздо дольше, чѣмъ это дѣлалъ шустрый экзаменующійся.

Касаясь церковнаго строительства, проходившаго во всѣхъ случаяхъ обычно гладко и удачно — не могу не вспомнить одной, сильно въ то время нашумѣвшей исторіи, происшедшей въ большомъ приволжскомъ селеніи „Курумочъ", въ связи съ выборомъ мѣста подъ сооруженіе новаго каменнаго храма. Изобиліе своей и арендуемой земли, луговъ, близость великолѣпныхъ хвойныхъ лѣсовъ удѣльныхъ и казенныхъ, а главное — своя общественная пристань на р. Волгѣ, — все это служило причиной того, что общество названнаго села изъ года въ годъ богатѣло, размножалось, а самое селеніе замѣтно ширилось. Я засталъ Курумочъ въ томъ видѣ, что параллельно со старой улицей, въ серединѣ которой стояла небольшая, сѣренькая, деревянная церковка, красовался новый сельскій порядокъ, застроенный богатыми, больше каменными, желѣзомъ крытыми строеніями. Нужда въ помѣстительной церкви была давняя, общественная церковная запашка велась не первый годъ, такъ что капиталъ, нужный для стройки, почти весь имѣлся налицо, да и матерьялъ былъ готовъ. Все дѣло тормозилось изъ-за ожесточеннаго спора обѣихъ вышеупомянутыхъ улицъ — старой и новой, — на которой изъ нихъ ставить храмъ Божій. Старая улица отстаивала свои исконныя права и указывала на мѣсто рядомъ съ существующей церковкой, подлежащей сносу, „новая" же на это такъ говорила устами своихъ самолюбивыхъ обывателей: „довольно мы хаживали на вашу сторону, пора и честь знать! походите-ка теперь вы сами на нашу улицу, которая будетъ не хуже, а почище вашей!"... Сколько сходовъ ни собиралось для разрѣшенія этого спора — кромѣ общей свалки, ожесточенныхъ дракъ и скандаловъ, въ результатѣ ничего не получалось.

Въ такомъ положеніи я унаслѣдовалъ Курумочъ, пробовалъ съ обществомъ говорить по хорошему. Первоначально казалось мнѣ, что Курумчане готовы были меня слушать и идти на мировую, но въ дѣйствительности они принимались вновь за старое. Пришло мнѣ въ голову помирить ихъ всѣхъ на слѣдующемъ: пригласить къ нимъ на мѣсто Самарскаго Епископа Гурія и всѣмъ согласиться на томъ, куда укажетъ его владычная рука. Собралъ сходъ и предложилъ пригласить для окончательнаго рѣшенія ихъ давняго спора самого Преосвященнѣйшаго Владыку. Сходъ единодушно согласился и просилъ меня взяться за осуществленіе этого дѣла. Епископъ Гурій былъ живымъ, отзывчивымъ и весьма подвижнымъ архипастыремъ. Охотно согласившись, онъ вскорѣ дѣйствительно прибылъ въ село Курумочъ и выбралъ возвышенное, красиво доминирующее надъ всѣмъ селеніемъ мѣсто, расположенное нѣсколько вдали, какъ отъ одной, такъ и отъ другой улицы, оказавшееся такимъ образомъ какъ бы нейтральнымъ для обѣихъ враждовавшихъ сторонъ. На означенное мѣсто Преосвященный самъ показалъ своей святительской рукой при всемъ собравшемся народѣ, который съ обнаженными головами все это торжество видѣлъ, выслушалъ затѣмъ въ нерушимой тишинѣ архипастырское вразумительное слово (говорилъ Гурій хорошо, крѣпко и внятно), послѣ чего всѣ благоговѣйно, вслѣдъ за Владыкой, перекрестились со словами: „Быть по сему!" — „Слава-те Господи!"

Но темныя силы и тутъ не дремали. Среди Курумчанъ было не мало раскольниковъ т. н. „Спасова согласія". Самъ ихъ архіерей, Николай Архиповъ, проживалъ въ этомъ селѣ. Имъ на руку была церковная смута — и вотъ двое смѣльчаковъ (одинъ изъ нихъ бывшій когда-то волостной старшина пропойца Кадичевъ, другой его пріятель Ванякинъ) надумали такое дѣло: назвавшись членами церковнаго Курумчанскаго попечительства, эти лица явились лично къ Епископу Гурію съ прошеніемъ, въ которомъ эти самозванцы нагло наклеветали на всѣхъ активныхъ руководителей церковной жизни, донеся архіерею, что Курумчане хотятъ строить храмъ не на томъ мѣстѣ, на которое было указано самимъ Владыкой, а на совершенно другомъ, при этомъ они въ письменномъ изложеніи своей жалобы такъ запутанно и хитро подстроили, что, въ случаѣ удовлетворенія ихъ ходатайства, мѣсто для постройки получалось опять таки не архіереемъ указанное, а именно то, которое въ свое время отстаивала новая улица. Епископъ Гурій былъ человѣкъ горячій и въ рѣшеніяхъ своихъ быстрый. Выслушавъ Кадичева съ его пріятелемъ, какъ членовъ церковнаго попечительства и предполагая, что, удовлетворивъ ихъ просьбу, онъ тѣмъ самымъ возстановитъ свое рѣшеніе, высказанное на мѣстѣ и положенное въ основу сельскаго приговора, — съ обычной своей вспыльчивостью и неосмотрительной поспѣшностью, на ихъ жалобѣ написалъ собственноручную резолюцію въ смыслѣ удовлетворенія всего изложеннаго въ поданномъ ему прошеніи, не вѣдая, какъ жестоко эти проходимцы подвели его самого, начертавшаго

на ихъ бумагѣ о. благочинному приказъ, противорѣчащій его прежнему распоряженію, лично сдѣланному на сельскомъ сходѣ. Съ этой архіерейской резолюціей самозванные члены церковнаго попечительства пріѣхали изъ Самары въ Ставрополь къ благочинному о. Николаю, разумному протоіерею, который прошеніе съ епископской резолюціей у нихъ отобралъ и тотчасъ же съ нарочнымъ переслалъ ко мнѣ. Сразу же понявъ, въ чемъ дѣло, я принялъ соотвѣтствующія мѣры предупредительнаго характера на мѣстѣ и самолично тотчасъ же отправился въ Самару къ Епископу Гурію, которому разъяснилъ, какъ его два негодяя подвели. Трудно описать, въ какую ярость пришелъ Преосвященный Гурій отъ всего происшедшаго. Разорвавъ въ клочки злосчастное прошеніе, возвращенное ему мною, онъ меня горячо поблагодарилъ за пріѣздъ и содѣйствіе въ этомъ „сатанинскомъ", какъ онъ тогда выразился, дѣлѣ.

Несмотря на всѣ встрѣчавшіяся злоключенія, все жъ удалось дѣло довести до торжественнаго дня закладки, который приходился на 14 февраля 1894 года и совпадалъ съ празднованіемъ „торжества Православія". Все было заготовлено для этого событія на томъ дѣйствительно мѣстѣ, которое было выбрано обществомъ совмѣстно съ архіереемъ. Кадичевъ съ Ванякинымъ были преданы мною суду за присвоеніе не принадлежащихъ имъ должностей и званій, но находились на свободѣ и, какъ доходили до меня слухи, продолжали сильно мутить народъ, въ цѣляхъ всячески помѣшать началу стройки. Вспоминается мнѣ картина закладки. Прежде всего, рано утромъ этого дня пріѣзжаетъ ко мнѣ Старо-Бинарадскій старшина Сидоровъ, сильно разстроенный, съ недобрыми вѣстями изъ Курумоча — будто нѣкоторая группа курумчанъ, во главѣ съ Кадичевымъ, рѣшилась на все, чтобъ сорвать предположенное торжество, грозя даже покушеніемъ на самого „земскаго". Нервный по натурѣ Сидоровъ умолялъ меня остаться дома, во избѣжаніе возможныхъ случайностей — священники де отслужатъ сами по себѣ, полиція будетъ наряжена, и дѣло обойдется безъ меня... Само собой, я на это не пошелъ, велѣлъ подавать свою тройку, надѣлъ свой дорожный полушубокъ, подпоясался кавказскимъ ремнемъ съ надѣтымъ на немъ револьверомъ и тронулся въ путь.

Въ Курумочѣ около старой церкви и мѣста закладки стояла огромная толпа народа. Съѣхались нѣсколько священниковъ съ благочиннымъ о. Николаемъ во главѣ. Среди нихъ чувствовалась замѣтная растерянность, — очевидно и до нихъ доходили разные недобрые слухи. Подъѣхалъ становой съ урядниками, присутствовали также два удѣльныхъ управляющихъ. Началась торжественная процессія съ хоругвями и иконами изъ старой церкви на мѣсто закладки, которое было предварительно со всѣхъ сторонъ огорожено. Взойдя на него вмѣстѣ съ духовенствомъ, я сразу же увидалъ недалеко за изгородью хорошо извѣстныхъ мнѣ Кадичева съ Ванякинымъ. Вспомнивъ предупрежденіе старшины, я, прежде чѣмъ духовенство начало службу, вышелъ на середину

устроеннаго помоста и, указавъ рукой на заготовленный для водруженія на мѣстѣ закладки большой деревянный крестъ, громко, во всеуслышаніе всего собравшагося вокругъ насъ народа, заявилъ: „до меня дошли слухи, что сегодняшнему нашему великому торжеству хотятъ лихіе люди помѣшать (при этомъ я въ упоръ посмотрѣлъ на двѣ пары недобрыхъ глазъ — Кадичева и Ванякина). — Предупреждаю, что первый, кто дерзнетъ поднять свою нечестивую руку, чтобы воспрепятствовать водруженію сего честнаго креста, будетъ мною уложенъ на мѣстѣ". При этомъ я показалъ рукой на свой револьверный кобуръ. Обратившись затѣмъ къ священникамъ, я просилъ приступить къ богослуженію. Все торжество прошло спокойно и благолѣпно, а черезъ два года на освященномъ мѣстѣ высился и красовался большой каменный храмъ, стройная колокольня котораго виднѣлась издалека съ Волжскаго простора.

Вспоминая Курумчанскую исторію, я все же долженъ оговориться, что не все населеніе подвѣдомственнаго мнѣ участка отличалось столь буйной страстностью и безпокойнымъ характеромъ. Курумчане были скорѣе какъ исключеніе изъ общаго состава остальнаго, болѣе спокойнаго и покладистаго крестьянскаго люда. Ранѣе въ своихъ запискахъ я неоднократно высказывалъ свои предположенія объ общей причинѣ тѣхъ отличительныхъ свойствъ приволжскаго населенія моего участка, которыя являлись какъ бы унаслѣдованными отъ ихъ предковъ, входившихъ въ составъ вольныхъ воровскихъ дружинъ, разгуливавшихъ главнымъ образомъ на Жигулевскомъ плесѣ „Волги-матушки широкой" и существовавшихъ за счетъ своего свободнаго простора и чужого добра.

Въ общемъ же населеніе второго участка Ставропольскаго уѣзда, сплошь состоявшее изъ т. н. бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, отличалось привѣтливымъ характеромъ, честностью, миролюбіемъ и дѣловитой хозяйственностью. Конечно, и ихъ обычно трудовая размѣренная жизнь нарушалась исключительными событіями стихійнаго характера, вродѣ пожаровъ, эпидемій, эпизоотій и т. п. Случались также съ ними разныя несчастья и отъ преступныхъ дѣйствій отдѣльныхъ „лихихъ" лицъ. Со всѣмъ этимъ деревенскимъ зломъ и бѣдствіями приходилось посильно бороться, но борьба эта протекала при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ — при содѣйствіи и поддержкѣ, какъ мѣстнаго земства (губернскаго и уѣзднаго), такъ и самого населенія, въ массѣ своей совѣстливаго, довѣрчиваго, склоннаго ко всему доброму и общественно-полезному.

Останавливаясь на характеристикѣ населенія, я прежде всего скажу нѣсколько словъ о религіозно-нравственномъ его настроеніи и уровнѣ.

Подавляющая часть его въ моемъ участкѣ были православные, вѣрующіе, относившіеся строго къ исполненію церковныхъ обрядностей. Ранѣе я упомянулъ, какъ щедро сельскія общества относились къ улучшенію своихъ храмовъ.

Несомнѣнно отношеніе это являлось лучшимъ доказательствомъ преданности ихъ церковно-религіозному культу. Въ церковныя попечительства тоже выбирались все дѣльные, почтенные люди.

Составъ самихъ священнослужителей былъ въ среднемъ удовлетворительный и столь любимый своими приходами, что среди нихъ даже самъ Епископъ Гурій не рѣшался устраивать обычныя свои перемѣщенія. Лишь единственный изъ нихъ былъ отправленъ „на покой" — престарѣлый о. Дроздовъ, лѣтъ около 45 священствовавшій безвыѣздно въ Старо-Бинарадской церкви. Я еще его засталъ на томъ же мѣстѣ священнической службы.

Касаясь общаго уровня нравственности населенія, могу лишь замѣтить, что наиболѣе патріархальными, строгими и чистыми нравами отличались татары, у которыхъ мѣстный ихъ мулла игралъ рѣшающую роль блюстителя и руководителя, строжайше соблюдая семейную и личную чистоту членовъ своей паствы.

За ними, въ порядкѣ послѣдовательности, шли всѣ мордовскія селенія, — обоихъ нарѣчій „мокша" и „эрзя", и на послѣднемъ мѣстѣ стояли русскія общества. Среди послѣднихъ издавна возникла и продолжала распространяться возмутительная секта „хлыстовъ", имѣвшая своимъ главнымъ покровителемъ и вдохновителемъ, или „Христомъ", какъ его называли сами сектанты, богатаго самарскаго купца Прохорова.

Организація этой „Прохоровщины" была широко раскинута по губерніи. Всюду имѣлись свои „богородицы", вокругъ которыхъ происходили въ особо приспособленныхъ для этого помѣщеніяхъ — обычно подвальныхъ — тайныя „радѣнія". На подобныя сборища сходились „вѣрующіе" обоего пола, пѣли свои „стихи" съ восхваленіемъ и вызываніемъ „Св. Духа", кружились, бѣсновались до самозабвенія, до тѣхъ поръ, покуда не „накатывалъ" на нихъ всѣхъ „сходившій духъ святой".

Браковъ хлысты не совершали, дѣтей же признавали лишь тѣхъ, которыя рождались у дѣвицъ послѣ „радѣнія" и „накатыванія". Въ результатѣ такого культа, въ нѣкоторыхъ селахъ проживали цѣлые порядки „келейницъ" — обычно во все черное одѣтыхъ дѣвицъ, но семейныхъ, т. е. имѣвшихъ своихъ дѣтей, съ точки зрѣнія сектантской законныхъ, по обычному же нашему пониманію незаконнорожденныхъ.

Центромъ хлыстовщины, или по мѣстному выраженію, „Прохоровскаго корабля", въ моемъ районѣ служило с. Кирилловка, гдѣ обрѣталась сама „богородица" и происходили „радѣнія". Допуская смѣшеніе удовлетворенія половыхъ животныхъ инстинктовъ съ проявленіемъ душевныхъ экстазовъ религіознаго порядка, устанавливая соединеніе свальнаго грѣха съ признаніемъ въ немъ божественнаго начала, секта эта собственно представляла собой не что иное, какъ обожествленіе разврата, являя собою соціальное уродство людского сообщества, не встрѣчаемое даже въ животномъ мірѣ.

Хлысты, фактически предававшіеся при отправленіи своихъ сектантскихъ обрядностей „свальному грѣху", въ то же время оффиціально заявляли себя вѣрующими христіанами, посѣщали православные храмы, и внѣ своихъ хлыстовскихъ обрядностей, вели образъ жизни скромный и внѣшне даже строго благочестивый.

Бороться съ этой сектой неоднократно принимались и духовныя и свѣтскія власти, но обычно безуспѣшно. Слишкомъ тайно, умно, осторожно вели себя „Прохоровцы", и совершенно обратно вели себя въ дѣлѣ сыска консисторскіе агенты и чины полиціи.

Такъ или иначе, но существованіе секты вносило несомнѣнный соблазнъ, хотя бы ввидѣ образованія особой группы „келейницъ", вокругъ которыхъ выростало особаго рода „безотцовское" молодое поколѣніе.

Въ нѣкоторыхъ селахъ подобныхъ „сиротъ" было довольно значительное количество, и это обстоятельство еще болѣе осложняло опекунское дѣло въ деревнѣ, обратившее также мое вниманіе.

Въ дѣлѣ сиротской опеки и защиты особенно часто переплетались законъ и обычай. Упорядочить эту область представлялось мнѣ вопросомъ большой важности. Повсемѣстно мною были заведены регистраціонные списки сиротъ и ихъ опекуновъ, провѣрялись общественные приговоры по учету сиротскаго имущества и т. д.

Вспоминается по этому поводу одно въ высшей степени характерное дело: скоропостижно умираетъ въ с. Кирилловкѣ богатый крестьянинъ Бугринскій, послѣ котораго оказалось наслѣдственное имущество. У скончавшагося старика остались въ живыхъ сынъ Кириллъ и дочь Марфа. Первый былъ давно женатъ и незадолго до смерти отца былъ имъ выдѣленъ, такъ что жилъ съ женой и дѣтьми отдѣльно въ собственномъ своемъ, надѣленномъ родителемъ, домѣ, получив при выдѣлѣ также и прочее немалое имущество — землю, скотъ, разную движимость и пр. Дочь же Марфа была незамужняя, жила всегда съ отцомъ, который ее любилъ и цѣнилъ за хозяйственную помощь, несмотря на то, что она вступила въ ряды „келейницъ", и года за три до внезапной кончины ея родителя, прижила „со стороны" (народное выраженіе) дочку Евфросинью.

Тотчасъ же послѣ смерти старика Бугринскаго, Кириллъ, жадный и грубый по натурѣ, пользуясь безпомощностью своей сестры, заявилъ претензію на оставшееся послѣ умершаго родителя имущество, выставляя себя единственнымъ его наслѣдникомъ, и совершенно отстраняя свою сестру и ея трехлѣтнюю дочку, какъ незаконнорожденную.

Въ одинъ прекрасный день къ осиротѣвшему родительскому дому подъѣхали подводы. Кириллъ со своими присными сталъ забирать цѣнное отцовское добро и отвезъ его къ себѣ, угнавъ со двора даже часть скота. Узналъ я обо всемъ этомъ лишь тогда, когда ко мнѣ пріѣхали съ жалобой на Кирилла его сестра и Кирилловскій сельскій староста, не знав-

шій, что предпринять противъ самоуправства молодого Бугринскаго, наотрѣзъ отказавшагося подчиняться его распоряженіямъ.

Какъ выдѣленный ранѣе своимъ отцомъ, Кириллъ безусловно лишался правъ на наслѣдство, Марфа же просила не только за себя, но и за дочь, которая по буквѣ закона считалась „незаконнорожденной".

Въ этомъ отношеніи, для установленія опеки надъ ней представлялся единственный исходъ — обратиться къ Кирилловскому сельскому сходу, который былъ вправѣ санкціонировать назначеніе опеки надъ незаконнорожденной Евфросиньей, согласно „мѣстному обычаю".

Пришлось мнѣ самому присутствовать на собранномъ по этому поводу сходѣ Кирилловскаго общества, на которомъ старики высказались за возможность назначенія опеки. Не забуду я высказаннаго на сходѣ мотива: „Чѣмъ же дитё виновато, что на Божій свѣтъ появилось?!"

Таковъ былъ гуманный гласъ народа, который и былъ положенъ въ основаніе установленія немедленной опеки. Это дало возможость возбудить дѣло въ Мусорскомъ Волостномъ Судѣ объ истребованіи отъ Кирилла Бугринскаго всего самоуправно забраннаго имъ имущества, въ пользу его сестры Марфы, какъ дочери и опекунши.

Въ качествѣ общей черты того времени, надо сказать, что семейное начало стояло въ мѣстныхъ нравахъ и обычаяхъ довольно твердо. Бывали, конечно, семейныя недоразумѣнія, ссоры, тяжбы, но какъ исключеніе.

Вспоминаю то мое душевное состояніе, когда, бывало, ко мнѣ, юному и неопытному въ жизни холостяку, обращались цѣлыми семьями за совѣтомъ и разрѣшеніемъ домашнихъ ссоръ и претензій. Когда же я, неувѣренный въ цѣлесообразности своихъ совѣтовъ, отсылалъ ихъ иногда въ волостной судъ, просители отмахивались и настойчиво добивались моего посредничества.

Временами приходилось выслушивать множество смущавшихъ меня интимныхъ подробностей деревенскаго семейнаго быта. Надо правду сказать: въ описываемое время довѣріе среди населенія къ земскимъ начальникамъ было безграничное, да и авторитетъ ихъ стоялъ на должной высотѣ. Смѣшно вспоминать, но бывали случаи, когда я мирилъ супруговъ, возвращая мужу строптивую его жену. Но встрѣчались и иные казусы, когда приходилось совѣтовать родителямъ брать временно обратно къ себѣ дочь-молодуху, во избѣжаніе дальнѣйшихъ ея мученій, испытываемыхъ отъ ея пропойцы-мужа. Однажды, присутствовашій тутъ же отецъ сына-пьяницы вымолвилъ: „И правильно: пусть вздохнетъ бабенка, а я тѣмъ временемъ, съ сынкомъ по-свойски покалякаю — небось, живо исправится, тогда и за женой вновь пошлемъ. Такъ что-ли, старики-сватушки?" На этомъ порѣшивъ, всѣ удовлетворенные пошли къ себѣ по домамъ.

Престижъ старшаго въ семьѣ въ то время еще свято чтился и крѣпко стоялъ. Самый законъ о семейныхъ раздѣлахъ этотъ строй въ цѣлости поддерживалъ. Ввиду полнаго сочувствія моего къ такому порядку вешей, мнѣ оставалось лишь слѣдить за неослабнымъ примѣненіемъ закона на практикѣ.

34

Вернусь я теперь къ вопросу о томъ, какъ и что приходилось дѣлать мнѣ, какъ земскому начальнику, въ случаяхъ, когда нарушалась обычная трудовая жизнь деревни какими-либо бѣдствіями стихійнаго характера или отъ преступныхъ умысловъ отдѣльныхъ злонамѣренныхъ лицъ.

Что касается эпидемій, эпизоотій, такъ часто посѣщавшихъ наше Поволжье, то съ этими бѣдствіями боролось главнымъ образомъ губернское земство. Земскіе начальники были лишь пособниками на мѣстахъ.

Пожаровъ было немного, въ большинствѣ случаевъ ограничиваясь небольшимъ количествомъ дворовъ. Въ дѣлѣ борьбы съ этимъ деревенскимъ бѣдствіемъ Ставропольское уѣздное земство со своей стороны предпринимало рядъ мѣръ, изъ которыхъ одной изъ наиболѣе существенныхъ считалось повсемѣстное устройство въ уѣздѣ т. н. „глинобитныхъ" крышъ. Крестьянскія соломенныя крыши являлись главными распространителями деревенскихъ пожаровъ, и въ этомъ отношеніи плетневые, обмазанные глиной покровы домовъ и дворовъ на практикѣ несомнѣнно служили наилучшими предохранителями отъ распространенія огня.

Слѣдить за проведеніемъ въ жизнь указанныхъ обязательныхъ постановленій и карать непослушныхъ — земствомъ было возложено на земскихъ начальниковъ. Это создавало для нихъ хлопотливый трудъ. Много уговоровъ и немало времени затрачивалось всѣми нами на этотъ предметъ. Частично кое-гдѣ удавалось добиваться успѣха, но, въ общемъ, благое земское намѣреніе осуществлялось туго по многимъ причинамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ безусловно уважительнымъ, какъ напримѣръ, в степныхъ, гдѣ лѣсного матерьяла невозможно было достать.

Спустя лѣтъ пять, постановленіе это было самимъ земствомъ отмѣнено, да и въ деревняхъ стали больше переходить на тесовыя и даже желѣзныя крыши, чему очень способствовала разумная политика страхового отдѣла губернскаго земства.

Случались кое-гдѣ при мнѣ „красные пѣтухи" — поджоги, особенно часто одно время имѣвшіе мѣсто въ селѣ Мусоркѣ. Народъ жестоко реагировалъ на это зло. Когда были пойманы оба поджигателя, оказавшіеся извѣстными на селѣ хулиганами и ворами, Мусорское сельское общество постановило сослать обоихъ въ Сибирь, благодаря чему вся мѣстная округа была избавлена отъ постоянныхъ страховъ за цѣлость имущества. Это былъ единственный за всю мою четырехлѣтнюю практику случай примѣненія закономъ пре-

доставленной сельскому сходу столь исключительной и суровой дискредиціонной мѣры.

Въ отношеніи воровства въ моемъ участкѣ обстояло сравнительно благополучно: случались покражи лѣса, большей частью въ Курумчанскомъ районѣ, и въ началѣ моей службы развито было въ значительной степени конокрадство но и оно исчезло послѣ того, какъ удалось „выудить" заядлыхъ профессіоналовъ этого воровского спорта, которые были удивительными мастерами своего дѣла.

Усиленнаго браконьерства тоже не замѣчалось, несмотря на обиліе въ моемъ участкѣ дичи и звѣря. Очевидно, лѣсная стража казеннаго и, въ особенности, удѣльнаго вѣдомствъ исполняла свое дѣло добросовѣстно.

Въ этомъ отношеніи не все обстояло благополучно какъ разъ по близости отъ самого земскаго начальника — въ Ново-Буяновскомъ районѣ, гдѣ въ Ушковскихъ лѣсныхъ и овражныхъ „крѣпкихъ" угодьяхъ царствовалъ нѣкій Саккадѣевъ, извѣстный на всю округу охотникъ, завзятый браконьеръ, не имѣвшій ни охотничьяго билета, ни владѣльческаго разрѣшенія. Никто не рѣшался притянуть его къ отвѣтственности изъ-за страха передъ его жестокой мстительностью, да и уловить его, какъ мнѣ говорили, не было никакой возможности: это былъ настоящій бродячій, лѣсной, осторожный, смѣтливый, хищный звѣрь... Всѣ отзывались о немъ съ боязнью и меня предупреждали о его злобѣ. Весной (1895 года) какъ-то собрались мы со сторожемъ „комитетской" чайной Золотаревымъ на глухариный токъ въ Моховой Боръ, — куда мы забрались въ самую еще темь — въ глухую полночь, какъ это требовалось условіями этой охоты. Каждый изъ насъ расположился ко временному отдыху и сладкой для охотничьяго самочувствія выжидательной дремѣ. Пройдетъ еще какой-нибудь часъ и придется весь свой чуткій слухъ настораживать надъ пробужденіемъ лѣсного птичьяго царства.

Устроившись у корня сосны, мы замерли. Прошло немного времени. Небо оставалось еще ровнымъ безъ проблеска зари, какъ вдругъ до нашего слуха стали доходить изъ лѣсного далека чьи-то шаги, мѣрные, неторопливые и несомнѣнно людскіе. Мало-по-малу шаги эти, явственно раздававшіеся, благодаря подмороженному насту, приближались къ нашему мѣсту. „Баринъ, слышь-ка", — прошепталъ мнѣ на ухо взволнованнымъ голосомъ Золотаревъ: — „это не иначе, какъ Саккадѣевъ!.. Опричь его, некому больше шататься по здѣшнимъ мѣстамъ!".. — „Не робь, Золотаревъ", — отвѣтилъ ему я: „дичь хорошая, почище глухаря, коли удастся взять!" Съ этими словами я приказалъ ему встать за другую сосну на противоположной сторонѣ нашей полянки и немедленно кинуться мнѣ на помощь, если позову. Самъ я остался на мѣстѣ, взведя на всякій случай курки. Черезъ нѣкоторое время шаги раздались вплоть около насъ. Человѣкъ остановился, очевидно раздумывая, куда идти. На нашемъ мѣстѣ какъ разъ скрещивались два оврага. Пристально вглядываясь въ темноту, я все же никакъ не могъ разобрать силуэта пришедшаго бродяги. Вдругъ чиркнула спичка, и я въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидалъ освѣщенную на минуту физіономію закуривавшаго свою „носогрѣйку" ночного пришельца, по всѣмъ примѣтамъ подходившаго къ облику пресловутаго браконьера. Спичка была брошена, осталась примѣтной лишь точка раскуриваемой трубки. Я рѣшилъ дѣйствовать. Моя ближайшая цѣль была прежде всего — отобрать его оружіе. Быстро подойдя къ нему, я назвалъ его. Видимо огорошенный, Саккадѣевъ отозвался, бросивъ мнѣ хриплымъ голосомъ: „чего тебѣ, лѣшій, нужно, аль не знаешь Саккадѣева?" Убѣдившись, что это тотъ самый, за которымъ я столько времени охотился и, боясь, что и теперь, того и гляди, этотъ лѣсной звѣрь изъ моихъ рукъ ускользнетъ, я, очевидно побуждаемый самъ хищнымъ инстинктомъ охотника, захватилъ лѣвой рукой его за грудь, другой, что было силы, обхватилъ бродягу за шею и крикнулъ Золотарева на помощь. Судьба помогла мнѣ во всемъ — ружье и кинжалъ были отобраны, самъ Саккадѣевъ былъ нами связанъ по рукамъ и ногамъ. Золотарева я просилъ остаться при немъ, пока я пробуду въ лѣсу на охотѣ. Разсвѣтъ наступилъ быстро — мнѣ удалось подскочить къ одному глухарю и выстрѣломъ свалить его съ сосновой верхушки. Часовъ около семи утра вернулся я въ Буянъ съ „полемъ" — въ ногахъ валялся пятифунтовый красавецъ глухарь, а со мной рядомъ сидѣлъ хмурый, худой, съ затравленно-озлобленнымъ видомъ, сѣдой щетиной обросшій, старый хищникъ Саккадѣевъ (или „Саккадевъ" по простонародному выговору). Не медля, я въ своей камерѣ составилъ протоколъ на него и вынесъ приговоръ съ высшей мѣрой наказанія, само собой навсегда отобравъ отъ него все охотничье оружіе. Когда, по окончаніи и прочтеніи приговора, я объявилъ ему порядокъ обжалованія и сказалъ, что онъ можетъ теперь идти домой, Саккадѣевъ, злобно сверкнувъ глазами, промолвилъ: „какой я теперь Саккадевъ! шабашъ нонѣ, порѣшу свое дѣло, пойду, отсижу, да и въ караульщики на угольныя ямы попрошусь! Старъ видно сталъ, а то бы во вѣкъ не поймать вашему брату Саккадева! Да и то Господь наслалъ на меня бѣду — собаченка сдохла моя, а то бы и нонѣ не былъ здѣсь!" Тѣмъ дѣло и кончилось. Саккадѣевъ сдержалъ свое слово — ремесло браконьерское съ великой той досады бросилъ и занялся на самомъ дѣлѣ окарауливаніемъ угольныхъ ямъ въ Ушковской экономіи. Меня же въ округѣ стали остальные болѣе мелкіе самовольные охотнички не на шутку побаиваться, и браконьерство, даже въ Ново-Буяновскомъ районѣ, за послѣдніе годы моей службы стало рѣдкимъ явленіемъ.

По части браконьерства случались иногда забавные эпизоды. Однажды, залѣзая ночью передъ тетеревинымъ токомъ, въ буркѣ и съ фонаремъ въ рукахъ, внутрь мною же самимъ наканунѣ устроеннаго изъ вѣтокъ шалаша, я наткнулся на удобно расположившагося в немъ одного Михайловскаго мужичка-охотничка. Надо было видѣть его перепуган-

ную физіономію и слышать всѣ тѣ клятвы, которыя онъ надавалъ своему „земскому" въ зарокъ дальнѣйшаго мирнаго поведенія! Все же главное наказаніе онъ претерпѣлъ тутъ же — его одностволка перешла въ казенный арсеналъ.

А вотъ еще случай. Февраль. Тихая, яркая, лунная ночь. Въ накинутомъ на полушубокъ бѣломъ холщевомъ балахонѣ и съ такимъ же чехломъ на головѣ, стою я на гумнѣ деревушки Сергѣевки, расположенномъ у опушки дубовой рощи, въ полуверстѣ отъ самого селенія. Жду обычныхъ ночныхъ посѣтителей гуменнаго корма, прожорливыхъ зайчишекъ ,— пушистыхъ, жирныхъ „русаковъ".

Охота эта не добычливая, но интересна по необычайности фееричной обстановки. При свѣтѣ небеснаго фонаря, какъ подвѣшеннаго Міротворцемъ на невидимый крюкъ подъ самый куполъ вселенной, — все вокругъ представлялось въ какомъ-то сказочно-таинственномъ видѣ. Самый снѣжный покровъ былъ похожъ на мягко-голубоватое покрывало, сплошь затканное миріадами переливавшихся ярко фосфорическимъ блескомъ алмазовъ. Въ такое время все въ природѣ принимаетъ какую-то причудливо-неестественную форму: самъ заяцъ, подбирающійся эластичными скачками къ своему излюбленному гуменнику, кажется тоже какимъ-то необычнымъ существомъ, да и прицѣлъ по нему бываетъ при лунномъ освѣщеніи также обманчивъ.

Итакъ, стою я въ этой чудесной обстановкѣ и тиши, наслаждаюсь и выжидаю. Издали по снѣговому насту послышались не то шаги, не то заячьи прыжки. Притаившись около занесеннаго снѣгомъ „шиша" (родъ сушилки), взвелъ я на всякій случай курки и замеръ недвижимо, чтобъ не спугнуть чуткаго ночного воришку-грызуна... Но вотъ, вмѣсто него, на снѣжномъ полѣ, отдѣлявшемъ гумны отъ деревни, явственно показалась фигура человѣка, приближавшаяся прямо по направленію къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ въ своемъ бѣломъ одѣяніи. Ближе и ближе — наконецъ, шагахъ въ десяти, останавливается и пристально начинаетъ всматриваться въ мою покрытую саваномъ, сказочно-страшную фигуру. Тогда, во избѣжаніе возможной случайной непріятности, видя в рукахъ у моего ночного визитера тоже ружье, я предпочелъ обнаружить себя и ободрить его, крикнувъ: „Не бойся, это я"... Но дальше я не успѣлъ себя назвать, ибо произошло слѣдующее: мужикъ заоралъ, какъ говорится, благимъ матомъ: „Караулъ! Чуръ меня! Святъ, святъ!" Когда же я отдѣлился отъ его шиша (оказалось, онъ шелъ провѣрять сушку своего зерна), бѣдный его хозяинъ, бросивъ въ снѣгъ свое ружьишко, со всѣхъ ногъ пустился бѣжать обратно домой на село, продолжая неистово вопить и звать на помощь.

Во избѣжаніе всяческихъ осложненій, связанныхъ съ ночнымъ переполохомъ въ деревнѣ, я, подобравъ брошенную одностволку типа „самопала", предпочелъ скорѣе добраться до стоявшаго около опушки кучера моего Николая и поторопился вернуться къ себѣ въ Буянъ, отстоявшій отъ Сергѣевки всего въ шести верстахъ.

На другой день заявился ко мнѣ Ново-Буяновскій старшина и съ улыбкой доложилъ мнѣ, что у него былъ Сергѣевскій сельскій староста, который, со словъ его односельчанина, увѣрялъ о появленіи у нихъ на гумнахъ нечистой силы въ лицѣ какого-то бѣлаго чудища... Тогда я велѣлъ показать подобранное мною ружье, и повѣдалъ старшинѣ все, случившееся со мной. Курьезъ получился еще тотъ, что хозяина этого ружья не оказалось — тотъ, который старостѣ передавалъ о нечистой силѣ, тоже наотрѣзъ отказался отъ собственнаго своего самопала.

Коснусь теперь одной области деревенскаго быта, которую я не могъ оставить безъ должнаго вниманія. Хочу сказать нѣсколько словъ о томъ, что принято называть — народнымъ пьянствомъ.

Въ первые два года своей службы я засталъ еще частную или, какъ ее называли, „вольную" продажу крѣпкихъ напитковъ. Существовали две — три фирмы виноторговцевъ (Дунаева, Маркова, Сачкова), которые конкурировали между собой и всяческими коммерческими способами распространяли по деревнямъ свое зелье.

Ограничительныя требованія закона, регулировавшія качество виннаго продукта, мѣсто и время его продажи, умѣло обходились этими фирмами, въ целяхъ собственной наживы и во вредъ сельскому населенію. Хотя за всѣмъ этимъ и полагалось наблюдать мѣстной полиціи и крайне ограниченному числу агентовъ государственнаго фиска, но обходъ закона всюду царилъ безнаказанно. Во всѣхъ большихъ селахъ существовали „шинки", торговавшіе недоброкачественнымъ виномъ въ ненадлежащихъ мѣстахъ и въ запретное время, даже ночью.

Проѣздомъ изъ Ставрополя къ себѣ въ Буянъ въ ночное время, я иногда останавливалъ своихъ лошадей посреди села Узюкова и прислушивался. Такимъ образомъ мнѣ удавалось обнаруживать тайные притоны ночного разгула и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности.

Казенная винная монополія внесла серьезное упорядоченіе въ дѣло производства водочныхъ издѣлій и ихъ продажи. Всюду былъ установленъ многоголовый и строгій контроль, съ подборомъ добросовѣстнаго персонала. Самое введеніе монополіи сопровождалось весьма благодѣтельнымъ для населенія правительственнымъ распоряженіемъ — ассигнованіемъ Министерствомъ Финансовъ довольно крупныхъ средствъ на организацію мѣръ по борьбѣ съ пьянствомъ.

Благодаря этому, удалось во многихъ пуктахъ уѣзда основать рядъ полезныхъ просвѣтительныхъ учрежденій и развлеченій для народныхъ массъ.

Одно изъ таковыхъ возникло и въ моемъ участкѣ, въ селѣ Новомъ Буянѣ, въ видѣ превосходнаго обширнаго зданія въ центрѣ селенія, около базарной площади, подъ наименованіемъ: „Народнаго Дома Комитета Трезвости", въ которомъ помѣщались чайная и библіотека-читальня.

Помимо средствъ, полученныхъ мною изъ уѣзднаго Ко-

митета (около 10.000 р.), въ дѣлѣ устройства и оборудованія этого комитетскаго учрежденія существенную помощь оказала мнѣ мѣстная Ушковская экономія. Въ Домѣ Трезвости сходились крестьяне, получали чай, холодную закуску; особо приглашенные мною мальчики изъ бывшихъ школьниковъ предлагали грамотнымъ газеты, а неграмотнымъ сами читали ихъ вслухъ. Въ особой комнатѣ имѣлась библіотека съ разнообразнымъ комплектомъ книгъ. Каждое воскресенье по вечерамъ я устраивалъ волшебныя картины, привлекавшія цѣлыя толпы народа, биткомъ заполнявшаго зданіе чайной.

Потребность населенія въ такомъ полезномъ и интересномъ развлеченіи, носившемъ несомнѣнно здоровый просвѣтительный характеръ, была ощутительная. Въ зимнее время, при демонстрированіи мною картинъ, помѣщеніе чайной представляло собой сплошное море головъ, бабьихъ платковъ, полушубковъ, отъ которыхъ исходило такое густое испареніе, что потухалъ огонь въ лампѣ, изображеніе на экранѣ блекло и, въ концѣ концовъ, совершенно исчезало.

Положеніе создавалось отчаянное, и приходилось дѣлать частые перерывы для вентиляціи зрительнаго зала, но публика была терпѣливая и благодушная, во всякамъ слукаѣ, не избалованная и невзыскательная...

Показывались обычно картины религіозно-историческаго содержанія. Подборъ ихъ оставлялъ желать лучшаго, но что въ особенности меня не только не удовлетворяло, но прямо-таки раздражало — это предусмотренное въ министерскомъ циркулярѣ условіе, лишь при соблюденіи котораго допускалось примѣненіе волшебнаго фонаря, коимъ ограничивалась роль оператора въ отношеніи пояснительнаго толкованія показываемаго на экранѣ сюжета. Разрѣшалось только доводить до свѣденія публики краткое наименованіе картинъ. Если, напримѣръ, на экранѣ появляется верхомъ на бѣлой лошади генералъ Скобелевъ, то, согласно буквѣ инструкціи, приходилось ограничиваться лишь слѣдующими словами: „Это — генералъ Скобелевъ, извѣстный герой Турецкой кампаніи" и на этомъ кончать всѣ поясненія.

Къ глубокому сожалѣнію, съ моимъ уходомъ из земскихъ начальниковъ, налаженное дѣло разумнаго народнаго развлеченія пріостановилось. Вся постановка читальни-чайной, которая сама себя стала окупать, все это, несомнѣнно благое для народныхъ массъ начинаніе, въ рукахъ престарѣлаго А. Ѳ. Виноградова, моего замѣстителя, замерло и вскорѣ было закрыто.

Очевидно, въ Петербургѣ боялись замаскированной антигосударственной пропаганды, но казалось бы — для земскихъ-то начальниковъ надо было бы сдѣлать исключеніе!

Помню я, какъ при первоначальныхъ моихъ сеансахъ во мнѣ происходила борьба чувства долга и присяжной подчиненности съ требованіями моей совѣсти и здраваго разсудка. Послѣднее въ концѣ концовъ побѣждало, и я невольно увлекался и дѣлился съ темнымъ народомъ своими посильными познаніями.

До появленія въ деревняхъ земскихъ начальниковъ, пьянство среди сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ было обычнымъ явленіемъ, которое, благодаря Новому Положенію, устанавливавшему близость и строгость надзора, стало исчезать.

Въ моей практикѣ за всѣ четыре года пришлось лишь двоихъ старостъ уволить за пьянство при отправленіи ими своихъ служебныхъ обязанностей. Примѣнять къ должностнымъ лицамъ 61 ст. Положенія о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ я не любилъ, предпочитая, вмѣсто штрафованныхъ, имѣть во главѣ обществъ свѣжія силы, ничѣмъ себя не скомпрометировавшія. Также лишь въ исключительно-рѣдкихъ случаяхъ пользовался я своей дискредиціонной властью и по 62 ст. Положенія, не желая зря притуплять острія предоставленнаго мнѣ карательнаго меча и стараясь пріучать населеніе слушаться слова ихъ начальника, а не страха наказанія.

35

Считаю небезынтереснымъ отмѣтить тѣ случаи, когда мнѣ приходилось дѣйствовать внѣ рамокъ компетенціи занимаемой мною должности.

Такъ, въ 1894 году Правительствомъ было возложено на насъ, земскихъ начальниковъ, руководство работами по всеобщей переписи, представлявшей собой очень сложную схему, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неясно редактированную, и требовавшую въ силу этого постоянныхъ дополнительныхъ инструктивныхъ разъясненій изъ центра.

На нашу долю выпало нелегкое заданіе набрать достаточное число мѣстныхъ счетчиковъ и затѣмъ стать ихъ непосредственными руководителями и наблюдателями по точному ими выполненію порученной статистической работы исключительной срочности и государственной важности.

Трудность этого положенія, главнымъ образомъ, заключалась въ установленіи согласованнаго пониманія всѣми счетчиками статистическихъ заданій.

Техника осуществленія переписи для сельскаго люда была сложная, включая въ себѣ цѣлый рядъ различныхъ формъ ея требованій. Предварительно, самимъ земскимъ начальникамъ приходилось неоднократно собираться для обсужденія ихъ пониманія и въ цѣляхъ согласованности дѣйствій. Пріѣзжало къ намъ для соотвѣтствующихъ руководственныхъ разъясненій даже особо командированное изъ столицы сановное лицо — Членъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Тайный Совѣтникъ Морозовъ.

Въ общемъ, перепись прошла сравнительно благополучно. За рѣдкими исключеніями, счетчики оказались на высотѣ оказаннаго имъ довѣрія. Въ ихъ составъ мною было привлечено изъ мѣстнаго населенія рѣшительно все мало-мальски грамотное и смѣтливое.

Въ первую голову на эту работу была приглашена мною

вся деревенская интеллигенція — духовенство, весь учительскій персоналъ, хуторяне, разные прикащики, лавочники и т. п., не говоря уже обо всемъ писарскомъ сословіи, волостномъ и сельскомъ, для которыхъ возложенная на нихъ по переписи работа оказалась хорошимъ экзаменомъ.

Во всякомъ случаѣ, нѣсколько мѣсяцевъ предварительной и десятокъ дней завершительной работы сблизили всѣхъ насъ — участниковъ этого исключительнаго для деревенской жизни событія. Пережитое время лихорадочной и отвѣтственной нашей дѣятельности всегда нами охотно потомъ вспоминалось, и всѣ бывшіе счетчики не безъ гордости впослѣдствіи носили на своей груди присланныя имъ за перепись медали на трехцвѣтной національной ленточкѣ.

Населеніе всего нашего Ставропольскаго уѣзда, включая татарское, отнеслось къ переписи спокойно и довѣрчиво. Не то было въ Бугульминскомъ уѣздѣ, гдѣ среди мусульманъ возникло серьезное броженіе на почвѣ распространенныхъ злонамѣренными людьми слуховъ, будто бы о желаніи Правительства переписать всѣхъ мусульманъ для обращенія ихъ въ христіанскую вѣру. Въ нѣкоторыхъ татарскихъ селахъ этого уѣзда броженіе вылилось въ открытые бунты съ категорическими отказами пускать къ себѣ счетчиковъ. На мѣста были вызваны войска, и самъ губернаторъ ѣздилъ на усмиреніе взбунтовавшихся татаръ, завершившееся примѣненіемъ жестокихъ карательныхъ мѣръ.

Другой случай моей, если можно такъ выразиться, экстренной дѣятельности, не предусмотренной компетенціей земскаго начальника, связанъ былъ съ участіемъ моимъ въ занятіяхъ сначала особаго Уѣзднаго, а затѣмъ — Губернскаго Комитета по пересмотру крестьянскаго законодательства, въ соотвѣтствіи съ присланной изъ Петербурга программой, состоявшей изъ „66 пунктовъ".

Работа въ Уѣздномъ Комитетѣ была сведена, за рѣдкими поправками и дополненіями, къ принятію той докладной, по всѣмъ программнымъ пунктамъ, записки, которая, по порученію Ставропольскаго Уѣзднаго Съѣзда, составлена была Г. К. Татариновымъ и мною, о чемъ я въ своемъ мѣстѣ упоминалъ.

Что же касается участія въ Губернскомъ Комитетѣ, то для работъ въ немъ изо всей губерніи Губернаторомъ было вызвано три земскихъ начальника: изъ южнаго района — Петръ Владиміровичъ Кругликовъ — дѣльный и обстоятельный служака, имѣвшій резиденцію въ мѣстечкѣ Покровской Слободѣ съ 45.000 душъ населенія; изъ средней зоны губерніи, отъ Бузулукскаго уѣзда — Дмитрій Яковлевичъ Слободчиковъ, способный, ловкій карьеристъ; и третьимъ былъ я, очевидно, какъ представитель отъ сѣверной части губерніи.

Общій составъ Комитета, засѣданія котораго происходили въ теченіе двухъ недѣль подъ предсѣдательствомъ Начальника губерніи А. С. Брянчанинова, былъ многочисленный, и работа сводилась къ заслушиванію и сводкѣ обширнаго матеріала, предствленнаго отъ всѣхъ уѣздныхъ комитетовъ. Цензура со стороны Губернатора отличалась нетерпимостью, главнымъ образомъ въ смыслѣ сохраненія въ полной неприкосновенности сельской общины со всѣми ея специфическими свойствами: круговой порукой, земельнымъ закрѣпленіемъ и т. п. Таковъ былъ духъ времени.

Судьба трудовъ по разработкѣ „66 пунктовъ" правительственной программы извѣстна: весь этотъ огромный и несомнѣнно поучительный матеріалъ сдѣлался достояніемъ министерскаго архива безъ малѣйшихъ послѣдствій. Спустя лишь восемь лѣтъ, все тотъ же „заботливый" Петербургъ вновь взбудоражилъ провинцію и мѣстныя общественныя силы, пригласивъ ихъ, по почину Витте, высказаться по вопросамъ почти аналогичнымъ прежнимъ пресловутымъ „66 пунктамъ", тоже въ особо образованныхъ мѣстныхъ комитетахъ, но лишь подъ другимъ наименованіемъ — въ т. н. комитетахъ „о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности".

Въ то время я былъ уѣзднымъ Ставропольскимъ Предводителемъ и велъ означенную уѣздную работу подъ своимъ предсѣдательствомъ, но объ этомъ скажу ниже въ своемъ мѣстѣ.

Едва ли нужно говорить, что, набрасывая свои воспоминанія, касавшіяся сущности дѣятельности моей, какъ Земскаго Начальника, я не имѣю возможности съ достаточной полнотой описать все то, что приходилось встрѣчать на своемъ разнородномъ служебномъ пути. Ранѣе я отмѣтилъ, что компетенція этой должности была многосторонняя и не укладывалась ни въ какія ограничительныя рамки формальнаго закона, предоставляя большой просторъ живой творческой работѣ на благо и пользу своего ближняго. Въ силу этого, дѣятельность земскаго начальника не только возбуждала мой интересъ, но въ теченіе всей моей четырехлѣтней службы продолжала неослабно увлекать. Не безъ грусти пришлось мнѣ ее покинуть, ввиду совершенно неожиданнаго избранія меня въ члены Губернской Земской Управы.

Слабая сторона обстановки дѣятельности земскихъ начальниковъ, являвшаяся, къ глубокому сожалѣнію, дефектомъ всего служебнаго механизма Имперіи, заключалась въ отсутствіи здоровой планомѣрной ревизіи, которая объединяла бы работу на мѣстахъ и содѣйствовала бы въ нужныхъ случаяхъ правильному и единообразному пониманію и примѣненію соотвѣтствующихъ законоположеній. Правда, функціи эти закономъ были предусмотрѣны и отнесены къ компетенціи Губернскихъ Присутствій, явившихся по духу Новаго Положенія о земскихъ начальникахъ своего рода мѣстными сенатами, съ широкими правами контролирующихъ и разъясняющихъ учрежденій, а для нѣкоторыхъ дѣлъ представлявшихъ даже высшую кассаціонную инстанцію. Но Губернское присутствіе, въ силу цѣлаго ряда причинъ, оставалось, къ сожалѣнію, для всѣхъ насъ, мѣстныхъ работниковъ, слишкомъ далекимъ, скорѣе канцелярскимъ установленіемъ,

издававшимъ лишь всевозможные циркуляры и не представлявшимъ собою того живого общенія съ нами, въ которомъ мы такъ нуждались.

Тѣмъ не менѣе, подобную связь было бы легко установить именно путемъ планомѣрной организованной ревизіи.

Фактически происходило слѣдующее: за всѣ четыре года моей службы ко мнѣ заявился для ревизіи изъ Самары лишь одинъ разъ нѣкій Николай Константиновичъ Поповъ, непремѣнный членъ Губернскаго Присутствія, бывшій ранѣе нотаріусомъ, пожилой, симпатичный, мягкаго характера господинъ, пробывшій у меня въ канцеляріи нѣсколько часовъ, просмотрѣвшій наскоро кое-какія книги и дѣла, просчитавшій судебныя марки и во всемъ меня на прощанье похвалившій... Этимъ вся ревизія и ограничилась. На всѣ вопросы, которые меня такъ интересовали, получалъ я одинъ отвѣтъ: — „Пріѣзжайте въ Самару — тамъ поговоримъ...” Ни въ одно волостное правленіе Поповъ не заглянулъ.

Вообще у насъ въ „матушкѣ-Россіи” велся порядокъ, для меня всегда казавшійся ненормальнымъ: законы писались строгіе, но разумнаго, планомѣрнаго надзора за ходомъ управленія не было. Подъ понятіемъ „ревизія” обычно разумѣлось ниспосланіе „свыше” на ту или иную служебную инстанцію карательнаго воздѣйствія за какое-либо содѣянное правонарушеніе, вмѣсто того, чтобы изъ этой мѣры создавать ту органическую живую связь, о которой я выше упоминалъ и которая только и могла бы гарантировать отождествленіе писаннаго закона съ его исполненіемъ. Въ этомъ отношеніи у меня было всегда различное пониманіе съ окружавшей меня служебной обстановкой, начиная съ земскаго моего начальничества и кончая временемъ управленія мною министерствомъ. Вспоминается мнѣ, между прочимъ, характерный діалогъ, относящійся къ 1915 году — между мною и товарищемъ министра Г. В. Глинкой при первыхъ его докладахъ мнѣ по продовольственному вопросу. Когда я его спросилъ, въ какомъ видѣ предшественникомъ моимъ — А. В. Кривошеинымъ установленъ былъ контроль надъ продовольственными агентами на мѣстахъ? — Глинка мнѣ нервно отвѣтилъ: „А. В. этого обстоятельства совершенно не затрагивалъ, считая не деликатнымъ выставлять передъ земскими и общественными дѣятелями, самоотверженно предложившими свои безвозмездныя ему услуги, вопросъ объ ихъ обревизованіи. Мы ограничивались лишь ихъ отчетностью”.

Насколько въ начальный періодъ моей службы я самъ для себя искалъ интересной и полезной для дѣла ревизіи, настолько въ послѣдующіе періоды моей общественно-государственной дѣятельности я самъ, уже въ качествѣ руководящаго лица, осуществлялъ въ служебной жизни все то, что считалъ необходимымъ въ дѣлѣ контроля и надзора для достиженія порядка и успѣха всякаго дѣла. Такъ, въ бытность мою Министромъ, несмотря на взгляды моего предшественника Кривошеина, я не медля по всѣмъ наиболѣе важнымъ районамъ Имперіи установилъ надлежащую планомѣрную ревизію, которая при соотвѣтствующихъ съ моей стороны попутныхъ разъясненіяхъ, была принята всей нашей мѣстной „общественной” агентурой благожелательно, разумно и безъ всякаго съ ихъ стороны протеста.

Такой практики я всегда держался и въ частномъ моемъ хозяйственно-коммерческомъ дѣлѣ, дававшей самые положительные результаты: оказывая широкое довѣріе своему отвѣтственному служащему, я наряду съ этимъ требовалъ у него строжайшей отчетности и подвергалъ его періодическому контролю. На этихъ началахъ я мечталъ въ свое время пересмотрѣть схему функціонированія всего государственнаго механизма Имперіи, въ связи съ реорганизацией для этого Правительствующаго Сената и распредѣленія Россіи на особые ревизуемые районы. Въ этомъ отношеніи я встрѣчалъ живое сочувствіе со стороны разныхъ слоевъ общественнаго и служилаго люда.

37

Скажу нѣсколько словъ о своемъ участіи въ работахъ Ставропольскаго Уѣзднаго Съѣзда. Предсѣдателемъ его, при вступленіи моемъ въ должность, состоялъ Уѣздный Предводитель Дворянства Борисъ Михайловичъ Тургеневъ. Къ сожалѣнію, онъ вскорѣ вынужденъ былъ по семейнымъ обстоятельствамъ покинуть свой постъ, и трехлѣтіе заканчивалъ, въ качествѣ его замѣстителя, кандидатъ Уѣзднаго Предводителя, Алексѣй Павловичъ Наумовъ, бывшій сумской гусаръ, никогда ничего общаго ни съ хозяйствомъ, ни съ крестьянскимъ бытомъ не имѣвшій, знавшій свое великолѣпное приволжское, старинное родовое имѣніе при с. Архангельскомъ лишь со словъ своего управляющаго, Николая Ивановича Смирнова. Съѣздовская работа была для него темнымъ лѣсомъ, въ которомъ онъ, бѣдный, плуталъ и страдалъ. По этой причинѣ, судебная часть цѣликомъ велась Уѣзднымъ Членомъ Суда С. А. Сосновскимъ, а административная работа Съѣзда протекала обычно подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника, Тихона Андреевича Шишкова.

Засѣданія Съѣзда происходили регулярно ежемѣсячно; не было лишь апрѣльской сессіи, ввиду бездорожья и наступленія весенняго сѣва. Ранѣе съѣзжались въ городъ Ставрополь земскіе начальники и всѣ вызванныя лица, причастныя къ разбирательству дѣлъ. Съ сѣверной и сѣверо-восточной части уѣздной территоріи приходилось дѣлать въ одинъ конецъ до города около 150 верстъ. Во избѣжаніе такого рода неудобствъ, разрѣшено было производить половину съѣздовскихъ засѣданій въ посадѣ Мелекессѣ, являвшемся наиболѣе центральнымъ мѣстомъ для всей сѣверной половины уѣзда.

Объ участіи въ этихъ засѣданіяхъ у меня остались лишь самыя добрыя воспоминанія: въ дѣловомъ отношеніи ощущалась всесторонняя налаженность и серьезная, толковая

подготовка, какъ по судебнымъ дѣламъ, такъ и въ отношенiи административнаго разбирательства. Чувствавалась опытная рука главнаго рычага съѣздовскаго механизма — секретаря, Алексѣя Осиповича Старкова, способнаго, неутомимаго работника.

Взаимныя отношенiя членовъ Съѣзда были самыя дружескiя. Со временемъ, къ сожалѣнiю, въ силу перемѣнъ въ личномъ составѣ, когда сталъ входить въ съѣздовскую семью чуждый для помѣстнаго дворянства элементъ, характеръ этихъ взаимоотношенiй кореннымъ образомъ измѣнился: семья превратилась въ чиновную коллегiю.

Впрочемъ, какъ и во всякой семьѣ, такъ и среди нашей съѣздовской, случались между нѣкоторыми изъ ея членовъ недоразумѣнiя и ссоры, но все это обычно завершалось миролюбиво. Особенно взаимной нетерпимостью отличались двое изъ ставропольцевъ — С. А. Сосновскiй и М. П. Яровой, которыхъ нерѣдко приходилось мирить.

Лично я ближе всего сошелся съ С. А. Сосновскимъ, Т. А. Шишковымъ, М. М. Лентовскимъ, Г. К. Татариновымъ и Н. Д Волковымъ На съѣздовскихъ сессiяхъ работы было много, но все же мы находили время собираться иногда гдѣлибо и внѣ стѣнъ Съѣзда. Въ Ставрополѣ обычно насъ приглашалъ къ себѣ Сосновскiй, у котораго играли въ карты и любили слушать музыку въ превосходномъ исполненiи его супругой, симпатичной Софьей Осиповной, излюбленнаго ею классическаго репертуара.

Въ Мелекессѣ весь личный составъ Съѣзда приглашался и охотно бывалъ у посадскаго головы Константина Григорьевича Маркова. По поводу него скажу нѣсколько словъ. Имя его пользовалось заслуженной извѣстностью не только въ Ставропольскомъ уѣздѣ, но было весьма популярно во всемъ Самарскомъ Поволжьѣ. Отецъ мой мнѣ разсказывалъ, что въ былыя времена его помѣстной службы, ему нерѣдко приходилось заѣзжать въ небольшой поселокъ, называвшiйся посадомъ Мелекессомъ, гдѣ существовалъ трактиръ „Марковъ съ сыновьями", въ который заходили „господа" пить чай и закусывать. Старику-хозяину помогали разносить гостямъ пищу и питье его молодцы-сыновья, которые впослѣдствiи, послѣ смерти ихъ отца, образовали торговый домъ, повели счастливо дѣла и замѣтно выдвинулись во всей округѣ.

Особой смѣтливостью и дѣловитостью отличался Константинъ Григорьевичъ. Благодаря ему, не только личныя дѣла ихъ торговаго дома ширились и умножались, но и самъ Мелекессъ изъ года въ годъ процвѣталъ, улучшался, росъ воистину американскимъ темпомъ.

На моихъ глазахъ этотъ посадъ превратился въ большой городской центръ, съ прекрасными многоэтажными домами, улицами, магазинами, электрическимъ освѣщенiемъ и пр., Росту и благоустройству Мелекесса значительно способствовало проведенiе Волго-Бугульминской желѣзной дороги, соединившей Симбирскъ съ Уфой.

Дѣло это тоже не обошлось безъ энергичныхъ хлопотъ со стороны того же Константина Григорьевича, сумѣвшаго въ качествѣ посадскаго головы сначала добиться устройства Мелекесскаго подъѣздного пути къ Симбирску. Посадскiе жители безсмѣнно въ теченiе многихъ лѣтъ выбирали Маркова своимъ головой.

Въ частной жизни Константинъ Григорьевичъ былъ простой, гостепрiимный хозяинъ, не отличавшiйся изысканными свѣтскими манерами, подчасъ даже нѣсколько грубоватый. Оборотъ его рѣчи былъ скорѣе простонародный, и нерѣдко вырывались у него выраженiя далеко не литературнаго свойства.

Константинъ Григорьевичъ былъ очень цѣннымъ участникомъ въ земской жизни, будучи выбираемъ постоянно гласнымъ не только уѣзднаго, но и губернскаго земскихъ собранiй. Онъ не любилъ „зря болтать", больше работая въ разныхъ комиссiяхъ, и если выступалъ на собранiяхъ, то немногорѣчиво, всегда толково и дѣльно.

Во время Мелекесскихъ съѣздовскихъ сессiй мы пользовались гостепрiимствомъ головы, любезность и вниманiе котораго временами бывали даже излишне предупредительны.

Излюбленнымъ развлеченiемъ большинства служилаго уѣзднаго люда были карты — игра въ т. н. „винтъ", за которымъ нѣкоторые любители способны были просиживать цѣлыя ночи напролетъ. Мѣры въ этомъ отношенiи, какъ впрочемъ и во многомъ другомъ, русскiй человѣкъ не зналъ.

Бѣда, бывало, смотрѣть на этихъ горе-винтёровъ, вялыхъ, не выспавшихся послѣ ночного картежнаго азарта, вынужденныхъ приходить съ ранняго утра на засѣданiя съѣзда. Ни мысли, ни интереса, тѣмъ болѣе рабочей энергiи отъ такихъ завзятыхъ картежниковъ нельзя было ожидать. И такъ по всей матушкѣ Россiи!

Часто я задумывался надъ этой фатальной стороной дѣла, задавая себѣ въ мечтахъ вопросъ — что было бы съ государствомъ, если бы по свойствамъ своей натуры умный, способный и сердечно-чуткiй русскiй человѣкъ употреблялъ на пользу и могущество своей родины все то огромное время и всѣ тѣ мыслительныя и физическiя силы, которыя онъ такъ безжалостно тратилъ на карточную игру?!

Самъ я въ карты рѣдко игралъ, исключительно ограничиваясь Буяномъ и его милыми обитателями, съ которыми обычно за винтомъ мы больше шутили и бесѣдовали, чѣмъ „всерьезъ" играли, къ тому же, долго засиживаться никому изъ насъ было нельзя — у всякаго трудовой день начинался рано. Сыграемъ, бывало, лишь „роббера" три, да „разгонный" на прощанье..., а тамъ за шапки и по домамъ. За предѣлами Буяна я въ карты не садился, не имѣя къ нимъ особаго влеченiя и боясь прослыть за „игрока" — невольно пришлось бы тогда участвовать повсемѣстно въ безпрерывныхъ партiяхъ. Въ этомъ отношенiи, я особенно дорожилъ свободой и временемъ, да и сидѣть безконечное число часовъ за карточ-

нымъ столомъ надоѣдало, предпочиталъ подбирать себѣ компанію для прогулокъ и поѣздокъ по ближайшимъ окрестностямъ, устраивалъ въ Ставрополѣ пикники, катанья на лодкѣ по Волгѣ, перебирался на Жигулевскую горную ея сторону, лазилъ по зеленымъ скаламъ, забирался на крутыя вершины „Молодецкаго", „Дѣвичьяго" кургановъ, отдаваясь цѣликомъ наслажденію любоваться просторомъ, красотой и величіемъ Волжской природы.

Дома у себя въ Буянѣ, несмотря на массу интереснаго и увлекательнаго для меня служебнаго дѣла, я все же имѣлъ достаточный для отдыха досугъ, который я употреблялъ преимущественно на охоту, тѣмъ болѣе, что окрестности Новаго Буяна, даже ближайшія, представляли собой живописнѣйшія мѣста, пригодныя для моего любимаго спорта во всѣ времена года. Первый періодъ моей службы, ввиду запущености участка, не давалъ мнѣ возможности часто пользоваться этимъ развлеченіемъ; но зато въ послѣдующіе годы я былъ болѣе хозяиномъ своего времени, и могъ чаще отдаваться своей страсти, исходивъ и изъѣздивъ вдоль и поперекъ Буяновскія чудесныя угодья.

Осенью съѣзжалось ко мнѣ много народу на устраивавшіяся мною въ концѣ октября или началѣ ноября облавы. Успѣхъ ихъ бывалъ временами исключительный.

Обычнымъ участникомъ моихъ осеннихъ облавъ былъ спеціально подъѣзжавшій къ этому времени незабвенный Константинъ Капитоновичъ, но обо всемъ этомъ хотѣлось бы мнѣ написать особо, отдавшись цѣликомъ своимъ охотничьимъ воспоминаніямъ. Не разъ въ бѣженскомъ изгнаніи я переносился въ сладостныхъ мечтахъ въ сказочныя по своей дѣвственной красотѣ Буяновскія мѣста, въ ихъ таинственную лѣсную овражную крѣпь, называемую „Барской Дубравой", гдѣ такъ хотѣлось бы хоть на одно мгновенье вновь прислониться къ могучей, вѣковой, „счастливой" соснѣ, подъ сѣнью которой довелось мнѣ уложить на облавахъ до пяти волковъ. Привольное, незабываемое то было время!

Выѣзжать за предѣлы своего участка мнѣ приходилось довольно часто для участія въ работахъ Уѣзднаго Съѣзда въ Ставрополь и Мелекессъ, два-три раза въ годъ навѣщалъ я также своихъ стариковъ въ с. Головкино, гдѣ они проживали въ одиночествѣ, такъ какъ оба старшихъ моихъ брата служили въ то время въ г. Буинскѣ Симбирской губерніи.

Любилъ я навѣщать не только своихъ родителей, но и само Головкино, столь дорогое мнѣ по воспоминанімъ дѣтства и юности. Пройтись по вѣковой „Екатерининской" липовой аллеѣ; завернуть въ излюбленные уголки милаго моему сердцу Головкинскаго сада, свидѣтеля моихъ дѣтскихъ игръ и юныхъ мечтаній — было для меня истиннымъ отдыхомъ и наслажденіемъ..

Въ отцовское хозяйство я мало вникалъ, тѣмъ болѣе, что старикъ этого не любилъ, совѣтуясь лишь со своимъ старымъ несмѣняемымъ сотрудникомъ — малограмотнымъ, но

толковымъ прикащикомъ Ѳеодоромъ Афанасьевичемъ. Въ описываемое время отецъ былъ еще полонъ силъ и энергіи — всюду, во всѣхъ хозяйственныхъ мелочахъ поспѣвалъ разбираться самъ и не держалъ у себя даже конторщика.

Присутствуя аккуратно на церковныхъ службахъ въ качествѣ старосты, отецъ еле успѣвалъ послѣ обѣдни выпивать свою объемистую зеленую чашку холоднаго крѣпкаго чая. На его крыльцѣ къ тому времени скапливалась масса работавшихъ въ теченіе истекшей недѣли „поденщиковъ" съ жестяными бляшками въ рукахъ для полученія по нимъ причитающейся заработной платы. Отецъ усаживался къ окошечку, вдѣланному во входной двери, принималъ бляшки съ проштампованными на нихъ цифрами и выдавалъ соотвѣтствующее количество денегъ. Процедура эта длилась, бывало, до позднихъ часовъ, особенно въ страдное лѣтнее время, что не мѣшало отцу по вечерамъ, ввидѣ отдыха, играть въ нижнемъ кабинетѣ свои излюбленныя вещи на віолончели.

Мама любила чтеніе, работу, особенно „на пяльцахъ" и плетеніе кружевъ „коклюшками"; вела домашнее хозяйство и съ увлеченіемъ руководила садовыми работами, разводила отличные сорта всевозможныхъ ягодъ, наготавливала на зиму запасы всякихъ вареній, цукатовъ, соленій, наливокъ и пр., разсылая ихъ своимъ взрослымъ птенцамъ, не обижая и меня въ томъ числѣ.... Какъ все это было всегда заботливо, хозяйственно заготовлено, и какъ все это было вкусно!

Къ братьямъ въ Буинскъ мнѣ было труднѣе попадать — приходилось испрашивать спеціальные отпуска для того, чтобы выѣзжать не только за предѣлы участка, но и губерніи. Все же за время моего земскаго начальничества мнѣ удалось ихъ навѣстить раза три или четыре. Изъ этихъ поѣздокъ одна остается въ особенности мнѣ памятной, благодаря исключительной ея обстановкѣ.

Братъ Димитрій завѣдывалъ въ Буинскѣ обширнымъ удѣльнымъ имѣніемъ, соприкасавшимся съ необъятными лѣсными массивами Симбирской и Нижегородской губерній, расположенными по многоводному Волжскому притоку, рѣкѣ Сурѣ. Димитрій продолжалъ оставаться страстнымъ охотникомъ, несмотря на сросшуюся въ локтѣ отъ ревматизма правую руку.

Попавъ въ Буинскъ и получивъ въ свое завѣдываніе дѣвственные лѣса, оказавшіеся обиталищемъ всевозможныхъ звѣрей, вплоть до громадныхъ бурыхъ медвѣдей, онъ не преминулъ воспользоваться своимъ положеніемъ и, пока позволяло ему здоровье, неоднократно устраивалъ медвѣжьи охоты совмѣстно съ Буинскимъ Предводителемъ Дворянства, Николаемъ Михайловичемъ Терениным. Обычнымъ ихъ спутникомъ бывалъ извѣстный въ округѣ знатокъ охотничьяго ремесла и быта, нѣкій Петръ Дмитріевичъ (Митричъ) Мокринцевъ.

Димитрій зналъ мою страсть и горячее желаніе какъ-нибудь попасть на никогда не испытанную мною медвѣжью

охоту. И вотъ, въ концѣ декабря 1894 года, передъ самыми Рождественскими праздниками, получаю я отъ него телеграмму такого лаконическаго содержанія: — „Медвѣдь вѣрный. Немедленно пріѣзжай".

Испросивъ себѣ, тоже по телеграммѣ, отпускъ, я поспѣшилъ въ Буинскъ проѣздомъ черезъ Головкино. Весь путь пришлось сдѣлать на лошадяхъ — до Головкина около 150 верстъ, да отъ Головкина до Буинска еще около 70.

Въ то время братъ былъ уже четыре года какъ женатъ на рѣдко симпатичной Ольгѣ Александровнѣ, урожденной Терениной, о которой я упоминалъ выше. Занимали они уютную, довольно обширную квартиру — бѣленькій домикъ особнякъ съ мезониномъ и террасками. Мой братъ былъ любителемъ домашней культуры всевозможныхъ пальмъ — особенно т. н. „кенцій". Онъ ихъ самъ сажалъ, выращивалъ — всѣ комнаты представляли собой зеленый садъ. Дѣтей у нихъ тогда еще не было, но родныхъ и знакомыхъ бывалъ всегда полонъ домъ.

Братъ Николай, занимавшій въ то время должность земскаго начальника 1-го участка, имѣлъ резиденцію въ самомъ Буинскѣ, маленькомъ захолустномъ уѣздномъ городкѣ. Жилъ онъ отдѣльно отъ Димитрія, занимая одноэтажный флигель-особнякъ, гдѣ у него помѣщалась канцелярія и камера.

Буинское общество состояло главнымъ образомъ изъ представителей нѣкоторыхъ помѣщичьихъ семей, владѣвшихъ усадьбами по близости отъ уѣзднаго города.

Ѣхалъ я изъ Буяна въ Буинскъ спѣшно, и было изъ-за чего торопиться — оказалось, что недаромъ Димитрій вызывалъ меня депешей: — „Медвѣдь вѣрный". Это значило, что профессіоналъ „обкладчикъ" изъ Южно-Сурской удѣльной лѣсной дачи, какъ только выслѣдилъ, что медвѣдь залегъ въ свою берлогу, тотчасъ же далъ объ этомъ знать въ Буинскъ брату, предупредивъ его о скорѣйшей высылкѣ охотниковъ, ибо онъ боялся, что звѣрь, ввиду малснѣжной зимы, сможетъ сняться и уйти.

Изъ Буинска отправились мы на охоту втроемъ: опытный медвѣжатникъ Николай Михайловичъ Теренинъ, я и неизмѣнный спутникъ охотниковъ — „господъ", Петръ Димитріевичъ Мокринцевъ. Прежде всего обращала вниманіе сама его хитро-добродушная „бабьяго" вида физіономія — круглая, мясистая, съ жидкими рыженькими волосиками на головѣ, совершенно безбровая, безусая и безбородая, съ заплывшими небольшими острыми глазками. Трудно было опредѣлить его годы — можно было ему дать и сорокъ и шестьдесятъ лѣтъ... Ниже средняго роста, онъ казался столь плотнымъ и широкимъ, что выглядѣлъ какимъ-то квадратомъ съ придѣланными руками и ногами.

Димитрій уступилъ мнѣ свое мѣсто — ему въ то время уже нездоровилось, и доктора, ввиду состоянія его больного сердца, запретили всякія волненія, тѣмъ болѣе сопряженныя съ охотой на медвѣдей.

Отъ Буинска до мѣста охоты предстояло сдѣлать около 30 верстъ. Тронулись мы въ путь 30 декабря рано утромъ, проѣхали Буинскій уѣздъ и послѣ полудня въѣхали въ „Южно-Сурскую „Удѣльную дачу, заключавшую въ себѣ до 80.000 десятинъ сплошного лѣса „въ одной межѣ" и славившуюся своей „корабельной" сосной, прямой, какъ мачта, вышиной въ 15 и болѣе саженей. Передъ тѣмъ, какъ въѣхать въ боръ, мы остановились для отдыха и перепряжки лошадей въ селеніи, растянувшимся ввидѣ одного „порядка" (улицы) на протяженіи чуть ли не двухъ верстъ. Расположено это село было у самой опушки лѣса и называлось „Трехболтаево", очевидно, вслѣдствіе заселявшихъ его представителей трехъ народностей, „болтавшихъ" на трехъ разныхъ нарѣчіяхъ: русскомъ, чувашскомъ и татарскомъ. Проѣзжая дальше, въ дикой лѣсной глуши намъ встрѣтилось небольшое, домовъ въ тридцать, чувашское селеніе „Шемурша", жилища и обитатели котораго представляли собой нѣчто столь же первобытное и дѣвственное, сколь и вся окружавшая ихъ еле проходимая лѣсная природа. Въ избахъ печей не было. Весь дымъ отъ разводимаго на глиняномъ полу огня выходилъ черезъ растворенную дверь. Сами люди имѣли совершенно звѣринообразный дикій видъ — недаромъ съ ними медвѣди бокъ о бокъ вмѣстѣ уживались...

Къ вечеру мы подъѣхали, среди высившагося „мачтовника", къ обширной полянѣ, на которой красовался удѣльный смотрительскій домъ, скорѣе цѣлая усадьба, съ плодовымъ садомъ, огородомъ и цѣлымъ рядомъ хозяйственныхъ построекъ.

Встрѣтило насъ удѣльное лѣсное начальство — самъ бородатый, почтенный смотритель въ окруженіи своихъ объѣздчиковъ, при ярко блестѣвшихъ должностныхъ бляхахъ и зеленыхъ шнурахъ. Пріятно было, послѣ долгаго зимняго пути, очутиться въ тепломъ, чистомъ помѣщеніи удѣльнаго дома, поразмять свои застывшія ноги, обогрѣться и сѣсть за обѣденный столъ, накрытый бѣлоснѣжной, съ вышитымъ узоромъ, скатертью.

Первое и главное, что мы узнали отъ лѣсной стражи и обкладчика: медвѣдь лежитъ въ своей берлогѣ „вѣрно"; за нимъ слѣдятъ съ должной осторожностью, провѣряя лишь дальнимъ отъ его спячки обходомъ. Охота была намѣчена на 1 января, а наканунѣ, т. е. на слѣдующій день нашего пріѣзда на Шемшуринскій кордонъ, предположено было произвести еще одну, окончательную, провѣрку по обходнымъ квартальнымъ просѣкамъ, по которымъ всегда можно узнать, есть ли „выходной" слѣдъ обложеннаго звѣря.

Слѣдующій день (31 декабря) ушелъ у насъ на подготовку и отдыхъ. Погода стояла идеальная — за ночь выпорошило, за день выяснило. Было солнечно и слегка морозно. Все предсказывало намъ полную удачу. Обходъ по порошѣ оказался благопріятнымъ — выходныхъ слѣдовъ нигдѣ замѣчено не было.

Наступалъ новый 1895 годъ, но мы его встрѣтили, растянувшись на полу на мягкомъ сѣнѣ, укрывшись дорожными тулупами и чапанами. Вставать надо было передъ разсвѣтомъ — ждать новогоднихъ 12-ти часовъ по-городски не приходилось. Впереди предстояла серьезная, исключительная для меня, новичка, охота... на медвѣдя. Помнится мнѣ лишь одно — все вокругъ меня давно храпѣло, но я, ворочаясь съ боку на бокъ, никакъ не могъ заснуть въ трепетномъ ожиданіи чего то остраго, неиспытаннаго... Забывшись, въ концѣ концовъ, я былъ разбуженъ Мокринцевымъ, „бабья" физіономія котораго показалась мнѣ въ этотъ разъ серьезной, какъ никогда.

Надо сказать, что изстари существовавшія въ описываемыхъ мѣстахъ медвѣжьи охоты создали извѣстнаго рода обычаи, неукоснительно всегда соблюдавшіеся ихъ участниками. Такъ и въ этотъ разъ я былъ очевидцемъ, какъ, прежде чѣмъ тронуться въ ранній путь „на медвѣдя", охотники и сопровождающіе ихъ — обкладчикъ, его помощники, лѣсники, рогатчики и др., всего человѣкъ 14, должны были сначала чинно разсѣсться въ рядъ на стоявшихъ вдоль стѣны скамейкахъ.

На столъ была поставлена четверть водки съ чаркой. Обкладчикъ (Шемшуринскій чувашанинъ) всталъ къ образу, за нимъ поднялись остальные всѣ, и мы въ томъ числѣ. Стали всѣ креститься и Бога молить о благополучномъ завершеніи охоты, затѣмъ хозяинъ дома принялся разливать водку и подавать каждому по полной чаркѣ вина. Пришлось и этотъ обычай всѣмъ намъ по очереди, тоже крестясь, исполнить. Не скрою — на ранній тощакъ, да еще безъ закуски, водку пить показалось мнѣ дѣломъ довольно тяжкимъ.

Закончивъ всѣ эти церемоніи, разсѣлись мы на множество поданныхъ одиночныхъ лѣсныхъ санокъ и, опять-таки перекрестившись, тронулись въ дремучій лѣсъ по направленію ѣхавшаго впереди обкладчика.

Наканунѣ дня охоты мы договаривались насчетъ цѣны берлоги, а также между собой съ Н. М. Терениным по поводу очереди выстреловъ. За берлогу мы установили цѣну 100 р. въ пользу нашедшаго ее обкладчика; расходы брали мы съ Николаемъ Михайловичемъ пополамъ, а относительно очереди стрѣльбы кинули торжественно жребій. Первому стрѣлять выпало мнѣ.

Выѣхали мы на разсвѣтѣ. Погода оставалась превосходной, небо было чистое. Проѣзжая осторожно, не шумя, по квартальнымъ просѣкамъ, мы двигались среди многосаженныхъ, ровныхъ, стройныхъ, мохнатихъ гигантовъ. Попадались изрѣдка полянки съ густо заросшимъ ельникомъ, но преимущественно виднѣлась сплошная вѣковая сосна густого насажденія. Полозья лѣсныхъ легкихъ саней безъ подрѣзовъ плавно скользили по мерзлому пушистому снѣгу. Еле замѣтныя верхушки деревьевъ стали постепенно розовѣть отъ восходящаго солнышка, какъ вдругъ весь цугъ нашъ остановился и былъ данъ безсловесный молчаливый приказъ всѣмъ высаживаться.

Лошадей пришлось оставить въ сторонѣ, а намъ былъ переданъ приказъ обкладчика, являвшагося нашимъ полнымъ распорядителемъ, хорошенько оправиться, такъ какъ впереди предстояло соблюденіе полнѣйшаго безмолвія — ни курить, ни сморкаться, ни тѣмъ болѣе, разговаривать не разрѣшалось.

Выровнявшись одинъ за другимъ, — впереди обкладчикъ, за нимъ я, потомъ Николай Михайловичъ, Мокринцевъ, двое рогатчиковъ, лѣсникъ и четверо односельчанъ обкладчика — стали всѣ мы осторожно гуськомъ шествовать, стараясь попадать ногами въ продѣланный передовымъ слѣдъ. Обкладчикъ же шелъ цѣлиной — очевидно, по направленію къ берлогѣ. Молчаливый, осторожный подходъ въ таинственно-чарующей обстановкѣ лѣсной глуши, ожиданіе чего-то невиданнаго, необычайнаго — все это до сихъ поръ остается у меня живымъ воспоминаніемъ этого незабываемаго момента.

Шли мы довольно долго, не спѣша, часто останавливаясь. Мнѣ это время казалось безконечно долгимъ... какъ вдругъ, обкладчикъ, пріостановившись, оглянулся на всѣхъ насъ и показалъ рукой на виднѣвшійся сквозь чащу деревьевъ небольшой просвѣтъ лѣсной поляны. Я шепотомъ спрашиваю: „что такое?" На это также тихо послѣдовалъ односложный, но многозначительный отвѣтъ обкладчика: „ёнъ, т. е. — самъ медвѣдь, тутъ близко". Еще десятка два шаговъ, и мы вышли на полянку величиной съ четверть десятины, обрамленную небольшимъ ельникомъ, за которымъ вновь высились огромныя сосны. Снѣговой покровъ этой поляны былъ въ общемъ ровнымъ; лишь въ одномъ мѣстѣ виднѣлась небольшая возвышенность, примыкавшая къ необъятному комлю многовѣковой, вѣтвистой сѣдой сосны, немного выдвинувшейся на просторъ поляны отъ остальной сосѣдней лѣсной массы.

Выйдя изъ-за опушки, обкладчикъ вторично показалъ рукой прямо на виднѣвшійся бугоръ около сосны, покрытый, какъ и все остальное видимое пространство, дѣвственнымъ снѣговымъ покровомъ, отливавшимъ лиловато-розовымъ отблескомъ утренней лѣсной зари.

Сдѣланъ знакъ снять шапки, перекреститься и взвести охотникамъ курки. Мнѣ было затѣмъ указано все тѣмъ же обкладчикомъ встать шагахъ въ 10 отъ одинокой сосны, Теренину — по другую ея сторону. Сзади насъ размѣщены были рогатчики; Мокринцевъ сталъ съ ними. Возвышенность, виднѣвшаяся на полянѣ, оказалась берлогой, „чело" (отверстіе) которой было обращено къ комлю той сосны, около которой я стоялъ, такъ что на ней явственно были замѣтны слѣды замерзшей земли и глины, выкидывавшихся звѣремъ при оборудованіи своего логовища.

Разставлялъ насъ обкладчикъ все такъ же тихо и многозначительно. Когда съ нами было покончено, онъ самъ отошелъ въ тылъ берлоги и сталъ осторожно подходить къ ней

сзади, а подъ конецъ началъ даже ползти по рыхлому снѣгу на колѣнкахъ, пока не забрался на самый верхъ медвѣжьяго обиталища. Тутъ, скинувъ шапку и перекрестившись, онъ сталъ спускать мало-по-малу свою голову внизъ, съ цѣлью заглянуть черезъ чело берлоги въ самое ея нутро. Все кругомъ было тихо, всѣ затаили дыханіе, ожидая съ минуты на минуту результатовъ дѣйствій обкладчика, который вдругъ откинулся назадъ, вскочилъ и радостно объявилъ уже громкимъ голосомъ о томъ, что медвѣдь тутъ. Какъ искра пробѣжала по всему моему тѣлу эта вѣсть, въ вискахъ сильно застучало, и въ то же время я почувствовалъ, къ своей досадѣ, что у меня внутри все ходуномъ заходило, да еще руки и ноги не отъ страха, конечно, а отъ волненія затряслись...

Въ головѣ пронеслось, какъ же я буду стрѣлять?! Ко всему этому, сзади послышался знакомый голосъ Мокринцева — „Лександръ Миколаичъ — готовься!"....

Къ обкладчику тѣмъ временемъ подошли его товарищи, забрались на верхъ берлоги и къ моему немалому удивленію стали по-чувашски, громко, крикливо что-то припѣвать, въ тактъ хлопая ладошами и притопывая ногами. Оказывается, у мѣстныхъ аборигеновъ существуетъ особая пѣснь, чтобы будить медвѣдя, заснувшаго въ своей берлогѣ.

Продѣлавъ свой концертный номеръ, правда, весьма не продолжительный, пѣвцы отшатнулись въ сторону, за исключеніемъ ихъ главнаго дирижера-обкладчика, вновь начавшаго, съ еще большей осторожностью, заглядывать внутрь медвѣжьей зимней квартиры. Но въ этотъ разъ все было быстро прервано раздавшимся его крикомъ: „Держи!" и мощнымъ глухимъ ревомъ, послышавшимся изъ берложьяго отверстія; оттуда сначала показался легкій паръ, а затѣмъ черезъ мгновенье выглянула огромная темная голова разбуженнаго медвѣдя, очевидно находившагося еще въ добродушно-сонномъ настроеніи.

Вскинувъ къ плечу ружье, я вспомнилъ данные мнѣ наканунѣ совѣты, и сталъ цѣлить звѣрю прямо въ лобъ, между глазъ. Я снова овладѣлъ собой, и мушка на стволахъ не дрожала... Раздался выстрѣлъ, за нимъ послышалось какое-то хриплое короткое уханье. Медвѣдь исчезъ, и берлога приняла свой первоначальный видъ; лишь изъ ея чела продолжалъ идти паръ. Казалось, все опять по-прежнему затихло. Въ головѣ шевелился назойливый вопросъ — „промазал" или нѣтъ? а вдругъ попалъ? убилъ?

Но вотъ обкладчикъ вновь сталъ съ еще большей опаской, все такъ же сзади, подкрадываться къ отверстію берлоги. Но не успѣлъ онъ ея достичь, какъ раздался на всю лѣсную округу страшный, дикій ревъ, повалилъ изъ логовища сильный паръ, и черезъ мгновенье оттуда высунулся до половины своего огромнаго туловища медвѣдь съ разинутой пастью и окровавленной, приподнятою кверху, страшной мордой. Раздался второй выстрѣлъ, принадлежавшій по праву Теренину. Оглушительный ревъ прервался, послышалось какое-то

клокотанье, и звѣрь быстро рухнулъ весь обратно въ берлогу, откуда сначала сталъ вырываться клубами паръ, а затѣмъ все затихло, и испаренія исчезли.

Прошло нѣкоторое время, и обкладчикъ снова полѣзъ на рекогносцировку, доползъ до чела и сталъ долго сверху всматриваться внутрь берлоги. Всѣ ждали, что онъ скажетъ... И вотъ обкладчикъ, не торопясь, встаетъ, снимаетъ шапку и торжественно заявляетъ: „Кончалъ батька!" Всѣ бросились къ берлогѣ, на днѣ которой, во весь свой мощный ростъ, раскинулся сраженный нашими пулями медвѣдь.

Послали за людьми и лошадью, привезли веревки, вытащили огромнаго звѣря наружу и навалили его на сани, головой назадъ. Размѣры его были таковы, что заднія ноги приходились по бокамъ лошади, кстати сказать, безпокойно фыркавшей отъ необычнаго сосѣдства, а голова его была уложена на особую перекладину, придѣланную къ задку саней.

Радости у всѣхъ насъ не было конца — обкладчики опять пустились въ неистовый плясъ и по-своему запѣли, Мокринцевъ же, послѣ того, какъ медвѣдь былъ изъ своего логовища выволоченъ, усѣлся на него верхомъ, и для поздравленія господъ „съ полемъ" получилъ отъ Н. М. Теренина традиціонную чарочку съ добрымъ хересомъ — единственное вино и единственный случай, когда „Петръ Митричъ" разрѣшалъ себѣ хмѣльное.

Про себя я ничего не буду говорить — то была первая и послѣдняя моя медвѣжья охота... Записывая ее сейчасъ, послѣ многихъ истекшихъ годовъ и лихолѣтій, былъ счастливъ хоть нѣсколько часовъ провести въ сладкихъ воспоминаніяхъ объ этомъ исключительномъ для меня интересномъ событіи...

На кордонѣ былъ произведенъ тщательный осмотръ убитаго медвѣдя, въ результатѣ котораго всѣ единогласно высказались за присужденіе шкуры мнѣ, какъ выпустившему первый и несомнѣнно смертельный выстрѣлъ.

На другой день, распростившись со всѣми, горячо поблагодаривъ за пріемъ и хлѣбосольство, а также за всѣ услуги, оказанныя намъ для успѣшнаго завершенія охоты, мы отправились въ обратный путь.

Медвѣдь дѣйствительно оказался великолѣпнымъ и по размѣрамъ и по его ровной темно-бурой шерсти. На Буинскихъ городскихъ вѣсахъ его взвѣсили — оказалось 18 пудовъ! Вернувшись въ Буинскъ, передъ разлукой съ Николаемъ Михайловичемъ, я предложилъ ему шкуру взять себѣ. Теренинъ, видимо, былъ чрезвычайно тронутъ и въ благодарность, обрѣзалъ у передней и задней лапы по когтю, которые были постоянными моими спутниками въ дальнѣйшей моей жизни. Огромный коготь съ передней лапы былъ вдѣланъ въ серебряную доску съ соотвѣтствующей надписью о подробностяхъ памятной охоты и служилъ всегда на моемъ письменномъ столѣ красивымъ прессъ-папье.

38

Получая отъ отца 100 р. въ мѣсяцъ и жалованье по службѣ около 178 р., я, несмотря на большіе расходы, связанные съ содержаніемъ канцеляріи, разъѣздами и необходимыми пріемами, все же умѣлъ скапливать нѣкоторыя сбереженія, на которыя ежегодно позволялъ себѣ поѣздку въ столицы — Москву и Петербургъ, гдѣ пользовался возможностью слушать хорошую музыку, посѣщать театры, музеи, выставки и пр. Въ Москвѣ большую часть свободнаго времени я проводилъ въ обществѣ милаго моего новаго знакомаго и друга Константина Капитоновича Ушкова, съ которымъ я любилъ тепло побесѣдовать и отъ души повеселиться.

Петербургъ меня съ самаго же начала успѣлъ во многомъ разочаровать и въ нѣкоторыхъ смыслахъ, пожалуй, даже озлобить.

Ранѣе я имѣлъ случай упомянуть о моемъ посѣщеніи дѣлового характера Товарища Министра В. Д. Долгово-Сабурова. Въ то время въ большой модѣ и силѣ былъ кн. Мещерскій („Гражданинъ"), пожалуй, болѣе другихъ интересовавшійся въ столицѣ тѣмъ, что происходило въ деревнѣ. Могу объ этомъ судить по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ: встрѣтилъ я его у одного нашего казанскаго общаго знакомаго, помѣщика Спасскаго уѣзда Валеріана Тавріоновича Молоствова. Узнавъ, что я земскій начальникъ съ Самарскаго Поволжья, только-что пріѣхавшій изъ деревни, Мещерскій бросилъ карты и друзей, отвелъ меня въ сторону и добрыхъ часа два подробнѣйшимъ образомъ разспрашивалъ про службу, интересовался общимъ положеніемъ вещей среди крестьянства, дворянства и пр.

Пригласилъ онъ меня любезно къ себѣ на обѣдъ, но я не пошелъ, узнавъ отъ однихъ моихъ закомыхъ, что они званы были къ Мещерскому спеціально на „обѣдъ съ земскимъ начальникомъ": не по нутру мнѣ это было и не захотѣлось служить забавой скучающему чиновному Петербургу.

За время моей службы приходилось нерѣдко выѣзжать въ свой губернскій городъ Самару, отстоявшій отъ меня въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды. Лѣтомъ чаще всего пользовался я пароходнымъ сообщеніемъ черезъ Ставрополь, что служило всегда для меня лучшимъ отдыхомъ и развлеченіемъ. Волжскій плесъ между Ставрополемъ и Самарой былъ наиболѣе живописный, благодаря расположеннымъ вдоль него Жигулевскимъ горамъ съ ихъ курганами, включая Царевщинскій, ниже котораго шли знаменитыя т. н. „Самарскія Ворота", образовавшіяся въ далекія доисторическія времена, вслѣдствіе промыва Волгой горнаго отрога Уральскаго хребта. Сколько бы разъ ни проѣзжалъ я по этому плесу, я всегда продолжалъ любоваться съ палубы скользившихъ по многоводной поверхности красавицы-рѣки пароходовъ, мелькавшими передъ моими глазами чарующими видами волжской природы.

Своеобразную величавую картину представляла собой Волга и въ зимнемъ ея нарядѣ, когда по ней не на пароходѣ, а въ дорожныхъ саняхъ на сибирскомъ ходу я, бывало, „скользилъ", лихо несомый гусевой тройкой добрыхъ разгонныхъ лошадей, пофыркивавшихъ и нѣжно позвякивавшихъ серебристымъ звономъ нарядныхъ бубенцовъ.

Необычайно живописенъ подъѣздъ къ Самарѣ съ Волжскаго верховья. Гряда Соколиныхъ горъ, начинавшаяся съ устья р. Сока, красиво утесистая, кое-гдѣ заросшая узкими рейками горной хвои, по мѣрѣ приближенія къ городу, переходитъ въ покатую возвышенную береговую полосу, сплошь заросшую великолѣпнымъ густымъ лиственнымъ лѣсомъ, большей частью кудрявымъ дубнякомъ и тѣнистой липой, сильно пахучей въ періодъ половодья.

Не доѣзжая верстъ 15 до города, по всему берегу, начиная съ т. н. „Барбашиной поляны", можно было любоваться понастроенными зажиточнымъ самарскимъ торговымъ людомъ дачами самой разнообразной, мѣстами красивой, а иногда и вовсе причудливой архитектуры, уютно разбросанными среди живописной лѣсной чащи. Въ лѣтнее время вдоль всего берега всегда наблюдалось большое оживленіе — сновали лодки, моторныя, гоночныя и просто весельныя, семейно-пикниковаго типа.

Около нѣкоторыхъ дачъ имѣлись свои пристани, гдѣ красовались элегантныя яхты, приставали дачные пароходики и пр. Нигдѣ въ другихъ приволжскихъ городахъ подобнаго берегового оживленія примѣчать мнѣ не приходилось. Правый „Жигулевскій" берегъ ,столь близко отстоявшій отъ „Соколиныхъ" горъ въ началѣ „Самарскихъ" воротъ, мало-по-малу отходилъ въ даль, замѣняясь характернымъ луговымъ видомъ Волжской поймы, съ ея безконечными береговыми, отлогими, песчаными отмелями, раздольными травными полянами, съ зеленѣющими бордюрами лѣсныхъ, больше вязовыхъ и осокоревыхъ, гривъ.

Но вотъ показалась и Самара, счастливо расположенная близь самого стержня великой рѣки, такъ что отъ пароходныхъ пристаней сразу попадаешь въ центръ городской жизни и уличнаго движенія — въ этомъ было ея большое преимущество передъ остальными приволжскими городами.

Съ проведеніемъ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги и соединеніемъ ея съ Ташкентомъ, ростъ Самары, природно-удобной Волжской пристани, оказался исключительнымъ. Населеніе, торговля, кредитные обороты — все шло чисто-американскимъ темпомъ. Недаромъ съ исторіей возникновенія и развитія города связана народная легенда о томъ, какъ св. Алексѣй, вызванный въ княженіе Іоанна II ханомъ Чанибекомъ для исцѣленія заболѣвшей глазами ханши Тайдулы, при проѣздѣ въ Орду, предсказалъ мѣстности, впослѣдствіи заселенной Самарой, великую будущность. Въ память этого событія, святитель чтится покровителемъ г. Самары, и на одной изъ ея пристанскихъ улицъ, недалеко отъ

сліянія рѣки Самарки съ ея матерью Волгой, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ по преданію было предсказано величіе будущему на немъ граду, сооружена часовня, съ чтимой иконой, изображавшей Великаго Россійскаго Святителя Митрополита Алексія. Въ Самарѣ окраины быстро сливались съ городомъ, образовавъ, спустя какихъ-нибудь 10-15 лѣтъ, оживленные центры, застроенные большими городскими домами. Благоустройство самаго города не могло поспѣвать за столь быстрымъ его ростомъ. Изо всѣхъ „платьевъ" Самара скоро выростала — отсюда раздавались упреки по ея адресу, самарская пыль пріобрѣла всероссійское почему-то признаніе, хотя подобная же пыль не въ меньшемъ количествѣ существовала и въ другихъ городахъ...

Когда, въ качествѣ Главноуполномоченнаго Краснаго Креста по оборудованію во время Великой Европейской войны санитарныхъ отрядовъ, я имѣлъ счастье представляться Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и когда Императрица услыхала изъ моего доклада, что центромъ этого оборудованія является Самара, Ея Величество изволила вспомнить о своемъ проѣздѣ черезъ этотъ городъ, и съ выраженіемъ нескрываемаго ужаса на лицѣ замѣтила: „Какая тамъ пыль!"

Впрочемъ, о семъ недугѣ моего родного города я частенько вспоминаю и теперь, проживая на Côte d'Azur, во всемірно извѣстномъ курортномъ его центрѣ — Ниццѣ, гдѣ пыль и грязь, мѣстами не отстающія отъ самарскихъ, властвуютъ одинаково безнаказанно.

Несмотря на свои внѣшніе недостатки муниципальнаго порядка, Самара представляла собой городъ бойкій, торговый и живой, безъ специфической черты провинціальной затхлости, столь присущей многимъ губернскимъ городамъ прошлой нашей матушки Руси. Самара напоминала нѣчто вродѣ корридора большой коммерческой гостиницы, гдѣ сталкивались и расходились дѣловые люди по разнымъ направленіямъ — кто въ Сибирь и на Дальній Востокъ; кто въ Туркестанскіе края, а кто и на Западъ, въ сторону Имперскихъ столицъ и дальше — въ Европу... Какъ-то мнѣ на югѣ сказали: „У васъ, на Волгѣ, есть своя Одесса — Самара!" Пожалуй, что это было вѣрное сравненіе.

Дворянства въ нашемъ городѣ было мало, больше проживало въ немъ торговаго элемента — мукомоловъ, хлѣботорговцевъ, пивоваровъ, представителей крупныхъ русскихъ и заграничныхъ посредническихъ конторъ; много попадалось банковскихъ дѣльцовъ и разнаго служебнаго люда — все это работало, не покладая рукъ; сплетнями и пустыми пересудами некогда было заниматься — воздухъ самарскій былъ весь пропитанъ интереснымъ творческимъ дѣломъ...

Коренными городскими обитателями являлись многочисленныя почтенныя семьи, въ большинствѣ своемъ принадлежавшія къ казачьему сословію (Оренбургскому, Уральскому) и владѣвшія въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ огромными земельными имуществами: Аржановы, Шихобаловы, Курлины, Сурошниковы, Соколовы и много др.

За время моего земскаго начальничества знакомствъ дѣлового служебнаго характера въ городской средѣ у меня было сравнительно немного. Прежде всего, я вспоминаю семью Губернатора Брянчанинова, всегда тепло и радушно ко мнѣ относившуюся, и состоявшую изъ самого Александра Семеновича, его супруги, Софьи Борисовны, и дочери, Анны Александровны. Губернаторство Александръ Семеновичъ принялъ отъ своего предшественника, Александра Дмитріевича Свербеева, у котораго онъ довольно продолжительное время состоялъ въ „вицахъ". Оба они были виднаго роста и сложенія, оба вели себя чинно и по губернаторски „представительно".

На губернаторскомъ посту Александръ Семеновичъ держалъ себя въ высшей степени корректно и, не мудрствуя лукаво, болѣе двадцати лѣтъ управлялъ обширной и сложной губерніей, сумѣвъ пріобрѣсти симпатіи и одобренія, какъ со стороны Петербурга, назначившаго его въ званіи Гофмейстера въ составъ Государственнаго Совѣта, такъ и отъ лица Самары, устроившей своему бывшему Губернатору торжественные проводы.

Правда, Господь наградилъ слабовольнаго и добрѣйшаго Александра Семеновича такой подругой жизни, какъ Софья Борисовна — женщиной исключительной по дѣловитости, энергіи, уму и настойчивости въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Недаромъ въ губерніи называли ее „Софьей Правительницей".

Фактически губерніей управляла она — ея супругъ являлся лишь декоративной фигурой, исполнявшей совѣты своей мудрой супруги. Въ этомъ отношеніи Александръ Семеновичъ по внѣшности и умѣнію себя держать былъ незамѣнимымъ, воистину „первымъ" сановникомъ въ губерніи. Высокаго роста, когда нужно съ военной выправкой (служилъ ранѣе въ кавалергардахъ), умѣренно полный, съ плавной барской повадкой и рѣчью, Брянчаниновъ обладалъ пріятной наружностью.

Надо отдать справедливость — оба Брянчаниновы несомнѣнно были людьми высоко порядочными и не только кажущимися, но на самомъ дѣлѣ природными аристократами въ лучшемъ смыслѣ этого слова, что такъ рѣдко бывало въ губернаторской средѣ. Не столько самъ Александръ Семеновичъ, сколько Софья Борисовна искренне и горячо привязана была своими симпатіями къ Самарскому обществу, что было впрочемъ вполнѣ естественно, такъ какъ она родомъ принадлежала къ потомственному самарскому дворянству — къ семьѣ Обуховыхъ, землевладѣльцевъ Бузулукскаго уѣзда. Ея Отецъ — Борисъ Петровичъ, былъ въ свое время губернскимъ Самарскимъ Предводителемъ Дворянства и затѣмъ въ той же Самарѣ губернаторомъ.

У Брянчаниновыхъ была дочь, но не родная, а пріемная — Звали ее Анной Александровной; старики ее очень любили и прекрасно воспитывали. Средняго роста, шатэнка, Анна Алек-

сандровна была милой, умной и привѣтливой дѣвушкой. Впослѣдствіи она вышла замужъ за графа Мстислава Николаевича Толстого, служившаго одно время по выборамъ Самарскимъ уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства, а потомъ Петербургскимъ Вице-Губернаторомъ. Революція застала ее больную чахоточную въ Крыму, гдѣ она проживала съ двумя дѣтьми и матерью — Софьей Борисовной, превратившейся въ древнюю, слѣпую, безпомощную старуху — Sic transit!... А самъ Александръ Семеновичъ умеръ задолго до революціи.

Въ описываемое мною время въ Самарѣ я бывалъ лишь наѣздомъ, и потому обширнаго знакомства съ городскимъ обществомъ я имѣть не могъ. Но все же встрѣчался довольно часто съ нѣкоторыми лицами и семьями. Упомяну о двухъ моихъ землякахъ, жившихъ въ то время въ Самарѣ и принадлежавшихъ къ нашему Ставропольскому потомственному дворянству — Ипполитѣ Александровичѣ Сосновскомъ и Николаѣ Александровичѣ Шишковѣ. Первый занималъ должность Управляющаго Дворянскимъ и Крестьянскимъ Банкомъ, второй служилъ Непремѣннымъ Членомъ Губернскаго Присутствія. Тотъ и другой жили со своими семьями, оба были людьми серьезными, умными и недюжинными работниками.

О Сосновскомъ я въ своемъ мѣстѣ имѣлъ случай говорить. Что же касается до Шишкова, то его не нужно смѣшивать съ Тихономъ Андреевичемъ Шишковымъ, тоже нашимъ ставропольцемъ, о которомъ я ранѣе упоминалъ и который приходился лишь однофамильцемъ Николаю Александровичу. Послѣдній принадлежалъ къ старинному роду Шишковыхъ чисто-русскаго происхожденія, тогда какъ Тихонъ Андреевичъ велъ свой родъ отъ грузинскихъ царей.

Отецъ Николая Александровича, Александръ Александровичъ Шишковъ, былъ женатъ на кн. М. А. Хованской, и ихъ родовое помѣстье было расположено въ 17 верстахъ отъ нашего Головкина, по дорогѣ къ Симбирску.

У Николая Александровича Шишкова было двѣ сестры и три брата. Старшая сестра Вѣра была замужемъ за Борисомъ Михайловичемъ Тургеневымъ, одно время служившимъ ставропольскимъ Предводителемъ Дворянства, младшая — Екатерина была женой моего сосѣда по Головкину М. М. Лентовскаго. Слѣдующій по возрасту братъ — умный и одаренный Сергѣй, велъ въ качествѣ директора частное промышленное дѣло химическое и стекольное, на Камѣ и р. Бѣлой. За нимъ шли: Владиміръ и, наконецъ, младшій — Евгеній. Тотъ и другой окончили Рижскій Политехническій Институтъ и были способными молодыми людьми, хорошими лингвистами, но къ практической жизни совершенно неприспособленными.

Евгеній — музыкантъ, мечтатель, до крайности экспансивный, пробовалъ свои силы на земскомъ поприщѣ, но неудачно, послѣ чего, какъ говорится, болтался „между небомъ и землей”, покуда братъ его Сергѣй не вызвалъ къ себѣ.

Оба брата мученически погибли въ Вятскомъ краѣ во время революціи.

О Владимірѣ Шишковѣ я скажу, какъ о моемъ ближайшемъ сосѣдѣ въ Головкинѣ. Это былъ необычайно оригинальный типъ съ премногими чудачествами, склонный къ авантюристическимъ порывамъ и азартной страсти. Закончилъ онъ свою жизнь въ прозаической обстановкѣ глухого деревенскаго хутора, состоя подневольнымъ супругомъ простой, рябой, грубой деревенской бабы, можетъ быть спасшей его отъ большевицкой расправы, но, надо думать, также способствовавшей образованію у него злой чахотки, быстро унесшей его въ могилу.

39

Вернусь къ моимъ воспоминаніямъ о проживавшемъ въ 1894-96 г. г. въ Самарѣ Николаѣ Александровичѣ Шишковѣ, который былъ женатъ два раза — первымъ бракомъ на Тургеневой, дочери Леонтія Борисовича, и вторымъ на кн. Хованской. Николай Александровичъ былъ очень близорукъ, носилъ постоянно очки и кромѣ того страдалъ глухотой.

Европейски-образованный, много читавшій, прекрасно владѣвшій англійскимъ и французскимъ языками, Шишковъ былъ человѣкъ исключительно кабинетный, и хотя онъ любилъ говорить о хозяйствѣ и увлекалъ, благодаря своему таланту, слушателей, но какъ практикъ, онъ былъ для дѣла совершенно неприспособленнымъ,и собственное его хозяйство шло до крайности плохо.

На земскихъ собраніяхъ его рѣчами всѣ, бывало, заслушивались, но за нимъ не шли и его на отвѣтственныя роли не выбирали ,и лишь, когда нужно было отъ губернскаго земскаго собранія впервые послать нашего избранника въ составъ реформированнаго Государственнаго Совѣта, въ 1906 году, Николай Александровичъ однимъ лишь голосомъ прошелъ въ его члены. Но въ столицѣ онъ не долго оставался. Первая Государственная Дума была распущена, и Шишковъ въ видѣ протеста, съ нѣкоторыми другими лѣвыми „академистами” вышелъ изъ состава Верхней Палаты. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ принадлежалъ къ кадетской партіи. Это былъ несомнѣнно живой и острый умъ, съ которымъ можно было не соглашаться, но который, во всякомъ случаѣ, давалъ не малый матеріалъ для размышленія. Николай Александровичъ жилъ не долго, скончавшись едва достигнувъ 50 лѣтъ.

Помимо Сосновскихъ и Шишковыхъ, гдѣ я чаще всего бывалъ, вспоминаются мнѣ также почтенныя самарскія семьи Лавровыхъ, Араповыхъ и Ворониныхъ.

Сергѣй Осиповичъ Лавровъ, землевладѣлецъ Самарскаго уѣзда, былъ заслуженный, почтенный земецъ, очень популярный и всѣми уважаемый за свой практическій здравый

укладъ мыслей, за многолѣтній служебный опытъ и за свою собственную личность, привлекавшую всѣхъ своей радушной привѣтливостью и дѣловой доступностью. Сергѣй Осиповичъ неоднократно избирался, и всегда подавляющимъ большинствомъ, въ составъ Губернской Земской Управы — сначала членомъ, а затѣмъ ея Предсѣдателемъ. Лучшаго Предсѣдателя Самарское Земство не знало ни до, ни послѣ него.

Изъ Предсѣдателей онъ былъ, Министромъ Земледѣлія А. С. Ермоловымъ, назначенъ Управляющимъ Самарскимъ Округомъ Государственныхъ Имуществъ, а затѣмъ его избрали въ члены 3-й Государственной Думы. Петербургскій климатъ оказался для него гибельнымъ — года черезъ два послѣ его избранія онъ скончался.

Въ родствѣ съ Лавровыми состояла, по Смирницкимъ, семья Араповыхъ. Петръ Александровичъ Араповъ былъ женатъ на Е. А. Смирницкой, дочери Александра Ивановича Смирницкаго, самарскаго старожила, безконечное количество лѣтъ прослужившаго Товарищемъ Предсѣдателя Самарскаго Окружного Суда.

Петръ Александровичъ Араповъ состоялъ Уѣзднымъ членомъ Самарского Окружного Суда по Самарскому уѣзду, отличался необычайной живостью, былъ хлопотливъ, вращался въ „свѣтѣ" и страстно любилъ театръ, причемъ иногда привлекалъ и меня къ участію въ любительскихъ спектакляхъ, и въ этомъ отношеніи не мало бередилъ мою остывшую въ Буяновскихъ лѣсахъ врожденную страсть къ театральнымъ подмосткамъ. Часто участвовать я не могъ, въ силу моей службы, требовавшей почти постояннаго моего пребыванія въ далекомъ Буяновскомъ участкѣ, но все же нѣсколько разъ удавалось мнѣ выступать въ Самарѣ — чаще всего у Брянчаниновыхъ.

Довелось мнѣ однажды выступить на Самарской театральной сценѣ въ большомъ благотворительномъ спектаклѣ, устроеннымъ неугомоннымъ по этой части Араповымъ. Совпало это съ періодомъ подготовительныхъ напряженныхъ работъ по переписи, такъ что, за неимѣніемъ другого свободнаго времени, роль я свою штудировалъ по дорогѣ изъ Буяна въ Самару, выступивъ прямо на генеральной репетиціи.

Шла пьеса „Нина" Мансфельда. Я игралъ молодящагося дядюшку, а Петръ Александровичъ — красавца кавказца.

При всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ умственныхъ и душевныхъ достоинствахъ, милѣйшій Петръ Александровичъ въ смыслѣ внѣшности былъ природой серьезно обиженъ. Рыжій, нескладно сложенный, Араповъ обладалъ продолговатой, съ выпяченнымъ подбородкомъ, физіономіей, покрытой жидкой бѣлесоватой растительностью, съ небольшими безцвѣтными и безбровыми глазками, слегка сдвинутымъ въ сторону мясистымъ дулеобразнымъ носомъ и огромнымъ, косо расположеннымъ, прямо-таки уродливымъ, ртомъ...

И вотъ такой-то Петръ Александровичъ вздумалъ изобразить кавказскаго горца, по пьесѣ неотразимаго красавца.

Приходилось мнѣ играть на любительскихъ самарскихъ сценахъ также съ незабвеннымъ и милымъ Александромъ Александровичемъ Воронинымъ, служившимъ въ то время Прокуроромъ Самарскаго Окружного Суда, съ которымъ мы тѣсно сошлись и продолжали наши дружескія сердечныя отношенія и послѣ того, какъ онъ былъ назначенъ въ Москву Управляющимъ Генералъ-Губернаторской Канцеляріей при Великомъ Князѣ Сергіѣ Александровичѣ. Женатъ Воронинъ былъ на Александрѣ Александровнѣ Салтыковой.

Воронины были бездѣтны и представляли собой удивительно милую, симпатичную чету. Несмотря на полную противоположность своихъ характеровъ, они жили душа въ душу, всюду появляясь вмѣстѣ и разставаясь лишь по необходимости. Въ частной жизни Александръ Александровичъ былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ, много читавшимъ и всѣмъ интересовавшимся. Между прочимъ, онъ отличался удивительной способностью всѣхъ имитировать и артистически разсказывать анекдоты, запасъ которыхъ былъ у него неистощимъ.

Судьба его была трагична. Приглашенный Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ занять постъ Управляющаго его Канцеляріей, Александръ Александровичъ два раза чудомъ спасся отъ вѣрной гибели при террористическихъ покушеніяхъ на жизнь Его Высочества. Въ первый разъ, Воронинъ задержался въ канцеляріи, и Великій Князь, не дождавшись его, посадилъ, вмѣсто него, въ свою коляску своего адъютанта, который черезъ нѣсколько минутъ погибъ отъ взрыва бомбы на углу Тверской.

Второй разъ — Александръ Александровичъ тоже долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, который ожидалъ его въ своемъ экипажѣ около Николаевскаго Дворца въ Кремлѣ, но былъ срочно отозванъ Великой Княгиней Елизаветой Ѳеодоровной для какихъ-то распоряженій, и Великій Князь рѣшилъ ѣхать одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ его не стало, — Каляевъ совершилъ свое звѣрское дѣло.

Вскорѣ послѣ этого, довелось мнѣ встрѣтиться съ милымъ Воронинымъ въ Москвѣ, въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ онъ повѣдалъ мнѣ свои недобрыя предчувствія. „Два раза сошло — сказалъ онъ мнѣ — въ третій, пожалуй, дешево такъ не отдѣлаешься"... Его слова оказались пророческими. Въ 1906 году онъ отправился въ Петербургъ и представлялся новому Министру Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Столыпину какъ разъ въ день страшнаго террористическаго на него покушенія на Аптекарскомъ Островѣ. Одѣтый въ свой малый церемоніймейстерскій мундиръ, прислонившись къ стѣнѣ въ ожиданіи своего пріема, Александръ Александровичъ о чемъ-то весело бесѣдовалъ съ чиновникомъ особыхъ порученій Приселковымъ, какъ вдругъ раздался ужасающій взрывъ, и силою газа голову бѣднаго Воронина мгновенно снесло прочь, словно срѣзало съ золотого воротника, оставивъ въ полной неприкосновенности омертвѣвшее туловище и застыв-

шія жестикулировавшія руки.

Объ этомъ повѣдалъ мнѣ самъ Приселковъ, чудомъ уцѣлѣвшій отъ террористическаго погрома. Такъ неожиданно оборвалась еще молодая жизнь незабвеннаго Александра Александровича, моего искренняго друга и прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка.

Въ губернаторскомъ домѣ въ описываемое время чаще всего я встрѣчалъ двухъ наиболѣе близкихъ А. С. Брянчанинову лицъ: Начальника Самарскаго Удѣльнаго Округа Дмитрія Павловича Терлецкаго и Управляющаго Самарскимъ отдѣленіемъ Волжско-Камскаго Банка — Арсенія Дмитріевича Соколова. То были его интимные друзья и постоянные партнеры въ винтъ. Терлецкій пользовался среди своихъ подчиненныхъ и всѣхъ его знавшихъ всеобщимъ уваженіемъ за свой недюжинный умъ, служебный опытъ, превосходное знаніе подвѣдомственнаго ему дѣла и умѣлое обхожденіе съ людьми. При Дмитріи Павловичѣ Самарскій Удѣльный Округъ безусловно переживалъ свой цвѣтущій періодъ.

Будучи одновременно страстнымъ охотникомъ, Дмитрій Павловичъ часто приглашалъ для совмѣстной охоты Александра Семеновича Брянчанинова, у котораго было три главныхъ развлеченія въ его губернаторской жизни: скрипка, звучавшая въ его рукахъ лишь среди своихъ домашнихъ слушателей, подъ аккомпаниментъ дочки „Нюты", карты — винтъ съ добрыми друзьями и охота (облавы и съ гончими), причемъ, кромѣ Дмитрія Павловича Терлецкаго любимыми его соохотниками бывали — нотаріусъ Михаилъ Семеновичъ Афанасьевъ и Врачебный Инспекторъ — Леонидъ Николаевичъ Малиновскій — оба превосходные стрѣлки и знатоки этого спорта.

Арсеній Дмитріевичъ Соколовъ занималъ мѣсто управляющаго отдѣленіемъ Волжско-Камскаго Банка, за много лѣтъ своей службы сдѣлавшись Самарскимъ старожиломъ. Это былъ типъ спокойнаго, уравновѣшеннаго, банковскаго дѣльца, сумѣвшаго завоевать за время своей долголѣтней работы весобщія симпатіи среди самарскаго населенія. Обходительный и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожный, Арсеній Дмитріевичъ считался человѣкомъ широко идущимъ навстрѣчу удовлетворенія кредитной нужды, именно въ силу превосходнаго своего ознакомленія съ этимъ краемъ и самарскимъ дѣловымъ людомъ.

Выше я указалъ еще на двухъ лицъ, проживавшихъ въ то время въ Самарѣ — нотаріуса Афанасьева и Врачебнаго Инспектора Малиновскаго. Оба были видными городскими фигурами — каждый въ своемъ родѣ.

Михаилъ Семеновичъ Афанасьевъ былъ дѣльцомъ совершенно американской складки. Кромѣ исполненія своихъ профессіональныхъ функцій, онъ одновременно велъ свое личное хозяйство, участвовалъ въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ и имѣлъ рядъ довѣренностей отъ многихъ проживавшихъ за предѣлами Самарской губерніи лицъ на веденіе ихъ всевозможныхъ хозяйственныхъ и промышленныхъ дѣлъ. Необычайно работоспособный, энергичный Михаилъ Семеновичъ обладалъ быстрой сообразительностью, превосходнымъ знаніемъ нужныхъ законоположеній, давая своимъ кліентамъ точныя указанія и дѣльные совѣты.

Что касается Леонида Николаевича Малиновскаго, доктора медицины, Инспектора Самарскаго Врачебнаго Округа, онъ былъ несомнѣнно исключительной личностью. Это былъ человѣкъ живой, интересовавшійся не только своей спеціальностью, но и всѣмъ, происходившимъ вокругъ него и во всемъ мірѣ. Онъ много путешествовалъ, успѣвъ объѣхать весь земной шаръ. Отсюда становится понятнымъ, почему Малиновскій являлся собесѣдникомъ, необычайно увлекавшимъ слушателей интереснѣйшими разсказами о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, охотахъ на львовъ, тигровъ и пр. Не безъ основанія его вскорѣ перевели изъ Самары въ Петербургъ на отвѣтственный постъ по завѣдыванію Инспекторской Частью всего врачебнаго дѣла въ Имперіи. Послѣ него Самара получила обычный типъ Врачебнаго Инспектора — узкаго чиновника и формалиста.

Въ бытность мою земскимъ начальникомъ мнѣ приходилось посѣщать своего Губернскаго Предводителя, которымъ въ то время состояли сначала Александръ Николаевичъ Осоргинъ, занимавшій эту должность недолго, а затѣмъ два трехлѣтія — Александръ Николаевичъ Булгаковъ. Оба были преклонными старцами.

Первый былъ характера живого, общительнаго, имѣлъ свѣтскія манеры, любилъ общество, городъ, вечера, удовольствія, посѣщалъ клубъ. Скорѣе высокаго роста, элегантной внѣшности, съ серебристо-бѣлой головой, коротко остриженной бородкой, Осоргинъ, розоватый, жизнерадостный, шепелявя и картавя, любилъ много говорить и вести салонный разговоръ, но на отвѣтственныхъ роляхъ Предсѣдателя Дворянскихъ и Земскихъ Собраній Александръ Николаевичъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ, терялся, путалъ и, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ отъ предводительскихъ обязанностей окончательно отойти.

Инымъ былъ Андрей Николаевичъ Булгаковъ, крѣпкій Бузулукскій хозяинъ-помѣщикъ, страстный охотникъ-борзятникъ, по внѣшности сильно напоминавшій собою Льва Николаевича Толстого — съ такой же львиной головой, большой широкой бородой, грубыми чертами лица и впавшими подъ лобной костью глазами, полузакрытыми мохнатыми бровями. Молчаливый, туго думавшій и нудно складывавшій фразы своей рѣчи, Андрей Николаевичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ человѣкомъ хозяйственно-умнымъ, стойкимъ въ своихъ религіозныхъ и монархическихъ вѣрованіяхъ, не легко склонявшимся на какіе-либо компромиссы ,ввиду чего подъ его Предсѣдательствомъ Губернскія Собранія велись въ опредѣленномъ направленіи — хозяйственно экономическомъ, безъ какой-либо политической окраски.. Съ виду строгій,

Андрей Николаевичъ былъ добрѣйшей души человѣкомъ, сильно тяготившимся городской жизнью и необходимостью извѣстнаго представительства по занимаемой имъ высокой почетной должности.

Личныя отношенія Губернатора Брянчанинова съ Осоргинымъ были самыя лучшія и близкія, но съ Булгаковымъ они приняли другой оборотъ, въ силу случившагося при немъ въ стѣнахъ Самарскаго Дворянскаго Дома исключительнаго событія, о которомъ въ свое время много въ обществѣ говорилось и которое озлобило Брянчанинова противъ самарскаго дворянства.

Событіе сіе въ хроникѣ самарской жизни именовалось „Исторіей о рукѣ и ногѣ" и произошло оно при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія долгое время избирался Предводителемъ Дворянства въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, Алексѣй Григорьевичъ Акимовъ, родной братъ Михаила Григорьевича Акимова, бывшаго Министра Юстиціи, а затѣмъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Алексѣй Григорьевичъ былъ человѣкъ властный, съ дикой волей и необузданнымъ характеромъ, получившій прозвище „Степного Богатыря". На его самодурство и самоуправство подавались многочисленныя жалобы, но время шло, и Акимовъ продолжалъ попрежнему царствовать въ своемъ захолустномъ уѣздѣ. Но, наконецъ, Сенатъ откликнулся, отрѣшилъ Акимова отъ должности и предалъ его суду.

Всѣ знали, что на рѣшеніе Сената въ значительной мѣрѣ повліялъ отзывъ Губернатора Брянчанинова, указавшаго на недопустимость возглавленія уѣзда подобнымъ Предводителемъ. Объ этомъ отзывѣ не безызвѣстно стало и самому Акимову, которому, однако, пришлось подчиниться опредѣленію Сената.

Вскорѣ послѣ его отрѣшенія — въ январѣ 1894 года — въ Самарѣ было созвано экстренное губернское дворянское собраніе, на которомъ пришлось мнѣ впервые участвовать по уполномочію отца, и быть очевидцемъ слѣдующаго эпизода. Съѣхалось дворянство, обычно разодѣтое въ мундиры, и лишь одинъ виднѣлся въ штатскомъ фракѣ — то былъ опальный Николаевскій „степной богатырь" Акимовъ.

Появляется въ залѣ Дворянства торжественная фигура Губернатора Брянчанинова, пріѣхавшаго на открытіе Собранія и начавшаго съ присущей ему величавой любезностью со всѣми дворянами поочередно здороваться. Небольшого роста, сухой, крѣпкій, съ бритымъ, худымъ, желчнымъ и злымъ лицомъ, расхаживавшій до появленія Губернатора въ сторонѣ отъ всѣхъ, Акимовъ стоялъ въ самомъ отдаленномъ концѣ зала, опершись у подножія колонны и, когда Губернаторъ, дойдя до него, такъ же, какъ и всѣмъ другимъ, протянулъ ему руку, чтобы поздороваться, Алексѣй Григорьевичъ демонстративно медленно обѣ свои руки заложилъ за спину, и Брянчаниновъ остался со своей протянутой рукой въ воздухѣ. Въ средѣ дворянства произошло замѣшательство. Губернаторъ, сильно поблѣднѣвшій, быстро отошелъ прямо къ депутатскому столу и взволнованнымъ голосомъ объявилъ экстренное собраніе дворянства открытымъ, послѣ чего поспѣшно, ни съ кѣмъ не прощаясь, прошелъ въ переднюю, куда бросились его провожать всѣ переконфуженные Предводители. Одѣвшись и подавая на прощанье руку Губернскому Предводителю, Брянчаниновъ торжественно произнесъ: „Въ вашемъ Дворянскомъ Домѣ мнѣ не подали руки, отнынѣ въ немъ не будетъ моей ноги"... Сѣлъ въ карету и уѣхалъ.

Происшедшій инцидентъ произвелъ среди дворянъ большой переполохъ; начались разныя частныя и депутатскія совѣщанія, выработанъ былъ планъ извинительнаго коллективнаго выступленія передъ Губернаторомъ, но, въ силу отсутствія у грубоватаго Булгакова соотвѣтствующихъ дипломатическихъ и свѣтскихъ качествъ, намѣченный ходъ переговоровъ съ Брянчаниновымъ не достигалъ своей цѣли.

Губернаторъ удовлетворенъ не былъ, требовалъ большаго. Ко всему этому примѣшивались ловкія интриги со стороны завистливаго противника Булгакова, вѣчно мечтавшаго попасть въ Губернскіе Предводители — графа Н. А. Толстого, Самарскаго Уѣзднаго Предводителя, запросто вхожаго къ Брянчанинову и нарочито путавшаго всѣ карты для достиженія своихъ завѣтныхъ цѣлей.

Все это складывалось и выливалось въ длительную процедуру все болѣе и болѣе осложнявшихся взаимоотношеній, продолжавшуюся почти за все остальное время губернаторства Брянчанинова, тѣмъ болѣе, что выбранный послѣ ухода Булгакова Губернскимъ Предводителемъ Бугурусланскій Уѣздный Предводитель А. А. Чемодуровъ, благодаря особенностямъ своего характера, подлилъ лишь масла въ огонь, но объ этомъ придется говорить въ своемъ мѣстѣ.

Здѣсь-же не могу не вспомнить одного происшествія, явившагося откликомъ описанной „исторіи о рукѣ и ногѣ". Въ томъ же январѣ мѣсяцѣ 1894 года, тотчасъ же послѣ экстреннаго дворянскаго собранія, началось очередное губернское земское собраніе, въ которомъ я также впервые участвовалъ въ качествѣ только что избраннаго губернскаго гласнаго.

Наступаетъ 12 января. На собраніи оказалось среди гласныхъ нѣсколько москвичей — Александръ Сергѣевичъ Алашеевъ, Матвѣй Васильевичъ Головинскій и я — всѣ воспитанники Московскаго Университета. Рѣшили собраться, оповѣстить кое-кого изъ городскихъ жителей — тоже бывшихъ московскихъ студентовъ. И вотъ, въ одной изъ комнатъ самарской гостиницы „Россія", вечеромъ 12 января мы всѣ собрались — человѣкъ около пятнадцати и начали мирно дружески вспоминать нашу общую „Alma mater" и чествовать свою „Татьяну".

Въ концѣ стола вдругъ завязался разговоръ въ довольно повышенномъ тонѣ, и раздался задорный голосъ Матвѣя Го-

ловинскаго: — „Алексѣй Григорьевичъ Акимовъ мой личный другъ, и прошу о немъ при мнѣ дурно не отзываться!"

Долженъ оговориться относительно Головинскаго, что, будучи землевладѣльцемъ Бугульминскаго уѣзда, онъ получилъ блестящее образованіе, окончилъ Дерптскій университетъ и отличался исключительнымъ даромъ слова и изумительной памятью. Прежде чѣмъ появиться въ дебряхъ Бугульминскаго захолустья въ качествѣ земскаго начальника, Головинскій продѣлалъ невѣроятные скачки въ своей жизненной карьерѣ, начиная со службы въ Государственномъ Коннозаводствѣ, и кончая сотрудничествомъ въ Парижской газетѣ „Фигаро". Живой, впечатлительный и болѣзненно-нервный, онъ какъ метеоръ промелькнулъ на экранѣ Самарской жизни, успѣвъ всюду въ уѣздѣ и на губернскихъ собраніяхъ наговорить многое, поражая всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ, начитанностью и поразительной памятью. Онъ, бывало, наизусть цитировалъ пространныя выдержки изъ ученыхъ сочиненій знаменитыхъ мыслителей, включая древне-классическихъ. Такъ и на нашемъ земляческомъ собраніи Головинскій началъ свою рѣчь длиннѣйшими выдержками изъ трактата Цицерона „De amititia", но, спустя часъ-другой, разговорная тема перешла на современныя событія; стали обсуждать происшедшій скандалъ въ Дворянскомъ домѣ, и одинъ изъ присутствовавшихъ, Товарищъ Прокурора Богдановичъ, назвалъ поступокъ Акимова „дикимъ", на что и послѣдовала упомянутая мною реплика Головинскаго, которая вызвала общее возмущеніе.

Стали раздаваться голоса: „Мы свободны говорить то, что подсказываетъ намъ наша совѣсть и разумъ". Тогда Головинскій вскакиваетъ на середину стола и запальчиво вскрикиваетъ: „Всякаго, кто посмѣетъ еще разъ отозваться неодобрительно про моего друга Акимова, я вызываю къ барьеру". На это еще сильнѣе раздались протестующіе голоса. Обезумѣвшій Головинскій со стола бросается на Богдановича; началась свалка, и въ концѣ концовъ пришлось всѣмъ разойтись подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ происшедшаго.

На другой день по городу стали разъѣзжать отъ имени Головинскаго два секунданта — г. г. Алашеевъ Сергѣй Николаевичъ (однофамилецъ Александра Сергѣевича) и Сергѣй Григорьевичъ Аксаковъ — наши дворяне, оба недалекіе, обрадовавшіеся случаю играть „отвѣтственную" показную роль и разодѣтые какими-то ходульными героями во все черное съ цилиндрами въ рукахъ; они начали появляться то у того, то у другого изъ участниковъ московскаго земляческаго столь нелѣпо закончившагося собранія. Разъѣзжали они по списку адресовъ, врученныхъ имъ самимъ же Головинскимъ, въ которомъ, между прочимъ, было помѣчено: — „Соколовъ, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ".

Соколовъ былъ тоже студентомъ-москвичемъ, но на вечеринку не попалъ изъ-за экстренныхъ занятій. Это былъ работникъ исключительный, серьезный и рѣшительно ничего

еще не знавшій о происшедшемъ наканунѣ въ гостиницѣ „Россія".

Подъѣзжаютъ къ его квартирѣ въ коляскѣ описанныя мною обѣ фигуры въ строго-мрачномъ одѣяніи, съ глупо-сосредоточеннымъ выраженіемъ на оффиціально-вытянутыхъ физіономіяхъ. Встрѣчаетъ ихъ дежурный полицейскій и спрашиваетъ: „Въ чемъ дѣло?" — Тотъ и другой вручаютъ ему свои визитныя карточки и требуютъ личнаго свиданія съ г. Соколовымъ, который черезъ нѣкоторое время выходитъ, съ недоумѣніемъ вглядывается въ стоящія передъ нимъ какія-то чучелообразныя фигуры и, съ своей стороны, освѣдомляется: — „что имъ нужно?" — Тѣ начинаютъ ему излагать содержаніе параграфовъ дуэльнаго кодекса... Соколову некогда. Онъ вновь переспрашиваетъ — что имъ отъ него нужно? На это опять-таки слышитъ какой-то бредъ, какъ ему показалось, спятившихъ съ ума лицъ — о какой-то дуэли съ Головинскимъ, о требованіяхъ ихъ, какъ секундантовъ и пр. Соколовъ не выдержалъ, приказалъ полицейскому наблюсти за пришедшими, а самъ по телефону сообщилъ полицмейстеру о необходимости немедленнаго задержанія появившихся у него двухъ умалишенныхъ людей.

Этимъ закончилась вся миссія секундантовъ г. Головинскаго, котораго, узнавъ про его продѣлки, Губернаторъ отправилъ немедленно въ уѣздъ, съ тѣмъ, чтобъ вскорѣ вовсе освободиться отъ его службы. Что же касается г. г. секундантовъ, то тотъ же Брянчаниновъ, зная обоихъ хорошо, спасъ ихъ отъ Томашева Колка (лечебное заведеніе для умалишенныхъ), объяснивъ ихъ поступки не сумасшествіемъ, а просто ихъ природнымъ слабоуміемъ.

ЧАСТЬ IV

ЗЕМСТВО. ИЗБРАНІЕ ВЪ СОСТАВЪ САМАРСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ. СЕМЕЙНОЕ ГОРЕ. ЖЕНИТЬБА. ЗАГРАНИЧНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. УСТРОЙСТВО ГОЛОВКИНСКИХЪ ДѢЛЪ. САМАРА. УПРАВЛЕНІЕ УШКОВСКИМИ ИМѢНІЯМИ. ЗАБОЛѢВАНІЕ. КРЫМЪ. ФОРОСЪ. ЧЕРНОМОРСКАЯ ПОѢЗДКА. ОБЪѢЗДЪ ЮГА РОССІИ. ВОЗВРАТЪ ВЪ ГОЛОВКИНО. ХОЗЯЙСТВО. ЖИЗНЬ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

40

Въ сентябрѣ 1893 года мнѣ минуло 25 лѣтъ — иначе говоря, я достигъ полнаго земскаго, возрастного ценза, благодаря чему, а также желанію моего отца, передовѣрившаго мнѣ свои выборныя полномочія, съ 1894 года я былъ единогласно избранъ отъ землевладѣльческой куріи уѣзднымъ гласнымъ Ставропольскаго Земскаго Собранія.

Этимъ я былъ обязанъ доброму имени моего незабвеннаго отца, какъ сказано въ классической фразѣ безсмертнаго Грибоѣдова — „по отцу и сыну честь"...

Въ ту же осеннюю очередную сессію уѣзднаго собранія я попалъ въ число шести избранныхъ губернскихъ гласныхъ.

Съ этого года я сталъ участникомъ многосложной хозяйственной жизни Ставропольскаго уѣзднаго и Самарскаго губернскаго Земства. Это участіе продолжалось безпрерывно до конца существованія самихъ земскихъ учрежденій и моего пребыванія въ дореволюціонной Россіи, т. е., до памятнаго 1917 года.

Моя земская дѣятельность не ограничивалась положеніемъ рядового гласнаго; я прошелъ всю іерархическую лѣстницу отвѣтственныхъ земскихъ должностей, начиная съ секретаря уѣзднаго и губернскаго собранія и члена ревизіонныхъ и другихъ спеціальныхъ комиссій, и исполнялъ обязанности члена и председателя Губернской Земской Управы. Затѣмъ по должности Уѣзднаго и Губернскаго Предводителя Дворянства я состоялъ три года предсѣдателемъ уѣздныхъ земскихъ собраній; въ теченіе четырехъ послѣдующихъ трехлѣтій предсѣдательствовалъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ и, наконецъ, съ сорокалѣтняго возраста до дня оставленія мною министерскаго поста (съ января 1909 г. по іюль 1916 г.), я безсмѣнно избирался Самарскимъ Губернскимъ Земствомъ въ члены Государственнаго Совѣта.

Съ самаго же начала большое земское дѣло, съ его разнороднѣйшей областью всевозможныхъ губернскихъ и уѣздныхъ „пользъ и нуждъ", меня живо заинтересовало. Моей неопытной, юной еще головѣ нелегко было сначала справляться съ обширнымъ хозяйственнымъ масштабомъ земской уѣздной, а тѣмъ болѣе — губернской жизни, и лишь послѣ перваго трехлѣтія, въ теченіе котораго мнѣ приходилось вести и редактировать всѣ почти журналы засѣданій и одновременно участвовать въ работѣ ревизіонныхъ комиссій, я болѣе или менѣе освоился съ многочисленными отраслями земскаго бюджета.

Созданное Царемъ-Освободителемъ Положеніе о Земскихъ учрежденіяхъ предоставило мѣстнымъ людямъ широкое поле дѣятельности для упорядоченія и развитія общественной и хозяйственной жизни. Полновластнымъ хозяиномъ всей земской дѣятельности являлось собраніе гласныхъ, исполнительнымъ же органомъ его постановленій служила избираемая имъ Управа. Ходъ земской работы и жизни зависѣлъ отъ качественнаго личнаго состава земскихъ учрежденій, а также и отъ самаго порядка веденія земскихъ собраній, руководимыхъ по закону на уѣздныхъ засѣданіяхъ — Уѣзднымъ, а на губернскихъ — Губернскимъ Предводителями Дворянства.

Какъ извѣстно, для права участія на земскихъ избирательныхъ собраніяхъ необходимо было имѣть, имущественный цензъ. Въ 1890 году, при Императорѣ Александрѣ III, было издано законоположеніе, видоизмѣнившее порядокъ избранія гласныхъ соотвѣтственно принадлежности имущественныхъ цензовиковъ къ тому или другому сословію, причемъ значительный перевѣсъ предоставленъ былъ классу дворянъ-землевладѣльцевъ. До двухъ третей Ставропольскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія, при мнѣ, состояло изъ помѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ (около 18 человѣкъ). Остальная треть включала въ себѣ представителей крестьянъ-общинниковъ и лицъ другихъ группировокъ.

Я не буду здѣсь касаться критики Положенія 1890 года. Скажу лишь, что какого-либо антагонизма между большинствомъ гласныхъ, принадлежавшихъ къ помѣстному цензовому дворянству, и остальной ихъ частью за все время моего участія въ земской работѣ не замѣчалось.

Надо отдать справедливость — поведеніе гласныхъ-дворянъ на земскомъ поприщѣ въ отношеніи крестьянства проявлялось всегда въ самомъ благожелательномъ направленіи, отличаясь скорѣе забвеніемъ ими своихъ собственныхъ интересовъ ради удовлетворенія мѣстныхъ сельскихъ потребностей.

Неся наиболѣе обременительные земскіе платежи, дворяне-гласные вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе всего пользовались ими же самими созданными культурно-полезными учрежденіями

помѣстной жизни, каковыми являлись школы, пріюты, больницы, агрономическія учрежденія, мелкія сельскія кредитныя товарищества и т. п. Въ этомъ отношеніи вся работа означенныхъ дворянскихъ представителей на земской нивѣ носила характеръ чисто-альтруистическій.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, невольно приходило мнѣ въ голову слѣдующее соображеніе: если у законодателя, создавшаго Положеніе 1890 г., и былъ поводъ улучшить составъ земскихъ собраній путемъ привлеченія наиболѣе лояльнаго и культурнаго хозяйственнаго элемента, то все же, съ теченіемъ времени, слѣдовало бы, на мой взглядъ, постепенно вновь демократизировать составъ гласныхъ, привлекая крѣпкія хозяйственныя единицы изъ не-дворянскаго неселенія. Благодаря этому было бы достигнуто постепенное перевоспитаніе крестьянскихъ массъ, которые смогли бы, черезъ своихъ представителей, непосредственно знакомиться съ ходомъ работъ и взглядами опытныхъ и просвѣщенныхъ земцевъ. На почвѣ служенія общимъ интересамъ получилось бы большее сближеніе сословныхъ группъ съ крестьянами. Подобный ходъ постепенной „демократизаціи" состава уѣздныхъ земскихъ собраній былъ бы въ государственномъ отношеніи болѣе осторожнымъ и раціональнымъ, чѣмъ та полная перекройка всего земскаго строя, которая проектировалась въ духѣ господствовавшихъ тогда модныхъ тенденцій путемъ созданія т. н. „мелкихъ земскихъ едиицъ".

Старѣйшимъ гласнымъ Ставропольскаго уѣзда былъ кн. Юрій Сергѣевичъ Хованскій, состоявшій въ свое время Предсѣдателемъ Ставропольской Уѣздной Земской Управы, служившій потомъ недолго земскимъ начальникомъ „перваго призыва", а затѣмъ Управляющимъ отдѣленія Поземельнаго Крестьянскаго и Дворянскаго банка въ Симбирскѣ.

Онъ получилъ высшее образованіе въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ и затѣмъ всю свою жизнь провелъ въ деревнѣ, въ своемъ имѣніи при с. Старой Майнѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и отдаваясь любимому своему земско-общественному дѣлу.

Въ порядкѣ возрастного старшинства за кн. Хованскимъ шли братья Виноградовы, Александръ и Андрей. О первомъ я имѣлъ случай говорить, когда описывалъ участниковъ уѣзднаго съѣзда. Его братъ Андрей Өедоровичъ получилъ университетское образованіе; онъ превосходно велъ свое хозяйство, устроилъ у себя въ имѣніи при селѣ Чердаклы винокуренный и крахмально-паточный заводы, скупалъ скотъ на Бузулукской и Сорочинской ярмаркахъ для откорма и перепродажи.

Умный и разсчетливый, Андрей Өедоровичъ умѣлъ на собраніяхъ хорошо говорить, однако онъ не пользовался ни уваженіемъ, ни тѣмъ болѣе любовью. Ему боялись вѣрить — слишкомъ онъ былъ человѣкъ хитрый и лживый, а главное — до мозга костей — эгоистъ. Избирали же его въ гласные потому, что въ земскомъ дѣлѣ его совѣты отличались расчетливостью и практичностью.

Лучшими ораторами на Ставропольскихъ земскихъ собраніяхъ были: Николай Александровичъ Шишковъ и Ипполитъ Александровичъ Сосновскій. Первый говорилъ увлекательно, красиво, но не убѣдительно

Не то представлялъ собой Ипполитъ Александровичъ Сосновскій, выступавшій не такъ ужъ краснорѣчиво. Но своими, въ сжатой формѣ выраженными, дѣловыми и практически-разумными мнѣніями, онъ значительно вліялъ на ходъ работъ нашихъ уѣздыхъ собраній.

Въ общемъ, вся работа Ставропольскихъ земскихъ собраній шла болѣе или менѣе ровнымъ, чисто дѣловымъ, опредѣленнымъ рамками закона темпомъ, и не отклонялась въ сторону обсужденія политическихъ вопросовъ, не связанныхъ съ хозяйственной жизнью уѣзда. Само собой, на собраніяхъ по нѣкоторымъ отраслямъ земской компетенціи, особенно по вопросу школьнаго и т. н. внѣшкольнаго образованія, неоднократно возникали разнорѣчивыя сужденія и гласные раскалывались на два противоположныхъ лагеря. Одни — „либеральные" стремились скорѣйшимъ образомъ пріобщить населеніе къ благамъ всяческой культурности, другіе — „консервативные", по разнымъ соображеніямъ, главнымъ образомъ, финансово-бюджетнымъ, старались сдерживать порывы первыхъ и проповѣдывали большую осторожность и постепенность....

Лидерами „либеральнаго" направленія обычно выступали Н. А. Шишковъ и Г. К. Татариновъ. Насколько первый былъ сладкорѣчивъ, настолько второй оказывался неудачнымъ защитникомъ своихъ идей, благодаря излишней нервности, путанному изложенію мыслей и всему своему суетливому поведенію, съ явнымъ заискиваніемъ передъ крестьянскими представителями. Къ нимъ можно пожалуй присоединить и ихъ обычнаго единомышленника кн. Ю. С. Хованскаго.

Представителями „консервативно-сдерживающаго" теченія надо назвать въ первую голову С. А. Сосновскаго и Наумовыхъ.

Въ общемъ, земская работа въ Ставропольскомъ уѣздѣ шла ровнымъ темпомъ, изъ года въ годъ расширяясь. Ко времени объявленія Великой Войны годовой бюджетъ Ставропольскаго земства разросся до солидной цифры въ 330 съ лишкомъ тысячъ рублей, причемъ было достигнуто осуществленіе въ уѣздѣ т. н. „нормальной сѣти", какъ по насажденію школьнаго преподаванія, такъ и въ отношеніи оборудованія медицинскихъ участковъ.

За послѣднее десятилѣтіе Ставропольскимъ земствомъ было обращено усиленное вниманіе также на развитіе разумной и планомѣрной помощи населенію. Вопросъ этотъ меня горячо интересовалъ и я неоднократно выступалъ по нему на собраніяхъ докладчикомъ, проводя въ жизнь именно то, о чемъ хочу здѣсь сообщить.

Первоначально идея агрономической помощи возникла въ средѣ Губернскаго Земства, когда я сталъ членомъ Губернской Управы. Постепенно это дѣло децентрализировалось и перешло почти цѣликомъ въ руки уѣздныхъ земствъ, пользовавшихся лишь кредитной помощью со стороны Губернскаго Земства.

Съ самаго начала былъ основанъ и оборудованъ при Самарской Губернской Земской управѣ центральный складъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Дѣло это стало развиваться гигантскими шагами. Выработанная форма снабженія сельскохозяйственнымъ инвентаремъ, съ предоставленіемъ покупателямъ льготныхъ кредитныхъ условій и установленіемъ за отпускаемый товаръ низкихъ фабричныхъ цѣнъ, оказалась настолько цѣлесообразной и выгодной для неселенія, что вскорѣ подобные склады образовались во всѣхъ уѣздахъ. Въ нашемъ Ставропольскомъ уѣздѣ стали широко работать три склада — въ г. Ставрополѣ, въ посадѣ Мелекессѣ и въ с. Старой Майнѣ.

Помимо этого, вниманіе земства, за послѣднее десятилѣтіе его существованія, было обращено на воздѣйствіе на населеніе въ смыслѣ улучшенія и интенсификаціи земледѣлія. Нелегкая была это задача, главнымъ образомъ, въ силу массовой некультурности крестьянскаго общиннаго населенія, его не столько консервативности, сколько инертности, а также вслѣдствіе укоренившагося у него мнѣнія, что у помѣщиковъ потому родится хлѣбъ лучше, что надѣлены они болѣе плодородной землей, а вовсе не потому, что обработка у нихъ выше. Крестьянское населеніе упорно придерживалось своего исконнаго способа веденія хозяйства, и ко всякому „господскому" совѣту относилось недовѣрчиво.

Первые шаги дѣятельности разъѣздныхъ земскихъ агрономическихъ отрядовъ ни къ какому реальному результату не приводили; получалось лишь ненужное обремененіе смѣтнаго бюджета, о чемъ неоднократно говорилось тогда на собраніяхъ, съ требованіемъ вовсе прекратить подобную организацію агрономической помощи. Между тѣмъ, какъ разъ въ описываемое время приходилось наблюдать только что вводившуюся удѣльнымъ вѣдомствомъ систему по сдачѣ имъ своихъ оброчныхъ статей, производившую благодѣтельный переворотъ во всемъ аграрно-экономическомъ укладѣ нашего Поволжья. Нуждавшемуся въ землѣ лицу участокъ сдавался въ аренду, но Удѣлы предъявили рядъ требованій, имѣвшихъ одну опредѣленную цѣль — заставить арендатора постепенно переходить съ первобытныхъ формъ пользованія землею къ болѣе совершенному многополью, травосѣянію, унавоживанію, пропашной обработкѣ и пр. Въ какое-нибудь десятилѣтіе въ мѣстностяхъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ, огромныя удѣльныя степныя пространства совершенно преобразились, превратившись въ превосходно обработанныя пахотныя угодья, со всѣми признаками интенсивной культуры. Убѣдившись въ разумности удѣльной аграрной политики, я сталъ настойчиво выступать у себя на собраніяхъ съ предложеніемъ послѣдовать примѣру передового въ этомъ отношеніи вѣдомства. Такъ какъ это время совпало съ періодомъ начатыхъ, по иниціативѣ министра Столыпина, землеустроительныхъ работъ, земство наше, согласившись стать на предложенный мною путь насажденія среди населенія усовершенствованныхъ способовъ земельной обработки, воспользовалось случаемъ пріобрѣтенія по крайне сходной цѣнѣ нѣсколькихъ земельныхъ участковъ въ разныхъ наиболѣе типичныхъ мѣстахъ уѣзда, исключительно въ цѣляхъ эксплоатированія ихъ на условіяхъ аналогичныхъ, практикуемыхъ въ Удѣлахъ.

Земства ставили арендаторамъ тѣ же условія — примѣненія на арендуемомъ участкѣ преподанныхъ земской агрономіей улучшенныхъ способовъ землепользованія. Результаты сказались быстро: неселеніе, ранѣе глухое къ „господскимъ" совѣтамъ, воочію увидало всю реальную выгоду интенсивнаго хозяйства. Но — увы!.. Безудержная революціонная стихія, разыгравшаяся на почвѣ грубыхъ людскихъ инстинктовъ, подогрѣтыхъ ленинскими лозунгами „чернаго передѣла", всему начавшемуся культурно-агрономическому просвѣщенію земледѣльческихъ деревенскихъ массъ положила предѣлъ... Оборвалось великое творчество — государственное и земское дѣло!

Ставропольскіе земцы отличались рѣдкимъ постоянствомъ, избирая въ теченіе долгихъ трехлѣтій своимъ предсѣдателемъ управы почтеннаго, добраго и обходительнаго Владиміра Сергѣевича Тресвятскаго — зарекомендовавшаго себя экономнымъ, честнымъ и кропотливымъ работникомъ. Когда подъ конецъ, усталый и больной, онъ категорически заявилъ на собраніи о невозможности для него продолжать земскую службу, произошла рѣдкая и трогательная картина: на его мѣсто единогласно Предсѣдателемъ былъ избранъ его единственный сынъ Николай, молодой еще человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, сумѣвшій быстро снискать всеобщую симпатію и довѣріе. И вотъ, у предсѣдательскаго стола встрѣтились — бывшій и новый предсѣдатели, отецъ и сынъ — оба счастливые, со слезами на глазахъ, бросившіеся другъ другу въ объятія, при общихъ апплодисментахъ растроганныхъ гласныхъ..

Членами управы избирались обычно крестьяне, пользовавшіеся репутаціей хорошихъ хозяевъ. Приглашалось на земскую службу также немало спеціалистовъ — техниковъ, агрономовъ и пр. Медицинскій персоналъ въ нашемъ уѣздѣ отличался превосходнымъ составомъ. Среди земскихъ врачей были извѣстные хирурги, офтальмологи, къ которымъ пріѣзжали издалека для операцій.

Въ ходѣ работъ на земскихъ собраніяхъ, конечно, многое зависѣло также отъ личности и умѣнія ихъ предсѣдате-

лей. Не могу не вспомнить добромъ дѣльнаго и властнаго на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ Предводителя Дворянства — Бориса Михайловича Тургенева, хорошо освѣдомленнаго въ земскихъ дѣлахъ и пользовавшагося среди гласныхъ безусловнымъ авторитетомъ. При немъ дѣло шло безукоризненно.

Въ 1897 году, въ первую же январскую очередную сессію Самарскаго Губернскаго Земскаго Собранія, я совершенно неожиданно, скажу больше — помимо моего желанія и согласія, былъ избранъ членомъ Губернской Земской Управы.

Произошло это событіе, кореннымъ образомъ отразившееся на всемъ укладѣ моей служебной и частной жизни, слѣдующимъ образомъ. Пріѣхавъ изъ с. Новаго Буяна въ Самару къ открытію очередного Губернскаго Земскаго Собранія, я, какъ обычно, остановился въ т. н. „Аннаевской" гостиницѣ и съ первыхъ же дней сильно захворалъ острой формой распространенной въ то время въ городѣ инфлуэнцы. Лечившій меня д-ръ Бодэ уложилъ меня въ постель. Земское собраніе шло въ это время своимъ чередомъ и отличалось нѣкоторой нервностью ввиду предстоявшихъ въ концѣ сессіи выборовъ дополнительнаго члена Губернской Управы, вокругъ которыхъ обычно разгорались партійныя и междууѣздныя страсти.

Самарскій уѣздъ, во главѣ котораго стоялъ гр. А. Н. Толстой, не глупый, но общеизвѣстный интриганъ, претендовалъ на полученіе мѣста члена управы для „своего" кандидата, противъ чего сильно возставали два всегда дружественныхъ между собою уѣзда: Ставропольскій и Бугурусланскій, отрицательно относившіеся къ проискамъ Н. А. Толстого и его клики. Пока я лежалъ въ жару и въ больномъ одиночествѣ, происходили всевозможныя совѣщанія, намѣчались разныя кандидатуры и комбинаціи. Ставропольцы, по соглашенію съ Бугурусланцами, Бугульминцами и Новоузенцами, надумали выдвинуть мою кандидатуру въ противовѣсъ намѣченнаго Толстымъ кандидата.

Мое имя оказалось подходящимъ, прежде всего по доброй памяти земцевъ къ личности моего отца, а затѣмъ — мое имя было новымъ и безобиднымъ, я никому на собраніяхъ — никакимъ уѣздамъ, партіямъ или отдѣльнымъ гласнымъ, не успѣлъ причинить ни вреда, ни непріятостей...

Ближе меня знали одни лишь мои земляки — Ставропольцы, которые были заинтересованы имѣть въ составѣ Губернской Земской Управы „своего человѣка", въ силу чего старательно пропагандировали, отмѣчая мои заслуги по мѣстной службѣ и земской работѣ.

И вотъ, въ конечномъ результатѣ, я оказался заочно избраннымъ значительнымъ большинствомъ, вопреки всяческимъ махинаціямъ со стороны злобствовавшаго гр. Толстого.

Несмотря на протестъ врача, тотчасъ по окончаніи баллотировки, торжествующіе побѣдители — инціаторы моей

новой земской службы, ворвались ко мнѣ въ комнату и стали радостно меня, еще лежавшаго пластомъ въ постели, поздравлять. Я сначала принялъ ихъ слова за шутку, но потомъ пришлось повѣрить. Я не благодарилъ ихъ, но высказалъ искреннее свое негодованіе по ихъ адресу, и заявилъ, что я безусловно откажусь отъ навязанной мнѣ чести. Слишкомъ я полюбилъ службу земскаго начальника и въ помыслахъ своихъ въ то время никогда не имѣлъ въ виду разставаться съ ней и со всей , счастливо сложившейся для меня, обстановкой.

Но обстоятельства оказались сильнѣе меня: мое намѣреніе отказаться отъ работы въ Губернской Управѣ встрѣтило серьезный протестъ не только со стороны моихъ Ставропольцевъ, но, главнымъ образомъ, представителей прочихъ уѣздовъ, поддержавшихъ мою кандидатуру. Пришлось волейневолей подчиниться своей судьбѣ.

Вспоминаются горькія переживанія при разставаніи съ моимъ земскимъ начальничествомъ, съ многочисленными сотрудниками въ лицѣ волостныхъ старшинъ, старостъ, писарей, которые съ рѣдкой отзывчивостью и искреннимъ сожалѣніемъ отнеслись къ моему вынужденному уходу. Были составлены отъ всѣхъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ особые приговоры, въ которыхъ высказана была лестная для меня оцѣнка четырехлѣтней моей службы. Постановили испросить разрѣшеніе повѣсить мой портретъ во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ, но губернскимъ начальствомъ пожеланіе это было отклонено. Тогда мнѣ преподнесена была фотографическая группа волостныхъ старшинъ съ трогательной ихъ надписью. Я всегда бережно хранилъ ее у себя въ кабинетѣ на видномъ мѣстѣ, вплоть до послѣднихъ дней моего пребыванія въ Россіии...

Такимъ совершенно непредвидѣннымъ путемъ оборвалась моя Буяновская счастливая жизнь, полная дѣлового интереса и творческой работы на благо привыкшаго ко мнѣ населенія, которое, при моихъ проводахъ, оказало мнѣ такое исключительное вниманіе, что забыть этого я до сихъ поръ не могу.

Когда, разставшись съ болью въ сердцѣ съ моимъ уютнымъ коричневымъ флигелемъ, съ милыми сосѣдями — со всѣми этими „Ильюшами", „Батями", „Ваньчо", „дядей Ваней" и другими Буяновцами, я на своей вѣрной испытанной тройкѣ подъѣхалъ къ выѣздной околицѣ — моимъ глазамъ представилась неожиданная картина... Ново-Буяновскій сельскій сходъ полностью, съ иконами и хоругвями, стоялъ и ждалъ моего появленія, чтобы отслужить мнѣ напутственный молебенъ. Горячо я молился тогда... Больно было разлучаться съ радостнымъ прошлымъ, пережитымъ въ Ново-Буяновской тихой дѣловой обстановкѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жутко становилось за будущее... Мнѣ въ то время казалось, что, покидая Буяновскую околицу, я оставлялъ проторенную знакомую мнѣ дорогу и выѣзжалъ на новый, неизвѣстный путь, чреватый всяческими осложненіями и неожиданностями, что

на самомъ дѣлѣ и оказалось...

Въ Уѣздномъ Съѣздѣ ко мнѣ отнеслись также удивительно тепло. Организованы были въ мою честь трогательные проводы, на которыхъ я впервые услышалъ въ сказанныхъ моими бывшими сослуживцами дружескихъ рѣчахъ гласную оцѣнку моей прошлой дѣятельности. Не безъ слезъ я со всѣми съ ними разставался... То были слезы радости и печали вмѣстѣ.

Помню, какъ многіе изъ моихъ уѣздныхъ друзей, провожая меня на широкое поприще губернской земской работы, мнѣ говорили: „до свиданія", прозрачно намекая на желательный мой скорѣйшій возвратъ обратно въ Ставрополь въ качествѣ Предводителя.

Объ этомъ ранѣе мнѣ никогда не думалось; но долженъ, однако, откровенно сознаться, что посѣянныя тогда моими друзьями сѣмена заманчивой перспективы предводительской службы глубоко запали въ мое воспріимчивое сердце.

Сдавъ участокъ моему замѣстителю и переѣхавъ въ Самару, я сначала поселился въ гостиницѣ П. Е. Аннаева, гдѣ я и ранѣе обычно останавливался, не столько въ силу удобствъ и комфорта, сколько изъ-за моихъ личныхъ симпатій къ ея хозяину — привѣтливому, тихому и доброму человѣку.

Благодаря его знакомству съ городомъ, я вскорѣ же нашелъ себѣ квартиру въ небольшомъ особнячкѣ на углу Троицкой и Алексѣевской улицъ, удобство которой заключалось въ близости къ Губернской Земской Управѣ.

Я занималъ весь верхній этажъ, заключавшій въ себѣ маленькую переднюю, рядомъ съ нею — довольно помѣстительную комнату, служившую мнѣ одновременно залой, гостиной и столовой; затѣмъ небольшой кабинетъ, спальню, широкій корридоръ, соединявшій мою половину съ помѣщеніемъ для прислуги, кухней и довольно обширной кладовой.

Въ Сурнакинскомъ домѣ прислугой служила мнѣ все та же почтенная и заботливая старушка Анна Васильевна. Вмѣстѣ съ ней, я захватилъ съ собой изъ Новаго Буяна еще мальчика Порфирія Еремина въ качествѣ „казачка", и вѣрнаго моего друга по дому и охотѣ пойнтера „Джека".

Пріѣхалъ я изъ деревни, какъ говорится, „налегкѣ" — вещей было мало, мебель взялъ лишь ту, которая дана была мнѣ отцомъ изъ Головкина — его „оттоманку" и свою складную кровать. Все остальное, самое необходимое, пріобрѣлъ я на скорую руку въ самой Самарѣ только для того, чтобы можно было мнѣ сидѣть.. Дома бывалъ я мало, и объ излишнемъ комфортѣ смѣшно было думать.

Предсѣдателемъ Самарской Губернской Земской Управы былъ Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ. Онъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, прославленному принадлежностью къ нему знаменитаго Россійскаго исторіографа Н. М. Карамзина. Въ описываемое мною время семья Карамзиныхъ владѣла обширными помѣстьями въ Бугурусланскомъ уѣздѣ Самарской губ. и состояла изъ трехъ братьевъ: старшаго

Александра, затѣмъ Владиміра и младшаго Бориса Николаевичей. Всѣ они были примѣрными хозяевами, почти безвыѣздно работавшими въ своихъ имѣніяхъ и лишь въ силу крайней необходимости покидавшими свои насиженныя гнѣзда. Это были настоящіе представители того типа дворянъ-землевладѣльцевъ, которые денегъ по заграницамъ и городамъ не швыряли, отличались не показной, а дѣйствительной любовью къ землѣ — ихъ родной кормилицѣ, и умѣли въ своемъ хозяйствѣ не только сводить „концы съ концами", но и получать солидные съ него доходы. Скромные, трудолюбивые Карамзины пользовались всеобщимъ уваженіемъ мѣстнаго населенія.

Старшій, Александръ Николаевичъ, никогда почти не снималъ своего деревенскаго „русскаго" костюма, лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ появляясь въ „нѣмецкомъ платьѣ.

Окончивъ въ свое время Военно-Инженерное Училище и Горный Институтъ, онъ отличался рѣдкой любознательностью ко всему тому, что происходило вокругъ него въ мірѣ флоры и фауны. Особенно интересовался онъ метеорологіей, 25 лѣтъ велъ записи, свои наблюденія, которыя потомъ издалъ. Трудъ этотъ получилъ впослѣдствіи высокую оцѣнку со стороны Академіи Наукъ.

Помимо этого, извѣстны были его работы по лѣсонасажденію на его земельныхъ угодьяхъ, представлявшихъ ранѣе сплошныя степи.

Слѣдующій по старшинству братъ — Владиміръ Николаевичъ, избранный въ январскую сессію 1897 г. Предсѣдателемъ Губернской Земской Управы, въ молодости, какъ офицеръ Лейбъ Эриванскаго полка, участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1877 г. г. на Кавказскомъ фронтѣ, и получилъ за проявленную храбрость рядъ боевыхъ отличій. Выйдя въ отставку, онъ поселился въ своемъ Бугурусланскомъ имѣніи и сталъ принимать дѣятельное участіе въ мѣстной общественной жизни.

Спокойный, разсудительный, Владиміръ Николаевичъ отличался невозмутимо-ровнымъ характеромъ и рѣдко вдумчивымъ отношеніемъ къ служебнымъ дѣламъ. Говорилъ онъ плавно, обстоятельно и логично, умѣлъ при самыхъ острыхъ столкновеніяхъ спорящихъ сторонъ вносить разумную примирительную ноту, благодаря чему смягчались личныя страсти и выигрывало само общественное и хозяйственное дѣло. Простой, общительный и страстно любившій природу, Владиміръ Николаевичъ быстро завоевалъ мою искреннюю и горячую симпатію, являясь для меня душевнымъ и добрымъ совѣтчикомъ въ моей одинокой городской жизни и новой губернской земской работѣ. По природѣ прямой и правдивый, Карамзинъ ненавидѣлъ ложь и интригу. Вслѣдствіе этого, ему трудно жилось въ губернскомъ центрѣ и нелегко переносилось отвѣтственное служеніе на предсѣдательскомъ мѣстѣ, вокругъ котораго скапливалось обычно множество всякихъ оцѣнокъ, нареканій, интригъ и злословій со стороны лицъ,

претендовавшихъ занять этотъ видный земскій постъ. Въ концѣ концовъ, Владиміру Николаевичу переживать все это стало не подъ силу и, прослуживъ Самарскому губернскому земству два трехлѣтія, онъ отошелъ въ сторону, предоставивъ свое мѣсто старому боевому земцу В. А. Племянникову, о которомъ скажу ниже.

Младшаго Карамзина звали Борисомъ Николаевичемъ. Онъ рѣдко появлялся на губернскихъ собраніяхъ и отличался крайней нетерпимостью въ отношеніи своихъ политическихъ противниковъ.

Всѣ Карамзины были убѣжденными монархистами — Александръ и Борисъ крайне праваго направленія, Владиміръ же скорѣе примыкалъ къ конституціоналистамъ. Обращикомъ его нетерпимости можетъ служить слѣдующій эпизодъ. Давній другъ Карамзиныхъ, А. А. Чемодуровъ, бывшій до меня губернскимъ предводителемъ дворянства, послѣ избранія его отъ дворянскихъ обществъ членомъ Государственнаго Совѣта, проживалъ часто въ Петербургѣ и вотъ однажды, справляя свое шестидесятилѣтіе — (въ 1907 г.) позвалъ на обѣдъ въ Европейскую гостиницу случайно оказавшихся въ столицѣ своихъ близкихъ бугурусланцевъ и нѣкоторыхъ Самарцевъ, въ томъ числѣ и меня. Зашелъ разговоръ на политическія темы, и перешли къ оцѣнкѣ видной въ то время фигуры министра Столыпина. Нѣкоторые изъ обѣдавшихъ стали высказывать опасенія за принятый имъ правительственный курсъ, критикуя намѣченныя имъ реформы по реорганизаціи губернской и уѣздной администраціи, земства и пр. А. А. Чемодуровъ, опредѣленно правый монархистъ, сталъ завѣрять присутствующихъ, что ихъ опасенія преувеличены, что Столыпинъ честный монархистъ, преданный царю и своему долгу... Сидѣвшій рядомъ со мною Борисъ Карамзинъ обращается ко мнѣ и уныло-отчаяннымъ голосомъ говоритъ мнѣ на ухо: „что дѣлаетъ гнилой Питеръ съ людьми! Не узнаешь теперь нашего Александра Александровича (Чемодурова) — до чего онъ полѣвѣлъ!"

Перейду къ характеристикѣ другихъ моихъ коллегъ по Губернской Управѣ, изъ которыхъ наиболѣе старымъ по годамъ давнимъ по земской службѣ былъ Василій Андреевичъ Племянниковъ.

Опытный земскій работникъ, знавшій хорошо свою губернію, честный и въ душѣ добрый, отзывчивый человѣкъ, Василій Андреевичъ отличался необычайной вспыльчивостью, упрямствомъ и болѣзненнымъ самолюбіемъ, а главное имъ руководилъ присущій его характеру духъ противорѣчія, благодаря чему ладить съ нимъ бывало нелегко.

Несмотря на это, Василій Андреевичъ былъ видной фигурой въ земской средѣ, главнымъ образомъ, въ силу его огромной земской освѣдомленности, давняго служилаго опыта и рѣдкой работоспособности. Съ губернскими властями жилъ онъ не въ ладахъ, находясь въ отношеніи къ нимъ въ состояніи „хронической" оппозиціи, съ земскимъ же всѣмъ персоналомъ ладилъ хорошо.

Іосифъ Августиновичъ Вельцъ былъ землевладѣльцемъ Бугурусланскаго уѣзда, по происхожденію изъ обрусѣлыхъ чеховъ. Вельцъ представлялъ собою неутомимую машину, съ ранняго утра до поздней ночи занимаясь въ своемъ управскомъ кабинетѣ дѣлами по взятымъ на себя отраслямъ земскаго губернскаго хозяйства.

Четвертымъ управскимъ моимъ коллегой былъ Николай Сергѣевичъ Тресвятскій, юристъ по образованію, бывшій судебный слѣдователь. Какъ работникъ, это была несомнѣнно полезная сила — большинство его за это и цѣнило, но... не любило. Ему вредила приторная слащавость въ сношеніяхъ съ лицами высшаго порядка и дѣланная надменность въ отношеніи людей подчиненнаго ему ранга.

По состоявшемуся взаимному соглашенію управской коллегіи всѣ дѣла губернскаго земскаго хозяйства были распредѣлены между членами Управы. Мнѣ было поручено сорганизовать и вести только-что, въ январскую сессію 1897 года, образованные два отдѣла: санитарный и статистико-оцѣночный съ почвеннымъ подотдѣломъ. Также мнѣ передано было завѣдываніе пенсіонной кассой. Ко всему этому, на одномъ изъ первыхъ же нашихъ управскихъ засѣданій, несмотря на мой упорный отказъ, я былъ избранъ своими коллегами заступающимъ мѣсто Предсѣдателя Управы. Не соглашался я на принятіе этой должности, потому что былъ недостаточно еще знакомъ съ обширнымъ губернскимъ земскимъ хозяйствомъ. Но управа настояла на своемъ, и я вынужденъ былъ подчиниться.

Въ общемъ ходѣ занятій въ Губернской Управѣ играло первостепенную роль лицо,занимавшее должность ея секретаря. Онъ являлся ближайшимъ довѣреннымъ сотрудникомъ Предсѣдателя, редактировалъ всю обширную его переписку съ внѣшнимъ міромъ и составлялъ по его порученію доклады для земскихъ собраній.

При моемъ вступленіи въ составъ Самарской губернской управы секретаремъ состоялъ Александръ Степановичъ Пругавинъ — извѣстный литераторъ-публицистъ народническаго направленія, которымъ я въ свое время, на старшихъ курсахъ университета, зачитывался наряду съ Успенскимъ, Златовратскимъ и др. Высокій, стройный, всегда элегантно одѣтый, изысканно-вѣжливый Александръ Степановичъ, со своей выхоленной, плотной, съ легкой просѣдью, бородой и золотыми очками на профессорскаго типа лицѣ, внѣшнимъ своимъ видомъ мало походилъ на апостола народнической идеологіи и опальнаго автора зловредныхъ по тому времени политическихъ исповѣданій... Импозантная вылощенная фигура Пругавина, съ щегольскимъ портфелемъ подмышкой и лоснящимся цилиндромъ на головѣ, напоминала собой скорѣе столичнаго завзятаго бюрократа привилегированныхъ министерскихъ департаментовъ, и рѣзко выдѣлялась на общемъ фонѣ остальныхъ земскихъ служащихъ по найму, заслужившихъ съ легкой руки одного изъ Самарскихъ вице-губернаторовъ (В. Г. Кондоиди — въ 1904 г.) крылатое наименованіе „тре-

тьяго элемента".

Александру Степановичу приходилось бывать съ докладами у меня, какъ замѣстителя Предсѣдателя. На первыхъ порахъ совмѣстной съ нимъ работы я бывалъ смущенъ, видя передъ собой, въ качествѣ подчиненнаго лица, человѣка, имя котораго такъ еще недавно представлялось мнѣ непререкаемымъ литературнымъ авторитетомъ. Нынѣ же, въ силу сложившихся обстоятельствъ, я бывалъ вынуждаемъ нерѣдко его доклады — своего рода литературу — сокращать, видоизмѣнять, въ соотвѣтствіи съ требованіемъ земскаго дѣла и моего пониманія. Пругавинъ не подавалъ вида какого-либо недовольства или задѣтаго авторскаго самолюбія.

Но надо сказать правду: если Пругавинъ дѣйствительно владѣлъ прекраснымъ перомъ, излагалъ порученную ему переписку и доклады въ смыслѣ стиля и слога красиво-литературнымъ языкомъ, то все же для занятія должности земскаго секретаря у него многаго не хватало. Прежде всего, онъ былъ далекъ отъ пониманія главной основы земской жизни — ея хозяйственности. Это мѣшало ему во всѣхъ его секретарскихъ работахъ

Служащихъ по найму въ Губернскомъ Земствѣ было немало. Такіе отдѣлы, какъ страховой, благотворительный, дорожно-строительный представляли собой цѣлые министерскіе департаменты; бухгалтерія изъ года въ годъ тоже разросталась по мѣрѣ роста губернскаго земскаго бюджета, доходившаго передъ войной 1914 года до трехъ съ половиной милліоновъ рублей.

Во главѣ каждаго отдѣла стоялъ особый завѣдующій, выборъ котораго намѣчался всѣмъ составомъ Управы. Большинство изъ нихъ были настоящими ветеранами земской службы. Такія лица, какъ главный бухгалтеръ съ его помощникомъ служили въ Управѣ чуть ли не съ основанія Самарскаго земства.

Съ особой симпатіей вспоминаю я губернскаго земскаго агронома, милѣйшаго Михаила Алексѣевича Трофимова и его способнаго помошника Александра Владиміровича Тейтеля, оказавшаго мнѣ впослѣдствіи неоцѣнимыя услуги своимъ сотрудничествомъ по веденію всего дѣлопроизводства въ комитетѣ по устройству въ Самарѣ политехникума, а послѣ объявленія войны 1914 года по сбору пожертвованій на нужды самарскихъ воиновъ. Превосходный былъ составъ врачебно-административнаго персонала въ нашемъ земствѣ: старшимъ врачемъ былъ В. М. Рожанскій — спеціалистъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, д-ръ Вертель — извѣстный акушеръ, д-ръ П. П. Крыловъ — завѣдывавшій образцовой бактеріологической и Пастеровской станціей, и, наконецъ, знатокъ своей профессіи — Степанъ Александровичъ Бѣляковъ, директоръ прекрасно оборудованной психіатрической колоніи-лечебницы, расположенной въ 7 верстахъ отъ города.

Избраніе меня въ дополнительные члены Управы находилось въ прямой связи съ состоявшимся на томъ же январскомъ собраніи 1897 года постановленіемъ объ образованіи при Самарской Губернской Земской Управѣ новыхъ двухъ отдѣловъ: санитарнаго и статистико-оцѣночнаго. Формированіе перваго подсказывалось самой жизнью, ввиду непрекращавшихся въ Самарской губерніи періодическихъ вспышекъ разнаго рода эпидемій — тифа, холеры и, временами, даже чумы, главный очагъ которой гнѣздился на окраинахъ Новоузенскаго уѣзда, граничившихъ съ Астраханской губерніей.

Что же касается статистико-оцѣночнаго отдѣла, то его необходимо было организовать въ силу особаго правительственнаго распоряженія, иниціаторомъ котораго былъ министръ С. Ю. Витте, и которое устанавливало опредѣленныя правила переоцѣнки всѣхъ земельныхъ имуществъ въ губерніи и составленія на основаніи ея соотвѣтствующаго кадастра для налоговаго обложенія съ недвижимостей.

Тотъ и другой отдѣлы базировались, главнымъ образомъ, на счетной части, на переработкѣ тѣхъ статистическихъ данныхъ, которые затребовались нами изъ всѣхъ уѣздовъ, и на основаніи которыхъ производились извѣстные выводы и давались тѣ или иныя распоряженія. Разумѣется, въ отношеніи системы собиранія необходимыхъ статистическихъ данныхъ,несравненно проще обстояло въ первомъ отдѣлѣ, гдѣ свѣдѣнія получались по особо выработаннымъ т. н. „санитарнымъ карточкамъ". Гораздо сложнѣе и отвѣтственнѣе было съ дѣломъ организаціи статистико-оцѣночныхъ работъ въ связи съ почвеннымъ учетомъ земельныхъ имуществъ губерніи, требовавшихъ многочисленнаго штата специалистовъ
ныхъ лицъ на мѣстахъ, для толковаго производства намѣ-
и значительное количество болѣе или менѣе интеллигент-
ченныхъ опросовъ. На мѣстахъ обслѣдованія земельныхъ имуществъ агрономами брались образцы почвъ, которые подвергались, въ особо устроенной лабораторіи, специальному анализу для установленія качества земли, и ея соотвѣтствующей оцѣнки.

Приведеніе въ ясность собраннаго обширнаго матеріала; выработка кадастраваго распредѣленія; составленіе плановъ и почвенныхъ картъ, — вся эта работа требовала необыкновеннаго напряженія, тѣмъ болѣе, что законъ указывалъ сроки этихъ заданій, а населеніе было очень заинтересовано въ добросовѣстности и справедливости произведенныхъ земствомъ счетныхъ выводовъ.

Приходилось списываться со всѣми культурными центрами Россіи, вызывать спеціалистовъ, которыхъ брали въ то время на расхватъ благодаря тому, что переоцѣночный законъ вводился почти повсемѣстно въ земской Россіи одновременно. Въ этомъ отношеніи не могу не вспомнить съ чувствомъ особой благодарности извѣстнаго проф. Докучаева, давшаго намъ нѣкоторыхъ превосходныхъ сотрудниковъ по статистикѣ и почвовѣдѣнію.

Существенное затрудненіе встрѣчалъ я при формированіи „летучихъ статистическихъ отрядовъ" для собиранія данныхъ на мѣстахъ. Требовались люди, не только хорошо грамотные, но болѣе или менѣе смышленые и образованные, ко-

торые могли бы объяснять темному населенію, чего отъ нихъ хотятъ.

Первыя статистическо-оцѣночныя работы управой намѣчены были въ Новоузенскомъ уѣздѣ, сравнительно мало заселенномъ и съ ограниченнымъ числомъ мѣстной интеллигенціи. Нами составлялись списки приглашаемыхъ въ отряды работниковъ и представлялись на утвержденіе губернской власти.

Помимо того, что въ губернской канцеляріи подолгу задерживалось все это производство, съ самаго начала всѣ мои представленія почти цѣликомъ отклонялись по причинѣ „политической неблагонадежности" упоминавшихся въ нихъ кандидатовъ. Работа, однако, была срочная, время шло и положеніе очень осложнялось отсутствіемъ персонала. Приходилось лично говорить на эту тему съ начальникомъ губерніи А. С. Брянчаниновымъ, который мнѣ категорически заявилъ, что онъ „всѣхъ статистиковъ" считаетъ опасными соціалистами, и разсылку ихъ по губерніи ни въ какомъ случаѣ не допуститъ.

Создавался какой-то заколдованный кругъ: съ одной стороны, столичное Правительство приказывало приступить къ срочной работѣ, а губернское начальство чинило тому препятствіе.

Надо отдать справедливость нашему милѣйшему А. С. Брянчанинову, что его губернаторскія способности въ отношеніи политическаго сыска и наблюденія за ввѣреннымъ ему краемъ отличались крайней простотой и апріорностью въ распознаваніи дѣйствительнаго зла и блага. Такъ, у него, въ его начальнической сановной головѣ, заранѣе установленъ былъ взглядъ на извѣстныя категоріи людей въ отношеніи ихъ политической „благонадежности" въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ той или другой профессіи, тому или другому обществу. Подобный взглядъ я испыталъ на себѣ. Пока я служилъ земскимъ начальникомъ, я былъ „на хорошемъ счету" у Его Превосходительства. Стоило мнѣ перейти на земскую службу, какъ я попалъ у него подъ великое подозрѣніе. Такъ, А. С. жаловался И. А. Сосновскому на меня послѣ перваго моего появленія въ губернскомъ городѣ въ качествѣ члена Управы, за то, что, предстваляясь Губернатору по утвержденіи меня въ новой должности, я явился къ нему не въ мундирѣ, а въ штатскомъ сюртукѣ. Въ этомъ Брянчаниновъ усмотрѣлъ „демонстративный" мой уклонъ въ сторону политической оппозиціонности къ власти.

До моего „земства", постоянно принятый въ семьѣ Брянчаниновыхъ я, не стѣсняясь присутствіемъ того же А. С., позволялъ себѣ высказывать много непочтительнаго по адресу далекаго чиновнаго Петербурга, глухого ко всему мѣстному, и мечталъ вслухъ о необходимости установленія живой связи между столицей и провинціей, въ лицѣ выбранныхъ отъ губернскаго земства людей... Но тогда я былъ „земскимъ начальникомъ", слѣдовательно, человѣкомъ „надежнымъ", а теперь сталъ „земцемъ", да еще позволившимъ себѣ представляться начальству въ сюртукѣ, вмѣсто мундира... Такова психологія была у нашего Губернатора, много горя и бѣдъ причинившаго въ отношеніи набора упомянутыхъ мною выше статистическо-оцѣночныхъ отрядовъ.

Пришлось мнѣ обратиться, помимо самаго Брянчанинова, къ всесильному И. А. Протопопову — Правителю его же губернаторской канцеляріи, фактически державшему губернію въ своихъ рукахъ. Онъ снесся съ Петербургомъ, указавъ съ одной стороны, на необходимость срочнаго формированія отрядовъ по новому законоположенію, и съ другой, — на вынужденность со стороны Начальника губерніи допущенія въ ихъ составъ нѣкоторыхъ т. н. „поднадзорныхъ", въ силу крайней затруднительности для земства найти достаточное количество служащихъ для статистическо-оцѣночныхъ отрядовъ.

Министерство разрѣшило Губернатору встать на этотъ путь. Дѣло было наконецъ сдвинуто съ мѣста.

Протопоповъ сталъ пропускать списокъ за спискомъ — отряды формировались и отсылались.

Другое бюро, которымъ я руководилъ, было санитарное. Непосредственное завѣдываніе имъ было поручено д-ру Моисею Марковичу Грану, талантливому работнику и дѣльному организатору.

Составъ земскихъ служащихъ въ губернской Управѣ за время моего въ ней пребыванія оставилъ во мнѣ наилучшія воспоминанія: всѣ они были честными исполнительными работниками, искренне любившими свое дѣло и ревниво къ нему относившимися.

Въ описываемое мною время 1897 — 1898 г. г. о какихъ-либо политическихъ теченіяхъ среди нихъ не было слышно и стали они выявляться лишь позднѣе, послѣ печальной памяти Японской кампаніи 1904 г.

Знакомство мое съ самимъ земскимъ дѣломъ въ его широкомъ губернскомъ масштабѣ шло быстро, благодаря создавшейся для меня благопріятной служебной обстановкѣ, а также въ силу необходимости отправлять въ нужныхъ случаяхъ обязанности Предсѣдателя Управы. Работать въ общемъ приходилось много, дѣло было исключительнаго объема и интереса. Представлялся немалый просторъ для проявленія творчества и инціативы. Это въ особенности понадобилось въ 1898 году, когда Самарскому земству пришлось бороться съ послѣдствіями неурожая 1897 года и заняться продовольственно-семенными операціями. Но я долженъ въ хронологическомъ порядкѣ упомянуть о нѣкоторыхъ событіяхъ, сыгравшихъ въ 1897 году въ моей личной и семейной жизни исключительную роль.

41

Начавшееся въ с. Новомъ Буянѣ весной 1893 года знакомство мое съ Ушковской семьей изъ года въ годъ станови-

лось ближе и душевнѣе, перейдя за четыре истекшіе года въ тѣсную, искреннюю дружбу между мной и милымъ Константиномъ Капитоновичемъ. Дѣти его, главнымъ образомъ, малыши — мальчики, видимо, тоже мнѣ симпатизировали. Что же касается барышень, то къ той характеристикѣ, которая мною была дана ранѣе въ моихъ воспоминаніяхъ могу лишь добавить, что изъ милыхъ бѣлокурыхъ подростковъ, которыхъ я засталъ впервые при нашей встрѣчѣ, за эти же четыре года обѣ онѣ превратились въ миловидныхъ взрослыхъ барышень, воспитанныхъ, строго-выдержанныхъ, образованныхъ, свободно владѣвшихъ иностранными языками, просто и достойно державшихъ себя въ обществѣ.

Невольно мое особое вниманіе привлекала старшая изъ нихъ — Анна, съ годами пріобрѣтавшая то внѣшнее очарованіе, которое подсказывается лишь внутренними отличительными свойствами любящей, ясной и чистой души. Не разъ ловилъ я себя на томъ чувствѣ особаго восхищенія и безконечнаго преклоненія, когда, бывало, увидишь ея лучистые большіе голубые — „Анютины" — глаза, отражавшіе всю красоту ея добраго, правдиваго нутра.

Скромная, внутренно-сосредоточенная, по природѣ скорѣе замкнутая, Анна Константиновна внѣшне была мало общительна, но тѣмъ не менѣе, наши взаимоотношенія становились изъ года въ годъ искреннѣе и проще. Немало содѣйствовали нашему обоюдному сближенію нѣкоторыя лица, общіе наши знакомые, старые служащіе въ той же Ушковской семьѣ, какъ напр., почтенная нянюшка Любовь Максимовна, выходившая всѣхъ дѣтей, почему-то благоволившая ко мнѣ, или ихъ главноуправляющій Оскаръ Карловичъ Корстъ, все время мечтавшій о нашей будущей помолвкѣ.

Сваталъ насъ самъ Владыка, Самарскій Епископъ Гурій.

Самъ я далекъ былъ отъ этой мысли: многое меня останавливало отъ этого шага; главное — я не давалъ еще самъ себѣ яснаго отчета, насколько чувства мои къ Аннѣ были прочны и серьезны. Выяснилось это для меня въ началѣ того же 1897 года, когда до меня дошли упорные слухи, что Анна Константиновна выходитъ въ Москвѣ замужъ... Только тогда я осозналъ, какое сильное чувство зародилось у меня къ ней, и понялъ, кого и что я въ ея лицѣ теряю... Сердце рвалось ее повидать, спросить, переговорить и повѣдать ей все мое сокровенное. Однако, при создавшихся условіяхъ моей новой службы и жизни осуществить это было невозможно... Приходилось покоряться судьбѣ и оставаться одинокимъ холостякомъ, цѣликомъ отдавшимся земской работѣ.

Наступила весна, и съ первыми пароходами, внезапно для меня, пріѣзжаютъ въ с. Рождественно всѣ Ушковы... Слухи о замужествѣ оказались вздорными. Предложенія дѣлались, но Анна Константиновна ихъ всѣ отклонила... Помнится мнѣ, какъ все это было мною радостно воспринято! Ко всему этому съ Ушковской семьей пріѣхала новая старшая наставница барышень, г-жа Тютчева — особа умная, энергичная и достаточно рѣшительная. Очевидно, она была прослышана про

наши взаимоотношенія. Познакомившись со мной, она рѣшила оказывать всяческое содѣйствіе нашему дальнѣйшему сближенію, устраивала поѣздки барышень-Ушковыхъ въ Самару, въ театръ, приглашала меня въ Рождественно на разные пикники, катанья и пр.

Я не могъ скрывать дальше своихъ чувствъ къ Аннѣ, которая, въ свою очередь, тоже проявляла по отношенію ко мнѣ все яснѣе и рѣшительнѣе взаимность своего сердца.

Вспоминаются наши вечернія сидѣнія на Рождественскомъ балконѣ при таинственномъ свѣтѣ восходящаго изъ-за Самары полумѣсяца и мерцающаго звѣзднаго небеснаго купола; катанія вдоль берега Волги; гулянія по Жигулевскимъ полянамъ...

Я написалъ отцу, чтобы пріѣхалъ ко мнѣ въ Самару. Самъ я поѣхать къ нему не могъ — слишкомъ былъ занятъ. Съ нимъ я хотѣлъ посовѣтоваться прежде, чѣмъ рѣшиться на окончательный шагъ, который — я чувствовалъ — долженъ былъ скоро свершиться. Отцу я высказалъ все и онъ пожелалъ познакомиться съ Ушковыми, главнымъ образомъ съ Анной. Съѣздили мы вмѣстѣ въ Рождественно. Въ результатѣ отецъ со слезами на глазахъ меня благословилъ, сказавъ: „Лучшей ты не найдешь". Онъ былъ очарованъ новымъ знакомствомъ, которому суждено было, съ его благословенія, превратиться въ близкое и радостное для нашей семьи родство.

Отецъ уѣхалъ и я рѣшился откровенно объясниться прежде съ Константиномъ Капитоновичемъ, испросить его предварительное согласіе. Онъ былъ въ курсѣ нашихъ съ ней отношеній и далъ мнѣ разрѣшенье, подтвердивъ свое искреннее ко мнѣ расположенье. „Ступай съ Богомъ, — сказалъ онъ мнѣ напослѣдокъ — переговори съ дочерью... Она тебя любитъ... Будьте счастливы!"

Помнится мнѣ, въ тотъ же день послѣ обѣда, который въ Рождественнѣ подавался въ 1 часъ дня, барышни надумали прокатиться по Воложкѣ на лодкѣ. Собрались Анна, ея сестра Наталія и, гостившія у нихъ, двоюродныя ихъ кузины, тоже Ушковы. Расположились мы всѣ въ превосходной, новой, только что изъ Самары доставленной лодкѣ и весело отчалили вверхъ по теченію.

Стоялъ чудный іюньскій день (17 число). Несмотря на полуденные часы, на водѣ ощущалась пріятная прохлада отъ легкаго встрѣчнаго вѣтерка — „Волжскаго бриза". Я работалъ на веслахъ, противъ меня, за рулемъ сидѣла та, о которой одной были всѣ мои помыслы, и къ которой такъ безудержно влекло меня мое сердце. На душѣ у меня было спокойно: чувство свое теперь я зналъ хорошо и радостно, сознательно шелъ къ опредѣленному серьезному для всей моей послѣдующей жизни шагу.

Мы плыли подъ луговымъ берегомъ одного изъ Волжскихъ середышей — такъ обычно именовались острова, заливаемые вешнимъ половодьемъ великой рѣки. Пришла кому-то въ голову мысль причалить къ сушѣ и погулять по зеленѣвшимъ луговинамъ. Въ лодкѣ оказалась цѣлая батарея

всевозможныхъ деревенскихъ прохладительныхъ напитковъ — все это было вытащено на берегъ и былъ устроенъ изъ всѣхъ этихъ домашнихъ лимонадовъ и квасовъ своеобразный кутежъ....

Весело, молодо разбѣжались всѣ кто куда по пустынному живописному острову... Мы съ Анной Константиновной остались одни среди кущи молодого тальника и сокорника на свѣже-обмытомъ волжскимъ половодьемъ песчаномъ береговомъ утесѣ... И вотъ тутъ, на коренной почвѣ моей родной, любимой съ дѣтства матушки-рѣки, свершилось то важное и рѣшительное, что для всей моей послѣдующей жизни оказалось величайшимъ благомъ. Произошло все это просто, какъ-то само собой: сѣли мы рядомъ, взяли другъ друга за руки и сказали взаимное, искреннее, любовное слово: „да... навѣки!"...

Въ чистыхъ, правдивыхъ глазахъ Анны, отнынѣ моей дорогой, любимой подруги жизни, я увидѣлъ отблескъ ея искренняго беззавѣтнаго чувства ко мнѣ и спокойной увѣренности въ предстоящемъ нашемъ взаимномъ счастьѣ. Вернувшись домой, радостные, мы бросились искать милаго нашего Константина Капитоновича, чтобы сообщить ему о свершившемся.

Наступило для насъ обоихъ счастливое, незабываемое время... Хотя помолвка наша не была еще объявлена, но намъ съ Анной дана была свобода для нашихъ свиданій, любимымъ мѣстомъ которыхъ была одна изъ скамеекъ въ Рождественскомъ саду. При малѣйшей возможности оторваться отъ текущихъ занятій по земству, я стремился изъ Самары на противоположный берегъ въ Ушковскую усадьбу, гдѣ ждало меня счастье, и гдѣ жилось въ то время всѣмъ весело и разнообразно. Постоянно устраивались катанья, то на лошадяхъ въ живописнѣйшіе Жигулевскіе лѣса и горы, то на т. н. „гулянкѣ" - особой баржѣ, буксируемой небольшимъ перевознымъ пароходикомъ „Ванькой", и приспособленной спеціально для господскихъ пикниковъ по волжскому простору. Любимое же наше съ Анной катанье было вдвоемъ въ шарабанѣ, запряженномъ вороной съ лысинкой „Маруськой", сильно и спокойно возившей насъ по полямъ, душистымъ лугамъ и лѣснымъ дубравамъ. Гдѣ хотѣли, мы останавливались, прогуливались и собирали цвѣты, причемъ лѣсному колокольчику въ нашей памяти навсегда оставлено было почетное передъ остальными преимущество — то былъ первый цвѣтокъ, поднесенный мною Анютѣ, въ первыя еще времена нашего съ ней знакомства...

Но не суждено было мнѣ спокойно наслаждаться выпавшимъ на мою долю счастьемъ. Въ нашей Наумовской семьѣ, сравнительно вскорѣ послѣ всего только-что мною описаннаго, неожиданно для всѣхъ насъ, произошло ужасное событіе, въ корень подорвавшее весь нашъ семейный укладъ и тяжело отозвавшееся на нашемъ, до тѣхъ поръ незапятнанномъ, фамильномъ самолюбіи. Тяжесть случившагося въ то время несчастья настолько еще во мнѣ до сихъ поръ жива,

несмотря на многіе десятки истекшихъ съ того момента лѣтъ, что я и теперь отказываюсь воспроизводить въ своихъ воспоминаніяхъ всѣ его подробности. Ограничусь лишь краткимъ пересказомъ.

Въ началѣ іюля все того же 1897 года я получилъ изъ г. Буинска, отъ брата Николая, срочную депешу такого убійственнаго содержанія, что я отказался ей повѣрить и телеграфно его переспросилъ, но, къ моему ужасу, получилось лишь подтвержденіе первоначальнаго сообщенія, и одновременно, изъ Головкина отецъ вызывалъ меня къ себѣ. Пришлось бросить все — Рождественно и службу. Въ Головкинѣ засталъ родителей, совершенно подавленныхъ случившимся. Надо было срочно ѣхать съ отцомъ въ Буинскъ, узнавать, въ чемъ дѣло и освобождать подъ залогъ злосчастнаго брата Николая. Преступленіе его, совершенное на почвѣ холостецкаго легкомысленнаго поведенія, не безъ доли отвратительнаго шантажа, было тотчасъ же искусственно раздуто въ крупный скандалъ его личными недоброжелателями. Эти мелкіе завистники поспѣшили бросить грязью въ незапятнанное до того времени имя Наумовыхъ.

Тамъ же въ Буинскѣ я былъ пораженъ состояніемъ здоровья другого моего брата Димитрія, страдавшаго болѣзнью сердца, но тяжелѣе всего мнѣ было видѣть убитаго горемъ нашего отца, рыцарски-честнаго, чистаго и благороднаго человѣка, вынужденнаго подъ старость лѣтъ переносить позоръ родного сына...

Невозможно передать, что пришлось всѣмъ намъ переиспытать въ то кошмарное время. Какъ сердце сжималось при видѣ моихъ несчастныхъ родителей, и какъ все это повліяло на ихъ и Димитрія здоровье! Начались всевозможные, тяжкіе хлопоты, связанные съ предстоящимъ процессомъ. Ужасъ положенія усугублялся еще тѣмъ, что я не могъ оставаться все время около отца, который просилъ меня вслѣдствіе случившагося не прерывать своей службы. Срокъ моего отпуска истекъ, и я долженъ былъ возвращаться на работу. Не стану вспоминать, какъ угнетающе всѣ эти событія отразились на моемъ самочувствіи и всемъ моемъ существѣ..

Спасло меня отъ полнаго отчаянія сознаніе моего личнаго счастья и необходимость беречь свои силы ради всего своего свѣтлаго будущаго. Я былъ радъ скорѣе выбраться изъ создавшейся для нашего имени кошмарной обстановки Буинска, да и самого Симбирска, гдѣ исторія съ Николаемъ служила злобой дня, и о ней говорилось и шепталось на всѣхъ углахъ и перекресткахъ. Въ Самарѣ, у себя, за отвѣтственной текущей работой, вблизи отъ чистаго любящаго существа, мои нервы мало-по-малу стали приходить въ норму, и со своей стороны, я всячески старался хотя бы письмами посильно утѣшать и подбодрять бѣдныхъ моихъ стариковъ.

42

Въ концѣ того же іюля мнѣ пришлось совершить большую служебную поѣздку въ Новоузенскій уѣздъ для провѣрки статистико-оцѣночныхъ работъ. Передъ моимъ отъѣздомъ и нашей временной разлукой, мы съ Анютой рѣшили другъ друга благословить нашими тѣльными крестами, которыми мы обмѣнялись тогда на всю нашу дальнѣйшую жизнь... На память при разставаніи Анюта сняла также съ руки свой простенькій витого золота браслетъ и надѣла мнѣ его „на счастье"...

Начальный путь мы съ Пѣгѣевымъ — моимъ помощникомъ — продѣлали на пароходѣ до огромнаго села-пристани „Ровнаго", съ населеніемъ до 20.000 чел., изъ которыхъ значительный процентъ приходился на нѣмцевъ-колонистовъ. Смѣшно было нанимать извощика на нѣмецкомъ языкѣ, и тѣмъ болѣе странно было изъясняться на томъ же чуждомъ нарѣчіи съ явившимся ко мнѣ на „взъѣзжую" полицейскимъ урядникомъ.

Въ Ровномъ жилъ, имѣлъ обширное хозяйство и великолѣпный домъ одинъ изъ видныхъ и вліятельныхъ Самарскихъ губернскихъ гласныхъ — Шельгорнъ, по происхожденію тоже нѣмецъ-колонистъ. Онъ говорилъ довольно правильно по-русски и пользовался у себя въ округѣ общимъ уваженіемъ.

Въ селѣ мы осмотрѣли только что выстроенный и оборудованный земствомъ холерный баракъ, а затѣмъ тронулись дальше на лошадяхъ въ объѣздъ обширной Новоузенской территоріи.

Первый перегонъ надлежало намъ сдѣлать до с. Полтавки, расположенной отъ Ровнаго въ 50 верстахъ. Путь лежалъ по совершенно голой, выжженной отъ стоявшей въ томъ году необыкновенной засухи, степи. Ѣхали мы на ямщичьей тройкѣ, въ безрессорной открытой тележкѣ-плетенкѣ, окутанные густыми облаками ѣдкой солончаковой пыли, безпощадно проникавшей сквозь платье всюду на тѣло, а сквозь чемоданныя скважины и на чистое запасное бѣлье.

Черезъ нѣсколько часовъ подобной ѣзды подъ палящими лучами солнца, мы съ Пѣгѣевымъ пришли въ состояніе полнаго отчаянія, превратившись въ какія-то муміи, занесенныя сплошнымъ толстымъ налетомъ сѣрой пыли. Не разъ мы радостно оживлялись, видя на горизонтѣ подобіе селеній и растительности... Но увы! то былъ лишь обычный въ тѣхъ мѣстахъ обманъ зрѣнія — миражъ! Въ дѣйствительности же мы встрѣчали на своемъ унылымъ, казавшемся безконечнымъ пути, лишь черепа и скелеты павшихъ верблюдовъ и лошадей. Попадавшіеся колодцы оказывались пересохшими, и когда, наконецъ, мы добрались до давно желанной Полтавки, то и тутъ насъ ждало разочарованіе— вода, даже въ самоварѣ, отзывалась горько-соленымъ привкусомъ.

Впервые пришлось мнѣ попасть въ уѣздъ, который, также какъ сосѣдній Николаевскій, геологами именуется „Каспійскими отложеніями". Эти уѣзды происхожденіемъ своимъ обязаны были Каспійскому морю, простиравшемуся когда-то по всему занимаемому нынѣ этими уѣздами пространству, а затѣмъ, когда море обмелѣло и отошло въ настоящіе его берега, обсохшее дно образовало сушу упомянутыхъ уѣздовъ.

Новоузенскій уѣздъ заселенъ былъ сравнительно недавно. При его объѣздѣ пришлось мнѣ столкнуться съ нѣкоторыми уцѣлѣвшими дряхлыхъ лѣтъ старожилами, которые въ числѣ первыхъ переселенцевъ стали засѣлять дѣвственныя Новоузенскія степи, покрытыя по ихъ словамъ въ то время, лѣтъ 70 - 75 тому назадъ, тучными травами, въ низинахъ камышами и разной кустарниковой порослью, въ чащѣ которой водились табуны дикихъ лошадей и масса всякой дичи...

Проѣзжая по огромнымъ степнымъ пространствамъ, теперь превращеннымъ въ безводныя и пахотныя угодья, трудно было вѣрить почтеннымъ столѣтнимъ разсказчикамъ о прошлыхъ флорѣ и фаунѣ Новоузенскаго уѣзда

Несомнѣнно, что почва тамъ при соотвѣтствующей влагѣ должна была быть очень плодородной, а по химическому своему составу пригодной для произрастанія пшеницы и богатой тѣми элементами, которые создали міровую извѣстность знаменитой мѣстной „бѣлотуркѣ..... Уровень подпочвенной влаги съ теченіемъ времени понизился Вмѣсто былыхъ озеринъ и низкихъ мочежинъ, покрытыхъ камышевой и иной зарослью, появились оголенные овраги съ бѣлесоватымъ солончаковымъ налетомъ на ихъ поверхности.

Борьба съ высыханіемъ земной поверхности, съ т. н. „суховѣями", доходившими изъ закаспійскихъ пустынь, стала предметомъ усиленныхъ заботъ мѣстнаго уѣзднаго земства, являвшагося по многимъ отраслямъ своего образцоваго хозяйства безусловно передовымъ въ губерніи, а также и самаго Правительства, въ лицѣ Вѣдомства Государственныхъ Имуществъ.

Въ этомъ отношеніи большой интересъ представлялъ образцово оборудованный казенный т. н. „Валуйскій участокъ", на который мы съ П. В. Пѣгѣевымъ попали послѣ с. Полтавки, проѣздомъ въ уѣздный городъ Новоузенскъ. Но прежде чѣмъ коснуться въ своихъ воспоминаніяхъ этого „чудо-участка", я хотѣлъ бы докончить свое описаніе Новоузенскаго уѣзда. Его заселеніе происходило постепенно и изъ разныхъ мѣстъ. Первоначальными переселенцами были нѣмцы-„колонисты". Со всѣхъ концовъ матушки-Россіи съѣхались представители всевозможныхъ нарѣчій и бытовыхъ особенностей. Новоузенскій уѣздъ превратился въ своеобразные „соединенные штаты".

Разъѣзжая по служебнымъ надобностямъ по уѣзду, я наталкивался на типичное хохлацкое селеніе, съ бѣлыми, чистыми, вымазанными извѣстью „хатами" съ прочыми глинобитными крышами; то на вылощенный, стройный, хозяйственно распланированный нѣмецкій поселокъ съ чисто подме-

тенными широкими улицами и виднѣвшимися на задворкахъ, въ порядкѣ разставленными, прекрасно содержавшимися сельскохозяйственными орудіями... Рядомъ — грязная деревня съ неприбранными улицами, несуразными избами, крытыми соломой... Слышалась великорусская рѣчь и называлось это селеніе Тамбовкой. Далѣе, попадали мы въ громадное, болѣе опрятное село, основанное переселенцами изъ-подъ Петербурга, считавшими себя теперь обитателями уже не Россіи. „За Волгой какая же Россія... у насъ не иначе какъ Азія", обмолвился старикъ на сходѣ.

Путешествуя болѣе недѣли по выжженнымъ засухой полямъ и степнымъ цѣлинамъ, добрались мы до Валуйскаго участка и сразу же почувствовали необыкновенную перемѣну. Въ воздухѣ и почвѣ ощущалась влага и пріятная прохлада. Поля имѣли свѣжій, сочный видъ. Вдали простирался сплошной оазисъ изъ зеленѣющей густой лѣсной дубравы, за которой серебрилась водная поверхность огромнаго озера.

Намъ предстояло заѣхать на ближайшій главный хуторъ, гдѣ проживалъ завѣдующій участкомъ. Пришлось свернуть съ дороги на „межникъ", возвышавшійся между полевыми угодьями, только-что освободившимися отъ искусственнаго орошенія. Со всѣхъ сторонъ стала подыматься цѣлыми стаями пернатая дичь — дикія утки и разнопородные кулики, видимо, совершенно непуганные, т. к. охота была строго запрещена. Главная цѣпь обширнаго Валуйскаго участка заключалась въ образцово-показательной организаціи цѣлой системы искусственнаго орошенія казенной земли путемъ запрудъ и задерживанія шлюзами вешнихъ водъ. Угодья участка были такъ распредѣлены, что нѣкоторыя могли быть орошаемы лишь однократно, другія же по мѣрѣ надобности. На эти участки арендныя цѣны при торгахъ доходили до баснословныхъ размѣровъ въ силу ихъ исключительной урожайности.

Послѣ Валуйскаго участка мы попали въ городъ Новоузенскъ — уѣздную столицу, гдѣ снова безпощадно подвергались палящему зною и невѣроятно ѣдкой „солончаковой" пыли, отъ которыхъ спасенья можно было искать въ единственномъ мѣстѣ — городскомъ паркѣ, куда меня любезно привелъ почтеннѣйшій уѣздный предводитель дворянства, Н. А. Путиловъ. Не претендуя на особыя свойства своихъ умственныхъ дарованій, онъ все же своей ровностью и безпристрастіемъ вносилъ въ кипучую мѣстную земско-хозяйственную жизнь большую долю успокоенія. Жилъ онъ постоянно въ Новоузенскѣ на положеніи маленькаго „губернатора", приходя почти ежедневно въ упомянутый садъ въ генеральской легкой накидкѣ и красной предводительской фуражкѣ. При входѣ его въ паркъ, мѣстный орестръ исполнялъ особый встрѣчный маршъ весьма бравурнаго свойства. Такъ было и при нашемъ совмѣстномъ съ „дѣдушкой" появленіи.

Дальше путь лежалъ къ сѣверу отъ станціи Нэйурбахъ; путешествовать пришлось на ямщичьихъ лошадяхъ. Я рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы обстоятельно, не торопясь, осмотрѣть одно изъ наиболѣе типичныхъ хозяйствъ — хуторъ братьсвъ Трипольскихъ. Это былъ образсцъ хозяйственности, чистоты и порядка. Многоголовыя стада верблюдовъ и овецъ, паровая молотилка, усовершенствованыя сельско-хозяйственныя орудія, безбрежныя пространства окружавшихъ хуторъ пшеничныхъ засѣвовъ — все это подтверждало сложившуюся въ уѣздѣ репутацію Трипольскихъ, какъ примѣрныхъ сельскихъ хозяевъ.

Хозяева были люди живые, свѣжіе, толковые, отъ которыхъ я много узналъ про мѣстный край и хозяйство. Попутно я успѣлъ и все необходимое занести въ опросные свои оцѣночно-статистическіе листы.

Дальше предстоялъ мнѣ путь въ самую глубь сѣверо-восточной части уѣзда, конечнымъ пунктомъ котораго намѣчено было мною селеніе Міассъ, расположенное въ наиболѣе глухой и отдаленной отъ всякихъ культурныхъ центровъ мѣстности, откуда я намѣревался вернуться обратно, прямо домой къ себѣ въ Самару. Но недаромъ говорится: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ".

Доѣхалъ я до Міасса сильно уставшій, еле добрался до отведенной мнѣ взъѣзжей избы, и тутъ же свалился на первую попавшуюся скамью безъ памяти... Нѣсколько дней я до этого еще перемогался, пока тифоидальная горячка окончательно не забрала меня въ свои жесткія лапы. Лежалъ я въ сильномъ жару на полатяхъ нѣсколько дней почти въ полномъ забытьи. Вспоминаю лишь, какъ пріятно было мнѣ въ минуты просвѣтлѣнія ощущать на рукѣ ту самую браслетную цѣпочку, которая была дана мнѣ Анютой при разлукѣ на память и на счастье... Я ее подносилъ къ пересохшимъ губамъ и мысленно переносился подъ защиту свѣтлаго милаго облика своей нареченной. Хозяева мои, какъ потомъ мнѣ передавали, сильно растерялись при видѣ такого постояльца. Докторъ жилъ далеко — чуть ли не въ 70 верстахъ.

Помощь мнѣ Господь послалъ совершенно случайную и неожиданную. На другой день послѣ моего заболѣванія, заѣхалъ въ глухой Міассъ нашъ земскій ветеринаръ Николай Михайловичъ Поповъ съ нѣсколькими своими студентами для производства скоту противосибиреязвенныхъ прививокъ. Поповъ оказался для меня добрымъ ангеломъ - хранителемъ и... спасителемъ. Въ его сопровожденіи на пароходѣ доплылъ до своей Самары. При прощаньи милѣйшій Николай Михайловичъ мнѣ своимъ низкимъ баскомъ наставительно сказалъ: — „Ну-съ, Александръ Николаевичъ, скорѣе поправляйтесь, но никому не говорите, что лечилъ Васъ ветеринаръ!"

Вскорѣ предстояла мнѣ новая разлука съ моей еще негласной невѣстой. Ушковы въ началѣ сентября рѣшили всѣ ѣхать въ свое Крымское имѣніе „Форосъ", куда вслѣдъ за ними и я долженъ былъ послѣдовать, тотчасъ по полученіи мною отпуска. Брать этотъ отпускъ для меня въ то время было дѣломъ нелегкимъ — не столько по формальнымъ основаніямъ, сколько по существу создавшагося положенія вещей. Земская работа, тяжелое состояніе потрясенныхъ горемъ ста-

риковъ, наконецъ, исключительное предстоявшее событіе въ семьѣ моего старшаго брата Димитрія, гдѣ ожидали прибавленія семейства и просили меня быть крестнымъ отцомъ — все это заполняло мою голову, когда я мечталъ о своемъ отъѣздѣ въ Крымъ. Сильно я колебался — на что рѣшиться.

Въ концѣ концовъ, я сталъ на путь, предуказанный моей личной судьбой, закрывъ глаза на всю создавшуюся въ то время для меня исключительно сложную обстановку. Я какъ бы предчувствовалъ, что, если откажусь ѣхать въ Крымъ, гдѣ ожидалъ насъ съ Анютой рѣшительный актъ всей нашей будущей жизни, — я въ личныхъ своихъ переживаніяхъ дойду до непосильнаго нервнаго переутомленія. Я инстинктивно стремился, хотя бы на мигъ,оборвать вокругъ меня сложившееся въ связи съ Буинской кошмарной исторіей, отъ всего, столь меня глубоко гнетущаго, временно отойти и отдохнуть. Я зналъ, что впереди мнѣ предстояла трудная и сложная жизнь — необходимо было набраться силъ и закрѣпить начатое счастье...

Я такъ и поступилъ, написавъ обо всемъ откровенно моему бѣдному отцу и брату Димитрію. Управскіе мои коллеги, понимая мое положеніе, тоже дружески откликнулись и отпустили меня недѣли на двѣ въ Крымъ, къ моей невѣстѣ, о чемъ тогда вся Самара, естественно, догадывалась и говорила.

Что же касается Димитрія, которому Господь, послѣ долголѣтняго брачнаго бездѣтнаго сожительства, послалъ, наконецъ, сына — великую радость — то онъ, видимо, сначала очень сѣтовалъ на меня за мой отъѣздъ отъ крестинъ, но все же записалъ меня крестнымъ къ своему маленькому, тоже Димитрію, а впослѣдствіи при личномъ свиданіи и вовсе простилъ, увидавъ и всѣмъ сердцемъ полюбивъ мою избранницу...

Попалъ я въ благодатный Крымъ въ самомъ началѣ октября. Стояла великолѣпная погода. Впервые увидавъ Севастополь, о которомъ часто слыхалъ отъ моего отца, участника Крымской кампаніи, я былъ ошеломленъ общимъ его видомъ — портомъ, бухтой, морскими судами, а главное несравненнымъ зрѣлищемъ безбрежнаго синяго моря, его теплымъ дыханьемъ, яркостью красокъ, прозрачнымъ бодрящимъ воздухомъ...

Въ Севастополѣ меня встрѣтилъ Константинъ Капитоновичъ, останавливавшійся постоянно въ гостиницѣ „Марія" Киста. Осмотрѣвъ наскоро городъ, успѣвъ заглянуть въ историческій музей, гдѣ нашелъ фотографическую карточку моего отца въ общемъ числѣ выставленныхъ участниковъ Крымской кампаніи, — мы выѣхали на крупныхъ, сильныхъ лошадяхъ четверикомъ по направленію къ знаменитому имѣнію „Форосъ", доставшемуся сравнительно недавно Ушковской семьѣ по наслѣдству отъ создателя его — Александра Григорьевича Кузнецова.

Сначала путь лежалъ черезъ всѣ тѣ историческія мѣста, о которыхъ я неоднократно слышалъ отъ отца, когда онъ вспоминалъ въ своихъ разсказахъ о битвахъ подъ Черной

рѣчкой, Альмой и др. На этихъ мѣстахъ всюду виднѣлись скромные памятники. Проѣхавъ живописную Балаклавскую бухту, а за ней гористыя ущелья, мы очутились среди широкаго плодороднѣйшаго плато, сплошь занятаго всевозможными мѣстными культурами — виноградниками, табакомъ, плодовыми деревьями и пр. Это была знаменитая „Байдарская" долина, послѣ которой начался подъемъ среди вѣкового горнаго лѣса. Я сталъ чувствовать нѣкоторое переутомленіе, не столько отъ усталости физической, сколько отъ новизны всего мною за день перевидѣннаго, и досаждалъ своему милому спутнику, забрасывая его вопросами: „Когда же море? Скоро ли Форосъ?"... На это Константинъ Капитоновичъ, только улыбаясь, отмалчивался.

Взъѣхавъ на конечный пунктъ Байдарскаго горнаго перевала, мы остановились около почтовой станціи. Въ отдаленіи высились огромныя, изъ камней выложенныя ворота, въ старо-романскомъ стилѣ, казавшіяся какъ бы самой природой втиснутыми между горнымъ ущельемъ. Константинъ Капитоновичъ, взявъ меня подъ руку, подвелъ къ нимъ, и выйдя изъ-подъ широчайшей ихъ арки къ краю примыкавшей къ нимъ площадки, радостно воскликнулъ: „Ну вотъ, Саша, смотри! Любуйся теперь на море и на Форосъ!"

Кто никогда не взбирался на Байдарскіе ворота и не видалъ той единственной панорамы, сразу же открывавшейся съ нихъ на сверкавшее величественное море, на поражавшую красоту всего горнаго побережья съ красной скалой на первомъ планѣ, увѣнчанной на самомъ краю ея дивнымъ церковнымъ храмомъ православно-византійскаго стиля, — тому невозможно ни описать, ни пересказать всей силы исключительнаго впечатлѣнія, которое захватываетъ всякаго попавшаго впервые на это благословенное мѣсто...

Не помню, сколько времени я простоялъ, совершенно ошеломленный этимъ поразительнымъ по своей красотѣ и неожиданнымъ для меня зрѣлищемъ... Меня отрезвилъ раздавшійся около меня голосъ того же Константина Капитоновича: „Вотъ наше обиталище — Форосское имѣніе и его дворецъ" — показалъ мнѣ рукою внизъ Ушковъ: „Тамъ тебя давно ждутъ!"... Посмотрѣвъ по указанному направленію съ горнаго верха внизъ на извилины морского побережья, я увидалъ на одной изъ нихъ, наиболѣе выдававшейся въ море, рядъ построекъ среди еле замѣтныхъ пересѣкавшихся дорожныхъ линій и парковыхъ распланировокъ. Тамъ меня ждутъ... Это вѣрно! подумалъ я и бодро воскликнулъ: „Такъ ѣдемъ же, Константинъ Капитоновичъ, скорѣй!"

Дорога шла винтообразнымъ спускомъ. Вскорѣ мы очутились около площадки, устроенной на самой вершинѣ одного изъ горныхъ утесовъ т. н. „Красной скалы", представлявшей собой огромный отвалившійся когда-то отъ Яйлы осколокъ изъ сплошного розовато-краснаго мрамора. На самомъ краю этого возвышенно-выдававшагося мѣста, виднаго на все далекое береговое пространство, Александръ Григорьевичъ Кузнецовъ, вѣрный своему изысканному вкусу и умѣнью,

при содѣйствіи лучшихъ архитекторовъ и художниковъ, соорудилъ небольшой, необычайной красоты храмъ Творцу вселенной. Изумительное сочетаніе! — На фонѣ грозныхъ хребтовъ, горныхъ ущелій и обваловъ, среди общаго величія дикой, дѣвственной, какъ бы только-что вышедшей изъ общаго хаоса міросозданія Крымской природы, появилась искусствомъ ума и рукъ человѣческихъ созданная чудо-церковка, напоминавшая всѣмъ и каждому о величіи Бога и силѣ человѣка. Особенно эта мысль приходитъ всегда на умъ при проѣздѣ вдоль Форосскаго побережья на пароходѣ... Около церкви, на той же площадкѣ, нѣсколько въ сторонѣ, среди кущи деревьевъ виднѣлись причтовые каменные одноэтажные флигеля, окруженные садами и огородами. Отъ церкви спускъ начался еще круче и извилистѣе — недаромъ онъ носилъ названіе „Штопора".

Черезъ полчаса послѣ Байдарскихъ воротъ мы подъѣзжали, посреди великолѣпныхъ растеній, цвѣточныхъ клумбъ съ фонтанами, къ главному подъѣзду красиваго, въ стилѣ итальянскаго ренессанса, Форосскаго дворца. Вся Ушковская семья была въ сборѣ. Мало того, съѣхались къ тому времени и остальные братья Константина Капитоновича — старшій Петръ, затѣмъ Яковъ, даже мой Буяновскій землякъ и соохотникъ — Иванъ Капитоновичъ („дядя Ваня").

Радостная встрѣча; осмотръ исключительнаго по своей красотѣ Форосскаго имѣнія съ его изумительнымъ паркомъ, справедливо носившимъ наименованіе „Райскаго"; дальнія интереснѣйшія прогулки по живописнымъ сосѣднимъ имѣніямъ, по окрестнымъ горамъ, мѣстами покрытымъ чуднымъ хвойнымъ или кедровымъ лѣсомъ; катанья на лодкахъ; веселая рыбная ловля съ прибрежныхъ камней; раздольное купанье; живительный воздухъ; близость безбрежнаго морского простора съ его почти ежечасно мѣнявшимися красочными оттѣнками, свѣтовыми „бликами" и прохладными „бризами"; наконецъ, самое проживаніе въ великолѣпной усадьбѣ, воистину, дворцѣ, своего рода музеѣ, заполненномъ бывшимъ его основателемъ выдающимися произведеніями всякаго рода искусства; великолѣпными полотнами лучшихъ русскихъ и заграничныхъ мастеровъ, рѣдкими коллекціями бронзы, мебели, книгъ и художественныхъ эстамповъ — все это вмѣстѣ взятое производило на меня впечатлѣніе какого-то волшебнаго сна, заставивъ временно отойти отъ всего гнетущаго, что осталось позади у меня не столько въ Самарѣ, сколько въ Головкинѣ и злосчастномъ Буинскѣ съ Симбирскомъ вкупѣ.

Вспоминаются мнѣ на первыхъ порахъ пытливо направленные на меня взгляды будущихъ моихъ родственниковъ. Особенно присматривался ко мнѣ старшій — Петръ Капитоновичъ, мужчина умный и прозорливый, пользовавшійся во всей Ушковской семьѣ непререкаемымъ авторитетомъ. Часто, подсаживаясь ко мнѣ, онъ заводилъ длинные разговоры со мною на разныя хазяйственныя и общественыя темы, интересуясь видимо узнавать мои сужденія и взгляды на вещи.

„Дядя Яша" (Яковъ Капитоновичъ) былъ иного склада и характера человѣкъ — болѣе легкій и простодушный. Съ нимъ я сражался чуть ли не ежедневно на бильярдѣ, кстати сказать помѣщавшимся въ великолѣпной высокой комнатѣ, съ чудными подлинниками кисти Сѣрова и Маковскаго на стѣнахъ.

Съ милымъ Константиномъ Капитоновичемъ мы устроились для ночлега во флигелѣ, соединенномъ съ дворцомъ красивой перголой, густо покрытой вьющимися розами. За нашимъ своевременнымъ отходомъ ко сну бдительно слѣдилъ Петръ Капитоновичъ, обычно входившій въ бильярдную комнату, гдѣ мы по вечерамъ собирались — кто для игры, а кто и ради стакана добраго Форосскаго вина и скороговоркой начальнически намъ выговаривалъ: „Спать пора!"... Тогда мы съ будущимъ моимъ тестемъ, захвативъ недопитые стаканы, да и бутылочку-другую съ нами, отходили якобы для сна къ себѣ во флигель, гдѣ частенько у открытой веранды по вечерамъ засиживались, душевно другъ съ другомъ подолгу бесѣдуя.

19-го октября 1897 года состоялось семейное торжество, устроенное по случаю совершеннолѣтія старшаго сына Константина Капитоновича — Григорія, бывшаго въ то время московскимъ студентомъ и проживавшаго съ нами въ Форосѣ. За парадным обѣденнымъ столомъ, утопавшимъ въ цвѣтахъ, послѣ подачи жаркого, было розлито всѣмъ шампанское. Встаетъ Константинъ Капитоновичъ, и вдругъ во всеуслышаніе, оффиціально объявляетъ насъ съ Анютой женихомъ и невѣстой. Раздалось общее „ура", насъ стали обнимать, поздравлять. Откровенно говоря, для насъ обоихъ это было несомнѣнно радостной, но полной неожиданностью.

Послѣ этого перешли къ чествованію совершеннолѣтія Григорія. Все это двойное празднество завершилось вечернимъ банкетомъ въ исключительной, чисто-фееричной обстановкѣ огромной оранжереи, залитой разноцвѣтными электрическими огнями, среди массы цвѣтовъ и красиво переплетавшихся гирляндъ.

Но близился день моего отъѣзда. Было намѣчено мѣсто и время нашей свадьбы: Петербургъ и начало февраля. Сами Ушковы спѣшили тоже вскорѣ послѣ моего отъѣзда къ себѣ въ Москву для всевозможныхъ свадебныхъ приготовленій.

44

Въ концѣ октября я вновь сидѣлъ въ своемъ Самарскомъ управскомъ кабинетѣ и усиленно работалъ надъ сводками Новоузенскихъ работъ и принятіемъ мѣръ по борьбѣ съ начавшими появляться въ разныхъ мѣстахъ губерніи эпидемическими заболѣваніями на почвѣ почти повсемѣстнаго недорода и его обычнаго спутника — голода. Вѣсти съ мѣстъ шли въ то время одна другой безотраднѣе и тревожнѣе. Надо было серьезно и планомѣрно готовиться не только къ

противуэпидемической борьбѣ, но и къ продовольственной и сѣменной кампаніи. Работа Губернскому Земству предстояла большая и отвѣтственная.

Къ тому же времени относится образованіе въ Самарѣ частнаго кружка помощи дѣтямъ въ голодающихъ мѣстностяхъ. Успѣхъ работы всецѣло зависѣлъ отъ собранныхъ средствъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ удалось добывать довольно значительныя суммы денегъ при содѣйствіи семьи Ушковыхъ, присылавшихъ мнѣ ихъ изъ Москвы. Благодаря дѣятельности этого „Комитета дѣтской помощи", спасено было въ свое время много дѣтскихъ жизней.

Въ началѣ зимы наступилъ для меня жестокій періодъ моихъ житейскихъ исключительно тяжкихъ переживаній, временами доводившихъ меня до степени такого душевнаго отчаянія, что не будь у меня внутренней моральной опоры въ лицѣ сопутствовавшаго мнѣ вездѣ и всегда свѣтлаго облика моей горячо-любимой невѣсты, я могъ бы окончательно свалиться или подпасть подъ „недобрыя" мысли...

Я говорю о памятномъ началѣ декабря 1897 года, которое мнѣ пришлось провести въ кошмарной обстановкѣ съ несчастнымъ отцомъ и братомъ Николаемъ въ ожиданіи суда надъ нимъ и затѣмъ во все время самага ужаснаго процесса. Все завершилось фатально-трагично: Николай былъ осужденъ, а бѣднаго отца на моихъ рукахъ разбилъ параличъ, и его, безсловеснаго и недвижимаго, пришлось изъ Алатыря везти въ Москву и тамъ помѣстить въ клинику. Къ нему пріѣхала изъ Головкина мама, тоже еле живая съ совершенно разстроенными нервами.

Все это происходило незадолго до январской очередной сессіи Губернскаго Земскаго Собранія, къ которому мнѣ надо было готовиться съ докладами по завѣдываемымъ мною отдѣламъ. Благодаря удивительно отзывчивому и сердечному отношенію добрѣйшаго Ушкова ко всѣмъ моимъ семейнымъ событіямъ и горестямъ, я смогъ, напутствуемый любовнымъ благословеніемъ дорогой моей Анюты, и обнадеженный обѣщаніемъ милаго Константина Капитоновича слѣдить за ходомъ леченія отца, болѣе или менѣе спокойно отправиться къ себѣ въ Самару для срочныхъ подготовительныхъ къ Собранію работъ.

Впервые мнѣ предстояло выступить въ качествѣ отвѣтственнаго лица по исполненію возложенныхъ на меня земскихъ обязанностей. Положеніе осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что оба порученные мнѣ отдѣлы были недавно учреждены и прошли незначительнымъ большинствомъ голосовъ — много гласныхъ относилось къ ихъ образованію скептически. Надо было ожидать при обсужденіи моихъ докладовъ оппозиціонно-критическихъ выпадовъ.

Морально и физически надорванный семейными событіями, я не былъ достаточно увѣренъ въ благополучномъ исходѣ моихъ выступленій. Мнѣ впервые приходилось публично, передъ всей губерніей, выходить съ дѣловыми рѣчами. До тѣхъ поръ я еще не рѣшался говорить на губернскихъ

собраніяхъ, ограничиваясь участіемъ въ нихъ лишь въ качествѣ секретаря. Своими же выступленіями на уѣздныхъ Ставропольскихъ собраніяхъ я не бывалъ доволенъ: за отсутствіемъ навыка къ публичнымъ рѣчамъ я первое время стѣснялся и не умѣлъ ладно резюмировать свои основныя предложенія. Впослѣдствіи все это ко мнѣ пришло, благодаря практикѣ и нѣкоторой надъ собой работѣ.

Наконецъ, ожидаемая мною не безъ трепета ,очередная сессія Самарскаго Губернскаго Земскаго Собранія открылась, и къ моей величайшей радости, все по моимъ отдѣламъ прошло удачно, несмотря на попытки нѣкоторыхъ земцевъ доказывать ихъ ненужность.

Вспоминаются выступленія трехъ моихъ главныхъ оппонентовъ — гр. Н. А. Толстого, Л. П. Поздюнина и А. Э. Свенцицкаго. Изъ нихъ первый, пользовавшійся въ своемъ уѣздѣ безграничной властью, былъ не по соображенніямъ существа самаго дѣла, а исключительно по мотивамъ личнаго характера, однимъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ представленныхъ мною на обсужденіе земскаго собранія докладовъ.

Отвѣчалъ я Толстому хладнокровно, не горячась, въ рамкахъ сути самаго дѣла. Въ результатѣ нашей словесной дуэли, въ перерывѣ подходитъ ко мнѣ Николай Александровичъ и, вопреки своей манерѣ, привѣтливо протягиваетъ мнѣ свою руку. „Отнынѣ, — сказалъ мнѣ графъ, — я заключаю съ Вами союзъ. Вы меня побѣдили не столько сутью дѣла, сколько Вашимъ умѣньемъ докладывать и сдержанно отвѣчать; я Вамъ предрекаю широкую будущность"... И надо отдать Толстому справедливость — послѣ этихъ своихъ словъ и до самаго своего жизненнаго и служебнаго тиража, онъ ко мнѣ относился всегда благожелательно.

Въ отошеніи же „умѣнья моего докладывать" я снискалъ не только его, но и общее одобреніе

Всѣ боялись, что я свои длинные доклады буду читать на собраніи полностью, какъ они были напечатаны. Всѣ были пріятно удивлены, когда я представилъ виманію собранія лишь самый необходимый и интересный для г. г. гласныхъ экстрактъ всего содержанія.

Итакъ все окончилось для меня благополучно. Собраніе закрылось. Гласные разъѣхались, Мы, управцы, вновь были предоставлены своей служебной самостоятельности, и я получилъ отъ своихъ милыхъ и дружелюбно ко мнѣ настроенныхъ коллегъ новый отпускъ, ради небезызвѣстнаго для нихъ, ожидавшаго меня въ Петербургѣ немаловажнаго событія — бракосочетанія.

Въ концѣ января я былъ уже въ Москвѣ, гдѣ ждала меня радость свиданія съ моей нареченной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь встало передо мною во всей своей силѣ живое горе моихъ несчастныхъ родителей и злой рокъ брата Николая, получившаго временную свободу и проживавшаго въ Москвѣ же, среди своихъ близкихъ... Эта двойственность была непрестанной спутницей во весь описываемый періодъ моей жизни — одно согрѣвало, давало бодрость и свѣтлую наде-

жду — другое приводило меня въ отчаяніе.

Бѣднаго отца я засталъ почти въ томъ же параличномъ состояніи. Мама тоже находилась въ крайне угнетенномъ настроеніи, страдая острыми нервными припадками. Отношеніе къ нимъ обоимъ и къ ихъ тяжкому горю со стороны моей невѣсты и въ особенности отца ея, продолжало быть исключительно теплымъ, родственно-сочувственнымъ.

Почти ежедневно навѣщали мы отца, лежавшаго въ превосходно оборудованной новой клиникѣ на Дѣвичьемъ полѣ. При этомъ однажды произошелъ слѣдующій памятный случай: надумали мы съ Анютой проѣхаться къ больному на Ушковской великолѣпной, всей Москвѣ извѣстной, парѣ сѣрыхъ въ яблокахъ, могучихъ Орловскихъ кровныхъ красовцахъ. Запряжены они были въ четырехмѣстныя городскія сани. На козлахъ сидѣлъ московскаго типа кучеръ Павелъ, представительный бородачъ, разодѣтый и круто завернутый въ парадный кафтанъ. Въ клиникѣ мы застали маму, которую уговорили сѣсть съ нами въ сани, чтобъ вернуться домой. Издавна напуганная еще въ Симбирскѣ случившимся съ ней несчастьемъ, мама вообще опасалась ѣзды, признавая лишь возможнымъ садиться на завѣдомо спокойныхъ лошадей. Она просила предоставить ей вернуться на скромномъ извозчикѣ, но мы настоятельно убѣждали ее довѣриться испытаннымъ городскимъ лошадямъ и превосходному опытному кучеру. Мама сдалась и, крестясь, усѣлась съ нами. При спускѣ съ Дѣвичьяго Поля внизъ подъ гору по Пречистенкѣ, вдругъ изъ одного небольшого переулочка выскакиваетъ „лихачъ", столь невзначай и такъ преступно-неумѣло, что нога одной изъ нашихъ лошадей попадаетъ въ днище проѣзжавшихъ поперекъ извощичьихъ санокъ. Въ результатѣ получился невѣроятный кавардакъ. Нашъ, какъ кукла связанный долгополымъ одѣяніемъ, кучеръ попадаетъ подъ козлы и... мощные жеребцы понесли, да еще подъ гору. Спасенье наше оказалось въ томъ, что молодецъ Павелъ остался до конца вѣренъ своему долгу — попавъ подъ сани, вывернувшись немного въ сторону отъ бившихъ рядомъ съ нимъ, какъ смертельные молоты, тяжелыхъ лошадиныхъ копытъ, онъ, стремительно влачимый по снѣговой мостовой, задѣвая панельные столбы, все же не бросилъ завернутыхъ на руки вожжей. Только благодаря этому удалось мнѣ спуститься внизъ до самыхъ полозьевъ, перехватить вожжи, вновь забраться на козлы и сдержать умныхъ красавцевъ. Бѣдная мама потеряла сознаніе. Мы ее съ Анютой бережно пересняли съ нашихъ саней и довезли на извозчикѣ до дому. Оказалось, она была права — лучше было ея послушаться...

Въ Москвѣ въ Ушковскомъ домѣ лихорадочно все приготавливалось къ нашей свадьбѣ. Большое участіе въ этомъ принималъ старшій братъ моей невѣсты — Григорій. Онъ все дѣлалъ на широкую ногу, „первоклассно", какъ онъ самъ любилъ выражаться. Чего чего только не было имъ заготовлено въ приданое сестрѣ. Наше дѣло съ Анютой было только молчать, слушаться и любоваться... Было чѣмъ! Все, что было наиболѣе художественнаго у знаменитаго Волина изъ серебра и хрусталя; у Колесникова — въ отношеніи всяческаго бѣлья, вплоть до скатертей на полсотни персонъ, изумительно мастерски затканныхъ золотомъ и шелками — все это Григорій присылалъ въ домъ на просмотръ и заказывалъ безъ конца. Намъ все это казалось излишнимъ, ненужнымъ и до извѣстной степени несвоевременнымъ.

Общее высшее руководство по предсвадебнымъ хлопотамъ велъ милѣйшій, энергичный и расторопно-умный главно-управляющій дѣлами Ушковыхъ — Оскаръ Карловичъ Корстъ. Благодаря ему, наша свадьба была обставлена превосходно. Всѣ, за исключеніемъ моего бѣднаго отца, переѣхали въ Петербургъ, гдѣ размѣстились въ Европейской гостиницѣ, занявъ чуть ли не весь угловой, на Невскій выходившій бельэтажъ. Вмѣстѣ съ Ушковыми, прибыли изъ Москвы въ сѣверную столицу на нашу свадьбу нѣкоторые изъ ихъ родственниковъ.

Пріѣхала со мной въ Петербургъ также и моя мать, остававшаяся во все время ея пребыванія въ столицѣ въ крайне подавленномъ настроеніи и занятая лишь не покидавшими ее помыслами о злосчастной судьбѣ ея сына Николая.

Наступилъ, наконецъ, памятный въ моей жизни день — 4-го февраля, которому наканунѣ предшествовало празднованіе именинъ моей невѣсты, сопровождавшихся устройствомъ „дѣвишника", веселымъ пиршествомъ, прогулками на тройкахъ и пр.

Посаженымъ отцомъ моимъ былъ другъ моихъ родителей, бывшій Самарскій Губернаторъ, въ то время сенаторъ, Александръ Дмитріевичъ Свербеевъ, проявившій при исполненіи своихъ обязанностей такой невѣроятный педантизмъ и столь придирчивую взыскательность по отношенію къ отданному подъ его власть жениху, что сей бѣдный чувствовалъ себя одно время совершенно ошеломленнымъ отъ безпрестанно сыпавшихся на его голову строжайшихъ замѣчаній со стороны его сановнаго „посаженаго папаши".

Таинство бракосочетанія происходило въ Адмиралтейскомъ Соборѣ — красивомъ, обширномъ храмѣ, съ бѣлымъ нояряднымъ иконостасомъ и боковыми колоннадами вдоль стѣнъ входной залы. Передъ тѣмъ же самымъ алтаремъ въ свое время бракосочетались родители моей невѣсты — Константинъ Капитоновичъ Ушковъ и Марія Григорьевна Кузнецова, удостоившаяся по сему случаю получить актъ высокой Августѣйшей милости, какъ внучка А. С. Губкина, лично извѣстнаго Государю Императору Александру II. Марію Григорьевну благословила Государыня Императрица Марія Александровна иконой Казанской Божьей Матери въ массивной, позолоченной, серебряной оправѣ съ нижеслѣдующей, синей эмалью выгравированной внизу, надписью: „Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Александровна соблаговолила изъявить Всемилостивѣйшее соизволеніе благословить настоящей иконой Божьей Матери дѣвицу Марію Кузнецову при выходѣ ея въ замужество за Констан-

тина Ушкова 10-го сентября 1875 года".

Этой же иконой 4 февраля 1898 года отецъ благословилъ свою дочь Анну. Эта святыня по сіе время хранится нерушимо въ нашемъ домѣ. Удалось спасти ее отъ всѣхъ перенесенныхъ нами невзгодъ, отъ страшной революціонной стихіи 1917 — 1920 г. г., отъ наглыхъ обысковъ и всяческихъ случайностей при внезапныхъ и стремительныхъ эвакуаціяхъ, вплоть до нашего всесемейнаго бѣгства изъ Крыма въ Константинополь въ памятный день 1 ноября (н. с.) 1920 г.

Церковное служеніе на нашей свадьбѣ отправлялъ высокочтимый протоіерей Ставровскій, * настоятель Адмиралтейскаго Собора, и проходило оно въ удивительно торжественно-благоговѣйной обстановкѣ. Прекрасное, сдержанно-гармоничное хоровое пѣніе усиливало наше проникновенное молитвенное настроеніе.

По окончаніи богослуженія, всѣ спустились внизъ, гдѣ въ особомъ боковомъ помѣщеніи было приготовлено шампанское. Насъ стали привѣтствовать и поздравлять. Намъ — молодымъ, предложено было взять изъ футляровъ особо заготовленные хрустальные бокалы съ серебряными основаніями, въ видѣ изящно вычеканенныхъ херувимовъ. При чоканіи мой бокалъ оказался разбитымъ... Нельзя не вѣрить послѣ этого въ народныя примѣты: послѣ случая съ моимъ бокаломъ, вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я пользуюсь величайшимъ жизненнымъ благомъ безпрерывнаго брачнаго счастья,

Изъ церкви мы, счастливые молодые, вернулись часовъ въ 6 вечера прямо къ себѣ въ Европейскую гостиницу, въ особо отведенный, обставленный всевозможными декоративными растеніями и массою цвѣтовъ — огромный аппартаментъ (№ 31), представляющій собой цѣлую квартиру, въ обширномъ салонѣ которой былъ сервированъ обѣденный свадебный столъ, красиво разукрашенный цвѣточными гирляндами и мелкими букетиками изъ ниццскихъ фіалокъ.

Во все время нашего свадебнаго пиршества изъ сосѣдней гостиной раздавалась удивительно пріятная, легко-игривая музыка извѣстнаго въ то время оркестра балалаечниковъ Конногвардейскаго полка.

Медовые дни провели мы радостно и весело. Погода стояла чудесная и рѣдкая для обычно сырого и туманнаго Петербурга. Свѣтило солнце, было слегка морозно и установился отличный санный путь. Прожили мы въ привѣтливомъ Питерѣ въ памятномъ нашемъ парадномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уютномъ, аппартаментѣ около недѣли, послѣ чего, со всѣми родными — съ мамой и Ушковыми, вернулись въ Москву. Повидавъ моего отца и простившись со всѣми, мы, молодожены, отправились въ традиціонную „свадебную прогулку", интересъ къ которой лично у меня проявлялся исключительный — вѣдь впервые я имѣлъ возможность попасть „заграницу"!

*Прот. Ставровскій былъ звѣрски убитъ большевиками, тогда 85-лѣтнимъ старцемъ.

Путь мы намѣтили на французскую Ривьеру — въ Ниццу и ея окрестности. Экспрессъ насъ быстро промчалъ мимо Варшавы и на вторыя сутки мы очутились въ Вѣнѣ, гдѣ на нѣкоторое время рѣшили остановиться. Устроившись въ превосходной гостиницѣ „Грандъ-Отель", мы, какъ дѣти, радовались всему новому, что приходилось видѣть и встрѣчать.

Взявъ изъ гостиницы гида, мы съ утра до ночи спѣшили знакомиться съ интереснымъ городомъ, поразившимъ насъ красотой нѣкоторыхъ своихъ зданій, церквей, улицъ, ихъ порядкомъ, чистотой, здоровой, привлекательной внѣшностью самаго населенія. Превосходные памятники, богатые музеи, нарядные магазины, среди которыхъ немало содержалось нашими братьями по крови — славянами. Устроили мы поѣздку въ знаменитый Шенбруннъ, любовались его красиво распланированнымъ паркомъ.

Успѣлъ я посѣтить и Вѣнскій Парламентъ. Добился я не безъ труда пропуска. Какъ разъ въ этотъ день происходило засѣданіе, имѣвшее для Австро-Венгерской Имперіи значеніе, и оно протекало при исключительно бурной обстановкѣ разгоряченныхъ партійныхъ страстей.

Забравшись на самый верхъ круговой галлереи, я съ птичьяго полета сталъ наблюдать за всѣмъ, происходившимъ внизу... Сначала ничего не могъ понять.

Обширнѣйшая зала была почти совершенно пуста — виднѣлись лишь кое-какія кучки людей въ противоположныхъ ея двухъ концахъ. Остальное пространство заполнено было правильно расположенными рядами пустыхъ креселъ. Полная тишина. Раздавался одинъ уныло звучавшій монотонный голосъ, еле до моего слуха доходившій.

Я обратился къ стоявшему около меня въ особой формѣ служащему за разъясненіями. Оказалось, что засѣданіе идетъ своимъ чередомъ.

Въ одной кучкѣ, на которую этотъ служащій мнѣ показалъ перстомъ, собраніе президіума, а въ другой говорилъ, окруженный нѣсколькими своими единомышленниками и десяткомъ стенографовъ, знаменитый лидеръ нѣмецкой партіи — Шенереръ, выступавшій, на мое счастье, со своей исторической обструкціонной рѣчью, длившейся, если мнѣ память не измѣняетъ, чуть ли не 16 часовъ подрядъ... О ней — я помню — писалось тогда во всѣхъ газетахъ.

Плотный толстякъ съ огромной лысиной, которую онъ безпрестанно обтиралъ платкомъ, съ красной крупной физіономіей, обрамленной сѣдоватой бородой, Шенереръ, полусидя, опираясь на заднюю спинку своего кресла, цѣдилъ слово за слово, просматривая имѣвшуюся у него на рукахъ бумажку. Груда подобныхъ листочковъ лежала передъ нимъ на столѣ. Ораторъ, безостановочно говоря, методически бралъ бумажку изъ правой кучки, прочитывалъ ее и затѣмъ перекладывалъ налѣво отъ себя.

Долго я не могъ оставаться зрителемъ засѣданія Вѣнскаго Парламента, оставивъ жену одну и пообѣщавъ ей скоро вернуться, чтобы совмѣстно продолжать осмотръ столицы. Самъ

же я непремѣнно хотѣлъ попасть въ Австрійское Имперское Законодательное Учрежденіе, побуждаемый чисто профессіональнымъ любопытствомъ — вѣдь и себя я тоже до извѣстной степени причислялъ къ разряду единственныхъ россійскихъ парламентаріевъ — Земцевъ!

Я уже собирался уходить, какъ вдругъ до моего слуха дошелъ, нарушившій царившую до того монотонную тишину, рѣзкій выкрикъ все того же Шенерера: „Edle Herrn!" и дальше послышалось мнѣ нѣсколько громко на всю залу сказанныхъ имъ фразъ самаго вызывающаго смысла по адресу Правительства.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ изъ разныхъ дверей стали высыпать кучками депутаты, и всѣ тѣснымъ кольцомъ окружили Шенерера, теперь уже приподнявшагося во весь свой большой ростъ и рѣзкимъ голосомъ выкрикивавшаго очевидно цѣлый лексиконъ парламентской ругани по адресу своихъ противниковъ. Послѣдніе въ долгу у него не оставались и стали, въ свою очередь, со всѣхъ сторонъ на него кричать, шумѣть пюпитрами, грозить кулаками и пр. Появились цѣлыя шеренги людей, которые начали силой протискиваться сквозь сплотившуюся вокругъ оратора толпу — то оказались его политическіе друзья, которые спѣшили образовать вокругъ ихъ лидера своего рода защитную дружину.

Въ довершеніе всего, моимъ глазамъ представилась необычайная картина начавшагося форменнаго кулачнаго побоища между приверженцами Шенерера и его противниками, игравшими роль нападающей стороны. Все, что только воюющіе парламентаріи имѣли подъ руками, пускалось въ ходъ: летѣли кипы бумагъ, книги, ручки отъ креселъ, чернильницы и пр. Мѣстами происходили единоличные схватки завзятыхъ кулачныхъ боксеровъ, физически же безсильные попросту подходили къ своимъ врагамъ и, подражая верблюдамъ, плевали въ противныя имъ физіономіи!...

Гудѣвшій колоколъ президіума билъ набатъ напрасно — его не слушали, да и не слышали! Что же дѣлалъ въ это время самъ знаменитый обструкціонистъ? — Къ моему величайшему удивленію, Шенереръ, защищенный плотной стѣной своихъ бравыхъ союзниковъ, преспокойно усѣлся на свое кресло, очевидно, не только для одного отдыха, но, какъ мои собственные глаза это сверху видѣли, онъ использовалъ это время парламентарнаго взаимнаго побоища, чтобы освѣжиться и въ другихъ смыслахъ — усиленно пилъ воду и... слегка закусывалъ. Бросился я вновь къ служащему на галлереѣ и спрашиваю, чѣмъ же все это кончится?! Со спокойно-снисходительной усмѣшкой этотъ, очевидно, видавшій виды типъ, постарался меня успокоить, завѣривъ, что все скоро образуется и войдетъ въ свою норму...

И онъ оказался правъ: раздался въ залѣ опять мощный окрикъ: „Edle Herrn!"

Отдохнувъ и подкрѣпившись, Шенереръ снова заговорилъ. Вскорѣ страсти улеглись.. Депутаты устали. Слушать скучное имъ не захотѣлось... Величественная зала Вѣнскаго

Парламента опустѣла. Вновь подъ ея огромными художественно отдѣланными сводами послышалось уныло-монотонное „обструкціонное" словоизверженіе неутомимаго Шенерера...

Вернулся я къ женѣ съ превеликимъ опозданіемъ и съ премерзкимъ впечатлѣніемъ отъ впервые видѣннаго и слышаннаго мною „настоящаго" „Европейскаго" парламента. Наши земскія собранія вспомнились мнѣ тогда, какъ „дѣвственно"-чистыя, воистину серьезно дѣловыя учрежденія! Почему — напрашивалась мнѣ тогда въ мою юную голову мысль — лица приписывающія себя къ избранному классу русской интеллигенціи, хотятъ Россіи навязывать непремѣнно этотъ лично мною нынѣ видѣнный „Европейскій парламентаризмъ", за который вчужѣ становилось стыдно, и уродливость котораго бросалась свѣжему человѣку столь явственно въ глаза!..

Изъ Вѣны, въ стремительномъ поѣздѣ, промчались мы до конечнаго пункта нашего путешествія — Ниццы. Остановились мы въ одной изъ лучшихъ по тѣмъ временамъ гостиницѣ „Ривьера Паласъ", расположенной въ наиболѣе здоровой части города — Симьэ.

Въ наше распоряженіе предоставленъ былъ небольшой, но комфортабельный угловой аппартаментъ во второмъ этажѣ, съ чуднымъ видомъ на море.

Когда мы заняли нашъ номеръ, солнце стало заходить за виднѣвшіяся горы, красноватымъ заревомъ освѣщая все окружающее и превращая морскую даль въ сказочную по своей красотѣ картину. Мы съ женой бросились на балконъ, полюбоваться волшебнымъ вечернимъ видомъ... Кто могъ предвидѣть, что Ницца станетъ нашей многолѣтней бѣженской резиденціей, гдѣ пришлось дѣтей и внуковъ воспитывать, и картошку съ виноградомъ въ огородѣ сажать.

Пишу я эти строки спустя болѣе 30-ти лѣтъ послѣ моего перваго знакомства съ благодатнымъ югомъ Франціи, съ ея прославленнымъ Котъ-д-Азюръ, съ той самой, нынѣ пріѣвшейся мнѣ, опостылѣвшей Ниццей, которая въ то описываемое мною время казалась воистину волшебнымъ міркомъ.

Попали мы въ рѣдко удачное время. „Сезонъ" былъ въ полномъ разгарѣ, привлекши къ себѣ исключительно многочисленный съѣздъ Европейскихъ сувереновъ, а за ними и массу простыхъ смертныхъ. Рядомъ съ нашей „Ривьера Паласъ", въ только-что выстроенной огромной гостиницѣ „Рэжина Паласъ" проживала престарѣлая Англійская королева Викторія, ежедневно совершавшая обычную свою прогулку въ открытой коляскѣ, запряженной элегантной парой великолѣпныхъ рыжихъ лошадей. Расплывшаяся, пудренно-красная, съ типичнымъ, загнутымъ книзу, большимъ носомъ, Королева, тепло закутанная, въ капорѣ съ бѣлыми фижмами, сидѣла обычно одинокая въ углу своего ландо.

Въ сосѣднемъ городѣ Каннъ гостилъ ея сынъ, наслѣдный принцъ Уэльскій, впослѣдствіи Король Эдуардъ VII, часто навѣщавшій свою мать и запросто всюду появлявшійся, въ элегантныхъ штатскихъ, обычно сѣрыхъ, костюмахъ и мяг-

кой фетровой шляпѣ. Пришлось его видѣть близко въ нашей же гостиницѣ, когда онъ пріѣзжалъ съ визитомъ къ проживавшему въ то время подъ одной крышей съ нами Президенту Французской Республики Феликсу Фору, которому отведены были въ „Ривьера Паласъ" обширные аппартаменты въ бэль-этажѣ, и съ которымъ пришлось мнѣ однажды подыматься въ лифтѣ.. Феликсъ Форъ держалъ себя степенно, просто и съ достоинствомъ.

Вспоминается мнѣ одинъ курьезъ: позвалъ я какъ-то къ себѣ гостиничнаго парикмахера. Пока онъ занимался моей стрижкой, успѣлъ я многаго отъ него наслушаться. Наивному Россіянину, привыкшему съ чувствомъ особаго благоговѣнія высказываться о своемъ Августѣйшемъ суверенѣ, не только странно, но пожалуй и страшно было слушать рѣзко-пренебрежительныя рѣчи отельнаго куафера о своемъ Президентѣ: „Какой онъ для меня Президентъ?!" — подъ щелканье ножницъ теноркомъ запищалъ мой цирульникъ: — „Феликсъ Форъ для меня, прежде всего, кожевенныхъ дѣлъ мастеръ — это его спеціальность".

Гостилъ также въ Ниццѣ Бельгійскій Король — благообразный, видный, убѣленный сѣдинами старикъ, съ огромной, длинной бородой. Нерѣдко показывалась на Promenade des Anglais красивая Королева Румынская Марія, въ щегольскихъ яркихъ костюмахъ со своей любимицей бѣлой собакой на цѣпочкѣ. И наши Великіе Князья веселились тогда на французской Ривьерѣ. Встрѣтили мы въ Ниццѣ много родныхъ и знакомыхъ. Время проходило весело, счастливо и незамѣтно.

Какъ-то разъ рѣшили мы съ женой проѣхаться позавтракать въ Каннъ.; тамъ съ женой стало вдругъ нехорошо, она отказалась отъ ѣды, сильно поблѣднѣла, жаловалась на слабость и головокруженіе. Вернувшись домой, я уложилъ ее въ постель, думая, что это просто усталость отъ непривычной праздно-суетливой жизни...

Я обратился за совѣтомъ къ В. А. Харитоненко, давней и привычной обитательницы Ниццы, прося ее указать какого-либо надежнаго доктора. Рекомендовала она мнѣ нѣкую г-жу Херидинову, оказавшуюся дѣйствительно очень добросовѣстной и симпатичной женщиной. Оставшись наединѣ съ женой, спустя нѣкоторое время, Херединова выходитъ изъ спальни и, привѣтливо улыбаясь, сообщила мнѣ такую новость, отъ которой я нѣкоторое время не могъ придти въ себя — Анна оказалось беременной. Зародилось въ Ниццѣ то самое дорогое для насъ существо, которое въ Самарѣ 14 ноября того же 1898 года появилось на свѣтъ въ лицѣ нашего первенца, очаровательной дочки Маріи, и которому суждено было въ цвѣтущіе еще годы отойти въ вѣчность. Она покоится на русскомъ кладбищѣ въ той же Ниццѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея могилки, среди кущи розъ виднѣется скромный мраморный крестикъ, на которомъ значится надпись: Madame Hérédinoff.

Первая беременность у Анюты проходила въ исключительно тяжелыхъ для нея условіяхъ, и никакія средства облегчить ея мученій не могли. Ее обезсиливало полное отсутствіе аппетита. Бѣдная Анюта замѣтно таяла и слабѣла. Мало-по малу, я сталъ положительно терять голову и обратился уже съ письмомъ къ Константину Капитоновичу, прося его пріѣхать къ намъ.

Однажды, поздно ночью, я услыхалъ слабый стонъ бѣдной Анюты. Освѣтивъ спальню электричествомъ, я подошелъ къ ней и съ ужасомъ увидалъ, что она вся похолодѣла, еле подавая признаки жизни. Ея прозрачное худенькое личико казалось омертвѣвшимъ...

Меня обуялъ щемящій страхъ. Перекрестивъ ее и себя, я бросился стремглавъ по корридору внизъ и попросилъ дежурившаго ночного швейцара послать немедленно за Херединовой и дать мнѣ тотчасъ шампанскаго марки „Монтебелло". Я вернулся въ свой номеръ. и рѣшилъ потихоньку вливать шампанское съ ложечки въ горло лежавшей, какъ пластъ недвижимо, бѣдной Анюты. Приходилось съ силой разжимать стиснутыя ея челюсти, чтобъ пропускать капельки вина. Но Анюта какъ будто успокоилась, чуть порозовѣла, стала лучше и глубже дышать и, наконецъ, спокойно спала.

Раннимъ утромъ пришла Херединова и нашла въ состояніи здоровья жены замѣтное улучшеніе. Послѣдняя ночь оказалась временемъ перелома въ состояніи жены. Съ тѣхъ поръ мы съ Анютой марку „Монтебелло" особо чтимъ, въ память ея чудеснаго цѣлительнаго значенія.

Послѣ описанной мною ночи кризисъ благополучно миновалъ, здоровье жены стало возстанавливаться, и мы смогли двинуться въ обратный путь. Мнѣ надо было торопиться къ себѣ на Волгу, ко всему тому многому и значительному въ смыслѣ службы и дѣла, что меня тамъ ожидало...

Пріѣхавъ въ Москву, мы были обрадованы значительнымъ улучшеніемъ въ здоровьи моего отца, подававшего надежду, по мнѣнію профессоровъ, на дальнѣйшее улучшеніе. Рѣшено было съ весеннимъ тепломъ отправить его въ Головкино. Организацію предстоящаго его путешествія и принятіе всѣхъ необходимыхъ для этого подготовительныхъ мѣръ любезно принялъ на себя Константинъ Капитоновичъ, благодаря чему мы могли съ болѣе или менѣе спокойной душой выѣхать на мѣсто моего служенія въ Самару.

Возвратившись наконецъ къ своимъ дѣловымъ обязанностямъ, я первымъ долгомъ имѣлъ длительное совѣщаніе съ моими коллегами по Управѣ, которымъ высказалъ благодарность за ихъ доброе ко мнѣ отношеніе, а затѣмъ заявилъ, что желалъ бы знать ихъ откровенное мнѣніе по поводу возможности дальнѣйшаго продолженія мною совмѣстной съ ними службы, столь часто, въ силу исключительныхъ моихъ семейныхъ обстоятельствъ, прерываемой отлучками. Весь составъ Управы, во главѣ съ Карамзинымъ, просилъ отбросить сомнѣнія и оставаться на службѣ до конца всѣхъ нашихъ полномочій.

Съ новыми силами принялся я тогда за свою любимую работу, стараясь наверстать потерянное время.

По пріѣздѣ въ Самару, мы переѣхали въ Рождественскую усадьбу, гдѣ намъ были отведены особыя комнаты. Туда я пріѣзжалъ ночевать и оттуда ежедневно съ утра переправлялся черезъ Волгу въ Самару на пароходикѣ или на особой, имѣвшейся спеціально въ моемъ распоряженіи, лодкѣ.

Благодаря установившимся не только добрымъ, но и душевнымъ отношеніямъ съ моими коллегами, я позволялъ себѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній, довольно часто навѣщать моихъ стариковъ, устроившихся покойно у себя въ Головкинѣ.

Здоровье отца замѣтно улучшалось: среди лѣта онъ уже могъ тихо двигаться и достаточно ясно говорить.. Не разъ онъ высказывалъ мнѣ свое безпокойство за судьбу родного своего Головкинскаго хозяйства, неоднократно намекая на единственно-возможное разрѣшеніе волнующаго его вопроса — передачи всего имѣнія мнѣ въ единоличную собственность, съ выплатой братниныхъ частей и обязательствомъ обезпеченія жизни ихъ — стариковъ..

Я согласился и принялся за осуществленіе воли отца, но положеніе вещей было чрезвычайно осложнено болѣзнью отца, прикованнаго къ Головкинской усадьбѣ и болѣзнью беднаго моего брата Димитрія, тоже почти недвижимо лежавшаго въ постели, въ усадьбѣ Терениныхъ въ 12 верстахъ отъ г. Буинска Симбирской губ., и наконецъ, вслѣдствіе вошедшаго въ силу уголовнаго приговора надъ другимъ моимъ братомъ — несчастнымъ Николаемъ, который былъ лишенъ правъ и заключенъ въ Симбирскую тюрьму...

Какъ бы то ни было, но мнѣ необходимо было приступать къ выполненію воли моего отца. Я обратился за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ нашему Самарскому нотаріусу Михаилу Семеновичу Афанасьеву. Благодаря его дѣловитой сообразительности, энергіи и судебно-служебнымъ связямъ, я могъ успѣшно и своевременно завершить начатое сложное дѣло. Въ памятный мнѣ день, 19 августа 1898 г., въ г. Самарѣ, были заключены два послѣдовательныхъ акта: 1) дарственная моего отца Николая Михайловича Наумова, передавшаго все свое Головкинское недвижимое имущество двумъ сыновьямъ — Димитрію и Александру, и 2) пріобрѣтеніе мною части моего брата Димитрія, съ принятіемъ на себя всего разсчетнаго и банковскаго долга. О моемъ морально-взятомъ на себя обязательствѣ выплаты причитающейся доли брату Николаю въ актѣ не было упомянуто.

Меня заставляло лихорадочно спѣшить со всѣми этими хлопотами здоровье бѣднаго брата Димитрія. Оно становилось угрожающимъ, и опоздай я не только на день,но на какихъ-нибудь два часа — все бы рушилось! Всѣ сдѣлки у нотаріуса были закончены къ двумъ часамъ дня, а въ четыре часа того же дня, волею Божьею, Димитрій скончался.

Разсчетной основой заключенной сдѣлки была преподанная отцомъ оцѣнка Головкинскаго имѣнія въ 360.000 рублей, составными частями которой были: 1) долгъ Дворянскому Банку — 135.000 рублей, 2) три равныя части, причитающіяся на насъ, сыновей, по 75.000 рублей — всего 225.000 рублей. Слѣдовательно, я обязывался принять на себя банковскій долгъ въ 135.000 р. и произвести уплату обоимъ братьямъ по 75.000 каждому — всего 150.000 р. Помимо этого, я бралъ на себя полное содержаніе обоихъ моихъ родителей до конца ихъ дней, выплачивая каждому изъ нихъ по 1200 рублей въ годъ, слѣдовательно, всего 2.400 р. обоимъ. Само собой, что объ этомъ послѣднемъ въ нотаріальной сдѣлкѣ тоже не упоминалось. Все это съ Божьей помощью было мною до конца исполнено въ точности и полностью.

Получивъ телеграму о кончинѣ брата Димитрія, я срочно выѣхалъ въ Кищаки (имѣніе Терениныхъ), чтобы проститься съ горячо любимымъ мною близкимъ человѣкомъ и помочь убитой горемъ вдовѣ въ печальныхъ хлопотахъ по погребенію. Горе осиротѣвшей Ольги, вдовы брата Димитрія, не поддается описанію.

Съ похоронъ я поспѣшилъ навѣстить моихъ стариковъ, чтобъ, по мѣрѣ возможности, ихъ утѣшить и наладить необходимыя формальности по управленію имѣніемъ, ввиду перехода его въ мою собственность. На первыхъ порахъ я все оставилъ по-старому, не внося, ради спокойствія отца, которому выдалъ полную довѣренность, никакихъ перемѣнъ ни въ управленіи, ни въ составѣ служащихъ, пригласивъ лишь для веденія конторы, кассы и необходимой переписки бывшаго помощника мусоргскаго волостного писаря П. П. Бажмина.

Бѣдная мама находилась въ состояніи крайне тяжеломъ, и не было силъ ее утѣшить. Смерть одного сына и ужасная судьба другого окончательно подорвали ея нервы. Послѣ кончины брата Димитрія, всѣ ея помыслы были направлены на спасеніе брата Николая: она писала то одному, то другому изъ своихъ вліятельныхъ знакомыхъ и родныхъ въ Петербургѣ, упрекала меня въ недостаточности принятыхъ мною мѣръ къ освобожденію брата, хотя больше того, что было мною предпринято, невозможно было сдѣлать.

Благодаря добрымъ отношеніямъ моего тестя съ княземъ Феликсомъ Феликсовичемъ Юсуповымъ, а послѣдняго — съ бывшимъ въ то время Министромъ Юстиціи Н. В. Муравьевымъ, удалось въ значительной степени смягчить участь бѣднаго брата. Срокъ его ссылки въ Сибирь на поселеніе какъ разъ наступалъ. Мнѣ пришлось поспѣшить въ Симбирскъ и навѣстить Николая, ожидавшаго своей отправки. Я вынесъ много хлопотъ передъ Симбирскими властями, съ цѣлью исходатайствованія предоставленія брату льготъ для предстоявшаго ему пути.

Искреннее и доброе содѣйствіе я встрѣтилъ со стороны управлявшаго въ то время Симбирской губерніей Вице-Губернатора Александра Петровича Наумова, не приходившагося намъ родственникомъ, но судя по одинаковому съ нами гербу принадлежавшаго къ одному изъ шести развѣтвленій разросшагося за много вѣковъ Наумовскаго рода. Всѣ эти спѣшныя и тяжкія хлопоты; посѣщенія брата въ его одиноч-

ной тюремной камерѣ; вся эта унизительная и для него, бѣднаго, и для насъ всѣхъ обстановка, очень угнетала мое самолюбіе и тяжело отзывалась на моемъ самочувствіи, осложнявшемся вынужденной оторванностью отъ ожидавшей меня въ Самарѣ работы и отъ нашей только что начатой семейной счастливой жизни...

Въ Симбирскѣ мнѣ удалсь достигнуть возможныхъ благопріятныхъ результатовъ. Въ началѣ сентября братъ Николай отправился въ далекій Сибирскій путь. .Его поселили недалеко отъ Иркутска; затѣмъ ему было разрѣшено переѣхать и проживать въ самомъ городѣ, гдѣ онъ получилъ хорошее мѣсто по желѣзнодорожному вѣдомству. Спустя нѣсколько лѣтъ ему были возвращены всѣ права, и Николай съ женой и двумя сыновьями, Сергѣемъ и Николаемъ, вернулся въ Россію. Онъ побывалъ въ Головкинѣ, а затѣмъ переселился на югъ въ г. Бердянскъ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ домъ-особнякъ и счастливо прожилъ въ немъ нѣсколько лѣтъ.

Итакъ, похоронивъ одного брата и простившись надолго съ другимъ, утѣшивъ, какъ могъ, своихъ горемычныхъ стариковъ и наладивъ ихъ хозяйственную жизнь, я, наконецъ, смогъ вернуться къ своему земскому дѣлу и къ молодой женѣ. Надо было торопиться съ подысканіемъ „семейной" квартиры въ г. Самарѣ. Удалось найти отличную квартиру въ самомъ центрѣ города на Дворянской улицѣ въ двухэтажномъ домѣ Васильева. У насъ была гостиная, кабинетъ, столовая и спальня со смежной комнатой, предназначавшейся для будущей малютки, кухня, комната прислуги, каретникъ и конюшня.

Я перевезъ изъ Рождественнаго жену, и началась наша самарская жизнь въ уютномъ небольшомъ гнѣздышкѣ, изъ котораго удалось сдѣлать красивый уголокъ, съ хорошимъ городскимъ выѣздомъ и приличной прислугой. Кучеромъ мы взяли Артемія изъ Рождественнаго.. Любимой одиночкой былъ у насъ чистокровный „Орловскій" рысакъ, четырехлѣтлѣтній, темно-сѣрый въ яблокахъ „Лимонъ", родной братъ извѣстнаго „Летуна" Осташевскаго завода, взявшаго Императорскій призъ. Впослѣдствіи „Лимонъ" бралъ на московскихъ бѣгахъ первые призы, а затѣмъ былъ переведенъ въ Головкино и оказался однимъ изъ родоначальниковъ нашего рысисто-коннаго завода. Это была лошадь исключительной мощи, но вмѣстѣ съ тѣмъ умная и покладистая, такъ что даже рыхловатый Артемій могъ съ нимъ справляться.

Вспоминаю, какъ однажды пришлось, въ качествѣ заступающаго мѣсто Предсѣдателя Губернской Земской Управы, получать для закупочныхъ продовольственно-сѣменныхъ операцій изъ казначейства милліонъ золотыхъ рублей. Сумму эту я долженъ былъ перевезти въ Государственный Банкъ. Пересчетъ означенной суммы занялъ столь много времени, что, къ моему немалому смущенію, у меня для перевозки денегъ въ Банкъ осталось четверть часа. День былъ субботній. Не попади я до закрытія Банка, мнѣ пришлось бы хранить эту огромную сумму въ двухъ кожаныхъ мѣшкахъ въ Управѣ, либо у себя дома. Выручилъ меня тогда рѣзвый нашъ „Лимонъ". Получивъ по телефону согласіе Управляющаго Государственнаго Банка А. К. Ершова задержать на нѣкоторое время присяжныхъ счетчиковъ, я, уложивъ себѣ въ ноги оба мѣшка, наполненные золотой монетой, прикрылъ ихъ полостью и далъ кучеру приказъ пустить „Лимона" полнымъ ходомъ до банка. Мигомъ домчалъ меня рѣзвый красавецъ до банка, гдѣ меня поджидали предупрежденные люди, принявшие мой драгоцѣнный вкладъ. Я облегченно вздохнулъ и, выйдя изъ банка, съ благодарностью потрепалъ своего любимца по могучей крутой шеѣ.

Возвращаясь къ описанію нашей самарской квартиры, не могу не вспомнить поступившей къ намъ тогда въ услуженіе удивительно симпатичной четы Огневыхъ съ крошкой-сыномъ Аркашей, изъ котораго впослѣдствіи вышелъ сначала темный озорникъ, а затѣмъ бравый офицеръ, участвовавшій въ Великой войнѣ. Отецъ его, Владиміръ, поступилъ къ намъ въ качествѣ повара, а его жена, Анна Гавриловна, оказалась искусной портнихой, обшивавшей все наше многочисленное впослѣдствіи семейство. Тотъ и другая сдѣлались, за много лѣтъ нашей совмѣстной жизни, какъ бы неотъемлемыми членами нашего семейства. Съ ними мы дѣлили тягости нашего Крымскаго пребыванія подъ большевицкимъ игомъ въ 1918-1919 г. г. Не безъ боли въ сердцѣ мы съ ними разстались при Крымской нашей эвакуаціи, въ 1920 году.

Итакъ, несмотря ни на что, все-жъ удалось молодоженную нашу жизнь на новомъ мѣстѣ, въ Самарѣ, наладить быстро и по-хорошему. Анюта была видимо всѣмъ довольна. Здоровье ея въ послѣдній періодъ ея беременности не оставляло желать лучшаго. Постепенно она стала заниматься своимъ молодымъ хозяйствомъ и готовиться къ желанному и великому въ жизни женщины событію.

45

Съ осени 1898 года Самарская Губернская Земская Управа была завалена работой, какъ по сѣменнымъ заготовкамъ, такъ и по продовольственнымъ операціямъ. Небывалая засуха 1897 года, и послѣдующій недородъ 1898 года, повлекли за собой почти повсемѣстное недоѣданіе, а въ нѣкоторыхъ районахъ настоящій голодъ съ его тяжкими послѣдствіями — цынгой и тифомъ. Управѣ пришлось проявить сверхчеловѣческія усилія, чтобы наладить губернскую сѣменную и продовольственную организацію. Изъ дому я уходилъ обычно въ 9 часовъ утра, вазвращался къ 3 - 4 часамъ дня, а въ 7 вечера вновь спѣшилъ въ Управу, гдѣ нерѣдко приходилось засиживаться до 2 часовъ утра. Ко всему этому, захворалъ Карамзинъ, котораго я вынужденъ былъ замѣщать.

Одно время въ Управѣ я оставался въ сообществѣ одного І. А. Вельца, замѣщая Предсѣдателя и остальныхъ нашихъ членовъ — Тресвятскаго и Племянникова, командированныхъ

въ разныя мѣста по продовольственнымъ закупкамъ и борьбѣ съ эпидеміей. Одновременно, за болѣзнью артельщика Блинова, я вынужденъ былъ вести также и кассу, сидя за особо загороженной рѣшеткой. За эти двѣ недѣли моего кассирства я воочію убѣдился, какъ легко допускать „кассовые просчеты", даже при самомъ внимательномъ отношеніи къ дѣлу.

1898 годъ былъ тяжелъ не только для одной нашей Самарской мѣстности, но также и для сосѣднихъ пострадавшихъ губерній: Саратовской, Симбирской, Казанской и Уфимской. Къ глубокому сожалѣнію, каждая изъ губерній дѣйствовала въ области закупокъ совершенно изолированно; операціи губернскихъ земствъ не были объединены и между собой согласованы. Отсюда получилась на рынкѣ убійственная конкуренція между ихъ уполномоченными, спѣшившими, особенно въ послѣдній мѣсяцъ волжской навигаціи, скорѣе закупить возможно большій запасъ продуктовъ и сѣмянъ.

Предсѣдательскій мой кабинетъ Губернской Управы, сплошь загроможденный пакетами и мѣшочками всяческихъ зерновыхъ и сѣмянныхъ пробъ, а также присылаемыми изъ пострадавшихъ мѣстъ образцами т. н. „голодныхъ" хлѣбовъ, обычно изготовлявшихся изъ смѣси желудовой муки, лебеды и пр.., представлялъ собою въ описываемое время своего рода хлѣбную биржу.

Безотлучно, съ утра до поздняго часа, сидя въ немъ, я бывалъ вынужденъ, то по телефону, то по личному приказу, заканчивать закупочныя хлѣбныя сдѣлки съ лицами, предлагавшими земству тѣ или другія партіи. Приходилось отдавать и срочныя распоряженія, во избѣжаніе перехвата хлѣбныхъ партій другими земствами. При подобныхъ условіяхъ цѣны взвинчивались невѣроятно, шли въ гору не по днямъ, а буквально по часамъ. Въ области хлѣбныхъ закупокъ царствовалъ бѣшеный ажіотажъ. За счетъ свирѣпствовавшаго въ Поволжьѣ голода г. г. комиссіонеры, не отходя отъ телефоновъ, умѣли быстро обогащаться.

Въ такомъ дикомъ водоворотѣ приходилось работать, пока не произошла памятная мнѣ исторія съ покупкой одного каравана солидной партіи пшеницы, шедшаго изъ Саратовскаго низовья вверхъ по Волгѣ.

Приходитъ ко мнѣ одинъ извѣстный комиссіонеръ Самарской хлѣбной биржи, съ предложеніемъ немедленно „покрыть" сдѣлку, т. е. купить четыре баржи доброй пшеницы, идущей вверхъ по Волгѣ близъ Саратова (приблизительно около 300.000 п.) Объ этой солидной партіи я слышалъ, имѣлъ пробу и зналъ ея цѣну. Я ему заявилъ, что — „подумаю", на что получился отвѣтъ: „Прошу черезъ два часа сказать мнѣ Ваше рѣшеніе, въ противномъ случаѣ предложу эту партію другимъ"... При этомъ онъ мнѣ назначилъ цѣну на добрую треть выше той, о которой я слышалъ наканунѣ. Терпѣніе мое лопнуло. Я рѣшилъ дѣйствовать и начать борьбу противъ воцарившагося лихорадочнаго закупочнаго хаоса.

Сказавъ, что черезъ два часа я ему дамъ отвѣтъ, я при-

казалъ одному моему ловкому служащему не спускать глазъ съ названнаго комиссіонера, всюду за нимъ слѣдить, даже при телефонныхъ его переговорахъ. Тактика моя оказалась правильной.

Тотчасъ же по выходѣ отъ меня, Анисимовъ подошелъ къ будкѣ, гдѣ помѣщался общій управскій телефонъ, заперся въ ней и началъ переговоры — сначала съ Аннаевской гостиницей, а затѣмъ съ Ивановской. Въ той и другой онъ вызывалъ лицъ, съ которыми говорилъ, какъ со мной, диктуя условія и запугивая спѣшностью. Я сразу принялъ мѣры для выясненія лицъ, проживавшихъ въ упомянутыхъ гостиницахъ и заинтересованныхъ въ покупкѣ столь крупныхъ пшеничныхъ партій. Оказалось, что въ одной изъ нихъ остановился для закупочныхъ цѣлей уполномоченный Казанскаго Губернскаго Земства, а въ другой — для той же надобности — только что прибывшій представитель Уфимской Губернской Земской Управы.

Затѣмъ все было продѣлано быстро и своевременно. За предоставленные мнѣ Анисимовымъ два часа я успѣлъ все узнать и переговорить по телефону съ обоими моими земскими коллегами. Я убѣдилъ ихъ согласовать наши многомилліонныя закупочныя операціи. Оба они съ радостью согласились. Каково же было удивленіе г-на Анисимова, когда, вернувшись ко мнѣ въ Управу, онъ засталъ въ моемъ кабинетѣ всѣхъ насъ троихъ, дружно бесѣдовавшихъ и объявившихъ ему о рѣшеніи пріобрѣсти весь хлѣбный Саратовскій караванъ по первоначальной нормальной цѣнѣ, о которой я узналъ прежде моихъ земскихъ конкурентовъ. Къ общему нашему благополучію и къ великой досадѣ Анисимова, сдѣлка была завершена, партія была куплена по сравнительно нормальной цѣнѣ и распредѣлена соотвѣтственно между нашими тремя земствами.

Подобный образъ дѣйствій заинтересованныхъ земствъ болѣе или менѣе продолжался и въ послѣдующее время продовольственной кампаніи. Благодаря этому, начавшійся было пожаръ биржевой ажіотаціи самъ собой потухъ, а общее дѣло выиграло.

Приходилось по поводу хлѣбныхъ сдѣлокъ вести разговоры и съ „нашимъ братомъ", съ мѣстными землевладѣльцами, и выслушивать отъ нихъ всяческія претензіи относительно расцѣнки и пріемокъ ихъ партій нашими агентами на мѣстахъ.

Самарскій голодъ, о которомъ въ то время много писалось во всѣхъ столичныхъ газетахъ, привлекъ въ зимніе мѣсяцы 1898 - 1899 г. г. многихъ пріѣзжихъ изъ Петербургскихъ благотворительныхъ организацій, которые направлялись въ голодающія деревни, для оказанія помощи обезсилѣвшему и больному населенію.

Вставъ лицомъ къ лицу съ постигшимъ бѣдствіемъ, я воочію увидалъ всю слабость организаціи въ странѣ продовольственныхъ запасовъ, съ одной стороны, и съ другой, — отсутствіе соотвѣтствующаго законоположенія, которое ре-

гулировало бы дѣло продовольствованія на случай стихійныхъ бѣдствій. Прошло почти 20 лѣтъ. Въ 1915 - 1916 г. г., во время Великой войны, мнѣ, какъ Министру, предсѣдательствовавшему въ Особомъ Продовольственномъ Совѣщаніи, пришлось руководить отвѣтственнымъ дѣломъ продовольственнаго снабженія не только всѣхъ четырехъ нашихъ фронтовыхъ армій, но и почти всей Европейской Россіи. И что же пришлось мнѣ тогда встрѣтить и увидать? — Все тѣ же недостатки — отсутствіе правильно размѣщенныхъ по странѣ продовольственныхъ запасовъ и ихъ учета, а также полная неподготовленность административныхъ верховъ къ принятію экстренныхъ необходимыхъ мѣръ для налаживанія снабженія. Не было заранѣе предусмотрѣннаго и разработаннаго „мобилизаціоннаго" продовольственнаго плана..

Незамѣтно насталъ памятный день 14-го ноября ст. ст., день рожденія Вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны и нашей милой Манюши.

46

Счастливая жизнь началась въ нашей квартирѣ съ появленіемъ милаго маленькаго существа, прелестной здоровенькой дѣвочки — Манички, общей любимицы — въ особенности ея крестнаго — дѣдушки Константина Капитоновича.*

Самарское общество отнеслось къ нашему пребыванію въ городѣ въ высшей степени привѣтливо, оцѣнивъ рѣдкія привлекательныя качества доброй, обходительной молодой хозяйки. Съ земской семьей, какъ я ранѣе упоминалъ, у меня установились со многими наилучшія отношенія; особенно сдружились мы съ Карамзиными и съ Надеждой Васильевной Батюшковой, урожденной Мѣшковой. Надежда Васильевна принимала дѣятельное участіе во многихъ общественныхъ дѣлахъ и всюду приносила не малую долю пользы своей практичностью и энергіей.

Проживалъ также въ то время въ Самарѣ, въ качествѣ Управляющаго отдѣленіемъ Торгово-Промышленнаго Банка, Александръ Семеновичъ Медвѣдевъ, человѣкъ незаурядный по уму, прошлому общественному опыту и по выдающейся своей дѣловитости. Познакомился я съ нимъ на засѣданіяхъ нашего Кружка по оказанію дѣтской помощи, и, несмотря на ходившіе въ обществѣ о немъ „страшные" слухи, какъ о политически-озлобленномъ субъектѣ, я видѣлъ въ немъ всегда очень милаго, симпатичнаго и интереснаго собесѣдника.

Александръ Семеновичъ былъ тверякъ, много проработавшій у себя на земской нивѣ, превосходно знавшій всѣ отрасли земскаго хозяйства, и въ особенности увлекавшійся разумной постановкой страхового дѣла. На эти темы мы часто съ нимъ толковали. Оторванный отъ своей тверской земли, онъ, видимо, радъ былъ душу отвести при обсужденіяхъ всѣхъ этихъ вопросовъ; я же, новичокъ, страстно интересовавшійся задачами земскаго управленія, съ неослабнымъ вниманіемъ прислушивался къ умнымъ рѣчамъ и совѣтамъ знатока этого дѣла. Я не помню, чтобъ онъ когда либо высказывалъ приписываемую ему противоправительственную озлобленность.

* Крестной матерью была сестра Анны — Наталья Константиновна.

Не скрою, изъ всего Самарскаго общества я считалъ его однимъ изъ наиболѣе интересныхъ для меня людей. Свое банковское дѣло Медвѣдевъ велъ отлично, завоевалъ обширную кліентуру среди мѣстнаго купечества и дѣлового люда, и все дѣлалъ быстро, точно и рѣшительно.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Александръ Семеновичъ не вытерпѣлъ и вернулся къ своимъ тверскимъ общественнымъ дѣламъ, играя видную роль въ эпоху октябрьскихъ свободъ 1905 г. и послѣдующихъ думскихъ выборовъ, но вскорѣ онъ умеръ.

Какъ я ни былъ занятъ въ описываемое время службой и своимъ молодымъ семействомъ, все же помыслы мои неотступно вращались вокругъ вдали проживавшихъ отъ меня, моихъ стариковъ, съ ихъ невеселыми думами и печальнымъ душевнымъ настроеніемъ. Не забыта была и бѣдная вдова — Олечка съ ея милымъ младенцемъ — моимъ крестникомъ Митюшей. Ольга обращалась ко мнѣ по всѣмъ вопросамъ осложнившейся ея жизни, видя во мнѣ главнаго совѣтчика и наставника; я же, со своей стороны, особенно цѣнилъ ея ко мнѣ обращенія и радъ бывалъ ей помочь въ память незабвеннаго брата Димитрія.

Своихъ головкинскихъ родныхъ я старался навѣщать. До сихъ поръ не могу забыть одну такую поѣздку, предпринятую мною передъ самымъ почти закрытіемъ волжской навигаціи, въ началѣ октября 1898 года. Ночью, подъ Сенгилеемъ, нашъ небольшой пароходъ былъ застигнутъ сильнѣйшимъ штормомъ, быстро залѣпившимъ всю поверхность судна сплошнымъ бѣлымъ ледянымъ покровомъ. Все кругомъ неистово бушевало, стонало и завывало; пароходъ всѣмъ корпусомъ накренился и весь трещалъ... Команда отказывалась работать, боцмана наверхъ къ штурвалу не шли, пассажиры обрѣтались въ полной паникѣ... Въ запорошенномъ снѣгомъ углу пароходной рубки стояли на колѣняхъ почтенные супруги — Сенгилеевскіе коммерсанты и клали поклоны передъ иконой. Изъ трюмовъ раздавался стонъ, плачъ и отчаянная ругань. За рулевымъ колесомъ продолжалъ безстрашно стоять самъ молодчина капитанъ, которому то и дѣло носили „для подкрѣпленія" коньячную влагу. Какимъ-то чудомъ, наваливши́сь со страшнымъ трескомъ всѣмъ бортомъ, нашъ утлый пароходикъ все же сумѣлъ пристать къ Сенгилеевской пристани, около которой и заночевали.

Утро встало ясное, солнечное и морозное. Волга со своими берегами представляла изъ себя изумительное и рѣдкое зрѣлище — все было покрыто густымъ слоемъ сверкавшаго своей яркой бѣлизной снѣга, граничившаго съ темной массой быстро несущейся волжской воды.

Этимъ злоключенія поѣздки еще не кончились. Черезъ

два дня, возвращаясь изъ Головкина въ Симбирскъ, съ тѣмъ, чтобы сѣсть тамъ на пароходъ и спуститься по рѣкѣ къ себѣ въ Самару, — я попалъ вновь въ такую бурю, что перевоза изъ Часовни на Симбирскъ не оказалось.* На мое счастье — нашлась-таки артель, согласившаяся выручить „Головкинскаго барина", предложившаго немалыя деньги.. Отчалили и вотъ... на самой „коренной" Волгѣ, когда огромные валы съ бурлящей пѣной на гребняхъ стали захлестывать нашу лодку, гребцы „сробѣли" и заявили, что дальше не поплывутъ и повернутъ назадъ „по валамъ".

Меня обуяла злобная досада: на той сторонѣ, у симбирскихъ пристаней, я видѣлъ стоявшій большой пассажирскій пароходъ, послѣдній, отходившій въ Самару. Я рѣшилъ дѣйствовать — мнѣ помогло съ дѣтства воспринятое „волжское" воспитаніе. Недаромъ проработалъ я въ рыбацкой средѣ чуть ли не цѣлый мѣсяцъ — всему научился. Взялъ я рулевое весло, выровнялъ какъ слѣдуетъ лодочный носъ, чтобы лодку не такъ захлестывало валами, и сумѣлъ крѣпкимъ словомъ да рублевымъ посуломъ „на водку" подбодрить гребцовъ... Черезъ два часа, съ ногъ до головы всѣ мокрые, причаливали мы къ городской пристани, гдѣ было сравнительно гораздо тише. На берегу собралось множество людей: они за нами давно слѣдили. Были даже предприняты нѣкоторыя мѣры на случай несчастья. Собравшійся народъ не мало волновался за насъ. При встрѣчѣ люди радовались, но и попрекнули за безразсудство. Какъ-ни-какъ, а я оказался на симбирскомъ берегу и бросился на первый попавшійся пароходъ, отходившій въ Самару.

Кто на Волгѣ родился и на ней — на великой рѣкѣ — всю жизнь проживалъ, — тотъ близко знаетъ ея нравъ, и долженъ во всѣ времена года, при встрѣчѣ съ волжской стихіей, ожидать риска. Буря могла застать въ широкое вешнее половодье. Ранней весной или поздней осенью могъ настигнуть ледоходъ. Зимой случались на той же „Матушкѣ-Волгѣ" вѣроломныя „полыньи", снѣгомъ запорошенныя, или предательскія „теплыя" воды у береговъ... А лѣтнія мели, осенніе туманы, или весной еле примѣтныя на глазъ подводныя карши?! Со всѣмъ этимъ приходилось считаться, умѣючи бороться и... все же продолжать крѣпко любить родную свою, великую рѣку!

47

Наступалъ 1899 годъ. На праздники и новогоднюю встрѣчу съѣхалась въ с. Рождественно вся Ушковская семья. Старшій изъ сыновей Константина Капитоновича — Григорій тоже успѣлъ обзавестись за это время молодой хозяйкой, взявъ въ жены дочь извѣстнаго казанскаго пивовара, Маргариту Эдуардовну Петцольдъ.

* С. Головкино расположено было на „луговой" Волжской сторонѣ,

Врядъ ли я ошибусь, если скажу, что эта особа, съ первыхъ же шаговъ своихъ, принесла съ собой въ дружную дотолѣ семью Ушковыхъ разладъ и взаимные счеты.

Григорій Ушковъ, отпраздновавъ въ октябрѣ 1897 года совершеннолѣтіе, сдѣлался сразу же, согласно оставленному его дядей А. Г. Кузнецовымъ завѣщанію, богатымъ человѣкомъ. Къ глубокому, однако, сожалѣнію, это обстоятельство не послужило ему впрокъ, такъ какъ, въ силу своей крайней несдержанности, онъ сразу же сталъ бросать деньги безъ всякаго разсчета.

Но тутъ явилась передъ нимъ серьезная преграда, въ лицѣ стойкаго, разумнаго Корста, открыто упрекавшаго Григорія, котораго онъ зналъ съ малыхъ лѣтъ, въ преступномъ разбрасываніи доставшихся ему наслѣдственныхъ денегъ и опредѣленно заявившаго свой отказъ предоставлять ему какіе либо кредиты или ссуды, за счетъ имущества его сонаслѣдниковъ.

Со стороны Григорія и его ближайшихъ совѣтниковъ на Корста началось безпощадное наступленіе: стали распускаться про него разные слухи, порочившіе его дѣятельность. Науськиваемый своей хитрой „подругой жизни", Григорій все громче и громче сталъ критиковать работу прежняго управленія, всячески загрязняя доброе и честное имя почтеннаго работника Оскара Карловича. Не имѣя болѣе силъ терпѣть возбужденную противъ него Григоріемъ съ его присными травлю, съ тяжелымъ сердцемъ онъ заявилъ искренне любимому имъ Константину Капитоновичу о своемъ вынужденномъ уходѣ со службы. Надо было видѣть въ то время ихъ обоихъ, чтобы понять, какъ они другъ друга успѣли полюбить и взаимно оцѣнить.

Такъ или иначе, но поднятая противъ Оскара Карловича кампанія достигла своей цѣли — Корстъ ушелъ...

Константинъ Капитоновичъ заговорилъ со мной о создавшемся положеніи вещей, и къ большому моему удивленію, обратился ко мнѣ съ неожиданной просьбой помочь ему въ томъ критическомъ положеніи, въ которомъ очутились всѣ ушковскія дѣла. Искренно любя Константина Капитоновича и желая посильно помочь ему, я, несмотря на исключительно сложную обстановку моей земской служебной дѣятельности и всѣхъ моихъ семейныхъ дѣлъ, рѣшилъ пойти ему навстрѣчу и далъ свое согласіе. Въ результатѣ мнѣ была выдана полная довѣренность по управленію всѣми дѣлами и нераздѣленными имуществами Н-ковъ М. Г. Ушковой и А. Г.

противоположной „нагорной", на кручѣ которой находился г. Симбирскъ. Чтобы попасть въ этотъ городъ, необходимо было изъ Головкина на лошадяхъ проѣхать тридцать шесть верстъ до населеннаго мѣста, называемаго „Часовней", расположенной у самаго берега лѣвой луговой стороны Волги, напротивъ самаго Симбирска. Переправа изъ Часовни въ городъ производилась на особыхъ паромахъ, буксируемыхъ пароходомъ. Въ описываемый мною день, вслѣдствіе шторма исключительной силы, перевозочные рейсы были отмѣнены.

Кузнецова со всѣми ихъ многомилліонными оборотами.

Въ связи съ уходомъ Корста, судьбой было мнѣ предопредѣлено ознакомиться съ совершенно новой для меня обширнѣйшей дѣловой областью по завѣдыванію крупными частными хозяйствами, съ разнообразнѣйшими развѣтвленіями торгово-промышленныхъ предпріятій и съ дѣятельностью банковскихъ учрежденій. Помимо этого, предстояло руководство большой конторской и бухгалтерской работой, составленіе смѣтныхъ исчисленій и отчетныхъ данныхъ.

Обращеніе ко мнѣ Константина Капитоновича застигло меня въ самое горячее время подготовительныхъ работъ нашей Управы, по составленію докладного матеріала къ очередному январскому собранію. Времени у меня оставалось мало, въ силу чего я намѣтилъ вплотную заняться ушковскими дѣлами лишь по окончаніи январской сессіи.

Какъ это мнѣ было ни жаль, но на предстоявшемъ очередномъ Земскомъ Собраніи я рѣшилъ категорически отказаться отъ продолженія моей земской выборной службы по нижеслѣдующимъ мотивамъ: во-первыхъ, въ силу необходимости быть при моихъ больныхъ старикахъ, во-вторыхъ, ради устройства личныхъ дѣлъ, и въ-третьихъ, ввиду предстоявшаго завѣдыванія ушковскими имуществами.

Земское январское собраніе прошло для меня и въ этотъ разъ не только благополучно, но и вовсе удачно: Собраніе относилось ко мнѣ чрезвычайно благожелательно. Когда подошли перевыборы состава Управы, то Собраніе единодушно обратилось ко мнѣ съ настойчивой просьбой вновь баллотироваться въ члены Управы. Но, вѣрный принятому рѣшенію, я, поблагодаривъ гласныхъ, заявилъ имъ, что вынужденъ временно отойти отъ общественнаго служенія. Раздались на это повторныя единодушныя настоянія со стороны всего Земскаго Собранія, превратившіяся, совершенно неожиданно для меня, въ сплошныя оваціи по моему адресу, къ которымъ присоединились также шумные апплодисменты многочисленныхъ управскихъ служащихъ, расположившихся въ качествѣ публики на хорахъ. То былъ первый мой публичный тріумфъ на аренѣ общественной дѣятельности. Вспоминаю я его не безъ чувства горячей признательности всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя своимъ единодушнымъ одобреніемъ моей работы наградили меня за понесенные труды и зародили во мнѣ увѣренность въ успѣхѣ всей дальнѣйшей моей общественно-служилой карьеры. Меня въ губерніи, видимо, узнали, и я съ ея дѣлами и людьми ближе освоился. Временный перерывъ работы не значилъ окончательный ся обрывъ — на этомъ мы всѣ въ Собраніи и разстались подъ лучшими взаимными впечатлѣніями.

Послѣ оставленія мною службы, мы съ Константиномъ Капитоновичемъ отправились въ Москву, гдѣ мнѣ предстояла новая, тяжелая, отвѣтственная и мало благодарная работа по „замѣщенію" бѣднаго Корста. Но я сознательно пошелъ на нее, желая, прежде всего, помочь своему милому тестю и тѣмъ самымъ, хотя бы отчасти, отплатить ему за все то доброе, что я постоянно видѣлъ отъ него по отношенію къ моимъ, въ частности, къ моему злосчастному брату Николаю.

Мнѣ хотѣлось лично разобраться въ тѣхъ злостныхъ нареканіяхъ по адресу Корста, которыя такъ безотвѣтственно-легко распускались досужими сочинителями. Я былъ убѣжденъ въ сплошной выдумкѣ всѣхъ возводимыхъ на него обвиненій; но мнѣ хотѣлось документально доказать и самымъ рѣшительнымъ образомъ пресѣчь недостойную кампанію Григорія со всѣми его окружающими, которымъ мое согласіе заняться дѣлами семьи свалилось, какъ снѣгъ на голову.

Надо, впрочемъ, оговориться: отношеніе ко мнѣ Григорія было всегда безупречнымъ; даже онъ никакого шума и протеста не проявилъ, предоставивъ мнѣ спокойно приняться за работу. Лишь впослѣдствіи, надо думать, подъ вліяніемъ все тѣхъ же своихъ совѣтчиковъ, онъ какъ бы началъ выказывать въ отношеніи меня нѣкоторую непріязнь, но потомъ, смѣнивъ Маргариту на другихъ женъ, онъ сталъ попрежнему относиться ко мнѣ хорошо.

Отъѣзжая въ Москву, я телеграфно вызвалъ всѣхъ четырехъ главныхъ управляющихъ, пригласивъ ихъ явиться въ опредѣленный срокъ въ Московскую контору Н-ковъ М. Г. Ушковой и А. Г. Кузнецова.

Первымъ долгомъ мы съ Константиномъ Капитоновичемъ довели до свѣдѣнія явившихся Ушковскихъ довѣренныхъ объ уходѣ Оскара Карловича Корста, что громомъ поразило бывшихъ его сослуживцевъ, искренно его уважавшихъ. Всѣми собравшимися были высказаны горячія пожеланія уговорить Корста вновь вернуться на свою прежнюю работу.

Константинъ Капитоновичъ ознакомилъ служащихъ съ создавшимся положеніемъ вещей, въ связи съ выдачей мнѣ полной довѣренности по главному завѣдыванію всѣми Ушковскими наслѣдственными дѣлами и имуществами, и пригласилъ насъ всѣхъ къ дружному продолженію работъ.

Надо было отдать справедливость достойному подбору Константиномъ Капитоновичемъ главныхъ своихъ служащихъ.

Не менѣе двухъ недѣль пришлось проработать мнѣ въ Московской Ушковской конторѣ, почти безвыходно просиживая въ ней за дѣлами съ утра и до поздней ночи. Въ концѣ концовъ, все удалось завершить и наладить. Повидимому, управляющіе остались довольны нашей усидчивой и плодотворной работой. Константинъ Капитоновичъ тоже горячо благодарилъ меня за оказанную помощь и намѣченный на будущее время организаціонный планъ управленія, составленный мною на подобіе функціонированія обыкновенныхъ акціонерныхъ обществъ.

Хозяиномъ всего дѣла, по моему предположенію, должно было быть ежегодное собраніе владѣльцевъ, которое разсматриваетъ и утверждаетъ отчеты каждаго изъ отдѣльныхъ отраслей управленія и ихъ смѣты.

Основная схема личнаго моего руководства намѣчена была на слѣдующихъ основаніяхъ: прежде всего, полное дов-

ріе съ моей стороны къ завѣдующимъ тѣмъ или другимъ имуществомъ, но при условіи производства строжайшей планомѣрной ежегодной личной ревизіи всей ихъ хозяйственной дѣятельности на мѣстахъ, при содѣйствіи бухгалтера. Ввиду нѣкоторой сложности распредѣленія долей среди сонаслѣдниковъ, пришлось все имущество раздробить на 42 части, такъ что вся хозяйственная единица представляла собой 42/42, благодаря чему опредѣлялась вдовья часть Константина Капитоновича въ 6/42, части обѣихъ дочерей по 3/42 для каждой — и остальная сумма между сыновьями поровну каждому по 10/42.

Вся работа, произведенная мною въ Московской конторѣ совмѣстно съ довѣренными, была письменно оформлена и закрѣплена подписями. На все составлены были особыя инструкціи. Управляющіе были отпущены къ себѣ на работы, снабженные всѣмъ необходимымъ, и дѣло пошло ровнымъ, здоровымъ ходомъ... Близко ознакомившись за время моей кропотливой работы въ Москвѣ съ обширнымъ документальнымъ матеріаломъ по всѣмъ хозяйственнымъ и денежнымъ дѣламъ Н-ковъ Ушковой и Кузнецова, я вынесъ сугубое подтвержденіе моей вѣрѣ въ кристальную честность Корста.

48

Вернулся я домой въ Самару въ началѣ марта, и стали мы готовиться къ переѣзду всей нашей семьи съ первыми весенними пароходами въ Головкино къ одинокимъ старикамъ и своему родному хозяйскому дѣлу.

Радостной представлялась намъ съ Анютой перспектива нашей будущей жизни въ деревнѣ, совмѣстно съ нашей Манюшей, рѣдко симпатичной, здоровенькой, способной и привѣтливой малюткой, около которой всѣмъ бывало хорошо; при ней даже мои старики невольно отходили отъ своихъ горькихъ думъ и тяжелыхъ настроеній.

„Няня Маша", на рукахъ которой росла наша милая крошка, оказалась удивительно хорошей, степенной и знающей свое дѣло женщиной. Любила она ребенка не на показъ, ходила за милой нашей Манюшей какъ нельзя лучше, называя ее излюбленнымъ своимъ словомъ: „коза!" Это была прекрасная ровная, безхитростная и умная старуха. Я любилъ заходить къ ней въ дѣтскую и сидѣть около „Козы" — очаровательной, розовенькой, съ голубенькими прелестными глазками Манюши. Миръ, покой и любовь наполняли въ эти мгновенья мою душу, успѣвшую уже извѣдать житейскую суету суетъ.

Возвращаясь подъ родительскій кровъ, женатый на невѣдомой для всей Головкинской родни и округи „богачкѣ" Ушковой, я отлично сознавалъ всю предстоящую для насъ сложность взаимоотношеній между нами, „молодыми", и прежними — „старыми" хозяевами, а также со всѣмъ тѣмъ

обжившимся мѣстнымъ міркомъ. Я не могъ вычеркнуть изъ своей памяти разговоръ, происходившій у меня съ женой одного моего близкаго родственника, спросившей меня, правда ли, что я собираюсь жениться на „дѣвушкѣ не нашего круга", презрительно добавивъ: „какой-то Ушковой?!" Когда я сказалъ, что правда, надо было видѣть, съ какимъ возмущеніемъ эта особа сказала: „Ну, если такъ, то я надѣюсь, что ты не рѣшишься свою супругу привозить къ намъ сюда въ наше родовое Головкино?!"

Мы съ женой давали себѣ объ этомъ отчетъ, но я былъ увѣренъ, что природная скромность, простота и выдержка Анюты со временемъ возьмутъ свое и побѣдятъ всѣ кривотолки.

Я не ошибся. Она произвела на всѣхъ окружающихъ такое впечатлѣніе, что сдѣлалась сразу же общей любимицей не только головкинской, но и губернской, завоевав, до конца нашего въ Россіи пребыванія, прочныя симпатіи всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчалась. По ироніи затѣйницы-судьбы, одной изъ ея первыхъ поклонницъ оказалась та самая непримиримая „по своимъ взглядамъ" снобистка, посовѣтовавшая мнѣ въ качествѣ жены „какую-то" Ушкову въ заповѣдныя дворянскія мѣста не привозить!...

Тихая и деликатная, Анюта внесла немалое успокоеніе и утѣшеніе въ надломленныя сердца моихъ бѣдныхъ родителей, быстро оцѣнившихъ ея высокія душевныя качества. Они искренне къ ней привязались. Благодаря всему этому, жизнь наша не только „дома", но и „на людяхъ" стала мало-по-малу налаживаться самымъ благопріятнымъ образомъ.

Что же касается моихъ хозяйственныхъ заботъ и дѣлъ, то, несмотря на очевидную необходимость скорѣйшихъ реформъ въ головкинскомъ хозяйствѣ, я принялъ съ самаго же начала рѣшеніе крайне осторожно вмѣшиваться, ввиду явно выраженнаго желанія больного моего отца продолжать свое исконное дѣло руководительства Головкинскимъ имѣніемъ при содѣйствіи прежняго управляющаго.

Единственное новшество, на которое я тотчасъ же по нашемъ пріѣздѣ рѣшился — это приспособить нашъ большой деревенскій домъ для нашей молодой семейной жизни, и ввести в него то, что именуется современнымъ комфортомъ.

Къ первому сентября предстояла мнѣ срочная поѣздка въ Москву по дѣламъ моей жены и всѣхъ Ушковыхъ.

Для оформленія нѣкоторыхъ нужныхъ документовъ требовалось личное присутствіе моей жены. Мы поѣхали въ Москву вмѣстѣ, и такъ какъ потомъ мы ѣхали въ Крымъ, то захватили съ собой и нашу малютку съ ея няней.

Попавъ въ Форосъ, я весь отдался изученію винодѣлія. Съ этой цѣлью я старался возможно подробнѣе осматривать наиболѣе интересные и показательные подвалы Южнаго Побережья — частные, удѣльные и казенные. Но здоровье мое было не въ порядкѣ. Разъ, на пути изъ Фороса въ Севастополь, я почувствовалъ себя очень худо: со мною случился припадокъ сильнѣйшей слабости и острый приступъ кашля.

Изъ горла показалась кровь и я сильно ослабѣлъ. Тотчасъ же меня перевезли домой, и тогда Константинъ Капитоновичъ взялъ меня окончательно подъ свое покровительство, позвавъ въ качествѣ консультантовъ извѣстныхъ въ то время врачей — Бокова и Щуровскаго.

Оказывается, добрѣйшій мой тесть давно, еще съ Крыма, не безъ опаски присматривался къ состоянію моего здоровья. Его тревожныя подозрѣнія оправдались. Произведенный по приказу упомянутыхъ врачей анализъ далъ печальный результатъ: были найдены цѣлые очаги Коховскихъ туберкулезныхъ бациллъ. Весной слѣдующаго года опасность миновала, но врачи требовали, чтобы мы уѣхали на югъ, да еще на Принцевы острова.

Меня уложили въ постель. Температура все время держалась повышенная. Самочувствіе было прескверное. Я сталъ не въ мѣру раздражителенъ и не хотѣлъ слышать о поѣздкѣ на Принцевы острова, настаивая на томъ,чтобы меня отпустили домой къ себѣ — въ родное Головкино.

Въ концѣ концовъ, мы сговорились на томъ, что насъ со всей семьей тотчасъ же отправятъ не на острова, а обратно въ Форосъ, гдѣ за мной будетъ установленъ надлежащій медицинскій уходъ, и гдѣ велѣно было мнѣ жить одной лишь „животной" жизнью.

Въ Форосѣ намъ были отведены во дворцѣ лучшія солнечныя комнаты и предоставлено было для насъ все въ смыслѣ идеальнаго комфорта и самаго заботливаго ухода.

Условія Форосской жизни создались для насъ исключительно благопріятныя. Погода стояла превосходная. Яркое, теплое солнце, заливавшее своимъ свѣтомъ огромныя, прекрасныя комнаты дворца, кругомъ чудная растительность, масса хвои; передъ Форосомъ разстилалась безбрежная морская стихія со своими бризами и іодистыми испареніями — ни пылинки кругомъ — все чисто, красиво, благоуханно...

Попавъ въ благодатный Форосъ, я всѣми своими помыслами и силами старался все сдѣлать, чтобы достигнуть быстрыхъ и положительныхъ результатовъ.

Въ результатѣ я, черезъ три недѣли по моемъ пріѣздѣ, пересталъ кашлять, температура установилась нормальная, вернулось бодрое самочувствіе, а черезъ мѣсяцъ - другой я пользовался почти полной свободой здороваго человѣка.

Начались тогда мои интереснѣйшія горныя экскурсіи съ гончими и ружьемъ.

Одновременно я страстно увлекался морскимъ спортомъ — въ моемъ распоряженіи имѣлась парусная шлюпка съ двумя прикомандированными матросами-рыболовами — смѣлыми, опытными моряками. Мы уходили далеко въ синее море, пользуясь „свѣжимъ" вѣтромъ. Пробовалъ я охотиться и за сновавшими подъ самымъ носомъ шлюпки, или рядомъ около бортовъ выпрыгивавшими „морскими свиньями" — дельфинами: забавная была охота, но не добычливая.

Выходя изъ комнатъ, я бралъ всегда съ собой черезъ плечо складную винтовку, зная, что подъ берегомъ, да и въ

самомъ „Райскомъ саду" на обширныхъ басссейнахъ можно было встрѣтить интересную пернатую „дичь" — дикихъ утокъ, гагаръ и пр. За одну эту зиму я наколотилъ столько бѣлогрудыхъ гагаръ, что впослѣдствіи изъ ихъ шкурокъ жена устроила воротнички, рукавчики, шапочки — однимъ словомъ полный гарнитуръ для нашихъ трехъ очаровательныхъ дочекъ подростковъ.

49

Наступилъ новый 1900 годъ, который пришлось намъ съ Анютой встрѣтить вдали отъ родного Головкина и дорогихъ для насъ престарѣлыхъ его обитателей...

Новый Годъ встрѣчали съ нами почти всѣ Ушковы, и во дворцѣ вновь ожило веселье и появилось многолюдье.

Съѣхалось и снова все такъ же быстро разъѣхалось, а мы сами, оставшись опять въ своемъ счастливомъ одиночествѣ, стали готовиться къ повторному великому нашему событію. Въ началѣ февраля ожидались роды. Все къ этому сроку было мною заранѣе приготовлено: пріѣхали заблаговременно изъ Москвы акушеръ Александровъ съ опытной женщиной.

Къ этому же времени относится также пріѣздъ ко мнѣ архитектора Александра Александровича Щербачева, спеціально вызваннаго мною изъ Самары, съ цѣлью обсудить проектъ постройки мною городского дома, подъ который я имѣлъ въ виду пріобрѣсти въ г. Самарѣ полномѣрный, въ 500 кв. саж., участокъ въ превосходномъ мѣстѣ — на Дворянской улицѣ противъ Струковскаго городского сада.

Щербачевъ, окончившій однимъ изъ лучшихъ курсъ Императорской Академіи Художествъ, ученикъ Бенуа, попалъ въ городскіе архитекторы въ Самару, женился на дочери бывшаго извѣстнаго Самарскаго Головы Алабина и обжился тамъ, заплывая мало-по-малу провинціальнымъ жиркомъ. Познакомившись съ его бывшими работами, я увѣровалъ въ его способности и захотѣлъ предварительно оживить его несомнѣнный, но былой, нынѣ „осамарившійся", талантъ.

Осматривая отъ Севастополя и до Алушты все побережье, мы восторгались всего болѣе дивнымъ Алупкинскимъ дворцомъ, любуясь его классическими пропорціями, строгими линіями и кладкой из вѣчнаго діорита.* Многое намъ также нравилось изъ архитектурнаго стиля самого Форосскаго дворца, выстроеннаго въ стилѣ итальянскаго ренессанса. Щербачевъ, какъ я и разсчитывалъ, дѣйствительно весь ожилъ и преобразился. Карандашъ его по-прежнему заходилъ смѣло и талантливо. Изъ всѣхъ эскизовъ я остановился на наброскѣ дома именно въ любимомъ мною стилѣ итальянскаго ренессанса, съ его красивыми колоннами, смѣлыми

---

* **Діоритъ — въ геологіи (петрографіи) — кристаллическая, скалистая порода. Ред.**

оконными очертаніями, уютными лоджіями и пр.

Все это, само собой, нами намѣчалось пока еще въ сыромъ первоначальномъ видѣ; предстояла еще длительная обстоятельная работа, которую онъ обѣщалъ выполнить по возвращеніи своемъ въ Самару, а пока, пользуясь его пребываніемъ, я радъ былъ съ нимъ проводить вмѣстѣ время, бесѣдуя на любимыя наши строительныя темы, и совмѣстно восхищаясь творчествомъ покойнаго А. Г. Кузнецова, сумѣвшаго оставить послѣ себя такую, созданную имъ, красоту, какую представляло изъ себя Форосское царство, съ его удивительнымъ дворцомъ и райскимъ паркомъ.

Трудно было себѣ представить что-либо лучшее, чѣмъ роскошный паркъ Фороса, съ его огромными лужайками, роскошными розаріями, причудливыми группами тропическихъ разнообразныхъ растеній, хвойными массивами, огромными клумбами пахучихъ цвѣтовъ, разбросанными то тамъ, то сямъ прудами, искусственными протоками въ затѣйливыхъ извилистыхъ берегахъ съ переброшенными черезъ нихъ легкими мостиками и т. п. Однажды гость спросилъ покойнаго А. Г. Кузнецова, дорого ли ему обошелся созданный имъ „Райскій" садъ?" на что получился отвѣтъ: „Во столько, во сколько сложится сумма всѣхъ радужныхъ сторублевыхъ билетовъ, если ими покрыть всю поверхность этого сада"!... И этому приходилось вѣрить!

Время ожидаемыхъ родовъ близилось и, наконецъ, — въ день рожденія самой матери: 3 марта 1900 г. у нея появилось новое маленькое существо женскаго рода. Въ силу подобнаго совпаденія, рѣшено было наименовать дѣвочку, въ честь новорожденной самой родительницы — также Анной. Все прошло благополучно, и крестины отпраздновали парадно, среди моря цвѣтовъ, въ Форосскомъ дворцѣ. Здоровье Анюты возстановилось быстро, и никто уже ей больше не мѣшалъ выкармливать самой свое новорожденное сокровище.

Въ концѣ того же марта мы съ Константиномъ Капитоновичемъ задумали предпринять интереснѣйшую поѣздку вокругъ береговъ Чернаго моря. Здоровье мое не оставляло желать лучшаго, такъ что докторъ Брюховскій разрѣшилъ осуществить мое намѣреніе, и мы съ милымъ моимъ тестемъ отправились изъ Севастополя сначала прямикомъ въ Константинополь на небольшомъ пароходѣ „Олегъ".

Съ какимъ интересомъ, раннимъ утромъ второго дня нашего путешествія, встрѣчалъ я знаменитый Босфоръ, о которомъ столько слышалъ и читалъ.

При самомъ входѣ въ Босфоръ, передъ нашими глазами съ обѣихъ сторонъ стали проходить чудеснѣйшіе виды. Не успѣли мы налюбоваться одной панорамой, какъ передъ нами развернулась новая, еще болѣе грандіозная. Путь по Босфору оказался недологъ, и вскорѣ открылся Стамбулъ во всей его исторической красѣ, Золотой Рогъ, Султанская резиденція и пр. Впечатлѣніе получалось ошеломляющее, но мечтать и созерцать всю эту красоту было некогда — насъ рвали цѣлыя своры подплывшихъ на своихъ „каякахъ" турокъ, другъ передъ другомъ спѣшившихъ перехватить пассажировъ и ихъ багажъ.

Вскорѣ добрались мы до очень хорошей гостиницы — „Пера-Паласъ". Намъ дали отличный номеръ, и мы не успѣли внести наши вещи, какъ сейчасъ же бросились на улицу, съ жадностью осматривать интереснѣйшую и своеобразную турецкую столицу.

Описывая все это теперь, спустя много лѣтъ и переживъ тяжкую революціонную бурю, со всѣми ея ужасными послѣдствіями, задаешь себѣ вопросъ: могъ ли я тогда предполагать, что когда-нибудь придется мнѣ не только въ положеніи отца, но и дѣда, со всѣмъ своимъ многочисленнымъ потомствомъ,въ качествѣ бѣженца, нищенски проживать въ періодъ зимы 1920-1921 г. въ этомъ самомъ Константинополѣ, да еще въ турецкой его части на Стамбулѣ, ютясь сначала въ отвратительной грязной гостиницѣ, а затѣмъ — тамъ же въ частномъ домикѣ, гдѣ женѣ, сидя на корточкахъ, приходилось готовить ѣду семьѣ?..

Пробывъ въ Константинополѣ всего дней пять, мы далеко не все успѣли осмотрѣть, но надо было торопиться, чтобы не упустить отходившій въ Батумъ пароходъ Итальянскаго общества Ллойда „Аврора", который по расписанію долженъ былъ заходить во всѣ порты Мало-Азіатскаго берега. Объ этомъ мы только и мечтали.

Пароходъ нѣсколько разъ заходилъ въ турецкіе порты, и мы не безъ удовольствія сходили на берегъ, поразмять ноги и очутиться на „твердой землѣ". Погода, на наше счастье, установилась тихая и такая продолжала держаться во все дальнѣйшее наше путешествіе, вплоть до возвращенія нашего въ Севастополь. Побывали мы въ Самсунѣ и въ Трапезундѣ, съ его замѣчательными греко-восточными церквями, многія изъ которыхъ передѣланы въ мечети. Навѣстили мы нѣкоторые монастыри, включая женскій Св. Георгія, расположенный среди горныхъ вершинъ, доминирующихъ надъ всѣмъ Трапезундомъ и его укрѣпленіями. Съ него открывался грандіозный видъ. Самый монастырь, сооруженный цѣлое тысячелѣтіе тому назадъ, имѣлъ характеръ вѣками освященной святыни. Особенно хорошо сохранилась живопись подъ входными аркадами. Удалось удачно сфотографировать нѣкоторыя иконы, которыя, въ увеличенномъ видѣ, могли бы служить мотивомъ для нашего возрождавшагося въ Россіи иконописнаго искусства. Но снимки эти, какъ и все прочее мое добро, сдѣлались достояніемъ большевицкаго варварства.

Побывали въ Батумѣ, гдѣ, несмотря на краткость времени, имѣвшагося у насъ въ распоряженіи передъ отходомъ нашего парохода изъ Батума на Сухумъ — Новороссійскъ, мы все же рѣшили съ Константиномъ Капитоновичемъ осмотрѣть Чаквинскія чайныя плантаціи — частныя (Поповскія) и удѣльныя. Удѣльныя чайныя плантаціи заведены были сравнительно недавно — кусты были всѣ еще молодые. При насъ какъ разъ происходилъ сборъ листьевъ. Затѣмъ мы присутствовали на всѣхъ манипуляціяхъ отбора, сортировки, прессова-

нія и сушки чайныхъ лепестковъ — все это было для насъ ново, интересно и поучительно. Приходилось отдавать должное образцовой дѣятельности Удѣльнаго Вѣдомства, его иниціативѣ, энергіи и хозяйственной настойчивости. Рядомъ съ чайными, производились опыты по насажденію бамбуковыхъ зарослей для нуждъ мебельныхъ, корзиночныхъ и другихъ всяческихъ производствъ. И это новшество было, видимо, поставлено такъ же удачно.

Величайшее наслажденіе испытывали мы съ моимъ милымъ спутникомъ, когда, послѣ грязной и голодной итальянской „Авроры", попали на одинъ изъ лучшихъ пароходовъ Русскаго Черноморскаго Общества, съ его великолѣпными, просторными каютами и обильнымъ вкуснымъ столомъ. Мы шли почти все время въ виду живописнѣйшаго Кавказскаго побережья.

Погода стояла превосходная — море было спокойно, и нашъ мощный пароходъ, весь сверкая на ослѣпительномъ солнцѣ, плавно скользилъ по зеркальной водной поверхности, сопровождаемый безчисленнымъ количествомъ выскакивавшихъ, фыркавшихъ и лоснившихся отъ жира дельфиновъ.

Пріятно было цѣлыми днями прогуливаться по широкой палубѣ или, лежа въ удобномъ шезъ-лонгѣ, любоваться горными очертаніями. Не забуду, какую исключительно красивую и красочную панораму изъ себя представляли окрестности Новаго Аѳона. Пароходъ остановился довольно далеко отъ берега и простоялъ не болѣе часа. Сойти намъ не удалось — капитанъ спѣшилъ. Пришлось ограничиться лишь фотографированіемъ замѣчательнаго по своей живописности мѣста.

Бросалась въ глаза удивительная красота горныхъ очертаній, начиная съ береговыхъ начальныхъ возвышенностей и кончая амфитеатромъ расположенными, грозными хребтами, съ цѣпью бѣлоснѣжныхъ вершинъ, виднѣвшимися на заднемъ планѣ Ново-Аѳонскаго поселка. Южное небо, подъ нимъ ослѣпительно-бѣлая полоска снѣгового хребта, за ней — темные силуэты горныхъ массивовъ разныхъ оттѣнковъ, впереди — ярко-зеленое плоскогорье, на которомъ бѣлыми и иными цвѣтными точками вкраплены колокольни и зданія обширнаго монастыря, окруженныя со всѣхъ сторонъ густыми апельсиновыми и мандариновыми рощами... и наконецъ, въ видѣ нижняго фона — бирюзово-синеватая широкая полоса самого моря, пересѣченная ярко-ослѣпительнымъ солнечнымъ бликомъ. Все это, вмѣстѣ взятое, представляло собой рѣдкое по силѣ и красотѣ зрѣлище.

Въ дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи наибольшій интересъ представилъ для насъ заѣздъ въ Сухумъ, гдѣ успѣли осмотрѣть паркъ съ ботаническимъ садомъ, и гдѣ намъ показывали огромный мощный чайный кустъ, перевезенный изъ Китая и отлично здѣсь акклиматизировавшійся. Тамъ же подвели насъ къ эвкалиптовому дереву, метровъ десять высотой, пояснивъ, что подобный его ростъ получился въ результатѣ всего лишь пяти лѣтъ (по 2 метра въ годъ). Эвкалиптовыя посадки въ то время только-что были начаты въ Сухумѣ и другихъ мѣстахъ Кавказскаго побережья, въ цѣляхъ осушенія нездоровой, по своей излишней влажности, почвы.

Послѣ Сухума останавливались мы въ Новороссійскѣ; заходили въ Феодосію, гдѣ успѣли осмотрѣть музей Айвазовскаго. Послѣ этого попали въ веселую, нарядную Ялту, заполнившую нашъ пароходъ оживленной публикой.

Циклъ нашей круговой черноморской поѣздки заканчивался. Финальнымъ зрѣлищемъ для насъ оказался ни съ чѣмъ несравнимый нашъ родной милый Форосъ, названный мною „второй моей родиной", въ знакъ признательности чудодѣйственному его воздѣйствію на мой организмъ.

Видъ на всю Форосскую мѣстность открывался съ парохода изумительный. Прежде всего, бросались въ глаза отвѣсныя скалы Яйлы съ промежуточнымъ Байдарскимъ перевадомъ, подъ которымъ, во всей своей величавой красѣ, на красно-мраморномъ утесѣ высился великолѣпный Божій храмъ, сооруженный А. Г. Кузнецовымъ.

Внизу разстилалась живописная зеленѣющая долина, съ прекрасными зданіями и заманчивыми уголками „Райскаго" сада.

Все это медленно, какъ грандіозная кинематографическая лента, проходило передъ нашими очарованными глазами. Взглянувъ на нашу церковь, мы оба, словно сговорившись, сняли шапки и истово перекрестились, возблагодаривъ Господа за милость его и наше благополучное совмѣстное путешествіе.

Дома мы застали всѣхъ въ добромъ здравіи и полномъ благополучіи. Лично я чувствовалъ себя превосходно, и съ разрѣшенія доктора Брюховскаго ,предпринялъ вскорѣ другое путешествіе, уже дѣлового характера, совмѣстно съ нашимъ Форосскимъ коммивояжеромъ Вальтеромъ. Предстоялъ намъ объѣздъ южнаго рынка по сбыту виноградняго вина — Одессы, Харькова, Кіева и др.

Мнѣ самому хотѣлось на мѣстѣ разобраться въ условіяхъ виноторговли и нащупать возможность наибольшаго распространенія Форосскаго вина, сбытъ котораго, за время моего пребыванія на югѣ, мнѣ удалось почти удвоить въ предѣлахъ лишь ближайшихъ рынковъ спроса — Севастополя, Ялты, Алушты съ ихъ окрестностями. На такой же успѣхъ я разсчитывалъ и въ названныхъ густо-населенныхъ районахъ, извѣстныхъ своимъ широкимъ спросомъ на виноградное вино.

Начали мы свою поѣздку съ Севастополя, избравъ отличный пароходъ того же Русскаго Общества „Цесаревичъ Георгій".

Послѣ бурнаго перехода доѣхали мы до Одессы, гдѣ остановились въ лучшей тогда гостиницѣ „Лондонъ", славившейся своей ѣдой — особенно знаменитой ухой изъ морскихъ „бычковъ".

Одесса показалась мнѣ большимъ культурнымъ городомъ, красиво застроеннымъ многоэтажными солидными зданіями и украшеннымъ превосходными памятниками, садами и бульварами.

Жизнь города сосредоточена была, главнымъ образомъ, въ его огромномъ порту съ многочисленными крытыми платформами, конторами и спеціально приспособлеными зданіями. Неоднократно, пользуясь близостью моей гостиницы, я заходилъ въ него и любовался кипящей тамъ работой.

При мнѣ какъ разъ шла разгрузка китайскихъ чаевъ, и я случайно познакомился съ Одесскимъ довѣреннымъ Товарищества „Губкина-Кузнецова, С. О. Сыромятниковымъ, любезно пригласившимъ меня на ихъ „развѣсную". Это было огромное зданіе, приспособленное подъ разныя манипуляціи, совершаемыя спеціалистами съ пробой чаевъ, ихъ купажированіемъ, расцѣнкой, развѣской, укупоркой и пр. По случайному и счастливому для меня совпаденію, за сравнительно недолгій промежутокъ времени, мнѣ удалось видѣть — — сначала въ Чаквѣ — сборъ и производство чая, а затѣмъ здѣсь, въ Одессѣ, — познакомиться со всей сложной процедурой подготовительныхъ операцій для розничной его продажи. Все это было для меня ново и чрезвычайно интересно.

Близость морского порта, съ его безчисленными дымящими пароходными трубами, оказалась, совершенно неожиданнымъ образомъ, непріятнымъ для меня сосѣдствомъ: окна мои из гостиницы „Лондонъ" выходили на Николаевскую набережную и Одесскій портъ. Въ первый же день, покидая свой номеръ, я забылъ закрыть окна. Вернувшись лишь къ вечеру, я увидалъ все свое платье, бѣлье, бумаги и пр. покрытымъ толстымъ слоемъ черной копоти... Конечно, на послѣдующее время пришлось быть предусмотрительнѣе.

Времени я съ Вальтеромъ не терялъ. Мы встрѣчались съ нужными для сбыта нашего вина людьми, изъ числа коихъ наиболѣе интересными оказались: грекъ А. А. Трапани, глава большой транспортной конторы, и нѣкій Кочетковъ. При ихъ посредствѣ мнѣ удалось запродать большую партію Форосскаго вина на Дальній Востокъ — въ Ханькоу и Манчжурію. Ради этого пришлось просиживать съ упомянутыми лицами въ отдѣльныхъ кабинетахъ уютнаго Лондонскаго ресторана, угощать и самому угощаться вкусными яствами. Имѣлъ я случай отвѣдать и пресловутую уху изъ бычковъ, о которой такъ много говорили. Она оказалась удивительно вкусной.

Оставшись доволенъ результатомъ моего одесскаго посѣщенія и налаженныхъ коммерческихъ знакомствъ, отправился я, въ сообществѣ того же Вальтера и стараго моего пріятеля графа Владиміра Стенбокъ Фермора, въ дальнѣйшій свой объѣздъ. Горѣлъ я превеликимъ нетерпѣніемъ увидать „мать городовъ Русскихъ" — старопрестольный Кіевъ, съ его тысячелѣтними историческими воспоминаніями, восходившими къ днямъ зачатія русской государственности и православной вѣры. Многаго я ждалъ, но дѣйствительность превзошла всѣ мои чаянія.

Попавъ въ Кіевъ, я долго стоялъ очарованный раскрывшимся съ конца Крещатика видомъ на днѣпровскую безграничную даль и на Кіевскій „Подолъ". Немного спустившись, очутился я около обелиска, съ крестомъ наверху, напоминавшаго о мѣстѣ крещенія Руси. Пройдя дальше по косогору вправо, мы подошли къ „Аскольдовой Могилѣ"... Однимъ словомъ, — на что ни взглянь, куда ни зайди — все отзывалось давними вѣками, и я проникался чувствомъ благоговѣнія передъ историческими памятниками сѣдой нашей старины... Нѣсколько дней мы со Стенбокомъ, не разставаясь, обходили, объѣзжали все, что только было наиболѣе для меня интереснаго. На это время Вальтеръ былъ мною откомандированъ въ Бахмутскій районъ, по дѣламъ той же нашей коммерціи, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобъ, по его возвращеніи, вмѣстѣ заняться Кіевскимъ рынкомъ.

Одинъ день мы почти цѣликомъ посвятили подробному осмотру Кіево-Печерской Лавры, посѣщеніе которой совпало съ днемъ Лазаревой субботы и скопленіемъ массы богомольцевъ. Когда мы спустились въ безконечный подземный лабиринтъ т. н. „ближнихъ" и „дальнихъ" пещеръ, мы очутились среди безпрерывной вереницы посѣтителей святыхъ мѣстъ, проходившихъ другъ за другомъ по мрачнымъ туннелямъ. Впечатлѣніе я вынесъ тогда двоякое — съ одной стороны, несомнѣнно внушительное и положительное, воочію видя явныя доказательства былого величайшаго религіознаго подвижничества; но невольно зарождалось во мнѣ и иное впечатлѣніе. При встрѣчѣ на нашемъ пещерномъ пути всякихъ сомнительныхъ „мироточивыхъ головъ", около которыхъ шла самая беззастѣнчивая торговля за писанье разныхъ здравицъ и моленій, я ловилъ себя на чувствѣ возмущенія передъ проявленіями цинично-наглаго вымогательства и кощунственнаго одурачиванія простыхъ людей, на почвѣ ихъ религіознаго фанатизма. Владиміръ Стенбокъ оказался одного мнѣнія со мною, добавивъ, что немало „людей общества" одинаково съ нами мыслятъ, но сознаютъ свое безсиліе въ борьбѣ съ вкоренившимися обычаями и снисходительностью іерархическихъ верховъ.

Изъ общей массы осмотренныхъ нами городскихъ мѣстъ и зданій, остался у меня также въ памяти Кіевскій дворецъ, очень понравившійся мнѣ своимъ скромнымъ, но пріятнымъ, уютно-помѣщичьимъ видомъ.

Не безъ сожалѣнія разстались мы съ Стенбокомъ, успѣвъ за проведенное нами время многое перебрать изъ сравнительно недавняго прошлаго нашего совмѣстнаго московскаго житья-бытья.

Мы съ Вальтеромъ торопились къ праздникамъ покончить наши дѣла въ Кіевѣ и Харьковѣ, гдѣ особенно много было получено нами заказовъ, именно ввиду наступавшей Пасхи. Намъ хотѣлось поспѣть въ Форосъ къ пасхальной заутренѣ и домашнему разговѣнью, что и удалось осуществить.

Пасху — радостную, свѣтлую, яркую и благоуханную, встрѣтили мы въ „райскомъ" Форосѣ. Въ видѣ краснаго яич-

ка я преподнесъ владѣльцамъ, какъ результатъ своей поѣздки, огромное количество заказовъ на форосское вино со всего юга Россіи, такъ что нѣкоторыхъ сортовъ винъ, какъ напр. Бордо № 1, въ нашихъ подвалахъ нехватило; пришлось въ спѣшномъ порядкѣ закупать выдержанные сусла, купажировать и выпускать подъ форосской этикеткой.

За короткій срокъ удалось увеличить сбытъ вина болѣе, чѣмъ вдвое: вмѣсто 8.000 ведеръ, проданныхъ за весь истекшій отчетный годъ, за одну лишь первую половину операціоннаго (1900) года отпущено было изъ форосскихъ подваловъ около 10.000 ведеръ, и заказовъ получено было на такое же количество. Несомнѣнно, Форосъ переходилъ на положеніе доходнаго имѣнія, такъ какъ, по моему разсчету, при реализаціи 12.000 ведеръ, весь владѣльческій расходъ (содержаніе дворца, парка и пр.) сполна покрывался, а все, что выручалось при продажѣ за годъ свыше 12.000 ведеръ, являлось уже чистой прибылью съ имѣнія.

Здоровье мое настолько возстановилось, что со стороны доктора Брюховскаго воспослѣдовало давно желанное мною разрѣшеніе вернуться къ себѣ — въ Россію, на Волгу, къ старикамъ и родному дѣлу.

Пріѣхавъ со всѣми своими семейными и домочадцами въ Москву, я подвергся тщательному докторскому осмотру и изслѣдованію. Результатъ получился самый благопріятный, и лишь тогда Константинъ Капитоновичъ и докторъ Щуровскій разсказали намъ съ Анютой страшную правду, которую они отъ насъ скрывали, что въ ноябрѣ прошлаго года у меня былъ туберкулезъ.

Горячо поблагодарили мы моего истиннаго спасителя Константина Капитоновича, своевременно обратившаго вниманіе на мое заболѣваніе и принявшаго противъ него рѣшительныя мѣры.

Перенесенная мною болѣзнь впослѣдствіи никогда у меня больше не проявлялась, и здоровьемъ я потомъ пользовался исключительно хорошимъ, обладая немалымъ запасомъ физическихъ и душевныхъ силъ, въ которыхъ я постоянно нуждался во всей послѣдующей моей жизни, протекавшей въ условіяхъ напряженной работы и тяжкихъ испытаній.

50

Радостные и счастливые вернулись мы подъ головкинскій кровъ, къ нашимъ одинокимъ старичкамъ и осиротѣвшему хозяйству. Трудно и нудно было намъ всѣмъ разсказывать дѣйствительную причину нашего долгаго отсутствія и крымскаго проживанія. Смотря на мой цвѣтущій видъ, никто не вѣрилъ, что я былъ тяжко боленъ.

Послѣ всего мною за послѣдніе года перенесеннаго, я становился совершенно безразличенъ къ условностямъ т. н. „общественнаго мнѣнія", избравъ единственный на мой взглядъ вѣрный и опредѣленный путь въ своей жизни, котораго я впослѣдствіи всегда держался — путь чисто дѣлового достиженія, ради котораго я ни передъ чѣмъ не останавливался, всячески отстраняя себя отъ сплетенъ и интригъ личнаго свойства.

По пріѣздѣ въ родныя мѣста, я весь отдался устройству головкинскихъ дѣлъ, въ чемъ явно ощущалась безотлагательная необходимость. Къ большому нашему горю, я засталъ бѣднаго моего отца съ признаками замѣтнаго ухудшенія его здоровья: онъ самъ сталъ просить меня взять все хозяйство въ свои руки, со слезами на глазахъ сознаваясь въ своей немощи. Мама мнѣ тоже не нравилась — нервность ея вновь усилилась. Всѣ ея помыслы, часто при насъ высказываемые, вращались около брата Николая, служившаго въ то время въ г. Иркутскѣ, или вокругъ сиротства ея внука — Митюши. Наше личное благополучіе и молодое счастье служили ей какъ бы фономъ для подчеркиванія тяжкой судьбы обоихъ ея остальныхъ сыновей. Присутствіе ласковой и ровной Анюты вносило общее успокоеніе, что же касается меня самого, то я съ ранняго утра и до поздняго вечера былъ занятъ своими срочными работами и хозяйственными хлопотами, преисполненный здоровья, бодрости и надежды на лучшее будущее. Захаживая часто къ своимъ старикамъ, я старался занимать отца разсказами о нашемъ хозяйствѣ. Что же касается мамы, то съ ней было труднѣе, но все же, мало-по-малу, и она сдѣлалась по отношенію къ намъ задушевнѣе и ласковѣе, а со временемъ и вовсе успокоилась.

У меня и ранѣе еще складывался планъ преобразованія головкинскаго хозяйства, какъ бы застывшаго и превратившагося въ почти бездоходную рутину. Между тѣмъ, природныхъ богатствъ въ отцовскомъ имѣніи было не мало — требовалось лишь ихъ вызвать къ жизни и разумно и интенсивно использовать. На этомъ собственно и основана была вся мной намѣченная реформаторская работа.

На самомъ дѣлѣ, — пахотной земли при имѣніи было совершенно достаточно — 1.000 десятинъ казенной мѣры, но она требовала частью освѣженія путемъ глубокой зябки, частью правильнаго унаваживанія и, главное, введенія, вмѣсто трехполья, многополья съ пропашными растеніями.

Далѣе, луговъ было огромное богатство — до 4.500 десятинъ. Выручалось съ нихъ до смѣшного мало, и арендныя цѣны отстали отъ сосѣднихъ во много разъ. У отца велся давній порядокъ сдавать луга цѣлыми дачами извѣстнымъ ему арендаторамъ, которые передавали отъ себя другимъ за болѣе высокую плату. Въ силу подобной системы, арендная цѣна за десятину у отца проходила, примѣрно, въ 5 рублей въ то время, какъ у сосѣдей взималось за такую же 12-15 рублей. Отсюда напрашивалось заданіе, съ одной стороны, измѣнить установившійся способъ сдачи луговъ въ аренду, и съ другой, — изъять изъ общаго количества луговъ возможно лучшую и значительную ихъ часть и расширить животноводство.

Далѣе, въ имѣніи находилось до 2.000 десятинъ разнаго,

больше лугового, лѣса, не приносившаго отцу почти никакого дохода, за исключеніемъ безсистемной выборочной рубки единичныхъ каршей — обруча и т. п. Эта хозяйственная отрасль также требовала серьезнаго упорядоченія.

Вопросъ сдачи рыбныхъ ловель по Волгѣ и во всѣхъ займищныхъ водахъ (таковыхъ, включая Воложскую воду, было свыше 30.000 десятинъ), тоже требовалъ пересмотра. Цѣны на эти ловли стояли при отцовскомъ управленіи обидно-низкія, но старикъ держался своихъ взглядовъ, главнымъ образомъ, не желая мѣнять прежнихъ своихъ арендаторовъ.

Наконецъ, въ имѣніи существовала водяная сила, правда, образцово использованная отцомъ въ свое время для его любимаго дѣтища — мельницы, но послѣдующая техника давала возможность еще большихъ достиженій, при замѣнѣ колесъ турбинами. Однимъ словомъ, никакихъ новшествъ я не имѣлъ въ виду заводить у себя, а желалъ лишь то, что мнѣ Господомъ и отцомъ было передано въ мою собственность и распоряженіе, использовать возможно разумнѣе и полнѣе.

Основой всей моей будущей работы намѣчалась правильная постановка конторскаго дѣла въ имѣніи, съ возможно яснымъ учетомъ всѣхъ главнѣйшихъ отраслей хозяйства. Въ этомъ отношеніи у меня была серьезная подготовка по прошлой моей дѣятельности. Кромѣ того, я вообще интересовался системами наиболѣе дешевой и упрощенной бухгалтеріи, которыя могли бы примѣняться въ небольшихъ сравнительно экономіяхъ, не требуя лишнихъ людей и расходовъ.

Болѣе всего мнѣ понравилась „система Мороховца", которую я еще въ Крыму обстоятельно проштудировалъ и намѣтилъ завести у себя въ Головкинѣ. Девизомъ этой системы, помнится мнѣ, было „время — деньги", а основой: — „нѣтъ счета, который бы получалъ, безъ счета, который бы отдавалъ". Я былъ убѣжденный сторонникъ введенія въ помѣщичій хозяйственный обиходъ извѣстной доли чисто промышленнаго элемента, въ чемъ бы онъ ни заключался, лишь бы былъ пригоденъ для данной мѣстности и примѣненъ къ данному хозяйственному укладу.

Лично у меня по отношенію моего будущаго головкинскаго хозяйства складывалось твердое убѣжденіе въ безусловной выгодности расширенія мукомольнаго дѣла до предѣловъ большого промышленно-коммерческаго предпріятія. Для этого имѣлись подъ рукой всѣ благопріятныя условія: своя пристань, наличіе даровой водяной силы и возможность примѣненія для мельничнаго механизма дешевой паровой силы, выгодность которой обуславливалась имѣвшейся около Головкина займищной малоцѣнной древесиной. Вблизи моего имѣнія былъ расположенъ рядъ обширныхъ частновладѣльческихъ посѣвовъ, урожай съ которыхъ, въ видѣ крупныхъ зерновыхъ партій, большей частью, — ржи, долженъ былъ тяготѣть для сбыта и ссыпки въ ближайшій и наиболѣе для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ удобный пунктъ

— именно на мою головкинскую пристань. Это то, что мною намѣчалось въ первую голову.

Послѣдующимъ мѣропріятіемъ должно было быть оборудованіе широко поставленаго сыроваренія, съ доставкой продукта на Московскій рынокъ.. На это меня наталкивали опять-таки сами мѣстныя условія, въ видѣ большого изобилія луговъ, кормовъ и пастбищъ, а также возможность скупки молока во всей округѣ, что вызвало бы увеличеніе не только своего, но и сосѣдскихъ молочныхъ стадъ, включая и крестьянскія. Это подняло бы спросъ и цѣны на луговую аренду и выпасы.

Предварительные переговоры съ московскими крупными сыроторговцами убѣдили меня въ неисчерпаемой емкости сырнаго столичнаго рынка, особенно на нѣкоторые ходовые сорта. Помимо этого, мною учитывался также рядъ другихъ благопріятныхъ для задуманнаго мною дѣла условій, какъ-то: удобство и сравнительная дешевизна доставки готоваго продукта изъ Головкина до Москвы, наличіе подходящаго зданія, въ видѣ праваго каменнаго флигеля нашей усадьбы, и несложность самого сыровареннаго производства.

Трудно пересказать все, что намѣчалось мною въ то счастливое, юное, хозяйственно-творческое время. Господу угодно было мало-по-малу всѣ мои мечты превращать въ дѣло. Результаты получались не только удачные, но и по нѣкоторымъ отраслямъ безусловно блестящіе, во всякомъ случаѣ превзошедшіе всѣ мои смѣтныя предположенія.

Достаточно здѣсь упомянуть, что то самое имѣніе, которое при отцѣ давало за послѣдніе десять лѣтъ его управленія, средній чистый доходъ около 8.000 рублей, приносило мнѣ, въ концѣ моего хозяйничанья, начиная съ 1912 года, до 80.000 рублей чистаго барыша, причемъ главная доля выручки имѣла своимъ источникомъ значительно расширенное и на коммерческую ногу поставленное мельнично-мукомольное дѣло.

Долженъ, правда, оговориться, что благодаря содѣйствію жены, мною былъ сполна погашенъ числившійся на Головкинскомъ имѣніи долгъ Дворянскому Банку (135.000 р.), что, конечно, много облегчало и улучшало общій кассовый балансъ, ранѣе обременяемый процентными платежами.

Война 1914 года помѣшала осуществить послѣднее мое хозяйственное заданіе — оборудованіе сыроваренія. Послѣдующая за ней страшная революція смела все на своемъ стихійно-разрушительномъ пути. Всѣ вложенные въ прошломъ отцомъ и мною труды пошли прахомъ. Объ этомъ, впрочемъ, не только писать, но и думать невыносимо тяжко!...

Среди всякихъ хозяйственныхъ заботъ и предпріятій, я удѣлялъ много времени и силъ и постепенному благоустройству всей нашей усадебной обстановки. Рѣшивъ въ полной неприкосновенности сохранить внѣшній обликъ нашего головкинскаго дома, я произвелъ лишь самыя необходимыя въ немъ и вокругъ него ремонтныя работы. Но изъ лѣваго каменнаго флигеля я убралъ рабочихъ, птичникъ и инвентар-

ный складъ и превратилъ его въ превосходное жилое помѣщеніе, въ которомъ были устроены квартиры для служащихъ, съ окнами на конный дворъ, и нѣсколько запасныхъ комнатъ для пріѣзжающихъ, съ видомъ на внутренній, т. н. „барскій" дворъ. Въ томъ же флигелѣ была возстановлена въ прежнемъ ея видѣ двухсвѣтная обширная зала, приспособленная мною подъ читальню-библіотеку, съ помѣстительными стѣнными шкафами и удобной диванной мебелью. Въ ней стояло піанино, а по стѣнамъ были развѣшаны охотничьи трофеи въ видѣ лосиныхъ роговъ, и цѣлая серія моихъ охотничьихъ фотографій, изображавшихъ всѣ виды головкинскаго спорта, бытъ и образъ деревенской жизни моей семьи, а также наиболѣе интересныя сцены изъ сельскохозяйственнаго обихода.

Рядомъ съ этимъ помѣщеніемъ, въ концѣ флигеля, съ окнами и выходомъ на улицу, была устроена мною контора, входъ въ которую со стороны „барскаго" двора былъ красиво отдѣланъ въ русскомъ стилѣ, въ видѣ уютнаго крытаго крылечка, съ соотвѣтствующей рѣзьбой и витыми, легкими колонками. Въ конторѣ имѣлся мой „хозяйскій" обширный кабинетъ, со всѣми необходимыми принадлежностями, уставленный шкафами и полками для храненія конторскихъ архивовъ и текущихъ дѣлъ, зерновыхъ, сѣменныхъ и мучныхъ пробъ, съ планами на стѣнахъ и конторской стойкой около оборудованной въ углу центральной телефонной станціи.

Въ первый же годъ моего головкинскаго управленія, я приступилъ къ проведенію телефонной линіи до почтово-телеграфной станціи при с. Старой Майнѣ — всего около девяти верстъ. Простой подсчетъ мнѣ подсказывалъ выгодность этого мѣропріятія, не говоря уже о тѣхъ удобствахъ, которыя давали мнѣ возможность непосредственно сноситься съ Маинскимъ населеннымъ пунктомъ, гдѣ бывалъ обширный хлѣбный базаръ, были склады всевозможныхъ сельскохозяйственныхъ матеріаловъ, имѣлась врачебная помощь и пр. За доставку телеграммы изъ Майны съ нарочнымъ въ Головкино, мы платили 75 коп., не считая „чаевыхъ". Завѣдуя богатыми и отвѣтствеными дѣлами, порученными мнѣ моимъ тестемъ, и проживая вмѣстѣ съ тѣмъ вдали отъ всѣхъ руководимыхъ мною центровъ Ушковскаго управленія, я былъ заинтересованъ въ возможно скорѣйшемъ упорядоченіи не столько почтовыхъ, сколько именно телеграфныхъ сношеній съ моими сотрудниками и довѣрителями.

Приглашенный мною спеціалистъ-техникъ оказался дѣльнымъ работникомъ, быстро установившимъ на протяженіи девяти верстъ связь между Головкинымъ и Майной. Было получено разрѣшеніе тоже со стороны собственниковъ всѣхъ земель, черезъ которыя пришлось проводить линію и вкапывать столбы, заготовленные изъ своего же лугового отличнаго прямоствольнаго дуба. Въ какой-нибудь мѣсяцъ все было закончено, и я смогъ непосредственно посылать и получать депеши во всѣ страны міра.

Съ моей легкой руки, телефонное сообщеніе стало устанавливаться во многихъ мѣстахъ. Вскорѣ же я смогъ соединяться въ самой Майнѣ съ больницей, аптекой, сосѣдомъ — моимъ большимъ другомъ — М. М. Лентовскимъ и др. Я провелъ изъ конторской центральной станціи линію къ себѣ въ домъ, въ свой небольшой рабочій кабинетъ, и въ новыстроенное мной помѣщеніе для управляющаго. Затѣмъ была добавлена линія на новую мою вальцовую мельницу (съ 1912 года), а съ этой мельницы было проведено по всей нашей обширной усадьбѣ электрическое освѣщеніе.

Выселивъ рабочихъ изъ бокового флигеля, примыкавшаго къ господскому дому, я ихъ размѣстилъ вдали отъ себя, ближе къ рабочему конному двору, въ просторномъ флигелѣ-особнякѣ, постройки еще крѣпостныхъ временъ. Я выстроилъ въ центрѣ всѣхъ хозяйственныхъ построекъ помѣстительный каменный домъ и въ немъ отвелъ комфортабельную квартиру для управляющаго.

Съ годами, около упомянутаго новаго флигеля, образовался цѣлый хуторъ-поселокъ, заключавшій въ себѣ рядъ кирпичныхъ построекъ, исключительно хозяйственно-служебнаго характера. Въ числѣ таковыхъ имѣлось обширное помѣщеніе для конскаго завода съ манежемъ, отдѣленіями для матокъ и жеребятъ, а также всевозможные цейхгаузы, мастерскія: кузнечно-слесарныя, столярно-плотничныя и обширные навѣсы для храненія всяческаго инвентаря. Наконецъ, невдалекѣ отъ упомянутаго хутора, за садовой оградой, въ самомъ центрѣ нашей обширной разросшейся усадьбы, я вырылъ „Абиссинскій" колодезь съ водокачкой и обширнымъ бассейномъ, откуда была проведена во всѣ необходимыя помѣщенія вода, оказавшаяся сильно желѣзистой и по вкусовымъ качествамъ превосходной

По другую сторону нашей господской усадьбы, рядомъ съ церковью, я выстроилъ превосходныя, каменныя — выѣздную, разгонную и запасную конюшни, съ помѣстительнымъ каретникомъ, обращеннымъ къ улицѣ. На этомъ дворѣ, всегда содержавшемся въ большомъ порядкѣ, производилась выводка нашей рысистой молодежи, въ нѣсколько лѣтъ завоевавшей себѣ имя не только на провинціальныхъ, но и столичныхъ ипподромахъ. Основаніемъ нашего завода послужила тройка сѣрыхъ матокъ, приведенныхъ съ собой Анютой изъ Осташевскаго завода. Всѣ онѣ были высокихъ орловскихъ кровей, отъ „Молодца" Тулиновскаго завода. Въ то же время были намъ подарены изъ Осташевскаго же завода два жеребца — старый „Любезный" и молодой — „Лимонъ" (родной братъ „Летуна"). Послѣ этого пріобрѣтена была отъ Григорія Ушкова еще тройка караковыхъ матокъ, рѣдко энергичныхъ и статьистыхъ — дочерей „Касатика" завода герц. Лейхтенбергскаго. Съ этихъ всѣхъ лошадей и началось дѣло разведенія нами собственнаго рысистаго завода, параллельно съ основаніемъ коневодства, которое велось путемъ скрещиванія рысистыхъ кровей съ наиболѣе подходящими типами тяжеловозовъ (главнымъ образомъ — першероновъ).

Съ перваго же года нашего пріѣзда въ Головкино, мы съ женой рѣшили ознаменовать наше „новоселье" путемъ по-

садки молодого сада. Я прихватилъ около двухъ десятинъ земли подъ наше новое дѣтище, а на грани прежняго парка и нашего молодого сада мы посадили кустъ бѣлой махровой сирени, который былъ намъ поднесенъ въ день нашего бракосочетанія въ Петербургѣ среди прочей массы свадебныхъ цвѣтовъ. Милая моя мама умудрилась благополучно довезти его до самаго Головкина. Прошли года. Новый садъ дружно разросся вокругъ своей огромной матки — могучей пятнадцатисаженной красавицы пихты. Пустилъ корни и нашъ „свадебный" кустъ, красовавшійся невдалекѣ отъ обширной, устроенной въ новомъ саду, теннисной площадки.

Спустя 18 лѣтъ послѣ посадки, „наша" „брачная сирень", превратившаяся въ высокій, широко и ровно разросшійся красивый кустъ, оказалась, по волѣ Провидѣнія, тѣмъ мѣстомъ, около котораго свершилось знаменательное событіе того же „брачнаго" порядка, но касавшееся уже послѣдующаго поколѣнія: весной 1915 года около этого куста опустились на колѣни передъ родителями два молодыхъ красивыхъ существа — наша цвѣтущая, румяная, старшая дочь Марія, а рядомъ съ ней стройный молодой Поливановъ... Они просили нашего благословенія на будущую ихъ совмѣстную супружескую жизнь... Кустъ продолжалъ и послѣ цвѣсти, зацвѣла и жизнь молодой повѣнчанной пары — но, увы — не надолго... Счастье ихъ оборвалось внезапно, стихійно. Надо думать, что и кустъ, нами посаженный, давно сломанъ и затоптанъ новыми непрошенными хозяевами Россіи...

Будучи занятъ разведеніемъ новаго сада, я дѣлалъ все возможное и для поддержанія стараго нашего парка, представлявшаго собою особую цѣнность, благодаря разнообразію хвойныхъ породъ. Виднѣлись огромныя вѣковыя сосны, съ широко раскинутыми вѣтвями. Словно зеленый обелискъ возвышалась надъ всѣми, единственная въ своемъ родѣ по стройности и красотѣ, темнозеленая пихта съ ея многочисленнымъ потомствомъ, самосѣвно распространившимся по всему саду. Въ особенности памятна мнѣ чудная прямая аллея старыхъ дуплистыхъ липъ, о которыхъ преданіе передавало, что сажены онѣ были будто бы самой Императрицей, Великой Екатериной, при посѣщеніи ею Казани, когда она побывала и въ Головкинскомъ Приволжьи.

Обстраивая свой усадебный поселокъ, я завелъ собственные кирпичные заводы. И глины и топлива было въ изобиліи. Кирпичъ выпускался превосходнаго качества и въ большомъ количествѣ. Хватало его не только на всѣ мои постройки, но я отпускалъ его на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ и крестьянамъ с. Головкина , особенно обитавшимъ въ моемъ т. н. „Яицкомъ концѣ", который за десять лѣтъ почти весь успѣлъ застроиться каменными домами.

51

За 16 лѣтъ моего сосѣдства съ головкинскими крестьянами, установились у меня съ ними добрыя отношенія и взаимное довѣріе. Не могу не вспомнить того чувства удовлетворенія, которое я всегда испытывалъ, проѣзжая по „Яицкому" концу и глядя на крестьянскія постройки, почти сплошь каменныя, желѣзомъ крытыя, добрый, видный скотъ и довольство. Хозяева всегда учтиво, отъ стараго до малаго, поклономъ и добрымъ словомъ встрѣчали своего сосѣда. Я убѣжденъ, что и сами Головкинскіе старики — мои сверстники такъ же меня вспоминаютъ!..

Благопріятно началось и шло мое, съ дѣтства любимое, сельское хозяйство, которымъ я всѣмъ своимъ разумомъ и сердцемъ горячо увлекался, счастливый своей непосредственной близостью къ природѣ, бодрый духомъ отъ сознанія полезнаго творчества и здоровый тѣломъ отъ пріятнаго труда и деревенской привольной жизни.

Добрыя отношенія съ моими двоюродными братьями, съ перваго же года нашей совмѣстной головкинской жизни, замѣтно упрочились. Ближайшіе мои сосѣди — Павелъ и Николай Михайловичи Наумовы, оба крупные помѣщики и превосходные хозяева, съ утра до ночи занятые своимъ большимъ дѣломъ, оцѣнили и во мнѣ такую же однородную съ ними силу, со временемъ отдавая должное моимъ знаніямъ, предвидѣніямъ и даже совѣтамъ. Въ свободные дни или зимніе вечера мы другъ съ другомъ видѣлись, сходились семьями и всегда братски-задушевно встрѣчались, что лично я, лишившійся сразу обоихъ своихъ родныхъ братьевъ, особенно въ нихъ цѣнилъ. Павелъ съ Николаемъ, видимо, понимали мое положеніе и искренно высказывали мнѣ свои сердечныя, чисто-братскія отношенія.

Спустя нѣкоторое время переѣхалъ къ намъ въ Головкино еще и третій мой двоюродный братъ Алексѣй Михайловичъ Наумовъ. Алексѣй Михайловичъ по характеру своему рѣзко отличался отъ своихъ братьевъ: проведя всю свою молодость на судебной службѣ, вращаясь больше въ городскомъ обществѣ, онъ предпочиталъ развлеченіе серьезному усидчивому труду. Попавъ въ Елшанку, онъ все время именно „развлекался", но не работалъ. Получая проценты съ капитала, вырученнаго за Хлѣбодаровку, онъ могъ жить, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, расходуя все свое время на разные „пустяки", какъ выражались его братья. Алексѣй то и дѣло катался на выведенныхъ имъ изъ Уфимской губерніи лошадкахъ-„вяткахъ", потомъ завелъ себѣ автомобиль „Адлеръ", пугая на пути все и вся. Онъ былъ въ нашихъ мѣстахъ піонеромъ этой „антихристовой машины", какъ обзывали ее крестьяне.

Лично я рѣшился завести у себя въ Головкинѣ автомобиль, спустя лишь много лѣтъ, когда и люди и деревенскій скотъ, главнымъ образомъ, лошади, болѣе или менѣе съ ними освоились.

52

Въ описываемое мною время всѣ мы жили у себя, въ помѣщичьихъ гнѣздахъ, размѣренной, широкой — именно „помѣщичьей" жизнью. Позже, всѣмъ другимъ Наумовымъ, какъ и мнѣ, пришлось надолго покидать милое наше Головкино и возвращаться въ него лишь на краткое лѣтнее пребываніе. У всѣхъ подрасли дѣти, требовавшія городского обученія. Мнѣ служба мѣшала жить такъ, какъ хотѣлось бы — мирно, тихо, въ скромной деревенской обстановкѣ. Въ то счастливое время (1900 - 1901 - 1902 г. г.) никуда мы не спѣшили изъ своего Головкина и крѣпко, почти безвыѣздно сидѣли круглый годъ въ своихъ усадьбахъ.

Упоминая о своей страсти ко всему тому, что именуется Божьимъ міромъ, и имѣя особое тяготѣніе къ природѣ, нетронутой человѣческой рукой, къ ея дѣвственнымъ чарамъ, я не могу не подчеркнуть, что въ этомъ отношеніи наше Головкино представляло собой въ дѣйствительности непочатый край цѣлины, природной „дѣвственности".

Начну съ весны. — Хотя у насъ не было глухариныхъ и тетеревиныхъ токовъ, но зато, что такое представляла собою весною вся волжская пойма, кишмя кишѣвшая пернатыми, слетавшимися со всѣхъ концовъ вселенной!? Пусть мои дѣти вспомнятъ, какъ я ихъ, маленькихъ, водилъ по незаливаемымъ низинамъ заповѣднаго мѣста, т. н. „Подстепного" — традиціоннаго вешняго этапа перелетныхъ птицъ, гдѣ онѣ осѣдали, любили, размножались.

Во время волжскаго разлива, Подстепное представляло собою мѣсто исключительное для удобства осѣданія на немъ всяческой перелетной птицы — утокъ, гусей, лебедей и всевозможныхъ породъ куликовъ. Далеко расположенное отъ населеннаго мѣста (въ трехъ верстахъ отъ Головкина), оно изобиловало ольховыми зарослями и удобными, травянистыми, кочковатыми луговинами. Въ Подстепномъ изстари вѣковъ запрещалось весной охотиться — съ прадѣдовскихъ временъ это было освященное, заповѣдное мѣсто. Ходишь, бывало, тамъ весной по мягкой, свѣжей, кудрявой муравѣ, среди кустарниковыхъ зарослей, и видишь почти рядомъ съ собой то парныхъ лебедей, то сѣрыхъ, съ виду совсѣмъ домашнихъ, дикихъ гусей.

Неоднократно наши дѣтки натыкались на сидѣвшихъ на своихъ гнѣздышкахъ дикихъ утокъ. Токовали и танцовали на своихъ длинныхъ ножкахъ турухтанчики, съ взъерошеннымъ на шейкахъ опереніемъ и раскрытыми вѣеромъ хвостиками. Среди прочаго пернатаго гомона раздается какъ бы блеяніе молодого барашка — это бекасъ по-весеннему играетъ, тоже по-своему любовно токуетъ, забираясь въ высь, подъ небеса, и оттуда стремглавъ ниспадая, трепыхая своими жилистыми крылышками и издавая это своеобразное блеяніе.

И сколько всего прочаго прилетнаго пернатаго міра скапливалось въ вешнее время на этомъ благодатномъ заповѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ птица, видимо, не считалась съ человѣкомъ, какъ своимъ врагомъ-хищникомъ и не опасалась его: не сказки это, милые мои читатели, а истинная быль, — головкинская правда!

Какъ-то разъ, тоже весной, въ бытность мою Губернскимъ Предводителемъ, подъѣзжалъ я на своей яхтѣ „Сирена" по весеннему разливу изъ Симбирска къ нашему дому, вдоль залитаго русла рѣки Уреня.

Напротивъ нашей усадьбы, черезъ рѣчку, была расположена моя хлѣбная пристань, а въ концѣ ея стояла каменная, еще прадѣдовскихъ временъ, караулка, гдѣ обиталъ старинный нашъ служащій — Емельянъ Ивановичъ. Весной, обычно, къ „дѣдушкѣ Емелѣ" съ „житнаго двора" отсылались на прокормъ наши гуси, которымъ раздолье тамъ предоставлялось великое — кругомъ вода, свѣжая трава, просторъ. Но былъ лишь одинъ „грѣхъ", какъ выражался старикъ Емельянъ, — его донимали лебеди, безъ опаски и оглядки пожиравшие у „Емели" и его „господскихъ" гусей весь кормъ...

Подъѣзжая къ нашему дому, я какъ разъ засталъ картину битвы дѣдушки Емельяна съ осаждавшей его внушительной лебединой стаей. Старикъ, съ большущей „шелудиной" въ рукѣ, яростно отгонялъ отъ гусинаго корма явившихся съ волжскаго разлива непрошенныхъ гостей. До насъ доносились его неистовые выкрики: „У-у вы! проклятые! пошли прочь!" Бывшій со мной графъ Мстиславъ Толстой спрашиваетъ меня: — „Скажи, вѣдь это лебеди твои? домашніе?" — Но когда мой гость узналъ, что это лебеди дикіе, онъ обомлѣлъ отъ охватившаго его удивленія. Потомъ годами всѣмъ разсказывалъ о сей чудесной встрѣчѣ, приговаривая — „если бъ я самъ своими глазами не видалъ, никогда бы этому не повѣрилъ'...

О нашихъ нетронутыхъ „цѣлинахъ", блюденыхъ, заповѣдныхъ и сказочныхъ лѣтнихъ охотахъ на водяную дичь, лучше бывало и не разсказывать — настолько наша охотничья обстановка казалась невѣроятною!

Послѣ Петрова дня начинались по безпредѣльнымъ займищнымъ лугамъ знаменитыя головкинскія охоты, на которыя обычно любилъ пріѣзжать дорогой мой тесть Константинъ Капитоновичъ, человѣкъ моего уклада мыслей и одинаковаго пристрастія къ Божьему вольному міру. Сколько дней, съ ранняго утра и до поздней ночи, мы съ нимъ проводили въ дебряхъ нашихъ дѣвственныхъ займищныхъ луговъ. Въ этомъ отношеніи Константинъ Капитоновичъ былъ надежнымъ и пріятнымъ спутникомъ: — его также манила дѣвственная „крѣпь" со всѣми ея богатствами.

Любили мы съ нимъ забираться въ самую непроходимую луговую глушь и стоять за прикрытіемъ талового кустарника или густого, выше роста человѣческаго, камыша передъ озерными прогалинами, предварительно пославъ собакъ искать среди кочекъ и осоки припрятавшуюся водяную дичь. Стоишь, бывало, и выжидаешь, не безъ сердечнаго трепета, весь насторожившись зрѣніемъ и слухомъ. Гдѣ-то собака шарахнулась въ воду, очевидно, бросившись за выводкомъ; что-

то рядомъ бултыхнулось и обозначились невдалекѣ подозрительные на видъ валики. Не проходило и мгновенья, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ изъ-за осоки, среди камышей, показывалась цѣлая вереница водяныхъ пернатыхъ обитателей, быстро выплывавшая на чистую озерную поверхность, съ недоумѣніемъ оглядываясь, кто посмѣлъ нарушить ихъ спокойное существованіе??

Бывали въ такихъ глухихъ мѣстахъ случаи, что вмѣстѣ съ утиными выводками всякихъ видовъ и породъ, показывались изъ камышевой чащи и лебединые, на которые, кстати сказать, лично у меня рука никогда не подымалась.

Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ въ свое время проживалъ подолгу въ Головкинѣ, прежде чѣмъ составить и написать свой классическій трудъ „Записки ружейнаго охотника", гдѣ имъ описаны всѣ сорта водяной дичи, встрѣчавшейся въ нашихъ займищныхъ мѣстахъ.* Мы часто съ Константиномъ Капитоновичемъ или съ Алешей Наумовымъ заѣзжали на нашъ любимый приволжскій „Борокъ", гдѣ купались, вкушали стерляжью уху, и гдѣ нерѣдко я устраивалъ особое охотничье блюдо — „сальмэ" изъ дичи, въ которой нехватки въ нашихъ ягдташахъ не бывало.

Отдохнешь потомъ, бывало, на волжскомъ бережку, на чистой, разсыпчатой, песочной перинѣ, налюбуешься на родную даль съ проходящими пароходами и плавно скользящими бѣлянами или плотами; встанешь, вздохнешь полной грудью на вольномъ воздухѣ волжскаго простора, и отправишься вновь по камышамъ и берегамъ займищныхъ нетронутыхъ озеръ, не столько ради дичи, сколь во имя ощущенія непосредственной близости къ любимой мною луговой обстановкѣ.

Съ наступленіемъ осени, появлялись вечерніе перелеты съ волжской займы на яровыя поля безчисленныхъ верениць утья и гусей. Невѣроятное зрѣлище въ это время представляли собой т. н. „середыши", т. е. волжскіе дальніе острова, озера которыхъ сплошь чернѣли отъ массъ скапливавшихся на нихъ дикихъ гусей, передъ ихъ отлетомъ въ теплые края.

Поздней осенью птицы исчезали, развѣ кое-гдѣ взлетывалъ на опушкахъ, среди опавшаго осинника, благородный, сѣрый, долгоносый вальдшнепъ. Но зато въ головкинскихъ мѣстахъ начиналась иная, идеальная по своей обстановкѣ и добычливости, охота съ гончими, сначала по черностопу, а затѣмъ и по порошѣ.

Держалъ я нѣсколько смычковъ этихъ собакъ, но любимицами моими были двѣ суки, привезенныя мною изъ Буяна — „Милка" и „Затѣйка", съ которыми я всякую осень обшаривалъ лѣсные наши колки, вплоть до расположеннаго на краю моихъ владѣній, заповѣднаго „Малиноваго" лѣса. Рѣдкій колокъ не давалъ нѣсколькихъ добрыхъ русаковъ, а во многихъ проскальзывала и мышатница — лисица.

* Вспоминается мнѣ одинъ переплетенный экземпляръ этихъ „Записокъ", хранившійся въ отцовской головкинской библіотекѣ, съ собственноручной надписью Сергѣя Тимофеевича Аксакова: „Дорогому Николаю Михайловичу Наумову для него и его сыновей".

Облавы въ Головкинѣ устраивались мною ежегодно въ теченіе всей поздней осени и до большихъ снѣговъ. То былъ излюбленный способъ моихъ охотъ, и въ ихъ организацію я вкладывалъ весь мой охотничій пылъ и опытъ. За нѣсколько лѣтъ у меня подобрались опытные и дисциплинированные, не только пѣшіе, но и конные загонщики. Мѣстность во всей округѣ я зналъ превосходно, и звѣря было изобиліе, особенно въ нашемъ Малиновомъ лѣсу, гдѣ облавы отличались исключительной удачей и добычливостью.

Въ періодъ 1902 - 1905 годовъ въ головкинскихъ займищныхъ мѣстахъ появилось небывалое количество лосей, безпощадно истреблявшихъ молодые лѣсные побѣги, ради предохраненія которыхъ мною организовывались обычно въ началѣ ноября мѣсяца спеціальныя облавы противъ непрошенныхъ „лохматыхъ" гостей.

Невозможно пересказать про все то, что испытывалось мною въ тѣ счастливыя времена моего деревенскаго житья-бытья, въ обстановкѣ красивой волжской природы, ея приволья и раздолья. Я уже не стану говорить о разнообразныхъ видахъ богатѣйшей рыбной ловли въ головкинскихъ водахъ. Все это чередовалось одно за другимъ въ калейдоскопѣ головкинской жизни, представляя нынѣ для меня незабываемыя картины счастливаго моего прошлаго.

Отношеніе общественныхъ мѣстныхъ круговъ ко мнѣ также меня радовало — мнѣ было оказано вниманіе со стороны Земскаго Собранія, избравшаго меня почетнымъ міровымъ судьей, попечителемъ больницъ и уѣзднаго Ставропольскаго училища. Въ очередной осенней сессіи Уѣзднаго Земскаго Собранія 1900 года я охотно принималъ участіе. Очень радовало меня и общее ко мнѣ со стороны гласныхъ довѣрчивое отношеніе. Не безъ чувства удвлетворенія приходилось выслушивать и отъ крестьянъ добрые отзывы о прошлой моей службѣ въ земскихъ начальникахъ.

Все чаще и чаще до меня доходили намеки о желательности въ будущемъ завербовать меня въ Уѣздные Предводители. Все это, конечно, льстило моему самолюбію, зароняя во мнѣ мечты о возобновленіи дальнѣйшей моей общественной дѣятельности, а пока я продолжалъ все съ тѣмъ же увлеченіемъ заниматься своимъ домашнимъ дѣломъ, которое въ то время осложнилось еще новыми заботами и хлопотами по постройкѣ задуманнаго нами съ Анютой самарскаго дома.

Проектъ его фасада и общаго плана былъ мною окончательно утвержденъ. Остановился я на строгомъ, спокойномъ стилѣ итальянскаго ренессанса, талантливо разработанномъ Щербачевымъ. Я поставилъ архитектору основное требованіе, чтобы весь фасадъ былъ непремѣнно сложенъ изъ жигулевскаго камня Рождественскихъ каменоломенъ.

Идея постройки этого дома возникла на почвѣ обоюднаго нашего съ женой желанія увѣковѣчить нашу рождественскую помолвку. Отсюда возникло рѣшеніе выстроить въ

Самарѣ красивое зданіе, съ видомъ на Рождественно, Волгу и тѣ самые Жигули, гдѣ происходили наши частыя встрѣчи и памятныя свиданія.

Теперь пишу все это откровенно, но въ то время никто и не догадывался, съ чѣмъ связана задуманная нами постройка. Меня отговаривали строить изъ жигулевскаго камня, говорили, что онъ вывѣтрится; я же былъ убѣжденъ въ противномъ и настоялъ на своемъ.

53

Новый 1901 годъ мы встрѣтили всѣ вмѣстѣ со стариками и нашими милымя двумя малютками у себя въ родномъ Головкинѣ.

Въ январѣ 1901 года предстояла мнѣ поѣздка въ Самару на Губернское Земское Собраніе, а затѣмъ въ Москву на общее собраніе владѣльцевъ — Ушковыхъ.

Встрѣча моя въ Самарѣ со всѣми моими прежними сотрудниками и гласными вышла самая радушная и даже трогательная. На собраніи я былъ избранъ въ цѣлый рядъ комиссій — ревизіонную, школьную, экономическую и т. п., такъ что пришлось работать безъ устали, чему я былъ очень радъ, — дѣло земское я любилъ.

Изъ Самары я проѣхалъ въ Москву, для участія на общемъ собраніи владѣльцевъ — Наслѣдниковъ М. Г. Ушковой и А. Г. Кузнецова. Налаженная мною организація управленія за оба года дала не только положительные, но блестящіе результаты, давъ пайщикамъ наивысшіе за все время существованія ихъ имѣній дивиденды — чистый доходъ Новаго Буяна за послѣдній отчетный годъ достигъ 85.000 р., а Рождественна — 120.000 р. Казалось бы, что въ такомъ видѣ дѣло могло бы идти и развиваться безпрепятственно, но тѣ же силы, которыя сгубили честнаго Корста, не дремали и подтачивали все то, что удалось съ такимъ трудомъ мнѣ наладить.

Дѣло въ томъ, что Лопаткинъ, по мѣрѣ подрастанія его воспитанниковъ, терялъ источикъ своего существованія — ему нужно было къ чему-либо пристроиться. Пользуясь моимъ продолжительнымъ пребываніемъ на югѣ и потомъ въ Головкинѣ, вдали отъ семьи Ушковыхъ, онъ сумѣлъ постепенно обойти всѣхъ владѣльцевъ и заручиться ихъ общимъ согласіемъ на приглашеніе его для сотрудничества по общему управленію въ качествѣ главнаго ихъ контролера.

Въ этотъ свой пріѣздъ я намѣревался окончательно закрѣпить и оформить организацію устроеннаго мной общаго управленія. Я еще ранѣе имѣлъ случай совѣтоваться относительно технически-юридической части такого оформленія съ извѣстными цивилистами, включая А. Ф. Дерюжинскаго. Все было уже мною подготовлено для учрежденія „Товарищества по эксплуатаціи имуществъ Наслѣдниковъ М. Г. Ушковой и А. Г. Кузнецова". Фактически организація уже существовала и превосходно функціонировала — оставалось лишь

ее узаконить. Но, видя создавшуюся въ Москвѣ обстановку, далекую отъ той, при которой я принялъ два года тому назадъ общее завѣдываніе ушковскимъ имуществомъ; усмотрѣвъ въ приглашеніи безъ моего вѣдома Лопаткина игнорированіе со стороны владѣльцевъ моей отвѣтственной роли, какъ руководителя общаго хода ихъ дѣлъ; взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, и побуждаемый неудержимымъ желаніемъ возобновить мою общественную дѣятельность, я безповоротно рѣшилъ отойти отъ Ушковскаго дѣла. Я переговорилъ откровенно съ Константиномъ Капитоновичемъ. Онъ продолжалъ ко мнѣ искренно любовно относиться, но былъ безсиленъ противъ своего домашняго царства. Я предложилъ Ушковымъ приступить не къ узаконенію существующаго порядка, а къ совершенію семейнаго раздѣла. Предложеніе мое было принято единодушно. Было рѣшено пока продолжать общее хозяйство, но подготовить семейный раздѣлъ.

Руководя всѣми этими операціями, лично я считалъ необходимымъ, хотя бы въ ущербъ женинымъ интересамъ, идти на возможныя уступки, ради достиженія скорѣйшаго общаго согласія.

Не стану долго останавливаться на подробностяхъ ушковскаго дѣлежа, отмѣчу лишь главное: Григорій настойчиво „потребовалъ себѣ бывшее Кузнецовское имѣніе „Осташево" съ конскимъ заводомъ;цѣну ему онъ самъ назначилъ, вопреки нашей съ Максинымъ расцѣнкѣ, всего лишь въ 280.000 рублей. Таково было будто бы желаніе его дяди — самого Кузнецова. Несмотря на абсурдность предложенной имъ сдѣлки, пришлось ему уступить. Остальные боялись ему въ чемъ-либо перечить

Каково же было мое изумленіе, смѣшанное — скажу прямо — съ негодованіемъ, когда, года два спустя, я вдругъ узнаю, что Григорій перепродалъ свое „завѣтное" Осташево Великому Князю Константину Константиновичу, безъ рысистаго завода — за вдвое большую цѣну!

Второй братъ, Алексѣй, получилъ с. Новый Буянъ, а младшій, Михаилъ, с. Рождественно. Всѣ эти имѣнія они приняли съ разными обязательствами взаимныхъ разсчетовъ.

Сестрамъ Аннѣ и Наташѣ досталось по разсчету деньгами изъ расцѣнки рождественскаго и буяновскаго имущества лишь по 1/14 части, изъ осташевскаго — по 1/6, а Форосъ оставался сначала въ общемъ владѣніи; послѣ продажи Григоріемъ своего Осташева, онъ, совмѣстно съ сестрой Натальей, пріобрѣлъ Форосское имѣніе отъ остальныхъ совладѣльцевъ, и Лопаткинъ очутился тамъ въ качествѣ ихъ главнаго контролера.

Расцѣнка Фороса происходила также въ атмосферѣ невоздержанныхъ и хлесткихъ аргументовъ со стороны того же Григорія, которому пришлось уступить имущество милліонной стоимости сравнительно за грошевую цѣну.

Хозяйство въ Форосѣ пошло сразу же вкривь и вкось. Впослѣдствіи Григорій намѣревался изъ Фороса устроить курортъ, затратилъ колоссальныя средства на расширеніе

парка и много хлопоталъ по проведенію Крымской побережной желѣзной дороги. Но революція положила всему этому конецъ.

Въ остальныхъ имѣніяхъ — въ Рождественскомъ и Новомъ Буянѣ — ихъ налаженная хозяйственная жизнь была нарушена съ первыхъ же лѣтъ перехода ихъ въ единоличную собственность молодыхъ, совершенно неопытныхъ и не дѣловитыхъ хозяевъ. Въ результатѣ Буяновская экономія, приносившая ранѣе свыше 80.000 рублей чистаго дохода, должна была для своихъ оборотовъ забирать средства изъ московской конторы.

Въ такомъ же положеніи очутилось и Рождественское имѣніе. Молодой хозяинъ, Михаилъ, преисполненъ былъ столь многими фантазіями, что черезъ годъ — другой Рождественская экономія, вмѣсто стотысячнаго дохода, стала тоже перекачивать себѣ деньги изъ той же Московской конторы, со счетовъ другихъ промышленныхъ дѣлъ, принадлежавшихъ молодому Михаилу.

На полученныя моей женой послѣ раздѣла деньги, я рѣшилъ пріобрѣсти опять-таки землю. Для этого представился мнѣ исключительный случай — престарѣлый и слѣпой князь Діонисій Михайловичъ Оболенскій, ради выдѣла своихъ четырехъ дочерей, рѣшилъ продать свое имѣніе „Софьевку", которое мнѣ очень расхваливали. Я рѣшилъ туда проѣхаться и самолично ознакомиться съ этимъ имуществомъ. Имѣніе оказалось дѣйствительно превосходнымъ, изъ 4.000 десятинъ 2.000 десятинъ находилось подъ великолѣпнымъ спѣлымъ лиственнымъ лѣсомъ, 1.000 десятинъ было мягкой пахотной земли, а остальная 1.000 — подъ вѣковой степной залежью съ ея классическимъ спутникомъ — ковыльной шарообразной пушистой зарослью.

Самое качество земли оказалось столь исключительно богатымъ, что, дѣлая выемки въ разныхъ мѣстахъ пахоты и цѣлины, я и мой спутникъ не могли удержаться отъ выраженія своего восторга. Это былъ глубочайшій пластъ великолѣпнаго перегнойнаго чернозема, съ песчано-известковой подпочвой.

На полугорѣ красовалась двухэтажная деревянная усадебка съ балкономъ, съ котораго открывался живописнѣйшій видъ на всю многоверстную долину.

Имѣніе было окружено четырьмя деревнями, населеніе которыхъ „сидѣло" на „даровомъ", т. е. „нищенскомъ" надѣлѣ, въ силу чего нужда въ арендѣ „господской" Софьевской земли была насущной, и рабочихъ рукъ имѣлось изобиліе.

Вернувшись въ Самару, я съ дѣломъ покончилъ. Софьевка была куплена на Анютино имя.

54

Отдѣлавшись отъ ушковскаго управленія, я почувствовалъ истинное облегченіе. Свалилась великая и непріятная гора съ плечъ. Мы съ Анютой были предоставлены сами себѣ. У насъ было свое обособленное хозяйство, и немалое — „Головкинское" и „Софьевское" — всего около 12.000 десятинъ, съ разнообразнѣйшими богатыми угодьями и цѣлымъ планомъ намѣченныхъ мною улучшеній.

Заботило меня лишь неотвязно одно — необходимо было подыскать себѣ способнаго, работящаго помощника. Дѣло это было нелегкое, но, видимо, самъ Господь мнѣ въ немъ помогъ. Случайно въ Ставрополѣ встрѣтился я съ управляющимъ одного изъ имѣній гр. Орлова-Давыдова Бэкомъ. Онъ порекомендовалъ мнѣ человѣка, имя котораго я буду чтить до конца моей жизни, и чей прахъ покоится на родной нашей головкинской землѣ.

Съ запиской отъ Бэка ко мнѣ пріѣхалъ человѣкъ средняго роста, пожилыхъ лѣтъ, но еще бодрый, скромно, но чисто одѣтый, съ умнымъ, симпатичнымъ лицомъ, въ очкахъ и съ сѣдоватой бородкой. Онъ назвалъ себя: „Кошкинъ, Илья Петровичъ". По профессіи землемѣръ, онъ на своемъ вѣку работалъ сначала въ Удѣльномъ Вѣдомствѣ, послѣдніе же годы приводилъ въ порядокъ угодья гр. Орлова-Давыдова, временами заступая мѣсто управляющихъ.

Слушалъ я его и мысленно Бога благодарилъ. Быстро мы съ нимъ сошлись, почувствовавъ искреннюю другъ къ другу симпатію.

Кошкинъ поселился въ нашемъ головкинскомъ домѣ и началъ свою работу съ луговъ. Съ ранняго утра и до поздняго вечера, не спѣша, но споро, методически, шагъ за шагомъ, сталъ онъ обходить съ „цѣпями" и другими своими землемѣрными инструментами мои луговыя дачи. Менѣе чѣмъ въ два года онъ успѣлъ въ Головкинѣ снять и привести въ идеальный порядокъ всѣ мои разнообразныя угодья, составивъ необходимые для нихъ планы, съ надлежащими подробнѣйшими учетами, подсчетами и таксировками.

Благодаря всѣмъ этимъ работамъ, я смогъ кореннымъ образомъ улучшить способъ луговой сдачи въ аренду. Съ легкой руки Кошкина начались въ Головкинѣ правильныя нарѣзки лѣсныхъ дѣлянокъ. Стали назначаться неслыханные раньше лѣсные торги на отведенныя очередныя дѣлянки. Объ этихъ торгахъ производились всюду публикаціи — сталъ съѣзжаться народъ. Начался спросъ на застоявшійся товаръ. Лѣсоводство дѣлалось доходной отраслью.

Съ появленіемъ Ильи Петровича, у меня, какъ говорится, душа была на мѣстѣ, и всѣ дѣла шли удивительно удачно. Съ годами наша взаимная привязаность росла и крѣпла: въ моей семьѣ Илья Петровичъ былъ принятъ, какъ самый близкій родной человѣкъ. Это былъ человѣкъ особаго высшаго духовнаго порядка, святой христіанской жизни и неустаннаго честнаго труда.

Я не могу не упомянуть его чудесныхъ предвидѣній. Въ страшную смуту осени 1905 года, онъ, несмотря на желѣзнодорожную забастовку и начинавшуюся почтово-телеграфную, настоялъ на необходимости мнѣ ѣхать въ столицу, лично обо всемъ доложить Царю и „научить, какъ дѣйствовать".

Кошкинъ былъ увѣренъ въ правотѣ моихъ совѣтовъ, съ сущностью которыхъ онъ былъ знакомъ изъ частыхъ нашихъ съ нимъ собесѣдованій въ тѣ тяжкія и смутныя времена. Я стоялъ на опредѣленной позиціи — „за твердую власть". Онъ это зналъ, одобрялъ и посылалъ меня поэтому въ Питеръ, къ Царю. Я его послушалъ и 23 ноября 1905 года получилъ аудіенцію у Государя. Вѣрно предсказалъ Илья Петровичъ: моя поѣздка оказалась не безрезультатной.

Кошкинъ предвидѣлъ и мою работу въ Государственномъ Совѣтѣ. Не разъ онъ высказывалъ полную увѣренность, что Царь меня призоветъ къ себѣ въ министры. Все это говорилъ „святой старецъ (иначе я о немъ теперь не думаю), когда мнѣ это казалось до смѣшного невѣроятнымъ. Я приписывалъ его предсказанія пристрастнымъ его ко мнѣ отношеніямъ. Но вотъ, незадолго до его кончины, меня совершенно неожиданно, единогласно выбрали отъ земства въ Государственный Совѣтъ. Илья Петровичъ принялъ это, какъ должное, и увѣренно сказалъ: „Послѣ этого будете министромъ"...

Однажды, въ 1910 году, Илья Петровичъ собрался мнѣ изъ Головкина написать въ Петербургъ свой отчетъ по Головкинскому хозяйству. Обычно онъ карандашемъ составлялъ черновикъ, который затѣмъ на-чисто переписывалъ чернилами.

Написавъ нѣсколько строкъ, вдругъ остановился на словѣ „овесъ", выронилъ небольшой желтенькій кусочекъ карандаша изъ рукъ, и тихо отошелъ въ иной, лучшій міръ!...

Кусочекъ бумаги, исписанный имъ при послѣднемъ издыханіи, съ придѣланнымъ къ ней карандашикомъ, въ особой траурной рамкѣ съ соотвѣтствующей надписью и его портретомъ, свято хранился въ моемъ конторскомъ кабинетѣ.

55

2-го іюля 1901 года наше семейство умножилось: появилась третья по счету дѣвица — Ольга, названная въ честь своей крестной — Ольги Александровны, вдовы брата Димитрія. Воспріемникомъ у нея былъ дѣдушка, мой бѣдный отецъ, здоровье котораго стало замѣтно ухудшаться.

Пришла осень съ ея облавами и Земскими Собраніями, а за ней незамѣтно подошла и чистая, пушистымъ снѣгомъ и узорнымъ инеемъ разукрашенная, наша русская, да еще приволжская, зимушка-зима, со всѣми ея деревенскими занятіями, красотами и развлеченіями... По-прежнему основными житейскими моими устоями оставались — хозяйство да природа, и душу мою заполняло величайшее счастье, выпавшее на мою долю — жить у себя въ родномъ мѣстѣ, среди своихъ близкихъ, заниматься любимымъ творческимъ деломъ, ощущая во всемъ просторъ своему духу и тѣлу!... Мое благостное самочувствіе раздѣляла и милая моя Анюта, окруженная уже тремя очаровательными своими птенчиками... Хорошо было всѣмъ намъ, да и Господь, видимо, насъ не оставлялъ!

ЧАСТЬ V

1902 — 1905 г. г.

УѢЗДНОЕ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВО. УѢЗДНЫЕ ЧИНЫ. УЧИЛИЩНОЕ ДѢЛО. КОМИТЕТЪ О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ НУЖДАХЪ. ВОИНСКІЕ НАБОРЫ. СМЕРТЬ ОТЦА. РОЖДЕНІЕ СЫНА АЛЕКСАНДРА. КАРТИНЫ ГОЛОВКИНСКОЙ ЖИЗНИ. ДОМЪ. ЗИМНІЙ ДЕНЬ. МАЛИНОВЪ ЛѢСЪ. ЛОСИНЫЯ ОХОТЫ. ЯХТА „СИРЕНА". ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ И ДЕПУТАТОВЪ. ДОМЪ ДВОРЯНСТВА. СОСЛОВНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАСТРОЕНІЯ. ПРІѢЗДЪ ГОСУДАРЯ ВЪ САМАРУ. ОППОЗИЦІОННЫЕ КРУГИ ЗЕМСТВА. ЯНВАРСКОЕ ЗЕМСКОЕ СОБРАНІЕ 1905 ГОДА. ІЮНЬСКОЕ ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНІЕ 1905 ГОДА. ГУБЕРНАТОРЪ ЗАСЯДКО. ИЗБРАНІЕ МЕНЯ ГУБЕРНСКИМЪ ПРЕДВОДИТЕЛЕМЪ. НОВОИЗБРАННЫЕ СОТРУДНИКИ. ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ДОЛЖНОСТЬ. САМАРСКІЙ ДОМЪ.

56

Лѣтомъ 1902 года произошло въ моей жизни крупное и рѣшающее событіе: 15-го іюня, на очередномъ Дворянскомъ Собраніи въ г. Самарѣ, я былъ единогласно избранъ Ставропольскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства.

Сбылась моя мечта — не честолюбія, а именно мечта возобновленія моей мѣстной общественной службы, безъ которой мнѣ все же было тоскливо. Предводительство меня всегда привлекало, потому что въ качествѣ руководителя всей помѣстной уѣздной жизни можно было много добра и пользы приносить мѣстному крестьянскому населенію. Предводительство давало мнѣ возможность вновь вернуться въ родную знакомую среду и обычную дѣловую обстановку.

Долженъ сознаться, выборы, да еще столь единодушные, меня до глубины души порадовали и несомнѣнно польстили моему самолюбію. Принялъ я свое избраніе на отвѣтственный уѣздный постъ бодро и увѣренно, съ сознаніемъ достаточной подготовленности къ этой сложной должности.

Уѣздная моя работа стала протекать въ дружной обстановкѣ бывшихъ моихъ сотрудниковъ по Съѣзду.

Судебныя засѣданія обычно велъ С. А. Сосновскій, но

нерѣдко приходилось и мнѣ предсѣдательствовать по дѣламъ, которымъ я придавалъ особо серьезное значеніе.

Составъ земскихъ начальниковъ я засталъ почти тотъ же, что былъ и ранѣе.

Исправникомъ былъ мой старый знакомый, почтенный А. А. Агатицкій.

Спокойный и ровный, Агатицкій превосходно зналъ полицейское дѣло, всю свою жизнь проведя на этой службѣ. Въ короткое время онъ сумѣлъ сдѣлаться общимъ нашимъ любимцемъ, почти со всѣми сойдясь на „ты", несмотря на нѣкоторый свой уѣздно-обывательскій недостатокъ, заключавшійся въ томъ, что онъ водки совершенно не пилъ, въ рѣдкихъ случаяхъ лишь „пригубливая" какое-нибудь сладковатое слабое винцо.

Болѣе пріятнаго спутника, чѣмъ Александръ Алексѣевичъ, во время воинскихъ наборовъ, нельзя было себѣ представить. Надо отдать справедливость, при немъ полиція была подтянута и исполнительна, но много говорить со своими подчиненными онъ не любилъ, да и... не умѣлъ.

Однажды, на одномъ изъ сборныхъ пунктовъ, по окончаніи набора, я попросилъ Агатицкаго поставить на видъ старшинамъ о необходимости должнаго содержанія зимнихъ дорогъ. — Это по твоей части, дорогой Александръ Алексѣевичъ, — сказалъ я ему, — прошу, какъ слѣдуетъ — внуши имъ". Когда вошли къ намъ всѣ старшины, урядники и старосты, я обратился къ нимъ съ рѣчью, высказавъ все, что считалъ для общаго дѣла важнымъ и необходимымъ, и предупредилъ ихъ, что съ ними сейчасъ будетъ говорить исправникъ. Онъ встряхнулся, оправилъ многочисленныя регаліи, всталъ въ величественную позу, солидно откашлялся и медленно, съ длинными паузами, охрипшей октавой, произнесъ: — „Старшины! Скоро зима! вѣшки! слышите?!.." То была единственная публично-произнесенная „начальническая рѣчь", слышанная мною изъ исправничьихъ устъ за все мое предводительское трехлѣтіе. Но дѣло у него въ уѣздѣ шло и — повторяю — хорошо шло.

Нашъ милый исправникъ былъ добрѣйшей души, деликатный въ высшей степени, временами даже застѣнчивый.

Любилъ я бывать въ его уютной Ставропольской квартирѣ, сплошь завѣшанной всевозможными фотографическими группами изъ прошлой его службы. Душевный простой и милый былъ человѣкъ.

Ставропольскимъ воинскимъ начальникомъ въ описываемое мною время состоялъ полковникъ Н. М. Стафіевскій — маленькій человѣчекъ, по внѣшнему своему виду лишенный всякой воинственности, вѣчно жаловавшійся на свой склерозъ, рамоликъ настолько, что временами онъ путалъ наименованіе царствующаго Государя въ своихъ начальническихъ публичныхъ выступленіяхъ передъ собравшимися новобранцами. Вообще много было у насъ на былой Руси добраго и хорошаго, но и немало встрѣчалось въ ея оффиціально-служебной жизни непонятнаго. По гражданскому вѣдомству

почему то часто сдавали все устарѣвшее или лишнее на складъ въ Сенатъ, а по военному — въ воинскіе начальники. Между тѣмъ, казалось бы, по заданіямъ Великаго Петра, отвѣтственныя должности слѣдовало бы снабжать отборными силами!

Секретаремъ Воинскаго Присутствія состоялъ Петръ Іустиновичъ Ледомскій. Онъ же, искони вѣковъ, безсмѣнный секретарь Предводителя Дворянства.

Одновременно съ моимъ избраніемъ въ 1902 году были установлены и особыя правила для замѣщенія должности секретаря Воинскаго Присутствія. Требовалось представленіе кандидата Предсѣдателемъ Уѣзднаго Присутствія и затѣмъ его утвержденіе Губернаторомъ. Я рекомендовалъ Начальнику Губерніи Ледомскаго, какъ человѣка аккуратнаго, знающаго, всѣмъ давно извѣстнаго и безусловно подходящаго для должности секретаря Ставропольскаго Уѣзднаго Воинскаго Присутствія.

Пришлось мнѣ вскорѣ послѣ этого быть въ Самарѣ. Являюсь къ Губернатору, А. С. Брянчанинову. Обычно онъ радушно меня встрѣчалъ. Вдругъ мой милый „Помпадуръ" величественно заявляетъ, что онъ не считаетъ возможнымъ утвердить представленнаго мною Ледомскаго, на томъ основаніи, что новая должность, „по духу закона", требуетъ серьезнаго къ себѣ отношенія и должна быть замѣщаема лишь „людьми спеціальнаго знанія и настоящаго труда".

Брянчаниновъ начальнически-снисходительно, не безъ нѣкотораго благодушія, далъ мнѣ понять, что мое представленіе Ледомскаго, вѣроятно, основано не на его пригодности для данной должности, а исходитъ изъ великодушнаго желанія „своему" человѣку предоставить лишнее матеріальное обезпеченіе... „У меня имѣется свой кандидатъ", добавилъ внушительнымъ тономъ Губернаторъ, „подсказанный милѣйшимъ Иваномъ Афанасьевичемъ* — человѣкъ на самомъ дѣлѣ достойный и опытный дѣляга"...

Меня взорвало. Я не выдержалъ, всталъ и, стараясь сдерживаться, заявилъ Начальнику Губерніи, что подобная его оцѣнка личности моего кандидата носитъ совершенно произвольный характеръ, также какъ и высказанныя имъ догадки о самыхъ мотивахъ моего представленія. „То и другое, — добавилъ я взволнованно твердымъ голосомъ — по моему мнѣнію настолько порочатъ, какъ почтеннаго Ледомскаго, такъ и самого Предводителя, подписавшаго представленіе, что дальнѣйшая служба послѣдняго представляется мнѣ, при подобномъ явно недовѣрчивомъ отношеніи Начальника Губерніи, совершенно невозможной. Потому, не желая входить въ препирательства съ Вашимъ Превосходительствомъ относительно личныхъ и служебныхъ качествъ достойнѣйшаго и давняго уѣзднаго работника Ледомскаго, принимая во вниманіе проявленное ко мнѣ недовѣріе со стороны Начальника Губерніи, я вынужденъ теперь же, передъ уходомъ изъ кабинета, заявить Вамъ, что обо всемъ этомъ будетъ мною доложено моимъ дворянамъ-избирателямъ на предметъ избавленія меня отъ дальнѣйшаго несенія моихъ обязанностей Предводителя Дворянства, о чемъ имѣю честь Васъ предупредить"....

* И. А. Протопоповъ — всемогущій Правитель губернаторской канцеляріи временъ А. С. Брянчанинова.

Во время произнесенія мною этихъ словъ Брянчаниновъ тоже всталъ, началъ махать руками, старался всячески меня успокоить. Окончивъ, я повернулся и пошелъ къ выходу... Замѣтно растерявшійся Губернаторъ догналъ меня, сталъ обнимать, приговаривая: „Да что Вы? Богъ съ Вами! Развѣ я хотѣлъ Васъ обидѣть?! Да пусть будетъ этотъ самый Ледовскій секретаремъ! Ради Бога лишь успокойтесь! Присядьте!" Этимъ я не удовольствовался и тутъ же, не уходя и не садясь, попросилъ Губернатора ускорить утвержденіе Ледомскаго. Былъ данъ звонокъ, вытребована бумага и подписана. О всемъ происшедшемъ городъ и губернія узнали изъ устъ болтливаго Брянчанинова, прозвавшаго меня „бѣдовымъ" молодымъ Предводителемъ. Дальнѣйшая совмѣстная наша съ нимъ служба протекала въ теченіе всего моего трехлѣтія гладко, мирно, и даже не помѣшало ему черезъ годъ украсить меня шейнымъ Станиславомъ...

Уѣздное предводительство обязывало работать въ двухъ направленіяхъ — въ уѣздѣ: въ качествѣ Предсѣдателя всѣхъ имѣвшихся въ немъ учрежденій всевозможныхъ вѣдомствъ и наименованій; въ губерніи — какъ участникъ засѣданій собраній Предводителей и Депутатовъ мѣстнаго Губернскаго Дворянскаго Общества, гдѣ обсуждались вопросы, связанные большею частью съ интересами чисто сословнаго характера.

Въ уѣздной жизни предводительская работа заключалась, прежде всего, въ ежемѣсячномъ руководствѣ засѣданій Уѣзднаго Съѣзда, не столько по судебнымъ разбирательствамъ, сколько по разсмотрѣнію административныхъ дѣлъ. Сюда, большей частью, входили дѣла земельно-общиннаго характера; ихъ было очень много и сущность ихъ подчасъ отличалась необычайной сложностью и путанностью.

Съѣзды я посѣщалъ аккуратно. Съ весны и до морозковъ я пользовался удобнымъ сообщеніемъ изъ Головкина до Ставрополя по Волгѣ на пароходахъ.

По зимамъ приходилось совершать путь до Ставрополя на смѣнныхъ лошадяхъ, въ своихъ завѣтныхъ, дорожныхъ, удобныхъ саняхъ на „сибирскомъ" ходу,* обитыхъ лосиными шкурами съ волчьей полостью и прикрытыхъ сверху цыновкой.

Уляжешься, бывало, съ вечера въ Головкинѣ въ эти сани среди кучи подушекъ, со всѣхъ сторонъ закутаешься мѣховымъ одѣяломъ и въ такомъ видѣ остаешься во всю ночную дорогу вплоть до самаго утра..

Первый этапъ я дѣлалъ на своихъ лошадяхъ, а тамъ дальше начинались перепряжки.

* „Сибирскій ходъ" представлялъ собой особымъ образомъ загнутые полозья, дававшіе санямъ возможность легко скользить даже по ухабистому зимнему пути.

Уляжешься съ вечера въ Головкинѣ, всласть выспишься, успѣешь долгими часами и помечтать, и кое-что пообдумать, любуясь на зимнее яркое звѣздное небо, на его мерцающія свѣтила. А въ это время, незамѣтно, одна пряжка замѣнялась другой, пока, наконецъ, утромъ, съ гикомъ и обычными своими поговорками, лохматый Евдокимъ не подкатывалъ лихо къ съѣздовскому предводительскому подъѣзду.

Пріятно бывало вылѣзти изъ саннаго логовища и расправить „заснувшіе" за всю дорожную долгую ночь члены. Вскорѣ появлялся на столѣ кипящій во всѣ свои отдушины, какъ зеркало вычищенный самоваръ, свѣжія, румяныя булки и добрая закуска. Часа черезъ два, бодрый и переодѣтый, я принималъ въ своихъ предводительскихъ аппартаментахъ очередные доклады и ожидавшихъ просителей.

Вспоминаются мнѣ первые дни моей новой службы: пріѣзжаю я впервые въ Ставрополь, въ качествѣ только-что избраннаго Предводителя Дворянства. Начался пріемъ пожелавшихъ мнѣ представиться ставропольскихъ чиновъ разныхъ наименованій, мастей, характеровъ и обликовъ. Однимъ изъ первыхъ заявился въ своей отставной военной докторской формѣ бывшій полковой, нынѣ уѣздный врачъ — статскій совѣтникъ Дюнтеръ — грузный, съ большимъ брюшкомъ, сутуловатый, но еще бодрый и подвижной старикъ.

Вошелъ Дюнтеръ ко мнѣ на цыпочкахъ, придерживая рукой свою залежалую шпажонку, при Станиславѣ и какихъ-то медаляхъ, прикрѣпленныхъ на отвисломъ животѣ. Осторожно присѣлъ на кончикъ стула, невдалекѣ отъ входной двери. Я его сталъ разспрашивать про его прошлую службу и что онъ теперь дѣлаетъ. О своемъ быломъ онъ говорилъ сладко и ровнымъ голосомъ, пересыпая чуть ли не каждую фразу величаніемъ „Ваше Превосходительство", но перейдя на разговоръ о своей ставропольской службѣ, Дюнтеръ вдругъ съежился, насторожился, привсталъ, выглянулъ въ корридоръ, и убѣдившись, что тамъ никого нѣтъ, сталъ хриплымъ, волнующимся шепоткомъ мнѣ наговаривать разныя сплетни то про одного изъ ставропольскихъ чиновъ, то про другого.

Сначала я намѣревался сразу его остановить, но вся фигура старого эскулапа, его допотопный обликъ, манера держать себя — были столь необычайно-характерны, и съ точки зрѣнія бытовой — ярко-типичны, что, какъ завзятый любитель-театралъ, я рѣшилъ предоставить ему „отводить" свою кляузную душу, чтобы продлить удовольствіе — своими глазами увидать живой гоголевскій типъ. Хотѣлось во всей его цѣлости и неприкосновенности. ввести его въ одну изъ сценъ безсмертнаго „Ревизора".

Дюнтеръ, какъ потомъ оказалось, отличался безцеремоннѣйшимъ взяточничествомъ. Однажды мнѣ дорогой повстрѣчался ветхій старомодный тарантасъ, запряженный въ одну лошадь, сзади плелась привязанная тощая корова. На козлахъ сидѣлъ мальчишка, около котораго пристроена была огромная клѣтка, заполненная курами, утками, гусями. На сидѣньи, въ видѣ грузной массы, высился самъ статскій совѣтникъ Дюнтеръ. По обоимъ бокамъ его виднѣлись живыя существа — съ одной стороны, изъ-подъ складокъ его дорожнаго плаща выглядывалъ теленокъ, а съ другой — копошились жалостно хрюкавшіе поросята. Встрѣтившись со мною, Дюнтеръ отдалъ честь, взявъ подъ козырекъ, но, видимо, былъ чѣмъ-то сильно сконфуженъ. Я спросилъ своего возницу, куда докторъ всю эту живность везетъ и ведетъ? Оказалось, что такъ Дюнтеръ возвращается „изъ уѣзда", послѣ исполненія имъ служебной обязанности — въ большинствѣ случаевъ — по вскрытію труповъ. Вся окружавшая его живность являлась данью населенія за оказанныя статскимъ совѣтникомъ профессіональныя услуги. Все это свозилось и приводилось на Дюнтеровскую загородную ставропольскую дачку, хозяину которой жилось недурно и прибыльно.

Была одна область въ моей уѣздной служебной дѣятельности, которой я особенно интересовался — это работа въ Училищномъ Уѣздномъ Совѣтѣ, предсѣдателемъ котораго я состоялъ, какъ Предводитель Дворянства.

Наиболѣе активную роль въ означенномъ Совѣтѣ игралъ Инспекторъ Народныхъ Училищъ, отъ него зависѣло многое въ общей постановкѣ училищнаго дѣла въ уѣздѣ — главнымъ образомъ, подборъ надлежащаго учительскаго персонала. Между тѣмъ, ни въ самой инспекціи, ни тѣмъ болѣе на низшихъ ступеняхъ педагогическаго состава, въ большинствѣ случаевъ, не было подходящихъ людей, понимающихъ сущность народнаго просвѣщенія, т. е. насажденіе среди темныхъ крестьянскихъ массъ не одной только грамоты, но хотя бы самыхъ элементарныхъ основъ государственно-гражданскаго воспитанія на національно-историческихъ началахъ.

Отсутствіе подобнаго воспитанія въ низахъ русскаго народа являлось, по моему крайнему разумѣнію, несомнѣннымъ и основнымъ государственнымъ зломъ, постепенно подтачивавшимъ мощь и устойчивость нашей родины.

Въ то время, когда многомилліонное крестьянство, послѣ великой реформы Александра Второго, осѣнило себя крестнымъ знаменіемъ и вступило на свободный путь гражданской жизни, — реформаторы-шестидесятники пріяли на свою душу величайшій грѣхъ тѣмъ, что при освобожденіи крестьянъ, не создали одновременно прочную сѣть правительственныхъ учительскихъ институтовъ, дабы государственная власть смогла всю „свободную" крестьянскую молодежь взять въ свои руки, въ смыслѣ ея начальнаго обученія и параллельнаго постепеннаго воспитанія. Вмѣсто этого дѣло величайшей — именно, государственной — важности было самимъ же правительствомъ отъ себя отстранено и предоставлено всецѣло во власть только-что образованныхъ, разнообразнѣйшихъ общественныхъ самоуправленій (земскихъ, городскихъ и пр.), дѣйствовавшихъ каждый по „своему", безъ всякой согласованности, безъ общаго руководящаго здороваго направленія, безъ наличія подготовленнаго дисциплинированнаго пе-

дагогическаго персонала и, в всякомъ случаѣ, безъ какихъ-либо признакомъ того, что я называю элементарнымъ государственнымъ воспитаніемъ.

Мы хорошо знаемъ, во что обратились во многихъ мѣстахъ земскія и городскія школы, оказавшіяся въ большинствѣ случаевъ центрами скорѣе государственнаго развращенія, чѣмъ воспитанія. Изъ года въ годъ десятки тысячъ крестьянскихъ дѣтишекъ, въ лучшемъ случаѣ, ничего объ исторіи и былой славѣ Россіи не слыхали.

Мало того, въ силу долголѣтняго отсутствія въ этой области дѣйствительнаго, разумнаго правительственнаго, не только руководства, но и контроля, революціонно настроенные, анти-государственные элементы избрали себѣ именно это народно-учительское поприще, какъ наиболѣе вліятельную и удобную для нихъ арену дѣятельности и каѳедру для ихъ развращающей юные умы и сердца пропаганды. Мало-по-малу, ядъ подобнаго учительскаго слова сталъ проникать во всѣ кровеносные сосуды обширнаго государственнаго организма. Попытки борьбы съ этимъ зломъ носили частичный характеръ; единства оздоровительныхъ мѣръ также проявлено не было, да при создавшейся обстановкѣ какъ бы узаконеннаго правительственаго индиферентизма нельзя было его и ожидать. Отсюда проистекала безплодность этихъ частичныхъ мѣръ и безсиліе самой борьбы съ заболѣваніемъ всего народнаго организма, предоставленнаго въ лицѣ почти всего своего подрастающаго поколѣнія, въ теченіе долгихъ лѣтъ, полному простору производства ему „инфекціонныхъ прививокъ, возбуждавшихъ классовую ненависть, недовольство правительствомъ и преступные аппетиты на почвѣ мечтаній о „черныхъ передѣлахъ".

При принятіи Училищнаго Совѣта подъ свое предсѣдательство, я засталъ , въ качествѣ Инспектора Народныхъ Училищъ въ Ставропольскомъ Уѣздѣ, только-что назначеннаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ В. Г. Архангельскаго. Я ничего не зналъ объ его прошломъ, но личное впечатлѣніе было далеко не въ его пользу. Его манера вести себя и говорить со мной показалась мнѣ отталкивающей. Его льстивый тонъ, многократное величаніе меня „Вашимъ Превосходительствомъ", небольшіе, нечистаго оттѣнка, глаза, постоянно смотрѣвшіе куда-то въ сторону, — все это было непріятно. Такихъ людей я не любилъ и всегда инстинктивно ихъ опасался.

Прошло съ полгода, какъ новый Инспекторъ занималъ свою должность и знакомился со своими школами, нерѣдко заѣзжая ко мнѣ и докладывая „Его Превосходительству" о положеніи „подвѣдомственныхъ ему дѣлъ". Архангельскій никогда не говорилъ со мною о нашихъ общихъ училищныхъ нуждахъ и пользахъ, а подчеркнуто „докладывалъ" въ сухо-офиціальномъ тонѣ. Это мнѣ сильно не нравилось.

Школьное дѣло я любилъ, имъ всегда интересовался, самъ входилъ во всѣ подробности уѣздной училищной жизни, не довольствуясь краткими оффиціальными „докладами" Архангельскаго. Случайно узнаю, что въ нѣкоторыхъ школахъ

начались, помимо Училищнаго Совѣта, частичныя перемѣщенія училищнаго персонала. Были случаи увольненія давнихъ, извѣстныхъ въ уѣздѣ своей безупречной службой, учителей и замѣщенія ихъ новыми лицами.

На ближайшихъ засѣданіяхъ Училищнаго Совѣта я по этому поводу просилъ Инспектора дать объясненія, которыя никого изъ членовъ не удовлетворили. Я сталъ собирать объ Архангельскомъ подробныя справки, равно какъ и о вновь назначенныхъ имъ учителяхъ и учительницахъ. Оказалось, что сей господинъ, незадолго до назначенія его къ намъ Инспекторомъ, былъ исключенъ изъ состава педагогическаго персонала Симбирской Духовной Семинаріи, какъ главный иниціаторъ сильнѣйшаго оппзиціоннаго броженія среди учениковъ.

Несмотря на это, въ Казанскомъ Учебномъ Округѣ Архангельскому дали еще болѣе отвѣтственную должность, совершенно упуская изъ виду, что для подобнаго типа уѣздная жизнь, со всѣми ея многочисленными училищами, открывала еще болѣе широкое и свободное поприще для осуществленія его зловредныхъ намѣреній, къ чему этотъ „рыцарь лукаваго образа" постепенно и приступилъ. Мнѣ было сообщено, что тѣ нѣсколько учителей, которыхъ Архангельскій поторопился всунуть въ составъ ставропольской учительской семьи, оказались изъ его же „стаи славныхъ" семинаристовъ-симбиряковъ, исключенныхъ совмѣстно съ ихъ революціоннымъ принципаломъ за учиненные безпорядки.

Не теряя времени я настоялъ на срочномъ изъятіи подобнаго инспектора изъ нашего уѣзда. Просьба моя была уважена. Спустя полгода, я узнаю, что Архангельскій вновь назначается Инспекторомъ Народныхъ Училищъ въ самый отдаленный, огромный Новоузенскій уѣздъ Самарской губерніи, гдѣ школьное дѣло получило наибольшій расцвѣтъ, и гдѣ заканчивалось осуществленіе т. н. нормальной училищной сѣти. Итакъ, лицо, дважды уволенное со службы за зловредную агитаторскую дѣятельность, въ томъ же Учебномъ Округѣ получаетъ вскорѣ новое аналогичное назначеніе въ уѣздъ, гдѣ имѣлась масса школъ и, вдобавокъ, не было ненавистнаго ему дворянства. Дико, но это такъ!

Дальнѣйшая карьера Архангельскаго была такова: среди членовъ Государственной Думы второго созыва избранъ былъ и нашъ Инспекторъ Народныхъ Училищъ, оффиціально зарегистрировавшій себя, какъ членъ партіи соціалъ-революціонеровъ.

Остановился я такъ подробно на всей этой исторіи служебно-житейской карьеры бывшаго моего кратковременнаго сослуживца по Ставропольскому Уѣздному Училищному Совѣту исключительно въ интересахъ освѣщенія порядковъ, или скорѣе, безпорядковъ, которые царствовали у насъ на матушкѣ-Руси въ области особой государственной важности — обученія народной молодежи.

Въ 1902 году въ Петербургѣ, по Высочайшему повелѣнію было образовано т. н. „Особое Совѣщаніе о нуждахъ

сельскохозяйственной промышленности", въ которомъ предполагалось по мысли его инициатора, бывшаго въ то время Министромъ Финансовъ, С. Ю. Витте, разсмотрѣть потребности сельскохозяйственной промышленности и устройства быта россійскаго земледѣльца-крестьянина.

Совѣщаніе это просуществовало съ января 1902 года по мартъ 1905 года и собрало со всей России огромный и интереснѣйшій матеріалъ, въ большинствѣ своемъ подробно разработанный, но его постигла та же судьба, какъ и другія подобныя столичныя благія начинанія, оставшіяся безъ всякаго практическаго результата; когда грянулъ громъ и заявила о себѣ народная стихія — поспѣшили креститься, но было уже поздно.

Цѣль Витте была въ высшей степени государственно-важная и предупредительно-полезная. Онъ считалъ своевременнымъ озаботиться о статридцатимилліонной крестьянской массѣ, освободивъ ее, по его собственному выраженію, отъ „„рабства, произвола, беззаконности и невѣжества". Подъ рабствомъ и произволомъ онъ разумѣлъ, главнымъ образомъ, гнетъ общины со всѣми ея „круговыми" путами, требовавшей, по его мнѣнію, самаго срочнаго ея уничтоженія. Подъ беззаконіемъ — смѣшанную подсудность крестьянства волостному и общему суду, вмѣсто единаго для всѣхъ судопроизводства, съ существовавшими судебными уставами. Подъ невѣжествомъ онъ понималъ потребность въ поднятіи низкаго просвѣтительнаго уровня народныхъ массъ, которую имѣлъ въ виду удовлетворить лишь подъ условіемъ, чтобы народное обученіе всецѣло находилось въ рукахъ правительства.*

Въ томъ же 1902 году на мѣстахъ были образованы губернскіе и уѣздные комитеты о сельскохозяйственныхъ нуждахъ, первые подъ предсѣдательствомъ Губернаторовъ, вторые — Уѣздныхъ Предводителей Дворянства.

Взялся я за это дѣло съ превеликой охотой и живымъ интересомъ. Программа работъ почти совпадала съ 66-ю вопросами по крестьянскому благоустройству, о которыхъ мы столько думали и говорили почти десять лѣтъ тому назадъ, по поводу которыхъ, намъ съ Г. К. Татариновымъ, Уѣздный Съѣздъ поручилъ составить особый докладъ. Вставала неразрѣшимая загадка, почему въ Сѣверной столицѣ верхи относились столь мертво ко всему, что требовало быстраго, чуткаго и государственно-разумнаго разрѣшенія?! Десять добрыхъ лѣтъ прошло, а возъ и понынѣ оставался тамъ.

Имѣя передъ собой интереснѣйшія заданія обсужденія цѣлаго ряда злободневныхъ вопросовъ, касавшихся крестьянскаго уклада и экономически-аграрнаго положенія, я рѣшилъ широко поставить дѣло и вызвалъ въ центральное мѣсто уѣзда — въ посадъ Мелекессъ — все, что было наиболѣе толковаго, знающаго и полезнаго изъ среды извѣстныхъ

*См. Воспоминанія гр. Витте, т. I. Царствованіе Николая II, стр. 471. Изд. „Слово" 1921 г.

мнѣ лицъ всѣхъ званій и сословій. Подъ моимъ предсѣдательствомъ образовался многочисленный комитетъ, заключавшій въ себѣ наиболѣе видныхъ представителей отъ землевладѣльцевъ и крестьянъ; уполномоченныхъ отъ нѣкоторыхъ арендныхъ товариществъ, Удѣльнаго Вѣдомства, отдѣльныхъ хуторянъ, управляющихъ частныхъ имѣній и пр.

Подъемъ у всѣхъ тогда былъ удивительный. Работа шла съ неослабнымъ интересомъ и воодушевленіемъ. Вспоминается мнѣ такой, напримѣръ, случай: среди приглашенныхъ землевладѣльцевъ былъ потомственный дворянинъ, Николай Африкановичъ Бабкинъ, владѣвшій небольшой усадьбой и землей около с. Озерокъ. по убѣжденіямъ онъ былъ идеалистъ-шестидесятникъ, съ либеральнымъ уклономъ въ сторону народоправства, по характеру — человѣкъ рѣдкой доброты и необычайной деликатности. Несмотря на то, что ему было далеко за 60 лѣтъ, Бабкинъ представлялъ собою совершенно нетронутую, юную, дѣвственную душу. Его особо страстное увлеченіе было народной школой. Онъ составлялъ для земства обстоятельные доклады о желательной постановкѣ школьнаго и внѣшкольнаго образованія въ уѣздѣ. Для нашего Комитета онъ составилъ превосходный докладъ, единодушно одобренный многочисленными присутствовавшими. Бабкинъ былъ крайне тронутъ и взволнованъ подобнымъ отношеніемъ Комитета къ „величайшему", по его мнѣнію, „государственному дѣлу". Блѣдный, дрожащій отъ волненія, онъ подошелъ къ предсѣдательскому мѣсту и проникновеннымъ голосомъ воскликнулъ: „наконецъ-то наша столичная власть проснулась, вѣритъ намъ и даетъ возможность громко говорить о нашихъ народныхъ великихъ нуждахъ!" — и какъ снопъ свалился въ глубокомъ обморокѣ.

Въ результатѣ нашей комитетской работы были установлены нѣкоторые общіе выводы: желательность скорѣйшаго облегченія выхода изъ земельной общины и развитія индивидуальнаго права земельнаго пользованія; отмѣна круговой поруки; упорядоченіе судопроизводства; проведеніе въ жизнь мелкой земской единицы, какъ всесословной волости; расширеніе дѣятельности мелкаго кредита и пр.

Въ губернской инстанціи нашъ обширный матерьялъ былъ отмѣченъ, какъ наиболѣе интересный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, черезчуръ либеральный (!). Увы, этотъ жупелъ — нашъ „мѣстный", „лойяльный" либерализмъ всегда казался помѣхой для чиновнаго Питера, пока послѣдній не дождался стихійно-разрушительныхъ результатовъ подпольнаго воздѣйствія закулисныхъ оппозиціонныхъ силъ... Громко говорить честнымъ государственникамъ про дѣйствительныя мѣстныя пользы и нужды Петербургъ запрещалъ, а то, что творилось втайнѣ темными силами на почвѣ народнаго недовольства — не умѣли ни замѣчать, ни тѣмъ болѣе предотвращать.

Въ моей предводительской службѣ я придавалъ особо серьезное значеніе непремѣнному моему участію на воинскихъ наборахъ, обычно происходившихъ поздней осенью — съ 15 октября по 15 ноября. Я широко пользовался ими, что-

бы входить въ непосредственныя сношенія съ населеніемъ, и попутно, въ разговорѣ, разъяснять то, что считалъ своевременнымъ и необходимымъ.

Засѣданія Воинскаго Присутствія я велъ всегда подъ своимъ предсѣдательствомъ.

Весь уѣздный наборъ полагалось провести въ мѣсячный срокъ. На каждый изъ четырехъ наборныхъ участковъ приходилась недѣля. До меня обычно засѣданія въ Присутствіяхъ затягивались; одной изъ причинъ къ тому была страсть нашихъ уѣздныхъ чиновъ къ карточной игрѣ, которую я не любилъ, и съ перваго же года мною были приняты мѣры для самой рѣшительной борьбы съ этой закоренѣлой привычкой. Съѣзжавшіеся члены Присутствія просиживали за карточнымъ столомъ далеко за полночь, а то и вовсе до утра. Часы открытія засѣданія Воинскаго Присутствія на слѣдующее утро отсрачивались до поздняго времени. Въ ожиданіи „начальства" сельскія и волостныя должностныя лица, урядники, да и сама молодежь, вызванная на наборъ и приготовленная къ осмотру, — часами томились, пока блѣдные, заспанные и вялые господа члены Присутствія, наконецъ, не появятся и не приступятъ, позѣвывая, къ своей скучной работѣ, рѣшавшей, однако, судьбу новобранцевъ.

Всему этому я положилъ конецъ. При мнѣ Присутствіе начиналось ровно въ 9 часовъ утра и продолжалось, съ перерывомъ на полчаса, до сумерекъ, какъ полагалось по закону. Я бралъ на себя непріятную обязанность просить моихъ сотрудниковъ по Воинскому Присутствію не позднѣе полуночи прекращать игру и расходиться на ночлегъ. Нелегко было это мнѣ налаживать въ первомъ году, а потомъ съ этимъ всѣ стали считаться. Количество присутственныхъ дней сократилось до минимума, на радость всему населенію, да и мнѣ самому. Оставшіеся свободными дни изъ причитавшейся на каждый сборный пунктъ недѣли я использовалъ на свой любимый отдыхъ — охоту, наверстывая на вольномъ чистомъ воздухѣ все то, что приходилось затрачивать нашимъ легкимъ въ ужасающей обстановкѣ спертыхъ помѣщеній Воинскихъ Присутствій, насквозь пропитанныхъ испареніями тысячъ голыхъ человѣческихъ тѣлъ.

Послѣдній мой наборъ осенью 1904 года протекалъ при исключительно тяжелыхъ условіяхъ, въ памятную эпоху неудачной Японской войны и общей подавленности настроенія. Съ какимъ стѣсненнымъ сердцемъ приходилось принимать молодежь въ ряды арміи, о которой ежедневно сообщалась одна скорбная вѣсть за другой.

Согласно воинскихъ инструкцій, среди многотысячной массы вызванныхъ на наборъ людей, Присутствіе наше старательно выбирало все, что было наиболѣе крѣпкаго, способнаго и лучшаго, для пополненія Сибирскихъ стрѣлковыхъ частей и, главнымъ образомъ, флота. Одновременно же до насъ доходили страшныя вѣсти о гибели огромныхъ морскихъ военныхъ судовъ съ тысячами подобныхъ, отмѣченныхъ Богомъ и избранныхъ людьми, единицъ!

Надо было удивляться тому общему бодрому духу, который проявлялся среди самихъ новобранцевъ: вѣдь слухи о нашихъ боевыхъ неудачахъ и огромныхъ потеряхъ проникали во всѣ слои населенія, а въ силу этого наборъ 1904 года проходилъ при вопляхъ провожавшей молодежь родни. Надеждъ на скорое окончаніе дальневосточной бойни тоже еще не предвидѣлось. Несмотря на это, когда, бывало, въ качествѣ Предсѣдателя Присутствія, произнесешь магическое слово: „годенъ", молодой парень перекрестится, встряхнетъ головой и бодро скажетъ: „Радъ послужить Царю и Отечеству!" Въ голову мнѣ тогда не приходило приписывать подобное поведеніе какому-либо напускному молодечеству — слишкомъ сама обстановка того времени не соотвѣтствовала чему-либо лживому и искусственному! По моимъ наблюденіямъ, молодежь искренне и геройски шла на защиту родины и когда подумаешь, сколько еще въ то время было нетронутаго и здороваго матерьяла въ русскомъ крестьянствѣ, и сколько можно было бы сдѣлать изъ него добраго и великаго въ государственномъ отношеніи при разумномъ его использованіи!..

Роковая по своимъ послѣдствіямъ Японская война послужила преддверіемъ для рѣзкой перемѣны всей обстановки и самаго характера моей дальнѣйшей сословно-выборной и общественной службы, придавъ ей яркую политическую окраску и создавъ вокругъ нея тревожную атмосферу разыгравшихся партійныхъ страстей. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, я хочу коснуться хотя бы вкратцѣ описанія нашего головкинскаго домашняго житья-бытья за описываемое время.

57

Я продолжалъ жить у себя въ имѣніи и вести по намѣченному плану свое хозяйство, которое постепенно стало давать замѣтные благопріятные результаты.

Здоровье отца шло замѣтно на убыль: съ весны 1903 года онъ почти не выходилъ изъ своей комнаты, изо-дня надень слабѣя, и становился какъ-то ко всему идифферентнѣе. Отцу было пріятно сознаніе, что мы съ дѣтками живемъ около него, очень любилъ онъ Анюту, видимо радъ былъ избранію моему въ Предводители, но хозяйство ему больше въ голову не шло, оно его перестало интересовать.

Все шло къ неизбѣжному концу. Печальное событіе это свершилось 24 іюля 1903 года. Около пяти часовъ утра, мнѣ пришли сказать, что отцу стало плохо. Прибѣжавъ къ нему, я засталъ его при послѣднемъ издыханіи, все же успѣли пріобщить св. Таинствъ, послѣ чего онъ тихо почилъ на моихъ рукахъ.

Тяжело было ощущать въ своихъ объятіяхъ холодѣющее тѣло самаго близкаго родного существа. Какъ ни былъ я готовъ за послѣдній годъ его жизни къ возможности потери дорогого для меня лица, но моментъ конечнаго разстава-

нія съ нимъ былъ для меня исключительно тяжелъ. Великое счастье мое заключалось лишь въ томъ, что я оказался дома и могъ своей рукой навѣки закрыть глаза отцу.

На похороны съѣхалось много родныхъ. Его отпѣвали въ верхней церкви, гдѣ отецъ столько лѣтъ состоялъ старостой; похоронили его въ церковной оградѣ.

Жизнь человѣческая никогда не остается неизмѣнной — въ ней безпрерывно проиходитъ чередованіе горя съ радостью. Не прошло и года послѣ описанной скорби, какъ въ томъ же головкинскомъ домѣ случилось иное событіе — давно жданное, ниспосланное Божеской благодатью и встрѣченное общей великой радостью: 7 іюня родился у насъ сынъ, котораго мы долгіе годы ждали, и, наконецъ, вымолили его у Господа Бога , черезъ молитвенное предстательство преподобнаго великаго Саровскаго старца Серафима, котораго мы въ нашей семьѣ глубоко и свято почитали.

Начиная съ лѣта 1906 года, я ежегодно, несмотря на осложнившуюся мою дѣловую жизнь, нѣсколько дней въ году проводилъ въ Саровской обители, отдаваясь тихой уединенной молитвѣ въ исключительно благопріятной для меня обстановкѣ. Тамъ я говѣлъ, и тамъ же, съ Божьей помощью, запасался свѣжими силами для несенія тяжелыхъ и отвѣтственныхъ моихъ служебныхъ обязанностей.

Всѣ наши дѣтки появлялись на свѣтъ Божій въ моемъ присутствіи; исключеніемъ оказалось рожденіе сына Александра. Приблизительно за недѣлю до этого событія, послѣ объявленной дополнительной мобилизаціи т. н. „стариковъ" (прежнихъ годовъ призывныхъ), въ г. Ставрополѣ стало скапливаться множество бородатыхъ запасныхъ для провѣрокъ и переосвидѣтельствованія.

Я не имѣлъ въ виду уѣзжать изъ Головкина и оставлять жену наканунѣ ожидаемыхъ родовъ, но числа 2-го или 3-го іюня я вдругъ получилъ телеграмму за подписью моего добраго друга и сослуживца С. А. Сосновскаго, въ которой онъ срочно вызывалъ меня въ Ставрополь, чтобы успокоить волненія среди запасныхъ. Вялый и болѣзненный Воинскій Начальникъ справиться не смогъ, и дѣло стало принимать серьезный оборотъ.

Благословивъ Анюту, я, скрѣпя сердце, покинулъ Головкино и ночь спустя очутился въ Ставрополѣ, сплошь забитомъ вызваннымъ народомъ и многочисленными семьями, понаѣхавшими со всего уѣзда провожать запасныхъ „стариковъ. Настроеніе было очень нервное. По ночамъ слышались на улицахъ и площадяхъ — рыданья, вопли, бабьи причитанія.

Жилъ въ то время въ Ставрополѣ крупный арендаторъ волжскихъ рыбныхъ ловель, Черкасовъ, высокій, представительный, полный мужчина, что называется „кровь съ молокомъ". Черкасовъ явился въ Присутствіе и предъявилъ удостовѣреніе отъ извѣстнаго казанскаго профессора, что у него ожирѣніе сердца.

Пошелъ въ народѣ слухъ, что такого здоровяка, какъ

Черкасовъ, „господа собираются освободить отъ призыва. Это объясняли его пріятельскими отношеніями съ уѣзднымъ начальствомъ. Слухи эти среди съѣхавшихся въ Ставрополь призывныхъ порождали озлобленіе, доходившее до открытыхъ, дерзкихъ, со стороны призывныхъ стариковъ и ихъ бабъ, выпадовъ по адресу членовъ Воинскаго Присутствія. Шелъ упорный разговоръ, что будь самъ Наумовъ въ городѣ, онъ поблажки Черкасову не далъ бы, повелъ бы дѣло по справедливости.

Пріѣхавъ въ городъ, я къ себѣ со стороны всего пришлаго люда встрѣтилъ самое доброе и довѣрчивое отношеніе. Прежде, чѣмъ рѣшать что-либо, я обратился къ почтенному ставропольскому земскому врачу И. Г. Хлѣбникову, въ вѣрность діагноза котораго, а также и въ общеизвѣстную честность, я твердо вѣрилъ. Послѣ произведеннаго имъ обстоятельнаго освидѣтельствованія оказалось, что, несмотря на свою цвѣтущую внѣшность, Черкасовъ дѣйствительно страдалъ сильнымъ ожирѣніемъ и расширеніемъ сердца. Я собралъ Присутствіе и просилъ Хлѣбникова, чье имя въ народѣ говорило само за себя, участвовать въ качесствѣ врача при публичномъ освидѣтельствованіи Черкасова. Въ результатѣ я провозгласилъ: „негоденъ". Пользуясь присутствіемъ въ залѣ засѣданія ожидавшихъ своихъ очередей призывныхъ, я разъяснилъ сущность сердечной болѣзни Черкасова, сославшись на діагнозъ Хлѣбникова и на законъ, освобождавшій подобныхъ больныхъ отъ военной службы. Освобожденіе Черкасова прошло благополучно, народъ намъ повѣрилъ, и я спокойно продолжалъ свое дѣло.

8-го іюня я смогъ пуститься въ обратный путь къ себѣ въ Головкино. Подъѣзжаю къ нашему дому, а изъ параднаго крыльца выходитъ въ бѣломъ капотѣ вся сіяющая и радостная моя мать... Вбѣгаю по большимъ каменнымъ плитамъ къ ней, обнимаю и слышу маминъ счастливый голосъ: „Поздравляю, дорогой Саша, съ наслѣдникомъ"... Я такъ и опѣшилъ отъ этой вѣсти, глубоко и радостно меня взволновавшей.

Наконецъ-то около меня будетъ жить существо, которому я смогу передать со временемъ свое кровное, родовое, многими трудами и заботами сохраненное и обработанное Головкино, — оставить изстари Наумовское имущество тому же Наумову... Сладкія мечты, нынѣ, по велѣнію злой мачехи-судьбы, не сбывшіяся.

Крестины сына Александра прошли въ исключительно торжественныхъ и радостныхъ условіяхъ. Не только вся родня, друзья, сосѣди, наши служащіе, но и головкинскіе крестьяне приняли участіе въ общемъ веселіи, искренно привѣтствуя рожденіе „наслѣдника". Яицкіе мои односельчане устроили вечеромъ въ день крестинъ своеобразную деревенскую иллюминацію: вдоль рѣки и озера Яикъ зажжены были факелы и цѣлыя бочки со смолой. На луговой сторонѣ пылали громадные костры, вокругъ которыхъ сельская молодежь распѣвала хороводныя пѣсни, трынкали балалайки, переливались гармошки, и при праздничномъ костровомъ освѣще-

нiи всѣ рѣзвились, плясали, кружились. Подъ вечеръ, мы, большой компанiей, на устланной коврами лодкѣ, т. н. „дощаникѣ", подъѣзжали къ веселящейся крестьянской молодежи, которая привѣтствовала насъ пѣснями, „величая" хозяевъ и новаго наслѣдника. Въ отвѣтъ на ихъ „величанiе", я, по заведенному обычаю, выставилъ вина. Крестинное празднованiе и общее веселье продолжалось безъ умолка до глубокой ночи.

Какъ далекiй сонъ вспоминается мнѣ все это теперь, хотя все это происходило въ дѣйствительности!

58

Мнѣ предстоитъ перейти къ изложенiю воспоминанiй, связанныхъ съ эпохой 19-тимѣсячной нашей Японской войны, вызвавшей въ силу своихъ фатальныхъ неудачъ опасное революцiонное движенiе (1905 - 1906 г. г.), въ которомъ и мнѣ, волею судебъ, пришлось принимать тяжелое боевое участiе, въ качествѣ защитника государственнаго порядка. Но прежде чѣмъ начать говорить объ этихъ сложныхъ и тревожныхъ временахъ, хотѣлось бы еще разъ напослѣдокъ оглянуться и вспомнить нѣкоторыя картины изъ моей прошлой привольной головкинской жизни, когда она текла въ нормальныхъ условiяхъ, и я могъ почти круглый годъ проживать въ своихъ родныхъ мѣстахъ.

Лишенный нынѣ своего родного угла, проживая на положенiи бѣженца гдѣ-то у синя моря въ пресловутомъ Котъ д'Азюръ, попробую на время закрыть глаза и забыть пальмы, зрѣющiе апельсины, цвѣтущiя мимозы и вѣчнозеленыя оливки, и мысленно перенестись за многiя тысячи верстъ, въ дорогое для меня Головкино.

Проходила лѣтняя страда со всѣми ея срочными работами: паркой, жнитвомъ, молотьбой и озимымъ сѣвомъ. Съ осенней зябкой тоже бывало закончено. Отбывалъ я въ концѣ сентября свое Уѣздное Земское Собранiе, проводилъ мѣсяцъ на наборѣ и, вернувшись ко второй половинѣ ноября къ себѣ домой, могъ, наконецъ отдаваться заслуженному отдыху.

Вставалъ я рано, и около 8 часовъ утра приходилъ въ залу, гдѣ въ концѣ стола для меня готовъ бывалъ утреннiй завтракъ — кофе, молоко, масло, великолѣпный домашнiй хлѣбъ, и одновременно подавалась мнѣ Никифоромъ любимая моя яичница.

Въ 9 часовъ утра, въ валенкахъ, рабочемъ мѣховомъ полушубкѣ и мерлушковой шапкѣ, я выходилъ на дворъ и отправлялся въ круговой обходъ своего разнообразнаго и обширнаго хозяйства, первымъ долгомъ заходя на выѣздную и рысистую конюшню, оттуда на рабочiй дворъ и дальше — на конскiй заводъ. Обходилъ всѣ конюшни, мастерскiя, проходилъ по заселенному хуторскому порядку, гдѣ расположены были помѣщенiя моихъ служащихъ.

На круговую прогулку по хозяйству уходило у меня часа два, послѣ чего я спѣшилъ пройтись на свою мельницу, расположенную отъ дома приблизительно въ одной верстѣ. Тамъ я пробовалъ помолъ, слѣдилъ за уровнемъ воды и входилъ въ добрососѣдскiя непринужденныя бесѣды съ прiѣзжавшими съ разныхъ сторонъ помольщиками для т. н. „мiрского помола".

Обѣдали мы въ часъ дня. Поваръ Владимiръ готовилъ вкусно и разнообразно — рыбы, птицы и дичи всякой было изобилiе, про молочные же продукты и говорить нечего.

Черезъ часъ послѣ обѣда обычно подавалась моя любимая разгонно-охотничья пара соловыхъ вятокъ съ мохнатыми гривками и черными ремешками на спинѣ. На козлахъ сидѣлъ Гаврила Мироновъ — красивый парень съ закрученными усами и небольшими бачками, взятый мною въ кучера изъ конюховъ за его недюжинныя способности и охотничью жилку.

Одѣвшись въ свой охотничiй полушубокъ, накинувъ на него сверху чапанъ и напяливъ на голову буяновскiй рыжiй мерлушчатый „малахай", я залѣзалъ въ свои охотничьи санки, обитыя лосемъ, прикрытыя волчьей полостью, и спрашивалъ Гаврилу, куда бы намъ на оставшiеся недолгiе послѣобѣденные часы проѣхаться для охотничьей забавы... „Проѣдемъ, баринъ, къ Малиновому", — бывало, слышалось на это въ отвѣтъ — „шибко тамъ мышкуетъ хвостатая!" — „Ну, ладно, говорю я радостно: „въ Малиновъ, такъ въ Малиновъ — заѣдемъ только за Милкой!"... Любилъ я свой Малиновъ заповѣдникъ, и было за что!

Малиновъ лѣсъ находился за чертой лугового пространства, заливаемаго вешней полой водой. Въ немъ было около 400 десятинъ. Лѣтомъ мѣста эти представляли собой, по охотничьему выраженiю, „крѣпь", гдѣ любилъ укрываться лѣсной звѣрь, и въ непролазной глуши которой изъ года въ годъ размножались и держались волчьи и лисьи выводки. Въ тѣхъ же мѣстахъ встрѣчалось также немало лосей.

Въ зимнее время въ лѣсныхъ болотахъ, толстымъ слоемъ занесенныхъ снѣгомъ, спасалось множество пушистыхъ, съ огненными глазками, бѣляковъ отъ преслѣдовавшихъ ихъ хищныхъ и хитрыхъ четвероногихъ охотниковъ.

Малиновъ лѣсъ, также, какъ и весеннее „Подстепное", о которомъ я упоминалъ ранѣе, былъ мѣстомъ изстари блюденымъ, „заповѣднымъ" и долженъ отдать справедливость моимъ малиновскимъ сосѣдямъ, что за 20 лѣтъ моего хозяйничанья было лишь нѣсколько случаевъ захода бабъ за грибами и ягодами, но ни порубокъ, ни охотъ самовольныхъ не случалось.

59

Приблизительно съ 1900 г. въ нашемъ Поволжьѣ стали въ большомъ количествѣ появляться лоси. Спуститься изъ

сѣверныхъ лѣсовъ ихъ заставила засуха и безкормица предшествовавшихъ лѣтъ. Къ 1902 году собралось въ нашихъ, главнымъ образомъ, „дальнихъ" лугахъ такое множество, что съ одной дачи на другую передвигались цѣлыя семьи и стада. Они стали причинять чувствительный ущербъ луговому и лѣсному хозяйству. Ихъ излюбленнымъ кормомъ былъ молодой тальникъ т. н. „малакитникъ". Это былъ цѣнный матерьялъ для обручей для скрѣпа бочекъ.. Лоси, проходя цѣлыми табунами и отщипывая самые мягкіе кончики, его обезцѣнивали. Главная площадь таловой малакитовой заросли приходилась на т. н. „Борковскій уголъ", расположенный между озеромъ Пневомъ и Волгой. Эти лѣсныя гривы, состоявшія изъ почти сплошного вязоваго насажденія, представляли собою мѣстами непроходимыя дебри, гдѣ человѣческой ноги не бывало. Они изобиловали лѣсными кочкастыми болотинами — любимыми водопоями лосиныхъ стадъ.

Приходилось принимать противъ рогатыхъ луговыхъ гостей рѣшительныя мѣры. Я разрѣшилъ объѣздчикамъ стрѣлять по нимъ, и сталъ организовывать специальныя ноябрьскія облавы, пользуясь порошей.

Разъ, въ ноябрѣ 1904 года, мой лѣсникъ Николай Макаровъ доложилъ мнѣ, что онъ замѣтилъ массу свѣжихъ лосиныхъ слѣдовъ, направлявшихся отъ Пневскаго озера къ Борковской гривѣ. Принявъ это къ свѣденію, я рѣшилъ на слѣдующій же день наладить облаву, приказавъ съ ранняго утра хорошенько обложить необходимыя мѣста и „беречь" звѣря, но на охоту пока не трогаться. А на слѣдующій день, около 11 часовъ утра, Николай Макаровъ появляется весь раскраснѣвшійся, взволнованный и, видимо, сильно спѣшившій. Его докладъ произвелъ на насъ воистину потрясающее впечатлѣніе. Оказалось, что за ночь выпалъ еще небольшой снѣжокъ. По свѣжей порошѣ стали мои люди осматривать островъ, и что же они видятъ,! — Старый вчерашній лосиный слѣдъ не имѣлъ изъ приволжской гривы никакого свѣжаго выхода и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обкладчики наткнулись на новый слѣдъ — огромной стаи волковъ, входившій въ ту же самую гриву, куда вчера къ вечеру вошли лоси, причемъ выходного изъ этой гривы ни волчьяго, ни лосинаго слѣда мои люди не нашли.

Очевидно, что въ одномъ и томъ же лѣсномъ угодьи сошлись лоси и подошедшіе къ нимъ не безъ заднихъ мыслей сѣрые хищники. Получалась совершенно необычная комбинація. Макаровъ умолялъ насъ ни одной минуты не медлить, и полнымъ ходомъ ѣхать на мѣсто, чтобъ успѣть во время перехватить завѣтную гриву. Верхачи-загонщики, согласно его доклада, уже стояли всюду на своихъ мѣстахъ, въ ожиданіи насъ.

Черезъ какой-нибудь часъ мы безъ шума заняли свои номера. Макаровъ поскакалъ стороной начинать гонъ... Вскорѣ послышался характерный трескъ ветвей, обычно производимый лосемъ, пробирающимся сквозь лѣсную чащу и своими огромными рогами расчищающимъ себѣ путь. По всей охотничьей цѣпи открылась частая пальба на номерахъ. Одинъ за другимъ, стали изъ лесу появляться почередно, то мохнатые великаны, то ихъ сѣрые, хищные, четвероногіе преслѣдователи. На бѣднаго Павлика Наумова вышли одновременно огромный рогачъ и два волка. Не зная, въ кого стрѣлять, онъ растерялся. Опомнился, когда на смѣну вышла изъ лѣсной гривы еще пара лосей.

Въ результатѣ обоихъ загоновъ было взято нами шесть лосей и девять волковъ. Одинъ молодой рогачъ прорвался въ сторону и бросился на озеро Пнево, въ серединѣ котораго провалился и долго плавалъ въ полыньѣ, изъ которой не могъ выбраться. Получилось оригинальное зрѣлище — на бѣлесоватомъ фонѣ снѣгомъ запорошенной озерной поверхности черной точкой рѣзко выдѣлялась лосиная голова. Несмотря на спускавшіяся сумерки, мнѣ удалось моимъ кодакомъ запечатлѣть эту необычайную картину. Лося пришлось пристрѣлить и съ помощью веревокъ не безъ труда выволочь изъ озера.

Съ 1905 года количество лосей въ Головкинскихъ мѣстахъ стало замѣтно убывать. Въ концѣ концовъ, лохматые гости совсѣмъ съ нашего горизонта исчезли... Зато малакитникъ сталъ замѣтно въ займищныхъ лугахъ процвѣтать, выростая безъ помѣхи за свои положенные восемь лѣтъ въ длинный, ровный, глянцевитый и цѣнный обручъ.

60

Описывая періодъ моей пятилѣтней осѣдлости въ Головкинѣ (1900 г. — 1905 г.), въ частности, послѣдняго моего Предводительскаго трехлѣтія, не могу не коснуться одного обстоятельства, игравшаго значительную роль въ моей деревенской жизни.

Если взять соотношеніе количества воды и суши, то Головкинское мое имѣніе должно было по справедливости считаться скорѣе воднымъ, чѣмъ земельнымъ, ибо въ нормальное, или „меженное", время водная поверхность превышала остальныя всѣ угодья на сушѣ чуть ли не въ четыре съ половиной раза, въ вешнее же половодье оставалось всего лишь какихъ-либо 1000 десятинъ съ небольшимъ, противъ 30.000 сплошного Волжскаго разлива.

Съ первыхъ же лѣтъ меня настойчиво соблазняла мысль пріобрѣсти небольшой плоскодонный пароходикъ, не только ради любительскаго спорта, но и по соображеніямъ серьезнаго практическаго свойства. Прежде всего, въ лѣтнее время необходимъ былъ для меня періодическій объѣздъ луговъ по главнымъ воднымъ и судоходнымъ артеріямъ, которыхъ въ Головкинскомъ имѣніи было не мало. — Прежде всего сама Волга со всѣми своими рыбными ловлями, принадлежавшая мнѣ на протяженіи 25 верстъ. Затѣмъ рядъ т. н. „Воложекъ", иначе говоря Волжскихъ рукавовъ. — прежде всего, — длиннѣйшая „Княгинька", протяженіемъ болѣе 30-ти верстъ, съ ея живописнѣйшими , то обрывисто лѣсными, то отлого-

песчаными берегами, своего рода „головкинскими пляжами". Такими же ровными береговыми отмелями изъ чистаго мелкаго твердаго песка изобиловали всѣ Волжскіе острова, т. н. „середыши", которыхъ было въ моемъ владѣніи три: „Большой", „Средній" и „Малый", отдѣлявшіеся какъ отъ Волги, такъ и другъ отъ друга водными протоками. Озорная головкинская молодежь, купаясь по упомянутымъ отлогимъ берегамъ, при видѣ шедшаго по Волгѣ парохода, обкатывала свои мокрыя тѣла густымъ слоемъ песка и передъ проѣзжавшими пассажирами устраивала дикій плясъ и всяческія акробатическія кувыркалегіи.

Я присматривался къ судамъ, которые могли бы подойти подъ мои требованія. Переѣзжали мы однажды Волгу изъ Часовни въ Симбирскъ на лодкѣ. Подъѣзжая къ Симбирскому берегу, среди разныхъ стоявшихъ у пристаней судовъ, мы замѣтили необычайно изящной формы, бѣлый съ богатой мѣдной отдѣлкой, пароходикъ. Я такъ и воззрился на него, приказавъ гребцамъ подъѣхать къ нему вплотную. Изъ пароходнаго люка вылѣзъ въ рабочемъ костюмѣ блондинъ симпатичной наружности, оказавшійся хозяиномъ пароходика — А. Ф. Смирновымъ. Выяснилось, что онъ велъ „Сирену" въ Самару, гдѣ хотѣлъ продать ее казенному вѣдомству. Ко всему, „Сирена" оказалась плоскодонной съ двумя параллельными килевыми линіями и на удивленіе мелко сидѣвшей.

Я былъ очарованъ всѣмъ внѣшнимъ видомъ пароходика, необычайной красотой его очертаній, а также его техническими особенностями и попросилъ Смирнова ждать съ отходомъ въ Самару. Вторичный мой осмотръ окончательно убѣдилъ меня, что „Сирену" надо пріобрѣсти. Сама ея машина представляла изъ себя нѣчто изумительное, въ смыслѣ совершенства устройства и удобства пользованія. Цѣну Смирновъ назначилъ 5.000 р. Въ тотъ же день, не торгуясь, я съ нимъ покончилъ и „Сирена" поступила въ мою собственость, вмѣстѣ съ переходомъ ко мнѣ на службу ея машиниста — Ивана Алексѣевича Иванова.

Вокругъ Иванова, за десятокъ лѣтъ его службы у меня, образовалась цѣлая школа механиковъ и монтеровъ.

61

Прежде чѣмъ перейти къ пересказу своихъ воспоминаній, связанныхъ со временемъ Русско-Японской войны, чреватой своими сложными послѣдствіями, мнѣ хотѣлось бы описать обстановку моей службы по должности Уѣзднаго Предводителя Дворянства.

Губернскимъ Предводителемъ былъ Дѣйствительный статскій Совѣтникъ Александръ Александровичъ Чемодуровъ, крупный землевладѣлецъ Бугурусланскаго уѣзда, потомокъ стариннаго дворянскаго рода, издавна почитаемаго въ нашемъ Заволжьѣ. Александръ Александровичъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ — превосходнаго хозяина и семьянина безукоризненнаго поведенія, вдумчиваго и серьезнаго сословнаго представителя, несомнѣнно съ честью носившаго высокое званіе Губернскаго Предводителя, — имѣлъ, какъ и всѣ мы, нѣкоторые недостатки и слабости. Крайне впечатлительный и нервный, онъ не умѣлъ себя сдерживать на публичныхъ собраніяхъ, часто теряя необходимое для всякаго предсѣдателя самообладаніе, и проявляя нерѣдко явную нетерпимость ко всему тому, что противорѣчило его убѣжденіямъ.

Будучи стойкимъ, убѣжденнымъ монархистомъ, Чемодуровъ отличался упорной неподвижностью своихъ разъ навсегда сложившихся взглядовъ. Избранный въ 1906 году отъ Всероссійскаго Дворянства членомъ Государственнаго Совѣта, Александръ Александровичъ вступилъ въ ряды правой группы, но и въ ней онъ занялъ непримиримую крайнюю позицію несговорчиваго консерватора.

Всѣ наши Собранія — Общія Губернскія и Собранія Предводителей и Депутатовъ, происходили въ принадлежавшемъ Самарскому Дворянству домѣ, расположенномъ на Казанской улицѣ, невдалекѣ отъ часовни у берега Волги.

Выстроенное на полугорѣ, на береговомъ уклонѣ, покатомъ къ Волгѣ, окрашенное въ темно-коричневый цвѣтъ, зданіе Самарскаго Дворянскаго Собранія съ Казанской улицы казалось небольшимъ двухэтажнымъ домомъ; съ береговой же противоположной стороны — оно имѣло видъ большого трехэтажнаго корпуса, съ обширнымъ, обнесеннымъ солидными колоннами, крытымъ балкономъ, съ котораго открывался превосходный видъ на Волгу и Рождественскіе Жигули.

Изъ просторной передней дверь вела прямо въ залу собранія, высокую въ два свѣта комнату съ верхними хорами, на которыхъ обычно во время Общихъ Собраній сидѣла публика.

Вся бѣлая, съ отполированными „подъ стюкъ" блестящими стѣнами и таковыми же колоннами подъ хорами, зала имѣла парадный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уютный видъ: недаромъ П. А. Столыпинъ, посѣтившій вмѣстѣ съ Кривошеинымъ въ 1910 г. наше собраніе, подѣлился со мною, бывшимъ тогда Губернскимъ Предводителемъ, своими впечатлѣніями, подчеркнувъ, что въ нашемъ Дворянскомъ Домѣ онъ чувствовалъ себя чрезвычайно „гемютлихъ" (его подлинное выраженіе).

По стѣнамъ красовались въ массивныхъ золоченыхъ рамахъ художественно, во весь ростъ написанные, портреты: царствовавшаго Императора Николая II, также Александра III и Александра II, а затѣмъ, въ овальныхъ рамкахъ, — малыя поясныя изображенія Императрицы Екатерины Великой и другихъ Августѣйшихъ Особъ, включая Государя Николая I.

Въ углу залы стояла, помѣщенная въ красивомъ кіотѣ икона съ изображеніемъ всѣхъ святителей, имена которыхъ носили въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III и члены его семьи. Икона эта была сооружена Самарскимъ дворянствомъ въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи 17 октября 1887 года у ст. Борки.

Впослѣдствіи, въ этой залѣ, при моемъ предводительствѣ, съ 1905 г. по 1916 г., добавленъ былъ цѣлый рядъ пред-

метовъ исторической для Самарскаго дворянства цѣнности, — бюстъ Петра Великаго на постаментѣ изъ полированнаго жигулевскаго камня, сооруженный нашимъ дворянствомъ по случаю Полтавскаго юбилея; висячая на стѣнѣ Золотая доска съ выгравированнымъ текстомъ Высокомилостивой Царской телеграммы, въ отвѣтъ на вѣрноподданическое привѣтствіе одного изъ Экстренныхъ Дворянскихъ Собраній въ 1906 году. Множество полученныхъ Самарскимъ Дворянствомъ за мою долголѣтнюю предводительскую службу Царскихъ телеграммъ было помѣщено въ особую витрину изъ бѣлаго клена съ позолотой и государственнымъ гербомъ наверху. На стѣнѣ висѣлъ, спеціально пожалованный нашему Дворянству, большой, превосходный фотографическій портретъ Наслѣдника съ подлинной его собственноручной дѣтской подписью.

62

За трехлѣтіе 1902 — 1905 г. главными вопросами чисто-сословнаго и мѣстнаго характера, занимавшими вниманіе нашихъ Предводительскихъ Собраній, было устройство дворянскаго пансіона-пріюта и упорядоченіе финансоваго положенія въ связи съ устройствомъ кассы взаимопомощи. По этому поводу собирались два экстренныхъ дворянскихъ собранія.

Въ это же время вопросъ оскудѣнія дворянства заставлялъ о себѣ говорить не только въ провинціи, гдѣ денежное положеніе почти во всѣхъ дворянскихъ обществахъ дѣйствительно было въ крайне плачевномъ состояніи, но и въ столицѣ. Въ 1901 — 1903 г. г. среди нѣкоторыхъ сановныхъ группъ появились теченія въ пользу возможно срочнаго оказанія ослабѣвающему „передовому" сословію „справедливаго" финансоваго содѣйствія. Возникли проекты сословныхъ пансіоновъ-пріютовъ съ щедрой поддержкой со стороны Правительства, а также устройства кассъ взаимопомощи. Много было по этому поводу споровъ на нашихъ собраніяхъ, за депутатскимъ столомъ, и немало пришлось мнѣ вытерпѣть горячихъ выпадовъ по моему адресу со стороны старшаго коллеги — А. А. Чемодурова.

Моя точка зрѣнія была такова, что идти Самарскому дворянству на правительственную подачку, ни на ту, ни на другую, не слѣдовало. Я считалъ предлагавшіяся мѣры палліативами, безсильными и, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже вредными. Спасти дворянъ отъ оскудѣнія они не смогутъ, а явятся лишь новымъ поводомъ для вящщаго раздраженія и возбужденія остального русскаго люда противъ дворянства. Я полагалъ, что надо лечить этотъ основной дефектъ нашего сословія въ самомъ его корнѣ.

Дворянскія средства образовывались путемъ сословнаго самообложенія на цензовомъ имущественномъ началѣ. При учрежденіи Самарской губерніи числилось до 2 милліоновъ десятинъ дворянскихъ земель, а къ 1902 г. ихъ осталось лишь половина, и такое положеніе замѣчалось во всѣхъ прочихъ

дворянскихъ губерніяхъ. Неблагополучно обстояло и съ дѣломъ взысканія сословныхъ сборовъ — во всѣхъ дворянскихъ обществахъ накопилось огромное количество недоимокъ. Вотъ на что, по моему разумѣнію, надлежало намъ обратить вниманіе прежде, чѣмъ принимать правительственныя денежныя подачки!

По всѣмъ этимъ вопросамъ мною былъ представленъ Чемодурову рядъ проектовъ въ видѣ особыхъ докладныхъ записокъ, приводившихъ его въ немалое смущеніе и казавшихся ему отголоскомъ моего яко бы „сословнаго либерализма"...

Прежде всего, я предлагалъ пойти по пути расширенія порядка пріема въ дворянскую среду постороннихъ иносословныхъ мѣстныхъ лицъ, владѣвшихъ земельными имуществами и зарекомендовавшихъ себя на общественной или иной службѣ въ качествѣ людей достойныхъ. Инціатива сего должна была быть возложена по закону на Собраніе Предводителей и Депутатовъ, а утвержденіе, само собой, должно было слѣдовать отъ Государя. Огромное большинство моихъ коллегъ по депутатскому столу всецѣло къ этой мысли присоединилось, но упорный Чемодуровъ слышать объ этомъ не хотѣлъ, находя подобную „ересь" — „покушеніемъ на прерогативу короны".

Въ отношеніи сборовъ недоимокъ я совѣтовалъ также примѣнить способъ, который впослѣдствіи я самъ взелъ въ первое же мое трехлѣтіе Губернскаго Предводительства, давшій блестящій результатъ, но въ то время и въ этомъ отношеніи постигла меня неудача — опять-таки подъ давленіемъ того же неподатливаго на все новое Александра Александровича.

По поводу устройства дворянскаго пансіона-пріюта въ г. Самарѣ Чемодурову удалось повести за собой большинство нашего Собранія и возбудить передъ Правительствомъ соотвѣтствующее ходатайство отъ имени Самарскаго Дворянства, объ ассигнованіи на это дѣло необходимыхъ средствъ. Впослѣдствіи, при вступленіи моемъ въ должность Губернскаго Предводителя, я все же настоялъ на своемъ и въ заново отстроенномъ зданіи былъ открытъ не дворянскій пансіонъ, а всесословная гимназія съ 36-ю дворянскими стипендіями.

Что же касается кассы взаимопомощи, то мое мнѣніе, въ концѣ концовъ, взяло верхъ, и отъ нее Самарское дворянство отказалось. Да и время настало такое, что не до сословныхъ субсидій было въ взбаломученномъ Петербургѣ. Въ концѣ января 1904 года вспыхнула Японская война, продолжавшаяся 19 мѣсяцевъ; она приковала къ себѣ общее вниманіе и потребовала немало государственныхъ средствъ!

Я не стану вдаваться въ подробности всего, что въ свое время говорилось и писалось о причинахъ возникновенія Русско-Японской войны, а также всѣхъ постигшихъ русскую армію неудачъ. Оговорюсь лишь въ общихъ чертахъ, что нельзя приписывать возникновеніе подобныхъ крупныхъ историческихъ событій вліянію какихъ-либо отдѣльныхъ лицъ, какъ это многіе дѣлали. Несомнѣнно, что основныя причины

происшедшаго столкновенія лежали глубже произвола единичныхъ руководителей судьбами обоихъ государствъ, базируясь на столкновеніи ихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ.

Необходимо лишь оговориться, что со стороны русскихъ высшихъ сферъ несомнѣнно было допущено, еще со временъ Китайско-Японской войны 1894 года, немало роковыхъ ошибокъ, способствовавшихъ обостренію взаимныхъ отношеній конкурировавшихъ на Дальневосточныхъ окраинахъ Россіи и Японіи и, въ концѣ концовъ, заставившихъ ихъ взяться за оружіе, для разрѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, которые, при желаніи, возможно было бы упорядочить мирнымъ путемъ.

Вспоминая прошлое и разбираясь въ ходѣ историческихъ событій, сопровождавшихъ чередовавшіяся царствованія, невольно ловишь себя на мысли, что въ верхахъ центральнаго управленія такой огромной страны, каковой являлась Россійская Имперія, не усматривалось опредѣленной, заранѣе обдуманной преемственной политики ни по внутреннимъ, ни тѣмъ болѣе, по внѣшнимъ ея дѣламъ.

Въ бытность мою министромъ пришлось мнѣ по этому поводу откровенно высказаться Государю Николаю Александровичу. Рѣчь зашла относительно размѣра государственнаго долга, возросшаго въ то время (1916 г.) до солидной цифры въ 35 милліардовъ золотыхъ рублей. Его Величество выразилъ по поводу такой задолженности свои опасенія и безпокойство, на что я позволилъ себѣ ему возразить, что при наличіи неисчислимыхъ природныхъ богатствъ нашей Имперіи подобный долгъ являлся сравнительно ничтожной величиной, изъ-за которой не стоило волноваться, но при одномъ необходимомъ на мой взглядъ условіи — чтобы использованіе упомянутыхъ богатствъ было поставлено на обдуманный и вѣрный путь. Долженъ быть обстоятельно и всесторонне разработанъ планъ, который ляжетъ въ основу предусмотрѣнной на многіе годы впередъ государственной смѣты, какъ въ отношеніи внутренней, такъ и внѣшней государственной правительственной политики, преемственно проводимой въ жизнь чередующимися царствованіями... Государь, видимо, одобрительно отнесся къ моимъ словамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, высказалъ немало удивившее меня тогда замѣчаніе: „Ну, да!... не только на мое управленіе, но и на Алешино!" (разумѣя своего сына Алексѣя). На это я отвѣтилъ: „Хотѣлось бы, Ваше Величество, и на болѣе отдаленный срокъ!"... Государь тогда промолвилъ: „Лишь бы на Алексѣеву жизнь хватило!"

Японская война, какъ извѣстно, началась 27 января 1904 года внезапнымъ нападеніемъ японскихъ миноносцевъ на нашу эскадру, въ результатѣ чего оказались тяжелыя поврежденія двухъ нашихъ броненосцевъ: „Цесаревича" и „Ретвизана", а также крейсера „Паллады". Ввиду своего островного положенія, японцы всю силу своего военнаго искусства обратили прежде всего на ослабленіе и возможно большее истребленіе русскаго флота. Отсюда слѣдовала вся дальнѣйшая исторія войны, изобиловавшая непрерывнымъ рядомъ

морскихъ боевъ, чрезвычайно незадачливо складывавшихся для русскаго оружія. Несмотря на выдающуюся доблесть, проявленную нашими моряками во все время кампаніи, какъ напримѣръ — геройскіе подвиги крейсера „Варяга", миноносца „Стерегущій" и др., нашъ флотъ, по волѣ роковой судьбы, терпѣлъ одно несчастье за другимъ... 31 марта 1904 года неожиданно гибнетъ, наткнувшійся на мину, лучшій броненосецъ „Петропавловскъ" съ талантливымъ авторитетнымъ командующимъ флотомъ адмираломъ Макаровымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ погибаетъ замѣнившій его адмиралъ Витгефтъ на „Цесаревичѣ". Одновременно, съ августа 1904 года началась агонія Портъ-Артурской эскадры, закончившаяся сдачей 20 декабря того же года самой крѣпости и гибелью многочисленныхъ нашихъ морскихъ боевыхъ единицъ. Наконецъ, пять мѣсяцевъ спустя, въ серединѣ мая 1905 года, произошелъ финальный „Цусимскій" разгромъ пресловутой „Рождественской" эскадры.

На сушѣ обстояло дѣло не лучше. Количество войскъ при объявленіи войны на Дальнемъ Востокѣ оказалось далеко недостаточнымъ: приходилось посылать подкрѣпленія по длиннѣйшему одноколейному Сибирскому пути. Наша артиллерія въ техническо-боевомъ отношеніи значительно уступала японской, а главное, — съ самаго начала войны въ дѣлѣ высшаго командованія допущено было двоевластіе въ лицѣ Намѣстника адмирала Алексѣева и Главнокомандующаго генерала Куропаткина; это гибельно отзывалось на общемъ ходѣ военныхъ операцій. Только послѣ ряда непоправимыхъ ошибокъ, было установлено единое командованіе въ лицѣ умнаго, но слабаго генерала Куропаткина, при которомъ слѣдовалъ рядъ неудачныхъ для русскаго оружія боевъ: подъ Ляояномъ, на р. Шахэ и, наконецъ, въ февралѣ 1905 года, — подъ Мукденомъ. Куропаткинъ былъ замѣненъ генераломъ Линевичемъ, и одновременно началось отступленіе къ сѣверу всей нашей истощенной и недовольной ходомъ войны арміи. Въ такомъ состояніи, въ условіяхъ полнаго бездѣйствія, ее продержали до самаго Портсмутскаго мира, заключеннаго лишь 11/24 августа 1905 года. Немудрено, что тамъ — на далекой Сибирской окраинѣ — озлобленные бородачи-запасные составили авангардъ революціонныхъ армій конца 1905 и 1906 г. г. Мукденъ и Цусима положили предѣлъ народному терпѣнію: стало проявляться всеобщее недовольство, начались безпорядки повсемѣстно слышались требованія мира... Всплыло посредничество Президента С. А. Штатовъ Рузвельта, былъ посланъ въ Америку Витте, и въ Портсмутѣ былъ заключенъ всѣмъ извѣстный миръ — ни Россію, ни Японію не удовлетворившій...

Одновременно съ перечисленными неудачами на Дальневосточномъ фронтѣ, въ самой Россіи постепенно нарастали тревожныя настроенія, замѣтно повліявшія на столичные верхи.

Еще до Японской войны не все обстояло благополучно въ странѣ и, въ частности, въ самомъ Петербургѣ. Были убиты на политической почвѣ одинъ за другимъ министры: Сипя-

гинъ и Плеве, котораго въ 1904 году замѣнилъ кн. Святополкъ-Мирскій. Онъ при своемъ вступленіи создалъ знаменитую „весну", высказавъ нѣкоторымъ лицамъ и журнальнымъ корреспондентамъ, что „Управленіе Россіей должно зиждиться на довѣріи къ обществу"...

При немъ въ ноябрѣ 1904 года состоялся въ Петербургѣ разрѣшенный имъ памятный „Съѣздъ общественныхъ дѣятелей", на который собрались со всѣхъ концовъ земской и городской Россіи т. н. „передовые" либеральные элементы и нѣкоторые профессіоналы-политиканы, ставшие впослѣдствіи основоположниками и руководителями „кадетской" (конституціонно-демократической партіи (Набоковъ, князья Долгорукіе, Гессенъ и др.).

На этомъ съѣздѣ обнаружились два теченія: одно болѣе умѣренное т. н. Шиповскаго * направленія, считавшее своевременнымъ имѣть въ столицѣ при Государственномъ Совѣтѣ особое представительство въ лицѣ избранныхъ депутатовъ отъ Губернскихъ Земскихъ Собраній; другое, болѣе либеральное, настаивавшее на необходимости срочнаго введенія въ общій ходъ государственной жизни представительнаго образа правленія, по образцу западно-европейскаго парламентаризма. На Совѣщаніи были выработаны, опубликованные потомъ во всеобщее свѣдѣніе, 11 программныхъ пунктовъ яркаго политическаго содержанія, послужившихъ несомнѣннымъ толчкомъ для изданія Указа 14 декабря 1904 года, заключительная часть котораго говорила въ общихъ чертахъ о своевременности созданія въ Россіи народнаго представительства.

Настроеніе въ странѣ, подъ вліяніемъ Дальневосточныхъ событій, продолжало оставаться напряженнымъ и нервнымъ. Въ связи съ этимъ, кн. Святополкъ-Мирскій настоялъ на изданіи Указа, возлагавшаго на Комитетъ Министровъ изысканіе мѣръ для водворенія законности, расширенія свободы слова, вѣротерпимости, мѣстнаго самоуправленія, упраздненія излишнихъ стѣсненій инородцевъ и иныхъ исключительныхъ законовъ, также на необходимость скорѣйшаго завершенія работъ „Крестьянскаго Совѣщанія". Всѣ перечисленныя благія намѣренія были вскорѣ всяческими запутанными и противорѣчивыми обсужденіями сведены къ ничтожнымъ результатамъ, и только острѣе растравили выжидательное, напряженное состояніе общественныхъ слоевъ страны.

Съ начала 1905 года въ столицѣ одно за другимъ произошли событія, не на шутку встревожившія Петербургскіе верхи. 6 января во время Крещенскаго Богослуженія былъ выпущенъ при салютѣ боевой снарядъ, къ счастью врѣзавшійся лишь въ уголъ Зимняго Дворца. Это объяснили случайностью... Черезъ три дня — 9 января было пресловутое шествіе къ Царю во дворецъ рабочихъ, во главѣ съ попомъ Гапономъ, для предъявленія разныхъ вѣрноподданическихъ „петицій".

* Дмитрій Николаевичъ Шиповъ состоялъ въ то время Предсѣдателемъ Московской Губернской Земской Управы.

Въ результатѣ раздались со стороны вызванныхъ войскъ выстрѣлы и до 200 человѣкъ было ранено и убито.

Вскорѣ кн. Святополкъ-Мирскій былъ смѣщенъ, и вмѣсто него, министромъ былъ назначенъ благодушный и мягкотѣлый А. Г. Булыгинъ. Товарищемъ къ нему попадаетъ генералъ Д. Ѳ. Треповъ, фактически сдѣлавшійся всесильнымъ диктаторомъ и Царскимъ „дѣйствительнымъ тайнымъ" совѣтникомъ.

4 февраля того же 1905 года Великій Князь Сергій Александровичъ погибаетъ отъ руки Каляева.

Не успѣли въ столицѣ разобраться съ декабрьскимъ Указомъ, какъ, подъ давленіемъ всяческихъ событій на фронтѣ и внутри страны, Государемъ издаются въ одинъ и тотъ же день, 17 февраля 1905 года, — два манифеста, другъ съ другомъ не только не связанные, но одинъ другому противорѣчившіе: одинъ назывался „Манифестъ о нестроеніи и смутахъ". другой былъ Высочайшій Указъ Сенату „О правѣ петицій", предоставлявшій всему населенію право обращаться съ петиціями въ Совѣтъ Министровъ. Надо имѣть въ виду, что въ то время Совѣтъ Министровъ числился подъ предсѣдательствомъ Государя и собирался не чаще, какъ разъ въ годъ. Этотъ Указъ предрѣшалъ болѣе или менѣе широкое участіе выборныхъ отъ населенія въ законодательствѣ.

Въ маѣ Цусимская катастрофа окончательно всколыхнула тревожно настроенные элементы всѣхъ слоевъ общества. Въ іюнѣ 1905 года Государь принялъ особую депутацію изъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, во главѣ съ московскимъ княземъ Сергѣемъ Николаевичемъ Трубецкимъ. Вслѣдъ за ними, вскорѣ Его Величествомъ были приняты столичные Губернскіе Предводители Дворянства: С. Петербургскій — гр. В. В. Гудовичъ и Московскій — кн. П. Н. Трубецкой. Всѣ настаивали — кто въ болѣе рѣшительной формѣ, другіе мягче — на необходимости безотлагательнаго упорядоченія общаго хода государственнаго управленія, путемъ установленія народнаго представительства, въ которомъ видѣли панацею для исправленія допущенныхъ ошибокъ и для водворенія разумнаго государственнаго порядка въ будущемъ. Царь всѣхъ милостиво принималъ и выслушивалъ...

6-го августа памятнаго 1905 года, въ результатѣ четырехдневнаго Петергофскаго совѣщанія, происходившаго подъ предсѣдательствомъ самаго Государя Императора, появляется историческій манифестъ, одновременно съ которымъ былъ обнародованъ законъ объ учрежденіи Государственной Думы, получившей наименованіе „Булыгинской", отличавшейся двумя главными особенностями: 1) Дума образовывалась, какъ учрежденіе совѣщательное и 2) выборный законъ основывался преимущественно на крестьянствѣ, какъ на преобладающемъ въ численномъ отношеніи элементѣ населенія и, по мнѣнію составителей закона, наиболѣе надежномъ въ монархическомъ и консервативномъ смыслѣ сословіи... Этимъ знаменательнымъ государственнымъ актомъ закончился циклъ

періодъ времени политическую смуту и Петербургскую скоропалительную законодательную стряпню, лишній разъ убѣждаешься, до чего бюрократическіе верхи того времени были далеки отъ нашего „чернозема" и чужды мѣстной общественно-житейской правдѣ...

Невольно приходитъ въ голову такое соображеніе: вмѣсто того, чтобы въ свое время, задолго еще до всякихъ Цусимъ, пойти навстрѣчу основному элементу нашей страны, крестьянству, путемъ разумной демократизаціи жизнеспособнаго и укоренившагося въ народномъ быту и сознаніи нашего земства, расширить его привлеченіемъ въ него лучшихъ представителей народныхъ трудовыхъ массъ и затѣмъ, безъ особой ломки государственнаго организма, расширить дѣятельность земства, какъ въ самую глубь страны, такъ и въ ея высь; иначе говоря — не насаждать волостное земство, а демократизировать существовавшія уѣздныя и губернскія земскія учрежденія и, какъ бы въ видѣ купола для завершенія народнаго зданія, создать Государственное Обще-Имперское Земство. Вмѣсто всего этого, августовскіе законодатели 1905 г. оставляютъ на мѣстахъ безъ измѣненія земское положеніе 1890 года, предоставлявшее дворянскому сословію преимущественное положеніе въ мѣстной жизни за счетъ крестьянства, и въ то же время рѣшаютъ спѣшно выстроить грандіозное, совершенно новое государственное сооруженіе, фасадомъ своимъ хотя и напоминавшее западно-европейскій конституціонный стиль, но безъ достаточно опредѣленнаго внутренняго плана и изъ матеріала мало испытаннаго... Строители эти, увлекшись въ угоду моменту новаторскими затѣями и планами — пренебрегли еще съ шестидесятыхъ годовъ выстроеннымъ „земскимъ" зданіемъ, которое слѣдовало лишь увеличить, улучшить и приспособить къ новымъ условіямъ государственной

смущенія, вызывая среди насъ рядъ трудно разрѣшимыхъ вопросовъ о причинѣ вспыхнувшей борьбы съ отдаленнымъ желтымъ врагомъ. Многимъ изъ насъ начавшійся боевой пожаръ на дальневосточной окраинѣ показался, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, ничѣмъ не обоснованнымъ и чреватымъ серьезными послѣдствіями... Межъ тѣмъ приходилось брать на себя нелегкую задачу подбадривать населеніе, всячески настраивая его на патріотическій и воинственный ладъ. Нельзя было также скрывать отъ обывателя неудачъ, которыя съ самаго начала военныхъ дѣйствій преслѣдовали русское оружіе: пресса существовала; ежедневно всюду читались агентскія телеграммы о ходѣ войны.

Настроеніе у всѣхъ становилось все болѣе и болѣе подавленнымъ. Ко всему этому, съ далекаго Востока стали возвращаться раненые, размѣщаемые въ устроенныхъ Самарскими Краснокрестными организаціями лазаретахъ.* Ихъ разсказы о томъ, что происходило на театрѣ военныхъ дѣйствій производили въ большинствѣ случаевъ самое тягостное впечатлѣніе. По единодушному свидѣтельству раненыхъ — значительное преимущество воинской техники было на сторонѣ японцевъ, оказавшихся превосходными бойцами и организаторами.. Особенно процвѣтала у нихъ, со словъ очевидцевъ, постановка артиллерійскаго дѣла и военнаго шпіонажа.

Мобилизація въ нашемъ Поволжьѣ, въ частности въ моемъ уѣздѣ, въ сильной степени затронула численный составъ мѣстнаго мужского населенія, и мнѣ самому пришлось лишиться многихъ служащихъ въ Головкинскомъ хозяйствѣ.

Вскорѣ послѣ рожденія сына Александра я получилъ изъ губернскаго города увѣдомленіе о вѣроятномъ пріѣздѣ въ Самару Государя, для смотра войскамъ передъ отправкой ихъ на фронтъ. Событія этого ожидали въ первыхъ числахъ іюля.

Начальникъ губерніи обратился ко мнѣ съ просьбой предоставить, только что законченный постройкой, нашъ Самар-

была избрана особая депутація изъ Губернскаго Предводителя Дворянства А. А. Чемодурова и двухъ Уѣздныхъ Предводителей — Самарскаго и Ставропольскаго. Никогда не забуду того чувства особой восторженности, которымъ преисполнено было мое юное сердце въ ожиданіи исключительнаго въ моей жизни событія — возможности увидать впервые своего Монарха.

Въ связи съ прибытіемъ Государя въ Самару всплываетъ у меня рядъ яркихъ воспоминаній. Вотъ мы стоимъ на первомъ мѣстѣ, въ ряду остальныхъ депутацій. — Чемодуровъ, Пустошкинъ и я — въ парадной предводительской формѣ. Самарскій вокзалъ былъ неузнаваемъ: разукрашенный флагами и гирляндами, онъ былъ переполненъ всевозможнымъ оффиціальнымъ людомъ и выстроенными въ видѣ шпалеръ войсками. Всюду виднѣлись мундиры, во всемъ замѣчалась необычайная парадность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественная напряженность. Всѣ переговаривались вполголоса; лишь иногда слышалась сдержанная, негромкая команда военнаго начальства... Наконецъ, дали знать, что Императорскій поѣздъ прошелъ послѣднюю станцію Липяги... Всѣ замерли и подтянулись... Вотъ раздалась могучая команда: „Смирно! Слушай — на караулъ!" Полковая музыка заиграла „Боже Царя храни!" и изъ конца въ конецъ прокатилось восторженное „ура!"... Царскій поѣздъ подошелъ. Словно по мановенію волшебства все сразу смолкло. Настала полнѣйшая торжественная тишина. Государь вышелъ изъ своего вагона и сталъ принимать начальствующихъ лицъ, послѣ чего подошелъ къ почетному караулу и внятно произнесъ: „Здорово, Борисовцы!" Въ отвѣтъ раздалось радостное: „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!" Сопровождаемый многочисленной свитой Государь подошелъ къ нашей депутаціи... Впервые выпало на мою долю величайшее счастье близко видѣть передъ собой своего Царя, обликъ котораго мнѣ такъ хорошо былъ извѣстенъ по безчисленнымъ Его портретнымъ изображеніямъ. Одѣтый въ полковничій мундиръ Преображенскаго полка, въ барашковой форменной шапочкѣ и съ скромнымъ Владиміромъ на груди, Государь имѣлъ бодрый и привѣтливый видъ, обращался то къ одному, то къ другому изъ окружавшихъ Его лицъ — просто, безъ всякой оффиціальной натянутости. Онъ часто подносилъ руку къ усамъ и вскидывалъ свои большіе, ясные и обаятельные глаза на лица Ему докладывавшихъ... Отъ всего его чарующаго и свѣтлаго облика вѣяло природной добротой и душевнымъ величіемъ.

Выслушавъ привѣтствіе Губернскаго Предводителя, Его Величество въ милостивыхъ словахъ высказалъ свою благодарность самарскому дворянству за поднесенную ему хлѣбъ-соль и сталъ протягивать руку сначала Губернскому Предводителю, а затѣмъ и намъ — обоимъ его ассистентамъ. Подобнаго милостиваго вниманія со стороны Государя мы, Уѣздные Предводители, не ждали и о возможности его не были предупреждены. Пришлось поспѣшно снимать съ влажной правой руки плотно приставшую къ ней замшевую перчатку, но, къ моему глубочайшему отчаянію, она никакимъ моимъ усиліямъ не поддавалась... Государь ожидалъ передо мной съ протянутой рукой. Со всѣхъ сторонъ слышались нервные возгласы: „скорѣй, скорѣй!"... Волнуясь все больше и больше, я со страхомъ ожидалъ катастрофы... Вмѣсто этого, послышался со стороны Государя добродушный смѣхъ и Его ласковый голосъ: „Дайте же вашу руку такъ, какъ она есть!"... Несмѣло поднявъ на него глаза, я встрѣтился съ такимъ очаровательнымъ и привѣтливымъ взоромъ добраго нашего Государя, что, повинуясь разрѣшенію, осмѣлился подать Его Величеству свою руку съ полуснятой перчаткой, успѣвъ лишь пробормотать: „Простите, Государь!"...

Въ тотъ же день состоялся парадъ и смотръ всѣмъ войсковымъ частямъ, собраннымъ въ Самару, которые подлежали отсылкѣ на Дальній Востокъ... Это было грандіозное зрѣлище. На огромномъ плацу, въ видѣ широчайшаго каре, по всѣмъ четыремъ его сторонамъ, были въ нѣсколько рядовъ, шпалерами, выстроены многочисленныя войска. Государь, верхомъ на привезенной съ собой любимой своей лошади — темно-караковой съ бѣлой лысиной на головѣ, въ окруженіи многочисленной Свиты и сопровождавшаго его В. Кн. Михаила Александровича, бывшаго еще въ то время Наслѣдникомъ,* появился въ серединѣ каре, встрѣченный восторженнымъ „ура" всей публики. Разставленные въ разныхъ мѣстахъ полковые оркестры играли нашъ россійскій гимнъ. Его Величество объѣзжалъ воинскіе ряды при несмолкаемыхъ оваціяхъ, раздававшихся вперемежку съ оркестрами.

Впечатлѣніе отъ всей этой величественной картины, отъ всего торжественнаго патріотическаго подъема, было исключительно сильное; изъ публики, вперемежку съ восторженными возгласами, раздавались громкія рыданія... Я самъ еле могъ съ собой справляться: меня всего трясла нервная внутренняя дрожь. Государь особо напутствовалъ и благословлялъ иконой каждую воинскую часть.

Въ концѣ торжественнаго смотра произошелъ памятный эпизодъ, всѣхъ насъ тогда взволновавшій. Не успѣлъ Его Величество кончить объѣздъ воинскихъ рядовъ, какъ изъ строя вдругъ выскочилъ бородатый солдатикъ и бѣгомъ направился прямо къ Государю. Ему тотчасъ же преградилъ путь подскакавшій вплоть къ нему съ обнаженной шашкой В. К. Михаилъ Александровичъ... Солдатикъ упалъ на колѣни и поднялъ руку съ какой то бумагой. Оказалось, что призванный на службу запасный, недовольный дѣйствіями своего Воинскаго Присутствія, надумалъ подать жалобу лично самому Государю... Его немедленно окружили и арестовали, но Его Величество повелѣлъ его простить.

Государь спѣшилъ съ отъѣздомъ изъ Самары, и въ нашемъ новомъ домѣ, къ глубокому моему сожалѣнію, не оста-

---

* Цесаревичъ Алексѣй родился 30-го числа того же іюля мѣсяца.

новился. Губернаторъ Брянчаниновъ, сопровождавшій Государя при объѣздѣ города, проѣзжая по Дворянской улицѣ изъ собора, гдѣ было отслужено архіереемъ въ присутствіи Государя торжественное молебствіе, все же успѣлъ указать Его Величеству на нашъ особнякъ, какъ на помѣщеніе, приготовленное для Его Августѣйшаго пріема.

64

Нараставшее недовольство, вызванное военными неудачами, захватило и наше Поволжье. Оппозиціонные круги зашевелились и примкнули къ общему движенію 1904 года. На столичный ноябрьскій съѣздъ общественныхъ дѣятелей отправились изъ нашей губерніи Н. А. Шишковъ и В. А. Племянниковъ. Къ нимъ также примкнулъ Дмитрій Дмитріевичъ Протопоповъ — землевладѣлецъ Николаевскаго уѣзда.

На Земскихъ Собраніяхъ Протопоповъ выступалъ съ крайними демократическими проектами, а послѣ удачной продажи большей части своего имѣнія Крестьянскому Банку, даже съ предложеніемъ полной національзаціи земель...

Упомянутые мною три лица участвовали въ ноябрьскомъ столичномъ Съѣздѣ, примыкая къ крайней лѣвой партіи, требовавшей немедленнаго введенія въ Россіи парламентаризма. Вернувшись въ Самару, они стали устраивать передъ открытіемъ очередного январскаго Губернскаго Земскаго Собранія 1905 года совѣщанія, члены которыхъ повели среди мѣстной общественности пропаганду идей и положеній, поставленныхъ въ основаніе пресловутыхъ 11 пунктовъ общаго заключительнаго постановленія столичнаго ноябрьскаго „Съѣзда общественныхъ дѣятелей".

Проживая почти все время у себя въ уѣздѣ, я не былъ въ курсѣ политическаго возбужденія, которое возникло въ нашемъ губернскомъ центрѣ съ легкой, скорѣе, впрочемъ, „нелегкой" руки вернувшихся съ ноябрьскаго съѣзда нашихъ „самозванныхъ" представителей, никѣмъ для сего не избранныхъ, и тѣмъ болѣе, ни на что не уполномоченныхъ.

По пріѣздѣ моемъ въ началѣ января 1905 года въ Самару, передъ открытіемъ очередной сессіи Губернскаго Земскаго Собранія, я сразу же понялъ, что наши земскіе оппозиціонные круги зря время не теряли. Ясно было, что у нихъ выработанъ планъ дѣйствій для осуществленія ихъ намѣренія — заставить Губернское Собраніе принять цѣликомъ всѣ положенія, выработанныя столичнымъ совѣщаніемъ и провести постановленіе о необходимости неотлагательнаго введенія въ Россіи парламентарнаго строя. Главари этого крайняго теченія разсчитывали превратить предстоящее Губернское Земское Собраніе въ арену гласнаго протеста противъ существовавшаго порядка вещей. Какъ потомъ оказалось, они привлекли не только сочувствовавшихъ имъ земскихъ служащихъ, т. н. „третьяго элемента", но и оппозиціонно настроенную частную публику.

Такой же лозунгъ былъ данъ единомышленниками крайней лѣвой земской партіи и въ другихъ губерніяхъ. Въ тотъ памятный январь земскія собранія проходили повсюду въ аналогичной обстановкѣ рѣзкихъ антиправительственныхъ выпадовъ, заявленій, требованій, необычайной нервности и вмѣшательства въ ходъ самихъ засѣданій обнаглѣвшей публики.

Лишь въ немногихъ губерніяхъ земскія собранія протекали сравнительно благополучно, но въ большинствѣ случаевъ они, подъ давленіемъ необузданныхъ эксцессовъ „срывались", не доведенныя до конца. Такъ случилось и съ нашимъ январскимъ собраніемъ 1905 года — самое открытіе котораго не предвѣщало ничего хорошаго.

Надо сказать, что въ описываемое время предсѣдателемъ Губернской Управы состоялъ бывшій Уѣздный Предводитель Дворянства, Андрей Андреевичъ Ушаковъ. Какъ работникъ, докладчикъ и посредникъ между земскимъ міромъ и губернскими властями онъ былъ человѣкомъ подходящимъ, но въ отношеніи къ многочисленнымъ своимъ служащимъ, и въ особенности, къ ближайшему своему сотруднику — секретарю Клафтону, онъ оказался черезчуръ податливымъ и слабымъ.

Не могу не остановиться нѣсколько подробнѣе на характеристикѣ А. К. Клафтона, замѣнившаго собой Пругавина.

Клафтонъ имѣлъ опрятную, слегка даже франтоватую внѣшность, былъ со всѣми предупредителенъ и вѣжливъ, обладалъ незаурядными мыслительными способностями, превосходно составлялъ доклады, умѣлъ складно говорить, однимъ словомъ, являлся несомнѣнно цѣннымъ секретаремъ, всесторонне знакомымъ со всей сложной служебной обстановкой.

Но земцы относились къ нему съ осторожностью. Несмотря на его служебныя достоинства, чувствовалось въ его отношеніи къ намъ что то неискреннее, двуличное... Обликъ Клафтона во всей своей наготѣ выявился въ дни октябрьскихъ революціонныхъ событій 1905 года, въ которыхъ онъ фигурировалъ, какъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ ихъ участниковъ.

Сразу сбросивъ съ себя маску напускной вѣжливости и превратившись въ явнаго, хулиганствующаго „революціонера", Клафтонъ въ самый разгаръ уличныхъ Самарскихъ „демонстрацій" встрѣчаетъ однажды меня и нагло бросаетъ такую фразу: „Ну-съ, г.г. помѣщики, пора и честь знать! Довольно, нахозяйничались! Пришла пора вамъ всѣмъ уходить прочь съ дороги — идетъ новый хозяинъ!" Я не сказалъ ему тогда ничего, но подумалъ про себя, что правъ я былъ, не довѣряя этому темному типу... Клафтонъ, игравшій въ Самарской жизни исключительную роль въ революціонную эпоху 1905 — 1906 годовъ, съ наступленіемъ т. н. „реакціоннаго" періода, сумѣлъ ловко перекраситься изъ ярко-краснаго въ

невинно-бѣлый цвѣтъ, и остался на службѣ консервативнаго Самарскаго земства.

Судьба этого хамелеона поучительна: въ послѣднюю революцію 1917 года Клафтонъ удралъ въ Сибирь и пристроился благодаря своимъ недюжиннымъ дарованіямъ къ Колчаковскому Правительству. При паденіи послѣдняго, онъ оказался одной изъ первыхъ жертвъ большевистской расправы и былъ повѣшенъ...

Вернусь къ январскому Собранію 1905 года. Даже при нормальныхъ условіяхъ спокойной, чисто-дѣловой земской жизни, А. А. Чемодуровъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ нервничалъ, а въ описываемое мною время онъ былъ особенно возбужденъ и неуравновѣшенъ. Этому не мало содѣйствовалъ темныхъ дѣлъ мастеръ — Клафтонъ, умѣвшій хитро играть на слабыхъ стрункахъ своихъ окружающихъ.

Надо думать, что передъ открытіемъ собранія онъ, въ интересахъ намѣченнаго крайними элементами плана дѣйствій, счелъ нужнымъ терроризировать обоихъ предсѣдателей: Чемодурова и Ушакова. Разсчитывая на ихъ слабые нервы, Клафтонъ билъ навѣрняка, заранѣе предвкушая благопріятный для политическихъ своихъ единомышленниковъ результатъ.

Онъ оказался правъ: Чемодуровъ, предупрежденный имъ и Ушаковымъ о „готовящемся скандалѣ" со стороны публики, рѣшилъ принять энергичныя мѣры и потребовалъ, чтобы заперли передъ открытіемъ Собранія дверь, ведущую на хоры и ключъ отъ таковой передали бы ему. Требованіе это было исполнено.

Собрались гласные, пріѣхалъ Начальникъ Губерніи, вошедшій въ залу при полномъ отсутствіи публики... Началъ Его Превосходительство высказывать свои привѣтствія и надлежащія пожеланія. Вдругъ на хорахъ стали появляться одинъ за другимъ разные лохматые типы съ нарочитымъ шумомъ, громкими разговорами и пр. Чемодуровъ поблѣднѣлъ какъ полотно, нервно прервалъ Губернатора, что-то нашептывая ему на ухо и дрожащей рукой показывая увѣсистый желѣзный ключъ. Произошло замѣшательство.

Отъ Губернатора Чемодуровъ кинулся къ Ушакову, которому наговорилъ кучу непріятностей, и тоже сталъ совать ему подъ носъ все тотъ же ключъ. Этимъ нашъ предсѣдатель не ограничился и сталъ тотчасъ же неистово кричать: „Требую очистки хоръ!" — „Удалить публику!" Я взглянулъ на секретаря Управы: нашъ элегантный Клафтонъ со своими темными загадочными глазами, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно возсѣдалъ на своемъ обычномъ мѣстѣ... Между тѣмъ, внѣ всякаго сомнѣнія, все это было дѣломъ его рукъ: — отдавъ ключъ Чемодурову, Клафтонъ, черезъ посредство своихъ сподручныхъ, самъ оставаясь въ сторонѣ, пустилъ на хоры „свою" публику. Результатъ для него получился блестящій, для насъ же всѣхъ скандальный. Губернаторъ вытребовалъ сильный отрядъ полиціи, которая очистила залъ отъ

безчинствовавшей публики. Собраніе было Губернаторомъ открыто и засѣданія начались, какъ и предполагалось, но не въ обычныхъ условіяхъ мирнаго обсужденія многочисленныхъ дѣлъ земскаго хозяйства...

Прежде всего былъ поднятъ вопросъ о необходимости, ввиду переживаемыхъ исключительныхъ въ странѣ событій, составить вѣрноподданическое обращеніе отъ Самарскаго Земства, въ коемъ имѣлось въ виду указать на желательность скорѣйшаго проведенія въ жизнь всѣхъ благихъ мѣръ, намѣченныхъ Высочайшимъ Указомъ 14 декабря 1904 года, включая приглашеніе къ участію въ управленіи страною народныхъ представителей.

Возбужденіе этого вопроса на Собраніи исходило отъ группы гласныхъ, заранѣе сорганизованной по иниціативѣ участниковъ столичнаго ноябрьскаго съѣзда. Такія же вѣрноподаническія обращенія были одновременно предложены на очередныхъ Земскихъ Собраніяхъ въ прочихъ губерніяхъ. А. А. Чемодуровъ былъ противъ такого вѣрноподданическаго обращенія, или адреса, какъ его потомъ называли. Начались пренія, давшія возможность многимъ крайнимъ земцамъ-политиканамъ широко высказываться по вопросамъ высшей политики.

Въ залѣ нарастало нервное напряженное настроеніе... Чемодуровъ безпрестанно звонилъ и всѣхъ перебивалъ. Во время перерыва всѣ партіи сговорились на необходимости избрать особую комиссію, которой поручить подготовить проектъ адреса. Это постановленіе явилось въ нѣкоторомъ родѣ историческимъ событіемъ въ жизни Самарскаго земства, оно послужило тѣмъ начальнымъ моментомъ, послѣ котораго среди земскихъ гласныхъ организовались партійныя группировки не на дѣловой хозяйственной почвѣ, а по вопросамъ высшаго политическаго порядка.

Въ редакціонную комиссію было избрано 12 человѣкъ, въ томъ числѣ и я. Членами ея оказались всѣ участники ноябрьскаго совѣщанія и нѣкоторые гласные, считавшіеся людьми либеральнаго направленія. Списки, составленные заранѣе, были одобрены общимъ собраніемъ, къ немалому торжеству главарей крайняго теченія. Это была ихъ несомнѣнная побѣда, оказавшаяся недолговѣчной!... Лично я попалъ въ списокъ по настоянію Н. А. Шишкова, знавшаго мою давнюю идею о необходимости связи провинціи съ центромъ, но онъ не предполагалъ встрѣтить во мнѣ устойчиваго противника введенія парламентаризма въ Россіи.

Надо сказать, что въ описываемое время я впервые остановился въ своемъ самарскомъ домѣ, гдѣ и сходились всѣ мои ставропольцы-гласные: Н. А. Шишковъ, В. С. Тресвятскій, П. М. и Н. М. Наумовы, К. Г. Марковъ и Г. К. Татариновъ. Въ красиво отдѣланной въ строго-готическомъ стилѣ, уютной столовой, за длиннымъ дубовымъ столомъ, мы устраивали наши первыя совѣщанія по поводу составленія адреса. Сколько возникало у насъ споровъ, горячихъ, искрен-

нихъ, для насъ, мирныхъ сельскихъ хозяевъ, непривычныхъ.

Я высказывался за желательность посылки Царю адреса, но составленнаго въ строго-лояльномъ духѣ, и категорически возражалъ противъ требованія установленія въ Россіи конституціоннаго образа правленія, съ учрежденіемъ парламента, отвѣтственнаго министерства и пр., иначе говоря противъ всего того, чего домогались Н. А. Шишковъ и Ко... Меня удовлетворяла перспектива, о которой я еще ранѣе мечталъ — расширенія земства, его демократизации и связь черезъ его представителей съ Государственнымъ Совѣтомъ.

Въ подобномъ смыслѣ я составилъ проектъ всеподданнѣйшаго адреса, гдѣ говорилъ о желательности привлеченія къ строительству Земли Русской мѣстныхъ общественныхъ силъ. На мою сторону встали всѣ ставропольцы, за исключеніемъ Н. А. Шишкова, яраго конституціоналиста, и его поклонника и послѣдователя — Г. К. Татаринова. Раздосадованный Шишковъ ушелъ въ будуаръ моей жены и тамъ составилъ „первую россійскую конституцію"!

Наступилъ памятный вечеръ рѣшительнаго совѣщанія упомянутой комиссіи по поводу адреса. Въ предсѣдательскомъ кабинетѣ Губернской Земской Управы къ 7 час. вечера собрались всѣ двѣнадцать членовъ комиссіи.

Было заслушано нѣсколько проектовъ, между ними, Шишковскій и мой. Пренія приняли не только страстный, но временами ожесточенный характеръ. Было далеко за полночь, когда, въ концѣ концовъ, всѣми, противъ меня одного, былъ принятъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, текстъ, составленный Н. А. Шишковымъ. И вотъ началась послѣ этого тяжелая для меня пытка выслушиванія безконечно-нудныхъ и настойчивыхъ уговоровъ встать на сторону моихъ противниковъ. Главари, затѣявшіе весь этотъ адресъ, не были увѣрены въ благополучномъ исходѣ баллотировки своего проекта съ требованіями установленія парламентскаго строя. Они добивались наибольшаго единодушія. Даже одинъ идейно-упорный противникъ, да еще со своимъ особымъ проектомъ, — я становился имъ поперекъ дороги и былъ опасенъ на предстоящемъ собраніи. Этотъ бѣдный „одинъ" оказался объектомъ нескончаемыхъ уговоровъ до 4-хъ часовъ утра и былъ доведенъ до состоянія крайняго нервнаго изнеможенія. Придя домой, не раздѣваясь, я легъ на диванъ въ библіотекѣ и забылся тяжелымъ сномъ. За эту ночь показались у меня первые сѣдые волосы...

Черезъ нѣсколько часовъ я долженъ былъ идти на Собраніе — предстоялъ для меня большой день.

Утромъ явился ко мнѣ добрый предвѣстникъ — Шишковъ, Тихонъ Андреевичъ, еще вчера, вместѣ съ одиннадцатью другими, уговаривавшій меня примкнуть къ общему мнѣнію, хотя ранѣе, на нашемъ ставропольскомъ предварительномъ совѣщаніи, онъ былъ цѣликомъ на моей сторонѣ... Теперь онъ вновь перешелъ въ мой лагерь, воздавъ мнѣ должное за мою стойкость. Меня это значительно подбодрило, и мы вмѣстѣ съ нимъ пошли на Собраніе.

Послѣ прочтенія проекта Редакціонной Комиссіей, я попросилъ слова и заявилъ Собранію о своемъ коренномъ несогласіи съ предлагаемой редакціей проекта большинства, подробно изложилъ свои соображенія и попросилъ позволенія доложить мою редакцію адреса. Вновь начались бурныя пренія. Совершенно неожиданно для меня, большинство гласныхъ стало высказываться за предложенный мною проектъ. Въ перерывѣ, мои коллеги по Редакціонной Комиссіи сняли съ баллотировки свой проектъ. Мое „единогласіе" въ Редакціонной Комиссіи, на Собраніи привело къ почти единогласному принятію моей редакціи.

За этимъ проваломъ послѣдовало еще новое пораженіе участниковъ петербургскаго ноябрьскаго совѣщанія.

Вслѣдъ за этимъ началась тактика „срыванія" Собранія. Благодаря особымъ свойствамъ предсѣдателя Чемодурова, и при нагломъ содѣйствіи клафтоновскихъ дружинъ, она достигла желаемаго результата. Послѣ ряда бурныхъ засѣданій и шумныхъ скандаловъ, въ которыхъ принимали участіе сами земцы опредѣленнаго лагеря, Чемодуровъ отказался продолжать засѣданія и объявилъ очередную сессію прерванной... Утомленные, изнервничавшіеся гласные быстро разъѣхались по домамъ — на радость Клафтону и его присным.

Осталась масса неразсмотрѣнныхъ докладовъ, смѣта не была закончена, отчетъ годовой не утвержденъ. Выборы Управы, обычно производившіеся въ концѣ Собранія, отложены.

На А. А. Чемодурова всѣ событія послѣдняго года, въ частности, только что описанное мною Земское Собраніе, сильно повліяли. Онъ рѣшилъ окончательно отойти отъ предводительской службы, въ силу рѣзко измѣнившихся условій... „Наверху слабость, а внизу гадость!"... такъ отзывался почтенный мой „Губернскій" о создавшемся положеніи вещей.

За мѣсяцъ приблизительно до открытія Губернскаго Дворянскаго Собранія Чемодуровъ заявилъ мнѣ, что единственнымъ кандидатомъ на постъ Губернскаго Предводителя являюсь я. Онъ настойчиво уговаривалъ меня согласиться на его предложеніе, основанное на единодушномъ желаніи большинства дворянъ.

На открытіе іюньскаго Губернскаго Дворянскаго Собранія прибылъ вновь назначенный Губернаторъ д. с. с. Дмитрій Ивановичъ Засядко, смѣнившій долголѣтняго нашего принципала А. С. Брянчанинова.

Назначеніе Самарскимъ Губернаторомъ Засядко было для всѣхъ насъ непріятной, даже обидной для нашего мѣстнаго самолюбія, неожиданностью. Мы быстро узнали карьеру этого господина: пажъ, дружба съ „Котикомъ" Оболенскимъ, офицерство въ Лейбъ-Казачьемъ полку, „нѣжное" знакомство съ кн. Мещерскимъ. Когда нужно было найти человѣка, который согласился бы пойти въ Предсѣдатели Тверской Губернской Управы по назначенію, Мещерскій и „выдвинулъ" своего кандидата Засядко, подъ условіемъ за по-

добный подвигъ его куда-либо потомъ назначить губернаторомъ... Жребій палъ на нашу бѣдную Самару!

У Засядко была розоватая физіономія съ небольшой бородкой; каріе, съ огромными зрачками, глаза, рѣзко оттѣненные мѣшкообразными изчерна-темными синяками, имѣли выраженіе, которое на простонародномъ языкѣ называется „безстыжими зѣнками". Въ лицо собесѣднику онъ прямо не смотрѣлъ, его глаза бѣгали изъ стороны въ сторону, изобличая соотвѣтствующія душевныя свойства ихъ хозяина.

Пріѣхалъ онъ съ молодой, довольно миловидной женой, но съ ней онъ мало вмѣстѣ показывался. Какъ слышно было потомъ, она вскорѣ же бросила своего супруга. Засядко не былъ лишенъ нѣкоторыхъ способностей: быстро схватывалъ и могъ недурно излагать свои мысли — недаромъ онъ въ свое время секретарствовалъ у Мещерскаго. Но онъ несомнѣнно былъ дегенератомъ не только въ своей личной жизни, но и въ служебномъ быту. Онъ это блестяще доказалъ, начиная съ памятныхъ дней октябрьской революціи 1905 года.

Благодаря явно ненормальной нервной системѣ, онъ оказался совершенно неспособенъ противодѣйствовать терроризовавшей его обстановкѣ. Его роковая роль въ смутный періодъ самарской революціи конца 1905 года, когда онъ, безвольный, застращенный революціоннымъ терроромъ, въ губернаторской формѣ, исполнялъ приказанія уличныхъ забастовочныхъ организацій, нарушая, „страха ради", данную имъ „Царскую" присягу.

Еще до октябрьской революціи, этотъ господинъ позволялъ себѣ „хамски" обращаться съ почтенными дворянами-землевладѣльцами, служившими въ качествѣ земскихъ начальниковъ. До меня доходило возмущеніе моихъ друзей — ставропольцевъ, возвращавшихся изъ Самары подъ впечатлѣніемъ пріема ихъ новымъ Губернаторомъ. Могу судить и по себѣ, когда пришлось впервые „явиться" къ новому Губернатору въ качествѣ еще Уѣзднаго Предводителя.

Засядко поселился сразу же на губернаторской дачѣ, гдѣ и прожилъ почти все свое губернаторство, продолжавшееся всего лишь съ мая по декабрь 1905 года. Тамъ же и я былъ принятъ имъ впервые. Кое-какіе поверхностные вопросы, явно заданные лишь для проформы, постоянное трясеніе ногъ, бѣгающіе изъ стороны въ сторону глаза, торопливость, нервность, — все это производило на меня препепріятное и тяжелое впечатлѣніе.

Вообще Засядко, несмотря на политическое воспитаніе, полученное имъ въ обществѣ кн. Мещерскаго, въ Самарѣ сразу же сталъ выявлять свои симпатіи къ городскому безсословному окруженію, подчеркнуто-холодно относясь къ дворянскому элементу самарскаго „общества", которое онъ видимо избѣгалъ, отдѣлываясь необходимыми визитами. Вокругъ него образовался особый кружокъ лицъ, рѣшившихъ использовать подходящаго для нихъ Губернатора въ своихъ цѣляхъ. Каковы были эти цѣли, вскорѣ показали октябрьскіе

дни съ ихъ знаменитыми „свободами"... Кого только не было въ этомъ кружкѣ: и адвокаты, потомъ вставшіе во главѣ разныхъ революціонныхъ комитетовъ, и просто ловкіе людишки, нѣкоторые нотаріусы болѣе ходового свойства, евреи-техники вродѣ Зелихманова, Н. Д. Батюшковъ, который разыгрывалъ изъ себя передового либерала, отрицавшаго Царя и дворянство, но по забывчивости, кстати и некстати, подчеркивавшаго всѣмъ и каждому свое древнее родовитое происхожденіе. Завсегдатаемъ этого „интимнаго" губернаторскаго кружка незадолго до октябрьскихъ событій оказался и Клафтонъ, игравшій въ послѣдующее „боевое" революціонное въ Самарѣ время роль ближайшаго совѣтника и адъютанта г-на Засядки.

Полицмейстеромъ въ описываемое время въ Самарѣ состоялъ нѣкій Критскій, бывшій однокашникъ съ Засядкой по Пажескому Корпусу, затѣмъ промотавшійся гвардейскій офицеръ. Критскій умѣлъ элегантно носить свой серебряный мундиръ, имѣлъ видъ скорѣе свѣтскаго гвардейскаго офицера, чѣмъ провинціальнаго полицмейстера, былъ ловкимъ и неглупымъ субъектомъ, быстро оріентировался во всѣхъ слояхъ Самарскаго многолюднаго и разношерстнаго общества.

Съ Засядко онъ былъ на „ты", являлся вѣрнымъ и скрытнѣйшимъ его прислужникомъ, „всячески" оберегая его, какъ и себя самого, отъ всѣхъ случайностей разразившихся въ Самарѣ бурныхъ событій... Всѣ сношенія съ лицами изъ „губернаторскаго" кружка, а впослѣдствіи съ представителями разныхъ революціонныхъ комитетовъ — проходили черезъ ловкія руки и изворотливый языкъ бывшаго гвардейца Критскаго...

Наше очередное Дворянское Собраніе открылъ 12 іюня Губернаторъ Засядко, встрѣченный сухо и холодно. Собраніе, какъ обычно, на второй день закончило очередныя занятія по разсмотрѣнію ряда докладовъ, смѣты и отчетовъ, а на третій день съ утра приступлено было къ самому важному моменту — къ производству дворянскихъ выборовъ — уѣздныхъ и общегубернскихъ. Съ утра 15 іюня дворяне разбились на уѣздныя группы, каждая по традиціи имѣла свое мѣсто въ зданіи Дворянства.

Ставропольцы, собравшись, какъ всегда, въ залѣ подъ хорами, оказали мнѣ высокую честь переизбрать меня вновь въ свои Уѣздные Предводители, поднеся всѣ свои бѣлые шары на блюдѣ. Послѣ перерыва предстояло избраніе Губернскаго Предводителя.

Всѣмъ стало извѣстно категорическое рѣшеніе Чемодурова не баллотироваться. Во время перерыва онъ подошелъ ко мнѣ и напомнилъ мнѣ нашъ съ нимъ разговоръ по поводу моей кандидатуры. Я рѣшилъ предварительно узнать мнѣніе своихъ ставропольцевъ. Выяснилось, что на моей кандидатурѣ настаивали рѣшительно во всѣхъ уѣздахъ. Выборы мои, по ихъ мнѣнію, были безусловно обезпечены. Ставропольцы уговорили и „благословили" меня идти на губернскую баллотировку.

Долженъ сознаться, что я переживалъ нелегкія думы и жуткія мгновенія. Но вотъ вновь раздался призывной звонокъ и открылось Собраніе. Подъ большимъ, во весь ростъ, портретомъ Государя Николая II, за продолговатымъ, покрытымъ краснымъ сукномъ съ золотымъ бордюромъ столомъ, размѣстились въ порядкѣ старшинства представители всѣхъ семи уѣздовъ, во главѣ съ Губернскимъ Предводителемъ, особо сидѣвшимъ въ качествѣ Предсѣдателя за начальнымъ концомъ депутатскаго стола. Рядовые дворяне заняли свои обычныя мѣста въ залѣ. Хоры заполнились публикой — больше родственниками участниковъ Собранія... Блѣдный и сильно взволнованный, Чемодуровъ встаетъ и произноситъ свое прощальное предводительское слово, захватившее всѣхъ насъ своей прямотой и искренностью. Растроганные дворяне горячо настаивали на продолженіи имъ своей полезной службы, но Чемодуровъ со слезами на глазахъ благодарилъ дворянство за доброе къ нему отношеніе, но категорически отказался и предложилъ сдѣлать перерывъ, дабы намѣтить, какъ полагается по закону, двухъ кандидатовъ на должность Самарскаго Губернскаго Предводителя Дворянства. Не успѣлъ онъ закончить, какъ все Собраніе поднялось и стало просить меня тутъ же, безъ перерыва, баллотироваться. Долго не могъ я, отъ раздавшихся апплодисментовъ, сказать, что хотѣлъ и считалъ нужнымъ. Я стоялъ и чувствовалъ, что еще немного и я не „выдержу", разнервничаюсь до слезъ...

Наконецъ, я поднялъ руку, прося успокоиться... Собраніе затихло. Я выразилъ свою благодарность за оказанное довѣріе, а затѣмъ высказалъ, совершенно искренно, сомнѣніе въ собственныхъ своихъ силахъ для достойнаго отправленія отвѣтственныхъ обязанностей предлагаемой мнѣ высокой должности, да еще въ столь трудное и сложное время. На это раздались вновь единодушныя просьбы всего собранія, причемъ слышались голоса: „Мы Вамъ поможемъ и всячески Васъ поддержимъ"...

Взглянулъ я на своихъ ставропольцевъ; тѣ махнули рукой, чтобы я уходилъ... Мысленно перекрестясь и еще разъ низко поклонившись Собранію, я вышелъ, прошелъ въ отдаленную пустую столовую. Съ сильно бьющимся сердцемъ опустился я на первый попавшійся стулъ въ ожиданіи результата выборовъ... Прошло немало времени, пока передъ баллотировочными ящиками прошли всѣ уѣзды. Многое я успѣлъ передумать. Несомнѣнно, отрадно было сознавать мнѣ, всего лишь 36-тилѣтнему молодому человѣку, лестное къ себѣ отношеніе цѣлой губерніи, но закрадывалось предчувствіе надвигавшагося на меня чего то огромнаго, жутко-отвѣтственнаго, чреватаго въ будущемъ многими и сложными послѣдствіями... Предчувствіе меня не обмануло...

Но вотъ издали послышался гулъ апплодисментовъ, мало по малу приближавшійся ко мнѣ: одинъ за другимъ стали входить въ столовую оживленные, разгоряченные дворяне съ радостными лицами и возгласами: „Вотъ онъ, гдѣ устроился! Наконецъ нашли! Поздравляемъ! Браво!..." Вновь раздались шумные апплодисменты, начались рукопожатія, дружескія объятія... Торжественно вводятъ меня затѣмъ въ залу: я оказался избраннымъ губерніей почти единогласно — значилось лишь два черныхъ... Кандидатомъ былъ избранъ мой двоюродный братъ Николай Михайловичъ Наумовъ. По закону, оба избранные лица представлялись на Высочайшее усмотрѣніе, и Государь обычно утверждалъ Губернскимъ Предводителемъ того, кто получилъ большинство голосовъ.

Этимъ закончилось Очередное наше Дворянское Собраніе, и почти всѣ дворяне по закрытіи его оказали мнѣ честь пріѣхать ко мнѣ въ новый домъ, гдѣ мой неизмѣнный слуга Никифоръ ухитрился во-время достать изрядный запасъ шампанскаго. Участники Собранія не застали меня врасплохъ. Я смогъ имъ отплатить тѣмъ же традиціоннымъ знакомъ вниманія, какимъ они меня угостили въ буфетѣ Дворянскаго Собранія тотчасъ послѣ моихъ выборовъ.

Дня черезъ три я былъ Высочайше утвержденъ и тотчасъ же вступилъ въ исправленіе своей новой должности Самарскаго Губернскаго Предводителя Дворянства, въ каковой безпрерывно пребывалъ вплоть до назначенія меня Государемъ, въ ноябрѣ 1915 года, Министромъ Земледѣлія.

Спустя нѣсколько дней, 23 іюня, я долженъ былъ принять предсѣдательствованіе въ открывавшемся, послѣ описаннаго мною ранѣе перерыва, Земскомъ Губернскомъ Собраніи. Прежде, чѣмъ говорить о немъ — мнѣ хочется вспомнить личный составъ вновь избранныхъ на только что закончившемся очередномъ Дворянскомъ Собраніи должностныхъ сословныхъ лицъ — моихъ будущихъ сотрудниковъ по депутатскому столу.

По Самарскому уѣзду были избраны: Предсѣдателемъ — гр. Александръ Николаевичъ Толстой, бывшій пажъ, затѣмъ конногвардеецъ, человѣкъ умный и сердечный. Съ годами наши взаимоотношенія приняли характеръ тѣсной дружбы и мнѣ было жаль съ нимъ разставаться, когда пришлось его провожать въ далекій Петербургъ, куда его Столыпинъ въ 1910 году назначилъ вице-губернаторомъ. Впослѣдствіи гр. Александръ Николаевичъ былъ переведенъ въ Витебскъ губернаторомъ, а затѣмъ мы съ нимъ встрѣтились въ Новороссійскѣ, въ условіяхъ нашего отчаяннаго бѣженства 1919 года. Толстой пришелъ ко мнѣ тогда послѣ раненія, въ формѣ офицера добровольческой Деникинской арміи. Наша встрѣча была и радостная и въ то же время тяжко-грустная — всякій изъ насъ сознавалъ гибель Императорской Россіи, которой мы съ нимъ вѣрой и правдой совмѣстно служили... Встрѣча эта оказалась послѣдней — вскорѣ я узналъ о томъ, что гр. Александръ Николаевичъ скончался въ Таганрогѣ отъ тифа.

Бугурусланскимъ Предводителемъ былъ сынъ бывшаго Самарскаго Губернскаго Предводителя, Михаилъ Дмитріевичъ Мордвиновъ. Онъ окончилъ курсъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ и первые свои молодые годы про-

жилъ въ столицѣ, причислившись, какъ большинство молодыхъ людей его круга это дѣлали, къ одной изъ канцелярій высшихъ государственныхъ учрежденій. Мордвиновъ женился на цыганкѣ и, бросивъ столицу, переѣхалъ въ глушь — въ Самарскую губернію, гдѣ ему достались по наслѣдству крупныя имѣнія, въ общемъ до 14.000 десятинъ земли, но... несмотря на это, онъ былъ весь въ долгу. Мордвиновъ былъ человѣкомъ далеко не глупымъ, но оставался рабомъ своего „привилегированнаго" воспитанія и установившейся привычки позировать съ претензіями на маленькаго, но все же свѣтскаго сановника. Онъ былъ созданъ жить въ большомъ городѣ и вращаться въ „свѣтѣ", не стѣсняя себя ни въ средствахъ, ни въ образѣ жизни, а приходилось имѣть дѣло больше съ мужиками,проживать въ деревенскомъ захолустьѣ, гдѣ онъ способенъ былъ валяться въ постели до 2-хъ часовъ дня, зачитываясь всевозможной — больще французской литературой. Если кредиторы къ нему понавѣдывались, то нашъ Михаилъ Дмитріевичъ запирался на цѣлыя сутки въ своей спальнѣ, да еще со спущенными занавѣсками...

При всемъ этомъ Мордвиновъ былъ обуреваемъ необычайнымъ честолюбіемъ и особымъ пристрастіемъ ко всякимъ чинамъ, повышеніямъ, орденамъ и пр. — въ этомъ онъ зналъ великій толкъ и умѣлъ хорошо устраиваться, какъ то „внѣ очереди" получая „дѣйствительнаго" и шейныя украшенія... Сколько было съ его стороны намековъ, напоминаній и, наконецъ, настаиваній, чтобы я ему скорѣе выхлопоталъ придворное званіе. Самъ я совершенно неожиданно для себя, черезъ годъ послѣ моего избранія, былъ пожалованъ въ камергеры, а еще годъ спустя — назначенъ Егермейстеромъ. Приблизительно въ то же время удалось мнѣ посодѣйствовать полученію гр. А. Н. Толстымъ — камеръ-юнкерства, а Мордвиновымъ камергерства... Небывалое получилось въ лѣтописяхъ Самарскаго Дворянства и его Депутатскаго стола событіе — среди его членовъ появилось трое въ придворныхъ мундирахъ!... Надо было видѣть нескрываемый восторгъ „Мишеля" Мордвинова, когда онъ появлялся затянутый въ золотой мундиръ, да еще съ повадкой завзятаго придворнаго сановника.

Дальнѣйшая карьера незадачливаго Мордвинова оказалась не изъ блестящихъ: выше „вица" онъ не сумѣлъ подняться, и на этомъ второстепенномъ званіи застигла его революція 1917 года, выбросившая его, какъ и милліоны другихъ, за границу... Заканчивая о немъ свои воспоминанія я все же долженъ отдать ему справедливое — дѣло свое Предводительское, чисто служебное, Михаилъ Дмитріевичъ велъ старательно, внимательно и начальнически-строго.

Бугурусланскимъ депутатомъ состоялъ крупный землевладѣлецъ Николай Николаевичъ Рычковъ, веселый собесѣдникъ и разсказчикъ. Дѣльный сельскій хозяинъ, онъ не ограничивался запашками, а занимался и торгово-промышленными дѣлами, спеціализировавшись на скупкѣ, откормкѣ и перепродажѣ мясного скота. Въ общественныхъ дѣлахъ онъ

былъ слабѣе, но, будучи по натурѣ честолюбивымъ, не прочь былъ выставлять свою кандидатуру, гдѣ это было ему доступно.

Совершенно противоположнаго характера былъ Бузулукскій депутатъ Николай Вадимовичъ Осоргинъ. Съ университетскимъ образованіемъ, обычно молчаливый, всегда сдержанный и серьезный, въ высшей степени порядочный, съ чертами природнаго благородства, Николай Вадимовичъ оказался впослѣдствіи цѣннымъ общественнымъ дѣятелемъ.

Осталось мнѣ сказать нѣсколько словъ еще про новоизбраннаго Новоузенскаго депутата — Николая Алексѣевича Самойлова, землевладѣльца Самарскаго уѣзда. Это был средняго роста, худой, болѣзненнаго вида молодой человѣкъ, некрасивый, но умный, чрезвычайно сдержанный, я бы скорѣе сказалъ — скрытный. Основной его профессіей была адвокатура, онъ считался хорошимъ цивилистомъ. Я долженъ откровенно сказать, что онъ никогда не вселялъ во мнѣ особаго довѣрія. Впослѣдствіи я оказался правъ: какъ ни скрывалъ онъ, но въ концѣ концовъ былъ вынужденъ обнаружить свои близкіе сношенія съ Клафтономъ и его единомышленниками. Но надо оговориться, что въ обстановкѣ нашего сословнаго сотрудничества Николай Алексѣевичъ велъ себя всегда въ высшей степени корректно.

65

Не успѣлъ я вступить въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей по должности Губернскаго Предводителя Дворянства, какъ пришлось тотчасъ же, 23 іюня 1905 года, подъ своимъ предсѣдательствомъ, открыть засѣданія Губернскаго Земскаго Собранія, явившагося продолженіемъ прерваннаго въ январѣ. Предугадывая, что предстоящее собраніе готовится быть столь же бурнымъ, если еще не хуже, я рѣшилъ дѣйствовать иначе, чѣмъ мой предшественникъ, разсчитывая на свои силы и нервы, дававшіе мнѣ увѣренность, что при самой бурной стихійной обстановкѣ, я сохраню спокойствіе и хладнокровіе.

Началось съ того, что передъ пріѣздомъ Губернатора для открытія собранія, ко мнѣ подходитъ съ многозначительнымъ видомъ таинственнаго заговорщика Клафтонъ и предупреждаетъ меня, что ему случайно стало извѣстно о намѣреніи устроить при открытіи засѣданія грандіозную революціонную демонстрацію съ красными флагами... Я собираю Управу и, въ присутствіи Клафтона, сообщаю о только что доложенномъ мнѣ секретаремъ. При этомъ я заявилъ, что я намѣренъ на всѣ предстоящія засѣданія публику допускать на хоры, но подъ условіемъ соблюденія полной тишины и спокойствія. Наблюденіе за этимъ, а также огражденіе управскаго помѣщенія, гдѣ протекаютъ работы собранія, я предложилъ возложить на секретаря, и просилъ Управу дать на это ея согла-

сіе. Вся отвѣтственность за все, клонящееся къ нарушенію нормальнаго порядка занятій, должна была, такимъ образомъ, лечь цѣликомъ на Клафтона. Я добавилъ, что ежели Управа со мной не согласится, я закрою двери не только для посторонней публики, но и для газетныхъ сотрудниковъ, и вызову для этого нарядъ полиціи. Послѣднее для либеральствующаго элемента Управы, и въ особенности для самого Клафтона, было непріемлемо, такъ какъ предполагалось внести на Земское Собраніе цѣлый рядъ докладовъ моднаго крикливаго содержанія, съ разсчетомъ должнаго воздѣйствія на публику черезъ газетныя сообщенія. Пришлось всѣмъ управскимъ согласиться. Я спокойно встрѣтилъ трепыхавшегося нервнаго Засядко въ залѣ Собранія. Хоры были переполнены публикой, но я былъ увѣренъ, что Клафтонъ не захочетъ себя уволить съ теплаго своего мѣста.

Порядокъ занятій мною былъ намѣченъ слѣдующій: въ первую голову — просмотръ смѣты и утвержденіе годового отчета. А уже затѣмъ будутъ заслушаны остальные доклады, часть которыхъ затрагивала вопросы грандіознаго соціально-экономическаго значенія, какъ напр. „національзація земель" и др., ради которыхъ собственно публика и сгрудилась на тѣсныхъ хорахъ. Жара въ это время стояла въ Самарѣ исключительная; всѣ гласные изнывали. Наверху на хорахъ было, само собой, еще болѣе невыносимо. Тотчасъ же по принятіи Собраніемъ предложеннаго мною порядка занятій со стороны публики послышались возгласы протеста. Я круто обернулся въ сторону Клафтона, но его на обычномъ мѣстѣ не было. Очевидно, онъ поспѣшилъ принимать свои мѣры, оказавшіяся болѣе дѣйствительными, чѣмъ предсѣдательскія — вѣдь публика была ему сродни. Никакихъ демонстрацій, ни помѣхъ наша работа на пути своемъ въ дальнѣйшемъ не встрѣчала, и все шло совершенно гладко.

Покончивъ съ главнымъ и существеннымъ, произведя выборы Управы, я перешелъ къ заслушанію докладовъ и рѣшилъ въ отношеніи крайнихъ элементовъ изъ состава гласныхъ держаться тактики „непротивленія злу" — давать этимъ господамъ утопистамъ договариваться до конца. По практикѣ моего предшественника, всегда нервно перебивавшаго зарвавшихся въ своихъ либеральствованіяхъ гласныхъ, я замѣтилъ, что сіи послѣдніе казались публикѣ и прессѣ чѣмъ-то вродѣ „жертвы предсѣдательскаго насилія и произвола". Такой ораторъ попадалъ въ выигрышную позицію.

Послѣднее вечернее наше засѣданіе происходило въ жесточайшей духотѣ. На немъ долженъ былъ выступать главный застрѣльщикъ крайней лѣвой партіи, талантливый ораторъ, Георгій Николаевичъ Костромитиновъ, по громкому и „страшному" вопросу „о національзаціи земли".

Землевладѣлецъ Бузулукскаго уѣзда, Костромитиновъ слылъ за человѣка незаурядныхъ способностей и остраго ума, отличался болѣзненнымъ самолюбіемъ, способностью быстро на все обижаться и необычайной озлобленностью про-

тивъ всего существовавшаго правительственнаго строя, которая проявлялась у него столь сильно и такъ его захватывала, что временами затемняла его природный здравый разсудокъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, случилось съ нимъ при обсужденіи возбужденнаго имъ вопроса о національзаціи земель. Говорилъ онъ обычно хорошо, безъ пафоса, спокойно и обстоятельно. Въ прошломъ онъ являлся главной жертвой темперамента ненавидѣвшаго его Чемодурова, который ему хода не давалъ, отчего страсти во время костромитиновскихъ выступленій, да и во всемъ Собраніи, накипали до невѣроятной степени. Въ этотъ разъ я рѣшилъ дать ему полную волю высказаться до конца, вслѣдствіе чего Костромитиновъ говорилъ долго и пространно о такихъ революціонныхъ перспективахъ коренного измѣненія существовавшаго землепользованія, которыя сами по себѣ казались для участниковъ Земскаго Собранія — крѣпкихъ собственниковъ — чудовищными и нелѣпыми. Не ожидавшій, видимо, такого долготерпѣнія со стороны предсѣдателя, уставшій Георгій Николаевичъ, наконецъ, замолкаетъ, безъ какого-либо опредѣленнаго заключенія и реальнаго предложенія. А главное, безъ того эффекта, на который онъ и его единомышленники разсчитывали.

Передъ началомъ описываемаго мною вечерняго засѣданія меня проситъ къ телефону Губернаторъ; я беру трубку и слышу голосъ Засядко: „Надѣюсь, Ваше Превосходительство, Вы не допустите нѣкоторыхъ докладовъ къ обсужденію, во избѣжаніе возможныхъ эксцессовъ со стороны публики и случайнаго принятія постановленій, идущихъ вразрѣзъ съ существующимъ общественно-государственнымъ строемъ"... Онъ назвалъ три — четыре доклада, въ томъ числѣ о „національзаціи земли". На это я ему отвѣтилъ кратко: „Прошу, Ваше Превосходительство, не безпокоиться — всю отвѣтственность я беру на себя" и повѣсилъ трубку.

Не успѣлъ Костромитиновъ сѣсть, какъ одинъ за другимъ стали просить у меня слова и задавать вопросы гласные, изъ разряда лицъ хозяйственныхъ и серьезно-дѣловыхъ. Я сидѣлъ и терпѣливо ждалъ, предвкушая близкій конецъ этому „страшному" вопросу. Георгій Николаевичъ, припертый къ стѣнѣ, началъ отдѣлываться путаными поясненіями. Какъ умный человѣкъ онъ понялъ, что надо изъ создавшагося глупо-обиднаго для него положенія съ честью выйти, но было поздно. Его предложеніе сдать докладъ въ особую комиссію провалилось. Собраніе потребовало неотлагательной баллотировки по существу. Подчиняясь волѣ Собранія, я поставилъ возбужденный Костромитиновымъ вопросъ на голоса. За принятіе доклада изъ всего Собранія всталъ лишь самъ Георгій Николаевичъ, озлобленный и красный, Протопоповъ и Племянниковъ... Часъ былъ поздній — всѣ отъ духоты окончательно изнемогали... Я предложилъ заслушать доклады мелкой земской единицы и др. Собраніе взмолилось и постановило все, какъ не относящееся до земской смѣты, отложить до слѣдующаго Собранія.

Награжденъ я былъ дружными апплодисментами. Подобнымъ же знакомъ вниманія мои земляки баловали меня и въ послѣдующихъ моихъ выступленіяхъ въ качествѣ предсѣдателя. Свой первый экзаменъ я сдалъ благополучно, несмотря ни на что. Но наши крайніе элементы, вродѣ Костромитинова и др., возненавидѣли меня куда яростнѣе, чѣмъ моего предшественника. Про Клафтона и говорить нечего.

66

По окончаніи Собранія я былъ приглашенъ ставропольцами на прощальные проводы, которые состоялись въ помѣщеніи Ставропольскаго Уѣзднаго Съѣзда и носили удивительно теплый и задушевно-дружескій характеръ.

Вспоминая чередовавшіяся въ моей жизни событія, я лишь мысленно могу себѣ возстанавливать образы людей, встрѣтившихся на моемъ житейскомъ пути. Все безжалостно изъято чудовищной стихіей изъ долгими годами накопленной сокровищницы моего драгоцѣннаго семейнаго и служебнаго архива.

Среди разнаго фотографическаго матеріала, хранившагося въ моей библіотекѣ, имѣлась, между прочимъ, цѣлая серія цѣннѣйшихъ для насъ съ женой объемистыхъ альбомовъ въ великолѣпныхъ шагреневыхъ переплетахъ съ надписями золотыми тиснеными буквами: „А. К. и А. Н. Наумовымъ — въ знакъ признательности на память отъ служащихъ". На каждомъ изъ четырехъ альбомовъ обозначалось наименованіе того имѣнія, отъ котораго эти служащіе намъ его подносили.

Наряду съ ними, въ особой, солидной, тоже объемистой, красно-шагреневой папкѣ, хранилось до 40 большихъ фотографій — снимковъ съ фасада и внутреннихъ помѣщеній нашего самарскаго дома. Какъ описать всю ту красоту линій, всю гармоничность пропорцій, которыя выявилъ на дѣлѣ съ огромнымъ художественнымъ чутьемъ талантливый архитекторъ — милѣйшій мой другъ Александръ Александровичъ Щербачевъ! Главный секретъ красоты заключался въ томъ, что, вопреки всяческимъ запугиваніямъ и отговариваніямъ, весь передній фасадъ дома былъ выложенъ изъ жигулевскаго камня, нѣкоторыя же части его, какъ напримѣръ, колонны на парадномъ подъѣздѣ, высѣкались изъ цѣльныхъ колоссальнѣйшихъ глыбъ. Изъ того же самаго камня, изъ котораго сложенъ былъ весь фасадъ, я велѣлъ сдѣлать большой, въ ростъ человѣка, каминъ для своего кабинета, отшлифовавъ его такъ же, какъ обычно это дѣлалось для выдѣлки мрамора. Получилось нѣчто исключительно красивое и импозантное, напоминавшее цѣннѣйшій матеріалъ далекой Италіи.

Домъ нашъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе, имъ, бывало, постоянно любовались пассажиры съ проходившихъ мимо него пароходовъ, а городскіе извозчики неизмѣнно подвозили заѣзжую публику къ нему и показывали его, какъ свою городскую гордость, выпрашивая отъ своихъ сѣдоковъ лишнія чаевыя.

Многое этотъ домъ перенесъ со временъ революціоннаго 1917 года: немало перемѣнилъ онъ разныхъ хозяевъ и временныхъ обитателей, включая разные „ревкомы" и т. п. Но никто, надо думать, еще не стеръ того изображенія „Наумовскаго" герба, въ видѣ щита съ оленемъ и тремя стрѣлами, которое красуется вѣроятно и понынѣ на самой вышкѣ фасада, въ центрѣ верхней каменной балюстрады, и которое самъ первоначальный его хозяинъ собственноручно высѣкалъ изъ жигулевскаго „мрамора" при постройкѣ дома.

Купленное мною мѣсто равнялось 600 кв. саж. Большая часть отведена была подъ господскій домъ. На остальномъ участкѣ, вдоль всей задней границы, было выстроено двухэтажное каменное зданіе, въ которомъ размѣщены были разныя службы: квартиры для завѣдывающаго домомъ, кучера и др. Особое помѣщеніе для собственной электрической станціи (городского электричества въ то время еще не существовало), затѣмъ тамъ же находились: образцово оборудованная прачешная съ сушильней, каретникъ съ шестью стойлами, коровникъ, сѣноваль, курятникъ и погребъ съ обширнымъ ледникомъ.

Между домомъ, который вдавался во дворъ въ видѣ „глаголя" съ боковымъ проѣздомъ на улицу, и упомянутымъ зданіемъ для службъ, имѣлся небольшой, но совершенно достаточный для хояйственнаго обихода дворъ, отдѣленный красивой рѣшеткой отъ небольшого садика съ центральнымъ фонтаномъ. Въ садикѣ были разбиты клумбы съ розами и другими цвѣтами; посажены были кустарники и серебристыя пихточки, а вдоль дворовой рѣшетки, обвитой дикимъ виноградомъ, разсажены были высокіе японскіе клены. Выходъ въ этотъ палисадникъ былъ съ обширной, открытой, каменной террасы, со ступеньками на садовую дорожку.

Главный домъ состоялъ изъ двухъ этажей и третьяго, подвальнаго, в которомъ помѣщались людскія кухня и столовая, и нѣсколько комнатъ для разныхъ служащихъ, винный подвалъ, особое отдѣленіе для центральной топки (водяного-духового), склада дровъ, и наконецъ, вдоль всего уличнаго фасада, подъ домомъ была огромнѣйшая, сажень въ 8 длиной и 4 шириной, подвальная зала — высокая, съ толстыми колоннами подъ готическими сводами, свѣтлая и оказавшаяся совершенно сухою. Было гдѣ хозяйкѣ развернуться со всѣми ея полученными въ приданое безчисленными сундуками и не малымъ благопріобрѣтеннымъ домашнимъ скарбомъ!..

Передній фасадъ главнаго дома отстоялъ отъ улицы приблизительно сажени на полторы, отдѣляясь отъ нея массивной, красиваго рисунка, металлической рѣшеткой, и лишь парадный подъѣздъ, съ его цѣльными колоннами, величественно выступалъ непосредственно на Дворянскую улицу.

Изъ первыхъ дверей параднаго подъѣзда сначала былъ входъ въ небольшія квадратныя сѣни, устроенныя въ видѣ куполобразнаго фонаря съ четырьмя одинаковыми по всѣмъ сторонамъ массивными дверьми, верхняя половина которыхъ состояла изъ граненыхъ стеклянныхъ квадратовъ, вдѣланныхъ въ тонкій деревянный переплетъ, такъ что, когда вечеромъ зажигался внутри этого небольшого помѣщенія подъ куполомъ сильный электрическій свѣтъ, то весь подъѣздъ блисталъ, какъ искрящійся алмазами фонарь.

Расположенная прямо противъ входа дверь вела въ обширный вестибюль, отдѣланный въ томъ же стилѣ, какъ и весь домовый фасадъ. Вдоль его стѣнъ виднѣлись массивныя дубовыя вѣшалки, зеркала и пр. Направо, у двери, ведущей въ мой кабинетъ, стояло чучело матераго волка съ оскаленной пастью, а надъ нимъ, въ простѣнкѣ, висѣли удивительно красивые витые, тонкіе, длинные рога горнаго азіатскаго козла рѣдкой породы — подарокъ на новоселье моего шурина Григорія Ушкова.

Изъ вестибюля шла мраморная лѣстница наверхъ, а внизу, съ правой стороны, были двѣ двери: одна, ближняя, вела ко мнѣ въ кабинетъ, а другая — въ корридоръ. Двери, окна и паркетъ въ парадныхъ комнатахъ были сдѣланы изъ рѣдкаго по своимъ качествамъ казанскаго дуба, а сама работа была верхомъ столярнаго искусства.

Кабинетъ мой представлялъ собою обширную комнату съ двумя большими окнами на улицу и огромнымъ бѣлымъ каминомъ изъ жигулевскаго камня. Мебель для кабинета, смежной библіотечной комнаты, залы, двухъ гостиныхъ, бильярдной, столовой и нашей спальни была сдѣлана по особымъ рисункамъ и заказу извѣстной въ то время московской фирмой Левисенъ и Ко.

Весь мой кабинетъ (портьеры, обои и обивка) былъ отдѣланъ въ темно-оливковыхъ тонахъ, пріятно гармонировавшихъ съ краснымъ деревомъ, изъ котораго была вся комнатная мебель. Около оконъ стоялъ письменный столъ, за нимъ большой книжный шкафъ; въ простѣнкѣ виднѣлась спеціальная „конторка" съ цѣлымъ рядомъ выдвигавшихся отдѣленій для документовъ и бумагъ. Передъ столомъ стояли мягкія кресла, а ближе къ камину стояла изумительно удобная качалка или „дремашка", какъ я ее называлъ. Въ противоположномъ концѣ кабинета расположенъ былъ большой диванъ съ высокой спинкой.

Около дивана размѣщена была цѣлая серія мягкихъ стульевъ и кожаныхъ креселъ. Это былъ особый уютный уголокъ. Въ томъ же углу кабинета лежалъ, мордой къ входной двери, огромный черный медвѣдь, на которомъ такъ любила наша маленькая дѣтвора карабкаться и играть... По стѣнамъ были развѣшаны портреты и группы, а прямо передъ письменнымъ столомъ виднѣлась огромная рама изъ того же краснаго дерева, за стекломъ которой мною размѣщались фотографическіе портреты съ разными собственноручными надписями всѣхъ тѣхъ моихъ многочисленныхъ друзей, коллегъ и сотрудниковъ, которые встрѣчались на пути моего новаго служенія по губернскому предводительству, а затѣмъ также въ стѣнахъ Маріинскаго Дворца. Съ годами это представило собой рѣдкую и дорогую для меня коллекцію..., нынѣ затоптанную большевицкой грязью!

Рядомъ съ кабинетомъ расположена была т. н. библіотечная комната, вся устланная темно-оливковымъ ковромъ и заставленная вдоль стѣнъ мягкими диванами съ высокими спинками, на верху которыхъ придѣланы были разнаго размѣра шкафы и полки. Въ углахъ и нѣкоторыхъ промежуточныхъ мѣстахъ диваны соединялись большими книжными шкафами, съ дверками изъ граненаго стекла. Стиль комнаты и всей обстановки, включая всю электрическую арматуру, былъ выдержанъ въ скромномъ „модернъ"... Деревянная отдѣлка была вся дубовая, въ темно-зеленой съ сѣроватыми прослойками окраскѣ. Мебельной обивкой служила рѣдко красивая бархатная матерія темно-коричневаго цвѣта съ еле-замѣтными узенькими золотыми продольными полосками.

Изъ библіотечной комнаты была дверь, соединявшая ее съ небольшой смежной комнаткой въ одно окно, называвшейся „оружейной", представлявшей собою своего рода охотничій музей. Въ немъ хранилась цѣлая коллекція ружей, много рѣдкостныхъ чучелъ, до чернаго волка включительно; по стѣнамъ виднѣлись лосиныя головы съ широкими рогами и висѣвшими на нихъ кинжалами и охотничьими принадлежностями; стѣны были увѣшаны серіей картинъ съ охотничьими сюжетами. Но наибольшій интересъ въ описываемой комнатѣ представляла собой спеціальная „охотничья", изумительно искусно сдѣланная мебель, получившая на одной изъ выставокъ высшую награду и доставшаяся мнѣ совершенно случайно; въ этомъ отношеніи я могу смѣло примѣнить поговорку: „на ловца и звѣрь бѣжитъ"... Вся эта мебель была сдѣлана изъ оленьихъ роговъ и кабаньихъ клыковъ.

Эти три комнаты — кабинетъ, библіотечная и оружейная — были спеціально „моимъ" угломъ, гдѣ въ свое время перебывало много всякаго дѣлового и служилаго люда; гдѣ сходились на совѣщанія, въ тяжелые моменты нашей общественно-политической работы, мои единомышленники и испытанные друзья, и гдѣ рѣшались злободневные вопросы... Въ томъ же моемъ маленькомъ царствѣ происходило и нѣчто другое, что нѣжило и ласкало мое любящее отцовское сердце, когда, бывало, жена приводила милую нашу дѣтвору къ „папочкѣ" картинки смотрѣть, или страшные его разсказы-„небылицы" послушать, а то и просто на полу по коврамъ поиграть. Тепло, уютно жилось тогда въ нашей семьѣ, несмотря на весь внѣшній ужасъ революціонныхъ событій начальнаго періода нашего самарскаго житья-бытья.

Другая дверь изъ библіотечной комнаты вела въ корридоръ, а рядомъ съ ней была еще одна дверь, вдѣланная въ стѣну, опредѣленно указывавшая на спеціальное ея назначе-

ніе: эта зеленая, необычнаго вида, металлическая дверь вела въ особое небольшое несгораемое помѣщеніе, размѣромъ приблизительно въ одну квадратную сажень, выложенное изъ толстыхъ стѣнъ, куполообразно сходившихся кверху. Въ этомъ помѣщеніи стоялъ большой несгораемый шкафъ, гдѣ хранились деньги, документы, всякія драгоцѣнности и ящики съ серебромъ. Секретъ вскрытія всѣхъ дверей и замковъ въ этомъ „святая святыхъ" нашего дома, кромѣ меня, зналъ только А. Д. Мещеряковъ и позже еще П. П. Бажминъ. Полъ былъ выложенъ цементными плитками. Въ октябрьскіе дни 1905 г., подъ вліяніемъ всякихъ революціонныхъ событій и распускаемыхъ слуховъ, началась среди населенія сильнѣйшая паника: длинные „хвосты" стояли передъ дверями Государственнаго Банка въ ожиданіи выдачи вынимаемыхъ изъ сберегательныхъ кассъ золотыхъ денегъ. Бывшій въ то время управляющимъ Самарскимъ отдѣленіемъ банка, почтенный Александръ Константиновичъ Ершовъ, умный, обстоятельный дѣлецъ, чрезвычайно ко мнѣ расположенный, самъ не увѣренный въ исходѣ нараставшихъ революціонныхъ событій, посовѣтовалъ мнѣ взять нѣкоторую часть имѣвшихся у меня въ банкѣ денегъ, и собственноручно передалъ мнѣ черезъ Мещерякова, на всякій случай, тысячъ тридцать золотомъ.

Вторая дверь изъ вестибюля вела въ корридоръ, изъ котораго, съ лѣвой стороны, можно было пройти въ двѣ комнаты — одну большую съ двумя окнами, и рядомъ другую поменьше — та и другая выходили окнами на дворовый садикъ. Комнаты эти занимала моя мать: въ большой она жила сама, а въ смежной, небольшой, обитала ея вѣрная прислуга Ольга Никифоровна. За ними шла внутренняя винтовая металлическая лѣстница, которая вела въ верхній этажъ.

Далѣе по корридору вправо были расположены т. н. „запасныя" комнаты, которыя впослѣдствіи были превращены въ спальню и классную комнату для сына Александра. Рядомъ съ ними, по направленію во дворъ, была контора съ особымъ наружнымъ ходомъ, вслѣдъ за которой шли комнаты для женской прислуги, лакея и семьи повара. Въ самомъ же концѣ корридора находилась обширная кухня со всѣми необходимыми удобствами, на которыя Щербачевъ, любившій самъ сладко покушать, обратилъ особое вниманіе. Около кухни, имѣвшей наружную дверь во дворъ, шла третья домовая лѣстница — каменная, соединявшая всѣ три этажа, считая подвальный.

Парадный вестибюль въ глубинѣ заканчивался мраморной широкой лѣстницей, упиравшейся въ видѣ площадки въ большое красивое окно въ дубовомъ солидномъ переплетѣ съ видомъ на садъ, дворъ и службы. Съ означенной площадки лѣстница раздваивалась и подымалась такимъ образомъ до бельэтажа, образуя верхнюю площадку, съ которой входъ былъ прямо въ залу. Дальше была бильярдная, гдѣ все, начиная съ обоевъ, арматуры и кончая самимъ бильярдомъ, было

въ стилѣ своеобразно-красиваго модерна въ темно-бордовыхъ тонахъ. По всей комнатѣ, вдоль стѣнъ, стояли различныхъ формъ и назначенія столики для картъ и для шахматной игры съ креслами. Лучше всего былъ самъ бильярдъ, спеціально сдѣланный для нашего дома извѣстнымъ Фрейбергомъ, изъ темнаго орѣховаго дерева съ рѣзьбой и очертаніями въ соотвѣтствіи со стилемъ остальной обстановки. Не мало сраженій на нашемъ бильярдѣ происходило въ обстановкѣ, исключительно благопріятной для утоленія жажды.

Столовая была отдѣлана въ готическомъ стилѣ съ лѣпнымъ, художественно украшеннымъ потолкомъ и вышла удивительно красивой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно уютной. Устраивая ее, я не предполагалъ, что мнѣ когда-либо придется быть Губернскимъ Предводителемъ и принимать въ ней много народа. Въ ней умѣщалось за столомъ до 24 персонъ, а во время званыхъ вечеровъ приходилось разставлять для ужина дополнительные столы въ сосѣднихъ комнатахъ.

Хороша была наша столовая днемъ, но еще эффектнѣе она казалась при вечернемъ освѣщеніи, когда разставленный по всѣмъ полкамъ и шкафамъ хрусталь, фарфоръ и художественное серебро, вперемежку съ призовыми кубками, рельефно выдѣлялись на темномъ фонѣ.

Рядомъ со столовой была буфетная съ подъемнымъ аппаратомъ, по которому подавались кушанья снизу изъ кухни.

По переднему фасаду дома расположенъ былъ рядъ комнатъ: зала, съ обѣихъ сторонъ которой примыкали двѣ гостиныя — одна была сравнительно небольшой, съ выходившей на обширную террасу стеклянной дверью вмѣсто окна; другая — большая, высокая комната съ двумя окнами на улицу и стеклянной дверью для выхода на примыкавшій къ ней крытый балконъ.

Огромная зала была отдѣлана въ строгомъ стилѣ „Ампиръ"; общій тонъ былъ палевый съ еле замѣтной позолотой. Все въ ней было парадно и красиво. Стильная мебель, — характерные, съ овальными сплошными спинками и ручками диваны, легкія банкетки, кресла и изящные стулья были изъ свѣтлаго клена съ позолотой и обивкой изъ палеваго оттѣнка шелковой матеріи съ золотымъ узоромъ строгаго стильнаго рисунка. Въ углу стоялъ передъ однимъ изъ дивановъ около окна большой круглый столъ изъ розоватаго мрамора, надъ которымъ висѣла картина Судковскаго, а у внутренней стѣны находился рояль Блютнера, спеціально заказанный мною для нашей залы, изъ того же бѣлаго клена. Надъ нимъ висѣла картина Лагоріо съ Венеціанскимъ видомъ. Чрезвычайно красивыми казались сами стѣны, съ глянцевитымъ, подъ розоватый мраморъ, „стюккомъ" и стильными колоннами.

Малая, т. н. „угловая" гостиная была вся отдѣлана въ стилѣ Людовика XV.

Другая гостиная — большая, служившая вмѣстѣ съ тѣмъ моей женѣ будуаромъ, была выдержана въ стилѣ Людовика XVI. Благодаря мастерству и природному таланту архитекто-

ра Щербачева, недаромъ бывшаго одимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ академика Бенуа, будуаръ этотъ въ общемъ имѣлъ чрезвычайно парадный, красивый и уютный видъ. Онъ былъ отдѣланъ весь въ розоватыхъ тонахъ, — въ особенности хороши были обои (изъ Парижа полученные), шелковистаго вида съ тонкими гирляндами небольшихъ розочекъ. Много въ этой гостиной-будуарѣ въ свое время перебывало на пріемахъ у Губернской Предводительши разнаго рода гостей и добрыхъ знакомыхъ. Немало порѣзвилась въ этой комнатѣ и дѣтвора — своя и чужая...

Изъ залы былъ выходъ на балконъ. На бумагѣ рѣшительно невозможно пересказать всю красоту этого балкона и описать тотъ исключительный по живописности видъ, который раскрывался передъ нимъ на огромную ширь Волги, съ проходившими по ней безчисленными пароходами, и на всю ея зарѣчную Жигулевскую темно-гористую даль. Пріятно было, сидя на этомъ балконѣ, любоваться расположеннымъ на противоположномъ Волжскомъ берегу Рождественскимъ имѣніемъ, столь дорогимъ для насъ съ Анютой по воспоминаніямъ. Даже осязать руками всѣ эти балюстрады, колонны и стѣны, сложенныя изъ камня Рождественскихъ же Жигулей...

Много этотъ балконъ за нашу самарскую жизнь перевидалъ всяческаго народа, не мало слышалъ онъ всевозможныхъ бесѣдъ. Съ балкономъ этимъ связаны у меня и другія воспоминанія.

Въ смутные дни революціоннаго октября 1905 года я игралъ со своей милой дѣтворой наверху въ залѣ, и вышелъ на балконъ отдохнуть и освѣжиться. Не успѣлъ я встать у одной изъ боковыхъ колоннъ, какъ послышались изъ сосѣдняго Струковскаго сада одинъ за другимъ три выстрѣла. Пули просвистѣли мимо меня. Я отошелъ, перекрестился, вернулся къ своимъ ребятишкамъ и съ особой радостью поднялъ съ ними забавную возню. Могло бы быть хуже! Это могло кончиться трагически. Встаетъ въ памяти и водевиль въ связи все съ той же революціонной эпохой 1905 —1906 г. г. Въ поздній лѣтній вечеръ 1906 года, послѣ одного изъ засѣданій, сидѣла наша предводительская кампанія на томъ же балконѣ. Несмотря на царствовавшій въ то время въ Самарѣ терроръ, жертвами котораго только что пали нашъ губернаторъ Блокъ и жандармскій полковникъ Бобровъ, мы — предводители, держали себя бодро. Тревожная обстановка лишь содѣйствовала нашему большему сближенію и служебной дружбѣ. Была чудная ночь. Засидѣлись мы на балконѣ, бесѣдовали и угощались крюшономъ, который дѣлали сами, отпустивъ за позднимъ временемъ прислугу. Кто-то изъ насъ выкинулъ съ балкона на улицу плохой апельсинъ. Занималась утренняя заря. Пора было расходиться. И вдругъ съ нашего балкона увидали мы кучку городовыхъ, осторожно, не безъ опаски подкрадывавшихся къ лежавшему на улицѣ небольшому кругленькому предмету. Видимо ихъ служебное вниманіе привлекъ нашъ гнилой апельсинъ. Надо впрочемъ оговориться, что въ описываемое время на меня то и дѣло готовились покушенія, о чемъ, само собой, знала мѣстная полиція, чѣмъ и объясняется ея служебное рвеніе.

Какъ я ранѣе упоминалъ, изъ женинаго будуара дверь вела въ нашу спальню — большую высокую комнату, съ обоями и портьерами свѣтлаго цвѣта и мебелью изъ великолѣпнаго бѣлаго клена. Въ ней было три окна, из которыхъ два выходили на дворцовый проѣздъ, а третье на балконъ, примыкавшій къ гостиной. Дальше по корридору были двѣ дѣтскія комнаты, съ ихъ кроватками, веселыми занавѣсками и игрушками, а еще дальше — огромная, солнечная игральная или „классная" комната. Рядомъ съ ней была комната воспитательницы всѣхъ нашихъ дѣтокъ, почтенной мадамъ Дюбюргэ. Я былъ еще юнымъ мальчикомъ, когда встрѣтилъ ее въ семьѣ Бѣляковыхъ въ Симбирскѣ, гдѣ она была гувернанткой при моей кузинѣ и сверстницѣ — Манѣ. Затѣмъ она жила долгое время у кн. Трубецкихъ въ Москвѣ. Въ 1906 году мадамъ поступила къ намъ, и почти 14 лѣтъ прожила съ нами, какъ самый близкій членъ семьи. Она питала самую искреннюю любовь къ нашимъ дѣткамъ и, по мѣрѣ ихъ подрастанія, по очереди занималась со всѣми шестерыми.

Въ описываемое время мадамъ Дюбюргэ представляла собой высокую, сутулую, сѣдую старуху съ красивыми, правильными чертами энергичнаго лица.

Заботливая, добрая, но вмѣстѣ съ тѣмъ, строгая, она отлично справлялась со всѣми своими воспитанниками. Лѣтомъ пріучала ихъ любить природу и землю, своимъ примѣромъ показывая дѣтямъ, какъ надо ходить за садомъ, и особенно за ея любимыми цвѣтами. Ей и ея маленькому пансіону я предоставилъ въ нашемъ Головкинскомъ саду цѣлый уголъ. За нѣсколько лѣтъ онъ сталъ неузнаваемъ: появились великолѣпныя клумбы цвѣтовъ, зацвѣли рѣдкіе сорта розъ, флокусовъ и пр. Всегда можно было видѣть почтенную мадамъ, съ головой, прикрытой огромной соломенной шляпой, въ ея саду, усердно работающей надъ своими грядками и клумбами, окружавшими ея любимую зеленую, обвитую ипомеей, бесѣдочку, гдѣ она, въ тѣни березъ, акацій и вязовъ, занималась съ дѣтьми и читала имъ вслухъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ

СОДЕРЖАНІЕ

Предисловіе

Часть I (главы 1 — 15)
Дѣтство. Гимназичество. Село Головкино.
стр. 1 — 69

Часть II (главы 16 — 19)
Студенчество. Университетъ. Москва.
стр. 70 — 134

Часть III (главы 20 — 39)
Земское начальничество. Ставрополь. Новый Буянъ. Семья Ушковыхъ. Самарское общество.
стр. 135 — 247

Часть IV (главы 40 — 55)
Земство. Избраніе въ составъ Самарской Земской Управы. Семейное горе. Женитьба. Заграничное путешествіе. Устройство головкинскихъ дѣлъ. Самара. Управленіе ушковскими имѣніями. Заболѣваніе. Крымъ. Форосъ. Черноморская поѣздка. Объѣздъ юга Россіи. Возвратъ въ Головкино. Хозяйство. Жизнь въ деревнѣ.
стр. 248 — 325

Часть V (главы 56 — 66)
Уѣздное предводительство. Уѣздные чины. Училищное дѣло. Комитетъ о сельскохозяйственныхъ нуждахъ. Воинскіе наборы. Смерть отца. Рожденіе сына Александра. Картины головкинской жизни. Домъ. Зимній день. Малиновъ лѣсъ. Лосиныя охоты. Яхта „Сирена". Личный составъ предводителей и депутатовъ. Домъ дворянства. Сословная дѣятельность. Японская война. Общественныя настроенія. Пріѣздъ Государя въ Самару. Оппозиціонные круги земства. Январское Земское Собраніе 1905 года. Іюньское Дворянское Собраніе 1905 года. Губернаторъ Засядко. Избраніе меня Губернскимъ Предводителемъ. Новоизбранные сотрудники. Вступленіе въ должность. Самарскій домъ.
стр. 326 — 377